

67.621

А47

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ

ОТ РЮРИКА
ДО НИКОЛАЯ II

КНИГА II

1094434

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
"РУССКАЯ РАЗВЕДКА"

МОСКВА
1998

ББК 63.3(2)
А 47

ЗАО "Издательский дом «Русская разведка»
выражает благодарность
ОАО «ГазСибконтракт», АКБ «Фора-Банк»
и АКБ «Межрегиональный Инвестиционный Банк»
за поддержку в издании книги.

А 47 Алексеев Михаил. Военная разведка России от Юрия
до Николая II. Книга II. — М.: Издательский дом «Русская
разведка», ИИА «Евразия+», 1998. — 608 с., ил.

ISBN 5-88528-190-4 (кн. II)
ISBN 5-88528-189-0

В Книге II всесторонне отражен короткий, но очень насыщенный период истории военной разведки и дипломатии России — от окончания русско-японской войны 1904—1905 годов до начала Первой мировой войны. Автор приводит многочисленные недоступные ранее или малоизвестные источники, раскрывающие деятельность отечественной военной разведки, проливающие новый свет на историю балканских войн, на драматическое развитие событий, которое привело Россию к войне с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками.

А 0505000000 — 008
56 М(03) — 98

ББК 63.3(2)

ISBN 5-88528-190-4

9 785885 281904

© Алексеев Михаил, 1998, текст
© Издательский дом
«Русская разведка», 1998
© ИИА «Евразия+», 1998,
оформление

БЕЛГОРОДСКИЙ

Военным разведчикам
России посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Объективные условия строительства русской военной агентурной разведки в 1905-1914 годах представляли собой совокупность материальных возможностей и реальных обстоятельств, которые независимо от сознания и воли людей активно воздействовали на ход разведывательной деятельности и ее конечный результат, отражали все позитивные и негативные процессы, протекавшие в стране, что выявило сущность военной агентурной разведки, указывало на подчиненность ее развития объективным законам истории.

Вместе с тем, поскольку агентурная разведка лежит прежде всего в области межличностных отношений, здесь особенно ярко проявлялись субъективные моменты: личные интересы и мотивы, индивидуальные системы духовных ценностей руководителей страны и разведки, самих разведчиков и агентов, а также противодействовавших иностранных спецслужб. Субъективные факторы находили свое выражение в степени познания участниками событий объективных условий и законов ведения вооруженной борьбы, а также обеспечения этой борьбы агентурной разведкой. В осознании высшим политическим и военным руководством ее роли и задач в защите национальной безопасности и интересов страны, в степени эффективности деятельности органов управления, сил и средств разведки, в отношении субъектов разведывательной деятельности к выполнению своего долга, в их организованности, уровне профессиональной подготовки и т.д. Совокупность указанных объективных и субъективных факторов и определила развитие русской военной агентурной разведки перед Первой Мировой войной.

В это время наше Отечество проходило через труднейший кризис, противоречивый период ломки старой государственной системы, потерпевшей тяжелое военное, политическое и, в своей основе, структурное экономическое поражение от Японии. Следствием поражения в русско-японской войне явилось умаление роли Российской империи, подрыв ее престижа на мировой арене, потеря части национальной территории, резкое снижение военного потенциала. Россия теряла одних союзников и приобретала других, чье союзничество определялось их собственными конъюнктурными соображениями или временным совпадением интересов.

Внутриполитическая обстановка этого периода характеризовалась социально-экономической напряженностью, которая привела к револю-

ционными выступлениями 1905-1907 гг. В условиях финансового и экономического кризиса были проведены военные реформы (1905-1912 гг.), ставившие своей целью создать в России мощные армию и флот, способные адекватно ответить на внешние угрозы безопасности страны. В рамках военных реформ осуществлялась и реорганизация военной разведки, направленная на создание отвечающих новым требованиям центральных и периферийных органов разведки и наделение их соответствующими силами и средствами.

Эти годы непосредственно предшествовали Первой мировой войне, которая не имела себе равных в истории как по целям и масштабам вооруженной борьбы, так и по ее последствиям особенно для нашей страны — коренному перелому в судьбе народа и государственности России.

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

1.1. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ АРМИИ В РАМКАХ ВОЕННЫХ РЕФОРМ 1905—1912 гг.

Русская военная агентурная разведка на протяжении всей своей истории, добывая сведения о существующих и потенциальных внешних военных угрозах, об условиях ведения военных действий и о реальном противнике, участвовала в формировании взглядов высшего политического и военного руководства на характер будущей войны, обеспечивала разведывательной информацией выработку военно-политического курса и принятие решений на непосредственное применение армии и флота в обороне России и в других вооруженных столкновениях. Но одновременно она была и частью вооруженных сил, поэтому важнейшие государственные решения в военной области, в свою очередь, оказывали прямое влияние на ее роль и место в системе обороны страны, а также на ее организацию, состав сил и средств, направления сосредоточения усилий.

К началу XX века утвердилась новая система факторов, существование и повлиявших на содержание и характер формируемой военной политики. Международные реалии, сложившиеся к этому моменту, поражение России в войне с Японией — 29 янв. (9 февр.) 1904 г. — 23 авг. (5 сент.) 1905 г. — русская революция и произведенные ею политические изменения не могли пройти бесследно для российской армии. Она нуждалась в кардинальной реформе. Вся военная политика России требовала серьезных корректировок и комплексного обновления.

Международная обстановка начала двадцатого столетия характеризовалась нарастанием борьбы между наиболее развитыми государствами. Россия одной из первых втянулась в прямое вооруженное столкновение, вылившееся в русско-японскую войну 1904—1905 гг. Разрушилось представление о русской военной мощи, являвшейся одним из главных компонентов равновесия в мире. Поражение в войне значительно поколебало и ее международные позиции. Для восстановления утраченного престижа России надо было решительно проводить крупные преобразования, в первую очередь перестраивать свою военную систему путем проведения военной реформы.

В 1905—1907 гг. происходила коренная перегруппировка сил вокруг двух главных соперников — Англии и Германии. Ослабленной поражением в войне России было все труднее проводить прежнюю политику. В основе ее лежали, во-первых, союз с Францией, заключенный в

1891 — 1893 гг., который позволял России играть самостоятельную роль и использовать франко-германские противоречия. Во-вторых, равноудаленность от Берлина и Лондона, предоставлявшая возможность поддерживать стабильность в отношениях с обеими державами. В-третьих, временное соглашение с Австро-Венгрией на Балканах способствовало поддержанию равновесия в этом регионе и осуществлению реформ в европейских владениях Турции. Политический девиз Министерства иностранных дел во главе с В.Н.Ламсдорфом звучал в это время следующим образом: *"Ни Германия, ни Англия"* [1].

Основой для проведения независимого от Германии и Англии курса по-прежнему считался союз с Францией, сохранявший в глазах русского правительства свое политическое, военное и финансовое значение. Франция являлась союзницей и главным кредитором России. Она испытывала значительное беспокойство отвлечением вооруженных сил России на Дальний Восток.

Франция была заинтересована в усилении военной мощи России. Еще в октябре 1905 г. начальник французского генерального штаба Ж.Бренд признавал, что *"в случае нападения Германии, французской армии пришлось бы отступить до Сены и Оби, и так будет до тех пор, пока русская военная мощь не окажется восстановленной"* [2]. В связи с этим считалось чрезвычайно важным следить за восстановлением военной мощи России в Европе, содействуя его возможному ускорению. Сами финансовые отношения двух государств представлялись взаимовыгодными. Безусловно, Франция стремилась достичь наиболее предпочтительных для себя условий. Однако российское правительство, привыкшее к другой, более равной расстановке сил в союзе, рассматривало свое ослабление как временное явление. Все это подталкивало Россию к укреплению военной мощи, а следовательно, и к реформе военной системы как единственной возможности вернуть утраченные позиции.

В этот период Германия безуспешно пытается расколоть франко-русский союз. Кайзер Вильгельм II активно стал искать сближения с русским царем. Кульминацией сотрудничества явилось свидание двух императоров 24 июля 1905 г. в Бьерке и подписание там союзного договора. Он представлял собой основание для создания нового континентального союза трех ведущих государств: Германии, России и Франции. При этом предусматривалось, что с начала первые две державы тайно подписывают договор, а потом Россия побуждает Францию присоединиться к союзу. Однако расторгнуть русско-французские отношения Германии не удалось. Россия отказалась от обязательств, данных в Бьерке. Кайзер, потерпев дипломатическое поражение, не смог его забыть и простить. При таких условиях Россия стала быстро отдаляться от Германии и еще теснее смыкаться с Францией.

В это же время начался процесс сближения России с Англией. По английскому замыслу сближение с Россией, в первую очередь, создавало почву для антигерманской коалиции в целях противостояния на Ближнем Востоке и Средней Азии. Царское правительство понимало, что неудачи России в войне на Дальнем Востоке и внутренние потрясения влияют на доверие к силе русского союзника. В свою очередь, Франция стремилась перед лицом германской угрозы обеспечить себе сближение с Англией. Еще в 1904 г. между ними был подписан союзный договор, послуживший основой для нового международного союза — Антанты. Военные ведомства двух западных государств наметили совместные меры, чтобы укрепить двойственный союз и привлечь к участию в нем Россию. Для этого необходимо было, во-первых, восстановить военную мощь и внутреннее спокойствие в России, во-вторых, урегулировать ее отношения с Англией.

Международная обстановка складывалась в пользу англо-русского соглашения. Англия в союзе с Францией настойчиво подталкивала русское правительство к необходимости проведения военных реформ, в результате которых русские вооруженные силы смогли бы противостоять германским на восточном фронте. Это значительно облегчило бы действия войск союзников в будущей войне. Действительное же положение русской армии не отвечало этим требованиям.

Подтвердилось это на совещаниях начальников русского и французского генеральных штабов в 1906 г. В ходе переговоров с 8 по 21 апреля рассматривался вопрос об уточнении военной конвенции. Французская сторона исходила из оценки состояния России. Она сводилась к следующему: Россия не имеет возможности на какое-то время выполнить свои обязательства по конвенции. Поэтому одной из главных задач, стоящих перед Россией, по оценке Франции, было: ограничение и по возможности сокращение периода, в течение которого русская армия будет не способна выполнять обязательства. Из протокола встречи следовало, что основные положения конвенции о задачах совместной борьбы против германской угрозы совпадают. Но отчетливо проявились разные степени готовности вооруженных сил к выполнению основных пунктов конвенции. Если начальник французского генерального штаба Ж.Бренд указал дислокацию французской армии и подтвердил готовность ее к наступательным действиям, то Ф.Ф.Палладин ничего определенного доложить не мог. Он высказал общие соображения о состоянии вооруженных сил и перспективах воссоздания их мощи. Общий вывод был неутешительным. Если войска первого стратегического эшелона были не совсем готовы к боевым действиям, то остальные составные части военной организации были в полном расстройстве.

Поражение в войне скомпрометировало военную мощь России и подорвало ее позиции на Дальнем Востоке. Уменьшилось ее влияние в

Европе, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В то же время определены главные задачи российского правительства. В первую очередь они заключались в обеспечении внешнего спокойствия империи. Добиться этого можно было только с помощью значительных перемен. Прежде всего они должны были касаться военной системы государства. Необходимо было провести ее крупную реорганизацию. Для этого нужны были время и средства. Премьер-министр С.Ю. Витте полагал, что *"России необходим мир и внешний покой по меньшей мере на 20—25 лет, в течение которых она сконцентрировала бы усилия на внешнем устройстве и восстановлении военного потенциала"* [3]. Но история не отпустила и половины этого срока.

Одной из важнейших причин, также побуждавших российское правительство приступить к проведению военных реформ, являлось усиление внутривластных противоречий в России. Они выразились в первой русской революции 1905—1907 гг. [4]. Спустя три недели после падения Порт-Артура, на рубеже 1904—1905 гг. начались революционные выступления. Это был один из поворотных моментов в истории России. Рушилось привычное представление о царской военной мощи, как оказалось, неспособной не только добиваться успехов за пределами государства, но и решительно выполнять внутреннюю функцию — защиту правящего режима.

В связи с вышесказанным, начиная с 1905 г., в России проводится ряд коренных преобразований, получивших название военных реформ 1905—1912 годов. В период их проведения произошли серьезные изменения в области военной политики. С конца 1905 г. стали предприниматься попытки вырабатывать военную политику на принципиально новой основе.

После обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. в стране формируется собственный парламент — Государственная Дума — законодательное учреждение с ограниченными правами. Дума рассматривала законопроекты, которые затем обсуждались в Государственном Совете (20 февраля 1906 г. был преобразован во вторую верхнюю законодательную палату с правом вето на решения Государственной Думы) и утверждались царем. Хотя Манифест 17 октября 1905 г. не привел к преращению самодержавной монархии в Россию в конституционную, новое государственное образование начинает настойчиво требовать вовлечения вопросов военной политики в свою компетенцию. На страницах практически всех органов печати, являвшихся рупорами различных политических движений, стали появляться многочисленные статьи на военные темы. Так, газета "Военный голос" помещала на своих страницах различные проекты усиления армии [5].

Однако на первых порах прерогатива выработки военной политики оставалась у царского правительства. Только с открытием Третьей

Государственной Думы 1 ноября 1907 г. этот вопрос вновь стал обсуждаться, в ее стенах. 8 ноября фракция октябристов внесла заявление об образовании комиссии по государственной обороне, уже 10 ноября Дума постановила избрать комиссию, а 15 ноября комиссия была избрана в составе 37 членов, А.М. Гучков был избран председателем. В дальнейшем военные вопросы занимали в Думе значительное место. *"Я должен констатировать, — вспоминал генерал Лукомский, — что за время работы III, IV Государственной Думы ни одно из представлений Военного министерства, касавшихся улучшения боеспособности армии и обороны страны, не было отклонено. Государственная Дума на вопросы, касающиеся обороны страны, обращала самое серьезное внимание и неоднократно, по соглашению с комиссией обороны, нами вносились в Думу такие представления, о проведении которых в жизнь без участия Государственной Думы нельзя было и думать, т.к. они вызвали значительные расходы, на которые министерство финансов затруднялось бы дать согласие"* [6].

Именно в эти годы развернулась большая дискуссия о необходимости выработки единой военной доктрины, как системы официальных взглядов и положений, устанавливающей направление военного строительства, подготовки страны и вооруженных сил к войне, способы и формы ее ведения.

Первая попытка подойти к выработке военной доктрины была осуществлена на Особом совещании (Особые совещания создавались временно для рассмотрения крупных государственных вопросов, в том числе и строительства вооруженных сил. Особое совещание подчинялось верховной власти — примеч. автора), которое проводилось с 8 мая 1905 г. Уже на втором заседании 9-го мая совещание приступило к выработке общего плана обороны государства. Выяснились различные взгляды. Наиболее четкую позицию имел военный министр А.Ф. Редигер. Он докладывал участникам совещания что *"... только при наличии согласованных планов военного и морского ведомств можно правильно осветить и выяснить нужды и потребности государственной обороны, наметить ближайшие и более отдаленные задачи в развитии вооруженных сил и определить, в зависимости от степени их настоятельности, последовательность мероприятий в военном и морском ведомствах по усилению боевой готовности"* [7].

Ко времени заседания Особого совещания (14 мая 1905 г.) завершалась работа над "Положением о Совете Государственной Обороны" — нового коллегиального органа по выработке военной политики, взгляды на функции которого были далеко не едины. Военный министр представлял его как рабочий орган, действовавший постоянно и во всех деталях направлявший согласованную по единому плану работу всего государственного аппарата по усилению военного могущества России. Исходя

из этого, он настаивал придать СГО следующие функции: "а) установление общего плана обороны государства соответственно политической обстановке и объединение в этом отношении соображений и подготовительных работ военного, морского, а равно и других министерств; б) рассмотрение планов мероприятий по усилению обороны государства по военной и морской частям, составляемых военным и морским министерствами на ближайшие периоды времени, а равно и дополнение и изменение сих планов по мере надобности; в) рассмотрение этих требований, кои для усиления обороны государства должны быть представлены и к другим министерствам;... е) наблюдение за исполнением высочайше утвержденных предложений по усилению обороны государства" [8]. Предложения, выдвинутые А.Ф.Редигером, были наиболее целесообразными и отвечали реалиям сложившейся обстановки. Но эта программа была встречена резко отрицательно большей частью Особого совещания, которое признало необходимым учреждение СГО, однако сочло единственно допустимым оставить лишь "право совета на возбуждение вопросов о предоставлении своих соображений на высочайшее воззрение должно быть расширено и распространено на все ведомства".

9 июня именным высочайшим указом Правительствующему Сенату Великий князь Николай Николаевич был назначен председателем СГО и был утвержден текст "Положения", получивший силу закона [9]. Председатель Совета согласно "Положению" имел личный доклад у Государя, а по делам Совета мог обращаться к министрам с запросами; министры же — военный, морской и иностранных дел — должны были своевременно извещать его о важнейших начинаниях и предложениях, имеющих связь с государственной обороной. Совет, помимо председателя, должен был состоять из шести постоянных членов, назначаемых ежегодно 1 января, и непременных членов по занимаемым должностям, к которым были отнесены: военный министр, управляющий морским министерством, начальники главного и главного морского штабов и генерал-инспекторы; на правах непостоянных членов, кроме того, могли быть приглашаемы министры и высшие начальники армии и флота.

Таким образом, создание СГО по замыслу своему должно было обеспечить более качественное решение важнейших вопросов выработки военной доктрины и всей военной политики. Но непонимание всей значимости стоящих перспективных задач большинством членов СГО привело к тому, что данный высший орган превратился в еще одну бюрократическую структуру управления армией и флотом. Круг вопросов, рассматриваемых СГО в течение 1905 — 1908 гг., т.е. в период его существования, редко выходил за рамки военного ведомства.

Первоначально многочисленные проекты и программы, представляемые в СГО, ограничивались только преобразованиями внутри армии.

Уже в одном из первых документов, "Проекте организации русской армии, составленном членами специально созданной комиссии в составе генерала от инфантерии Газенкампа, генерал-лейтенанта Дубасова и генерал-майоров Алексеева и Борисова" от 6 октября 1907 г. отмечалось, что "в вопросе о количестве и качестве своих вооруженных сил Россия должна сообразоваться не с тем или иным финансовым положением страны, не с тем или иным временным затруднением, в котором она находится, а исключительно с ее политическим значением, приобретенным тысячелетним существованием" [10].

Затем Главное Управление Генерального штаба представило доклад за подписью его начальника генерал-лейтенанта Ф.Ф.Павлюшина "Программа развития и реформ сухопутных вооруженных сил России" от 22 декабря 1907 г. [11]. В свою очередь, главный штаб, конкурируя с ГУГШ, представил свой доклад "О преобразовании нашей армии" от 25 февраля 1908 г. В этих проектах только намечались основные направления новой военной доктрины. Но уже настоятельно ощущалась необходимость выработки более широкой программы обороны государства на основе единой концепции. Во второй половине марта состоялось шесть заседаний СГО. В его работе, помимо постоянных членов, принимали участие семь командующих военными округами, председатель Совета Министров П.А.Столыпин, руководители важнейших министерств, в том числе иностранных дел и финансов, Государственный контролер и другие. Столыпин довел до сведения всех участников требование царя о выработке общего плана обороны государства. "Общий план обороны государства, — гласила Высочайшая резолюция, — должен быть выработан короткий и ясный — на одно или два десятилетия. По его утверждению, он должен быть неуклонно, последовательно приведен в исполнение". Как показывают источники, выступление Столыпина явилось отправной точкой для работы над созданием такого плана.

22 августа 1908 г. начальником Генерального штаба Ф.Ф.Павлюшиным и генерал-квартирмейстером ГУГШ генерал-майором А.В.Алексеевым был представлен расширенный и переработанный "Доклад о мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие" [12]. Именно этот доклад во многом определил дальнейшее развитие вооруженных сил России, характер военной реформы, и явился основой для выработки последующих документов. В нем была дана оценка международного положения, проанализирован и определен состав будущих враждебных лагерей, приведена численность вооруженных сил, которые они в состоянии выставить, рассмотрен характер возможной войны и намечены мероприятия по подготовке к ней страны и вооруженных сил. Так, относительно характера возможной войны в докладе отмечалось, "что современная большая война не может быть простым единоборством двух соперников, а всегда будет иметь

характер коалиционный (явный или скрытый), вытекающий из общего политического положения государства... Русско-японская война 1904—1905 гг. внесла серьезные изменения и осложнения в общее политическое положение. В переживаемую нами эпоху истории человечества война между двумя могущественными государствами задает так или иначе все большие государства и неизбежно нарушает общее международное равновесие" [13].

Оценка международного положения и выводы, сделанные на ее основе в докладе, базировались на заключениях министерства иностранных дел. Так, делалась прямая ссылка на выступления министра А.П.Извольского, который говорил: "В течение предстоящих 10—15 лет в Европе должны назреть и, быть может, разрешиться мировые вопросы, как например Австрийский и Турецкий, и в этих вопросах Россия должна иметь сильный голос... Если мы не примем никакого участия в разрешении событий на Балканском полуострове или в Австрии, то нас вычеркнут из ряда великих держав" [14].

В соответствии с этим определялось, что главнейшим фактором международной жизни, способным оказать наиболее серьезное влияние на судьбу России, по-прежнему остается Тройственный союз и в особенности отношения России с главными его членами — Германией и Австро-Венгрией. Указывалось, что "Германия и Австрия в состоянии в самом корне пошатнуть наше государственное существование, и это вынуждает прежде всего приурочить нашу военную мощь к силам упомянутых держав". В то же время отмечался факт зарождения на Дальнем Востоке "молодой, воинственной, энергичной державы, жаждущей деятельности и завоеваний". Это, по мнению Палыцына и Алексеева, обязывало принять особые меры для защиты азиатских владений, исходя из оценки военных сил Японии и Китая. Делался вывод, что "в ближайшее время за отсутствием морских средств обороны, за невозможностью осуществить обширные мероприятия по упрочению нашего военного положения Россия не способна на успешное ведение одновременной борьбы в Европе и Азии. Важнейшей задачей всей нашей политики является устранение возможности такого тяжчайшего случая ведения борьбы". В дальнейшем указывалось, что "политика не всегда сумеет создать более благоприятную обстановку. Поэтому идеалом всей нашей подготовки нужно считать способность к одновременной борьбе с шансами на успех с державами Тройственного Союза и на Дальнем Востоке" [15]. В заключение говорилось, что "из этой характеристики общего политического положения можно сделать вывод, насколько это допустимо в пределах человеческого предвидения, что в течение ближайших 10—20 лет наиболее вероятно столкновение России с державами Тройственного Союза, к которому в той или иной мере примкнут Румыния и, может быть, Швеция и Турция. В силу ныне су-

ществующих обстоятельств, в борьбе этой должна, в качестве нашего союзника, принять участие Франция".

Исходя из оценки политической обстановки, в программе давался подробный анализ состояния вооруженных сил России в сравнении с вооруженными силами возможных противников и намечалась серия мероприятий по усилению военной мощи государства в течение ряда лет. Программа указывала, что "Россия не только не может воевать одновременно на двух театрах, но фактически не может противостоять при существующем состоянии армии натиску Германии и Австро-Венгрии с их союзниками". Учитывая, что часть русских сил будет прикована к Кавказскому району, Туркестану, а главное к Дальнему Востоку, составители доклада пришли к заключению, что даже при условии, когда Германия большую часть своей армии бросит против Франции, Россия не сможет противопоставить достаточное количество дивизий численности выставляемых против нее австро-венгерских, турецких и других войск. Кроме того, при отсутствии Балтийского флота определенное количество войск будет приковано к побережью для прикрытия Петербурга, а при слабом состоянии Черноморского флота для защиты берегов также потребуются сухопутные войска.

Доклад устанавливал три вида мероприятий по усилению военной мощи российского государства. Первый из них говорил о необходимости удовлетворения насущных нужд армии, о ликвидации последствий русско-японской войны и восстановлении боеспособности армии. Второй вид мероприятий предусматривал проведение на основе опыта русско-японской войны реорганизации сухопутных сил, усиление кадров мирного времени, улучшение и увеличение вооружения.

Третья группа мероприятий представлялась в виде коренных реформ военного устройства, которые требовали продолжительного времени и были связаны с общими вопросами государственной жизни России, с развитием экономики, с подъемом культуры и науки. Они требовали огромных средств на свое осуществление, но зато, как подчеркивал доклад, в результате их проведения "государство может выйти на путь широкой, активной политики, т. е. важнейшее оружие политики, вооруженная сила государства, приобретает мощь, соответствующую мировому значению России и ее историческим задачам". Эти меры включали воссоздание больших флотов на Балтийском море и Тихом океане, обеспечение армии в больших объемах тяжелой артиллерией, новой инженерной и воздухоплавательной техникой. Предусматривалось также проведение реформы военно-учебных заведений в соответствии с новыми потребностями в офицерских кадрах и их качеством. Предполагалось осуществить переход к территориальной системе комплектования и целый ряд других мероприятий, которые можно начать частично в 1908—1909 гг. с тем, чтобы распределить их на 10—20 лет равномер-

но, без излишнего напряжения финансовых ресурсов России. Этими мероприятиями предусматривалось иметь в России армию численностью равной численности армии вероятных противников (1 проц. от общего числа населения).

Таким образом, составители доклада Палицын и Алексеев гарантировали, что в случае успешного проведения этих реформ внешнеполитический курс России будет подкреплён военной мощью государства. Впервые за последние десятилетия был выработан подробный план обороны государства, который мог стать основой для выработки военной доктрины России. Однако летом 1908 г. были проведены очередные перестановки в высшем военном управлении. Раскритиком царя от 26 июля Великий князь Николай Николаевич был освобождён с поста Председателя Совета Государственной обороны. Практически СГО прекратил свою работу, хотя официально был упразднён лишь 12 августа 1909 г. [16]. Вместо Ф. Ф. Палицына на пост начальника ГУГШ 2 декабря 1908 г. назначается генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов. Вскоре происходит и смена военного министра. Вместо уволенного в отставку А. Ф. Редигера 11 марта 1909 г. военным министром становится все тот же Сухомлинов. Но кардинальных изменений это не вызвало. Военное министерство претворяло в жизнь по частям то, что ранее в различных вариантах уже предлагалось. Более того, в документах за подписью Сухомлинова в течение всего периода 1909—1912 гг. в основном повторялись положения доклада Ф. Ф. Палицына и А. В. Алексеева. Показательным является обширный доклад, уже подписанный Сухомлиновым "О мерах по Государственной обороне". По форме и содержанию он мало отличается от программы Палицына и Алексеева. Относительно вероятных противников делался вывод, что "по общей политической обстановке, наиболее тяжёлой и грозной, по своим последствиям, является вооружённая борьба с Германией, Австро-Венгрией и Румынией" [17]. При сопоставлении данных о численности и возможностях вооружённых сил главных государств отмечалось, что "нижеследующие данные выясняют сравнительную нашу отсталость в подготовке к войне".

Новым в программе Сухомлинова явилась некоторая осторожность в отношении основного союзника, Франции. Хотя в череде многочисленных встреч начальников генеральных штабов России и Франции всячески подчёркивались единые усилия по борьбе с Германией, в первую очередь, в докладе отмечалось: "Оценивая наше международное положение правильно будет остановиться на выводе, что в возможной будущей войне нам прежде всего надлежит рассчитывать на свои силы" [18]. По-прежнему характер будущей войны представлялся как коалиционный. Также предполагалось, что участь современной войны определится результатами первых столкновений, при этом весьма решающим фактором будут качество и быстрота мобилизации войск. Соответственно и готовились к кратковремен-

ной войне. В частности указывалось, "что армия во время войны может вполне рассчитывать лишь на запасы, собранные во время мира и на те средства, которые можно приобрести в собственных пределах".

В докладе во многом повторялись и положения о необходимости реорганизации вооружённых сил. "Столь тяжёлая обстановка, — доносил Сухомлинов, — в связи с отмеченными выше недочётами современного устройства наших вооружённых сил и подготовки пограничной полосы, требует реорганизации армии на основах ее усиления и упрочения, изменения ее дислокации, порядка ее комплектования и усовершенствований в области инженерной подготовки".

Высшее военное руководство все отчетливее стало осознавать, что вопросы военной политики не могут решаться лишь военным ведомством. Исходя из этого с 1909 г. для ее выработки была сделана попытка привлечь почти все гражданские министерства. Подтверждением тому является составленный канцелярией Совета Министров России "Свод отзывов гражданских ведомств о плане Государственной обороны". В этом обширном документе на основании резолюции царя представлены соображения от всех министерств и ведомств по плану государственной обороны. Свои предложения изложили министерства иностранных дел, императорского двора и уделов, финансов, юстиции, торговли и промышленности, путей сообщения, народного просвещения, внутренних дел, Главное управление почт и телеграфов, Управление по делам местного хозяйства, Департамент полиции и общих дел, главноуправляющий землеустройством и земледелием, Ведомство православного исповедования и др. Практически все ведомства с пониманием восприняли эту важную задачу и высказали ряд дельных предложений по выработке единых действий на ближайшее десятилетие в области укрепления военного могущества России. Вместе с тем большинство из них указывали на то, что претворение в жизнь предложений невозможно без дополнительных финансовых средств и крупных экономических затрат, которыми данные министерства, к сожалению, не располагают. В последующем попыток привлечь гражданские ведомства к выработке военной политики больше не предпринималось.

Первым из новых органов высшего военного управления, образованным вслед за Советом Государственной Обороны в рамках первого этапа военных реформ 1905—1908 гг., стал самостоятельный Генеральный штаб армии, функции которого выполняло управление 2 генерал-квартирмейстера, входившего в состав главного штаба [19].

Еще в сентябре 1904 года военный министр генерал В. В. Сахаров получил направленные царю две записки. В первой начальник штаба генерал-инспектора кавалерии генерал Ф. Ф. Палицын предлагал по примеру Германии создать самостоятельный орган управления, начальник которого был бы подчинен непосредственно царю и независим от воен-

характер коалиционный (явный или скрытый), вытекающий из общего политического положения государства... Русско-японская война 1904—1905 гг. внесла серьезные изменения и осложнения в общее политическое положение. В переживаемую нами эпоху истории человечества война между двумя могущественными государствами задевает так или иначе все большие государства и неизбежно нарушает общее международное равновесие" [13].

Оценка международного положения и выводы, сделанные на ее основе в докладе, базировались на заключениях министерства иностранных дел. Так, делалась прямая ссылка на выступления министра А.П.Извольского, который говорил: "В течение предстоящих 10—15 лет в Европе должны назреть и, быть может, разрешиться мировые вопросы, как например Австрийский и Турецкий, и в этих вопросах Россия должна иметь сильный голос... Если мы не примем никакого участия в разрешении событий на Балканском полуострове или в Австрии, то нас вычеркнут из ряда великих держав" [14].

В соответствии с этим определялось, что главнейшим фактором международной жизни, способным оказать наиболее серьезное влияние на судьбу России, по-прежнему остается Тройственный союз и в особенности отношения России с главными его членами — Германией и Австро-Венгрией. Указывалось, что "Германия и Австрия в состоянии в самом корне пошатнуть наше государственное существование, и это вынуждает прежде всего приурочить нашу военную мощь к силам упомянутых держав". В то же время отмечался факт зарождения на Дальнем Востоке "молодой, воинственной, энергичной державы, жаждущей деятельности и завоеваний". Это, по мнению Палицына и Алексеева, обязывало принять особые меры для защиты азиатских владений, исходя из оценки военных сил Японии и Китая. Делался вывод, что "в ближайшее время за отсутствием морских средств обороны, за невозможностью осуществить обширные мероприятия по упрочению нашего военного положения Россия не способна на успешное ведение одновременной борьбы в Европе и Азии. Важнейшей задачей всей нашей политики является устранение возможности такого тяжчайшего случая ведения борьбы". В дальнейшем указывалось, что "политика не всегда сумеет создать более благоприятную обстановку. Поэтому идеалом всей нашей подготовки нужно считать способность к одновременной борьбе с шансами на успех с державами Тройственного Союза и на Дальнем Востоке" [15]. В заключение говорилось, что "из этой характеристики общего политического положения можно сделать вывод, насколько это допустимо в пределах человеческого предвидения, что в течение ближайших 10—20 лет наиболее вероятно столкновение России с державами Тройственного Союза, к которому в той или иной мере примкнул Румыния и, может быть, Швеция и Турция. В силу ныне су-

ществующих обстоятельств, в борьбе этой должна, в качестве нашего союзника, принять участие Франция".

Исходя из оценки политической обстановки, в программе давался подробный анализ состояния вооруженных сил России в сравнении с вооруженными силами возможных противников и намечалась серия мероприятий по усилению военной мощи государства в течение ряда лет. Программа указывала, что "Россия не только не может воевать одновременно на двух театрах, но фактически не может противостоять при существующем состоянии армии напisku Германии и Австро-Венгрии с их союзниками". Учитывая, что часть русских сил будет прикована к Кавказскому району, Туркестану, а главное к Дальнему Востоку, составители доклада пришли к заключению, что даже при условии, когда Германия большую часть своей армии бросит против Франции, Россия не сможет противопоставить достаточное количество дивизий численности выставляемых против нее австро-венгерских, турецких и других войск. Кроме того, при отсутствии Балтийского флота определенное количество войск будет приковано к побережью для прикрытия Петербурга, а при слабом состоянии Черноморского флота для защиты берегов также потребуются сухопутные войска.

Доклад устанавливал три вида мероприятий по усилению военной мощи российского государства. Первый из них говорил о необходимости удовлетворения насущных нужд армии, о ликвидации последствий русско-японской войны и восстановлении боеспособности армии. Второй вид мероприятий предусматривал проведение на основе опыта русско-японской войны реорганизации сухопутных сил, усиление кадров мирного времени, улучшение и увеличение вооружения.

Третья группа мероприятий представлялась в виде коренных реформ военного устройства, которые требовали продолжительного времени и были связаны с общими вопросами государственной жизни России, с развитием экономики, с подъемом культуры и науки. Они требовали огромных средств на свое осуществление, но зато, как подчеркивал доклад, в результате их проведения "государство может выйти на путь широкой, активной политики, т.к. важнейшее оружие политики, вооруженная сила государства, приобретает мощь, соответствующую мировому значению России и ее историческим задачам". Эти меры включали воссоздание больших флотов на Балтийском море и Тихом океане, обеспечение армии в больших объемах тяжелой артиллерией, новой инженерной и воздухоплавательной техникой. Предусматривалось также проведение реформы военно-учебных заведений в соответствии с новыми потребностями в офицерских кадрах и их качеством. Предполагалось осуществить переход к территориальной системе комплектования и целый ряд других мероприятий, которые можно начать частично в 1908—1909 гг. с тем, чтобы распределить их на 10—20 лет равномер-

но, без излишнего напряжения финансовых ресурсов России. Этими мероприятиями предусматривалось иметь в России армию численностью равной численности армии вероятных противников (1 проц. от общего числа населения).

Таким образом, составители доклада Палицын и Алексеев гарантировали, что в случае успешного проведения этих реформ внешнеполитический курс России будет подкреплён военной мощью государства. Впервые за последние десятилетия был выработан подробный план обороны государства, который мог стать основой для выработки военной доктрины России. Однако летом 1908 г. были проведены очередные перестановки в высшем военном управлении. Раскриптом царя от 26 июля Великий князь Николай Николаевич был освобождён с поста Председателя Совета Государственной обороны. Практически СГО прекратил свою работу, хотя официально был упразднён лишь 12 августа 1909 г. [16]. Вместо Ф.Ф.Палицына на пост начальника ГУГШ 2 декабря 1908 г. назначается генерал от кавалерии В.А.Сухомлинов. Вскоре происходит и смена военного министра. Вместо уволенного в отставку А.Ф.Редигера 11 марта 1909 г. военным министром становится все тот же Сухомлинов. Но кардинальных изменений это не вызвало. Военное министерство претворяло в жизнь по частям то, что ранее в различных вариантах уже предлагалось. Более того, в документах за подписью Сухомлинова в течение всего периода 1909—1912 гг. в основном повторялись положения доклада Ф.Ф.Палицына и А.В.Алексеева. Показательным является обширный доклад, уже подписанный Сухомлиновым "О мерах по Государственной обороне". По форме и содержанию он мало отличается от программы Палицына и Алексеева. Относительно вероятных противников делался вывод, что "на общей политической обстановке, наиболее тяжёлой и грозной, по своим последствиям, является вооружённая борьба с Германией, Австро-Венгрией и Румынией" [17]. При сопоставлении данных о численности и возможностях вооружённых сил главных государств отмечалось, что "нижеследующие данные выясняют сравнительную нашу отсталость в подготовке к войне".

Новым в программе Сухомлинова явилась некоторая осторожность в отношении основного союзника, Франции. Хотя в череде многочисленных встреч начальников генеральных штабов России и Франции всячески подчеркивались единые усилия по борьбе с Германией, в первую очередь, в докладе отмечалось: "Оценивая наше международное положение правильно будет остановиться на выводе, что в возможной будущей войне нам прежде всего надлежит рассчитывать на свои силы" [18]. По-прежнему характер будущей войны представлялся как коалиционный. Также предполагалось, что участь современной войны определится результатами первых столкновений, при этом весьма решительным фактором будут качество и быстрота мобилизации войск. Соответственно и готовились к кратковремен-

ной войне. В частности указывалось, "что армия во время войны может вполне рассчитывать лишь на запасы, собранные во время мира и на те средства, которые можно приобрести в собственных пределах".

В докладе во многом повторялись и положения о необходимости реорганизации вооружённых сил. "Столь тяжёлая обстановка, — доносил Сухомлинов, — в связи с отмеченными выше недочётами современного устройства наших вооружённых сил и подготовки пограничной полосы, требует реорганизации армии на основах ее усиления и упрочения, изменения ее дислокации, порядка ее комплектования и усовершенствования в области инженерной подготовки".

Высшее военное руководство все отчетливее стало осознавать, что вопросы военной политики не могут решаться лишь военным ведомством. Исходя из этого с 1909 г. для ее выработки была сделана попытка привлечь почти все гражданские министерства. Подтверждением тому является составленный канцелярией Совета Министров России "Свод отзывов гражданских ведомств о плане Государственной обороны". В этом обширном документе на основании резолюции царя представлены соображения от всех министерств и ведомств по плану государственной обороны. Свои предложения изложили министерства иностранных дел, императорского двора и уделов, финансов, юстиции, торговли и промышленности, путей сообщения, народного просвещения, внутренних дел, Главное управление почт и телеграфов, Управление по делам местного хозяйства, Департамент полиции и обиходных дел, главноуправляющий землеустройством и земледелием, Ведомство православного исповедования и др. Практически все ведомства с пониманием восприняли эту важную задачу и высказали ряд дельных предложений по выработке единых действий на ближайшее десятилетие в области укрепления военного могущества России. Вместе с тем большинство из них указывали на то, что претворение в жизнь предложений невозможно без дополнительных финансовых средств и крупных экономических затрат, которыми данные министерства, к сожалению, не располагают. В последующем попыток привлечь гражданские ведомства к выработке военной политики больше не предпринималось.

Первым из новых органов высшего военного управления, образованным вслед за Советом Государственной Обороны в рамках первого этапа военных реформ 1905—1908 гг., стал самостоятельный Генеральный штаб армии, функции которого выполняло управление 2-го генерал-квартирмейстера, входившего в состав главного штаба [19].

Еще в сентябре 1904 года военный министр генерал В.В.Сахаров получил направленные царю две записки. В первой начальник штаба генерал-инспектора кавалерии генерал Ф.Ф.Палицын предлагал по примеру Германии создать самостоятельный орган управления, начальник которого был бы подчинен непосредственно царю и независим от воен-

ного министра. В Германии с середины XIX века наряду с войсковым генеральным штабом существовал Большой генеральный штаб, который не зависел от Военного министерства, а его начальник единолично отвечал за стратегические планы подготовки к войне и, минуя военного министра, непосредственно подчинялся кайзеру. Во второй записке (автор — командир лейб-гвардии гусарского полка Генерального штаба полковник П.Н. Енгальцев, прослуживший семь лет военным агентом в Берлине) речь шла лишь о выделении центрального управления Генерального штаба в самостоятельный орган, но в составе Военного министерства. Проект Енгальцева был рациональнее, так как устранял возможность нарушения единства военного управления русской армией, в которой первым лицом, после монарха был всегда за редким исключением военный министр [20]. Тем не менее восторжествовала идея Палицына, пользовавшегося поддержкой многих влиятельных лиц, и прежде всего великого князя Николая Николаевича. На предоставление начальнику Генерального штаба независимого от военного министра положения многие смотрели скептически. В своих воспоминаниях С.Ю. Витте отмечает, что он, прочитав проект Палицына, заявил Сахарову следующее: "...из этого ничего, кроме двоевластия, выйти не может" [21]. Газета "Военный голос" писала: "Особый начальник Генерального штаба в России... должен быть. Он может быть достаточно самостоятелен в деле руководства службою и работами офицеров Генерального штаба, но... он должен подчиняться военному министру..." [22].

21 июня 1905 года была учреждена должность начальника Генерального штаба, который непосредственно подчинялся царю с правом личного ему доклада, и утверждено "Положение о начальнике Генерального штаба". Четыре дня спустя, 25 июня, было объявлено о сформировании Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) путем выделения из Главного штаба ряда управлений (Приложение 1). Как следовало из приказа по военному ведомству № 24, в ГУГШ передавались управления: 2-го генерал-квартирмейстера (без мобилизационного отдела), военных сообщений, военно-топографическое, а также отделение по службе Генерального штаба. Структура управления 2-го генерал-квартирмейстера была временно сохранена в том виде, в каком она существовала в Главном штабе. Управление 2-го генерал-квартирмейстера с отделением по службе Генерального штаба составили управление генерал-квартирмейстера ГУГШ; Управление военных сообщений и военно-топографическое изменениям не подверглись. Выделяемые из состава главного штаба части на образование ГУГШ в отношении внутренней службы и хозяйства временно оставались в ведении начальника главного штаба [23]. Согласно Положению, начальник Генерального штаба был ближайшим исполнителем "высочайших указаний по службе Генерального штаба и по разработке вопросов, относящихся до подготовки к войне" и подчинялся непосредственно

царю с правом личного ему доклада. Он состоял членом Совета Государственной обороны и имел право принимать участие в "высших государственных установлениях" при рассмотрении "соприкосновенных с его кругом деятельности" вопросов.

Начальнику Генерального штаба подчинялись ГУГШ, Академия Генерального штаба, офицеры Генерального штаба, занимающие штатные должности по Генеральному штабу; офицеры корпуса военных топографов, а также "железнодорожные и технические для связи войска". Он должен был руководить разработкой стратегических планов подготовки к войне, объединяя работу штабов военных округов, а также службой и военно-научной работой Генерального штаба; следить за развитием всех отраслей военного дела, способствуя распространению военных знаний, и т.д.; представлять ежегодно царю отчет о деятельности ГУГШ и "свои предложения о необходимых усовершенствованиях и улучшениях по службе Генерального штаба и по подготовке к войне". Таким образом, начальнику Генерального штаба предоставлялись большие полномочия, хотя по некоторым вопросам (боевой готовности войск, организации больших маневров и т.д.) он должен был свои доклады царю согласовывать с военным министром. На должность начальника Генерального штаба был назначен генерал-лейтенант Ф.Ф. Палицын.

В период реформы центрального военного управления (1905—1908 гг.) была создана Высшая аттестационная комиссия. В результате ее деятельности только с апреля 1906 г. по июль 1908 г. из армии было уволено 4307 офицеров и генералов по возрасту и несоответствию служебному положению. Одновременно были учреждены должности генерал-инспекторов, независимых от военного министра, а в рамках морского министерства был создан Морской генеральный штаб.

С созданием самостоятельного центрального органа управления Генерального штаба — ГУГШ казалось, что "мозг" русской армии будет подвергнут рациональному лечению" [24]. Однако в том виде, в каком было создано это учреждение, оно не могло стать органом, который отвечал бы за подготовку страны к войне (в нем не было даже мобилизационного отдела). Для решения организационных вопросов Палицын 7 декабря 1905 года направил в Военный совет проекты "Положения об управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба" и штатов Главного управления Генерального штаба с объяснительной запиской. При определении структуры управления генерал-квартирмейстера ГУГШ Палицын исходил из того, что "боевая готовность и оперативная способность войск находятся в тесной зависимости от организационного устройства вооруженных сил, их дислокации, воспитания и обучения, а равно и мобилизации их"; причем рассмотрение этих вопросов не должно быть оторвано от общего положения страны и развития вооруженных сил тех государств, с которыми России "может предстоять борьба". Поэтому он предлагал в

управлении генерал-квартирмейстера иметь четыре обер-квартирмейстерства, в которые *"внести делопроизводство по всем изложенным вопросам"*. Организацию и ведение разведки предполагалось сосредоточить в 5-м делопроизводстве. Число чинов по штату управления генерал-квартирмейстера вместе с чинами, состоящими при начальнике Генерального штаба, как это следует из архивных источников, определялось в 83 человека (из них 54 офицера Генерального штаба) [25].

12 января 1906 года Высший совет утвердил представленный Палицыным проект штата ГУГШ. Однако из-за больших дополнительных расходов он вызвал возражения со стороны министерства финансов и государственного контроля, и только 22 апреля 1906 года, т.е. почти через год после учреждения должности начальника Генерального штаба и создания ГУГШ был объявлен штат ГУГШ (Приложение 2) и *"Положение об управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба"*. Управление генерал-квартирмейстера было разделено на четыре обер-квартирмейстерских части, которые в свою очередь делились на делопроизводства. Согласно Положению, Управление генерал-квартирмейстера являлось исполнительным органом начальника Генерального штаба и ведало, в том числе: *"...б) сбором и обработкой военно-статистического материала и сведений о театрах военных действий и о вооруженных силах иностранных государств; в) объединением и направлением оперативных и военно-статистических работ окружных штабов"* [26].

Существование в армии двух равноправных лиц — военного министра и начальника Генерального штаба — приводило к вопиющим недоразумениям. Так, в результате реформы Генерального штаба в 1905 году вопросы подготовки страны к войне в стратегическом отношении стали компетенцией начальника Генерального штаба. Деятельность военного министра была ограничена в основном личным составом армии и административно-хозяйственными вопросами. Таким образом, начальник Генерального штаба оказался оторванным от жизни армии и бессильным в проведении тех мероприятий, которые ему представлялись целесообразными и даже неотложными. Настоящим хозяином положения оставался военный министр, который мог распоряжаться бюджетом, выделенным военному ведомству.

Такое положение становилось особенно нестерпимым в случае наличия разногласий между военным министром и начальником Генерального штаба. Установившееся в армии двоевластие, которое, по остроумному свидетельству современника, опубликованному в газете *"Разведчик"*, представлялось в действительности *"безобразным архитектурным зданием, смещением разных стилей, хаотической грудой надстроек и пристроек"* [27], продолжаться не могло. 11 ноября 1908 года Главное управление Генерального штаба было введено в состав военного мини-

стерства, а начальник Генерального штаба был подчинен военному министру. За начальником Генерального штаба было оставлено право личного доклада царю лишь в отдельных, особо важных случаях в присутствии военного министра. Тем самым система центральных органов русской армии стала единой. 13 ноября 1908 г. Палицын был назначен членом Государственного совета, а 2 декабря его место занял генерал В.А.Сухомлинов, бывший до этого командующим войсками Киевского военного округа и генерал-губернатором Юго-Западного края.

В результате *"отката"* в проведении военных реформ генерал-инспектора в армии были подчинены военному министру. Среди мероприятий, осуществлявшихся на втором этапе реформ в русской армии (1909—1912 гг.), особое значение имела реорганизация центральных органов военного ведомства, в том числе и ГУГШ.

В сентябре 1909 г. начальник Генерального штаба А.З.Мышласвский представил в Советание по преобразованию центрального военного управления проект устройства ГУГШ, которое в основном не отличалось от существующего. Советание не утвердило проект, и только 1 сентября 1910 г. была принята новая структура, согласно которой ГУГШ состоял из пяти отделов: генерал-квартирмейстера, по устройству и службе войск, мобилизационного, военных сообщений и военно-топографического (Приложение 3) [28]. Управление генерал-квартирмейстера было переименовано в Отдел генерал-квартирмейстера (Огенквар) с существенным изменением его структуры [29]. Эта структура была закреплена *"Положением о Главном управлении Генерального штаба"* от 27 марта (9 апреля) 1913 г. и с незначительным изменением сохранилась до начала первой мировой войны. Положение определяло функции ГУГШ, важнейшей из которых являлась разработка *"общих вопросов по государственной обороне и соображений по подготовке к войне"*, права и обязанности руководящего состава Генерального штаба.

Начальник Генерального штаба назначался по представлению военного министра и подчинялся непосредственно ему. На него возлагались следующие обязанности: руководство разработкой вопросов государственной обороны и подготовки к войне, организации армии, ее комплектования и мобилизации; определение порядка расквартирования войск; руководство службой, занятиями и обучением войск; содействие *"распространению военных знаний в армии в соответствии с развитием и усовершенствованием всех отраслей военного дела"*; направление деятельности Военной академии и военно-топографического училища. Начальник Генерального штаба должен был представлять ежегодно военному министру отчет о деятельности ГУГШ и свои заключения о готовности государства к войне и необходимых усовершенствованиях в организации и боевой подготовке войск.

По мере расширения деятельности Огенквара структура его несколько изменилась: в июле 1914 г. при Отделе генерал-квартирмейстера была сформирована Главная военно-цензурная комиссия, в задачу которой входило не допускать при общей или частной мобилизации армии оглашения сведений, касающихся безопасности России, ее вооруженных сил и всех сведений, относящихся к обороноспособности государства [30]. В отношении самого генерал-квартирмейстера Генерального штаба в Положении говорилось, что он является ближайшим помощником начальника Генерального штаба по руководству исполнением оперативных и стратегических задач, возложенных на вверенное ему управление по заведованию службой офицеров Генерального штаба и по руководству их военно-научными работами".

Реализация военной политики, ход военных реформ во многом определялись бюджетной политикой государства в области обороны. В начале реформы финансирование военного ведомства осуществлялось по предельному бюджету, который составлялся заранее на 5 лет. Так, по предельному бюджету в 1904—1908 гг. военному ведомству было предназначено к отпуску 1 680 550 000 руб., не считая расходов на перевооружение артиллерии. Кроме того, предстояло добавить на разного рода расходы, в том числе на улучшение быта солдат армии 127 300 000 руб. и на перевооружение артиллерии 106 750 000 руб. [31]. Однако этих средств явно не хватало для проведения реорганизации вооруженных сил. Более того, наличных средств предельного военного бюджета было недостаточно для покрытия всех расходов как по текущему довольствию войск, так и по воссозданию расстрелянных в ходе русско-японской войны материально-технических запасов. Обстановка требовала значительных дополнительных ассигнований.

9 апреля 1907 г. на заседании СГО помощник военного министра генерал А.А. Поливанов заявил: "Чтобы наши армии были бы доведены до того положения, которое признается нормальным в иностранных государствах, необходимо около 2,5 млрд. руб... Из числа этих потребностей, необходимых для удовлетворения нужд воюющих, нужно около полумиллиарда. Если к этой цифре прибавить еще около 1800 млн. руб. на флот, то нельзя не признать, что расходование таких средств может оказаться государственному казначейству совершенно невозможным" [32]. Действительно, финансовое положение России в это время было сложным и исключало возможность полного удовлетворения нужд военного ведомства. Поэтому военное министерство вынуждено было резко сократить испрашиваемую сумму. Военное министерство представило смету в 424,88 млн. руб. единовременных и 75,65 млн. руб. ежегодных ассигнований [33], распределив их по основным управлениям. Расчеты основывались на основании обеспечения лишь самых необходимых нужд. Но и эти расчеты не были утверждены.

Военное министерство стало перед серьезными затруднениями в получении испрашиваемых средств. Эти затруднения выражались в том, что рамки существовавшего и уже утвержденного предельного военного бюджета не позволяли выполнить все мероприятия. Финансирование по предельному бюджету становилось тормозом военной реформы. Кроме того, дальнейшее формирование государственного бюджета, в том числе и военного, стало прерогативой Государственной Думы, обойти которую в этом вопросе было невозможно. Поэтому успех всей военной реформы стал во многом зависеть от позиции Думы.

Члены Государственной Думы активно включились в работу над военной реформой. 6 и 9 мая 1908 г. на заседаниях бюджетной комиссии были приняты предложения о том, что "необходимо, чтобы военное ведомство одновременно с составлением сметы на 1908 г. разработало план реорганизации дела государственной обороны, приняв во внимание удовлетворение всех действительных потребностей армии по снабжению и вооружению, в связи с возможным сокращением ее мирного состава и безусловным устранением как непроизводительных расходов, так и расходов, не повышающих боевой готовности армии". 27 мая 1908 г. собрание Государственной Думы приступило к обсуждению общей сметы военного министерства за 1908 г. 3 июня 1908 г. Дума приняла закон об ассигновании военного ведомства, лишь на 6 млн. руб. сократив кредиты, просимые военным министром. В июле царь утвердил законопроект. С 1 января 1909 г. Государственная Дума отменила действие предельного военного бюджета. Впредь военное министерство выходило в бюджетную комиссию со сметой на каждый год. Это в значительной степени облегчало работу военному министерству и давало возможность маневра при проведении военной реформы. Обыкновенные расходы военного ведомства с 1908 г. неуклонно повышались [34]. Тем не менее полного обеспечения финансами всех преобразований, составляющих военную реформу, достичь не удалось. Более того, многие статьи расходов военного министерства в 1910—1913 гг. подвергались значительному сокращению, что отрицательно сказывалось на результатах реформы.

Одной из причин недостаточного финансового обеспечения реформ в армии являлась приверженность царя и ряда высших руководителей государства к военно-морскому флоту. Это приводило к перекосу в развитии вооруженных сил. Россия, имевшая огромную границу и фактически закрытые во внутренних Балтийском и Черном морях основные силы флота, тем не менее стала отдавать приоритет флоту. Если обыкновенные расходы на сухопутные войска увеличились за пять лет примерно на 50 проц., то расходы по Морскому министерству за то же время утроились. В 1909 г. Морское министерство расходовало менее одной пятой обыкновенной сметы Военного министерства, а в 1913 г. —

уже более 40 проц. [35]. Такое неравномерное распределение средств объяснялось тем, что в высших эшелонах власти победили сторонники идеи: Россия — великая морская держава. Реальный же учет той роли, которую играли сухопутные войска в военной организации России, неизбежно привел бы к тому, что флот не получил бы тех кредитов, на которые рассчитывало Морское министерство. Николай II был ярким сторонником великодержавного флота. Царь в 1908 г. передал дело распределения кредитов между армией и флотом из СГО Особому совещанию под председательством премьер-министра П.А.Столыпина, выступившего за создание мощного линейного флота.

Улучшение финансового положения страны в 1909—1913 гг. привело к увеличению ассигнований на армию. Так, если с 1908 по 1910 г. было израсходовано на армию и флот 1 702,4 млн. руб. (в среднем по 576,5 млн. руб. в год), то в 1911—1913 гг. эта сумма возросла до 2 148,63 млн. руб. (в среднем по 716,21 млн. руб. в год) [36].

В конце 1913 года была утверждена так называемая "Большая программа по усилению армии", проведение в жизнь которой должно было начаться в 1914 году и закончиться в 1917, потребовав единовременного расхода около полумиллиарда рублей. Согласно этой программе, вооруженные силы России должны были в мирное время увеличиться на 480 тыс. человек, т.е. почти на 39 проц. существовавшего штата, причем на долю пехоты приходилось 57 проц. из числа добавляемых. Характерной особенностью новой программы было перенесение центра тяжести увеличения армии с формирования новых частей на увеличение штатов полевых войск в мирное время.

Русский Генеральный штаб мотивировал свои соображения тем, что этот принцип принят за последнее время государствами Западной Европы, и тем, что участь современной войны определяется результатами первых столкновений, успех которых зависит от полевых войск; при этом весьма решительным фактором будут качество и быстрота мобилизации упомянутых войск [37]. Ставка определенно делалась на молниеносную войну и на первый успех, который, естественно, дорого стоил бы полевой армии и расстроил бы ее. О случае затяжной войны, — а нарек на возможность таковой уже был в образе полугодовой русско-японской войны, — и необходимости длительного пополнения вооруженной силы, видимо, совсем не думали.

Таким образом, к началу XX века международная обстановка и вытекающая из нее перегруппировка сил, подталкивали Россию к проведению глубокой военной реформы. Русско-японская война 1904—1905 гг. высветила плачевное состояние военной мощи России, обозначила "болевые точки" военного управления и планирования. Учреждение Совета Государственной обороны способствовало большей координации усилий государства в выработке и проведении военной политики,

однако этот орган был преждевременно упразднен. Предпринимались попытки очертить основные контуры военной доктрины России. Правящая элита все отчетливее понимала, что военная мощь государства может быть обеспечена лишь при комплексном учете всех факторов, влияющих на национальную оборону. Принятые в ходе поспешно проведенного первого этапа военных реформ новые структуры Военного министерства и ГУГШ выявили целый ряд серьезных недостатков, что привело к последующей реорганизации этих высших органов военного управления, в результате которой новая структура ГУГШ более полно отвечала задачам разработки вопросов государственной обороны. Выделяемые бюджетные средства на нужды обороны были ниже запрашиваемых и распределялись нерационально.

1.2. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ: НОВОЕ В ОРГАНИЗАЦИИ

Военные реформы существенно сказались на развитии отечественной разведки.

Новая штатная структура ГУГШ, принятая 22 апреля 1906 г., организационно закрепила неофициально существовавшее до этого разделение добывающих и обрабатывающих функций разведывательного органа. Так, добывающие функции разведки были сосредоточены в 5 делопроизводстве части 1 обер-квартирмейстера Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ. 5 делопроизводство состояло из одного делопроизводителя и одного-двух его помощников. Делопроизводителем 5-го делопроизводства был назначен Генерального штаба полковник Михаил Алексеевич Адабаш, имевший опыт разведывательной работы и состоявший, согласно старым штатам, в должности столоначальника 7 отделения 1 (Военно-статистического) отдела. В разведывательном делопроизводстве были выделены офицеры, которые отвечали за "восточное" и "западное" направления российской разведки — О.К.Энкель и П.Ф.Рябиков соответственно.

Обработка добытых сведений и материалов об иностранных армиях и театрах военных действий согласно приказа по военному ведомству № 252, возлагалась на части 2 (2-6 делопроизводства) и 3 (1, 2, 4 делопроизводства) обер-квартирмейстеров [38]. "Положением об Управлении генерал-квартирмейстера ГУГШ" 1906 г., к предметам ведения военно-статистических делопроизводств были отнесены "сбор и разработка в целях оперативных военно-статистических сведений по определенным каждому делопроизводству району нашей страны и иностранным государствам; издание военно-статистических трудов, касающихся России и иностранных государств; общее руководство сбором различ-

ных военно-статистических сведений по европейской и азиатской России и изданием военно-статистических трудов в округах, переписка по ассигнованию сумм, необходимых для сбора и издания военно-статистических сведений; участие в разработке, проверке и согласованию подготовительных к войне работ, как Главного управления Генерального штаба, так и окружных штабов, насколько работы эти затрагивают сведения военно-статистические" [39].

Так, в программу 2 делопроизводства части 3 обер-квартирмейстера входили следующие вопросы: *"Военно-статистические сведения о Персии. Торговля в Персии. Русские концессии. Проекты железнодорожного строительства в Персии. Пути сообщений. Железнодорожный путь в Индию. Кавказско-персидская граница. Армия. Персидская казачья бригада. Политические сведения о Персии вообще. Положение в Тегеране. Общие вопросы о наших отрядах в Персии. Консульские конвои. Инструкции отрядам, находящимся в Персии. Таможни... Иностранцы в Персии. Германия в Персии. Сведения о шахе..."*

Все сотрудники 7 отделения 1 военно-статистического отдела за исключением Генерального штаба полковников Михельсона А.А. и Платова С.А. были назначены в 1906 г. на должности в частях соответствующих делопроизводств 2 и 3 обер-квартирмейстерств.

5 марта 1908 г. делопроизводителем 5 делопроизводства (с перемещением из части 2-го обер-квартирмейстера в часть 1 обер-квартирмейстера) был назначен Генерального штаба полковник Николай Августович Монкевиц.

Согласно новой организации от 1 сентября 1910 г., 5 делопроизводство было преобразовано и выделено в Особое делопроизводство в составе Отдела генерал-квартирмейстера. Особое делопроизводство ведало: *"служебной перепиской с военными агентами, сбором военных сведений об иностранных армиях и отчетностью по суммам, расходуемым по Огенквару"*. При Особом делопроизводстве состояла также журнальная часть для секретной переписки. По штату Особому делопроизводству было положено следующее количество должностей: один делопроизводитель, три помощника делопроизводителя и один журналист. Анализ архивных источников позволяет выявить задачи, стоящие перед Особым делопроизводством. Так, в *"Отношении генерал-квартирмейстера Генерального штаба обер-квартирмейстеру ГУГШ генерал-майору Н.А.Обручеву о сборе сведений об иностранных государствах"* от 13 октября 1911 г. отмечалось следующее: *"...в круг прямых задач Особого делопроизводства прежде всего входят обеспечение Военного министерства необходимыми источниками сведений и надзор за правильным функционированием последних"* [40].

Согласно новой структуре ГУГШ от сентября 1910 г., в состав Отдела генерал-квартирмейстера помимо Особого делопроизводства и

ряда других подразделений входили части 1 и 2 обер-квартирмейстеров, которые, в том числе, ведали и вопросами изучения сил и средств государств Европы и Азии. Непосредственно обработкой сведений об иностранных государствах занимались 4 (Германское), 5 (Австро-Венгерское), 6 (Балканских государств), 7 (Скандинавских государств) и 8 (прочих государств Западной Европы) делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера, а также 1 (Туркестанское), 2 (Турецко-персидское) и 4 (Дальневосточное) части 2 обер-квартирмейстера. Всего по штату девять делопроизводителей и 13-15 помощников делопроизводителей. Задача по обработке разведывательных сведений статистическими делопроизводствами заключалась *"в учете, оценке, систематизации и, наконец, сводке поступающих сведений"*.

С введением новых штатов Генерального штаба полковник Монкевиц был назначен 22 октября 1910 г. помощником 1 обер-квартирмейстера ГУГШ. На него было *"возложено ближайшее заведование военно-статистическими делопроизводствами части 1 обер-квартирмейстера и Особым делопроизводством ГУГШ"*. [41], т.е. он должен был осуществлять непосредственное руководство разведкой, а именно ее добывающими органами и частью обрабатывающих органов. Частью, потому что на помощника 1 обер-квартирмейстера не замыкались военно-статистические делопроизводства части 2 обер-квартирмейстера.

При рассмотрении организации деятельности сил и средств центрального органа военной разведки на различных этапах ее развития обращает на себя внимание состояние взаимоотношений между добывающими и обрабатывающими разведывательными органами. Путь от первоначального смешения их функций в отдельных структурах до четкого разграничения строго определенной направленности в работе был тернистым. Время от времени между добывающими и обрабатывающими органами возникали трения и происходили недоразумения. С учетом этого принимались меры по их устранению, последовательно отрабатывались наиболее эффективные способы взаимодействия.

В уже упомянутом *"Отношении"* на имя 1 обер-квартирмейстера от 13 октября 1911 года, генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-майор Данилов так определил взаимоотношения Особого и статистических делопроизводств. Данилов констатировал, что статистические делопроизводства *"наиболее компетентны, с одной стороны, в определении пробелов в нашей осведомленности, с поручением их изучению государств, а с другой — в оценке доброкачественности поступающего на пополнение этих пробелов материала — и в этой связи обязаны давать должное направление работе Особого делопроизводства как по организации количественно и качественно соответствующих источников сведений, так и по руководству деятельностью этих источ-*

ников". "Особое делопроизводство, в свою очередь, — указывал Данилов, — обязано всемерно стремиться к удовлетворению запросов статистических делопроизводств, памятуя, что несогласованная с этими запросами деятельность его будет неминуемо парализовывать работу названных делопроизводств и, следовательно, должной пользы делу изучения наших соседей не принесет". Генерал-квартирмейстер, подчеркивая, что "статистические и Особое делопроизводства должны проникнуться сознанием, что в равной мере разделяя ответственность за состояние нашей осведомленности о вероятных противниках, они окажутся в состоянии довести эту первоочередную важность отрасли подготовки к войне до должной высоты лишь при условии тесного и дружного взаимодействия между собою" [42]. С целью изучения такого взаимодействия генерал-квартирмейстер предпослал статистическим делопроизводствам к неуклонному руководству нижеследующие требования:

1) По мере выяснения, неукоснительно сообщать записками в Особое делопроизводство перечни недостающих или подлежащих освежению и проверке сведений, не исключая и документальных.

2) В случае возникновения обстоятельств, вызывающих необходимость усиления разведки в том или ином заграничном районе, или в отношении того или иного объекта, немедленно через помощника I оберквартирмейстера ставить о том в известность Особое делопроизводство для принятия, с доклада мне, соответствующих мероприятий.

3) В случае систематического поступления из какого-либо источника недоброкачественных сведений, сообщать о том в Особое делопроизводство с должной подробностью.

4) К 15 января каждого года сообщать в Особое делопроизводство мотивированные заключения о продуктивности работы (в качественном и количественном отношении) по сбору сведений: военно-окружных штабов, военных и негласных агентов, каждого в отдельности.

5) По просьбе Особого делопроизводства вырабатывать и препровождать последнему специальные инструкции по сбору сведений для вновь насаждаемых органов за границей".

Предназначение и главные общие задачи агентурной разведки армии в 1905 г. сразу после русско-японской войны оставались такими же, как и до нее: в мирное время — обеспечение подготовки страны и ее вооруженных сил к будущей войне, а в военное — разведывательное обеспечение боевых действий.

Для того, чтобы проследить эволюцию задач, ставившихся в ходе реформ 1905—1912 гг. политическим и военным руководством России перед русской военной агентурной разведкой в целом, необходимо сначала рассмотреть положение, которое сложилось в этой области в исходный момент — на 1905 г.

В начале военных реформ 1905—1912 гг. в сухопутных войсках документом, наиболее полно отражавшим задачи зарубежной агентурной разведки, продолжала оставаться "высочайше утвержденная" в июне 1905 г. "Инструкция военным агентам (или лицам их замещающим)", которая представляла собой незначительно доработанный и исправленный в соответствии с произошедшими к этому времени изменениями в структуре разведки вариант такой же "Инструкции" 1880 года [43]. Этот документ являлся руководящим как для военного, так и для морского ведомства.

Главной задачей военной разведки было "... доставление правительству возможно полных, точных и своевременных сведений о военных силах и средствах иностранных государств...", которые детально освещали бы такие вопросы, как:

— состав и комплектование его вооруженных сил: сухопутных и морских;

— организацию и численность по мирным и военным штатам;

— расположение их и способы мобилизации и сосредоточения;

— устройство их материальной и хозяйственной части, обеспечение обмундированием, снаряжением, вооружением, ремонтами, обозом, провиантами и фуражом;

— устройство различных отраслей военного управления с их специальными заведениями и применением к потребностям военного времени;

— тактическое обучение войск (устава, занятия во время сборов), развитие военного образования в армии, дух и быт солдат и офицеров, и характеристику главных начальников;

— бюджет государства и особенно военный;

— общую систему обороны государства, т.е. крепости и укрепления, в связи с путями сообщения и главнейшими географическими и топографическими условиями страны".

Кроме того, на военную разведку возлагалось слежение "... за проектированием и возведением новых фортификационных сооружений и важных в стратегическом отношении путей, за сборами и передвижением войск, за общим направлением военной деятельности, за настроением армии и печати".

В целом, военная разведка должна была стремиться "дать себе и правительству ясный и верный отчет об оборонительной и наступательной готовности государства (иностранного — примеч. авт.)". "Это последнее условие, — отмечалось в документе, — особенно важно относительно государств, соприкасающихся с Россией". Поэтому от разведки требовалось "тщательно собирать, обновлять все военно-статистические сведения о пограничных с Россией областях, изучать подготовку их как театров военных действий, с возможными подробностями о путях, военных запасах, расположении сил, вооружении и гарнизонах крепостей и прилагать все старания к получению точных дан-

ных относительно перевозочной способности железных дорог и планов сосредоточения войск".

В части добывания разведывательных сведений о разработке и производстве современного оружия и военной техники за рубежом инструкция 1905 г. была лаконична — от военных агентов требовалось лишь следить "за усовершенствованием технических частей". Конкретные задачи по освещению тех или иных военно-технических проблем, добыванию определенных документов и образцов военной техники и оружия в Инструкции не ставились.

9(22) июня 1910 г. военный министр В.А. Сухомлинов представил докладную записку в Совет министров, в которой изложил взгляд военного ведомства на задачи разведки в целом. "Степень готовности государства к войне с его вероятным противником, — писал в преамбуле Сухомлинов, — определяется из сравнения совокупности могущих быть или выставленными друг против друга в течение равного времени сил и средств, а также качества тех и других". "В основании всей работы по подготовке государства к войне, — отмечал военный министр, — должно лежать всестороннее знакомство с его вероятными противниками, каковое может быть достигнуто лишь путем правильной и широко организованной разведки". В этой связи Сухомлинов следующим образом сформулировал задачи, стоящие перед военной разведкой: "1) выяснение численности состава и боеспособности вооруженных сил вероятных противников, группировка и время развертывания их в случае войны с нами; 2) изучение стратегических и тактических свойств будущего театра войны; 3) подготовка на территории противника агентурной сети, способной в военное время своевременно представлять в распоряжение высшего командования все необходимые ему данные о группировке и действиях войск противника" [44].

Более подробные сведения о сути задач, стоящих перед центральным органом военной агентурной разведки, содержатся в документах, разработанных в ГУГШ. Так, в одном из специальных разъяснений, подготовленных делопроизводителем Особого делопроизводства Генерального штаба полковником Энкелем О.К. и адресованных к русскому военному агенту в Австро-Венгрии 23 января (5 февраля) 1912 г., говорилось следующее: "одной из главнейших задач вверенного мне делопроизводства, — писал Энкель, — является организация заграничной тайной военно-осведомительной службы в целях:

1) доставления в ГУГШ в мирное время документальных данных, раскрывающих стратегические предположения наших вероятных противников на случай войны (развертывание вооруженных сил государства по мобилизации, численность их и организация высших войсковых соединений в военное время, распределение вооруженных сил по фронтам, планы войны, сроки мобилизации и районы сосредоточения, планы войсковых перевозок и т.п.);

2) заблаговременного раскрытия признаков частичного осуществления указанных выше предположений в периоды обострения дипломатических отношений в предвидении разрыва;

3) всестороннего и одновременного осведомления ГУГШ о ходе осуществления этих же предположений с наступлением разрыва, а равно военных действиях наших противников в период войны" [45].

5(18) августа 1912 г. была утверждена новая "Инструкция военным агентам и лицам, их замещающим". Новая "Инструкция" была менее пространна в части задач, стоявших перед военной разведкой. "Главная обязанность военного агента, — значилось в Инструкции, — заключается: а) во всестороннем изучении военного устройства и военного могущества тех государств, которые поручены их наблюдению; б) в сборе и обработке возможно полных, точных и современных сведений о боевых силах и средствах иностранных государств, согласно особым установленным программам" [46].

В "Инструкции" 1912 года в части разведки и военно-технической области отмечалось следующее: "Военные агенты обязаны всемерно заботиться о том, чтобы им были известны все военно-технические изобретения и новейшие усовершенствования в области военной техники в той стране, где они состоят агентами". При этом, подчеркивалось, что доносить о таковых изобретениях и усовершенствованиях военные агенты обязаны "со строгой разборчивостью и по возможности с точным разъяснением всех, даже мелочных подробностей, составляющих сущность дела". Ставилась задача добывания и образцов изобретений, которые следовало высылать в Санкт-Петербург, но только в том случае, "если их приобретение и пересылка не были сопряжены с расходами".

Разведывательные задачи периферийным (территориальным) органам военной разведки, то есть разведывательным отделениям штабов военных округов были поставлены в циркулярном письме начальника Генерального штаба генерала от инфантерии Ф.Ф. Палкина начальникам штабов Военных округов от 5 (18) 1908 г. следующим образом:

"1. Изучение стратегических данных пограничной полосы соседних иностранных государств, влияющих на детали стратегического развертывания (дислокация войск в пограничной полосе, железные дороги, укрепленные пункты и пр.).

2. Тактическое изучение войск противника (тактическая подготовка), нравственное воспитание солдата, свойства начальников и т.п.

3. Детальное тактическое исследование территории противника, не только на важнейших операционных направлениях от границы вглубь страны, но и в промежутках между ними.

4. Военно-статистическое исследование средств соседних государств" [47].

Позднее, 7(20) ноября 1912 г., эти задачи были откорректированы и уточнены в "Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов", разработанных ГУГШ.

Этими "Основными положениями" на штабы округов возлагался "сбор нижеследующих данных о наших вероятных противниках":

А. В мирное время:

1. Устройство, численность, дислокация и мобилизация их вооруженных сил.
2. Выяснение принятой формы стратегического развертывания, сроков готовности и способов вероятного ведения войны.
3. Мероприятия по развитию и усовершенствованию вооруженных сил в ближайший период.
4. Материальное снабжение вооруженных сил и вообще состояние военной техники.
5. Духовное состояние армии. Сильные и слабые стороны солдата и офицера; личные характеристики начальствующих лиц; бытовые условия.
6. Боевая подготовка; господствующие воззрения на способы ведения войны.
7. Военно-географические и военно-статистические данные; картографический материал. Особое внимание должно быть обращено на изучение путей сообщения: грунтовых, водных и железнодорожных.
8. Крепости и укрепления.
9. Военно-политическая подготовка.
10. Изучение финансового и экономического положения страны.
11. Военная подготовка населения.

Б. В военное время сверх того сбор и доставление в Россию сведений:

12. О ходе мобилизации, сосредоточении и действительном стратегическом развертывании неприятельских вооруженных сил как против России, так и на остальных фронтах.
13. О численности, группировке, направлении движения, ходе усиления, укомплектования и снабжения находящихся на театре войны неприятельских сил, а также данных, раскрывающих вероятные намерения противников" [48].

Районы мира, где агентурная разведка русской армии должна была сосредоточить в предшествующие Первой мировой войне годы свои главные усилия, людские и материальные ресурсы, определялись ГУГШ на основании его вывода о том, что военная угроза России исходила в этот период с двух основных стратегических направлений: на Западе — от Германии и Австро-Венгрии; на Дальнем Востоке — от Японии. Однако непосредственно после поражения России в войне с Японией внимание военно-политического руководства страны было вполне естественно приковано к Дальнему Востоку, что заставляло разведку именно здесь концентрировать свои основные усилия. Такая ориентация раз-

ведки неоправданно сохранялась в течение многих лет в ущерб другому, уже выходившим объективно на первый план региону. В частности, в отчете 5 делопроизводства части I обер-квартирмейстера ГУГШ даже в 1909 г. по этому поводу отмечалось: "Генеральный штаб пришел к заключению, что дальневосточные государства приобретают в настоящее время значение важных в международной политике факторов", а потому "преимущественно сосредоточил свое внимание на возможно лучшей организации сбора сведений именно о наших дальневосточных соседях" [49].

19 декабря (1 января) 1909 г. частью I обер-квартирмейстера был подготовлен доклад по Главному управлению Генерального штаба о состоянии разведки на Дальнем Востоке. В преамбуле доклада констатировалось: "... мы являемся свидетелями неустанной и систематической работы японцев, черпающей, казалось бы, свой смысл и оправдание затрачиваемым на нее силам и средствам страны, единственно в конечной цели — объединении всех областей, омываемых Японским морем... под общим скипетром "Великой Японии на Дальнем Востоке" [50]. "Отсюда следует, — подчеркивалось в Докладе, — что первым основным звеном в цепи мероприятий по подготовке к будущей, возможной и вероятной войне с японцами должно было явиться направление всех усилий к скорейшему пополнению весьма скудных до того времени сведений о названном противнике и о Дальневосточном театре войны, каковая задача является предметом военной разведки". "Задача эта может посчитаться выполненной лишь в том случае, — указывалось в Докладе, — если в конечном итоге разведкою будут достигнуты:

1. Непрерывная и своевременная осведомленность как в мирное, так и военное время о силах и средствах вероятных противников, их группировке и перемещениях.

2. Полное, детальное знакомство со всеми естественными свойствами будущего театра военных действий, а равно со всеми мероприятиями вероятных противников по усилению этих свойств, каковое знакомство предполагает наличие:

а) отвечающих потребностям военного времени планов и карт как упомянутого театра, так и прилегающих к нему тыловых районов;

б) военно-статистических описаний и тех и других, со всеми данными, одухотворяющими имеющиеся карты и дающими полную картину местных экономических условий".

На первое место в числе задач, подлечащих исполнению по упомянутым программам, была поставлена задача создания за границей "отвечающей нашим потребностям агентурной сети, признаваемой главнейшим и необходимейшим средством для достижения должной осведомленности".

И только в самый канун Первой мировой войны было решено "по сравнению с 1913 годом центр тяжести разведки... решительно перемес-

нить с Востока на Запад, соответственно требованиям современной политической конъюнктуры". Слишком запоздалое прозрение.

Распределение задач в части организации и ведения разведки между ГУГШ и штабами военных округов на момент учреждения Главного управления Генерального штаба выглядело следующим образом. В докладе, представленном на имя начальника Генерального штаба 22 сентября (5 октября) 1906 г. указывалось: "Вследствие громадного противника ведение разведки должно быть возложено непосредственно на штабы пограничных военных округов под руководством по указанию Главного управления Генерального штаба, объединяющего и дополняющего собственной главной разведкой деятельность разведывательных отделений штабов округов" [51]. "Штабы округов, — отмечалось далее, — ведут разведку в соответственных пограничных районах, а Главное управление Генерального штаба — в столицах и главных военных центрах неприятельских государств, направляя разведку вообще возможно более глубоко внутрь страны".

В дальнейшем произошло уточнение задач, стоявших перед разведывательными органами. Так, спустя несколько лет — в 1908 году — распределение задач по разведке между ГУГШ и штабами военных округов выражается "в приятии первым на себя ведения стратегической разведки о наших вероятных противниках и в возложении на вторые детальной тактической разведки в пределах вероятных будущих театров военных действий", при объединяющей и направляющей роли ГУГШ [52]. И, наконец, в "Основных положениях для организации и ведения разведки штабами пограничных округов" от 7(20) ноября 1912 г. отмечается: "Сбор сведений, характеризующих общее состояние военной мощи сопредельного государства и касающихся всех вообще вооруженных сил и всей его территории является главным образом обязанностью Главного управления Генерального штаба; штабы же округов ведут разведку преимущественно в пограничных районах соседних государств в пределах, установленных Главным управлением Генерального штаба" [53].

Казалось бы, разведывательные задачи между ГУГШ и штабами военных округов были окончательно разведены: Главное управление Генерального штаба занимается ведением и организацией стратегической разведки вероятных противников, окружные штабы — детальной тактической. Однако все обстояло не совсем так. Согласно уже упомянутому "Основным положениям" 1912 г., на штабы военных (как это будет показано в соответствующей главе) округов возлагались и разведывательные задачи стратегического характера, усилия к решению которых прилагались на практике.

Параллельно с реформированием структуры центральных и периферийных органов, уточнением и конкретизацией задач военной раз-

ведки, как это следует из анализа архивных источников, шло активное обсуждение вопросов, относящихся к организации деятельности разведки с критическим осмыслением уже накопленного опыта. В этом обсуждении принимали участие и те, кто мог судить о деятельности разведки "изнутри".

7(20) марта 1905 г. помощник начальника военно-статистического отдела Генерального штаба полковник А.А. Михельсон представил по команде доклад, дошедший до 2 генерал-квартирмейстера Главного штаба генерала Поливанова, в котором обрисовал картину положения разведки в "настоящее время" и давал советы по ее реорганизации в будущем с точки зрения органа — 7-го отделения, — занимающегося "сбором сведений о неприятеле" [54].

"События на Дальнем Востоке заставляют задуматься в ту обстановку, которая может создаться в случае войны на других наших фронтах и на Западном в особенности", — такими словами начал свой доклад Михельсон. Он считал, что при сложности современного военного дела возможный неприятель не сможет полностью скрыть всех своих приготовлений к войне. "Дело разведки неприятеля по своему характеру походит на диагноз врача по внутренним болезням, — утверждал Михельсон, — или на судебное следствие по искусно скрываемому преступлению". Из этого следует, что организация разведки мирного времени предполагает "продолжительной подготовки и специализации служащего ей кадра офицеров Генерального Штаба". "Изучение вооруженных сил и территории великой державы требует нескольких лет усидчивой работы и даже при этом условии по необходимости будет делиться на специальные отрасли, и только несколько лиц, взаимно дополняя друг друга могут охватить изучение всех сведений", — писал Михельсон. Именно положение с кадрами вызывало особую тревогу Михельсона. Реформа Главного штаба 1903 года поставила офицеров, служивших в его подразделениях, как в части денежного содержания, так и прав, на один уровень "с чиновниками, выслужившимися из писарей".

По мнению Михельсона, для успешной работы необходимо выполнение следующих условий:

1. Объединение работы всех офицеров Генерального штаба, изучающих данное государство, в одно общее, стройное и планообразное целое;

2. Возможно долгого удержания опытных работников на систематизации и обработке сведений данной армии".

В завершение своего доклада Михельсон дал рекомендации по обеспечению необходимых условий нормального функционирования разведки. Для объединения деятельности всех офицеров Генерального штаба, работающих над данным государством, указывал Михельсон, необходимо выполнить следующее:

1) Подчинить начальнику военно-статистического отдела или непосредственно второму генерал-квартирмейстеру отчетные отделения окрестных штабов в отношении работы по сбору сведений о неприятеле...;

2) Разделить 7 отделение на три отдела по фронтам. Западный: Швейцария, Норвегия, Австро-Венгрия и Румыния; Южный: Балканский полуостров, Турция, Персия, Афганистан, Англия; Восточный: Китай, Корея, Япония;

3) На начальников отделений каждого из фронтов разведки возложить непосредственное объединение всей работы на своем фронте как в Главном Штабе, так и в округах, и за границей;

4) Ежегодно в ноябре или декабре вызывать в Главный штаб старших адъютантов окрестных штабов и военных агентов для общей совместной работы по сводке всех данных, добытых за год... На этом же съезде... по директиве генерал-квартирмейстера вырабатывается подробная программа работ и распределение исполнения на предстоящий год... Желательно, чтобы лица, занимающиеся изучением данного фронта, имели преимущественное право на заграничные командировки в государства своего фронта, чтобы таким образом имели реальное представление об исследуемом предмете".

"Обеспечить достаточное число и притом достаточно опытных работников", по мнению Михельсона, можно было только, установив следующий порядок прохождения службы:

1) Непосредственно из Академии прикомандировываются (наподобие Германии) 10 офицеров, владеющих языками и соответственно аттестованных академическим начальством, к военно-статистическому отделу Главного штаба сроком на один год (до следующего выпуска). После этого они направляются на службу в пограничные округа...

2) Установить следующие служебные права и постепенность прохождения службы: начальники отделений и военные агенты должны иметь права и положение начальника штаба дивизии или корпуса в зависимости от чина; старшие адъютанты Главного штаба и окрестных штабов — начальника штаба дивизии...

3) Обеспечить офицеров Генерального штаба материально (при возбуждении этого вопроса надо иметь в виду то, что главная язва Главного штаба заключается в том, что там слишком много служащих, из которых многие ничего не делают).

На докладе Михельсона 2 генерал-квартирмейстер Полivanов наложил резолюцию: "Я сочувствую, но данное время неблагоприятно для организации мероприятий в смысле штатных изменений, и поэтому возможно ограничиться лишь некоторыми компромиссами...". И действительно, некоторые "компромиссы" достигнуты были.

17(30) ноября 1905 г. Генерального штаба капитан Никольский представил по команде Записку: "Краткий очерк положения нашей неглас-

ной агентуры в настоящее время и желательные общие условия ее правильной организации"[55]. Никольский не являлся штатным сотрудником военно-статистического отдела, однако имел доступ к документальной информации, относящейся к деятельности разведки, и прекрасно владел материалом. В этой связи его Записка дошла до начальника Генерального штаба генерала Палицына.

"Наша негласная разведка военных сил и средств иностранных государств, — писал Никольский, — не имея никакой определенной программы, представляется совершенно случайной и мы всегда получаем не то, что надо, а лишь то, что доставляет слепой случай". Причиной подобного положения весьма важной деятельности штабной службы, указывал Никольский, является главным образом отсутствие организации этого дела. "Пример почти полной неосведомленности о состоянии вооруженных сил Японии показывает, насколько мало в действительности мы знаем о своих соседях", — утверждал автор записки.

По мнению Никольского, "в настоящее время сравнительно сносно поставлена разведка лишь на Ближнем Востоке, т.е. в Малой Азии, где мы имеем под видом консулов, ряд негласных военных агентов (в Эрзеруме, Ване, Хаме и в Персии (Сейстан)). В Европейских государствах негласная разведка, главным образом, производится военными агентами, официальными представителями нашей армии. В силу официального положения, военным агентам крайне неудобно вести негласную разведку на широких началах".

Никольский полагал, что правильная постановка дела возможна лишь в случае:

- существования определенной программы разведки;
- достаточности материальных средств;
- сохранения в полной тайне как общей организации, так и самих разведчиков;
- непрерывности негласного наблюдения за известными районами иностранного государства".

"Составление программы разведки каждого государства, точное определение того, что нам действительно необходимо добыть, — по оценке Никольского, — не представляет затруднений при наличии у нас военно-статистического отдела и оперативного отдела"... "Некоторое затруднение может встретиться при ассигновании необходимых денег, — развивал он свою мысль, — но если имелась возможность назначить Черногории субсидию в 331 тыс. рублей в год, то надо полагать, что для более полезного назначения тоже найдется возможным отпустить ежегодно такую же сумму".

Сохранение в тайне общей организации, а также и "самых разведок" можно достичь, считал Никольский, при следующих условиях:

- руководство разведкой должно быть централизовано;

— во главе разведки должны быть поставлены лица, продолжительное время работающие в этой области и подчиненные непосредственно одному из высших начальников;

— негласные агенты, производящие сбор сведений, должны быть независимы друг от друга *"при полном незнании ими один другого"*.

Соблюдение первого и второго условий, по мнению Никольского дало бы возможность посвятить в дело разведки весьма ограниченный круг лиц, *"что более гарантирует сохранение тайны"*.

Никольский надеялся, что при полном сосредоточении управления всей негласной агентурной разведкой в одних руках — в разведывательном отделении — все учреждения военного ведомства, которым необходимо получать секретные сведения об иностранных государствах, будут обращаться непосредственно к лицу, в подчинении которого находится разведывательное отделение, и последнее будет *"совершенно самостоятельно добывать требуемое при посредстве агентов, известных лишь отделению"*. Соблюдение третьего условия, по словам Никольского, дало бы возможность контроля над действиями каждого агента. Такой контроль мог состоять в постановке одного и того же задания нескольким агентам с последующим сопоставлением добытых материалов. Кроме того, этим гарантировалось бы сохранение в тайне *"всей системы организации разведывательной службы"*.

Непрерывность наблюдения, утверждал Никольский, даст *"возможность представлять полную и истинную картину состояния вооруженных сил противника в любой момент"*.

Многое, сказанное Никольским, казалось очевидным, но, к сожалению, большинство недостатков, скрытых им, сохранились в работе военной разведки до начала Первой мировой войны.

Какие взгляды по вопросам организации и ведения разведки высказывались делопроизводителями 5 (впоследствии Особого) делопроизводства Генерального штаба полковниками Адабашем и Монквинцем, которые в силу занимаемого положения должны были оказывать непосредственное влияние на постановку дел разведки как ГУГШ, так и штабами военных округов?

15 июня 1906 г. Адабаш в докладе на имя 1 обер-квартирмейстера во многом повторил сказанное до него Михельсоном и Никольским. Адабаш, в частности, писал, *"что последняя война еще раз наглядно подтвердила крайнюю необходимость организации разведывательной службы в мирное время на возможно широких основаниях"* [56].

"Для успешного результата тайных разведок", по мнению Адабаша, необходимы следующие условия:

- «1) правильная организация разведывательной службы;
- 2) достаточный отпуск денежных средств;

3) соответственный выбор как руководителей разведки, так и вообще всех агентов, главных и второстепенных;

4) ведение разведок постоянно и непрерывно;

5) *соблюдение полной тайны*. *"Разведка должна быть строго разграничена, — утверждал Адабаш — на внешнюю, т.е. разведку неприятельского государства и его вооруженных сил и на контрразведку или охрану от разведки неприятелей"*.

В части организации внешней разведки Адабаш считал, что *"главная работа должна быть возложена на специальных тайных агентов, постоянно живущих в неприятельской стране и имеющих в ней связи"*. В распоряжении ГУГШ и окружающих штабов, по мнению Адабаша, должны были находиться *"главные агенты, живущие в главных пунктах неприятельской территории и приписанных к ней районам"*. Главные агенты должны были собирать разведывательную информацию через *"агентов второстепенных, как живущих постоянно в наиболее важных пунктах, так и подвижных"*.

Для организации разведки в широких размерах нужен значительный отпуск денег, утверждал Адабаш.

В ноябре 1909 г., суммируя опыт, полученный в результате работы в центральном аппарате, Монквинц констатировал, что вся разведка может быть разделена на две категории: случайную и постоянную.

"Разведка случайная. Очень часто благоприятный, неповторяющийся случай толкает человека передать сведения и притом немедленно, — писал Монквинц — Таким случаем военный агент должен пользоваться, конечно, с надлежащим разбором и осторожностью. Случайный разведчик очень часто на систематическое шпионство не пойдет; получит деньги за проданное и забастует. Но пользоваться им надо."

Разведка постоянная через профессиональных разведчиков. Эта разведка должна быть организована из Петербурга и ее на военных агентов возложить нельзя. Однако военные агенты должны быть в курсе дел и иногда должны передавать в Петербург с курьерами осторожно переданные им материалы для отправления" [57]. Как претворялись в жизнь идеи вышеупомянутых непосредственных организаторов разведки, будет показано в следующих главах.

Недофинансирование нужд военного министерства в целом напрямую сказывалось на размерах выделяемых ассигнований военной разведке. В 1906 г. *"на известное его императорскому величеству употребление"* было отпущено 156.950 рублей, *"в том числе 3.000 рублей на голубиную почту в Дании и 1.200 рублей на негласные расходы консулу в Бомбее"*, 56.890 из этой суммы по-прежнему предназначались для штаба Кавказского военного округа. Дополнительно к этой сумме было выделено 27.600 рублей на *"содержание в Петербурге наблюдения за иностранными военными агентами"*. *"С такими отпусками денег на разведку, — отмечалось в документе, подготовленном в ГУГШ в сентябре 1906 г.,*

по вопросу потребных ассигнований на специальную службу, — нельзя и помышлять об организации на постоянных и правильных основаниях сложного и трудного дела внешней и внутренней разведки и о должном ведении их" [58].

В 1906 г. 5 делопроизводство разработало три проекта смет расходов. Первый — оптимальный — "для организации разведки на прочных основаниях с постоянно оплачиваемым кадром надежных разведчиков". По произведенным расчетам необходимы были "ежегодные денежные отпуска в размере по крайней мере около 1.800.000 рублей". Второй проект — промежуточный. "Так как весь кадр разведчиков за крайней трудностью приискания соответствующих лиц не может быть набран в течение первых двух-трех лет", предлагалось испрашивать ежегодно до 1908 г. только 1.230.000 рублей, т.е. с сокращением требуемых расходов на одну треть. И, наконец, третий проект исходил из предельно допустимых минимальных расходов на разведку. "Ввиду настоящих денежных затруднений, — отмечало 5 делопроизводство, — можно с существенными сокращениями, идущими несомненно в ущерб делу разведки, до 1908 года ограничиться ассигнованием лишь 716.000 рублей ежегодно. Цифра эта является крайним низким пределом, при котором возможно положить хотя какое-либо начало организации разведки". Итак, ГУГШ готов был довольствоваться 716.000 рублями, из них 138.000 рублей предназначалось на ведение контрразведки.

Однако призыв ГУГШ не был услышан. Зато усилиями Главного Управления удалось добиться разового отпуска средств на разведку. Напряженные отношения с Турцией и события на Ближнем Востоке привели к тому, что ГУГШ с весны 1908 г. "были приняты меры к значительному усилению негласной разведки сначала только в Азиатской Турции, а затем также и во всей Турции, в прочих Балканских государствах и в особенности в Австро-Венгрии" [59]. Кратковременное наращивание разведки в указанном регионе удалось осуществить "исключительно лишь благодаря экстренному ассигнованию дополнительных 70.000 рублей". В апреле 1908 г. предпринимается очередная попытка добиться увеличения ассигнований на разведку на регулярной основе. В Военный Совет вносится представление об ежегодном дополнительном отпуске на надобности негласной разведки, начиная с 1909 года 596.750 рублей [60]. Военный Совет признал необходимым увеличить ежегодный отпуск для целей разведки на запрашиваемую сумму. "Однако вследствие необходимости сбалансировать смету 1909 г. с возможно наименьшим дефицитом, Главное управление Генерального штаба было вынуждено по предложению Совета Министров сократить предлагающуюся к добавочному отпуску сумму до 90.000 рублей". Именно представление на эту сумму было внесено в Государственную Думу. В результате в 1909 году негласные расходы на разведку вышли на уровень только 344.140 рублей.

В этом же году Военный совет передал на утверждение Государственной Думы и Государственного Совета представление на дополнительный ежегодный отпуск (сроком на три года) на разведку — внешнюю и контрразведку. Речь шла на сей раз о 160.000 рублях. "Мероприятие это, — подчеркивалось в объяснительной записке, подготовленной ГУГШ, — вызывается невозможностью поддерживать на правильных основаниях на ассигнуемые ныне ежегодно 344.130 рублей сложное дело внешней разведки в 11 сопредельных государствах и вести борьбу для воспрепятствования разведывательной деятельности тех же государств в России. Для дальнейшего постепенного развития разведывательной деятельности в мирное время и чтобы быть возможно более подготовленными ко времени начала военных действий, а равно могущих быть политических осложнений, требуется теперь же с 1 января 1910 г. увеличения ежегодного ассигнования по § 4, ст. 1. сметы Главного управления Генерального штаба на 160 тысяч рублей" [61]. Государственная Дума проголосовала за дополнительные ассигнования и спустя три года повторно высказалась за выделение запрашиваемых 160 тысяч рублей, что и было в последующем "высочайше утверждено".

В 1910 г. Военное министерство возбудило ходатайство об увеличении отпуска денег на секретные расходы с 1(14) января 1911 г. еще на 1.443.720 рублей сроком на десять лет. Это ходатайство было удовлетворено. Таким образом, начиная с января 1911 года, Генеральный штаб начал получать на секретные расходы 1.947.850 рублей ежегодно (содержание военных агентов было проведено отдельно по интендантской смете).

Однако эта сумма далеко не вся направлялась на организацию и ведение разведки. 8(21) января 1914 г. было "высочайше утверждено" "Расходное расписание на 1914 год по ст. 1 пар. 5 сметы Главного управления Генерального штаба" в размере 1.974.850 рублей [62], что представляла собой секретные расходы Военного министерства. (Приложение 4). 1.325.462 рублей, выделяемые на "надобности" разведки и контрразведки, были далеки от расчетной оптимальной суммы (по представлению 1906 г.) — 1.800.000 рублей и близки к той, которая могла устроить разведку как промежуточный вариант и только до 1908 года включительно — 1.230.000 рублей, что не могло отрицательно не сказаться на решении задач, стоящих перед разведкой. Однако в 1911 г., пребывая в состоянии эйфории от резкого увеличения ассигнований на разведку, ГУГШ говорило об "установлении отпуска достаточных для сего средств" [63].

Доля расходов на разведку и контрразведку в бюджете Военного министерства России была незначительна и составила в 1911 году — 0,07 и 0,06 процентов соответственно при ассигновании на армию в размере 1047.598.000 рублей [64]. В последующие два года это соотноше-

ние не претерпело сколько-нибудь существенных изменений. А как обстояло дело, согласно архивным документам, с перераспределением средств, выделяемых в рамках неизменных ассигнований на нее с 1911 по 1914 гг. с учетом роста напряженности на Западе?

1912 год. "Увеличены кредиты на разведку военным агентам в Черногории — с 1500 до 2000 руб. и в Сербии с 500 до 2000 руб. Ввиду необходимости усиления названными военными агентами, в связи с современным положением дел на Балканах, наблюдения за военными и иными мероприятиями соседних держав в Боснии, Санджаке и Албании" [65]. Одновременно "уменьшены кредиты на разведку военным агентам во Франции — с 1000 до 500 и в Швейцарии с 2000 до 1000 рублей, ввиду выяснившегося несоответствия прежних кредитов действительной потребности". Стоило исписать столько чернил о целесообразности организации разведки Германии и Австро-Венгрии с территории нейтральной Швейцарии, чтобы перед началом войны снизить расходы военному агенту в Берне на ведение разведки.

13(26) февраля 1912 г. начальникам штабов западных пограничных округов было направлено письмо за подписью НГШ, в котором, в частности, говорилось: "Тревожное положение дел в Европе, допускающее предположение о возможности возникновения весной сего года крупных международных осложнений, обуславливает необходимость безотлагательного усиления разведки штабами наших западных пограничных военных округов для более интенсивного наблюдения за мероприятиями, осуществляемыми нашими вероятными противниками в области подготовки к войне и принятия названными штабами подготовительных мер в целях обеспечения нам должной осведомленности в военное время" [66]. В этой связи дополнительно к уже выделенным суммам был переведен денежный аванс по 50 тысяч рублей штабам Вилenskого, Варшавского и Киевского военных округов и 25 тысяч рублей — Одесскому военному округу.

Вместе с тем намечается развитие негласной агентуры не только на Западе, но и по-прежнему на Востоке, в том числе выделены средства в размере 35 тысяч рублей на организацию из Шанхая агентурной сети в Японии.

1913 год. Очередное шараханье в части расходов на негласную разведку военному агенту в Берне. "Кредиты на разведку военным агентам в Швейцарии и Сербии увеличены" с одной до двух и с двух до трех тысяч рублей соответственно "ввиду значительно разросшейся в связи с современными обстоятельствами деятельности их по разведке в Австро-Венгрии..." [67]. "Кредит на содержание агентурной организации полковника Лаврова (№ 30)" возрос на 10 тысяч рублей по сравнению с 1912 годом и достиг 34 тысяч рублей. Одновременно был поднят "кредит на разведку военного агента в Китае". Выделены средства на со-

держание должности двух военных секретарей при консульствах в Урумчи и Шара-Сумэ. По сравнению с 1912 г. произошло также увеличение "кредитов" на ведение разведки штабами западных пограничных округов, в общей сложности на 25 тысяч рублей в силу "важности и величины заграничных районов, вверенных изучению и наблюдению названных штабов", а также исходя из "современного состояния и ожидаемого развития в этих районах их разведывательных организаций". Однако осознанного понимания необходимости любой ценой создать прочную агентурную сеть на Западе перед угрозой надвигающейся мировой войны не было.

В 1913 году так и не произошло поворота к наращиванию разведки на Западе за счет средств, выделяемых на ее ведение на Востоке. Так, в расходном расписании на 1913 г. кредит на разведку на Востоке исчислялся 311.600 рублей, а на Западе — всего 203.600 рублей [68].

1914 год. В смете расходов на 1914 год, наконец, предусматривается "по сравнению с 1913 годом центр тяжести разведки... решительно переместить с Востока на Запад, соответственно требованиям современной политической конъюнктуры". И действительно, с целью изыскать дополнительные средства принимается ряд решительных мер, в том числе ликвидируется агентурная организация в Японии, не выделяются средства на содержание военных секретарей при консульствах в Урумчи и Шара-Сумэ.

В связи с ростом агентурной организации № 30 полковника Лаврова в Западной Германии расходы на ее содержание были увеличены на 2.500 рублей. 17.000 рублей было выделено на создание агентурной организации в Восточной Германии. И, наконец, 40 тысяч рублей направлялось на создание агентурной организации № 31 в Австро-Венгрии [69].

Однако коренным образом изменить структуру расходов в рамках отпущенных ассигнований не удастся: на ведение разведки на Западе в 1914 г. выделяется 289.700 рублей (на Востоке — 271.300 рублей), и проявленная "решительность" уже была не в состоянии изменить неудовлетворительного положения вещей.

В подавляющем большинстве случаев необходимым условием службы в центральном органе разведки как одном из структурных подразделений Главного управления Генерального штаба являлась принадлежность к корпусу офицеров Генерального штаба. К таким офицерам относились успешно окончившие полный курс Николаевской Академии Генерального штаба (с 31 июля (12 августа, 1909 г.) она стала именоваться Николаевской военной академией, 4(17) августа того же года к ее названию было добавлено слово "Императорская" (далее по тексту: Военная академия). Успешное окончание полного курса не влекло однако за собой автоматического перевода в Генеральный штаб.

К приему в Военную академию допускались обер-офицеры всех родов войск гвардии и армии, для чего требовалась выслуга в офицерском чине не менее трех лет (из них не менее двух лет — на строевой должности), положительная аттестация, годность по состоянию здоровья и успешная сдача экзаменов. Общее число обучающихся в Военной академии определялось в 314 человек. Поэтому к приему допускалось ежегодно лишь число офицеров, недостававшее для установленного контингента (в среднем 70 человек). Отсюда — достаточно сложные предварительные письменные экзамены при штабах военных округов и особенно вступительные устные экзамены в Военной академии, в результате которых многие офицеры, даже успешно сдавшие письменные экзамены, не проходили по конкурсу. Обучение в Военной академии включало два класса — младший и старший (по году каждый) и дополнительный курс (9 месяцев), предназначавшийся для специальной подготовки к службе Генерального штаба. Но на дополнительный курс переводилось только такое число офицеров, окончивших два класса Военной академии по 1 разряду (в среднем не менее 10 баллов при 12-балльной системе), которое ежегодно определялось военным министром в зависимости от имевшихся в Генеральном штабе вакансий. Остальные офицеры, окончившие два класса Военной академии как по 1, так и по 2 разрядам, получали серебряный академический нагрудный знак и откомандировывались в свои части. Им предоставлялись значительные преимущества по службе (в частности, производство в подполковники после 3-летнего пребывания в чине капитана вместо 8—10 лет).

Среди офицеров Генерального штаба, закончивших Военную академию в 1903 г., потомственные дворяне составляли примерно 63 процента, личные дворяне — 12,3 процента (с 1856 г. потомственное дворянство приобретают все дослужившиеся до чина полковника, а личное — до чина обер-офицера (соответствующего штабе-капитану в армейской пехоте), все прочие сословия — 24,7 процента [70]. Обучение одного офицера в Военной академии по данным 1905 г. обходилось примерно в 40 тысяч рублей [71].

Офицеры, успешно закончившие дополнительный курс Военной академии, состоявший из самостоятельной разработки трех тем (военно-исторической, по военному искусству и стратегической), и зарекомендовавшие себя благонадежно с политической и нравственной стороны, получали право на "причисление" к Генеральному штабу. Это была особая категория офицеров, учрежденная сверх чинов, занимавших в Генеральном штабе штатные должности, для пополнения ежегодной убыли в Генеральном штабе и усиления его состава в военное время. Но "причислялось" к Генеральному штабу только такое число офицеров, окончивших дополнительный курс Военной академии, сколько имелось вакансий в Генеральном штабе; остальные офицеры откомандировывались в свои

части. "Причисление" к Генеральному штабу, как правило, зависело лишь от успешного окончания Военной академии и не связывалось с происхождением или социальным положением офицера.

"Причисленные" к Генеральному штабу офицеры распределялись по военным округам (преимущественно пограничным) и прикомандировывались к соответствующим окружным штабам "для всестороннего испытания соответствия их службе Генерального штаба". В 1901 году были введены новые правила зачисления в Генеральный штаб: офицеры, "причисляемые" к Генеральному штабу, обязывались вернуться на два года в строй для командования ротами и эскадронами. Однако эти требования не всегда соблюдались и часть офицеров прикомандировывалась к окружным штабам. В ходе двухгодичного пребывания в войсках офицеры этой категории привлекались к участию в полевых поездках, "военных играх" при штабах военных округов, руководством тактическими занятиями в частях, выступали с научными сообщениями. Правом на "перевод" в Генеральный штаб по мере открытия вакансий пользовались лишь офицеры, "причисленные" к Генеральному штабу и успешно отбывшие в полном объеме положенный ценз, остальные откомандировывались в свои части. "Переведенный" в Генеральный штаб офицер получал значительные преимущества по службе. Так, в мирное время офицер Генштаба получал полк, как правило, через 15—17 лет службы, на что даже "выдающиеся строевые офицеры", но без академического диплома могли рассчитывать только через 25 лет. Для офицеров Генштаба была открыта широкая дорога не только в армии, но и вне военного ведомства. Накануне первой мировой войны, на 18 июля 1914 г., в корпусе офицеров Генштаба состояло 1135 человек (в том числе 425 генералов, 472 штаба — и 238 обер-офицеров) [72].

Программами Военной академии не предусматривалось чтение специального курса по разведке [73]. Тема "разведывательная служба" изучалась в рамках раздела "Ведение военных действий (операций)" дисциплины "Стратегия" [74]. Автором одноименного учебного пособия является генерал-лейтенант Н.П. Михисевич. До слушателей Академии доходило, что важнейшими предметами разведывания являются "противник, местный элемент, средства страны и население страны". При этом обращалось внимание на то, что "армия противника должна быть изучаема в мирное время во всех отношениях: боевое расписание, штаты, командный элемент, нравственные качества начальников и солдат, вооружение, обучение, военная литература и критика, формы одежды" [75].

В части категории "местный элемент" указывалось на необходимость составления еще в мирное время "подробных военно-географических и статистических описаний тех стран, в которых возможна для данной армии война". "Изучение средств страны, — подчеркивалось автором "Стратегии", — проверка на месте имеющихся статистических данных

ние не претерпело сколько-нибудь существенных изменений. А как обстояло дело, согласно архивным документам, с перераспределением средств, выделяемых в рамках неизменных ассигнований на нее с 1911 по 1914 гг. с учетом роста напряженности на Западе?

1912 год. "Увеличены кредиты на разведку военным агентам в Черногории — с 1500 до 2000 руб. и в Сербии с 500 до 2000 руб. Ввиду необходимости усиления названными военными агентами, в связи с современным положением дел на Балканах, наблюдения за военными и иными мероприятиями соседних держав в Боснии, Санджаке и Албании" [65]. Одновременно "уменьшены кредиты на разведку военным агентам во Франции — с 1000 до 500 и в Швейцарии с 2000 до 1000 рублей, ввиду выяснившегося несоответствия прежних кредитов действительной потребности". Стоило исписать столько чернил о целесообразности организации разведки Германии и Австро-Венгрии с территории нейтральной Швейцарии, чтобы перед началом войны снизить расходы военному агенту в Берне на ведение разведки.

13(26) февраля 1912 г. начальникам штабов западных пограничных округов было направлено письмо за подписью НГШ, в котором, в частности, говорилось: "Тревожное положение дел в Европе, допускающее предположение о возможности возникновения весной сего года крупных международных осложнений, обуславливает необходимость безотлагательного усиления разведки штабами наших западных пограничных военных округов для более интенсивного наблюдения за мероприятиями, осуществляемыми нашими вероятными противниками в области подготовки к войне и принятия названными штабами подготовительных мер в целях обеспечения нам должной осведомленности в военное время" [66]. В этой связи дополнительно к уже выделенным суммам был переведен денежный аванс по 50 тысяч рублей штабам Виленского, Варшавского и Киевского военных округов и 25 тысяч рублей — Одесскому военному округу.

Вместе с тем намечался развитие негласной агентуры не только на Западе, но и по-прежнему на Востоке, в том числе выделены средства в размере 35 тысяч рублей на организацию из Шанхая агентурной сети в Японии.

1913 год. Очередное шараханье в части расходов на негласную разведку военному агенту в Берне. "Кредиты на разведку военным агентам в Швейцарии и Сербии увеличены" с одной до двух и с двух до трех тысяч рублей соответственно "ввиду значительно развившейся в связи с современными обстоятельствами деятельности их по разведке в Австро-Венгрии..." [67]. "Кредит на содержание агентурной организации полковника Лаврова (№ 30)" возрос на 10 тысяч рублей по сравнению с 1912 годом и достиг 34 тысяч рублей. Одновременно был поднят "кредит на разведку военного агента в Китае". Выделены средства на со-

держание должности двух военных секретарей при консульствах в Урумчи и Шара-Сумэ. По сравнению с 1912 г. произошло также увеличение "кредитов" на ведение разведки штабами западных пограничных округов, в общей сложности на 25 тысяч рублей в силу "важности и величины заграничных районов, вверенных изучению и наблюдению названных штабов", а также исходя из "современного состояния и ожидаемого развития в этих районах их разведывательных организаций". Однако осознанного понимания необходимости любой ценой создать прочную агентурную сеть на Западе перед угрозой надвигающейся мировой войны не было.

В 1913 году так и не произошло поворота к наращиванию разведки на Западе за счет средств, выделяемых на ее ведение на Востоке. Так, в расходном расписании на 1913 г. кредит на разведку на Востоке исчислялся 311.600 рублей, а на Западе — всего 203.600 рублей [68].

1914 год. В смете расходов на 1914 год, наконец, предусматривается "по сравнению с 1913 годом центр тяжести разведки... решительно переместить с Востока на Запад, соответственно требованиям современной политической конъюнктуры". И действительно, с целью изыскать дополнительные средства принимается ряд решительных мер, в том числе ликвидируется агентурная организация в Японии, не выделяются средства на содержание военных секретарей при консульствах в Урумчи и Шара-Сумэ.

В связи с ростом агентурной организации № 30 полковника Лаврова в Западной Германии расходы на ее содержание были увеличены на 2.500 рублей. 17.000 рублей было выделено на создание агентурной организации в Восточной Германии. И, наконец, 40 тысяч рублей направлялось на создание агентурной организации № 31 в Австро-Венгрии [69].

Однако коренным образом изменить структуру расходов в рамках отпущенных ассигнований не удается: на ведение разведки на Западе в 1914 г. выделяется 289.700 рублей (на Востоке — 271.300 рублей), и проявленная "решительность" уже была не в состоянии изменить неудовлетворительного положения вещей.

В подавляющем большинстве случаев необходимым условием службы в центральном органе разведки как одном из структурных подразделений Главного управления Генерального штаба являлась принадлежность к корпусу офицеров Генерального штаба. К таким офицерам относились успешно окончившие полный курс Николаевской Академии Генерального штаба (с 31 июля (12 августа, 1909 г.) она стала именоваться Николаевской военной академией, 4(17) августа того же года к ее названию было добавлено слово "Императорская" (далее по тексту: Военная академия). Успешное окончание полного курса не влекло однако за собой автоматического перевода в Генеральный штаб.

тоже очень важны, так как война производит иногда полный переворот в жизни и распределении средств местного населения". И, наконец, отмечалась необходимость иметь представление об устройстве местного управления, а также "хорошо знать: каких обычаев страны не следует касаться, чтобы без нужды не раздражать население, какими способами легче на него воздействовать..."

Во время войны Михневич различал косвенные и прямые средства для сбора разведывательных сведений. К косвенным средствам он отнес следующие: картографические, статистические и исторические материалы; официальная и частная корреспонденция; опрос жителей, пленных, дезертиров, парламентариев, проводников и заложников; шпионство [76]. Прямыми средствами сбора разведывательных сведений, согласно Михневичу, являлись войсковые средства, главным образом, кавалерийская разведка, а также "воздушные шары, вышки, оптические сигналы" [77]. По объему весь материал темы "разведывательная служба" в части агентурной разведки был довольно ограничен, порой поверхностен, фрагментарен и давал скорее "пищу" для размышлений, нежели закладывал серьезную базу знаний по данной проблеме. Поэтому слушатели академии, как правило, без должного внимания и интереса относились к этому курсу.

"В академии нас с тайной разведкой даже не знакомят, — вспоминает А.А.Игнатьев, военный агент во Франции и странах Скандинавии, — это просто не входило в программу преподавания и даже считалось делом "грязным", которым должны заниматься сыщики, переодетые жандармы и другие темные личности" [78].

Не все благополучно обстояло и с подбором специальной литературы и учебных пособий. Согласно систематическому указателю книг за 1832—1910 года, в библиотеке Императорской Николаевской Военной Академии в разделе "Разведка. Охранение. Тайная разведка. Криптография" значились следующие книги на русском языке: В.Н.Клембовский "Тайные разведки (Военное шпионство)"; П.И.Изместьев "Значение военного секрета и скрытности (Из заметок офицера Генерального штаба)"; Лягуар "Немецкое шпионство во Франции"; Рауль Рюдеваль "Разведка и шпионаж"; "Практические указания строевым офицерам" [79]. Имелся также ряд устаревших изданий на французском языке, в частности, по криптографии. Из проведенного анализа вышеперечисленных изданий следует, что ни одно из них не могло служить практическим руководством для постановки и организации разведывательной работы. Читавший в Военной Академии курс "Военной статистики России" А.Медведева давал слушателям достаточно полное представление о том, какие сведения об иностранном государстве подлежат сбору со стороны офицеров Генерального штаба. Однако данный курс не рассматривал вопросы, относящиеся к способам организации и ведения такого сбора.

Предполагалось, что освоение новых обязанностей офицерами корпуса Генерального штаба будет осуществляться непосредственно при их назначении на соответствующие разведывательные должности.

Что касается языковой подготовки слушателей академии, то она также оставляла желать лучшего. При поступлении в Военную Академию кандидаты выдерживали экзамен по знанию двух иностранных (западных) языков. Однако постановка преподавания иностранных языков в ходе обучения не позволяла совершенствовать знание языков, а лишь закрепляла существующий статус-кво, когда подавляющая часть слушателей была способна только на письменные переводы со словарем. Восточные языки в Военной Академии не изучали и отдавали на "откуп" другим учреждениям.

К 1908 г. "языки Ближнего Востока" преподавались на офицерском курсе восточных языков при учебном отделении восточных языков Министерства иностранных дел. Этот курс начал свою деятельность с 1885 г. и предусматривал трехгодичное обучение с ежегодным приемом по пять офицеров. С 1906 г. "заведование офицерами, учащимися на курсах восточных языков" возлагается на Азиатский отдел Главного штаба [80]. На курсе изучались арабский, персидский, турецкий, татарский и французский языки, мусульманское и международное право.

Для абитуриентов устанавливались жесткие вступительные экзамены. От них требовалось "основательное знакомство" со следующими регионами: "1) Европейская Турция, 2) Азиатская Турция, 3) Кавказ, 4) Туркестан и Закаспийский край, 5) Западная Сибирь, 6) Восточная Сибирь, 7) Амурская и Приморская области, 8) Персия и Белуджистан, 9) Афганистан, 10) Хива, Бухара и прочие среднеазиатские государства, 11) Джунгария, Илийский край, Монголия, Маньчжурия, Тибет и Корея, 12) собственно Китай, 13) Индокитай и Индийский архипелаг, 14) Индия и 15) Япония" [81]. Понятие "основательное знакомство" охватывало такие вопросы как "географическое положение и физический обзор...; размер территории и численность населения, племенной и религиозный состав населения и распределение его по территории; государственное устройство, политическое и административное деление страны, главнейшие населенные и укрепленные пункты, пути сообщения: реки, искусственные и грунтовые дороги; промышленность и торговля; вооруженные силы; знакомство с лучшими картами русскими и иностранными Турции и азиатских государств".

Во время каникул слушатели курсов обязательно командировались в страны Ближнего Востока в целях совершенствования изучаемого ими языка и общего ознакомления со страной.

"Языки Ближнего Востока" преподавались также на курсе языка "индустии" — урду (разновидность хинди) — при штабе Туркестанс-

кого военного округа (г.Ташкент). Курс был рассчитан на два года и насчитывал 15 человек. Ежегодно офицер, показавший лучшие знания в языке, мог быть командирован в Индию для совершенствования урду на практике. Кроме "индустани" преподавались персидский и английский языки.

"Языки Дальнего Востока" изучались офицерами в Восточном институте, открывшемся во Владивостоке в 1899 году. С 1906 г. в Восточный институт принималось по 20 человек ежегодно (обучение четырехгодичное). В институте изучались *"японский, китайский, корейский, монгольский, маньчжурский, французский и английский языки"*. Об уровне языковой подготовки выпускников института свидетельствует документ ГУГШ, датированный 9(22) ноября 1909 г.: *"Существующие курсы Владивостокского восточного института далеко не удовлетворяют своему назначению: из института офицеры выходят со знанием только теории языка, чтения и отчасти письма, к разговорной же речи они являются совершенно не подготовленными"* [82].

Для изучения китайского языка командировались офицеры в школу толмачей и переводчиков при российских консульствах в Урге и Кульдже (сроком на два года по два и одному офицеру соответственно). Китайский и японский языки изучались офицерами также самостоятельно, таких офицеров были единицы. В качестве поощрения им выделялась денежная премия для оплаты двухгодичной командировки в Китай или Японию [83].

Для выпускников офицерского курса при МИДе и Восточного института была характерна неопределенность положения, офицеры возвращались в строй, в большинстве случаев не находя применения знаниям редких языков. Именно среди таких офицеров военных округов подыскивали кандидатов на должности негласных военных агентов — "крышевые" должности в консульствах и миссиях России на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке.

Военным министерством предпринимались попытки подготовить специалистов в японском языке из подростков-сирот, чьи отцы не вернулись с русско-японской войны. В 1907 году, по просьбе военного начальства в Харбине и Хабаровске в Японию было направлено 12 подростков — для обучения в Токийской мужской семинарии, состоящей при японской православной духовной миссии. Цель — *"для образования из них переводчиков японского языка"*. Военное ведомство взяло на себя все расходы по обучению [84]. Лишь один из них, — Василий Сергеевич Ощепков, по возвращении на родину в 1914 г. был зачислен на службу переводчиком разведывательного отделения штаба Приамурского военного округа во Владивостоке [85].

Вернемся, однако, к вопросу формирования кадров и подбора кадров для службы в центральных органах военной разведки и за рубе-

жом на должностях военных агентов. Принадлежность к корпусу офицеров Генерального штаба являлась необходимым, но не единственным условием назначения в центральный аппарат разведки. К сотруднику разведывательного органа предъявлялись специфические требования как в части его характера, так и образа жизни и имущественного положения. Об этом, в частности, можно судить по рапорту от 14(27) октября 1910 г., представленного на имя генерал-квартирмейстера ГУГШ [86]. В связи с вакантной должностью помощника делопроизводителя Особого делопроизводства от Генерал-квартирмейстера испрашивалось ходатайство о назначении на эту должность помощника старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа Генерального штаба капитана Майера.

"Капитан Майер, — отмечалось в рапорте, — владеет французским, немецким и английским языками, очень усерден, чрезвычайно интересуется вопросами военной разведки, на каковую тему делал сообщение в штабе войск гвардии и Петербургского ВО в 1909 г., весьма серьезен и с инициативой". "Что касается свойств его характера, — подчеркивалось далее, — то, насколько удалось выяснить, он весьма настойчив, в высшей степени тактичен, прекрасно воспитан и вполне сдержан в своих разговорах". При этом обращалось внимание на то, что "денежные дела его в полном порядке и долговых обязательств, по-видимому, не имеет".

Основанием для таких утверждений являлись т.н. негласные сведения, т.е. данные, собранные с помощью департамента полиции. *"Образ жизни Майер ведет очень скромный, — следовало из справки, представленной в ГУГШ департаментом полиции, — знакомства с кем почти не поддерживает и иногда только к нему приходит его сестра с подрукою. На службу он уходит около 8 часов утра и в 10—11 часов вечера всегда уже возвращается домой. По-видимому, он имеет хорошие средства. Жизнь ведет трезвую, часто можно его встретить в пассаже; ходит играть в карты в английский клуб и благородное собрание. За команду платит аккуратно и долгов не имеет"* [87].

Приведенный выше пример говорит о достаточно жестком подборе кадров центрального аппарата.

В ходе реформирования центральных и периферийных органов военной разведки высказывались мнения и о том, каков должен быть кадровый разведчик.

Свою точку зрения на то каким должен быть офицер Генерального штаба, занимающийся изучением противника, изложил и человек далекий от разведки, но болеющий за правильную постановку дела, Генерального штаба генерал-майор В.И.Косов. Офицер-разведчик виделся Косову способным в первую очередь к научной деятельности и ведущим таковую. *"Генеральный штаб должен иметь единую специализацию — изучение противника, понимая это в самом широком смысле слова, —*

писал Косов. — Подготовка к этой специальности требует такой огромной научной работы, что она должна захватить всего человека на всю жизнь. Выработаться должен специалист, прекрасно изучивший противника на каждом фронте в течение мирного времени, а потому способного в военное время по тем ничтожным данным составить наиболее правильное заключение о силах и намерениях противника" [88].

Подготовка специалиста-разведчика помимо систематического занятия научной деятельностью должна была включать в себя, по мнению Косова, и непосредственное знакомство с вероятным противником в мирное время. "Что же касается офицеров, желающих посвятить себя изучению противника, в основном прохождения службы, — считал Косов, — должно быть поставлено: по окончании Академии офицер не только не прекращает научные занятия, а напротив ведет их непрерывно и при том систематически. По выпуску из Академии офицеры, посвятившие себя изучению противника, зачисляются в распоряжение Начальника Генерального штаба на 2 года. За это время слабо владеющие языками посылаются за границу для изучения, а хорошо владеющие — в распоряжение посольств и консулов. Через 2 года они переводятся в Генеральный штаб".

Предусмотрел Косов и пути дальнейшего использования офицеров-разведчиков, с годами утративших определенные профессиональные качества:

"Лица, посвятившие себя этой специальности, в случае потери с годами гибкости, необходимой для несения службы, должны получить возможность перехода на другую службу, в том числе и по дипломатическому корпусу. Военно-исторический отдел Генерального штаба также должен быть к их услугам".

Активизация иностранных спецслужб в России, обусловленная как внешне-политической обстановкой того времени, характеризовавшейся крайней напряженностью межгосударственных отношений, так и несовершенством российского законодательства, заставила руководство страны предпринимать усилия по созданию эффективной системы контрразведывательных органов, выработке единого положения о контрразведке, а также пересмотру соответствующих статей Свода Законов.

Конфронтация департамента полиции и созданного в июне 1903 г. для борьбы с иностранным шпионажем Разведочного отделения Главного штаба продолжалась до 1905 года и к январю окончательно парализовала деятельность последнего. В одном из рапортов от 14 января того же года начальник Разведочного отделения В.Н.Лавров докладывал: "При таких условиях Отделение не может выполнять возложенных на него задач, а потому прошу указания относительно направления дальнейшей деятельности Отделения". Нам не известна реакция Главного штаба. Годовой отчет за этот год начинается с горького признания: "В истекающем 1905 году Разведочное отделение осталось все в том

же стесненном положении, которое создал ему Департамент полиции в предшествующем году". Сотрудники Департамента полиции продолжали по-прежнему разработку тех объектов, которые считали важными, постоянно вторгаясь в сферу деятельности ГУГШ. Так продолжалось до конца июня 1906 года, когда "существовавшее при Департаменте полиции специальное отделение по разведке военного шпионства, коим заведовал ротмистр Комиссаров, было упразднено" [89].

К этому моменту у руководства ГУГШ и военного министерства складывается окончательное мнение, что военная разведка и контрразведка вещи взаимосвязанные и должны быть сосредоточены в одних руках. Именно, начиная с 1906 г. в документах ГУГШ в части разведки, последняя уже подразделяется на "внешнюю" и "внутреннюю" или контрразведку и рассматривается как единое целое [90].

Однако прошло еще целых пять лет прежде чем был окончательно решен вопрос о передаче военному ведомству организации и ведения контрразведки. Несогласованность действий "розыскных учреждений", недостаток знаний и опыта у случайно стоящих и постоянно меняющихся руководителей, отсутствие соответствующих инструкций отрицательно сказывалось на результатах работы. Вышесказанное, а также неуклонный рост иностранного шпионажа против России выдвинул необходимость учреждения особого органа, занимающегося исключительно контрразведкой, и снабженного как достаточными средствами, так и полномочиями, со стоящими "во главе лицами со специальной подготовкой к делу розыска". В этой связи по соглашению министра внутренних дел с военным ведомством в декабре 1908 г. была создана межведомственная комиссия по организации контрразведывательной службы в России. Комиссией был проведен ряд совещаний в 1909 и 1910 гг. Заседание комиссии 29 июля (11 августа) 1910 г. проходило под председательством министра внутренних дел Курлова.

Перечень участников дает представление о заинтересованных ведомствах. Так, на заседании присутствовали "исполняющий должность директора департамента полиции статский советник Белецкий, помощник начальника штаба Отдельного корпуса жандармов генерал-майор Залесский, и. о. вице-директора департамента полиции статский советник Виссарионов, делопроизводитель разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба полковник Монкевич, заведующий особым отделом департамента полиции полковник Ермин, начальник жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги полковник Савицкий, начальник Киевского охранного отделения подполковник Кулябко, начальник иностранной части морского отделения подполковник Душин-Барковский, помощник делопроизводителя разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба капи-

тан Ассанович и чиновник особых поручений VI класса при департаменте полиции коллежский секретарь Сенько-Поповский" [91].

Заседание пришло к выводу, что "департамент полиции не обладает специальными знаниями военной организации русской и иностранных армий и, вследствие этого, не может руководить контрразведочной службой", вследствие чего последняя должна состоять "в ведении военного начальства". Работа межведомственной комиссии была завершена к середине 1911 г. и 8(21) июня 1911 г. военным министром Сухомятиным были утверждены "Положение о контрразведывательных отделениях" и "Инструкция начальникам контрразведывательных отделений". Результатом ее работы явилась передача контрразведки исключительно в ведение военного министерства.

Согласно Положению, контрразведывательные отделения учреждались "для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам империи" [92]. К "военному шпионству" был отнесен "сбор всякого рода сведений о вооруженных силах (сухопутных и морских) и об укреплённых пунктах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщения, производимый с целью передачи их иностранной державе". В целом военное шпионство квалифицировалось как "всякая деятельность по добыванию сведений о вооруженных силах, военно-материальных или военно-технических средств".

Контрразведывательные отделения были учреждены в крупных городах. Во главе каждого контрразведывательного отделения назначался офицер Отдельного корпуса жандармов. Все контрразведывательные отделения кроме Петербургского городского состояли при соответствующих штабах военных округов, в ведении которых "всёцело" находились. Петербургское городское отделение состояло при Отделе генерал-квартирмейстера ГУПС.

Начальники контрразведывательных отделений округов были непосредственно подчинены генерал-квартирмейстеру ГУПС (Петроградское городское отделение) или генерал-квартирмейстеру соответствующего округа. Представление начальниками контрразведывательных отделений своих докладов и соображений на имя соответствующих генерал-квартирмейстеров предусматривалось через делопроизводителя Особого делопроизводства Огенькова ГУПС (Петербургское городское отделение) и старших адъютантов разведывательных или отчетных отделений окружных штабов по принадлежности. Отныне "все делопроизводство по контрразведывательным отделениям и переписка вообще по вопросам о борьбе с военным шпионством сосредоточивается в Особом делопроизводстве отдела генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Решение вышеперечисленных задач возлагалось на помощника делопроизводителя из числа прикомандированных офицеров Отдельного корпуса жандармов".

В октябре 1911 г. "по приказанию Его превосходительства начальника Отдельного корпуса жандармов в распоряжение генерал-квартирмейстера Генерального штаба для назначения на должность помощника делопроизводителя Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера был командирован Отдельного корпуса жандармов подполковник Якубов" [93].

Назначение Якубова было неслучайно. Он и начальник Санкт-Петербургского охранного отделения Отдельного корпуса жандармов полковник фон Котен (впоследствии выступает как руководитель негласной агентурной организации) "оказывали Военному министерству весьма ценное содействие между прочим по ликвидации выдающихся военно-шпионских дел барона Унгерна, Штернберга и капитана Постникова" [94].

Созданные во второй половине 1911 года контрразведывательные отделения при военных округах сравнительно быстро сумели обеспечить себя необходимым количеством агентуры и направить ее на выявление немецких, австрийских, японских и иных шпионов. Так, виленское контрразведывательное отделение на 1 января 1913 года в своем распоряжении имело уже 48 агентов, работающих по выявлению и разработке австрийских и немецких шпионов. 39 человек этих агентов работали на русской пограничной территории. Остальные 9 человек агентов виленского контрразведывательного отделения работали за границей. Из числа этих агентов 3 человека работали в Эйдкумене, 2 — в Кенигсберге, 1 — в Столупянах, 1 — в Инстербурге, 1 — в Простке (Восточная Пруссия) и 1 — в Вене [95]. "Особое затруднение встретила организация агентурной сети за границей, так как помимо общих требований, предъявленных к агентам на нашей территории, коим они должны удовлетворять, нужно было знание немецкого языка" — подчеркивалось в "Отчете генерал-квартирмейстера штаба Виленского военного округа Белова о работе контрразведывательного отделения при штабе округа за 1912 г."

"Удачно приобретенная агентура в Эйдкумене и Кенигсберге на первых же порах дала ценные указания относительно существования и местонахождения лица, ведущего военную разведку о России, и о некоторых его агентах", — отмечалось далее в Отчете.

Наряду с развитием агентурной сети, в контрразведывательном отделении при штабе Виленского военного округа производилась соответствующая подготовка "наблюдательного состава". О ходе этой работы начальник отделения Отдельного корпуса жандармов ротмистр Беловодский сообщал: "Набирая людей для наблюдательного состава, пришлось вести с ними занятия, знакомя их в общих чертах с устройством войск, расквартированием и тому подобными сведениями, необходимыми для ведения розыска; люди знакомились также и с приемами веде-

ния наружного наблюдения согласно выработанным Главным управлением Генерального штаба указаниям и принятым чинами корпуса жандармов. Почти одновременно с этим, агентура выяснила целую организацию преступной сети военного шпионства в Ковне, и из сравнительно мало подготовленных людей в начале декабря явилась надобность выслать наблюдательный отряд в гор. Ковну. Результат подготовки в этом направлении людей, притом в самый короткий промежуток времени, сказался на ликвидации, произведенной 19 января 1912 года, когда при совместном агентурном освещении и непрерывном наружном наблюдении были задержаны во Владиславе Закарий Кауфман и Гирш Сагалович, везшие для продажи за границу важные мобилизационные документы; в гор. Ковне — писарь 28 артиллерийской бригады Иван Греблов и его соучастники — Рабинович и Шейн... "[96].

Другие контрразведывательные отделения при окружных штабах также в достаточно короткие сроки сравнительно быстро создали необходимое количество агентуры и добились неплохих результатов в борьбе с иностранным шпионажем. Петербургское окружное контрразведывательное отделение имело обширную агентуру как на территории России, так и за ее пределами, и наряду с контрразведывательными задачами решало разведывательные, добывая важные разведывательные сведения.

Военной контрразведке удалось насадить агентуру в иностранных посольствах в России и, в том числе в посольстве Великобритании. Через эту агентуру снимались копии с материалов, отправляемых посольством в Лондон в течение первой половины 1914 г. как собственно послом Великобритании Джорджем Бьюкененом, так и военным агентом подполковником Альфредом Ноксом. Добываемые агентурным путем копии отправляемых материалов позволяли вскрывать источники информации англичан, так как часть материалов была секретной ("Записка о проектируемых железных дорогах в Средней Азии России и возможное значение их при мобилизации" от 1913 г. "Изменения в русской армии в 1913 г.", "Темы, разработанные слушателями 3 курса Николаевской Военной академии в 1912 г." и т.д.), а также выяснять позицию посольства Великобритании по вопросам внутриполитической жизни России [97].

В начале 1911 года министерства юстиции и военные приступили к пересмотру действующего в России законодательства о государственной измене путем шпионства. К этому времени в России основным законом, направленным против иностранного шпионажа, являлась статья III Уголовного Уложения, значительно заимствованная из немецкого и французского законодательства начала XX века. Согласно этой статье, преступными признавались такие деяния, когда сообщаемые иностранному государству сведения составляли бы тайну для иностранного государства и тайный характер этих сведений

был заведомо известен обвиняемому [98]. По смыслу III статьи Уголовного Уложения, многие секретные и другие важные государственные документы, в том числе и приказы по военному ведомству, не считались тайной, а поэтому и передача их агентам иностранных государств признавалась ненаказуемой. Понятно, что при наличии такого законодательства, никакой речи о серьезной борьбе со шпионажем быть не могло. Показателен следующий факт. С 1901 по 1911 год разведывательным отделением Варшавского военного округа была раскрыта деятельность 150 иностранных шпионов. В суде же по этим обвиняемым удалось провести только 17 дел, по которым к ответственности было привлечено всего 33 шпиона из них четверо были оправданы.

После длительной процедуры согласований и уточнений, 3 марта 1912 года министр юстиции Щегловитов и военный министр Сухомлинов представили на рассмотрение Государственной думы новый законопроект об изменении действующих законоположений о государственной измене путем шпионства. 6 июня 1912 года Государственная дума одобрила проект закона и представила его на рассмотрение Государственного совета, а 5 июля закон был утвержден Николаем II.

Закон от 5 июля 1912 года "об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства", в значительной мере ликвидировал отсталость русского законодательства в области борьбы с иностранным шпионажем и давал серьезное оружие в руки судебных и контрразведывательных органов России в борьбе с иностранным шпионажем. В понятие шпионажа по новому закону стало входить собираще или способствование собираще иностранными государствами сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России или ее вооруженных сил или сооружений, предназначенных для защиты страны. Шпионаж против России по этому закону стал являться тягчайшим видом государственной измены и наказание за шпионские деяния увеличилось с 8 до 15 лет каторжных работ [99].

Как штабами военных округов, так и главным управлением Генерального штаба разрабатывались мероприятия по подготовке контрразведывательных органов к действиям "в случае мобилизации". Так, 14 января 1913 г. в ГУГШ за подписью окружного генерал-квартирмейстера генерал-майора Ломновского и старшего адъютанта разведывательного отделения полковника Духонина были представлены "Соображения по формированию с объявлением мобилизации контрразведывательных органов при штабе Киевского военного округа" [100].

В основу организации контрразведывательных органов было положено "стремление создать: во-1-х — подвижную агентуру в виде личного состава, по возможности подготовленного к предстоящей деятель-

ности еще в мирное время; во-2-х — сеть агентов, распределенных на местах в наиболее важных в военном отношении пунктах (районах первоначального сосредоточения и узловых пунктах, приобретающих особое значение по развитию тыловых учреждений, в важнейших жизненных центрах края)”. “Эта сеть должна быть подготовлена в мирное время, отмечалось в Соображениях, путем подбора энергичных и надежных агентов среди местного населения”. К Соображениям прилагался “проектируемый штат названных органов контрразведки”.

Несмотря на очевидную целесообразность и необходимость претворения в жизнь еще в мирное время предлагаемых мероприятий, каких-либо конкретных шагов в этом направлении сделано не было.

Накануне Мировой войны в военном ведомстве поднимался вопрос о подготовке к диверсионным, партизанским действиям в тылу вероятного противника. Весь комплекс мероприятий, относящихся к этой области, получил в последующем название “активной разведки”.

В ноябре 1907 года помощнику военного агента в Китае Генерального штаба полковнику Р.-К.Ф. Вальтеру через посредничество финансового агента Л.Ф. Гойера обратился с предложением бывший адъютант корейского императора Хион-Сан-Гиен [101]. В ходе беседы выяснилось, что посетитель хорошо известен российским властям в Петербурге, который он дважды посещал — в 1903 и 1906 годах — по поручению императора с ходатайством об оказании покровительства Корее. Сам бывший адъютант принадлежал к националистической партии и являлся ярым противником японцев, за что и был три года назад изгнан из Кореи.

Суть предложения сводилась к следующему. Корея имеет 40 тысяч винтовок и восемь миллионов патронов, складированных в Гонконге, которые в любую минуту могут попасть в руки японцев. В этой связи кореец предложил фиктивно приобрести французской фирме запасы оружия и боеприпасов, которые будут доставлены во Владивосток, с последующим размещением здесь этого оружия на хранение.

По словам бывшего адъютанта, “Корея является в нынешнем своем состоянии сильнейшим козырем в наших руках, которого японцы не имеют. Это целая страна в тылу будущих японских операций, схваченная самой искренней ненавистью к своему притеснителю... На эту силу можно рассчитывать, если Япония сделает нам вторичный вызов”.

Сам посетитель предложил использовать его самого “в интересах нашего общего против Японии дела”, а в случае войны готов был выступить в качестве одного из руководителей восстания против японцев, в котором и пригодилось бы доставленное во Владивосток оружие.

Вальтер изложил суть вопроса в рапорте на имя военного агента в Китае Генерального штаба полковника Л.Г. Корнилова. По мнению Вальтера, корейца следовало “приласкать заблаговременно”. “Он мог бы

быть полезен нам и в настоящее время в целях разведки как в мирное, так и особенно в военное время для непосредственного разведывания в тылу японской армии и для поднятия восстания в Корее”.

Корнилов направил полученный рапорт Вальтера в ГУГШ. 30 января (13 февраля) 1908 года Главное управление Генерального штаба уведомило военного агента в Китае, что все необходимые указания, затронутые в рапорте Вальтера, уже даны начальнику штаба Приамурского военного округа. Для ориентировки полковника Вальтера на случай непосредственного обращения корейца сообщалось:

“1. По мнению генерала от инфантерии Палицына, хранение во Владивостоке большой партии оружия, принадлежащего корейскому правительству, а равно оказание последнему какого-либо содействия в целях сокрытия его в пределах наших территорий совершенно недопустимо, поэтому начальник штаба Приамурского военного округа уполномочен лишь указать корейцу, что подходящим местом для хранения указанного оружия явилась бы территория КВЖД.

2. По всем остальным вопросам, касающимся разведки в Корее, начальство округа с полной готовностью вступит в переговоры с названным корейцем по приезде его в Хабаровск, каковой приезд по весьма понятным причинам «желательно обставить полной тайной».

12 (25 марта) 1908 г. генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа в письме военному агенту в Китае сообщил о желании пользования услугами корейца, о котором в округе до сих пор нет никаких сведений. В этой связи у Корнилова попросили выяснить точное местонахождение корейца.

Корнилов отметил, что кореец находился в Шанхае и “что он, по видимому, не решился предпринять поездку в Хабаровск, успех которой для него гадателен, а неудача и возвращение могут навлечь на него соответствующих подозрений и неприятности со стороны японских властей”. Контакт бывшего адъютанта корейского императора со штабом Приамурского военного округа так и не состоялся. В 1912 г. Хион-Сан-Гиен был включен в состав негласной агентуры ГУГШ.

Однако эта история в части использования настроений местного населения против Японии получила свое развитие спустя два года. 2 (15) октября 1910 г. некий штабс-капитан Лехмусар представил свои соображения по поводу использования корейского населения в целях борьбы с японцами.

Лехмусар предложил не ограничиваться одними “простыми разведками”, т.е. сбором сведений, а обратить внимание, “на поддержание в корейцах того враждебного к японцам настроения, которое господствует теперь среди большинства корейского населения”. Он указывал, что один видный корейский деятель уже просил русские власти во Владивостоке оказать некоторую поддержку корейскому национальному дви-

женно, но тогда мысль эту нашли опасной и даже не решились подвергнуть ее обсуждению.

Лехмусар указал, что в 1909 году корейцы получили из Петербурга от бывшего корейского посланника принца И-Пом-Чина 10 000 руб., "но эти деньги попали в неблагонадежные руки и растаяли по чужим карманам". В 1910 г., после аннексии был организован сбор денег между корейцами Уссурийского края, но арест русскими властями главных деятелей помешал делу.

Программа действий Лехмусара вкратце была следующей.

1. Лехмусар, по указанию высшего русского начальника, должен был действовать через какого-нибудь верного корейца, который от своего имени под руководством Лехмусара действовал бы через других корейцев.

2. Среди корейцев должна была распространяться специальная литература, направленная против японцев, ибо "таким именно способом японцы возбуждали против нас корейцев перед последней войной".

3. Нужно было оказать поддержку инсургентскому движению, которое за последнее время почти что заглохло, вследствие отсутствия средств. "Что касается ныне принятого способа борьбы инсургентов, — писал Лехмусар, — посредством вооруженных нападений на японских жандармов и на маленькие войсковые отряды, то такой способ надо признать не достигающим цели: вместо этого необходимо направить действия инсургентов главным образом на разрушение железных дорог, телеграфных линий и опытных японских ферм, чтобы расстроить японскую экономическую жизнь в стране" [102].

4. Сумму расходов на поддержание такого рода деятельности в Корею Лехмусар на первое время определял в 20000 руб. в год.

В заключение Лехмусар заявил, что в случае обнаружения такой его тайной деятельности, он согласен взять всю вину на себя лично, как будто "действовавший по своей собственной инициативе из симпатий к корейскому народу".

Проект Лехмусара, не свиря на его фанатичность, подготовил военное ведомство к действиям. Адресуясь к министру внутренних дел, военный министр просил указать Приамурскому генерал-губернатору Унтербергеру на необходимость создать благоприятную почву для использования Кореи, в случае нужды, в целях русской государственной обороны, "поскольку такая цель достижима путем твердого, но благожелательного и внимательного отношения русской государственной власти к нуждам и интересам населяющих Южно-Уссурийский край корейцев, в рядах которых насчитывается немало влиятельных и преданных России политических эмигрантов".

За поддержкой своей позиции военный министр обратился в Министерство иностранных дел. Однако, как министр внутренних дел, так и

министр иностранных дел выступили категорически против каких бы то ни было комбинаций с корейцами.

Спор разрешил председатель Совета министров Столыпин, который указал военному министру, что "ввиду наших новых отношений с Японией, вытекающих из последнего договора, намеченная вашим высокопревосходительством мера утратила свою прежнюю остроту и важность и, во всяком случае, могла бы подлежать осуществлению лишь с особой осторожностью".

Одновременно Столыпин предписал обратить внимание Приамурского генерал-губернатора на то, что "означенная мера может считаться практически приемлемой лишь постольку, поскольку она совместима с теми ограничениями в отношении к корейцам, которые установлены в виде противодействия наплыву в наши владения желтой расы".

В целом, каких-либо практических мероприятий в области активной разведки предпринято не было.

Таким образом, проводившаяся с 1905 г. реорганизация Главного штаба — Главного управления Генерального штаба была завершена только 1 сентября 1910 г., когда окончательно сложилась структура ГУГШ. С завершением реорганизации ГУГШ в исследуемый период завершилась и реорганизация центрального разведывательного органа, который реорганизовывался каждый раз с введением новой организации Главного управления Генерального штаба. С формированием 25 июня 1905 г. Главного управления Генерального штаба центральный разведывательный орган — Военно-статистический отдел — не претерпел никаких изменений. По-прежнему, помимо разведывательных на отдел были возложены и другие задачи, в том числе оперативные. В отделе продолжало сохраняться совмещение добывающих и обрабатывающих функций.

Введение новой организации ГУГШ от 22 апреля 1906 г. существенно сказалось на структуре центрального разведывательного органа, которым стало Управление генерал-квартирмейстера Генерального штаба, трем из четырех входящих в него частей обер-квартирмейстера вменялись, в том числе и задачи организации и ведения разведки и обработки поступающих разведывательных сведений и материалов. Причем произошло разделение добывающих и обрабатывающих функций. Вследствие последней реорганизации ГУГШ, введенной приказом по военному ведомству ГУГШ от 1 сентября 1910 г., центральным органом военной разведки стал Отдел генерал-квартирмейстера, который помимо разведывательных продолжал совмещать в себе другие функции. Была создана должность руководителя разведки — помощник 1 обер-квартирмейстера ГУГШ, — на которого однако не замыкались статистические делопроизводства, занимавшиеся обработкой разведывательных сведений и материалов по вооруженным силам иностранных государств Ближнего, Среднего и Дальнего Востока (за исключением Турции).

В результате проведенных реорганизаций так и не был создан центральный орган военной разведки, который занимался бы только организацией и ведением разведки. Вместе с тем, как при определении окончательной структуры центрального разведывательного органа, так и при формулировке ставившихся перед ним задач был учтен ряд из высказывавшихся ранее кадровыми разведчиками предложений. Так, в новом центральном разведывательном органе было реализовано разделение добывающих и обрабатывающих функций, были созданы отдельные делопроизводства, изучавшие только (без возложения на них дополнительных функций) вооруженные силы иностранных государств, в том числе германское и австро-венгерское. Произошло численное увеличение — наполовину — количественного состава сотрудников центрального аппарата. На Управление генерал-квартирмейстера Генерального штаба (в последующем Отдел-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба) возлагались задачи организации и ведения собственной разведки и руководство разведкой штабов военных округов. ГУГШ выполнял направляющую и объединяющую роль в деле постановки разведывательной деятельности.

1.3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ С ДРУГИМИ ВЕДОМСТВАМИ, ВЕДУЩИМИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

После принятия Манифеста 17 октября 1905 г. последовала реорганизация правительства. Совет министров превратился в постоянно действующее учреждение во главе с председателем. На Совет министров возлагалось направление и объединение действий всех ведомств по вопросам законодательства и высшего государственного управления, причем устанавливалось, что законопроекты не могут быть внесены в Государственную Думу без предварительного обсуждения в Совете Министров. Однако правительство по-прежнему было ответственно только перед царем, назначалось и смещалось только им, так что реальная власть оставалась, как и ранее, в руках самодержавия.

23 апреля 1906 года были опубликованы "Основные государственные законы Российской империи". Из них было устранено определение власти царя как власти неограниченной с сохранением за ним титула "самодержавный". "Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает", — следовало из "Свода законов Российской империи". Устанавливалось, что император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Го-

сударственной Думой. Император выступал в качестве верховного руководителя всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами и определял "направления международной политики". Прерогативами царя являлись объявление войны и заключение мира, а также договоров с иностранными государствами. "Государь император есть Державный вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского государства. Он определяет устройство армии и флота и издает указы и повеления относительно: дислокации войск, приведения их на военное положение, обучения их, прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Российского государства", — таким образом была закреплена верховная роль царя в руководстве вооруженными силами. Он же осуществлял общее руководство организацией и ведением разведки всего разведывательного сообщества России.

Разведывательная информация, в том числе и в военной области, как и ранее продолжала извлекаться из общения Николая II с главами иностранных государств, особенно с монархами, династически связанными с Романовыми, в основном лично и через переписку, и, в первую очередь, с германским монархом. Письма и телеграммы Николая и Вильгельма передавались через посольства в Санкт-Петербурге и Берлине. Это не вполне устраивало Вильгельма. Еще в ноябре 1895 г. германский кайзер писал русскому самодержцу:

"Принимая во внимание наши близкие отношения и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного адъютанта?" [103].

В 1904 г. в своем письме от 6 июня Вильгельм вновь вернулся к этой теме. "В качестве военного атташе, — писал он, — я выбрал майора графа Ламсдорфа — моего личного адъютанта. Я дал ему инструкции, чтобы он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I и Александра II. В своих донесениях он ответственен только передо мной лично, и ему раз навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время серьезных событий ты мог бы в случае надобности возможно быстрее сноситься со мной без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий, посольств и т. д."

С русской стороны к особе германского императора в 1905 г. был прикомандирован генерал-майор Илья Леонидович Татищев. Статус

жению, но тогда мысль эту нашли опасной и даже не решились подвергнуть ее обсуждению.

Лехмусар указал, что в 1909 году корейцы получили из Петербурга от бывшего корейского посланника принца И-Пом-Чина 10 000 руб., "но эти деньги попали в неблагонадежные руки и растаяли по чужим карманам". В 1910 г., после ашкиски был организован сбор денег между корейцами Уссурийского края, но арест русскими властями главных деятелей помешал делу.

Программа действий Лехмусара вкратце была следующей.

1. Лехмусар, по указанию высшего русского начальника, должен был действовать через какого-нибудь верного корейца, который от своего имени под руководством Лехмусара действовал бы через других корейцев.

2. Среди корейцев должна была распространяться специальная литература, направленная против японцев, ибо "таким именно способом японцы возбуждали против нас корейцев перед последней войной".

3. Нужно было оказать поддержку инсургентскому движению, которое за последнее время почти что заглохло, вследствие отсутствия средств. "Что касается ныне принятого способа борьбы инсургентов, — писал Лехмусар, — посредством вооруженных нападений на японских жандармов и на маленькие войсковые отряды, то такой способ надо признать не достигающим цели: вместо этого необходимо направить действия инсургентов главным образом на разрушение железных дорог, телеграфных линий и опытных японских ферм, чтобы расстроить японскую экономическую жизнь в стране" [102].

4. Сумму расходов на поддержание такого рода деятельности в Корее Лехмусар на первое время определял в 20000 руб. в год.

В заключение Лехмусар заявил, что в случае обнаружения такой его тайной деятельности, он согласен взять всю вину на себя лично, как будто "действовавший по своей собственной инициативе из симпатий к корейскому народу".

Проект Лехмусара, невзирая на его фанатичность, подтолкнул военное ведомство к действиям. Адресуясь к министру внутренних дел, военный министр просил указать Приамурскому генерал-губернатору Унтербергеру на необходимость создать благоприятную почву для использования Кореи, в случае нужды, в целях русской государственной обороны, "поскольку таковая цель достижима путем твердого, но благожелательного и внимательного отношения русской государственной власти к нуждам и интересам населяющих Южно-Уссурийский край корейцев, в рядах которых насчитывается немало влиятельных и преданных России политических эмигрантов".

За поддержкой своей позиции военный министр обратился в Министерство иностранных дел. Однако, как министр внутренних дел, так и

министр иностранных дел выступили категорически против каких бы то ни было комбинаций с корейцами.

Спор разрешил председатель Совета министров Столыпин, который указал военному министру, что "ввиду наших новых отношений с Японией, вытекающих из последнего договора, намеченная вашим высокопревосходительством мера утратила свою прежнюю остроту и важность и, во всяком случае, могла бы подлежать осуществлению лишь с особой осторожностью".

Одновременно Столыпин предписал обратить внимание Приамурского генерал-губернатора на то, что "означенная мера может считаться практически приемлемой лишь постольку, поскольку она совместима с теми ограничениями в отношении к корейцам, которые установлены в виде противодействия наплыву в наши владения желтой расы".

В целом, каких-либо практических мероприятий в области активной разведки предпринято не было.

Таким образом, проводившаяся с 1905 г. реорганизация Главного штаба — Главного управления Генерального штаба была завершена только 1 сентября 1910 г., когда окончательно сложилась структура ГУГШ. С завершением реорганизации ГУГШ в исследуемый период завершилась и реорганизация центрального разведывательного органа, который реорганизовывался каждый раз с введением новой организации Главного управления Генерального штаба. С формированием 25 июня 1905 г. Главного управления Генерального штаба центральный разведывательный орган — Военно-статистический отдел — не претерпел никаких изменений. По-прежнему, помимо разведывательных на отдел были возложены и другие задачи, в том числе оперативные. В отделе продолжало сохраняться совмещение добывающих и обрабатывающих функций.

Введение новой организации ГУГШ от 22 апреля 1906 г. существенно сказалось на структуре центрального разведывательного органа, которым стало Управление генерал-квартирмейстера Генерального штаба, трем из четырех входящих в него частей обер-квартирмейстера вменялись, в том числе и задачи организации и ведения разведки и обработки поступающих разведывательных сведений и материалов. Причем произошло разделение добывающих и обрабатывающих функций. Вследствие последней реорганизации ГУГШ, введенной приказом по военному ведомству ГУГШ от 1 сентября 1910 г., центральным органом военной разведки стал Отдел генерал-квартирмейстера, который помимо разведывательных продолжал совмещать в себе другие функции. Была создана должность руководителя разведки — помощник 1 обер-квартирмейстера ГУГШ, — на которого однако не замыкались статистические делопроизводства, занимавшиеся обработкой разведывательных сведений и материалов по вооруженным силам иностранных государств Ближнего, Среднего и Дальнего Востока (за исключением Турции).

В результате проведенных реорганизаций так и не был создан центральный орган военной разведки, который занимался бы только организацией и ведением разведки. Вместе с тем, как при определении окончательной структуры центрального разведывательного органа, так и при формулировке ставившихся перед ними задач был учтен ряд из высказывавшихся ранее кадровыми разведчиками предложений. Так, в новом центральном разведывательном органе было реализовано разделение добывающих и обрабатывающих функций, были созданы отдельные делопроизводства, изучавшие только (без возложения на них дополнительных функций) вооруженные силы иностранных государств, в том числе германское и австро-венгерское. Произошло численное увеличение — наполовину — количественного состава сотрудников центрального аппарата. На Управление генерал-квартирмейстера Генерального штаба (в последующем Отдел-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба) возлагались задачи организации и ведения собственной разведки и руководство разведкой штабов военных округов. ГУГШ выполнял направляющую и объединяющую роль в деле постановки разведывательной деятельности.

1.3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ С ДРУГИМИ ВЕДОМСТВАМИ, ВЕДУЩИМИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

После принятия Манифеста 17 октября 1905 г. последовала реорганизация правительства. Совет министров превратился в постоянно действующее учреждение во главе с председателем. На Совет министров возлагалось направление и объединение действий всех ведомств по вопросам законодательства и высшего государственного управления, причем устанавливалось, что законопроекты не могут быть внесены в Государственную Думу без предварительного обсуждения в Совете Министров. Однако правительство по-прежнему было ответственно только перед царем, назначалось и смещалось только им, так что реальная власть оставалась, как и ранее, в руках самодержавия.

23 апреля 1906 года были опубликованы "Основные государственные законы Российской империи". Из них было устранено определение власти царя как власти неограниченной с сохранением за ним титула "самодержавный". "Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает", — следовало из "Свода законов Российской империи". Устанавливалось, что император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Го-

сударственной Думой. Император выступал в качестве верховного руководителя всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами и определял "направления международной политики". Прерогативами царя являлись объявление войны и заключение мира, а также договоров с иностранными государствами. "Государь император есть Державный вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского государства. Он определяет устройство армии и флота и издает указы и повеления относительно: дислокации войск, приведения их на военное положение, обучения их, прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Российского государства", — таким образом была закреплена верховная роль царя в руководстве вооруженными силами. Он же осуществлял общее руководство организацией и ведением разведки всего разведывательного сообщества России.

Разведывательная информация, в том числе и в военной области, как и ранее продолжала извлекаться из общения Николая II с главами иностранных государств, особенно с монархами, династически связанными с Романовыми, в основном лично и через переписку, и, в первую очередь, с германским монархом. Письма и телеграммы Николая и Вильгельма передавались через посольства в Санкт-Петербурге и Берлине. Это не вполне устраивало Вильгельма. Еще в ноябре 1895 г. германский кайзер писал русскому самодержцу:

"Принимая во внимание наши близкие отношения и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного адъютанта?" [103].

В 1904 г. в своем письме от 6 июня Вильгельм вновь вернулся к этой теме. "В качестве военного атташе, — писал он, — я выбрал майора графа Ламсдорфа — моего личного адъютанта. Я дал ему инструкции, чтобы он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I и Александра II. В своих донесениях он ответственен только передо мной лично, и ему раз навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время серьезных событий ты мог бы в случае надобности возможно быстрее сноситься со мной без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий, посольств и т. д."

С русской стороны к особе германского императора в 1905 г. был прикомандирован генерал-майор Илья Леонидович Татищев. Статус

"личного атташе" следующим образом был определен Вильгельмом: "... они обязаны только сообщать и лояльно передавать официальные военные или конфиденциальные информации, получаемые ими от государя, или с государева разрешения от официальных властей" [104]. Люди этой категории должны иметь безукоризненную репутацию, настаивал Вильгельм, и должны пользоваться полнейшим доверием офицеров собственных императорских главных квартир, при которых они состоят. "Этим уже сказано, — подвел итог германский кайзер, — что у них не должно быть ничего общего с обычным «ремеслом» простого военного агента..."

Характерно, что при всем неприятии "ремесла" простого военного агента Вильгельмом из пяти германских военных — Ламсдорфа, Гитце, Лауенштейна, Донае и Хелиуса — состоявших при русском императоре с 1905 по 1914 гг., два имели опыт работы военных агентов: капитан фон Гитце до назначения занимал должность морского агента в Петербурге, а генерал-лейтенант фон Хелиус работал в течение нескольких лет военным агентом в Риме. Подобного в послужном списке Татищева, состоявшем при Вильгельме II с 1905 по 1914 гг., не числилось. "Полковник Татищев, — характеризовал Николай II, — из моих лейбгусар. Он долгое время состоял при дяде Владимире, часто бывал в Германии и очень хорошо говорит по-немецки. Я намереваюсь произвести его в генералы моей свиты в день моих именин". Каких-либо данных, свидетельствующих о том, насколько использовал Татищев свое положение для сбора военной разведывательной информации, обнаружить не удалось. Остается лишь констатировать наличие широких возможностей для получения таковой у последнего, явившегося желанным гостем в вооруженных силах Германии. В одном из писем от 14 июня 1906 г. Вильгельм сообщал: "Татищев расскажет тебе о моем смотре этой весной и о маневрах моей второй бригады, показавшей впервые на практике новый «Reglement»..." (Устав — М.А.) [105].

Из переписки Николая II с Вильгельмом II наиболее содержательной в части передаваемой информации, в том числе и военного характера, была переписка двух монархов до 1907 г. И хотя, передавая друг другу разведывательные сведения, каждый из корреспондентов преследовал свои цели, а сами передаваемые сведения в большинстве случаев были отрывочны, тем не менее, они приоткрывали покров над секретами России и Германии.

В рассматриваемый период ряд центральных министерств и ведомств наряду с военным продолжали вести разведку иностранных государств, добывая при этом разведывательную информацию военного характера. Ведущее место среди них занимали Министерство иностранных дел и Отдельный корпус пограничной стражи Министерства финансов.

Структура центрального аппарата МИД определялась "Учреждением Министерства иностранных дел" 1868 г., дополненного мнением Государ-

ственного Совета от 18 августа 1897 г. "Об изменении штатов центральных установлений и домовою церкви МИД". Оно делилось на семь отделений, большинство из которых занималось делами далекими от внешнеполитического характера. Политические вопросы находились в ведении лишь Канцелярии и I Департамента. Канцелярия была в состоянии лишь разбирать и организовывать хранение переписки с иностранными представительствами. I Департамент должен был осуществлять политические сношения со странами Востока и Европейской Турции, по наряду с этим вести дела консульские, протокольные и т.п. В результате занятия собственно внешнеполитической деятельностью входило в прямую обязанность лишь шесть чиновников 4 — 6 классов, которых едва хватало на ведение важной переписки и выполнение отдельных заданий руководства по составлению тех или иных справок [106]. Высшие чиновники МИД (министр, его товарищ, советник) осуществляли оперативное руководство внешней политикой России. Глубокое изучение международных вопросов, разработка планов, составление прогнозов в целом были поставлены совершенно неудовлетворительно и находились в полном запале.

Указанный недостаток деятельности центрального аппарата был во многом связан с односторонностью поставленных перед МИД задач. Выражалось это в том, что в "Учреждении МИД" они определялись только как "ведение политических сношений" и при этом другая, не менее важная сторона — систематическое изучение иностранных государств с точки зрения внешнеполитических интересов России и разработка на этой основе долгосрочных планов и прогнозов — совершенно выпадала. Таким образом, вместо заблаговременного и планомерного изучения вопросов внешней политики, которое должно было вестись агентами министерства всех рангов и на всех уровнях, эти агенты и центральное ведомство, как констатировала газета "Голос Москвы", работали "что называется, через пятое в десятое, случайно и бессистемно, всегда наспех, стремясь лишь кое-как удовлетворить не терпящие отлагательства запросы минуты, не оглядываясь на прошлое и не заглядывая в будущее" [107]. При таких условиях, естественно, подготовка важнейших политических решений не опиралась на знание всех деталей дела, часто оказывалась далеко не на уровне.

Поражение в русско-японской войне, падение международной престижа России наглядно проявили неспособность Министерства иностранных дел решать усложнившиеся задачи политического характера. Организация МИД и его стиль работы все чаще подвергались критике в прессе, в Государственной Думе, внутри самого министерства. Возникла необходимость коренной реформы внешнеполитического ведомства.

Ее подготовка началась после прихода в МИД А.П. Извольского в 1906 г. Предполагалось расширить число политических департаментов (отделов) за счет служебных, увеличить количество сотрудников, непосредственно занимающихся разработкой внешнеполитических вопросов,

с 6 до 20, и повысить им оклады, чтобы привлечь лучшие кадры с опытом заграничной работы [108].

Однако реформа МИД растянулась на семь лет и была проведена лишь в июне 1914 г.

В 1906—1913 гг. в министерстве в частном порядке были проведены отдельные преобразования, но в целом внутренняя структура МИД осталась без изменений. Так, в 1906 г. Азиатский департамент и департамент Внутренних сношений были переименованы в Первый и Второй департаменты соответственно с сохранением в целом функций, возлагаемых на предшествующие им подразделения [109]. В канцелярии МИД по-прежнему сосредоточивалась "переплетка центрального ведомства, не исключаяющая касающейся Востока".

И только в июне 1914 г., накануне Первой мировой войны, было утверждено новое "Положение о МИД", согласно которому Первый и Второй департаменты были реорганизованы и вместо них были созданы политические отделы МИД, основанные на устройстве по региональному принципу, традиционному для русской внешнеполитической службы [110].

К заграничным представительствам России относились посольства, миссии и консульства различных рангов, а также политические и дипломатические агентства. Об их числе в разные годы свидетельствует приводимая ниже таблица [111].

Заграничные дипломатические представительства	1907г.	1908г.	1909г.	1910г.	1911г.	1912г.
<i>Штатные установления:</i>						
Посольства	8	9	9	9	9	9
Миссии	22	23	23	23	24	24
Генеральные консульства	32	32	32	32	32	31
Консульства	76	76	77	79	80	81
Вице-консульства	28	28	27	25	27	28
Дипломатические агентства	2	2	2	1	1	1
Политические агентства	1	1	1	1	1	1
Итого:	169	171	171	170	174	175
<i>Нештатные установления:</i>						
Генеральные консульства	1	1	1	1	1	2
Консульства	32	36	36	47	47	45
Вице-консульства	301	307	303	230	230	228
Итого:	334	344	340	278	278	275

Обязанности посольств и миссий России были в самой общей форме сформулированы в "Учреждении Министерства иностранных дел" 1868 года. Они должны были выполнять инструкции и предписания министра, оказывать защиту и покровительство русским подданным в чужих краях, содействовать удовлетворению их справедливых требований. Там, где не было русских консульств, на посольства и миссии возлагались обязанности по совершению и засвидетельствованию актов и документов, выдаче и регистрации паспортов. Обязанности консульств определялись «Уставом консульским» 1862 года и были весьма обширными, хотя и касались, в основном, социально-экономической сферы, защиты и покровительства русским подданным, содействия русской торговле и т.д.

Из посольств и миссий бумаги шли за подписью посла, посланника или поверенного в делах непосредственно в Канцелярию министра. Консульские донесения направлялись в посольства и миссии и лишь оттуда переправлялись в I и II Департаменты МИД (I Департамент руководил консульствами в азиатских государствах и на Балканах, а II — в европейских странах, Америке и Африке, кроме Египта и Абиссинии).

Существовало несколько типов документов заграничных представительств: депеша, донесение, письмо, телеграфное сообщение. Принято считать, что каждый документ служил определенной цели и выполнял свою, присущую ему функцию, и что каждому типу соответствовала определенная тема, о которой информировалось министерство. Однако на деле было совсем не так. Во-первых, дипломаты порой не видели разницы между донесениями и депешами. Например, посол в Константинополе И.А. Зинovieв называл бумаги, еженедельно отправляемые в Петербург, донесениями, но те же бумаги чиновники Канцелярии называли депешами [112]. Во-вторых, многие дипломаты вообще не делали на посылаемом документе отметки о его типе. Так, в частности, поступал посол в Лондоне А.К. Бенкендорф. Характерно, что в Петербурге все его сообщения о международных делах сотрудники архива Канцелярии выделяли в особое дело под названием «Посольство в Лондоне. Политические донесения».

В телеграммах передавались простые сообщения о фактах. Что же касается депеш, донесений и писем, то в них отражался первичный анализ данных, проводимый послом или посланником. Поэтому данная разновидность материалов дипломатической службы имела сложную структуру: фактологическая часть, предварительная оценка, связь данного факта с другими, возможные последствия, окончательная оценка. Эта группа документов являлась наиболее многочисленной среди материалов посольств и миссий, что объяснялось недостатками в организации работы центрального аппарата МИД России, который, вследствие своей малочисленности и плохой подготовки, был не в состоянии решать задачи предварительного анализа и концептуального осмысления пе-

"личного атташе" следующим образом был определен Вильгельмом: "...они обязаны только сообщать и лояльно передавать официальные военные или конфиденциальные информации, получаемые ими от государя, или с государственного разрешения от официальных властей" [104]. Люди этой категории должны иметь безукоризненную репутацию, настаивал Вильгельм, и должны пользоваться полнейшим доверием офицеров собственных императорских главных квартир, при которых они состоят. "Этим уже сказано, — подвел итог германский кайзер, — что у них не должно быть ничего общего с обычным ремеслом простого военного агента..."

Характерно, что при всем неприятии "ремесла" простого военного агента Вильгельмом из пяти германских военных — Ламсдорфа, Гинтце, Лауенштейна, Донае и Хелиуса — состоявших при русском императоре с 1905 по 1914 гг., два имели опыт работы военных агентов: капитан фон Гинтце до назначения занимал должность морского агента в Петербурге, а генерал-лейтенант фон Хелиус работал в течение нескольких лет военным агентом в Риме. Подобного в послужном списке Татищева, состоявшем при Вильгельме II с 1905 по 1914 гг., не числилось. "Полковник Татищев, — характеризовал Николай II, — из моих лейб-гусар. Он долгое время состоял при дяде Владимире, часто бывал в Германии и очень хорошо говорит по-немецки. Я намереваюсь произвести его в генералы моей свиты в день моих именин". Каких-либо данных, свидетельствующих о том, насколько использовал Татищев свое положение для сбора военной разведывательной информации, обнаружить не удалось. Остается лишь констатировать наличие широких возможностей для получения таковой у последнего, являвшегося желанным гостем в вооруженных силах Германии. В одном из писем от 14 июня 1906 г. Вильгельм сообщал: "Татищев расскажет тебе о моем смотре этой весной и о маневрах моей второй бригады, показавшей впервые на практике новый «Reglement»..." (устав — М.А.) [105].

Из переписки Николая II с Вильгельмом II наиболее содержательной в части передаваемой информации, в том числе и военного характера, была переписка двух монархов до 1907 г. И хотя, передавая друг другу разведывательные сведения, каждый из корреспондентов преследовал свои цели, а сами передаваемые сведения в большинстве случаев были отрывочны, тем не менее, они приоткрывали покров над секретами России и Германии.

В рассматриваемый период ряд центральных министерств и ведомств наряду с военным продолжали вести разведку иностранных государств, добывая при этом разведывательную информацию военного характера. Ведущее место среди них занимали Министерство иностранных дел и Отдельный корпус пограничной стражи Министерства финансов.

Структура центрального аппарата МИД определялась "Учреждением Министерства иностранных дел" 1868 г., дополненного мнением Государ-

ственного Совета от 18 августа 1897 г. "Об изменении штатов центральных установлений и домового церкви МИД". Оно делилось на семь отделений, большинство из которых занималось делами далекими от внешнеполитического характера. Политические вопросы находились в ведении лишь Канцелярии и I Департамента. Канцелярия была в состоянии лишь разбирать и организовывать хранение переписки с иностранными представительствами. I Департамент должен был осуществлять политические сношения со странами Востока и Европейской Турции, но наряду с этим вести дела консульские, протокольные и т.п. В результате занятия собственно внешнеполитической деятельностью входило в прямую обязанность лишь шести чиновников 4 — 6 классов, которых едва хватало на ведение важной переписки и выполнение отдельных заданий руководства по составлению тех или иных справок [106]. Высшие чиновники МИД (министр, его товарищ, советник) осуществляли оперативное руководство внешней политикой России. Глубокое изучение международных вопросов, разработка планов, составление прогнозов в целом были поставлены совершенно неудовлетворительно и находились в полном заглобении.

Указанный недостаток деятельности центрального аппарата был во многом связан с односторонностью поставленных перед МИД задач. Выражалось это в том, что в "Учреждении МИД" они определялись только как "ведение политических сношений" и при этом другая, не менее важная сторона — систематическое изучение иностранных государств с точки зрения внешнеполитических интересов России и разработки на этой основе долгосрочных планов и прогнозов — совершенно выпадала. Таким образом, вместо заблаговременного и планомерного изучения вопросов внешней политики, которое должно было вестись агентами министерства всех рангов и на всех уровнях, эти агенты и центральное ведомство, как констатировала газета "Голос Москвы", работали "что называется, через плечо в десятое, случайно и бессистемно, всегда наспех, стремясь лишь кое-как удовлетворить не терпящие отлагательства запросы минуты, не оглядываясь на прошлое и не заглядывая в будущее" [107]. При таких условиях, естественно, подготовка важнейших политических решений не опиралась на знание всех деталей дела, часто оказывалась далеко не на уровне.

Поражение в русско-японской войне, падение международного престижа России наглядно проявили неспособность Министерства иностранных дел решать усложнившиеся задачи политического характера. Организация МИД и его стиль работы все чаще подвергались критике в прессе, в Государственной Думе, внутри самого министерства. Возникла необходимость коренной реформы внешнеполитического ведомства.

Ее подготовка началась после прихода в МИД А.П. Извольского в 1906 г. Предполагалось расширить число политических департаментов (отделов) за счет служебных, увеличить количество сотрудников, непосредственно занимающихся разработкой внешнеполитических вопросов,

редоставляемой по каналам дипломатической службы информации. Ситуация усугублялась еще и тем, что из-за разницы в оплате кадры, имевшие опыт заграничной службы, отказывались работать в центральном аппарате. Извольский, стремясь повысить действенность всех подразделений МИД, но не имея возможности опираться на центральный аппарат, стал шире привлекать посольства и миссии к обсуждению внешнеполитических вопросов. К заграничным представителям стали доставлять корреспонденцию, полученную от их коллег. В результате дипломаты могли не только предлагать свои рекомендации, но и давать оценку другим предложениям. Тем не менее этой меры оказалось недостаточно. Информация о секретных переговорах в посольства и миссии не поступала и дипломаты неоднократно жаловались, что они не в курсе «самых жгучих вопросов» [113].

До середины 80 годов XIX века русские дипломаты писали по-французски. В октябре 1886 и январе 1887 года в заграничные представительства были направлены министерские циркуляры, строго предписывающие писать только по-русски. Но многие послы игнорировали это требование. А.К.Бенкендорф все свои донесения, письма и даже телеграммы писал только по-французски, Н.Д.Остен-Сакен и А.И.Неплюев поступали точно так же при составлении частных писем. Наконец, в октябре 1910 года посланник в Афинах С.Н.Свербеев написал по-французски одно из своих писем министру. Николай II, ознакомившись с этим документом, наложил на него резолюцию: «Отчего не по-русски? Я понимаю, что старые послы пишут еще по привычке по-французски, но это не подобает посланникам» [114]. Вслед за этим начальникам миссий было направлено циркулярное письмо, в котором от них требовалось писать только по-русски. С циркуляром ознакомили и послов [115].

На сбор, обработку и оценку информации дипломатическими агентствами оказывал огромное влияние такой важный фактор, как мыслительные стереотипы, среди которых главную роль играли текущие внешнеполитические установки и приоритеты. Постоянно происходила «фильтрация» информации при передаче ее наверх в соответствии с политикой руководства МИД. Недаром в Петербурге особо ценились дипломаты, не проявлявшие инициативы, учитывавшие в своей деятельности мнение «верхов» [116].

Кроме того, следует принимать во внимание и особую атмосферу, царившую внутри дипломатического корпуса России, отличавшую его как от аналогичных ведомств в других странах, так и от остальных министерств Российской империи. Дипломаты, находившиеся на заграничной работе, обладали значительной самостоятельностью в принятии решений, с чем центральный аппарат вынужден был мириться. Правда, с распространением телеграфной связи роль посла (посланника) как единственного и незаменимого посланника между государствами была

значительно снижена, и их деятельность была существенно нивелирована. Но следы прежней автономии сохранялись. Послы продолжали в своих донесениях обращаться к министру по имени-отчеству, подчеркивая тем самым свой высокий статус (послы даже именовались «Особами Его Императорского Величества» — примеч. авт.) и незначительность дистанции, отделявшей их от руководства МИД, возможность перемещения по служебной лестнице не только вверх, но и вниз. И судьбы многих русских дипломатов не раз подтверждали эту бюрократическую истину. А.П.Извольский: посланник в Токио, затем в Копенгагене, с 1906 года министр иностранных дел России, а с 1910 года посол в Париже. Н.В.Чарыков: посланник в Сербии, Нидерландах, товарищ министра иностранных дел, потом посол в Константинополе. С.Д.Сазонов: министр-резидент в Ватикане, товарищ министра с 1909 года, а еще через год глава дипломатического ведомства. Когда последний получил министерский портфель, Извольский и Чарыков, впрочем как и другие послы, никогда не забывали, что в свое время Сазонов был их подчиненным. В результате у них легко развивалась «звездная болезнь» и, считая министра лишь «первым среди равных», они могли позволить себе поучать его и даже критиковать, что было совершенно невозможно, например, в британском Форин оффисе.

Нужно учитывать и другой момент: министр и его заместитель всегда оставались чиновниками, профессионалами, в то время как в Англии, Франции и в ряде других стран руководство внешнеполитическим ведомством было отдано на откуп «просвещенным любителям», имевшим лишь опыт парламентских интриг. И та, и иная система имели свои недостатки и преимущества, но, главное, существовавшие внутри Министерства иностранных дел России отношения между подчиненными и руководителями накладывали отпечаток на организацию работы заграничного представительства, на тон посылаемых им донесений.

Важно и другое обстоятельство. Дипломатический корпус России являлся замкнутой кастовой организацией, социально однородной, прием в которую обеспечивал определенный контингент служащих, с молоком матери впитавших идеи патриотизма в духе преданности самодержавию и верности монарху, консервативности. Однажды вступив в нее, они никогда не порывали с ней: карьеры А.А.Гирса или Г.Н.Трубецкого убедительно свидетельствуют об этом. Поэтому в министерстве не любили «чужаков», и, когда С.Ю.Витте или В.Н.Коковцев, получив отставку с поста председателя Совета министров, добивались скромной посольской синекюры, все их домогательства были отвергнуты. На руководящие посты в МИД назначались исключительно дипломаты, и только в разгар «министерской чехарды», когда режим потерял опору под ногами, в 1916 году портфель главы ведомства иностранных дел получили чиновники из других министерств — сначала

Б.В.Штюрмер, а затем Н.Н.Покровский. Таким образом, министр иностранных дел и его товарищи были не просто «первыми среди равных», но и «сноими». Единственное различие, искусственно поддерживавшее, было связано с противопоставлением канцелярской и заграничной службы. В.Н.Ламздорф вынырнул из недр центрального аппарата, что вызвало недовольство кадровых дипломатов; Извольский, Чарыков и Сазонов пришли к руководству с практической работы за рубежом и столкнулись с канцелярской оппозицией. Но, в принципе, разница была небольшой, и родственные или дружеские отношения между министром и его подчиненными играли не меньшую роль, чем профессиональные. Потому-то так широко была распространена практика писать частые письма, свидетельствующие о доверии.

И наконец, последний фактор, характерный, по-видимому, для всей заграничной службы. За долгие годы пребывания вдали от родины одни дипломаты превращались в ура-патриотов, другие — в космополитов, у третьих развивались разного рода «фильства» и «фобии». Одним словом, их информация могла без труда оказаться весьма далекой от реальной картины, а их советы не были советами беспристрастных и объективных наблюдателей. И от министра зависело, что следует ценить в своих подчиненных: глаза и уши или мозг.

Проблема взаимоотношений посла и министра была весьма непростой. Первый, по мнению Ж.Камбона — знатока дипломатической кухни великих держав начала XX в., «следует инструкциям своего правительства, но в то же время информирует его, дает разъяснения, предостерегает, а иногда должен сдерживать его. Независимость суждений не должна, конечно, доходить у него до нарушения дисциплины, но министр, которому такая независимость портит настроение, обнаруживает не больше здравого смысла, чем человек, выкалывающий себе глаза перед тем, как пуститься в путь. С другой стороны, посол, который не осмеливается быть чем-нибудь иным, кроме как почтовым ящиком, представляет опасность для своего правительства» [117]. Что касается русских министров иностранных дел, то они благосклонно принимали советы своих подчиненных. Редкое донесение или письмо посла не содержало каких-либо оценок, советов, предложений, хотя и по ограниченному кругу проблем. Другое дело, насколько ценны и правдивы были эти советы.

Руководители внешнеполитического аппарата крайне скептически оценивали творческие возможности дипломатических представителей. Коковцев писал в 1911 г. Извольскому: «граф Бенкендорф перенимает до последней степени, придавая значение каждому последнему разговору, каждой газетной статье, и даже не всегда являясь достоверным телефоном потому, что принимает самнения за уверения и возможные неблагоприятные последствия учитывает, как неизбежные осложнения. Из

Берлина мы большей частью ничего не имеем, и 84-летний мозг (Н.Д.Остен-Сакен — примеч. авт.), по-видимому, совершенно отказывается воспринимать какие бы то ни было впечатления... Из Вены мы попросту ничего не имеем, а милейший Н.В.Чарыков, по-видимому, запутался так, что только сам он не видит, какую жалкую роль играет русский посол при столь близком его сердцу младотурецком оркестре» [118].

Говоря о Бенкендорфе, Коковцев затронул весьма важную проблему достоверности информации послов о реализации ими установок министерства. Действительно, дипломатические представители изредка неверно передавали содержание политических разговоров, и подобные неточности могли оказать серьезное влияние на ход переговоров, даже если речь шла лишь об отдельных выражениях или оттенках. В дипломатии слово значит гораздо больше, чем в обыденной жизни, и добросовестные послы тщательно следили за точностью своих сообщений. С другой стороны, министры неизменно подвергали проверке сообщения своих подчиненных с помощью иностранных послов, аккредитованных в Петербурге.

Содержание донесений зависело от политических взглядов дипломатического представителя, его проницательности и кругозора, связей с местными политическими кругами, знания международных отношений, экономического, политического состояния и истории страны пребывания. Однако достоверность передаваемых донесений определялась источниками информации посольств и миссий и, в первую очередь, наличием у последних доступа к секретным сведениям и материалам.

С начала XX века выделение дополнительных средств «на неподлежащую оглашению надобность Министерства иностранных дел» стало практически ежегодным и было произведено в 1900, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907 и 1911 годах. Согласно «Сметы доходов и расходов Министерства иностранных дел на 1913 год» на статью 2 («секретные расходы») параграф 4 («Разные расходы по управлению»), было отпущено 536 тыс. 411 рублей. Однако и эта сумма не стала предельной в части секретных расходов министерства. Как явствует из сборника законоположений и иных титулов, служащих основанием назначения кредитов по смете расходов МИД, 7 июля 1913 г. Государственным Советом и Государственной Думой был одобрен и высочайше утвержден закон об отпуске, начиная с 1914 года из средств государственной казны «по восемьдесят пять тысяч сто рублей в дополнение к суммам, ассигнуемым на секретные расходы Министерства иностранных дел» [119].

Большая часть средств из кредитов, выделяемых на эти цели, направлялись в первую очередь на получение секретной информации политического характера об иностранных государствах. В ряде случаев добывалась закрытая информация, содержащая оценку курса России иностранными представительствами в Петербурге [120].

О наличии платной агентуры в зарубежных представительствах свидетельствуют депеш и телеграммы с мест в Министерство иностранных дел, особо важные из которых докладывались Николаю II. Так, 9 мая 1914 г. посол в Константинополе гофмейстер Михаил Николаевич Гирс доносил министру иностранных дел Сазонову: "М.г. Сергей Дмитриевич, из секретного источника мне сообщают данные о действиях греков на о. Митилене и по малоазийскому побережью..." [121].

Предшественник Гирса Зиновьев во многих своих донесениях приводил секретные документы, полученные агентурным путем, — переписку турецкого визиря с послами в Лондоне и Берлине, с первым секретарем султана и т.д., содержащую весьма ценную информацию. Однако Порты нередко снабжала послов великих держав фальшивыми сведениями в виде материалов турецкого МИД. В Петербурге знали, вероятно, об этом. В одной из справок, подготовленных в I Департаменте в январе 1908 г., отмечалось: "источник «секретных документов» сам по себе достаточно скомпрометирован, а показания его достаточно сбивчивы, чтобы можно было придавать особое значение его данным" [122].

Посольство России в Константинополе имело многолетний опыт использования негласной агентуры, что не могло выпасть из поля зрения военного ведомства. Еще в 1906 г. начальник штаба Варшавского военного округа в рапорте на имя начальника Генерального штаба указывал: "по имеющимся в штабе сведениям, при нашем посольстве в Константинополе существует тайная агентура, с деталями которой желательно было бы ознакомиться" [123].

В МИД наряду с политической и военно-политической поступала информация и чисто военного характера. Так, консул России в Кенигсберге статский советник Арсений Маркович Выводцев "весьма предупредительно делился имеющимися у него сведениями с нашими офицерами, посылавшимися в заграничные тайные разведки" штабом Виленского военного округа в 1905—1906 гг. [124].

7 июня 1907 г. на имя военного министра А.Н. Куропаткина из МИДа были "препровожжены на прочтение подлинные донесения Российского вице-консула в Андрианопле (коллежский ассесор В.Г. Жуковский — примеч. авт.) с приложением об укреплениях вокруг названного города, а равно и донесения... о ревизии войск II корпуса" [125]. Как следует из анализа опубликованных архивных материалов, не менее инициативно по сбору военной информации работал генеральный консул в Будапеште Приклонский. 1 марта 1914 г. он докладывал министру иностранных дел: "Узнаю из секретного источника: на 24 июня назначены четырехнедельные маневры. Запасные офицеры уже получили повестки. Место сбора не указано. Вероятно, маневры будут на юге Венгрии и в Боснии по сербской границе, примут участие четыре корпуса: Рагузский, Загребский, Темешварский и Надь-Себенский, в присутствии наследника" [126].

Все тот же Н.М. Гирс сообщил 23 апреля 1914 г. из Константинополя: "Из источника весьма осведомленного мне сообщают, будто бы гамбургская фирма "Фосс и Блум" предлагает Турции приобрести строящийся на ее верфях для германского флота крейсер. Три месяца тому назад Порты обращалась к названной фирме с просьбой уступить ей крейсер, но сделка тогда не состоялась" [127].

Подобные сообщения доходили (чаще всего с запозданием) до военного и морского ведомств. Наблюдались, правда, достаточно редко попытки целенаправленного решения Министерством иностранных дел отдельных вопросов в интересах военного и морского ведомств. Так, 12 марта 1914 г. министр иностранных дел направил послам в Лондоне, Берлине, Риме и Вашингтоне телеграмму следующего содержания: "Для нашего морского ведомства имеет большое значение часто возникающий вопрос о продаже некоторыми государствами строящихся или уже готовых военных судов, а так же сведения о заказах военных судов, артиллерии и снарядов, передаваемых одними государствами на верфи и заводы в других государствах. Ввиду сего, благоугодно иметь постоянное наблюдение за этими вопросами и безотлагательно сообщать возможно полные сведения по сему предмету" [128].

Ответ пришел неожиданно быстро, но не от послов, которым была адресована телеграмма, а из Лиссабона. Императорский посланник в Лиссабоне донес, что на верфях в St. Nazaire во Франции построено для турецкого флота семь канонерских лодок, и что в Гавре идет строительство еще трех военных кораблей. Через Лиссабон, докладывал он, "в половине марта" проследовал турецкий военный транспорт "Рашид-Паша" с офицерами и 600 нижними чинами для приема вышеуказанных судов [129]. В этой связи министр иностранных дел Сазонов "покорнейше" просил посла в Париже Извольского "благоволить проверить сведения о строящихся за последнее время в вышеуказанных французских портах турецких военных судах" [130]. Как проверял Извольский, следует из его ответа министру: "...я не применил чрез посредство нашего здешнего морского агента проверить сообщения нашего посланника в Лиссабоне сведения... Ныне, считаю долгом препроводить к сему составленную капитаном II ранга Дмитриевым справку по настоящему вопросу" [131]. Круг замкнулся — разведывательные сведения в интересах морского ведомства были проверены через морского агента.

Некоторые из зарубежных дипломатических работников работали настолько активно, что вынуждали контрразведку страны пребывания к ответным акциям по пресечению "незаконной" деятельности. Так, по утверждению начальника разведывательного бюро австро-венгерского Генерального штаба Макса Ронге, сделанного им в книге "Разведка и контрразведка", у русского консула статского советника Константина

Павловича Пустошкина во Львове был центр шпионажа. "Воспользовавшись действиями шпиона Мончаловского, мы, наконец, принудили консула покинуть свой пост", — вспоминает Ронге [132].

В ряде случаев дипломатические представители России за рубежом выступали в качестве передаточного звена, представляя министру иностранных дел поступившие предложения от иностранных граждан о сотрудничестве с разведкой.

По-прежнему ведение негласной агентурной разведки не вменялось в обязанность дипломатическим представителям России за границей, а представлялось на их усмотрение. В этой связи сохранялась и пассивность со стороны сотрудников министерства по отношению к ведению разведки. Пассивность, граничащая со стремлением свернуть тайную, негласную разведку своего ведомства, да заодно и военного.

Вместе с тем продолжали встречаться и энтузиасты организации и ведения негласной разведки, что было достаточно редким явлением. К таким лицам, как следует из анализа опубликованных источников, относился вице-консул в Хое Чирков, который создал целую сеть тайных агентов. В телеграмме от 29 апреля 1914 г. надворный советник Георгий Васильевич Чирков от 29 апреля 1914 г. сообщал:

"...Али-бей мне известен как агент-курьер сердара для сношений с турками и турецкими курдами. Его последняя поездка в Ван ставится в связь с ожиданием макинским ханом германского оружия, каковое по сведениям моих разведчиков должно прибыть через Турцию..." [133]. "По проверенным сведениям, — докладывал Чирков 22 мая, — курд Али-бей доставил заказанное макинским ханом в Германии оружие в турецкое пограничное селение Хачан..." [134].

Отношение военных агентов с главами дипломатических представительств на местах были далеко не всегда безоблачными, что безусловно сказывалось на ознакомлении друг друга с имеющейся у них политической информацией. Последние, согласно "Инструкции военным агентам", обязаны были докладывать дипломатическим представителям все полученные ими сведения политического характера, а также общие данные о военной мощи государства [135]. Все донесения политического характера также должны были предварительно представляться главам дипломатических миссий. Что же касается глав российских представительств, то вопрос предоставления военным агентам политической информации зависел от их доброй воли.

Передача сведений, представляющих интерес для военного ведомства, далеко не всегда носила односторонний характер. Политическая информация в ряде случаев направлялась в МИД и военным министерством. Так, в 1909 г. военной агентуре удалось перехватить секретную записку генерала фон Конрада, начальника австрийского генерального штаба, в которой излагались его взгляды на международное положение

и давалась оценка возможным противникам Австро-Венгрии [136]. 1 июля 1913 г. начальник Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ "препроводил" в Министерство иностранных дел текст "Австро-итальянского секретного соглашения по албанскому вопросу... из негласного, но заслуживающего доверия источника" [137].

Иногда в МИД из военного министерства поступала очень ценная информация: "Милостивый государь, Сергей Дмитриевич, — писал 12 октября 1913 г. начальник Генерального штаба министру иностранных дел, — имею честь препроводить при сем, для сведения... полученные агентурным путем выписки из черновиков совершенно секретных писем австро-венгерского министра иностранных дел графа Бертихольда к эрцгерцогу Фердинанду" [138].

В центральном аппарате МИДа такого органа, который направлял бы и организовывал разведывательную деятельность зарубежных представительств с использованием тайной агентуры, не существовало. Вместе с тем, вся информация, касающаяся тайной агентуры, предлагаемых услуг по разведке, проектов организации разведывательной службы при министерстве, направлялась в дело ("секретные сведения") специально назначенного лица. Этот ответственный чиновник не принадлежал ни к одному из центральных структурных подразделений министерства, а относился к категории "состоящие в ведомстве Министерства иностранных дел". С 1905 г. таким чиновником являлся действительный статский советник Павлов Александр Иванович, в звании камергера.

Именно успехи в организации сбора разведывательных сведений до начала и в ходе русско-японской войны в бытность Павлова чрезвычайным посланником и полномочным министром в Корее привели к назначению Павлова на столь конфиденциальный пост в министерстве. В дело Павлова попал и "Проект учреждения при первом департаменте министерства иностранных дел разведочного бюро", подготовленный вице-консулом в Гонконге надворным советником Константином Федоровичем Бологовским.

Предложение об учреждении разведочного бюро при Первом департаменте, в компетенцию которого входили "дела политические, касающиеся Востока (за исключением подведомственных канцелярии I), предопределяло сферу деятельности этого бюро. Так, согласно проекта Бологовского, "деятельность бюро должна обнимать собственно всю Азию., всю Индию, Китай, Японию, Корею, вообще все английские владения на востоке и Монголию" [139]. "Агенты в распоряжении этого бюро, — считал Бологовский, — будут делиться на две категории: на 1) постоянные агенты и на 2) инспекторов. Постоянные агенты будут постоянно жить в городах, местах и местечках заранее им назначенным и будут занимать самые разнообразные профессии, согласно указаниям начальника

бюро". Нашлось место у гонконгского вице-консула и для офицеров генерального штаба. Инспектора (преимущественно из офицеров Генерального штаба), писал он, будут дважды в год объезжать агентуры и доносить о желательных изменениях. По мнению автора проекта, стоимость этого предприятия "не превысит 800 тыс. рублей, т.е. не превысит стоимости одного миноносца, при чем следует предполагать, что это бюро принесет России значительно более пользы, чем миноносец".

В Министерстве иностранных дел проект подвергся изучению, однако никаких организационных выводов сделано не было. Спустя год, в ноябре 1906 г., член Военного Совета генерал-лейтенант Фролов Петр Александрович, знакомясь с делами действительного статского советника Павлова "нашел в деле № 13 часть III (секретные разведки) в высшей степени интересное письмо нашего вице-консула в Гонконге г. Богдановского" [140]. О "находке" было доложено начальнику Генерального штаба генерал-лейтенанту Палицыну, после чего поступило указание запросить в Министерстве иностранных дел это письмо для более детального ознакомления. Письмо с Проектом было передано в военное ведомство, где и осело в одном из дел, без какого-либо использования выдвигаемых автором идей.

При Канцелярии Министерства иностранных дел состояли две экспедиции. Первая (цифирная), завсудующая шифрами секретной корреспонденции. Именно в этой экспедиции расшифровывались телеграммы, направленные из посольств ряда иностранных государств в Санкт-Петербурге в соответствующие министерства иностранных дел, а также телеграммы, адресованные в эти посольства. Так, расшифровывалась телеграфная переписка германского и итальянского МИД со своими послами, французского и английского послов с национальными министерствами [141]. В этой же канцелярии производилась расшифровка поступающей из "черного кабинета" иностранной корреспонденции, отправляемой почтой. В обязанности второй (газетной) экспедиции входила выборка из русской и иностранной прессы для представления в извлечениях министру и для доклада последних этих извлечений Николаю II. Вторая экспедиция также составляла ежедневные отчеты по политическим газетным статьям. При канцелярии имелась и особая типография (литография), печатающая подлежащие циркулярной рассылке русским заграничным представительствам разного рода поступающих в министерство дипломатических донесений и депеш, а также составляемые самим центральным ведомством циркуляры [142].

Осуществление всей политической работы узким кругом чиновников приводило, во-первых, к тому, что руководство МИД было выпущено привлекать заграничные представительства к разработке внешнеполитических решений. Во-вторых, многое зависело от деловых качеств

этих чиновников, от уровня их подготовки, умения и возможности мыслить с точки зрения высших государственных интересов. В-третьих, подобная практика обуславливала келейность при выработке важнейших решений.

Несмотря на то, что в дипломатическом ведомстве внешнеполитическое планирование и изучение общей международной обстановки было поставлено из рук вои плохо, военное и морское министерства регулярно обращались в МИД за информацией в части, касающейся разработки стратегических планов. Так, в октябре 1909 г. Сухомлинов писал Столыпину и Извольскому: «Военному министерству не необходимо знать, как оценивается современное политическое положение нашим Министерством иностранных дел и в каком направлении предполагается вести нашу внешнюю политику, чтобы, по мере возможности, подготовить в нужную минуту и в нужном направлении опору вооруженной силой нашей дипломатии» [143]. Однако на все просьбы ГУГШ и МГШ наметить политическую обстановку МИД отделялось общими фразами и считало вполне достаточным передачу документов общеполитического значения [144]. Вот почему параллельно с запросами в МИД военное и морское министерства самостоятельно занималась изучением общей международной ситуации.

Первые разработки ГУГШ в этом направлении — политическая часть «Общего плана обороны государства и соответствующих мероприятий на ближайшее десятилетие» и др. [145] — были в достаточной степени наивными и свидетельствовали об отсутствии опыта такой работы. Сотрудники МГШ оказались более подготовленными к изучению внешнеполитических вопросов. «Стратегическое расследование взаимоотношений Англии и Германии» начальника иностранной части Додило-Добровольского или записка начальника I оперативной части Щеглова «О мерах, вызываемых политической обстановкой данного момента» демонстрировали реалистическое понимание основных процессов современной международной жизни. Тем не менее эти документы носили слишком отвлеченный, неконкретный характер. Их авторам явно не хватало знания истории вопроса и ближайших планов МИД.

Примерно с 1910 г. ГУГШ и МГШ изменили систему запросов дипломатического ведомства. Они перестали требовать освещения политической обстановки вообще, избавив его таким образом от необходимости «литературных построений», и стали задавать свои вопросы в конкретной форме, сопровождая их изложением своей точки зрения. Такой подход оказался более конструктивным. Военному министерству удалось в результате получить ответ по отдельным второстепенным проблемам, в частности, о ближайших политических задачах в условиях итало-турецкой войны, I Балканской войны, революции в Китае и т. д. [146]. На этой основе в ГУГШ были составлены записки «о силах и

вероятных планах наших западных противников», политическая часть которых должна была являться основой для всех стратегических расчетов Генерального штаба [147]. В них прогнозировалась расстановка сил на международной арене в будущей войне между двумя блоками. Насколько эти прогнозы были далеки от действительности будет показано в дальнейшем.

Не плодотворен был на первых порах и анализ внешнеполитической обстановки, проводимый Морским и Генеральным штабом, с участием Министерства иностранных дел, особенно после того, как МГШ возглавил Ливен. Он поддержал мнение начальника 2 оперативной части Невитца о необходимости самим следить за международной обстановкой и решать, «с кем надо быть готовым воевать, когда, какие союзники, какая политическая цель должна быть достигнута» [148]. Причиной тому — негативный опыт сотрудничества с МИД. Как отмечалось в одном из докладов, «нам никогда не удалось получить от Министерства иностранных дел ясного ответа на наши вопросы о политической обстановке. Вероятно, по этой причине, главным образом, Генеральный штаб разработал в 1908 г. план войны на Черном море, предполагая такую политическую обстановку, которая в действительности была и остается маловероятной» [149]. Однако Ливен вновь обратился к Сазонову с просьбой обрисовать современное состояние «восточного вопроса» и дать возможность самостоятельно ознакомиться с его историей по документам МИД [150]. С привлечением полученных материалов Невитц составил две записки («Вопрос о политических задачах России при ликвидации славяно-турецкой войны с военно-морской точки зрения» и о недопустимости преобладания турецкого флота в Черном море и задачах в связи с этим русской дипломатии) [151]. На основе этих записок Ливен представил морскому министру доклады, копии которых были посланы Сазонову.

Во второй половине 1913 г. Ливен обратился к директору Канцелярии МИД Шиллингу с предложением активизировать обмен мнениями по вопросу о проливах. Шиллинг согласился встретиться с Невитцем и ими был подготовлен совместный доклад на имя царя. Этот доклад не состоялся, но на его основе были составлены три документа: Доклад МГШ морскому министру от 7 ноября 1913 г., Всеподданнейшие доклады министров иностранных дел (23 ноября 1913 г.) и морского (22 декабря 1913 г.) [152]. Доклады были одобрены Николаем II, а окончательное утверждение программы захвата проливов произошло 8 февраля 1914 г. на Особом совещании. Одновременно иностранный отдел МГШ подготовил аналитическую записку, которая, по-видимому, предназначалась для доклада царю [153]. В этой записке на основе глобального внешнеполитического прогнозирования отношения великих держав к возможной активизации политики России на Балканах были определены основные задачи русского правительства.

В целом, добывание министерством иностранных дел разведывательных сведений и материалов в интересах военного ведомства носило бессистемный характер. В центре между двумя ведомствами отсутствовал закреплённый официальными документами обмен добытой разведывательной информацией как военного, так и политического характера. На местах ознакомление с полученными разведывательными сведениями происходило не регулярно и зависело от доброй воли и личных отношений глав российских представительств и военных агентов.

В отличие от Министерства иностранных дел в министерствах финансов и внутренних дел были разработаны и утверждены специальные нормативные документы, предписывающие отдельным структурным подразделениям принимать участие в организации и ведении разведки в интересах военного ведомства.

Чины Отдельного корпуса пограничной стражи Министерства финансов не только оказывали содействие разведывательной деятельности штабов военных округов, но и принимали самое активное участие в ее организации. Начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор Берхман докладывал 9 мая 1907 г. генерал-лейтенанту Дубасову о постановке разведки в округе в части пограничной стражи следующее: «Участие расположенной на кавказско-турецкой границе пограничной стражи в разведке на турецком театре выражается в настоящее время сбором и доставлением в штаб округа сведений о турецких войсках, расположенных в пограничной полосе, а также статистических и политических сведений о том же районе» [154]. Перечень сведений, которые вменялось в обязанность собирать чинам отдельного корпуса пограничной стражи, был определен «Инструкцией по разведке в пограничных иностранных государствах» от 23 октября 1908 г. В частности, для сбора разведывательных сведений была определена 21-верстная пограничная полоса территории соседних иностранных государств. Чинам корпуса пограничной стражи надлежало собирать сведения о путях сообщения, телеграфной и телефонной сети пограничной полосы, удобных пунктах переправ через пограничные реки, об органах, осуществляющих контроль за границей со стороны соседних государств. Необходимо было также собирать информацию о расположенных в пограничной полосе гарнизонах, наблюдать за их жизнедеятельностью, — «пробными мобилизациями, полевыми поездками, настроением войск» [155]. Под контролем должны были находиться склады оружия и боеприпасов, интендантские склады («продовольственные, консервные фабрики, казенные мельницы, хлебонакарни, сухарные заводы, сенопрессовальни и пр.»).

Для решения этих задач использовалась закордонная агентура ОКПС и личные разведывательные поездки офицеров-пограничников.

бюро". Нашлось место у гоиконгского вице-консула и для офицеров генерального штаба. Инспектора (преимущественно из офицеров Генерального штаба), писал он, будут дважды в год объезжать агитур и доносить о желательных изменениях. По мнению автора проекта, стоимость этого предприятия "не превысит 800 тыс. рублей; т.е. не превысит стоимости одного миноносца, при чем следует предполагать, что это бюро принесет России значительно более пользы, чем миноносец".

В Министерстве иностранных дел проект подвергся изучению, однако никаких организационных выводов сделано не было. Спустя год, в ноябре 1906 г., член Военного Совета генерал-лейтенант Фролов Петр Александрович, знакомясь с делами действительного статского советника Павлова "нашел в деле № 13 часть III (секретные разведки) в высшей степени интересное письмо нашего вице-консула в Гонконге г. Болозовского" [140]. О "находке" было доложено начальнику Генерального штаба генерал-лейтенанту Палицыну, после чего поступило указание запросить в Министерстве иностранных дел это письмо для более детального ознакомления. Письмо с Проектом было передано в военное ведомство, где и осело в одном из дел, без какого-либо использования выдвигаемых автором идей.

При Канцелярии Министерства иностранных дел состояли две экспедиции. Первая (цифирная), заведующая шифрами секретной корреспонденции. Именно в этой экспедиции расшифровывались телеграммы, направленные из посольств ряда иностранных государств в Санкт-Петербурге в соответствующие министерства иностранных дел, а также телеграммы, адресованные в эти посольства. Так, расшифровывались телеграфная переписка германского и итальянского МИД со своими послами, французского и английского послов с национальными министерствами [141]. В этой же канцелярии производилась расшифровка поступающей из "черного кабинета" иностранной корреспонденции, отправляемой почтой. В обязанности второй (газетной) экспедиции входила выборка из русской и иностранной прессы для представления в извлечениях министру и для доклада последних этих извлечений Николаю II. Вторая экспедиция также составляла ежедневные отчеты по политическим газетным статьям. При канцелярии имелась и особая типография (литография), печатающая подлежащие циркулярной рассылке русским заграничным представительствам разного рода поступающих в министерство дипломатических донесений и депеш, а также составляемые самим центральным ведомством циркуляры [142].

Осуществление всей политической работы узким кругом чиновников приводило, во-первых, к тому, что руководство МИД было вынуждено привлекать заграничные представительства к разработке внешнеполитических решений. Во-вторых, многое зависело от деловых качеств

этих чиновников, от уровня их подготовки, умения и возможности мыслить с точки зрения высших государственных интересов. В-третьих, подобная практика обуславливала кельсийность при выработке важнейших решений.

Несмотря на то, что в дипломатическом ведомстве внешнеполитическое планирование и изучение общей международной обстановки было поставлено из рук вон плохо, военное и морское министерства регулярно обращались в МИД за информацией в части, касающейся разработки стратегических планов. Так, в октябре 1909 г. Сухомлинов писал Столыпину и Извольскому: «Военному министерству не обходимо знать, как оценивается современное политическое положение нашим Министерством иностранных дел и в каком направлении предполагается вести нашу внешнюю политику, чтобы, по мере возможности, подготавливать в нужную минуту и в нужном направлении опору вооруженной силой нашей дипломатии» [143]. Однако на все просьбы ГУГШ и МГШ наметить политическую обстановку МИД отделялось общими фразами и считало вполне достаточным передачу документов общеполитического значения [144]. Вот почему параллельно с запросами в МИД военное и морское министерства самостоятельно занималась изучением общей международной ситуации.

Первые разработки ГУГШ в этом направлении — политическая часть «Общего плана обороны государства и соответствующих мероприятий на ближайшее десятилетие» и др. [145] — были в достаточной степени наивными и свидетельствовали об отсутствии опыта такой работы. Сотрудники МГШ оказались более подготовленными к изучению внешнеполитических вопросов. «Стратегическое расследование взаимоотношений Англии и Германии» начальника иностранной части Додилова «О мерах, вызываемых политической обстановкой данного момента» демонстрировали реалистическое понимание основных процессов современной международной жизни. Тем не менее эти документы носили слишком отвлеченный, неконкретный характер. Их авторам явно не хватало знания истории вопроса и ближайших планов МИД.

Примерно с 1910 г. ГУГШ и МГШ изменили систему запросов дипломатического ведомства. Они перестали требовать освещения политической обстановки вообще, избавив его таким образом от необходимости «литературных построений», и стали задавать свои вопросы в конкретной форме, сопровождая их изложением своей точки зрения. Такой подход оказался более конструктивным. Военному министерству удалось в результате получить ответ по отдельным второстепенным проблемам, в частности, о ближайших политических задачах в условиях итало-турецкой войны, I Балканской войны, революции в Китае и т. д. [146]. На этой основе в ГУГШ были составлены записки «о силах и

вероятных планах наших западных противников», политическая часть которых должна была являться основой для всех стратегических расчетов Генерального штаба [147]. В них прогнозировалась расстановка сил на международной арене в будущей войне между двумя блоками. Насколько эти прогнозы были далеки от действительности будет показано в дальнейшем.

Не плодотворнее был на первых порах и анализ внешнеполитической обстановки, проводимый Морским генеральным штабом, с участием Министерства иностранных дел, особенно после того, как МГШ возглавил Ливен. Он поддерживал мнение начальника 2 оперативной части Немецка о необходимости самим следить за международной обстановкой и решать, «с кем надо быть готовым воевать, когда, какие союзники, какая политическая цель должна быть достигнута» [148]. Причиной тому — негативный опыт сотрудничества с МИД. Как отмечалось в одном из докладов, «нам никогда не удалось получить от Министерства иностранных дел ясного ответа на наши вопросы о политической обстановке. Вероятно, по этой причине, главным образом, Генеральный штаб разработал в 1908 г. план войны на Черном море, предполагая такую политическую обстановку, которая в действительности была и остается маловероятной» [149]. Однако Ливен вновь обратился к Сазонову с просьбой обрисовать современное состояние «восточного вопроса» и дать возможность самостоятельно ознакомиться с его историей по документам МИД [150]. С привлечением полученных материалов Немецка составил две записки («Вопрос о политических задачах России при ликвидации славяно-турецкой войны с военно-морской точки зрения» и о недопустимости преобладания турецкого флота в Черном море и задачах в связи с этим русской дипломатии) [151]. На основе этих записок Ливен представил морскому министру доклад, копии которых были посланы Сазонову.

Во второй половине 1913 г. Ливен обратился к директору Канцелярии МИД Шиллингу с предложением активизировать обмен мнениями по вопросу о проливах. Шиллинг согласился встретиться с Немецком и ими был подготовлен совместный доклад на имя царя. Этот доклад не состоялся, но на его основе были составлены три документа: Доклад МГШ морскому министру от 7 ноября 1913 г., Вспомогательные доклады министров иностранных дел (23 ноября 1913 г.) и морского (22 декабря 1913 г.) [152]. Доклады были одобрены Николаем II, а окончательное утверждение программы захвата проливов произошло 8 февраля 1914 г. на Особом совещании. Одновременно иностранный отдел МГШ подготовил аналитическую записку, которая, по-видимому, предназначалась для доклада царю [153]. В этой записке на основе глобального внешнеполитического прогнозирования отношения великих держав к возможной активизации политики России на Балканах были определены основные задачи русского правительства.

В целом, добывание министерством иностранных дел разведывательных сведений и материалов в интересах военного ведомства носило бессистемный характер. В центре между двумя ведомствами отсутствовал закреплённый официальными документами обмен добытой разведывательной информацией как военного, так и политического характера. На местах ознакомление с полученными разведывательными сведениями происходило не регулярно и зависело от доброй воли и личных отношений глав российских представительств и военных агентов.

В отличие от Министерства иностранных дел в министерствах финансов и внутренних дел были разработаны и утверждены специальные нормативные документы, предписывающие отдельным структурным подразделениям принимать участие в организации и ведении разведки в интересах военного ведомства.

Чины Отдельного корпуса пограничной стражи Министерства финансов не только оказывали содействие разведывательной деятельности штабов военных округов, но и принимали самое активное участие в ее организации. Начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор Берхман докладывал 9 мая 1907 г. генерал-квартирмейстеру Главного Управления Генерального штаба генерал-лейтенанту Дубасову о постановке разведки в округе в части пограничной стражи следующее: «Участие расположенной на кавказско-турецкой границе пограничной стражи в разведке на турецком театре выражается в настоящее время сбором и доставлением в штаб округа сведений о турецких войсках, расположенных в пограничной полосе, а также статистических и политических сведений о том же районе» [154]. Перечень сведений, которые вменялось в обязанность собирать чинам отдельного корпуса пограничной стражи, был определен «Инструкцией по разведке в пограничных иностранных государствах» от 23 октября 1908 г. В частности, для сбора разведывательных сведений была определена 21-верстная пограничная полоса территории соседних иностранных государств. Чинам корпуса пограничной стражи надлежало собирать сведения о путях сообщения, телеграфной и телефонной сети пограничной полосы, удобных пунктах переправ через пограничные реки, об органах, осуществляющих контроль за границей со стороны соседних государств. Необходимо было также собирать информацию о расположенных в пограничной полосе гарнизонах, наблюдать за их жизнедеятельностью, — «пробными мобилизациями, полевыми поездками, настроением войск» [155]. Под контролем должны были находиться склады оружия и боеприпасов, штабштабские склады («продовольственные, консервные фабрики, казенные мельницы, хлебопекарни, сухарные заводы, сенопрессовальни и пр.»).

Для решения этих задач использовалась закордонная агентура ОКПС и личные разведывательные поездки офицеров-пограничников.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример хотя и неудачной, но реальной разведывательной поездки.

Утром 26 июля 1907 г. на германской станции Торн властями был задержан прибывший из Берлина русский офицер — начальник штаба III пограничного округа Генерального штаба полковник Александр Григорьевич Гибер фон Грейффенфельс. При выходе из вагона жандарм предложил ему проследовать к коменданту и предъявить свои вещи к досмотру по подозрению в шпионаже против Германии. Немцы не только тщательно осмотрели ручной багаж (чемодан и саквояж), но и одежду полковника и отобрали у него фотоаппарат "Кодак" с двумя заснятыми пленками и шесть других пленок, 2/3-верстную карту русского Генерального штаба (местность, на которой был нанесен г. Торн), маршрут его поездки за границу. Прокурор объявил Гибер фон Грейффенфельсу, что вынужден его задержать потому, что: 1) было замечено, что он очень часто проезжал по границе Пруссии; 2) подозревается в сношении с агентами; 3) у него был фотоаппарат. На следующий день утром Гибер фон Грейффенфельс был отпущен. Министерство иностранных дел направило ноту протеста правительству Германии и 6 октября 1907 г. получило ответ: *"Тщательно проведенное расследование установило, что у Гибер фон Грейффенфельса при обыске были обнаружены документы, которые полковник сначала отказался отдать, но позднее сам признал секретной инструкцией..."* В ответе германского МИДа указывалось также, что упомянутый документ якобы представлял собой инструкцию, изданную для руководства офицерам пограничной стражи, обязывающую их заботиться о военной разведке и разъясняющую им способы производства действительного контроля в Германии и т.д. Кроме того, позднее на столе, за которым находился полковник во время допроса, были якобы обнаружены обрывки другого документа, написанного буквами. Гибер фон Грейффенфельс, как писали немцы, сознался, что разорвал и бросил указанную бумагу, так как ее содержание было доверительно. Восстановленный и переведенный документ, по словам ответной ноты, содержал предложения уничтожить резервуар на станции Александрово, расположенной в Тончине. Так неосторожность офицера, слишком явно проявившего свой разведывательный интерес и допустившего наличие при себе компрометирующих материалов, позволила германской стороне развернуть полномасштабную провокацию против России [156].

"Инструкция по разведке в пограничных иностранных государствах" 1908 г. предусматривала оказание чинами пограничной стражи "содействия штабам военных округов по вербовке тайных агентов". 1 февраля 1912 г. была введена новая "Инструкция чинам отдельного корпуса пограничной стражи по разведке в пограничных иностранных государствах", которая дополняла и детализировала предыдущую инструкцию.

"Чины пограничной стражи обязаны, — предписывала Инструкция от 1912 г., — насколько позволяют им прямые служебные обязанности по специальной службе, оказывать содействие чинам военного ведомства по получению негласным путем необходимых сведений, касающихся соседних армий (разведка), а равно по борьбе со шпионством соседних государств (контрразведка)" [157].

Содействие чинов пограничной стражи в деле тайной разведки, согласно Инструкции, могло выражаться:

"а) в немедленном сообщении по команде случайно полученных сведений, касающихся жизни войск иностранных государств в пограничной полосе, а равно признаков усиления деятельности их войск;

б) в доставлении сведений по определению каждый раз предложенным отдельным задачам;

в) в проверке сведений, имеющих уже в распоряжении военного ведомства;

г) в подыскании для военного ведомства агентов..."

О всех лицах, предлагающих услуги по тайной разведке или контрразведке, в соответствии с Инструкцией, чины пограничной стражи обязаны были немедленно сообщать непосредственно разведывательному отделению соответствующего штаба округа. Вместе с тем, следующая оговорка, сделанная по тексту Инструкции, — *"доставка просимых сведений и выполнение поручений вменяется в служебную обязанность чиновников пограничной стражи, насколько это им позволяют прямые обязанности по их специальности"*, — давала возможность отдельным офицерам стражи уклоняться под благовидным предлогом от работы "по разведке". Тем не менее в некоторых случаях содействие чинов отдельного корпуса пограничной стражи в деле организации и ведения разведки было достаточно действенным.

Однако Министерство финансов не всегда с пониманием относилось к стремлению (если таковое появлялось) пограничной стражи соответствующим образом наладить разведывательную деятельность. Так в 1909 г. было отклонено ходатайство штаба Заамурского округа пограничной стражи о дополнительном отпуске ему "соответствующих его задачам средств на агентурную «разведку»". При этом было указано на желательность ограничить разведку округа "пределами надобности по охране железной дороги от хунхузов" [158].

Кроме министерства финансов, штаб Заамурского округа пограничной стражи получал деньги на ведение агентурной разведки и от Управления Китайско-Восточной железной дороги — ежегодно по 7000 рублей. Из этой суммы большая часть уходила на освещение деятельности хунхузов и на наем переводчиков. В целом разведывательная деятельность Заамурского округа пограничной стражи была достаточно результативна. К разведке были привлечены офицеры округа, снабженные

соответствующими инструкциями и материалами для изучения страны. Кроме того, все начальники разъездов, даже из солдат, непрерывно объезжавшие в целях охраны прилегающую к дороге 25 верстную полосу, обязаны были представить как своему непосредственному начальству, так и в отчетное отделение штаба округа отчеты о виденном и услышанном. В случае необходимости конвоировать кого-либо из сотрудников русского консульства, служащих Китайско-Восточной железной дороги или Русско-китайского банка вглубь страны, во главе конвоя ставился соответствующий офицер, которому придавалось несколько специально подготовленных солдат-разведчиков. В Мукдене и Куанчэнцзы, были учреждены небольшие разведывательные бюро, во главе которых были поставлены лица из числа чинов округа, зарекомендовавших себя способными к разведке, любящими это дело и знающими китайский и японский языки. Этим лицам отпускались небольшие денежные суммы на ведение разведки [159].

8 февраля 1908 г. Министерством внутренних дел (МВД) был принят документ "О содействии жандармских управлений военным окружным властям в деле разведки". При этом, содействие выражалось и в привлечении отдельного корпуса жандармов к организации и ведению вербовочной работы с целью получения разведывательной информации. В "Протоколе заседания старших адъютантов разведывательных отделений штабов Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского военных округов", прошедшего с 10 по 14 июля 1908 г., среди прочего констатировалось: "При помощи Отдельного корпуса жандармов (охранные отделения и их заграничные агенты и пограничные жандармские пункты) окружные штабы производят вербовку негласных агентов, устанавливают связь с органами разведки и получают непосредственно от членов этого корпуса сведения разведывательного характера" [160]. Определенную роль в добывании разведывательной информации военного характера играли офицеры Отдельного корпуса жандармов в приграничных районах.

В своих воспоминаниях начальник разведывательного управления германского верховного командования (во время Первой мировой войны) полковник Вальтер Николай писал: "Действительным повелителем в германской пограничной полосе был русский пограничный офицер. Особенно успешно работал начальник пограничной жандармерии в Вержболове полковник Мясоедов. То обстоятельство, что он был ежегодно во время охоты гостем германского императора в Раминтах, мешало ему в его деятельности так же мало, как мало мешало военным атташе то, что они были специально прикомандированы к особе германского императора. Наоборот, это даже способствовало их деятельности, так как окружало их в глазах германских властей ореолом, с которым трудно было бороться" [161]. "...судьба постигла упомянутого выше полковника Мясо-

едова, — вспоминает Николай, — не на германской земле, а лишь позднее в его собственном отечестве. Во время войны он был казнен в Петербурге за государственную измену в пользу Германии". Приговор этот, как и многие другие подобные, был ошибочным, утверждал Николай, так как Мясоедов никогда не оказывал услуг Германии.

В деле организации и ведения разведки начальники штабов приграничных военных округов опирались и на крепостные жандармские команды. Так, начальник штаба Варшавского ВО генерал-лейтенант А. В. Самсонов в своем рапорте на имя начальника генерального штаба от 21 апреля 1906 г. доносил: "...штаб округа предполагает... учредить небольшие тайные агентуры при крепостных жандармских командах под наблюдением начальников штабов крепостей в Варшаве, Новогеоргиевске, Брест-Литовске, Иван-городе, Зегрже и Ломже" [162]. Накануне войны штабы военных округов используют чинов Отдельного корпуса жандармов значительно в меньшей степени, чем в 10 годы XX века.

С Департаментом полиции МВД военная разведка имела общие заботы — «борьбу со шпионством». Совместная работа, как известно, сближает людей, и общий язык с Департаментом полиции и Охранными отделениями был найден легко.

В 1913 году сообщения Департамента полиции об активизации деятельности польского националистического движения (в том числе Польской социалистической партии) привлекли внимание Особого делопроизводства Огеньквара ГУГШ к этому вопросу. Накануне войны Генеральный штаб был озабочен возможным участием польских националистических формирований типа «Сокол», «Стрелковые дружины» в военных действиях на стороне Австро-Венгрии. Разведкой были получены данные о финансировании боевой подготовки этих формирований за счет военного бюджета Австро-Венгрии. Согласно отдельным допущениям, планировалось «вооруженное выступление польского населения Юго-Западного края, Австрийской Галиции против России в случае крайнего обострения взаимоотношений между Россией и Австро-Венгрией» [163]. Разведывательное отделение Варшавского округа сообщало в 1914 г. о концентрации «польских банд» на границе с Россией [164].

МВД легко шло навстречу разведывательному делопроизводству ГУГШ и в более мелких, но важных для последнего вопросах. Так, ГУГШ без малейшей задержки предоставлялись заграничные паспорта. Документы оформлялись в трехдневный срок по первому требованию: заграничные паспорта и гражданские, служебные, дипломатические и купеческие, заполненные и незаполненные. Министерство внутренних дел отправляло также распоряжение генерал-губернаторам: обеспечить штабы военных округов «чистыми, но подписанными бланками обычных и купеческих паспортов в надобном количестве» [165]. Единствен-

ная просьба — условие, которое сопровождало это распоряжение министра, заключалось в том, чтобы военное ведомство не забывало оплачивать полученные паспорта (очевидно, были прецеденты), и чтобы «надобное количество» все же находилось в разумных пределах [166].

В 1906—1908 годах военные агенты в Швейцарии (Г.А.Розен), Бельгии и Нидерландах (А.Н.Кузьмин-Караваев), Дании, Швеции и Норвегии (А.М.Алексеев) участвовали в операции по пресечению контрабандного ввоза оружия в Россию. Военным агентам была поставлена задача через свои связи определить каналы, по которым шла эта контрабанда. Оружие шло для революционных организаций самого разного толка — от анархистов до социал-демократов. По сути — разведка выполняла полицейские функции. Одновременно такие же задачи решала зарубежная агентура Департамента полиции, а внутри страны — окранные отделения.

С военным ведомством по-прежнему активно продолжало сотрудничать Главное управление почт и телеграфов МВД. Копии со всех шифрованных телеграмм отправлялись для расшифровки в министерство иностранных дел. Так, военное ведомство проявило интерес к получению копий шифрованных телеграмм сотрудников иностранных посольств, которые шли через Петербургский почтамт. 8 декабря 1909 г. начальник Главного управления Генерального штаба Герн-Грос в письме на имя директора Главного управления почт и телеграфов обратился со следующей просьбой: «Для установления более полного наблюдения за иностранными военными атташе в С.Петербурге и для выяснения того, какие военные вопросы в данное время наиболее интересуют соседние государства, Главному управлению Генерального штаба крайне необходимо иметь копии всех шифрованных телеграмм, получаемых и отправляемых иностранными военными атташе» [167]. Копии эти необходимы также для того, разъяснял Герн-Грос, чтобы иметь достаточный материал для раскрытия военных шифров иностранных государств.

Разведывательные сведения и материалы политического и экономического характера продолжали добываться в большей или меньшей степени, кроме вышеперечисленных ведомств (военное министерство, МИД, МВД, Министерство финансов), Священным синодом, Министерством торговли и промышленности.

С учреждением ГУГШ вновь были предприняты шаги по реализации положений Протокола 1892 г., хотя бы в части создания «крышевых должностей» за границей. В докладе по Главному управлению Генерального штаба, представленному на имя военного министра в январе 1906 года, отмечалось: «Помимо военных агентов на территории вероятных противников и, в частности, в пограничных с нами районах должны в мирное время находиться правительственные агенты, обладаю-

щие специальной подготовкой, т.е. офицеры [168]. Разведывательная деятельность офицеров под видом частных лиц на заграничной территории, как показал опыт, — констатировалось в докладе, — встречает непреодолимые препятствия в виде тех мер, кои принимаются иностранными правительствами для предупреждения и пресечения разведывательной деятельности. Остается одно лишь средство скрыть военное звание офицеров — разведчиков под личиной официальных правительственных агентов других ведомств, в частности, чинов консульского корпуса ... В интересах военной разведки... Эти офицеры в пунктах с преобладающим для нас стратегическим и военно-политическим значением должны находиться во главе имеющихся консульских учреждений названных пунктов».

В 1907 году Военному министерству были выделены консульские должности в Китае и Корее, а также в целом ряде стран Ближнего и Среднего Востока с непосредственным подчинением негласных военных агентов в этих регионах штабам Кавказского и Туркестанского военных округов.

Некомпетентность негласных военных агентов на консульских должностях использовалась Министерством иностранных дел в качестве основания для требования о возвращении ему этих должностей, с таким трудом полученных военным ведомством. При этом иногда высказывалась даже готовность взять на себя далеко идущие обязательства, вплоть до организации сбора разведывательной информации военного характера.

В 1908 году в связи с оставлением должности вице-консула в Хаме (Турция) негласным военным агентом Шелковниковым консул в Дамаске князь Шаховской обратился в МИД с предложением не замещать впредь негласным военным агентом освобождающуюся должность с «возложением военной агентуры на консульство в Дамаске» [169]. В качестве аргументации было приведено следующее:

— вице-консул «не занимается делами своего района, всегда пребывает вне его», что «вызывает расспросы турками консула, на что последний не может дать правдоподобного ответа на эту кажущуюся аномалию»;

— «вице-консул получает сведения военного характера исключительно от консульства... Без консула вице-консул не может получить ни одного серьезного и главного документально обоснованного сведения: вице-консул только обрабатывает даваемые ему консульством сведения».

«Крышевые» должности в Западной Европе так и не были открыты, как из-за отсутствия должной настойчивости ГУГШ, так и нежелания или неспособности Министерства иностранных дел понять важность проведения мероприятий в этой области.

Необходимость привлечения российских консулов к военной разведке и назначения на должности в консульствах негласных военных агентов в свете Протокола 1892 г., остро воспринималась на местах — в штабах западных приграничных военных округов. Как следует

из архивных документов, 31 января 1906 года, начальник штаба Варшавского военного округа в рапорте на имя начальника Генерального штаба настоятельно рекомендовал "к ведению тайной разведки по примеру наших соседей привлечь наших консулов в приграничных с округом городах: Львове, Бреславле, Торне и Данциге", а может быть даже будет признано возможным назначить на эти должности офицеров запаса" [170].

Начальнику штаба Варшавского военного округа вторил генерал-квартирмейстер Киевского военного округа. В своем рапорте от 9 ноября 1908 года в Главное управление Генерального штаба об организации разведки в округе он доносил:

"Вопрос о привлечении этих чинов (представителей Министерства иностранных дел за рубежом — примеч. авт.) к помощи военному ведомству... — государственной важности, и решение его в положительном смысле необходимо, если желательно поставить себя в столь же благоприятные условия, как и иностранные государства, широко пользующихся для военной разведки своими представительствами в России" [171].

Подобные обращения не могли оставить безучастными Генеральный штаб. 18 сентября 1908 года исполняющий обязанности начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Дубасов обратился к управляющему Министерством иностранных дел с просьбой об оказании содействия военному ведомству в разведывательной и контрразведывательной деятельности. Правда, речь шла не о том содействии, которого добивались штабы военных округов. "Общегосударственная важность разведки об иностранных государствах, а также и борьбы с разведкой этих государств в России, — писал Дубасов, — заставляет меня просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении, чтобы чины вверенного Вам министерства за границей оказывали возможное содействие и поддержку в деле разведки и контрразведки, как Главному управлению Генерального штаба и штабам военных округов, так и командироваемым этими учреждениями за границу офицерам" [172]. В чем же заключалось это содействие? "При получении чинами Министерства иностранных дел каких-либо предложений по негласной агентуре, — указывал Дубасов, — крайне желательно, чтобы предложения эти направлялись с курьерской почтой, а при невозможности и срочности, с особыми нарочными к ближайшему военному агенту".

Дубасов отмечал, что совершенно недопустимо пересылать такие предложения по иностранной почте, как это недавно было сделано императорским российским вице-консулом в Торне г. Фидипповым, отправившим агентурное предложение по германской почте в императорское российское посольство в Берлине. «Предложение в высшей степени серьезное и важное, — подчеркивал Дубасов, — при весьма

возможном вскрытии конверта могло бы лишить нас, как это выяснилось, крайне интересных сведений». Видимо, подобное обращение оказало определенное воздействие. По крайней мере была декларирована готовность в оказании содействия (в более широком смысле слова, чем в вышеприведенном случае) со стороны Министерства иностранных дел военному ведомству. О взаимодействии двух ведомств идет речь и в рапорте начальника штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенанта Ключева от 4 мая 1909 года:

"Хотя в настоящее время и предписано нашим консулам (в Данциге, Торне, Бреславле и Львове — примеч. авт.) оказывать окружным штабам полное содействие в деле тайной разведки, тем не менее, желательно было бы возможно скорее выработать для них общую программу по тайной разведке с тем, чтобы сведения подобного рода они периодически представляли непосредственно в окружной штаб" [173].

В этой связи Ключев в очередной раз предложил на должности приграничных консулов назначать офицеров запаса, как уже знакомых с главными основами военного дела. Одновременно он ходатайствовал о снабжении штаба округа консульским шифром. "Казалось бы, — вопрошал Ключев, — снабжение окружного штаба этим шифром должно естественно вытекать из факта привлечения консулов к делу разведки по поручениям окружного штаба". Но подобные пожелания, реализация которых была бы и выполнением решений совещания 1892 года, так и остались на бумаге и не были претворены в жизнь до начала Первой мировой войны. К сожалению, как это следует из анализа архивных документов, простым пожеланием оказалась и та часть "Основных положений для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов" 1912 года, где было указано, что к числу органов, которые должны служить окружным штабам для сбора необходимых сведений относятся "находящиеся за границей официальные правительственные агенты и личный состав разного рода учреждений других ведомств" [174].

По-прежнему, в своих интересах организует разведку Морской генеральный штаб (МГШ). Поражение России в русско-японской войне дало толчок к реформам высшего управления военно-морского флота. 5 июня 1906 г. Императорским Высочайшим указом Правительствующему Сенату из состава Главного морского штаба была "выделена стратегическая часть в отдельное в составе морского Министерства учреждение" — Морской генеральный штаб (Приложение 5) [175]. Согласно "Статей к книге I Свода морских постановлений", по штатной организации 1906 г. МГШ состоял из оперативной части, трех отделений (русской статистики, иностранной статистики и военно-исторического) и делопроизводства по мобилизации, общей численностью 15 офицеров. К ведению Морского генерального штаба было отнесено наряду с прочим "1) Сношение с Министерством иностранных дел, с Советом Госу-

дарственной обороны и с Главным управлением Генерального штаба по политическим и военным вопросам; 2) Изучение морских сил иностранных государств" [176].

Разведывательные функции в МГШ возлагались на Отделение иностранной статистики, заведующим которого с 1906 по 1908 гг. становится капитан 2 ранга Л.Б.Кербер Начальнику Морского генерального штаба были подчинены военно-морские агенты и оперативные отделения в портах. Оперативные отделения в портах являются местными органами МГШ для сбора разведывательной информации.

Согласно Временного положения от 18 июня 1908 г., МГШ получил новую организационную структуру и включил в себя организационно-мобилизационную, оперативную, иностранную, военно-историческую части и канцелярию (Приложение 6). Иностранная часть выступила преемницей Отделения иностранной статистики в вопросах организации и ведения разведывательной деятельности. С 1908 по 1909 гг. начальником иностранной части являлся капитан 2 ранга Б.И.Долго-Добровольский, которого замещает на этом посту старший лейтенант М.И.Душин-Борковский. Положением от 18 июня 1908 г. были образованы оперативные отделения штабов командующих морскими силами (флотов). Оперативные отделения штабов командующих морских сил пришли на смену оперативных отделений в портах. В этих отделениях сосредоточивалось все делопроизводство штабов по вопросам оперативным, организационным, мобилизационным, учебным, а также статистическим-разведывательным.

В соответствии с "Временным положением об управлении Морским ведомством" от 11 октября 1911 г., МГШ делился на семь частей — 1 оперативная (Балтийское море), 2 оперативная (Черное море), 3 оперативная (Тихий океан), организационная, статистическая (в составе двух отделений), военно-морская историческая — и канцелярию (Приложение 7). На иностранное отделение статистической части МГШ возлагалось "собираение и обработка сведений об общем политическом положении и о силах и средствах иностранных государств к войне" [177].

К силам центрального разведывательного органа МГШ относились: военно-морские агенты и офицеры морского ведомства, командированные за границу. Согласно "Инструкции военно-морским агентам" от 27 сентября (10 октября) 1908 г., военно-морские агенты, подчиненные непосредственно начальнику МГШ, назначались "для представления Морскому генеральному штабу возможно полных и точных сведений о вооруженных морских силах и средствах иностранных государств" [178].

Вышеперечисленная информация по своему характеру подразделялась на две категории:

— сведения, необходимые Морскому генеральному штабу для составления планов войны;

— сведения о прогрессе морской техники за границей. Разработка планов войны, в свою очередь, требовала добывания следующих данных:

"1. О направлении внешней и внутренней политики государства и о характере народа;

2. О финансовом и экономическом положении страны в смысле финансовой способности государства к ведению войны;

3. О состоянии вооруженных сил и средств данного государства".

Инструкция подробно останавливалась на путях получения требуемых сведений, используя легальные возможности. При этом обращалось внимание на то, что "многие важные и обстоятельные сведения скорее всего агенты могут получить при помощи собственных наблюдений, пользуясь благоприятными обстоятельствами и очень редко можно достигнуть тех же результатов официальными сношениями". О привлечении иностранцев к тайному сотрудничеству с разведкой Инструкция умалчивала. В ней содержалось лишь предостережение военно-морским агентам: "При собирании всех секретных сведений агент должен поступать с крайней осторожностью, избегая всего того, что могло бы возбудить подозрение местного правительства". В довершение к этому Инструкция констатировала следующее:

"Опыт убеждает, что во многих случаях собирание секретных и важных сведений легче достигается вдали от того государства, до которого они относятся и через агентов других держав". Подобные признания в официальном документе без четких указаний военно-морским агентам вести разведку военно-морских сил третьих государств фактически отменяли какое-либо использование негласной агентуры для получения разведывательной информации. Вместе с тем, Инструкцией отмечалась необходимость самой тесной связи военно-морского агента с военным, что объяснялось "общностью целей их работы". По состоянию на 1910 г. военно-морские агенты имелись при посольствах и миссиях России в "Великобритании, Германии (он же для Голландии), Италии (он же для Австро-Венгрии, Румынии и Болгарии), Соединенных Штатов Северной Америки, Турции, Франции (он же для Испании, Португалии и Бельгии), Швеции (он же для Норвегии и Дании и Японии он же для Китая)" [179].

В морском ведомстве при замещении должностей в центральном и периферийных разведывательных органах, а также при подборе кандидатов для направления на зарубежную разведывательную работу предпочтение отдавалось офицерам, окончившим Николаевскую Морскую академию (курс военно-морских наук, в дальнейшем дополнительный курс военно-морского отдела) и "переведенным" в Морской генеральный штаб.

Созданная на базе Академического курса морских наук в 1877 г., Николаевская Морская Академия первоначально имела гидрографический, кораблестроительный и механический отделы.

В 1896 году при Морской академии был учрежден так называемый "Курс военно-морских наук", дававший высшее военно-морское образование и готовивший командный состав оперативного звена. Срок обучения на курсе составлял 6 месяцев (с 1906 г. — один год).

Опыт русско-японской войны потребовал проведения реформ военно-морского образования. 25 июня 1910 г. было Высочайше утверждено новое Положение об Академии. Согласно этому Положению вместо Курса военно-морских наук был образован военно-морской отдел с двухлетним сроком обучения и ежегодным приемом 20 офицеров.

В военно-морской отдел принимались по конкурсу штаб-офицеры и лейтенанты с выслугой не менее 6 лет и закончившие специальные классы. Лучшие выпускники военно-морского отдела продолжали обучение на дополнительном курсе, дававшем право к службе в Морском генеральном штабе. Первый выпуск военно-морского отдела состоялся в 1911 г.

На курсе военно-морских наук (в сегодняшнем понимании — на командном факультете Академии) преподавались такие предметы как военно-морская история и тактика, общий курс стратегии, фортификация и приморские крепости, основные сведения по теории корабля и проектированию судов и др.

Важным элементом подготовки командного состава флота являлись проводимые под руководством Великого князя Алексея Михайловича морские стратегические игры с указанием конкретной актуальной темы, конкретного противника и соответствующего театра, а также целей военных действий. Известны разработанные и проведенные в Академии морские стратегические игры "Война России с Японией", "Война России с Германией", "Война на Балтийском море", "Война на Черном море", "Война между Тройственным союзом и Тройственным согласием" и т.д. С 1909 г. в ходе морских игр рассматривались вопросы использования авиации в войне на море. Большое внимание уделялось вопросам взаимодействия с армией, проводились совместные военные игры с Николаевской академией Генерального штаба, штабами округов и флотов.

Специальный курс по разведке в Николаевской Морской академии не преподавался, сведения по этой проблеме слушатели получали так же, как и их коллеги в Николаевской академии Генерального штаба, в курсе общей стратегии.

Языковая подготовка морских офицеров-разведчиков была организована на той же базе, что и для офицеров Генерального штаба.

Каждое министерство, имевшее свои источники информации, выступало как ее монополющий обладатель и, следовательно, нужно было организовать обмен сведениями между ведомствами. С 1906 г. все важнейшие донесения, письма и телеграммы, поступавшие в МИД, стали

литографировать и по распоряжению А.П. Извольского рассылать в другие министерства (военное, морское и финансов), председателям Совета министров и Совета государственной обороны [180]. Вся дипломатическая корреспонденция ежедневно предоставлялась царю (еженедельно в случае его отъезда) в машинописных копиях для удобства прочтения. Позднее для председателя Совета министров стали составлять периодические обзоры дипломатической переписки под названием «Международное политическое положение» [181]. В свою очередь военное, морское и финансовое ведомства стали препровождать в МИД отдельные секретные сведения и донесения своих агентов.

Однако одного обмена информацией было недостаточно. От чиновников, подготавливавших то или другое решение, требовалось из большого количества противоречивых данных выявить достоверные, которые можно было бы положить в основу их рекомендации, т. е. создать информационную базу решения. В МИД было принято подвергать любые сведения скептической оценке, сопоставлять их с другими материалами — дипломатическим нотами, донесениями иностранных представителей, личными переговорами в Петербурге с иностранными дипломатами. Так, в июле 1909 г. Сазонов докладывал царю: «Сопоставляя секретное письмо Российского Поверенного в делах в Софии и сербское сообщение, нельзя не обратить внимание на некоторое тождество содержащихся в них данных... Весьма интересным представляется упоминание, подтвержденное из других источников» об австро-болгарских переговорах. «Встречающееся в переписке упоминание на возможность раздела Сербии представляется мне маловероятным. В этом предположении меня более укрепляет недавняя беседа моя с болгарским посланником» [181]. Такая организация обработки информации приводила к тому, что в МИД с недоверием относились к фактическим сведениям, имевшимся в распоряжении ГУГШ и МГШ, ибо их не с чем было сопоставлять. Когда в начале 1913 г. председатель Совета министров В. Н. Коковцев обратился с просьбой дать оценку характера военных приготовлений Австро-Венгрии и сообщил информацию по этому поводу, полученную от военного ведомства, Сазонов ответил: «Вверенное мне министерство не располагает возможностью при помощи своих агентов проверить точность данных, которые поступают из различных источников в наш Генеральный штаб. С другой стороны, запрошенный мною по сему предмету Императорский Посол в Вене не располагает иным путем осведомления о военных мероприятиях Австрии, кроме обращения к пребывающему в этом городе нашему военному агенту. Последний, разумеется, мог лишь подтвердить сведения нашего Генерального штаба, которые в значительной части им же были доставлены последнему» [183].

Ситуация складывалась еще более драматично, когда информация военных агентов противоречила данным посольств и миссий. Обычно

такие расхождения возникали в условиях обострения международной обстановки, когда руководители внешнеполитического аппарата не имели достаточно времени для проверки или уточнения разноречивых сведений, когда требовалось оперативно принять решение. Руководство военных ведомств, в случае предостережений военных и военно-морских агентов о военных приготовлениях противников России, тотчас же обращалось с запросами в МИД. Между тем в Министерстве иностранных дел относились к этим сведениям с недоверием. Извольский на одном из Особых совещаний заявил: *«Надо заметить, что военные агенты всегда склонны преувеличивать воинственность той страны, в которой они находятся. Это — черта психологическая»* [184]. Точно так же дипломаты смотрели на алармистские призывы генерал-губернаторов приграничных областей.

В ряде случаев эта негативная позиция внешнеполитического ведомства была оправдана, особенно учитывая стремление некоторых генералов принимать такие ответные меры, которые еще более усиливали напряженность. В конце 1907 г. приамурский генерал-губернатор Унтербергер буквально бомбардировал Николая II и П. А. Столыпина телеграммами, доказывая, что Япония готовится к новой войне с Россией. Товарищ министра иностранных дел К. А. Губастов отвечал: сообщение Унтербергера *«несколько расходится с полученными от российского посланника в Токио сведениями. По наблюдениям действительного статского советника Бахметьева, ... не имеется никаких данных, свидетельствующих о близком намерении Японии начать новую войну. Если даже допустить, что наш представитель в Токио грешит излишним оптимизмом в оценке действительных намерений Японии, то едва ли, однако, можно утверждать, что нынешний образ действий последней подает уже повод к тем опасениям, кои высказывает приамурский генерал-губернатор»* [184]. Аналогичный ответ пришлось давать Извольскому через два года, когда Сухомлинов, исходя из сведений военных агентов, высказал опасение что Россия является объектом военных приготовлений Японии. В конце 1911 г. товарищ министра иностранных дел А. А. Наратов был вынужден опровергнуть сведения военных агентов в Вене и Цетинье о подготовке Австро-Венгрии к выступлению против Сербии и Черногории, указав, что приток новых частей в приграничные округа связан с увольнением старослужащих [186].

Наиболее яркий инцидент, свидетельствовавший о том, насколько недоверенная информация и ее чересчур субъективное истолкование могли повлиять на решения правительства, связан с русско-турецкой военной тревогой в начале 1908 г. В конце 1907 г. в Петербург стали поступать сведения о призыве некоторых частей турецкой регулярной армии, о пополнении снаряжения и боеприпасов и т. п. Начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын считал эти меры подготовкой к нападению

на Россию и 3 января 1908 г. потребовал от военного министра готовиться к войне, считая необходимым *«поднять военный престиж»* страны. А. Ф. Редигер, не имея возможности проверить сообщение Палицына (военные агенты вели переписку с ГУГШ, а Генеральный штаб до ноября 1908 г. не был подчинен военному министру), обратился за разъяснениями к министру иностранных дел. Извольский, по-видимому, не мог составить окончательное мнение о серьезности угрозы: с одной стороны, данные ГУГШ подтверждали консулы, а с другой, он не верил в воинственность Турции. Поэтому он настоял на обсуждении этого вопроса правительством, которое категорически отказалось поддержать планы Палицына [187]. Было решено запросить Зиновьева и военного агента в Константинополе полковника Генерального штаба И. В. Хольмса, которые ответили, что пополнение войск и военных запасов вызвано угрозой беспорядков в отдельных вилайетах (Административно-территориальная единица в Османской империи — примеч. авт.) и обострением персидско-турецкого пограничного конфликта, и что слухи о грядущей войне ложны [188]. Когда Редигер обратил на это внимание Палицына, тот спокойно ответил: *«Этого следовало ожидать»*; я *«добивался того, чтобы мы хоть на одном театре войны были готовы к войне!»* [189].

Необходимо отметить, что Извольский еще до получения отзывов от русских представителей в Константинополе отрицал возможность вооруженного конфликта с Турцией по вине последней. Выступая на заседании Совета Государственной обороны 25 февраля 1908 г., он заявил: *«До настоящего времени я не могу себе определенно выяснить, чем именно вызвана та охватившая многих тревога и уверенность в неизбежности неприяженного столкновения с Турцией на кавказской границе. Со своей стороны, будучи осведомлен с постановкой международных отношений в данную минуту, отказываюсь верить, чтобы Турция имела намерение напасть на нас»* [190]. Здесь мы видим еще один способ оценки информации руководителями внешнеполитического аппарата: они предпочитали доверять не противоречивым данным, а своему опыту и интуиции, своему пониманию реальностей международной жизни, наглядно демонстрируя правильность определения политики как искусства. Именно такой блестящий анализ продемонстрировал Извольский в конце 1909 г. Выступая на Особом совещании, которое должно было определить направление внешнеполитического курса на Дальнем Востоке, он сказал: *«Когда я слышу тревожные заявления ген. Унтербергера и других, что Япония возьмет северный Сахалин, Приамурскую область и т. д., то я спрашиваю, как это может начаться. Всяким неприянным действиям всегда предшествует длительный период дипломатической подготовки, которого в настоящее время нет»*. При существующей ком-

бинации держав Японии боится войны с Россией и японский посол неоднократно заявлял: «не Россия наш объект, а Китай» [191]. Позиция министра оказалась абсолютно точной.

В то же время такой подход не застраховывал от ошибок, от того, что достоверные сведения не будут приняты во внимание или, наоборот, неверные данные будут положены в основу какого-либо внешнеполитического решения. Так, в августе 1908 г. Н. В. Чарыков объявил маловероятным донесение военного агента в Вене Генерального штаба полковника М. К. Марченко о том, что Австро-Венгрия собирается аннексировать Боснию и Герцеговину, а когда эта информация подтвердилась, то руководство МИД оказалось застигнутым врасплох [192]. С другой стороны, Холмсен, которому Сазонов очень доверял, столь односторонне осведомлял Петербург о боевой готовности турецкой армии, что русское правительство в начале I Балканской войны считало разгром славян почти неизбежным и прикидывало, какие же меры нужно предпринять, чтобы их союзники не потерпели значительного урона. Но самый показательный случай, свидетельствующий о неспособности главы дипломатического представительства России адекватно оценить ситуацию, произошел в начале июля 1914 г., когда посол в Вене Шебеко фактически дезинформировал Сазонова, убедив его, что австрийский ультиматум Сербии по поводу Сараевского покушения будет дан скорее «для достоинства», и что в Вене восторжествует благоразумие (Сазонов был настолько в этом уверен, что уехал из Петербурга на две недели в деревню).

Таким образом, в начале XX века помимо Военного министерства разведка, в том числе и агентурная, велась целым рядом министерств и ведомств, однако какой-либо органа, координирующего эту деятельность, создано не было. Основная тяжесть в сборе военной и военно-политической информации лежала на военном ведомстве. В этом деле определенную помощь ему оказывали Министерство внутренних дел (в первую очередь, чины Отдельного корпуса жандармов), а также Министерство финансов (преимущественно офицеры Отдельного корпуса пограничной стражи). Существующие предписание «О содействии жандармских управлений военным окружным властям в деле разведки» и «Инструкция чинам отдельного корпуса пограничной стражи по разведке в пограничных иностранных государствах» регламентировали деятельность последних в интересах обеспечения добывания разведывательных сведений. Через Министерство иностранных дел поступала разведывательная информация военного и военно-политического характера. Однако эта информация носила случайный и фрагментарный характер и зависела от частной инициативы официальных дипломатических представителей России за рубежом.

2. ЗАРУБЕЖНЫЕ СИЛЫ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ИЗ ЧИСЛА РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ

2.1. МЕСТО И РОЛЬ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИИ РАЗВЕДКИ

Военные агенты к рассматриваемому периоду являлись основным компонентом зарубежных сил военной разведки из числа русских подданных. В период с 1905 по 1914 гг. ГУГШ располагало 6 должностями военных агентов в следующих государствах: в Австро-Венгрии, Бельгии, Нидерландах, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Швеции, Норвегии, Италии, Китае, Румынии, Северо-Американских Соединенных Штатах, Сербии, во Франции, Черногории, в Швейцарии и Японии. Помощников имели военные агенты в Великобритании, Китае (два помощника) и Японии.

До 1905 года деятельность военных агентов за рубежом по-прежнему регламентировалась «Инструкцией военным агентам (или лицам их заменяющим)» от 1880 года. С учреждением в июне 1905 г. Главного управления Генерального штаба Инструкция 1880 г. была «исправлена».

Исправления не содержали в себе принципиальных изменений и были внесены в связи с переходом руководства деятельностью военных агентов от Главного штаба в Главное управление Генерального штаба. Поэтому всюду, где значилось Главный штаб была произведена замена на «Главное управление Генерального штаба», а слова «военный министр» — словами «начальник Генерального штаба» [1].

«Военные агенты, — повторялось в исправленной Инструкции 1905 г., — назначаются для поставления правительству возможно полных, точных и своевременных сведений о военных силах и средствах иностранных государств».

Подчиненность военных агентов в Инструкции 1905 г. не была прямо указана. Значилось лишь, что «донесения военных агентов пишутся на русском языке и адресуются: особенно важные и подлежащие тайне — на имя начальника Генерального штаба с надписью «секретно», все же прочие — в Главное управление Генерального штаба, на котором лежит уже дальнейшее их направление в другие управления, по специальности каждого». «Донесения о составе, численности и расположении войск (с дислокационной картою) доставляются срочно, раз в год, именно к 1 января, — указывалось в Инструкции, — к донесению присоединяются краткие перечневые сведения по форме, удобной для напечатания в особом сборнике, подлежащем представлению Его Величеству 1 марта каждого года».

С упразднением в июне 1905 г. наместничества на Дальнем Востоке военные агенты в странах региона вновь были переданы в подчинение начальнику Генерального штаба. От военных агентов исправленной Инструкцией 1905 г. требовалось *"беспромедлительное доставление в Главное управление Генерального штаба брижюр и журнальных статей, военного или военно-политического содержания, появление коих производит заметное впечатление на общество"*.

Согласно очередной Инструкции, принятой в 1912 году, военные агенты были *"обязаны следить за прессой тех государств, армии которых поручены их наблюдению, выписывая для этого важнейшие местные газеты, журналы и прочие периодические издания"* [2].

По новой Инструкции к первому июня каждого года военные агенты обязывались представлять обзоры главнейших явлений за истекший год в военной жизни государств, порученных их наблюдению. Военным агентам в Германии и Австро-Венгрии, кроме того, поручалось предоставлять немедленно в одном экземпляре все появляющиеся официальные уставы или их проекты, инструкции военных законоположений, военные и железнодорожные сметы. Военным агентам в Швеции, Германии, Франции, Великобритании, Турции, Болгарии, Румынии, Китае и Японии предписывалось высылать немедленно по выходе в свет лишь главнейшие уставы, инструкции, военные законы и сметы, причем определять, что являлось из них главнейшим, — предоставлялось самим военным агентам. Помимо этого военные агенты обязаны были представлять в ГУГШ *"периодический обзор руководящей печати государства по текущим военным вопросам"*. Военные агенты в Австро-Венгрии, Великобритании, Германии и Франции должны были также дополнять свои обзоры вырезками из газет и журналов. Военные агенты принимали непосредственное участие по подготовке сборников ГУГШ по вооруженным силам стран пребывания.

"Военные агенты должны касаться в своих донесениях политических вопросов только в пределах необходимости, — предписывалось Инструкцией 1912 г., — поскольку эти вопросы влияют на ту или другую степень военной готовности или способствуют выяснению группировки государств в случае вооруженного столкновения их между собою с Россией".

Военным агентам вменялось в обязанность еще до вступления в должность *"вполне изучить военное устройство тех государств, которые будут поручены их наблюдению"*.

Перед отъездом в командировку военные агенты посещали соответствующие делопроизводства ГУГШ, где накапливалась информация по иностранным армиям. Однако с техникой организации и ведения информационно-аналитической работы их никто не знакомил. В результате некоторые *"на ошупь"* пытались выработать свой подход, другие же всю работу по информации сводили к пересылке в Россию покупавшихся в книж-

ных магазинах иностранных книг и уставов с сопроводительными рапортами: *"При сем представляется ..."* за подписью военного агента.

В части добывания разведывательных сведений о разработке и производстве современного оружия и военной техники за рубежом исправленная Инструкция 1905 г. была лаконична — от военных агентов требовалось лишь следить *"за усовершенствованием технических частей"*. Однако отсутствие ориентировочного перечня военно-технических изобретений и усовершенствований, подлежащих добыванию военными агентами, плюс техническая некомпетентность большинства из них приводили к неудовлетворительным результатам и вызвали серьезные нарекания со стороны потребителей, каковыми являлись Главные управления военного министерства.

С целью устранения этих недостатков в начале 1906 года при Генеральном штабе было создано специальное совещание *"по составлению программы для военных агентов"* с участием представителей почти всех главных управлений военного министерства. На этом совещании Генеральному штабу пришлось выслушать много неприятных истин. Деятельность военных агентов штаба беспощадно критиковалась представителями Главных управлений военного министерства, а некоторые из них даже требовали создания собственной, самостоятельной и независимой от Генерального штаба агентуры. Так, представитель Главного артиллерийского управления заявил, что до сих пор артиллерийское ведомство не имело и не могло иметь постоянных агентов за границей и должно было получать нужные сведения через Генеральный штаб от военных агентов. Такой порядок оказался на практике совершенно неудовлетворительным, *"вследствие слабой организации нашей военной агентуры и неподготовленных лиц, ее составляющих"*. Ежегодные же командировки трех-четырех артиллерийских офицеров за границу, с разведывательными целями, также не смогли дать требуемых артиллерийскому управлению сведений. В этой связи было внесено предложение *"пересмотреть организацию военной агентуры и включить в ее состав офицеров-артиллеристов. В тех же случаях, когда в составе военной агентуры не будет специалистов, периодически командировать таковых для совместной работы с военными агентами по разбору и собиранию сведений по артиллерийской части"*.

Представитель Главного инженерного управления, со своей стороны, ограничился тем, что представил совещанию специальную *"декларацию"*, в которой указывалось, что это управление много сведений получает через *"посредство"* иностранных фирм, но эти сведения должны всегда тщательно контролироваться, так как *"фирмы очень часто предлагают то, что за границей при испытании оказалось непригодным для дела"*. Далее *"декларация"* указывала, что наиболее ценные сведения можно получать только через посредничество воен-

ных агентов, но что практика показала, что донесения военных агентов по техническим вопросам инженерного ведомства носят совершенно случайный характер и не основываются *"на строгой и вместе с тем необходимой по существу дела программе"*.

Участники совещания от Генерального штаба в ответ на все эти упрёки успокаивали своих оппонентов, что в будущем работа военных агентов улучшится, что вся беда в том, что до сих пор ни одно из центральных управлений не представляло своих требований. В результате этого совещания все Главные управления военного министерства представили обширные перечни необходимых им сведений. Генеральный штаб свел эти перечни в общую сводку и разослал ее своим военным агентам. Но самое показательное здесь было то, что сводка вышла до того пространной, что это изначально перечеркивало возможность исполнения входящих в нее перечней.

Очередная попытка изменить сложившееся неудовлетворительное положение вещей была предпринята лишь в 1910 году, когда стала очевидной необходимость обратить серьезное внимание на развитие в военно-технической области. В виде опыта было решено назначить помощников военных агентов по технической части при военных агентах во Франции и Австро-Венгрии. Однако Министерство финансов в соответствующих ассигновках отказало. Так безрезультатно закончились попытки повысить качество сбора военно-технической информации военными агентами.

В Инструкции 1912 года были сделаны шаги в направлении смягчения претензий к военным агентам в части военно-технической разведки. Так, Инструкция отмечалось следующее: *"Военные агенты обязаны всемерно заботиться о том, чтобы им были известны все военно-технические изобретения и новейшие усовершенствования в области военной техники в той стране, где они состоят агентами"*. При этом подчеркивалось, что доносить о таковых изобретениях и усовершенствованиях военные агенты обязаны *"со строгой разборчивостью и по возможности с точным разъяснением всех, даже мелких подробностей, составляющих сущность дела"*. Конечно, выполнение подобной экспертизы во многом зависело от компетентности военного агента и его профессиональных качеств, которых многим из них не хватало. После экспертизы образцы изобретений можно было высылать немедленно только в том случае, *"если их приобретение и пересылка не были сопряжены с расходами"*. Каждому ли военному агенту была *"по плечу"* такая экспертиза на месте?

Среди многочисленных опасностей, подстерегающих военных агентов, отмечал А.А. Игнатьев, немалой являются изобретатели. Ничто не служит гарантией, что перед военным агентом может появиться просто неудачник, или даже сумасшедший. Каждый из них одержим своей ма-

нией, и выпроводить его, и отвязаться от него бывает нелегко. Вот один из диалогов, происшедших в помещении Посольства России в Париже в 1906 г. в бытность Игнатьева исполняющим должность помощника военного агента. *"Вот мое изобретение, — сказал один из его посетителей с сильным немецким акцентом, вынимая из заднего кармана брюк браунинг. — Смотрите, я взвожу курок, целюсь, а прицел и мушка автоматически освещаются"*. *"Слушайте, — отвечает ему в шутку Игнатьев, — предупреждаю Вас, что в моем присутствии зажигалки для папирос и электрические лампочки не загораются"*. К счастью, предсказание Игнатьева на этот раз сбылось, и ему не пришлось терять время, чтобы разъяснить энергичному изобретателю о существовании подобной системы в австрийской полиции. Тот вылетел из кабинета военного агента, как от зачумленного[3].

В этом же году Игнатьеву пришлось принять изобретателя, добившегося действительно необыкновенных результатов. *"Усадив меня за письменный стол, — вспоминает Игнатьев, — он поставил передо мной телефонный аппарат, а за моей спиной расположил деревянную раму с проволоочной обмоткой. В соседнем дворе его помощник сел за такой же аппарат и начал свободно со мной переговариваться. Я повторял этот опыт с разных мест, выносил телефонный аппарат с рамой на улицу и, убедившись в отсутствии какого-либо проволоочного соединения между аппаратами, составил, как мне тогда казалось, блестящий рапорт"*.

Прошло много времени, прежде чем пришел с дипломатическим курьером следующий, совсем не дипломатический ответ начальства. *"Главное Инженерное управление, — гласила бумага, — изучив рапорт и т. д. помощника военного агента в Париже, пришло к заключению, что означенный офицер или грубо введен в заблуждение, или сам находился в ненормальном состоянии. Подобные телефонные передачи невозможны"*. Это в то время, когда как раз при участии посетителя Игнатьева уже осуществлялись опыты по организации беспроводной связи между Европой и Африкой.

Разведывательных сведений, получаемых военными агентами легальными путями с официальных позиций было явно недостаточно, чтобы вскрыть самые *"сокровенные"* военные секреты государства, и в первую очередь, планы войны с потенциальными противниками. Необходимо было привлечение иностранцев к тайному сотрудничеству с разведкой. Исправленная Инструкция 1905 г. предписывала военным агентам поиск тайной, негласной агентуры на случай кризисной ситуации или начала военных действий.

Военные агенты в основном привлекали к сотрудничеству с разведкой негласную агентуру для освещения текущих вопросов военного стро-

ительства страны пребывания. Какого-либо целенаправленного инструктажа для военных агентов в этом направлении предусмотрено не было. *"Предвидя возможность использования в своей работе секретной агентуры, — вспоминает Игнатьев, — я попросил Главное управление Генерального штаба ознакомить меня хотя бы с основными методами работы в этой области (пользование простейшими шифрами, симпатическими чернилами, чтение запечатанных писем и т. п.). Главное управление дало мне рекомендацию в сыскное отделение Министерства внутренних дел"* [4]. О результатах своего посещения МВД Игнатьев умалчивает. Вопрос же поиска и привлечения иностранца к негласному сотрудничеству с разведкой оставался открытым. Здесь каждый "творил" в меру своих возможностей и понимания своего долга.

Показателен в этом отношении первый опыт того же Игнатьева по заведению негласной агентуры из числа иностранцев.

В 1906 г. он в связи с отъездом в отпуск военного агента во Францию Генерального штаба полковника В.П. Лазарева был назначен временно исполняющим должность помощника военного агента.

В один из дней всзнающий итальянский военный агент не без иронии спросил Игнатьева, что он думает о заказанном японцами на заводах Сеп-Шаман осадном парке?

На следующий день новоиспеченный помощник военного агента, естественно, задал тот же вопрос "безмолвному" начальнику 2 французского бюро, который выпущен был ответить, что хотя он об этом слышал, но объяснить ничего не может, так как заказ дан не гражданским заводам, а частной промышленности. *"А я-то, наивный, рассчитывал на содействие союзного генерального штаба, верил искренности французских излияний о безграничной дружбе!"* — вспоминал много лет спустя Игнатьев [5].

Не хотелось, но пришлось идти к заведующему заграничной агентурой Департамента полиции А.М. Гартингу, находившемуся в одном из флигелей Посольства России. *"Где же, как не у него, найти негласного агента, способного раскрыть тайну японского заказа!"* Игнатьев ухватился за первого рекомендованного ему Гартингом помощника — отставного французского капитана.

Еще до первого свидания с капитаном Д. Игнатьеву удалось узнать одну из немаловажных подробностей о порядке японских заграничных заказов: японцы всегда требовали продажи не только приборов и машин, но и всех решительно деталей, сопровождавших эти предметы. При заказе орудий они заказывали той же фирме и снаряды к ним. Капитан Д. после нескольких дней поисков, показавшихся Игнатьеву вечностью, предложил ему устроить свидание с одним инженером, готовым продать за крупную сумму образцы снарядов. Необходимыми деньгами помощник военного агента не располагал, получить их из генерально-

го штаба на столь сомнительное дело нечего было и думать, оставалось попытаться занять в посольстве. На счастье, престарелый осторожный посол был в отпуску, а поверенным в делах оказался экспансивный, но талантливый советник посольства Неклюдов. Выслушав рассказ Игнатьева, он открыл сейф и выдал без расписку требуемую сумму.

"И вот настало утро, когда я должен был впервые забыть свою фамилию, служебное положение и идти на рискованное предприятие без ведома своего петербургского начальства, — вспоминает Алексей Алексеевич. — Мне казалось, что я все предусмотрел, чтобы скрыть от французских властей свой «негласный» набег на их военную промышленность. Один из едва заметных в Париже входов в метро находился в нескольких шагах от моей квартиры, и в тот ранний час, когда я вышел на улицу, я не встретил ни одного прохожего. Через несколько минут, выйдя из поезда подземной железной дороги на Лионском вокзале, я тут же купил билет до Лиона. В 1 классе пассажиров всегда бывает мало, и мне казалось, что во 2 классе я буду менее заметен в своем дорожном сером костюмчике. В Лионе, не выходя с вокзала, я занял комнату в отеле «Терминиос», составляющем одно целое с вокзалом, и стал ждать, как было условлено, таинственного инженера со снарядами. Паспортов в ту пору не требовали, и я отпелся в гостинице чужой фамилией: «Брок, коммерсант». Мне все казалось, что вот-вот откроется дверь в мой номер, и французская полиция спросит: «Кто вы такой?» Запутаться в эту минуту не следовало, и потому я «заял» на этот день фамилию у одного из товарищей по корпусу, которую забыть не мог; к тому же фамилия «Брок» лишена резкой национальной окраски — носящий ее может быть и русским, и немцем, и англичанином".

"План мой тем временем совершенно созрел, — продолжает Игнатьев. — Мне прежде всего хотелось этой первой сделкой завербовать инженера и работать с ним впредь без посредства капитана Д. Заплатить условленную сумму, говорил я себе, могу только в том случае, когда найду на снарядах метку-иероглиф японского приемщика, пробитую в стальном корпусе снаряда. Забирать и везти в Париж тяжелые снаряды я, конечно, не стану: усвоенные из корпуса знания об отношении длины снаряда к калибру, определяющем род орудия (длинного, гаубицы или мортиры), давали возможность ограничиться точным измерением снарядов. Для этого я запасся и дюймовой линейкой и бечевкой".

Программу удалось выполнить полностью, и вечером Игнатьев и незнакомец, утаивший из номера два принесенных им тяжелых чемодана, расстались уже старыми друзьями. Ночью он вернулся в Париж, а утром в обычный час, в спортке и цилиндре, выбритый и надутый, вошел как ни в чем не бывало на обычный прием к начальнику 2 бюро.

"Давно не видел вас, капитан, — сказал ему с улыбкой полковник. — Ну как вы, остались довольны вашим путешествием?"

Лазарев, вернувшийся в Париж, выслушав доклад Игнатъева, "жестко журил" его за неосторожность. Напрасно Игнатъев доказывал, что, судя по определенным им калибрам, японский осадный парк предназначается именно против Владивостока, по которому можно вести огонь или с самых дальних дистанций, или же только мортирами. Его старший коллега заявил, что такими делами он в союзной стране заниматься не намерен. Точка зрения, которую впоследствии перенял и развил сам Игнатъев.

В 1909 г. в ГУГШ наряду с проектом "Инструкции военным агентам и лицам, их заменяющим" был подготовлен проект "Указаний военным агентам по ведению нелегальной разведки".

Проекты Инструкции и Указаний были разосланы на отзыв, в том числе и военным агентам. Больших споров проект Инструкции не вызвал. Инструкция была своевременна и отразила фактические изменения в деятельности военных агентов.

Военный агент в Турции, в то время Генерального штаба полковник И.А.Хольмсен, как всегда откликнулся на обращение центра обширным, официальным докладом, в котором высказал довольно разумные соображения о постановке дела разведки. Свой доклад от 18 февраля 1910 г. Хольмсен начал с экскурса в историю.

"...Неудачное начало кампании 1877—78 гг. объясняется исключительно неточными сведениями о противнике, — писал военный агент. — Мы упустили из виду необходимость тщательной разведки в Турции. Последняя японская война 1904—1905 гг. от начала до конца обличает нас в полнейшем незнании противника и театра войны, в то время как японцы прекрасно были осведомлены о всем происходящем у нас, благодаря налаженной уже в мирное время хорошей тайной разведке, на которую они денег не жалели" [6].

"...Существование нашей негласной агентуры за границей, — продолжал Хольмсен, — должно быть известно лишь крайне ограниченному числу лиц, и агентура должна быть так организована, что арест или измена одного агента не влечет за собой обнаружение существования еще других агентов или всей нашей организации разведки...

...Существующие специальные официальные органы для сбора военных сведений у соседа — военные агенты и консулы из военных чинов — должны доставлять таковые сведения о соседе, действуя не только гласно, но и негласно. Наши военные агенты, таким образом, являются руководителями более или менее густой сети тайных агентов. Нельзя не признать такое положение крайне опасным в отношении содержания организации в тайне. При желании соседнему государству более чем легко выследить всем известного военного агента и его деятельность. Не раз нашим военным агентам приходилось оставлять свои посты вследствие обнаружения их тайной деятельности.

...При ныне существующем у нас положении вещей и при скудости отпускаемых на разведку средств надо считать нормальным положением то, что с объявлением войны у нас вовсе не окажется организованной разведки в соседней стране. Так оно до сих пор всегда и оказывалось. Таким образом, яствует, что военный агент в силу официального положения не должен являться в роли начальника тайной разведки в стране, где он аккредитован. Он может служить прекрасной контрольной инстанцией над деятельностью прочих органов нашей разведки", — приходил к выводу военный агент в Турции.

"Так как официальное наше представительство с военным агентом должно покинуть соседнюю страну в момент объявления войны, то государство должно иметь в соседней стране органы, которые могли бы оставаться в стране после объявления войны, т.е. тогда, когда сведения о противнике более всего ценны. Очевидно, что эти органы могут быть лишь строго тайные, — продолжал свои рассуждения Хольмсен. — На надежную доставку донесений агентов должно быть обращено самое серьезное внимание, и никоим образом не следует допускать, чтобы донесения предварительно собирались на неприятельской территории, так как захват такой корреспонденции обнаружил бы сразу всю организацию. Органы, разбирающие донесения, должны, по возможности, жить вне неприятельской территории, лучше всего на нейтральной почве. Как известно, Франция и Германия пользуются Бельгией и Швейцарией для таких целей, в этих же странах комплектуется большая часть агентов..."

Генерал-квартирмейстер Генерального штаба нашел нужным отреагировать на высказанные предложения резолюцией следующего содержания:

"Не могу не согласиться со справедливостью всех высказанных здесь мыслей, не являющихся, впрочем, новыми. Но одно — теоретическая схема, а другое — ее проведение в жизнь. Последнее и представляет наибольшую трудность".

Как и следовало ожидать, камнем преткновения явились указания, определявшие отношение военного агента к негласной агентуре. Первый пункт Указаний гласил: "Для успешного решения задач, указанных в п. 2 «Инструкции военным агентам», а равно для обеспечения нашей осведомленности о вероятных противниках в случае военного столкновения, военный агент за границей обязан позаботиться о насаждении и постоянном развитии сети негласных агентов, руководствуясь указаниями Главного управления Генерального штаба и конкретными местными обстоятельствами" [7]. В пункте 2 военным агентам предписывалось "Уделять первостепенное внимание руководству сети в мирное время и обеспечению ее связи с Россией в военное время". Как раз эти однозначные положения вызвали яростные споры. Все корреспонденты так или иначе высказали отрицательное отношение по данному вопросу. Среди

высказавшихся против того, чтобы вменить в обязанность военных агентов ведение негласной разведки помимо уже цитируемого И.А.Хольм-сена были И.М.Морель, Н.М.Потанов и М.К.Марченко — военные агенты в Османской империи, Японии, Черногории и Австро-Венгрии, соответственно. "Военные агенты, — писал один из них, — как лица официальные, находятся на виду у всех; за ними весьма легко может быть установлено самое внимательное наблюдение со дня прибытия в государство, поэтому можно быть уверенным, что военный агент очень скоро будет скомпрометирован, а созданная им организация тайной разведки будет нарушена".

"Организация и ведение разведки, — продолжал свою мысль военный разведчик, — должны быть возложены на офицера Генерального штаба, но не в роли военного агента или вообще официального лица, а проживающего в любом городе данной страны, предпочтительно вне столицы и имеющего вполне определенное явное частное занятие".

Военный агент в Черногории Генерального штаба полковник Потанов ответил, что поручать военным агентам руководство негласной разведкой в тех государствах, где они аккредитованы, ни в коем случае не следует.

Основное из замечаний военного агента в Австро-Венгрии Генерального штаба полковника Марченко сводилось к следующему: "Военный агент может по своему усмотрению и на свою ответственность использовать при благоприятных обстоятельствах представляющийся ему случай негласной разведки и приобретение важных секретных документов и сведений, касающихся той армии, которая может интересовать русское правительство" [8]. Деятельность этого рода, утверждал Марченко, однако всегда будет носить характер случайный и не должна быть возводима в первостепенную обязанность военного агента.

Марченко писал, что "негласной разведкой должны заниматься специально подготовленные офицеры Генерального штаба, которые, числясь в должности помощников делопроизводителя разведывательного делопроизводства, проживали бы за границей под видом совершенно частных лиц для организации и руководства негласной разведкой". Вместе с тем он вынужден был признать, что "кадровых офицеров Генерального штаба, пригодных для этой деятельности, пока не существует". Время нелегальных резидентов и нелегальных резидентур было еще впереди.

Подобная точка зрения была не нова и высказывалась еще за несколько лет до состоявшегося обсуждения военным агентом в Вене в 1902—1905 гг. Генерального штаба полковником В.Х. Роопом, имевшим положительный опыт привлечения к сотрудничеству с разведкой иностранцев. Так, он настаивал на том, что "участие военного агента в негласной агентуре ограничивается тем, что только в исключительных случаях ему приходится разрешать встречающиеся сомнения и давать

указания разведчикам, которые бы нуждались в его содействии и совете в деле оценки предлагаемого им секретного материала" [9]. Такие "негласные разведчики (агенты)", по мнению Роопа, должны были набираться в России из числа "лиц военного сословия, на которых можно было бы вполне положиться", — офицеры и "даже сверхсрочные унтер-офицеры" — и направляться за границу (в частности, в Австро-Венгрию) под чужими именами на постоянное жительство. "Назначение означенных разведчиков должно заключаться в том, чтобы являться посредниками и завязывать сношения с лицами различных слоев общества, способными, в силу ли низкого уровня своей нравственности, денежного расстройства, чувства злобы, желания мщения или других причин снабжать их необходимыми для нас секретными сведениями", — считал Рооп.

Результатом обсуждения предложенного проекта явилось то, что инструкцией 1912 г. ведение негласной агентурной разведки уже не вменялось в обязанность военным агентам, но и не воспрещалось.

Русская военная агентурная разведка за рубежом в 10 годы XX века действовала в весьма трудных условиях, которые определялись многими обстоятельствами, такими, как общая военно-политическая обстановка в мире, состояние отношений России со страной пребывания разведчиков, уровень экономического, военного и научно-технического развития последней, внутривнутриполитическое положение, установленный властями и традициями режим проживания в ней ее граждан или подданных, а также иностранцев, национально-психологические, религиозные, образовательные и иные особенности местного населения, численность, оснащенность и уровень подготовки контрразведки и полиции.

Военно-политическая обстановка в мире в 1905—1914 гг. характеризовалась для России нарастающим угрозой войны, осложнением и обострением отношений с вероятными противниками. В этой связи, обстановка вокруг военных агентов в отдельных странах Западной Европы складывалась весьма сложно. Особенно жестокому давлению подвергались военные агенты в Германии и Австро-Венгрии.

Контрразведка потенциальных противников для борьбы с русской военной разведкой и пресечения в конечном счете ее деятельности применяла активные и превентивные меры. К активным мерам относились слежка за русскими разведчиками, насаждение агентуры в зарубежных представительствах России, использование осведомителей, в том числе по месту жительства русских разведчиков, попытки компрометации в прессе военных агентов, пердострация и контроль за почтово-телеграфными отправлениями, а также попытки вынуждения провокаторов в агентурную сеть разведки и перевербовки негласной агентуры из числа иностранцев.

"Систематическое наблюдение русских военных агентов приносило свои плоды, как ни хотели русские скрыть свои следы, но иногда они

их все же оставляли. Нередко появлялись агенты, которые контактировали со своими хозяевами в русских посольствах и консульствах.

"Так, в начале 1910 года при наблюдении за Михельсоном (военный агент в Берлине — примеч. автора) был замечен человек, который его неоднократно посещал или встречался с ним в городе. Он показался подозрительным. Он назывался бароном Александром Мурманом, находился в Берлине, якобы, для военно-научной исследовательской работы и часто получал почту из Катовиц, где должен был находиться посредник русской секретной службы. Запрос у Ронге (один из руководителей разведки и контрразведки Австро-Венгрии — примеч. авт.) выяснил дело" [10]. Русский негласный агент Мурман был арестован и предстал перед судом в Вене в 1912 г.

В Западной Европе местные власти использовали напимавшуюся в русские представительства прислугу из местных подданных для наблюдения за нашими военными агентами, внедряли сотрудников полиции в российские миссии для контроля за деятельностью как самих этих учреждений, так и непосредственно за деятельностью отдельных членов миссий. Агентура контрразведки работала иногда очень успешно, используя недостатки в организации служебной деятельности посольств, обстановку и порядки, царившие в них.

Примером проникновения контрразведки в государственные тайны России с использованием неудовлетворительного состояния их охраны в российских посольствах, может служить следующий случай.

В декабре 1910 года военный агент в Швейцарии Генерального штаба полковник Ромейко-Гурко сообщил в ГУГШ, что им подслушан разговор двух германских дипломатов, из которого он заключил, что немцы в русском посольстве в Берлине имеют своего агента по фамилии Рехак. Главное управление запросило мнение военного агента в Берлине по этому вопросу. Ответ последнего раскрыл неприглядную картину беззаботности и халатности царских чиновников.

Генерального штаба генерал-майор Михельсон донес 4 февраля 1911 г., что Юлиус Рехак действительно служит (около 20 лет) в русском посольстве в должности старшего канцелярского служащего. "На его обязанности, — писал Михельсон, — лежит уборка помещения канцелярии посольства, покупка и выдача письменных канцелярских принадлежностей, отправка почты, заделка курьерской почты, сдача и получение этой почты на вокзалах и пр. Кроме того, «Юлиус» (так его все называют), является комиссионером по каким угодно делам. Осведомленность его поразительна" [11]. Во всех учреждениях и заведениях Берлина, по утверждению военного агента, у Юлиуса имелись "задние ходы". Он мог достать билеты на железную дорогу или в театр, когда они уже были распроданы, получить беспощипинно с таможни вещи или переслать их и т. д.

"Ясно, каким «удобным» для русской беззаботности человеком является Юлиус, — отмечал Михельсон. — Для того, чтобы чины посольства и «высокие путешественники» еще более ценили Юлиуса, немецкие власти вообще и полиция в особенности помогают Юлиусу во всем. В довершение всего у Юлиуса на руках находились ключи от помещения канцелярии посольства. Когда происходила уборка, а также ночью, все шкафы посольства находились в его распоряжении. Юлиус, конечно, работает не один", — пришел к неутешительному выводу Михельсон, так как вся прислуга посольства состояла из "немцев и немецких подданных". Когда военный агент заинтересовался у первого секретаря посольства, как они не боятся держать исключительно немецкую прислугу вообще и такую личность, как Юлиус, в частности, тот с грустной улыбкой бессильного человека ответил: "Это невозможно. Если мы уволим Юлиуса, то германское Министерство иностранных дел нас съест... Ведь мы его с полным не поймали..."

"До настоящего времени я не считал себя в праве вмешиваться в дело, во-первых, общеизвестное, а, во-вторых, касающееся Министерства иностранных дел и об изложении предпочитал докладывать только на словах", — объяснил свою пассивную позицию в деле раскрытия немецкого шпиона военный агент в Берлине. "Главное управление Генерального штаба усмотрит из настоящего донесения еще раз, почему я не хотел сдавать своих шифров и секретных дел на хранение в посольство", — завершил свое донесение Михельсон [12].

О подобной недопустимой халатности, ставшей общим местом в организации работы российских загранпредставительств, писали и другие военные агенты. "В Париже опасность раскрытия военной тайны, — вспоминает Игнатьев, — начиналась с момента отправки бумаг дипломатическим курьером. По издавна установленному порядку переписка, упаковка и отправка на вокзал дипломатической почты производилась не русскими людьми, а французами. Во время моей службы этим занимался некий Шлаттери, говоривший немного по-русски. По счастливой случайности К. М. Нарышкин, исполнявший когда-то должность советника посольства, обратил мое внимание на слишком долгий срок, который требовался Шлаттери для переезда от здания посольства до вокзала". "Это время, — пояснил Нарышкин, — использовалось Шлаттери для перлюстрации нашей дипломатической французскими властями". "Плохо скрывал Шлаттери свое бешенство всякий раз, когда я привозил и собственноручно вручал ему мою почту лишь за несколько минут до отхода поезда", — пишет Игнатьев о принятых мерах [13].

Получая столь настораживающую информацию с мест, Генеральный штаб начал принимать меры.

Во-первых, он циркулярно разъяснил всем своим военным агентам, что их квартиры не пользуются правом экстерриториальности и поэто-

их все же оставляли. Нередко появлялись агенты, которые контактировали со своими хозяевами в русских посольствах и консульствах.

"Так, в начале 1910 года при наблюдении за Михельсоном (воинный агент в Берлине — примеч. автора) был замечен человек, который его неоднократно посещал или встречался с ним в городе. Он показался подозрительным. Он назывался бароном Александром Мурманом, находился в Берлине, якобы, для военно-научной исследовательской работы и часто получал почту из Катовиц, где должен был находиться посредник русской секретной службы. Запрос у Ронге (один из руководителей разведки и контрразведки Австро-Венгрии — примеч. авт.) прояснил дело" [10]. Русский негласный агент Мурман был арестован и предстал перед судом в Вене в 1912 г.

В Западной Европе местные власти использовали напимашуюся в русские представительства прислугу из местных подданных для наблюдения за нашими военными агентами, выдвигали сотрудников полиции в российские миссии для контроля за деятельностью как самих этих учреждений, так и непосредственно за деятельностью отдельных членов миссий. Агентура контрразведки работала иногда очень успешно, используя недостатки в организации служебной деятельности посольств, обстановка и порядки, царившие в них.

Примером проникновения контрразведки в государственные тайны России с использованием неудовлетворительного состояния их охраны в российских посольствах, может служить следующий случай.

В декабре 1910 года военный агент в Швейцарии Генерального штаба полковник Ромейко-Гурко сообщил в ГУГШ, что им подслушан разговор двух германских дипломатов, из которого он заключил, что немцы в русском посольстве в Берлине имеют своего агента по фамилии Рехак. Главное управление запросило мнение военного агента в Берлине по этому вопросу. Ответ последнего раскрыл неприятную картину беззаботности и халатности царских чиновников.

Генерального штаба генерал-майор Михельсон донес 4 февраля 1911 г., что Юлиус Рехак действительно служит (около 20 лет) в русском посольстве в должности старшего канцелярского служащего. "На его обязанности, — писал Михельсон, — лежит уборка помещения канцелярии посольства, покупка и выдача письменных канцелярских принадлежностей, отправка почты, заделка курьерской почты, сдача и получение этой почты на вокзалах и пр. Кроме того, «Юлиус» (так его все называют), является комиссионером по каким угодно делам. Осведомленность его поразительна" [11]. Во всех учреждениях и заведениях Берлина, по утверждению военного агента, у Юлиуса имелись "задние ходы". Он мог достать билеты на железную дорогу или в театр, когда они уже были распроданы, получить беспошлинно с таможни вещи или переслать их и т. д.

"Ясно, каким «удобным» для русской беззаботности человеком является Юлиус, — отмечал Михельсон. — Для того, чтобы чины посольства и «высокие путешественники» еще более ценили Юлиуса, немецкие власти вообще и полиция в особенности помогают Юлиусу во всем. В довершение всего у Юлиуса на руках находились ключи от помещения канцелярии посольства. Когда происходила уборка, а также ночью, все шкафы посольства находились в его распоряжении. Юлиус, конечно, работает не один", — пришел к неутешительному выводу Михельсон, так как вся прислуга посольства состояла из "немцев и немецких подданных". Когда военный агент заинтересовался у первого секретаря посольства, как они не боятся держать нескромительно немецкую прислугу вообще и такую личность, как Юлиус, в частности, тот с грустной улыбкой бессильного человека ответил: "Это невозможно. Если мы уволим Юлиуса, то германское Министерство иностранных дел нас съест... Ведь мы его с полным не поймали..."

"До настоящего времени я не считал себя в праве вмешиваться в дело, во-первых, общеизвестное, а, во-вторых, касающееся Министерства иностранных дел и об изложенном предпочитал докладывать только на словах", — объяснил свою пассивную позицию в деле раскрытия немецкого шпиона военный агент в Берлине. "Главное управление Генерального штаба усмотрит из настоящего донесения еще раз, почему я не хотел сдавать своих шифров и секретных дел на хранение в посольство", — завершил свое донесение Михельсон [12].

О подобной недопустимой халатности, ставшей общим местом в организации работы российских загранпредставительств, писали и другие военные агенты. "В Париже опасность раскрытия военной тайны, — вспоминает Игнатьев, — началась с момента отправки бумаг курьером. По издавна установленному порядку переписка, упаковка и отправка на вокзал дипломатической почты производилась не русскими людьми, а французами. Во время моей службы этим занимался некий Шлаттери, говоривший немного по-русски. По счастливой случайности К.М. Нарышкин, исполнявший когда-то должность советника посольства, обратил мое внимание на слишком долгий срок, который требовался Шлаттери для переезда от здания посольства до вокзала". "Это время, — пояснил Нарышкин, — использовалось Шлаттери для перлюстрации нашей дипломатической корреспонденции французскими властями". "Плохо скрывал Шлаттери свое бешенство всякий раз, когда я привозил и собственноручно вручал ему мою почту лишь за несколько минут до отхода поезда", — пишет Игнатьев о принятых мерах [13].

Получая столь пастораживающую информацию с мест, Генеральный штаб начал принимать меры.

Во-первых, он циркулярно разъяснил всем своим военным агентам, что их квартиры не пользуются правом экстерриториальности и поэто-

му шифры и секретные дела военной агентуры было предписано *"хранить в соответствующих помещениях посольств, миссий и генеральных консульств, а отнюдь не в своей квартире, хотя бы и в секретных негосударственных хранилищах..."* [14].

Во-вторых, Генеральный штаб предложил военным агентам заменить своих вольнонаемных слуг русскими подданными, военнослужащими, лучше всего из состава нижних чинов полевой жандармерии, причем Генеральный штаб в данном случае соглашался покрыть расходы по отправке и экипировке такого "нижнего чина", и оплату для него на месте помещения и продовольствие — возлагал на личные средства военных агентов.

В-третьих, всем военным агентам было разослано следующее уведомление:

"Имеются сведения о случаях ненадежности частной прислуги некоторых из наших военных агентов. Замечено:

- 1. Стремление прислуги точно выяснить, кто посещает военного агента и с какой целью, хотя бы это и не вызывалось требованиями службы.*
- 2. Рытье в бумагах, брошенных черновиках и т.п.*
- 3. Вхождение, более частое, чем это нужно, при шифровке бумаг.*
- 4. Пропажа ключей от секретных шкафов и т.д. Изложенное сообщает для сведения и принятия мер предосторожности — даже от прислуги, вывезенной из России, и уже долго состоящей на службе"* [15].

Насколько действительны оказались эти предупреждения судить трудно. Известно, лишь, что, как следует из переписки военных агентов с ГУГШ, некоторые представительства России за рубежом крайне неохотно предоставляли военным агентам помещения для хранения секретных документов, а если и предоставляли, то сопротивлялись принятию необходимых мер предосторожности. А.А.Игнатьев, отмечает, что *"нижние же чины из состава полевой жандармерии"* в качестве слуг появились далеко не у всех военных агентов, так как не каждому было *"по карману"* их содержание за свой счет [16].

В ряде случаев местные власти шли на открытую компрометацию российских военных агентов для достижения сиюминутных политических целей. Так, 3 октября 1913 г. болгарская газета *"Народни права"* опубликовала статью, посвященную болгаро-сербскому конфликту и расстановке политических сил в этой связи. В статье, в частности, утверждалось, что когда военный министр *"генерал Дмитриев составлял планы военных действий, его навещал Романовский (военный агент в Болгарии, Генерального штаба полковник — примеч. авт.) и вечером все эти планы были известны сербам"* [17]. К моменту появления публикации Романовский был не столь частым гостем у военного министра, так как, по его собственным словам, *"предвидя подобного рода инсинуации я совершенно перестал посещать военное министерство"*.

В 1912 г. накануне оставления поста военного агента в Дании, Норвегии и Швеции Игнатьевым в шведской газете появилась статья под названием *"Граф Игнатьев — шпион"*, содержащая рассказ о летнем путешествии семьи Игнатьева в окрестностях крепости Карлскрона, о флирте жены графа *"с чересчур доверчивыми шведскими офицерами"*... Вместе с тем, в статье ни слова не было о несласной агентуре последнего. Как вспоминает Игнатьев, он бросился к российскому посланнику с требованием добиться не только реабилитации, но и почетного отъезда. Через несколько дней от имени офицеров стокогольмского гарнизона в честь Игнатьева был дан обед. Фрак виновника торжества украшали звезда, врученная ему накануне в ходе аудиенции шведским королем [18].

В конце 1910 г. генерал-квартирмейстер представил доклад начальнику Генерального штаба с перечислением трудностей, с которыми приходится сталкиваться военным агентам в Германии и Австро-Венгрии в своей работе. *"Элемент болезненной раздражительности и крайней подозрительности, внесенной событиями 1908 года во взаимоотношения России, с одной стороны, и Австрии и Германии — с другой, — отмечалось в Докладе, — с особенной силой развился, как то и следовало ожидать, на столь благодатной почве, каковую представляет собою разведывательная деятельность названных государств. Органическое недоверие к России за границей в этой области за последнее время вспыхнуло с такой силой, что наши соседи склонны в каждом появляющемся в их пределах русском подданном видеть прежде всего военного шпиона, из категорий которых не исключены и наши официальные военные агенты"* [19].

"Положение последних при таких обстоятельствах, — указывалось далее, — ныне представляется тем более трудным, что, не ограничиваясь вполне законными и лояльными мерами предосторожности, германские государства, — избравшие, по-видимому, борьбу с военным шпионством цитом, из-за которого они с успехом и без риска могут наносить укол за укол русскому самолюбию, — в последнее время стали в широких размерах пользоваться для сего провокацией".

Так, военный агент в Австро-Венгрии с конца 1910 г. Генерального штаба полковник Занкевич доносил в Главное управление: *"...Вот уже месяц, как я стал получать письма от неизвестных авторов и визиты подозрительных лиц. N, с которым я несколько раз встречался в обществе, тщательно меня избегает. Боятся вступать со мной в разговоры и все офицеры ниже генеральского чина..."* [20].

К превентивным мероприятиям, проводимым государственными органами иностранных стран, относилось действующее законодательство против шпионажа и государственной измены и его применение на практике. Характерными в этом плане можно считать сведения о масштабах деятельности специальных органов Германии и Австро-Венгрии

нет за небольшую сумму вступить на крайне опасный путь, так как большинству из них известны трудности этого дела и они достаточно напуганы известными 2—3 случаями поимки европейских шпионов. Следовательно: нужны какие-либо исключительные обстоятельства или особенно крупное вознаграждение, чтобы можно было рассчитывать купить услуги европейца".

Со всеми этими особенностями Самойлов столкнулся с первых дней своего повторного пребывания в Японии. Уже в 1906 году он доносил в Генеральный штаб: "Из секретного источника имею сведения, что за мной установлен самый строгий надзор. Мне даже известны некоторые лица, приставленные чтобы следить за мной, но вероятно есть и другие — мне неизвестные. В последнее время было несколько случаев, заставляющих меня удвоить внимание и принять все меры к надлежащему хранению бумаг, что и заставляет меня возбудить вопрос о разрешении съездить по нужным делам..." [24].

Нагнетаемая в описываемый период в Германии и Австро-Венгрии кампания шпиономании и жесткий контроль со стороны полиции существенно затруднял поиск и сбор разведывательной информации с позиции военного агента через негласную агентуру, понимание трудностей, с которыми сталкивались военные агенты при ведении негласной агентурной разведки в странах с жестким контрразведывательным режимом — Германии, Австро-Венгрии и Японии — подталкивало к выводу о целесообразности организации разведки этих государств с территории третьих, нейтральных стран. В 1907 году в рапорте на имя начальника Генерального штаба в связи с увольнением в отставку военного агента в Берлине генерал-майора Розена отмечалось, что "разведка из Швейцарии легко может производиться беспрепятственно в желаемом направлении, в особенности в сторону Германии и Австрии" [25]. В этой связи особое внимание обращалось "на назначение соответствующего лица на должность военного агента в Швейцарии, которое бы своим основательным знакомством с военным устройством среднеевропейских государств, знанием иностранных языков и своими личными качествами давало бы гарантию успешного выполнения тех трудных и сложных обязанностей, которые будут ныне на него возложены". Однако все эти разумные рассуждения остались на бумаге и подобный кандидат Генерального штаба полковник Ромейко-Гурко оказался не на высоте предъявляемых требований.

"При таких условиях представляется совершенно необходимым, — ходатайствовал в 1910 г. генерал-квартирмейстер перед начальником штаба, — освободить наших военных агентов в Австро-Венгрии и Германии, хотя бы на время, от выполнения каких бы то ни было негласных поручений по разведке и предложить им впредь уклоняться от сношений с лицами, обращающимися к ним с предложениями указанного характера" [26].

В заключении генерал-квартирмейстер предлагал ввести в правило, что разведка против Австрии и Германии и покупка секретных документов этих стран должны возлагаться в виде основной обязанности на военных агентов в Бельгии и Швейцарии, "в соответствии с чем должен производиться выбор лиц на означенные должности". Начальник Генерального штаба нашел, что предлагаемые мероприятия не оградят военных агентов от попыток их компрометации и каких-либо решений принято не было.

В 1908 г. военный агент в Японии Генерального штаба полковник Самойлов представил доклад в ГУГШ, в котором утверждал, что "в Японии разведка является делом особенно трудным и рискованным" [27]. Пути решения разведывательных задач в этой крайне сложной обстановке виделась Самойлову следующим образом:

"Для организации в Японии правильной и плодотворной разведки необходимо: 1) большие деньги; 2) тщательный выбор агентов (имеется ввиду военных — примеч. авт), причем никоим образом разведка не может быть поручена лицам, прибывающим в Японию впервые; 3) учреждение какого-либо бюро вне пределов Японии, куда могли бы безопасно являться предлагающие свои услуги лица, т.к. в Японии приход их куда бы то ни было будет замечен после первого же раза полицией. И наконец, 4) необходима оценка полученных сведений экспертом на месте, иначе будут доставляться под видом секретных сведений переводы из газет, вымышленные известия и т.п."

В докладе по Главному управлению Генерального штаба от 19 (22) декабря 1909 г. отмечались существенные пробелы в части осведомленности "о всех текущих событиях стратегического и военно-политического характера в отношении Японии" [28]. Подобное положение вещей, по мнению авторов, было обусловлено "крайне неблагоприятными условиями для ведения разведки в этой стране." "Для заполнения этого пробела ныне разработан проект постановки разведки в Японии на новые основания, с перемещением руководящего ею центра из названной страны в Шанхай".

Официальная информация, представляемая военным агентам в штабах и военных учреждениях стран пребывания, а также почерпнутая из прессы и печатных изданий, была, однако, далеко не исчерпывающей и не могла устроить Главное управление Генерального штаба. В первую очередь, это касалось все тех же государств, вероятных противников России — Германии и Австро-Венгрии. А имеющаяся немногочисленная негласная агентура, находящаяся на прямом руководстве ГУГШ, не решала поставленных задач. И ГУГШ, не решив вопрос об организации разведки этих государств с территории третьих, нейтральных стран, шло вразрез с положениями официальной инструкции и требовало от военных агентов добывания именно секретных сведений, что было воз-

можно только через привлечение к тайному сотрудничеству с разведкой иностранцев. Результат в этом случае всецело зависел от личных качеств военного агента, его любви к делу, желания и умения работать.

К чести российских военных агентов следует отметить, что они пытались решать поставленные задачи, в том числе используя и негласную агентуру. Именно по этой причине Генерального штаба полковник Базаров 22 июня 1914 года вынужден был покинуть пост военного агента в Берлине, разделив тем самым участь своих предшественников Генерального штаба полковников Михельсона и Шебеко.

Заместителем Базарова по негласной агентуре остался его секретарь Глембевский. Германская полиция арестовала его 20 июля 1914 года на улице в тот момент, когда он садился в экипаж с секретарем генерального консула Субботиным. В кармане у Глембевского находились три последних зашифрованных телеграммы из русского Генерального штаба, которые он, однако, успел передать Субботину. Продержав Глембевского под арестом полтора часа, его освободили.

Генерального штаба полковник Занкевич, прибыв в Вену в конце 1910 г. на пост военного агента, после ознакомления с состоянием дел телеграфировал генерал-квартирмейстеру, что для получения необходимых сведений о военных приготовлениях Австро-Венгрии следует: *"прибегнуть к содействию негласной разведки, к организации которой и приступаю"* [29]. *"Считаю нужным доложить, — указывал Занкевич, — что подвергаюсь опасности быть скомпрометированным."* В 1913 г. из-за ареста одного из своих негласных агентов он был вынужден оставить свой пост и вернуться в Россию. Частая смена военных агентов в Германии и Австро-Венгрии вынуждает ГУГШ *"хотя бы временно отстранить их от активного участия в организации и ведении негласной разведки"* [30]. Отстранить, но временно, до последующих указаний. Такие же ограничения распространялись и на военного агента в Италии, которая рассматривалась как один из вероятных противников Антанты. *"Перед началом войны на военной агентуре в Италии не только не лежало каких-либо разведывательных задач в Австро-Венгрии и Германии, но военному агенту было категорически воспрещено заниматься тайной разведкой иначе как по особому на то приказанию"* [31].

На всех этапах реорганизации военной разведки особым порядком оговаривалась система связи между военными агентами и центром. Время от времени вносились изменения, уточнялись отдельные положения. Инструкция 1912 г. достаточно подробно излагала правила почтовой и телеграфной связи между военными агентами и Генеральным штабом. Военным агентам предписывалось в случаях особой важности адресовать свои донесения непосредственно начальнику Генерального штаба, в менее важных случаях — генерал-квартирмейстеру, причем наиболее секретные — в виде личных писем в собственные руки генерал-квартир-

мейстера. Все прочие донесения должны были направляться в Отдел генерал-квартирмейстера по соответствующему делопроизводству.

Военным агентам надлежало отправлять свои донесения следующим образом: спешные, но несекретные — почтой или нешифрованными телеграммами; секретные и неспешные несекретные — через курьеров министерства иностранных дел (за исключением военного агента в Турции, который все свои донесения обязан был отправлять по русской почте с пароходами *"Русского общества пароходства и торговли"*); спешные секретные — зашифрованными телеграммами (после своего назначения на должность за границу военные агенты проходили при ГУГШ непродолжительную подготовку по пользованию специальными шифрами). В исключительных случаях разрешалось *"отправлять секретные спешные донесения заказными письмами в зашифрованном виде или с особыми доверенными и лично известными военным агентам лицами, случайно проезжающими в Петербург, а также, наконец, специальными курьерами или иными способами по усмотрению военного агента. Телеграфные донесения военные агенты должны были направлять по адресу: "Петербург. Огеньквар"* [32].

Все было просто на бумаге. Организация связи с военными агентами и офицерами-разведчиками на "крышечных" должностях в российских представительствах за рубежом являлась большим вопросом в деятельности разведки. Если бы военное ведомство надеялось на дипломатических курьеров министерства иностранных дел, то оно получало бы почту от своих военных агентов, особенно находившихся в восточных странах, в год два-три раза. Кроме того, следовало иметь в виду, что надежность этих дипломатических курьеров была весьма проблематичной и возможность их подкупить не представляла для иностранных контрразведок большого труда и даже не требовала особенно больших денег. Потому-то в большинстве случаев Генеральный штаб до самого начала войны 1914—1918 гг. осуществлял со своими военными агентами самую секретную переписку по обыкновенной почте.

Естественно, такое положение создавало для военных агентов массу проблем. *"Вся входящая и исходящая корреспонденция военного агента (телеграфная и почтовая) подвергается перлюстрации"*, — докладывал 29 апреля 1907 г. военный агент в Вене Генерального штаба полковник Марченко [33]. Подобные доклады поступали и от других агентов. Но Генеральный штаб реагировал на такие доклады весьма своеобразно — чаще всего вносил "разъяснения" в существующие правила. Так, военному агенту в Китае сообщалось следующее: *"...Переписка корреспонденции вам будет производиться не через Министерство иностранных дел, ибо это затрудняет наши миссии, а через Петербургский почтамт заказною бандеролью непосредственно на имя военного агента в Китае..."* [34]. Получалось, что из-за нежелания "затруднять наши

миссии", ГУГШ вольно или невольно облегчало противнику возможность доступа к переписке с военными агентами. На упаковку и заклепку корреспонденции также не обращалось должного внимания. Так, все тот же Марченко в апреле 1907 года вынужден был донести Генеральному штабу, что "печати на конверте № 901 были треснуты и конверт имел подозрительный вид" [35].

Связь военных агентов с Центром была организована весьма плохо и давала возможность потенциальным противникам проводить результативные контрразведывательные акции.

Профессиональные требования, предъявляемые к военным агентам, и существующая система отбора кандидатов для замещения вакантных должностей военных агентов определяли эффективность работы военных агентов за границей.

"Военные агенты, с одной стороны были дипломатическими представителями своей армии, занимая положение старшего представителя посольства (следующего за советником [первым секретарем в миссии — примеч. авт.]), — вспоминает А.А. Игнатьев, — с другой — они являлись информаторами, обязанными собирать сведения об иностранных армиях" [36]. В этой двойственности были, по его мнению, свои положительные и отрицательные стороны. Положительным, как справедливо, отмечает Игнатьев, было то, что дипломатическая неприкосновенность, распространявшаяся не только на военного агента, но и на его семью, квартиру обеспечивала свободу передвижений за границей, охраняла его бумаги и переписку. Благодаря своему положению в посольской иерархии военным агентам были обеспечены почетные места на всех собраниях и торжествах, облегчая завязывание нужных знакомств и поддержание отношений с официальными лицами и членами королевских фамилий, к которым рядовые граждане, включая и иностранцев, доступа не имели. Внешний блеск служил надежным прикрытием для деятельности военных агентов.

Отрицательным, по словам Игнатьева, являлось то, что в одном человеке должны были соединяться все качества, требуемые от военного агента: "он должен быть образован и вдумчив, чтобы давать правильную оценку положения, усидчив, чтобы успевать изучать все нужные материалы, наконец, общителен и приятен в обращении, чтобы с первого же взгляда вызывать симпатию и доверие не только мужчин, но и подчас и женщин. Ведь ничто не вызывает больше подозрений, чем необщительность или, наоборот, напускная, слащавая любезность иностранного представителя".

Подобное соединение качеств в одном человеке было редким явлением. Поэтому одни военные агенты закрывались в своем кабинете и делали то, что они с успехом могли делать, не выезжая за границу, другие, "забывая о необходимой обработке документов, пробовали ис-

пользовать свое несметное богатство и раскрывать дипломатические тайны», используя роскошные светские приемы". Третьи "считали необходимым прилагать к своим донесениям о придворных приемах чертеж обеденного стола, обозначая крестиком предоставленное ему на этом банкете место".

"Военный агент, направляя все свои усилия на работу по информации, конечно, не должен был считать внешнее представительство самоцелью; оно являлось лишь важным оружием для работы, требовавшим к тому же владения им, большого навыка", — высказывал свое убеждение Игнатьев, опираясь на многолетний опыт работы за границей в качестве военного агента.

При подборе кандидатов на должности военных агентов и их помощников исходили из имеющегося в ГУГШ "особого списка офицеров", наиболее подходящих назначению на поименованные должности [37]. Кандидатуры для включения в этот список должны были представляться штабами военных округов. При этом прилагалась подробная аттестация, "в которой особенное внимание должно быть обращено на свойства характера, степень знания иностранных языков, любовь к делу и знание иностранных армий, степень житейской воспитанности и такта, семейное и материальное положение, так же на внешнюю представительность" [38]. И, конечно, высокий профессионализм военного. Кандидаты должны были быть "не старше 2 лет в чине подполковника и не моложе 3 лет в чине капитана".

Назначению на должность военного агента или его помощника должен был предшествовать перевод или прикомандирование в Отдел генерал-квартирмейстера для соответствующей подготовки. Невзирая на достаточное количество офицеров Генерального штаба, имеющих требуемую выслугу в чине, кандидатов на занятие вышеперечисленных должностей было немного. Так, в ноябре 1910 года начальник штаба Иркутского ВО докладывал в ГУГШ, что среди офицеров Генерального штаба, состоящих на службе в округе, "не имеется таковых, которые отвечали бы в полной мере всем условиям... что главным образом относится к соответствующему знанию языков и особенно владению собственными средствами", расход которых был неизбежен при занятии должности военного агента [39]. Отсутствие кандидатов констатировалось и по Казанскому, Одесскому, Кавказскому, Приамурскому и целому ряду других окраинных округов.

Основным поставщиком кандидатов на должности военных агентов являлся штаб войск гвардии Петербургского военного округа и Отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ. Нередко среди них оказывались представители аристократии, служившие в гвардейских частях. Объяснение тому заключалось как в наличии материальных средств у последних, так и знание ими в совершенстве одного, а в ряде случаев несколь-

ких иностранных языков. Сама система домашнего образования в семьях, принадлежавших к высшим слоям общества, способствовала овладению иностранными языками. *"Главным оружием военного агента — иностранными языками, — писал А.А.Игнатьев, — я владел с детских лет, получив хорошую подготовку дома. В этом отношении я имел преимущество перед другими русскими офицерами, получавшими, как и я, образование в кадетских корпусах и военных училищах, где изучению иностранных языков уделялось крайне мало внимания (за исключением Пажеского корпуса)"* [40].

Отбрав кандидата, Генеральный штаб запрашивал его согласие, так как служба на посту военного агента была связана с большими денежными расходами и *"малой служебной славой"*.

Согласно *"Штатной ведомости распределения военных агентов и их помощников"*, *"высочайше утвержденной"* 23 апреля 1906 года, их оплата осуществлялась по разрядам, на которые были разбиты иностранные государства [41]. При определении разряда исходили из уровня жизни конкретной страны. Оклады военных агентов России были ниже окладов военных агентов западноевропейских государств. Военным агентам самим приходилось добавлять крупные суммы на покрытие расходов даже чисто служебных, таких как наем квартиры, содержание секретаря, канцелярские и почтово-телеграфные расходы, содержание верховой лошади. В этой связи любителей на зарубежные посты найти было нелегко.

После получения согласия кандидата на пост военного агента, Генеральный штаб представлял материалы Министерству иностранных дел, которое в свою очередь, испрашивало согласия через своих послов у иностранных правительств. Только тогда высочайший приказ по военному ведомству и очередной военный агент узнавал о своем назначении из газеты *"Русский инвалид"*.

Каждый военный агент должен был пройти командный ценз в виде четырехмесячного прикомандирования в должности помощника командира полка. Этот обязательный для штаб-офицеров Генерального штаба командный ценз являлся, конечно, слабым паллиативом долголетнему отрыву некоторых военных агентов от своей армии, что снижало их авторитет как военных специалистов в глазах представителей иностранных генеральных штабов.

По мнению А.А.Игнатьева, *"петербургское начальство вообще недооценивало значения для военных агентов ежегодных поездок в Россию, оно как будто не понимало, что только участие в жизни своей собственной страны и армии даёт военному агенту правильно оценивать изменения в политике той страны, где он находится, и её военные мероприятия"* [42].

Не существовало жестко закрепленного срока пребывания военного агента за рубежом. Чаще всего продолжительность нахождения во-

енного агента в зарубежной командировке определялась наличием замены, если не считать вынужденного отъезда из страны в связи с провалом негласной агентуры.

Из вышеприведенного следует, сколь тщательно подбирались кандидатуры в качестве военных агентов, хотя в их подготовке отсутствовала какая-либо система. Насколько эффективно работали военные агенты?

Страны, в которых были представлены военные агенты России, можно условно разделить на несколько категорий:

- *"вероятные"* противники;
- нейтральные страны, а также государства, не присоединившиеся пока ни к одному из блоков, и позиция которых могла повлиять на расстановку сил на мировой арене;
- балканские страны;
- государства-союзники;
- *"прочие"* государства.

К *"вероятным"* противникам были отнесены Австро-Венгрия, Германия и Турция. Считалось также, что военная угроза исходит и от Японии, хотя планы ведения первых операций на театре военных действий против *"страны восходящего солнца"* не составлялись. Италия, член *"Тройственного союза"*, как *"вероятный"* противник Россией не рассматривалась.

С конца 1905 года военным агентом России в Австро-Венгрии был Генерального штаба полковник М.К. Марченко, который стремился в полном объеме выполнить задачи, поставленные на командировку, а также давать исчерпывающие ответы на вопросы, возникающие у руководства Генштаба. Марченко была передана негласная агентура его предшественника В.Х.Роопа, которая освещала ход оснащения австро-венгерских войск современной полевой артиллерией. 19 ноября 1906 г. Марченко докладывал в ГУГШ, что в течение года им было представлено *"в подлинных копиях 20 тетрадей с соответствующими чертежами всех тех секретных данных, которыми исчерпывается перевооружение австро-венгерской полевой артиллерии"* [43].

Однако имеющаяся у Марченко негласная агентура не в состоянии была решать все поставленные разведывательные задачи.

В сентябре 1906 года полковник Марченко пишет генерал-квартирмейстеру ГУГШ: *"вследствие письма вашего от 12(25) сентября докладываю, что приложу все усилия и умение, дабы исполнить желание начальника Генерального штаба по сбору сведений о крепостных маневрах"* [44]. При этом он добавляет: *"Считаю однако, нравственным долгом доложить, что я лишен почти совершенно орудий действий"*.

Несмотря на это, Марченко продолжал изыскивать пути по добытию секретной информации. В ноябре 1909 г. австрийской контрразведке стало известно, что один из подданных Австро-Венгрии продал

военные документы итальянскому Генеральному штабу за 2000 лир. "Продавец" был сфотографирован в Риме и впоследствии опознан как служащий артиллерийского депо Кречмар и был поставлен под надзор полиции. Однажды, он был замечен вместе с полковником Марченко "на неосвещенной аллее в саду позади венского большого рынка". 15(28) января 1910 г. у Кречмара был произведен обыск. Военная комиссия, разобрав найденный материал, пришла к выводу, что Кречмар оказывал услуги по шпионажу "не только итальянцам и русским, но и французам... Министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренберг отнесся к случаю с Марченко очень снисходительно. Он лишь дал понять русскому поверенному в делах Свербееву, что желателен уход Марченко в отпуск без возвращения его в Вену" [45].

"Взамен Марченко, — совершенно обоснованно утверждает Макс Ронге, — мы получили столь же опасного руководителя русской агентуры в лице полковника Занкевича". "Занкевич, проявляя бурную любознательность, посещал два-три раза в неделю бюро дежурного генерала военного министерства и задавал больше вопросов, чем все прочие военные агенты вместе взятые. На маневрах он вел себя настолько вызывающе, что его пришлось ввести в границы. Под предлогом дачи заказов он являлся на военные заводы, пытаясь тем временем узнать их производственные мощности". "Он был хитер и скоро заметил, что за его жилищем установлен надзор, — отмечает Макс Ронге. — Потребовалось много времени, прежде, чем удалось установить методы его работы".

Деятельность военного агента в Австро-Венгрии Генерального штаба полковника М.И. Занкевича высоко оценивалась австро-венгерским делопроизводством ГУГШ. Так, в частности, в оценке его работы за 1912 — начало 1913 гг. отмечалось тщательное и своевременное отслеживание военных приготовлений вооруженных сил Австро-Венгрии. "Все остальные донесения полковника Занкевича, — указывалось далее, — составлялись с обстоятельностью, позволяющей судить о вопросе во всей его полноте. Такой же обстоятельностью отличались и те многочисленные статьи, которые послужили главным основанием для составления, изданных делопроизводством I и 2 частей сборника «Вооруженные силы Австро-Венгрии»".

Кроме того, полковник Занкевич оказывал делопроизводству ряд очень полезных услуг по выписке и доставлению разных карт, изданий, частью даже не подлежащих оглашению; "им же вполне успешно выполнялись также все поручения всех Главных управлений военного министерства по сношению с лицами, предлагающими свои изобретения, или по сбору различных технических сведений" [46]. "В общем, полковник Занкевич, — говорилось в заключение, — представлял собой тип образцового военного агента".

На какую негласную агентуру в своей работе опирался военный агент в Вене? На это частично дает ответ Макс Ронге. "Начиная с марта 1913 г., группа контрразведки Генерального штаба, венское полицейское управление и командование военной школы следили за братьями Яндрич, — пишет Ронге, — из которых один, а именно Чедомил, был обер-лейтенантом и слушателем Военной школы, другой же, Александр, — бывший лейтенант. Одновременно возникли подозрения против лейтенанта Якоба. Наши наблюдатели установили, что в квартире окружного фельдфебеля в отставке Артура Ипцкуша появляется Занкевич... В начале апреля уже не было больше никаких сомнений в том, что все нити вели к Занкевичу, сумевшему завлечь в свои сети также и отставного полицейского агента Юлиуса Петрича и железнодорожного служащего Флориана Линднера" [47].

"Лица, замешанные в шпионаже, — вспоминает Ронге, — были арестованы, и мне было приказано сообщить об этом министру иностранных дел. Граф Берхтольд застыл от изумления, и когда я кончил свой доклад, он долго молчал. Занкевич поступил подобно своему предшественнику. В качестве трофеев он увез с собой в Россию агентурные донесения обоих Яндрич и прочих упомянутых лиц, а также многое другое".

Чедомил Яндрич, по оценке австро-венгерского делопроизводства ГУГШ, доставил Занкевичу "ряд документальных сведений из неподлежащих оглашению учебников... а именно: курс военной географии (пограничный район Австро-Венгрии и России); организационные сведения по австро-венгерской армии (устройство артиллерии и снабжение ее огнестрельными припасами; средства связи, санитарная и ветеринарная служба; устройство тыла и обозов), укрепление Перемышля; служба железных дорог в военном отношении" [48]. "В связи с балканским конфликтом, — отмечалось делопроизводством ГУГШ, — агентом доставлены секретные сведения о перевозке II корпуса в Галицию, дающие некоторые новые данные по организации войсковых перевозок в военное время".

Сменивший Занкевича на посту военного агента Генерального штаба полковник А.Г. Винекен в отличие от своих предшественников не привлекал к решению разведывательных задач негласную агентуру и выслан из страны до начала Первой мировой войны не был. В силу отсутствия подлинных источников военно-политической информации, Винекену не удалось предвосхитить развитие событий после убийства наследника престола и правильным образом информировать Санкт-Петербург.

С 1906 г. военным агентом в Германии был профессиональный разведчик Генерального штаба полковник А.А. Михельсон, "выдающийся русский военный агент", по словам А.А. Игнатъева. "Михельсон, — пишет он, — совершенно правильно считал одним из наиболее интересных для нас вопросов распределение германских вооруженных сил в случае вой-

ны между русским и французским фронтами, что в грубых, но зато достоверных цифрах могли быть установлено при подсчете воинских поездов, следовавших при мобилизации в Западном и Восточном направлениях" [49]. С этой целью Михельсон, детально изучив германскую железнодорожную сеть, выбрал для наблюдения железнодорожные мосты через Эльбу и Вислу. "Завербовав за ничтожное денежное вознаграждение мостовых сторожей на выбранных заранее железнодорожных мостах, — отмечает Игнатьев, — Михельсон требовал от этих людей лишь самых, на первый взгляд, невинных сведений о числе поездов, проходящих за сутки в каждом из двух направлений". Подобный интерес он объяснял сбором статистических данных строительной фирмой, проводящей испытания прочности мостовых конструкций. "В некоторых случаях постоянным, а в других — периодическим обменом письмами с этими служащими через доверенное лицо Михельсон натренировал их в работе, с тем чтобы предмобилизационный период не нарушил заведенного автоматизма, связанного с получением денег" [50].

В июне 1909 г. Михельсон доносил в ГУГШ, что ему удалось "негласным путем" достать на несколько дисей "Кригсбезольдунгс-Форирифт" (Правила выплаты денежного содержания во время войны) с приложениями по налогообложению военнослужащих. Михельсон пытался сфотографировать полученные документы, но испортил массу фотоматериала, не получив "годных результатов". Через два дня, в части, где были взяты документы, ожидалась проверка и к этому времени они должны были быть возвращены на место. Военный агент сам, усадил секретаря и свою жену за переписку переданных документов, завершив трудоемкую работу к указанному сроку [51]. В 1910 г. Михельсон вынужден был покинуть Берлин, так как, по словам одного из руководителей германской разведки В. Николая, "был уличен в соучастии в деле государственной измены" [52].

Последним русским военным агентом в Берлине перед Первой мировой войной был Генерального штаба полковник П.А. Базаров.

От пристального внимания Базарова не ускользнули агрессивные устремления Германии, что позволило ему с удивительной проницательностью еще за два года до начала войны предсказать развитие событий на мировой арене.

Так, в заключении рапорта, датированного 18 февраля (2 марта) 1912 г., военный агент в Берлине писал: "В общем, совокупность имеющихся в настоящее время признаков приводит к заключению, что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем. В то же время несомненно, что ни император, ни, безусловно, большая часть германского народа в данное время (подчеркнуто Базаровым — примеч. авт.) войны не желают. В случае, однако, сознания полной неизбежности ее, более чем вероятно, что начало военных действий последует имен-

но со стороны Германии, которая только внезапностью может рассчитывать до известной степени уравновесить шансы успеха борьбы с английским флотом и обеспечить за собою преимущество исходного положения для борьбы против Франции. Организация военно-сухопутных и морских сил Германии дает полную к тому возможность" [53].

26 октября (8 ноября) 1912 г. Базаров конкретизирует сроки готовности Германии к развязыванию боевых действий: "Проведение в жизнь начавшегося в настоящем году усиления германской армии требует, однако, еще не менее одного года до полного своего осуществления и прочной спайки новых формирований. Наиболее удобным для открытия военных действий временем, в смысле готовности сухопутных и морских вооруженных сил и подготовки морской базы, является для Германии конец 1913 или начало 1914 года" [54].

Весной 1914 г. фельдфебель, чертежник германского главного инженерного управления, предложил Базарову купить у него планы восточных крепостей Германии. Фельдфебель недавно женился и нуждался в деньгах. Так был куплен план крепости Пихлау и крепости Лейпциг. Базаров вел переговоры о приобретении еще ряда отдельных секретных документов. И здесь произошел провал. По утверждению Николая, "в апреле 1914 г. контрразведка из Петербурга сообщила о том, что Генеральный штаб ведет там переговоры о покупке планов германских восточных крепостей. По более точным данным предательство должно было исходить из одного центрального учреждения в Берлине, в течение 24 часов виновный был найден в лице одного старшего писаря. Он сознался в том, что совершил предательство по предложению русского военного агента..." [55]. По другой версии, чертежник после одной из свиданий с Базаровым встретил своего сослуживца и, разговорившись с ним, раскрыл свою связь с русским военным агентом. Тот предложил работать совместно, а потом выдал своего знакомого властям. Одна версия, впрочем, не исключает другую [56].

Любопытна последовавшая по указанному выше поводу переписка между министром иностранных дел С.Г. Сазоновым и военным министром В.А. Сухомлиновым, имевшая место в середине 1914 г.:

"Министр иностранных дел военному министру Сухомлинову.

№ 61, 5 июля /22 июня 1914 г.

Срочно. В Доверительно.

Милостивый Государь Владимир Александрович,

На днях германский посол доверительно сказал мне, будто наш военный агент в Берлине замешан в раскрытом недавно шпионстве и ввиду этого желательно его отозвание. Я обратил внимание графа Пурталеса на крайнюю несвоевременность возбуждения подобного вопроса в ту самую минуту, когда взаимные отношения России и Германии не отличаются прежнею сердечностью, и прибавил, что во всяком случае я не счи-

тал бы возможным дать ход этому делу без предварительного предъявления нашему послу в Берлине доказательств, на которых германское правительство основывает свои обвинения. Ныне тайный советник Свербеев телеграфирует мне, что в свою очередь помощник статс-секретаря по иностранным делам обратился к нему с такою же жалобой на полковника Базарова, присовокупив, что в случае немедленного отъезда последнего в отпуск, во время которого он получил бы другое назначение, быть может, удалось бы избежать огласки по этому делу. Спеша уведомить ваше высокопревосходительство о вышеизложенном, покорнейше прошу Вас не отказать в срочном сообщении мне вашего отзыва по сему поводу для преподания послу в Берлине соответствующих указаний.

Примите и пр.

Сазонов" [57].

"Военный министр министру иностранных дел
Письмо № 863, 23 июня 1914 г.

По Главному управлению Генерального штаба
Срочно. Секретно

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

В ответ на письмо вашего высокопревосходительства от 22 июня (5 июля) с.г. за № 61, имею честь сообщить, что, по имеющимся в Главном управлении Генерального штаба сведениям, военный агент наш в Берлине полковник Базаров действительно проявил некоторую неосторожность, вследствие чего дальнейшее пребывание его в Германии представляется нежелательным. Ввиду изложенного мною вместе с сим сделано распоряжение о немедленном выезде полковника Базарова в Петербург, под видом отпуска.

Примите и пр.

В. Сухомлинов" [58].

В Японии военным агентом состоял, как уже отмечалось, Генерального штаба полковник, в последующем генерал-майор В. К. Самойлов.

Исходя из посылки, что "общеизвестные приемы разведки в Японии неприменимы", Самойлов отказался от попыток привлечения иностранцев к тайному сотрудничеству с разведкой. Однако собираемая им с официальных позиций разведывательная информация положительно оценивалась Главным управлением Генерального штаба. Так, в документе, подготовленном статистическим делопроизводством ГУГШ, отмечалось, что "военный агент в Японии генерал-майор Самойлов за 1911 год дал много сведений по военно-техническим вопросам. Около 270 входящих номеров" [59]. "Вообще же поставляемые им сведения о японской армии, — указывалось в документе, — всесторонне освещают со-

стояние этой армии, а равно и мероприятия японского правительства в области военного дела".

Военные агенты России в Италии менялись чаще, чем в какой-либо другой стране мира. В феврале 1908 г. на должность военного агента в Италии был назначен Генерального штаба полковник князь А. М. Волконский. Итальянская армия начала XX века не отличалась особенной боевой мощью, но работы кораблестроителей и конструкторов стрелкового оружия из Генуи, Неаполя, Турина и Милана представляли особый интерес. Волконскому удалось выйти на заводы, работавшие над выполнением заказов военного ведомства и получить чертежи экспериментальных пулеметов "Перино" и "Ревелли". Последний был принят в серийное производство и состоял на вооружении итальянской армии в Первую и даже Вторую мировые войны. В своей работе Волконский опирался и на услуги негласной агентуры.

В середине августа 1912 года князь Волконский прибыл в отпуск в Санкт-Петербург. Как потомок участников Отечественной войны 1812 г. С. Г. и П. М. Волконских и А. Х. Бенкендорфа был приглашен на празднование 100-летней годовщины этой войны. На одном из заседаний был оглашен торжественный адрес императору Николаю II, который начинался словами "самодержавному". Волконский "позволил себе высказывать некоторым из присутствующих лиц, что включение в адрес титула "Самодержец" изменяет характер адреса, превращая его из такого, который с радостью подпишет каждый верноподданный, в партийный, и что никакого партийного адреса он, как военный, не подпишет, а тем более адреса в духе "Союза Русского народа", так как подобные партии считает бессознательными врагами монархии" [60].

В своих рассуждениях Волконский исходил из северной посылки, что Николай Романов — не "самодержавный", ибо манифестом 17-го октября он законодательные свои права уступил Думе и что Россия — конституционная монархия. Эта точка зрения получила резкий отпор от некоторых из присутствующих. Газета "Земщина", вышедшая на следующий день — 11 сентября 1912 г., — сделала этот инцидент достоянием общественности. "Всякий имеет право быть каких угодно убеждений, — писала газета, — но кто носит военный мундир и не признает царского самодержавия, тому надлежит снять его." В Генеральном штабе было назначено расследование. "В затребованных от полковника князя Волконского по поводу сего объяснениях он проявил образ мыслей, не соответствующих его служебному положению".

При таких обстоятельствах дальнейшее нахождение Волконского на военной службе представлялось невозможным и ему с "соизволения Государя Императора" было предложено в трехдневный срок подать прошение об отставке, с предупреждением, что в случае отсутствия такового он будет уволен без прошения [61].

21 ноября 1912 года на должность военного агента в Италии был назначен Генерального штаба полковник Ф.Б.Булгарин, участник русско-японской войны, кавалер боевых орденов. Вскоре после прибытия в Рим у нового русского агента обострились болезни, вызванные ранениями, полученными в боях под Лояном и Мукденом. Несмотря на лечение, здоровье полковника Булгарина ухудшилось, и 31 октября 1913 г., находясь в состоянии депрессии, он покончил жизнь самоубийством [62].

Должность военного агента была занята только в конце марта 1914 г. Генерального штаба полковником О.К.Энцелем, бывшим делопроизводителем Особого делопроизводства. Имеющаяся негласная агентура к этому времени была растеряна, а заводить новую было категорически воспрещено.

В число нейтральных стран, а также государств, не присоединившихся пока ни к одному из блоков и позиция которых могла повлиять на расстановку сил на мировой арене, были включены Швейцария, Бельгия, Скандинавские страны, Румыния, Китай.

Имя военного агента в Швейцарии Генерального штаба полковника Д.И.Ромейко-Гурко дважды до начала первой мировой войны слышалось в прессе с ведением Россией негласной разведки против стран Тройственного союза.

В 1910 г., по свидетельству М.Ронге, к австрийцам обратился некий господин с запутанным предложением купить у своего знакомого план крепости Перемышль с тем, чтобы перепродать его русским за 100 тысяч рублей, а заработанные таким образом деньги "честно поделить" между разведывательным бюро и им [63]. В полицейском управлении была установлена личность посетителя. Им оказался неоднократно судимый Иозеф Ичесс. "Он признался, что состоял на службе у русских военных агентов в Вене и в Берне — полковников Марченко и Ромейко-Гурко", — утверждает Ронге. Как выяснилось, план крепости оказался плодом фантазии незадачливого мошенника, осужденного на четыре года тюремного заключения.

В 1913 г. австрийцы провели целенаправленную акцию по компрометации деятельности российских и французских спецслужб в Швейцарии. У них были серьезные основания считать, что проживающий в Женеве якобы отставной французский капитан Ларгье, который "обслуживал" Австро-Венгрию еще в 1904—1905 гг., не "порвал" со своим ремеслом и "по-прежнему работает" на разные государства и имеет в своем подчинении многих людей" [64]. Был собран материал об "операциях Ларгье, направленных против Швейцарии", и анонимно передан швейцарским властям. Ларгье после суда над ним по обвинению в шпионаже выслали из Швейцарии. Судебный процесс и связь Ларгье, в том числе и с Гурко, подробно освещались на страницах франкоязычной печати. Обвинения австрийцев были не голословны. Действитель-

но, Ларгье выступал в качестве агента-вербовщика и работал на Россию и Францию.

Использование случайных людей в деле насаждения негласной агентуры не могло не привести к печальным результатам. Следствием такой огласки явилось то, что министерство иностранных дел Италии весьма настороженно отнеслось к кандидатуре Ромейко-Гурко на пост военного агента в Риме (для занятия вакантной должности после смерти Булгарина).

13 (26) декабря 1913 г. посол России в Италии сообщил после беседы с министром иностранных дел по поводу назначения полковника Гурко военным агентом в Рим, что "итальянское правительство не отказывается его принять, но дал мне совершенно доверительно прочесть секретное письмо к нему здешнего военного министра, в котором сказано, что Гурко подозревается в соучастии в шпионаже в ущерб Державам Тройственного союза и что он замешан в процессе о шпионаже, который разбирался в Вене в 1910 г., а также в недавнем женевском деле" [65].

Опираясь на имеющиеся источники военно-политической информации, Д.И.Гурко в рапорте на имя начальника Генерального штаба от 6(19) апреля 1913 г. смог прийти к провидческим прогнозам, сбывшимся спустя год: «Хотя я, не находясь в Германии, не могу быть осведомлен о тех секретных решениях, которые приняло германское правительство, тем не менее последствия таких решений настолько рельефно сказываются в мероприятиях правительства и в настроении общественного мнения, что лично я вполне разделяю здешние опасения и, насколько я лично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 года, настолько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 год прошел бы без войны, в том случае, если Россия не успеет своевременно увеличить свои вооруженные силы» [66].

После распада в 1905 году Шведско-Норвежской унии, Россия поддержала создание независимого норвежского государства и выступила одним из гарантов его безопасности. Тем самым Россия обеспечила себе, по крайней мере, нейтралитет Норвегии и выполнила половину задачи по обеспечению своей безопасности на Балтийском море.

Нейтрально-благожелательное отношение норвежских властей к России позволяло пользоваться вполне легальными способами наблюдения за небольшой норвежской армией. Военное министерство Норвегии вовремя посылало приглашения российским военным на маневры и разведывательное делопроизводство ГУГШ с благодарностью их использовало.

Но если в отношении Норвегии, и добавим — Дании, проблем у российского Генерального штаба не возникало, оставалась еще и Швеция. Взаимоотношения со шведской короной, несмотря на родственные связи с семьей Романовых, были более сложными, чем с остальными

государствами Скандинавии. Швеция была недовольна покушением на свои особые отношения с Норвегией. Более того, с повестки дня не снимался болезненный для шведского общества финляндский вопрос.

Россия в свою очередь опасалась того, что это наиболее сильное в военном отношении скандинавское государство может сблизиться с Германией, так прогерманские настроения были весьма сильны в военных кругах Швеции. Все это объясняло повышенный интерес российской разведки к северной соседке.

Военным агентом в Дании, Норвегии и Швеции с 1907 по 1912 годы был Генерального штаба полковник граф А.А. Игнатьев. Незнание Игнатьевым языков стран предназначения, как вспоминает он сам, сыграло положительную роль в принятии решения о его назначении. Предшественник Игнатьева А.М. Алексеев имел "несчастье" прекрасно говорить по-шведски, изучив этот язык в Финляндском кадетском корпусе, воспитанником которого он являлся. Говорил Алексеев, однако, с финским акцентом, и потому шведские офицеры не поверили его русскому происхождению и выделили в нем измешника своей родины — Финляндии. На одном из присмов они отказались подать русскому военному агенту руку, предложив ему дальнейшую судьбу в Скандинавии [67]. Игнатьев к моменту назначения на пост военного агента в Дании, Норвегии и Швеции уже имел определенный опыт работы за границей в качестве помощника военного агента во Франции. К этому времени у него сложилось и свое понимание организации негласной разведки с позиции военного агента. Перед убытием из Санкт-Петербурга Игнатьев поставил условие — работать с использованием негласной агентуры только в отношении третьих стран, где он официально не аккредитован. Игнатьев настаивал на том, что есть много способов осведомления о состоянии вооруженных сил скандинавских стран "кроме злоупотребления дипломатической неприкосновенностью" с привлечением негласной агентуры [68]. Эта позиция не сразу, но была принята руководством ГУПС.

Игнатьев справился с поставленной задачей, не выходя за определенные им самим рамки. Сведения о вооруженных силах Дании и Германии Игнатьев получал на доверительной основе и от французской принцессы, Марии Бурбонской, жены брата датского короля. Источниками информации для Игнатьева были и французские коллеги. Благодаря им он получал разведывательные сведения, в том числе и об организации обороны шхерных районов Норвегии. Когда же Игнатьеву была поставлена задача добыть образец бездымного пороха, состав которого проходил испытания на полигоне шведского завода Бофорс, военный агент был несклонен, посчитав подобное предложение для себя "невыполнимым" и неприемлемым. Однако, когда речь шла о получении разведывательных сведений о третьих странах и, в первую очередь, о Германии и появлялись люди, добровольно предлагающие свои услу-

ги по добыванию такой информации и ее передаче, Игнатьев не только не упускал случая, но и проявлял инициативу и выдумку по закреплению иностранцев за разведкой. Так, за время пребывания на посту военного агента в Скандинавских странах у Игнатьева среди негласных агентов были источники военной информации — отставной полковник Шварц и военно-технической — унтер-офицер испытательной артиллерийской комиссии в Шпандау.

Среди негласных агентов Игнатьева был и шведский капитан, поступивший на службу в полевую артиллерию Германии. Игнатьев выделил средства шведскому капитану на приобретение коня, соответствующей экипировки и обмундирования, без чего было бы невозможно его зачисление в германскую артиллерию. Расходы окупались сторицей — "к началу первой мировой войны мы были в курсе малейших деталей службы в германской полевой артиллерии, включая и мобилизацию" [69]. Игнатьевым был создан и канал связи Германии с Данией на случай войны, который функционировал и в мирное время. Организацию этого канала обеспечил отставной телеграфный чиновник, датчанин Гампен, много лет обслуживающий датский морской кабель во Владивостоке. Гампен на первых порах выступал в качестве переводчика Игнатьева.

В 1912 г. Игнатьева на посту военного агента сменил Генерального штаба подполковник П.Л. Ассанович. Ассанович унаследовал и негласную агентуру Игнатьева. "Копенгаген работает великолепно, Ассанович то же, и все это твоя заслуга!", — писал делопроизводитель Особого делопроизводства Энкель Игнатьеву в Париж [70]. "При поддержке некоего Гампена в Копенгагене, — пишет один из руководителей разведки Австро-Венгрии накануне и в ходе первой мировой войны Макс Ронге, — полковник Ассанович развил энергичную деятельность из Стокгольма. Один из агентов Ассановича, русский, некий Бравура, завербованный венгра Велесси, впервые со времени моего пребывания в разведывательном бюро генерального штаба привел в движение венгерские суды" [71].

"Все налаженное мною дело осведомления, а главное связи России с границей на случай войны, — напишет много лет спустя Игнатьев, — было проведено моим приемником подполковником Ассановичем из-за глупейшей неосторожности. Среди визитных карточек, остававшихся на подносе в передней, он случайно забыл карточку Гампена. Нити были открыты, мы потеряли ценного информатора, и Россия вступила в Первую мировую войну без единой отдушины во враждебные ей государства" [72]. Насколько справедлива субъективная оценка Игнатьева, судить трудно.

Военный агент в Румынии Генерального штаба полковник Е.А. Искрицкий доносил из Бухареста о внутриполитической обстановке в стране и о ее возможной позиции в случае вооруженного конфликта на Балканах. От его внимания не ускользнули попытки Австро-Венгрии удержать Румынию в сфере своего влияния [73]. Искрицкий докладывал о

"пассивной" позиции, которую займет Румыния в случае болгаро-румынского столкновения. Вместе с тем, он подчеркивал, что "Румыния по своему географическому положению и как маленькая держава не может и не ведет самостоятельную политику, а всегда должна примыкать к той стороне, которая ей кажется более сильной в данный момент и союз с которой ей может сулить большие выгоды" [74]. Точная характеристика, которая сказана на участии Румынии во второй Балканской войне, когда исход был уже предрешен. У Искрицкого было два негласных агента под литерами "И" и "Л". Причем последний агент давал в основном случайные сведения [75].

Военный агент в Китае Генерального штаба полковник Л.Г. Корнилов (1907—1911 гг.) имел двух помощников — одного в Шанхае, другого в Мукдене. "Сведения военной агентуры о развитии военных реформ в Китае и о различных организационных мероприятиях военного характера, предпринимавшихся китайским правительством, были вполне удовлетворительными, зачастую обширными, полными и обстоятельными. Наиболее ценные донесения получались от военного агента", — отмечалось в одном из отчетных документов ГУГШ за 1910 г. о деятельности военной агентуры в Китае [76]. "Корнилов давал сведения преимущественно об общих руководящих указаниях, дававшихся на местах центральным правительством в Пекине. В огромном большинстве случаев эти общие сведения сопровождались переводами указов, приказов, повелений и пр." В начале 1911 г. Корнилова на посту военного агента в Китае сменил Генерального штаба полковник Р.-К.Ф. Вальтер (состоял до этого в должности помощника военного агента), который "в течение 1911 года дал очень много ценных сведений, характеризующих состояние китайской армии, ее высшего управления, ее материальной части, положение военно-учебного дела и проч. в период до начала революции (до 65 входящих номеров). С началом же революционного движения в Китае им доставлялись преимущественно телеграфные сведения о ходе военных действий междоусобной войны (около 35 телеграмм)" [77].

Вместе с тем отмечалось, что "телеграммы эти не были ... более подробными и освещающими события более детально", чем телеграммы корреспондентов газет, аккредитованных в Японии, "и поступали не раньше, а даже позже последних", что, безусловно, существенно снижало ценность поступающих от Вальтера сведений. Шанхайский помощник Вальтера Генерального штаба подполковник А.М. Николаев, судя по копиям его донесений (около 60) военному агенту в 1911 г., "давал достаточно отработанный и обстоятельно собранный материал, как по вопросам организации и дислокации войск в Южном Китае и о ходе событий в Китае за время революции" [78].

Подполковник Николаев был единственным из военных агентов и их помощников, кто руководил деятельностью негласных агентов, све-

денных в агентурную организацию. Он возглавил созданную в 1911 году при его непосредственном участии агентурную организацию — № 31 — на которую возлагалась задача ведения разведки Японии с территории третьей страны — из Китая (Шанхая). В 1914 г. эта организация расформировывается, так как "возможность достигнуть на этом направлении каких-либо результатов в 1914 году, ввиду намечающейся смены лиц на посту шанхайского помощника военного агента в Китае в упомянутом году, представляется весьма маловероятной" [79]. Однако определяющим в службе этой организации явилась не предстоящая замена на посту помощника военного агента Николаева, а запоздалое решение ГУГШ о переносе "центра тяжести" разведки с Востока на Запад.

Помощник военного агента в Мукдене, подполковник В.В. Блонский, согласно оценке его деятельности в 1911 г., "ведет учет китайских войск и собирает сведения о дислокации их в Маньчжурии, также о формировании Сюн-Фандуя и военной полиции (около 100 входящих номеров), что указывает на достаточную осведомленность этого агента, находящегося в Мукдене сравнительно недавно" [80].

Подобная осведомленность Блонского была обеспечена негласной агентурой, переданной ему его предшественником на посту помощника военного агента в Мукдене подполковником Афанасьевым. Среди трех негласных агентов Афанасьева был китаец, чиновник в штабе китайских войск в Маньчжурии, доставлявший кроме разведывательных сведений чисто военного характера, также донесения о "путешествующих" по Маньчжурии и Монголии японцах. Характеризуя этого негласного агента, Афанасьев писал: "Получает содержание 120 лан в месяц, но как страшный картежник всегда нуждается в деньгах. В 1905 г. он за 100 долларов украл все надлежавшие какладные и телеграфные ленты... В штабе пользуется доверием. В агентуре служит с 15 (28) марта 1905 г." [81].

В августе 1908 г. Афанасьев через этого негласного агента за "довольно значительную сумму" получил секретный доклад генерала У Лучжана о состоянии обороны Маньчжурии. К докладу прилагались "сведения о составе штаба китайских войск, расположенных в Маньчжурии, с характеристикой наиболее выдающихся его членов". Этот доклад после перевода на русский язык был направлен в три адреса: в ГУГШ, военному агенту в Китае и исполняющему должность генерального консула в Мукдене Никитину (согласно указания военного агента).

В декабре этого же года секретный доклад китайского генерала практически без всяких купюр был опубликован в газете "Новое время" за подписью "К.Тин". Проведенное расследование "утечки секретной информации" не дало каких-либо окончательных результатов. Однако Афанасьев был убежден, что под псевдонимом "К.Тин" скрывался сотрудник генконсульства в Мукдене Никитин.

Последствия публикации не замедлили сказаться. *"До сведения моего дошло, — докладывал в ГУПС Корнилов, — что по появлении корреспонденции китайское военное министерство установило строгое наблюдение за всеми лицами, имеющие сношение с чинами военного агента и ближайшим результатом распоряжения был отказ одного из моих негласных агентов доставить секретный и весьма важный для меня документ, получение которого было почти обеспечено"* [82].

12 (25) февраля 1909 г. Корнилов дал указание Афанасьеву принять к руководству следующие: *"Во избежание разглашения секретных документов, добываемых Вами негласным путем, а также сообщаемых Вам для ознакомления, никому таковых не сообщать и не представлять, не получив на то предварительного моего разрешения. Генконсулу в Мукдене сообщать только сведения политического характера в виде выборок из Ваших донесений, но без указания источников получения этих сведений, а также не прикладывая копии секретных документов"* [83]. В целом, работа военного агента и его помощников по состоянию на конец 1911 г. указывала *"на хорошую ознакомленность их с китайской армией и постановкой военного дела в Китае"* [84].

К 1914 г. возможности имеющейся немногочисленной негласной агентуры по добыванию интересующей разведку информации были утрачены, а вновь привлеченная к сотрудничеству агентура таких возможностей не имела. Так, по состоянию на 1914 г. в Китае имелось два агента *"на постоянной службе"*. Агент для поручений, бывший адъютант корейского императора, ныне *"комиссионер по распространению коньяка"*. И агент-наблюдатель в Шанхае, *"состоящий при книжной лавке своего родственника"*. В 1914 г. на этого агента была временно возложена задача *"по переводу выдержек из китайских газет"* [85]. Кроме вышеперечисленных двух постоянных агентов, *"имелось два "запасных" и четыре "на испытании"*.

Российский Генеральный штаб хорошо понимал значение балканского региона, как одного из узловых в европейской политике. Традиционное участие России в Балканском вопросе имело давнюю историю, и получило идейную основу в разрабатывавшемся с XVIII в. панславизме. Вместе с тем, различия в отношениях с балканскими странами были довольно значительны. Черногория была наиболее тесно связана с Россией в военно-политическом отношении.

Деятельность военного агента в Черногории Генерального штаба генерал-майора Н.М.Потапова была весьма специфична. В соответствии с военным соглашением между Россией и Черногорией, он осуществлял *"руководство боевой подготовкой черногорской армии"* в *"строевом, хозяйственном и административном отношениях"* [86], которая продолжалась с марта 1910 г. по сентябрь 1912 г. (*"до объявления общей мобилизации черногорской армии для войны с Турцией"*). Потапов выступал в качестве посредника между правительствами двух стран в вопросах

поставок военного снаряжения из России. Именно ему приходилось выслушивать жалобы Черногорского короля Николая по поводу задержки поставок из России трехлинейных винтовочных патронов, в количестве 1 666 000 штук [87].

С целью всестороннего отслеживания внешнеполитического курса Черногории, и в первую очередь, в части секретных переговоров с Сербией, а также Грецией и Болгарией по вопросу начала боевых действий против Османской империи Потапов прибегал к использованию негласной агентуры. 15 сентября 1912 г. он доносил в ГУПС: *"Сущность предложений со стороны Черногории сербским делегатам в Швейцарии, во-первых, военные действия против Турции союзники должны начать одновременно через пять дней по ратификации соглашения; во-вторых, обе стороны вступают в действия при максимальном напряжении военных сил; в-третьих..."* [88] При этом он призывал *"пользоваться с особой осмотрительностью... достоверными данными, добытыми мной из крайне секретного источника"*.

Сербия рассматривалась как самое сильное в военном отношении из суверенных славянских государств на Балканах. В качестве противника Австро-Венгрии она являлась также традиционным и «естественным» союзником России. Сближение с Сербией произошло после 1903 г., когда в результате переворота на сербском престоле утвердилась династия Карагеоргиевичей. Военные агенты в Сербии: Генерального штаба генерал-майор И.Н.Сысоев (до 1906 г.), Генерального штаба полковник В.П.Агапов (1906—1909 гг.), Генерального штаба полковник В.А.Артамонов (с 14 октября 1909 г.) — являлись связующим звеном между Россией и правительством Сербии. В задачи военного агента в Белграде входило изучение сербской армии, австро-сербских отношений, тенденций межгосударственных отношений на Балканах. Оживление интереса российской разведки к балканскому региону было связано с периодами Боснийского кризиса (1908 г.) и Балканских войн (1912—1913 гг.).

Военный агент в Сербии Генерального штаба полковник В.А.Артамонов *"в течение балканского конфликта, следя за действиями Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине... давал несколько раз подробные сведения о численности и группировке австрийцев против Сербии, освещавшие и дополнявшие в свою очередь данные, получавшиеся из других источников"* [89]. Не оставлял он без внимания и развитие внутриполитической ситуации в стране. Им своевременно было отмечено появление в среде сербских офицеров тайной организации под названием *"Черная рука"*. Целью ее было освобождение сербов, находившихся под властью Австро-Венгрии, и создание «великой Сербии». «Черная рука» была построена на основе строжайшей конспирации. Имена ее членов были известны только центральному комитету. Рядовые участники не знали друг друга. Каждый состо-

являвшийся в обществе был обязан привлечь в него нового члена и отвечать своей жизнью за его верность. Главой «Чёрной руки» был полковник Драгутин Дмитриевич, по кличке Апис. «Чёрная рука» подталкивала правительство Пашича к более решительным действиям на международной арене, что было сопряжено с риском развязывания мировой войны. Это вызывало законное беспокойство Артамонова.

9 ноября 1911 г. он докладывал в Главное управление Генерального штаба: «К сожалению за идею воссоединения югославских земель вокруг Сербии встали люди, совершенно неподходящие, и вместо партии создали тайную организацию, напугавшую многих, а привлечение в нее нескольких молодых людей бросило тень на репутацию сербского офицерства» [90]. Разрешение военного агента не осталось незамеченным в Генеральном штабе. Было признано целесообразным поставить в известность государя о возникновении в Сербии военной оппозиции. Николай II в свою очередь в ходе встречи с королём Сербии Петром I, состоявшейся в том же 1911 г., предупредил сербского монарха об опасности заговорщической деятельности «преторианцев» и указал на опасность военного переворота по примеру младотурецкого.

Артамонов категорически отклонил предложение «Чёрной руки» об установлении тесных контактов с этой организацией. 17 (30) января 1912 г. он докладывал в ГУГШ: «Не скрою, что «Чёрная рука» сделала через одного офицера попытку войти в сношение со мною. Конечно, я немедленно и решительно отклонил приглашение переговорить с членами тайной организации, чтобы не дать им возможности примешивать при агитации имя России» [91]. Назначение Дмитриевича начальником разведывательного отделения Генерального штаба отнюдь не способствовало после отказа Артамонова получению доступа последним к имеющейся у сербов информации по Австро-Венгрии. Следствием такого положения явилась следующая рекомендация австро-венгерского статистического делопроизводства ГУГШ: «Желательно установить и поддерживать более тесную связь через нашего военного агента в Сербии с сербским Генеральным штабом в смысле взаимного обмена с ним сведениями по Австро-Венгрии» [92].

И такая связь с разведывательным отделением сербского Генерального штаба была налажена. В интересах насаждения агентурной сети на территории Австро-Венгрии был привлечен сербский предприниматель Раде Малобабиц. «Раде Малобабица, — заявил позже на допросе Дмитриевич, — я завербовал, чтобы он организовал разведывательную сеть в Австро-Венгрии. Он согласился. Я работал с ведома русского военного агента Артамонова, который в мое отсутствие тоже встречался с Раде» [93].

Военный агент в Греции Генерального штаба полковник П.П.Гудим-Левкович не отличался особым рвением по поиску негласной аген-

туры, объясняя это тем, что в Греции «вообще, крайне трудно найти лиц, рискующих служить иностранцам в известном смысле и, если таковые находятся, то при условии полной уверенности, что они не будут скомпрометированы» [94]. Подобное отношение, как показывает проведенный анализ, определяло качество и количество имеющейся у Гудим-Левковича негласной агентуры. «Мною было использовано одно лицо для того, чтобы следить за движением людей, воинского материала и судов в Пирее, — докладывал военный агент о своей деятельности в ходе Балканских войн. — С большим трудом мне удалось найти этого агента в виду опасения быть схваченным полицией» [95]. «В мае, когда начались приготовления на случай болгарской войны, — продолжал Гудим-Левкович, — я вновь обратился к нему, дав задаток, но он вскоре назначил мне свидание и вернул задаток, объяснив, что совесть не позволяет ему мне сообщать сведения, в виду возможности столь важной для всех эллинов войны». «С большим трудом» Гудим-Левкович «убедил другое лицо проехать в Салоники, чтобы разведать о расположении войск греков, их духе и настроении». О результатах такой поездки военный агент умалчивал. До начала Первой мировой войны Гудим-Левкович не предпринимал попыток привлечения иностранцев к сотрудничеству с разведкой.

Военным агентом России в Болгарии был Генерального штаба полковник Г.Д.Романовский. Балканы всегда были беспокойным регионом мира. Потребность правительства России в объективной информации об обстановке в этом регионе резко возросла в 1912 г., когда Болгария, Сербия, Черногория и Греция приступили к подготовке войны против Османской империи. Российская дипломатия предпринимала шаги как в Санкт-Петербурге, так и в столицах балканских государств для предотвращения вооруженного конфликта. Последнее участие в этом принимали и военные агенты. Анализируя сложившуюся ситуацию, Романовский докладывал в ГУГШ 4 (17) сентября 1912 г.: «Рассчитывать удержат Болгарию от выступления против Турции одними советами благоразумия едва ли возможно... я решительно заявил генералу Фичеву (военному министру Болгарии — примеч. авт.), что мы не окажем ни в коем случае теперь поддержки Болгарии, и ей придётся воевать на свой страх и риск» [96]. «Советы эти могли бы иметь реальное значение лишь в том случае, если бы кабинет Гечиова чувствовал под собой твердую почву», — продолжал военный агент. И в этой связи Романовский рекомендовал «нашей дипломатии» поддержать последнее болгарское предложение, состоящее «в реализации ст. 23 Берлинского трактата». Только так, по его мнению, можно было бы добиться «умиротворения Болгарии». Однако уже 20 сентября Романовский доложил:

«Рассчитывать на возможность избежать войны путём политических переговоров теперь, конечно, невозможно. Болгария зашла настолько далеко, что отступления для нее нет» [97]. И в другом донесении за

это же число Романовский писал: *"Когда вы получите мое послание, здесь, вероятно, уже заговорят пушки. Нас держат в полном неведении, за ходом событий приходится следить через агентуру"* [98].

И такая негласная агентура, как показывает проведенный анализ архивных источников, была в распоряжении Романовского, поэтому его прогноз о начале боевых действий в ближайшее время сбылся в полной мере.

Романовский был близко знаком с военным министром Болгарии генералом Радко-Дмитриевым. Поражение Болгарии в войне привело к появлению уже упоминаемой публикации в газете *"Народни права"*. По представлению военного министра России В.А. Сухомлинова министр иностранных дел С.Д. Сазонов дал распоряжение *"имперскому поверенному в делах Софии"* потребовать опубликования официального опровержения возведенных газетой на военного агента обвинений, *"а также принесения полковнику Романовскому должных извинений"*, что и было сделано болгарскими властями [99]. Русский военный агент продолжил свою работу, а болгарскому генералу из-за продолжавшейся против него кампании в печати пришлось оставить службу и уехать в Россию.

От военных агентов во Франции не требовалось насаждения негласной агентуры для сбора разведывательной информации по стране пребывания, являвшейся союзницей России. Предполагалось, что с позиции Франции будет вестись разведка «вероятных» противников — Германии и Австро-Венгрии.

До середины 1908 г. военным агентом во Франции был Генерального штаба полковник В.П. Лазарев. Он не отказывался от случайных сведений по французским ВС, когда они шли ему в руки. Вместе с тем военный агент не проявлял инициативы по насаждению негласной агентуры. Сильной стороной Лазарева являлась способность к глубокому и всестороннему анализу имеющейся информации. В Париже Лазарев не был популярен и во французских военных кругах к нему относились без большого доверия. *"Он неприязненно относился к Франции и французам, — отмечает Игнатьев, — а они, в свою очередь, платили ему тем же"*. *"Быть может, это и послужило причиной того невнимания, — вспоминает Игнатьев, — с которым французский Генеральный штаб отнесся к выработанному Лазаревым плану действий против возможного наступления германских армий по левому берегу Мааса. Владимир Петрович много потрудился над этим планом, но только история воздала должное его прозорливости: как в 1914, так и в 1940 году германские армии вторглись во Францию вдоль левого берега Мааса, через Бельгию"* [100].

Преемником Лазарева на посту военного агента в Париже стал Генерального штаба генерал-майор граф Г.И. Ностиц. Количество отправляемых им документов в Санкт-Петербург, указывает Игнатьев, производило сильное впечатление астрономическими цифрами неходящих

номеров. Но *"большинство бумаг оказалось вполне невинного содержания: их без труда мог бы составлять любой писарь штаба дивизии"* [101]. *"При сем представляется устав или газетная вырезка, или интересная статья"*, — гласил отправленный Ностицем документ, но ни один из них не сопровождался каким-либо комментарием. Были впрочем среди таких материалов и менее безвредные, начинавшиеся обычно словами: *"У меня явилась мысль..."* К числу подобных *"мыслей"* самой дорогой для Григория Ивановича оказался проект сооружения в маленьком французском городке Живз памятника русским солдатам, умершим там в госпитале в 1814 году.

Ностиц был несметно богат и затмил российского посла роскошными присмами. Но в 1912 г. он внезапно подает прошение на увольнение. Причиной тому оказалась неудачная женитьба. Старый холостяк потерял голову при встрече с эффектной американкой, бывшей замужем за видным берлинским банкиром. Ностиц добивался ее развода и женился на ней. *"Для внешнего блеска своего парижского "двора" он взял себе в адъютанты красивого гусара... Этому молодчику ... удалось иметь успех у супруги своего начальника. Дело ограничилось бы "семейными обстоятельствами", — пишет Игнатьев, — если бы французский Генеральный штаб неожиданно не довел до сведения министра иностранных дел о подозрениях, падающих на этого гусара за преступную связь его с Берлином. Высоко метили на этот раз германские вербовщики!"* [102].

В 1912 г. А.А. Игнатьев принял должность военного агента во Франции. Этому назначению предшествовала попытка направить Игнатьева на аналогичный пост в Вену. Выдвигая эту кандидатуру, начальник Генерального штаба генерал Жилинский исходил из положительного опыта работы Игнатьева в Скандинавии, а также из тех соображений, что ему не составит труда войти в светский придворный мир, неразрывно связанный с высшим военным руководством и отделенный непроницаемой перегородкой от остального мира, так как помимо происхождения самого графа Игнатьева, его жена принадлежала к высшему петербургскому обществу. Министерство иностранных дел России, запрошенное Генеральным штабом на предмет получения согласия, резко выступило против кандидатуры Игнатьева, заявив, что он носит *"слишком славянскую фамилию"*, что может вызвать протест австро-венгерского Генерального штаба.

Специфика работы в Париже Игнатьеву была знакома, так как он исполнял должность помощника военного агента во Франции в 1906 г. и даже выполнял обязанности военного агента, используя в своей работе и негласную агентуру.

Одной из благодарных сторон деятельности военного агента во Франции, как и в целом в столицах Западной Европы, отмечает А.А. Игнатьев, являлся прием прибывающих в страну в большом количестве командировочных и отдыхающих. *"Моя «консульская» дея-*

тельность снова началась, так как вместе с листьями на деревьях прилетели летние ласточки — бесчисленные наши генералы и офицеры, и отнимают массу времени" [103].

Систематической негласной агентурной разведкой потенциальных противников России Игнатьев не занимался. Однако в силу благоприятной обстановки во Франции для ведения Россией разведки Германии, Австро-Венгрии и Италии, пост, занимаемый Игнатьевым, являлся ключевым по осуществлению связи с ГУГШ иностранцев, обращающихся к военному агенту в Париже с предложением услуг разведке, с одной стороны, и передачей указаний из Петербурга руководителям агентурных организаций № 30 и № 31, проходящих под псевдонимами Иванову и Викторову соответственно, а также приемам негласной агентуры, состоящей на связи у Центра, в том числе и для передачи ее на руководство Викторову, с другой [104].

Заслугой Игнатьева явилось то, что ему удалось убедить начальника 2-го бюро французской генерального штаба полковника Дюпона в полезности совместной работы "союзных разведывательных отделов", за чем последовало подписание соответствующего соглашения. Казалось, главным источником осведомления для Игнатьева должен был стать французский генеральный штаб, куда он имел свободный доступ. Однако не всегда следствием любезных приемов высокого начальства являлось получение исчерпывающей информации по вооруженным силам Франции.

Так было и в случае принятия Палатой депутатов 16 (29) января 1914 г. закона о чрезвычайных военных расходах, который в виду его секретности никакими объяснениями в докладе парламентской комиссии не сопровождался. Ни начальник генерального штаба, ни военный министр, вспоминает Игнатьев, не решились официально открыть ему секретную программу вооружений. К счастью, военным министром был Этьенн, старый знакомый Игнатьева, который порекомендовал обратиться к докладчику парламентской комиссии Клемантелю. При встрече парламентарий дал понять, что получение нужных сведений будет зависеть от согласия Игнатьева рекомендовать Санкт-Петербургу в качестве поставщика автомобильных шин для российской армии французскую фирму "Бергушьян", отказав при этом немецкой фирме, уже имеющей контракт. Согласие Игнатьевым было дано, тем более, что это его ни к чему не обязывало [105].

С именем Игнатьева А.А. связано и сотрудничество военных разведок России и Франции. Сотрудничество между Россией и Францией в военной области строилось на базе военной конвенции, заключенной между Россией и Францией в 1892 г., с последующими дополнениями, вносимыми на совещаниях начальников Генеральных штабов двух стран. К 1913 г. было проведено восемь таких совещаний, к

участию в которых привлекались и военные агенты. Военная конвенция и последующие соглашения предполагали обмен информацией о состоянии собственных вооруженных сил, а также сведениями о вооруженных силах тех стран, "война с которыми должна быть предусматриваема" [106].

Фактически же взаимное ознакомление носило случайный характер и передача документов "принадлежала или к приезду начальников Генеральных штабов или к случайным встречам офицеров, служащих в центральных штабах армии". Во французском Генеральном штабе долгое время оставалась тень недоверия к России, основанная на слухе, распространившемся много лет тому назад о том, что некоторые из сообщенных сведений о французской армии сделались достоянием германского генерального штаба.

10 (23) октября 1912 года Игнатьев доложил в ГУГШ: "Взаимоотношения между русским и французским генеральными штабами за последние годы несколько улучшилось, что совершенно устранило те проблески недоверия, кои раньше служили помехой для совместной работы по подготовке союзных армий к войне. Одним из вопросов, кои считались до сих пор некоторым секретом для штабов союзных армий, являлась организация и служба негласной разведки" [107]. Игнатьев сообщил, что у него состоялась встреча с подполковником Дюпоном, который осуществлял "общее руководство тайной разведкой как для военного, так и для морского министерства". Дюпон был уполномочен довести до сведения руководства Генерального штаба России предложение об организации в будущем передачи через военных агентов двух стран следующей информации:

— "списки документов, получаемых агентурным путем, хотя бы без указаний источников, через кои они приобретены;

— копии тех документов, кои штабы обеих армий по рассмотрению списков найдут для себя особенно интересными;

— сведения о тех агентах, кои были признаны не заслуживающими доверия. Последнее с целью избежания непроизводительной траты денег".

Одновременно Дюпон просил откровенной оценки тех документов, которые будут передаваться без боязни задеть самолюбие. Ответ, полученный Игнатьевым 1 (14) ноября из ГУГШ, сводился к следующему: "Начальник Генерального штаба признает возможным установить с французским генеральным штабом обмен добытыми секретными сведениями по германской армии и сведениями о тех источниках документальных данных, кои признаются не заслуживающими доверия" [108].

"Что же касается совместной работы с французским генеральным штабом в области организации и ведения негласной разведки на каких бы

то ни было основаниях, то начальник Генерального штаба признает это совершенно недопустимым", — подчеркивалось в ответе.

Французский генеральный штаб принял предложения российской стороны. Однако в практической деятельности наблюдался отход от категорического запрета начальника Генерального штаба на совместную работу в области негласной разведки. Игнатьев через французов проверял личности некоторых иностранцев, предлагающих свои услуги разведке, которые по тем или иным причинам вызывали у него сомнения в своей благонадежности. К подобным проверкам прибегали и французы.

Более того были известны случаи использования русскими и французами одних и тех же негласных агентов — агентов-двойников.

4(17) ноября 1913 года ГУГШ сообщило Игнатьеву: *"В Женеве провалился обиход наш с французами агент-вербовщик Ларгье, а несколько позднее поставленный им агент в Риме Меноси (Меносци — примеч. авт.), одновременно служивший также и французам..."* [109].

Подобное явление было связано с тем, что, с одной стороны, предлагающие свои услуги разведке иностранцы в подавляющем большинстве случаев рассчитывали на материальное вознаграждение и поэтому стремились продать свои услуги нескольким хозяевам, а, с другой стороны, подобный факт, когда он становился известен разведке, не отпугивал ее, и не приводил к отказу от сотрудничества с агентом-двойником.

После окончания русско-японской войны происходит постепенное сближение Великобритании и России. Англия переходит из разряда полуофициального недруга в стан союзников. После заключения англо-русской конвенции 1907 г. *"О разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете"* ведение разведки Великобританией с использованием негласной агентуры было практически свернуто.

С 1905 года по 1907 год военным агентом России в Великобритании был Генерального штаба генерал-майор К.И. Вогак. К ноябрю 1905 года негласная агентура в Лондоне состояла из главного агента под псевдонимом "Долговязый" и "второстепенных агентов в министерствах иностранных дел, индийском и военном". "Долговязый" получал по 15 фунтов в месяц, второстепенные агенты оплачивались сдельно [110]. Часть негласной агентуры, включая "Долговязого", была привлечена к тайному сотрудничеству с разведкой предшественником Вогака на посту военного агента Генерального штаба генерал-майором Н.С. Ермоловым.

В 1907 г. Ермолов вновь назначается на должность военного агента в Великобритании. Разведывательные сведения и материалы, передаваемые Ермоловым в Санкт-Петербург, касались не только состояния английских вооруженных сил в метрополии, но и содержали сведения об Индии. В 1911 г. Ермолов совершил служебную поездку в Индию. По завершении командировки им был представлен отчет на 159 страницах "с многочисленными приложениями". В отчете содержались "све-

дения об англо-индийской (главным образом туземной) армии, о положении на индо-афганской и индо-китайской границах, о трансперсидской железной дороге, а равно некоторые военно-статистические сведения" [111]. ГУГШ пришло к заключению, что *"военный агент в Великобритании внимательно следит за военной жизнью в стране и своевременно дает довольно полные сведения о великобританской армии"*. Однако на сей раз Ермолов уже не прибегал к услугам негласной агентуры.

В этом отношении более целенаправленным оказался помощник военного агента в Великобритании Генерального штаба полковник Голесвский. 9 (22) мая 1912 г. он докладывал *"об участии Англии в Европейской войне"*, опираясь на сведения, полученные из *"негласного источника"* [112].

В начале XX века Северо-Американские Соединенные Штаты все еще отсутствовали в большой международной политике и проводили курс изоляционизма. Поэтому российский Генеральный штаб довольствовался результатами официальной деятельности военных агентов в Вашингтоне.

Военный агент в Северо-Американских Соединенных Штатах, Генерального штаба полковник барон А.К. Боде в течение 1911 г. *"дал весьма подробные сведения о частичной мобилизации армии Северо-Американских Соединенных Штатов в связи с событиями в Мексике, а также по многим вопросам военно-технического характера. Всего около 8 входящих номеров"* [113]. Негласной агентуры Боде не имел, основным источником его информации была официальная пресса. Прибегал он и к *"любезности"* должностных лиц из американского военного министерства, где не считали нужным делать тайну из планов военного строительства вооруженных сил. В результате сведения, доставляемые этим военным агентом, *"вполне отвечали тому объему и характеру сведений об армии Северо-Американских Соединенных Штатов, который представляет для нас интерес в отношении этой армии"*.

Военные агенты с большей или меньшей степенью эффективности решали поставленные задачи (с большей — в части отслеживания состояния ВС вероятных противников в целом, с меньшей — по военно-техническим и военно-политическим вопросам), действуя как с официальных, так и не с официальных позиций.

2.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГЛАСНЫХ АГЕНТОВ ИЗ ЧИСЛА РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ

К категории негласных агентов из числа российских подданных относились в первую очередь русские офицеры на должностях *"прикрытия"* при официальных зарубежных представительствах (в подавляю-

цем большинстве случаев в консульствах), т.н. негласные военные агенты, а также подданные России, служащие в государственных и негосударственных учреждениях за рубежом или проживающие за границей, в том числе и офицеры, как частные лица.

Негласных агентов за рубежом имели как центральный, так и периферийные органы русской военной разведки. Негласные военные агенты, деятельность которых непосредственно направлялась 5 разведывательным (Особым) делопроизводством ГУГШ, решали те же задачи, что и военные (гласные) агенты и руководствовались при этом той же "Инструкцией военным агентам и лицам их замещающим".

Назначение офицеров на должности министерства иностранных дел, как следует из анализа архивных источников, было сопряжено с выполнением целого ряда формальностей и длительной канцелярской волокитой. Так, центральный разведывательный орган намечал кандидата на пост консула или вице-консула, о чем делалось представление начальнику Генерального штаба. Последний подавал полученный доклад в перефразированном виде военному министру. Военный министр запрашивал согласие министра иностранных дел, который, как правило, выяснял мнение соответствующего посла (консула) на местах. Далее в случае положительной реакции со стороны МИДа испрашивалось "высочайшее соизволение". Так, состоялось "высочайшее соизволение на назначение Генерального штаба полковника Соковина консулом в Гирине с переименованием его высочайшим приказом 23 — минувшего февраля (1907 г. — примеч. авт.) в статские советники" [114].

После получения "высочайшего соизволения", офицер подавал прошение об отставке на то же "высочайшее имя". Наконец, отставка получена, и соискатель должности за границей должен представить прошение на имя министра иностранных дел о зачислении его на службу по этому ведомству, где ему предстояло числиться в "резерве чинов" от двух до пяти месяцев для "ознакомления со своими новыми обязанностями" и "убеждения всех его знающих в том, что он серьезно решил порвать с военной службой и пойти по дипломатической служебной лестнице".

Первые кандидаты на консульские должности в Китае в начале XX века отбирались из числа офицеров-разведчиков. "В виду особой важности быть возможно полнее осведомленным о военных мероприятиях Японии и Китая на Дальнем Востоке, — отмечалось в докладе по ГУГШ от 10 (23) февраля 1907 г., — представляется, в числе прочих мер, крайне желательным назначить на должность российских консулов в Гирине и Цицикаре опытных в деле военной разведки офицеров Генерального штаба, но с переименованием их в соответствующий гражданский чин на все время состояния на этих должностях" [115].

"Наиболее подходящими для замещения указанных должностей, — указывалось в Докладе, — являются: военный комиссар Гиринской про-

винции Генерального штаба полковник Соковин и Генерального штаба полковник Манакин, ныне временно исполняющий должность военного комиссара в Гирине. Проведя много лет на службе на Дальнем Востоке, оба означенные штаб-офицеры основательно ознакомились с местными условиями и приобрели там обширные связи в различных кругах населения". "26 сентября сего года (1910 — примеч. авт.) последовало высочайшее соизволение на назначение помощника военного агента в Китае, подполковника Афанасьева, консулом в Цицикаре, с переименованием его в надворные советники" [116].

Безусловно, похвальное стремление ГУГШ направлять негласными военными агентами офицеров, имеющих опыт разведывательной деятельности, на деле приводило к тому, что на консульские должности назначались по сути уже "засветченные" разведчики. Это порой на него сводило преимущества прикрытия.

Случаи использования "крышевого" прикрытия должностей сотрудников газет были известны только во время русско-японской войны.

К кандидатам на посты негласных военных агентов предъявлялись в основном те же жесткие требования, что и к кандидатам на должности военных агентов — наличие высоких личных и профессиональных качеств. Анализ архивных материалов показывает, что однако далеко не все негласные военные агенты были офицерами Генерального штаба и имели опыт разведывательной работы. Вместе с тем подавляющее большинство из них владело восточными языками, которые они изучили на соответствующих курсах. Для негласных военных агентов не являлось обязательным условием наличие материального достатка, как в случае с военными агентами, — эта должность не предполагала дополнительного расхода личных средств.

Но как бы там ни было, на эти должности, как это явствует из архивных источников, стремились выдвигать лучших представителей офицерского корпуса России.

В 1910 г. начальник штаба Кавказкого военного округа представил в ГУГШ кандидатуры двух офицеров Генерального штаба, " вполне способных быть в дальнейшем на одной из должностей наших негласных агентов в Азиатской Турции" [117]. Одним из кандидатов был капитан Масловский, старший адъютант штаба 52 пехотной дивизии. Из приложенной аттестации на капитана Масловского за 1910 г. следовало, что он "прекрасно образован, очень начитан, с большим интересом следит за военной литературой, имеет свои печатные труды. Рыцарски честен, усерден и старателен, все поручения выполняет блестящим образом. Прекрасный семьянин. Характера мягкого, обаятельного, но умеет проявлять настойчивость; во время отдельных поручений проявляет большую решительность и инициативу. Очень деликатен и прекрасно воспитан, обладает замечательной выдержкой и большим тактом, в силу чего весьма любим всеми, с

кем соприкасается по службе и вообще в жизни... Не пьет, в азартные игры не играет. Любит строевую службу". Оценка знания иностранных языков Масловским была дана следующим образом — "владеет французским в достаточной мере, немецким теоретически".

Негласным военным агентом в Корее и руководителем агентурной организации № 6 был консул в Гензане штабс-капитан Бирюков Н.Н. Сбор разведывательных сведений Бирюков осуществлял, привлекая к сотрудничеству иностранцев, которые, все без исключения были по национальности корейцами. По состоянию на декабрь 1909 г. Бирюков имел пять "агентов-резидентов" [118]. Среди негласных агентов Бирюкова был его переводчик в консульстве в Гензане, который выступал и в качестве агента-вербовщика.

В Сеуле негласным агентом Бирюкова состоял бывший секретарь китайской миссии в Петербурге, поддерживающий сношения со старым китайским императором. Определенных занятий он не имел, сведения давал случайные и оплачивался отдельно. Кроме того, Бирюков пользовался бесплатно сведениями, доставлявшимися ему переводчиком консульства в Фузане и некоторыми корреспондентами в Японии. Все собранные сведения Бирюков сообщал в Главное управление Генерального штаба, а также частично генеральному консулу в Сеуле и по запросам — штабу Приамурского военного округа.

В начале 1910 года ГУГШ командировало на Дальний Восток делопроизводителя 5 делопроизводства Генштаба полковника Энкеля для обследования на месте постановки дела агентурной разведки. После возвращения из поездки Энкель представил подробный доклад, содержащий оценку работы штабов округов, военных и негласных агентов.

У Энкеля сложилось впечатление полной неупорядоченности и бессистемности ведения негласной разведки Бирюковым, которая, по мнению Энкеля, по-видимому, всецело держалась на его переводчике и добросовестном отношении к своим обязанностям агентов последнего. Энкель заявил, что он "считает с одной стороны невозможным доверить намечаемую организацию разведки в северо-восточной Корее и Нангане Бирюкову, по-видимому, лишенному организаторского таланта и крайне болезненному, а с другой — полагая нежелательным совершенно отказаться от услуг названного лица, весьма популярного и любимого в Корее, я полагал бы, — указывал Энкель, — действительно необходимым принять решительные меры к насаждению в возможно непродолжительном времени офицера Генерального штаба в Нангане или Чончжине, с возложением на него обязанностей по организации и ведению разведки в северо-восточной Корее и Нангане; Бирюкову же поручить те же функции по отношению к северо-западной Корее, с подчинением его в разведывательно-организационном отношении Мукденскому помощнику военного агента в Китае" [119].

Согласно оценке деятельности негласных военных агентов в Китае за 1911 год, проведенной соответствующим статистическим делопроизводством ГУГШ, "консул в Цицикаре Афанасьев дает обстоятельные сведения о китайских войсках и мероприятиях китайского правительства в Хейлундзянской провинции, а также по вопросам о колонизации Маньчжурии (около 40 входящих номеров). Донесения его весьма полезны" [120].

Работа негласного военного агента в Гирине, по-видимому, бывшего Генерального штаба полковника Соковина, однако, не получила положительной оценки ГУГШ, которое отмечало: "консул в Гирине представляет месячные сводки сведений через Министерство иностранных дел. Благодаря тому, что доставляемые им таким путем сведения запаздывают на 1—2 месяца, они теряют свою ценность" [121]. Неспособность или нежелание наладить своевременную связь с консулом в Гирине, привела к отказу военного министерства от занятия этой должности в силу ее малой эффективности. "Не позднее 1915 г." было также предусмотрено "упразднение вице-консульства в Янцзыфу... по причине несоответствия между приносимой этим учреждением военному ведомству малой пользой и весьма значительными на его содержание расходами" [122].

К негласным военным агентам далеко не всегда относили только офицеров, уволенных в отставку перед назначением на "крышечные" должности в российских представительствах за границей. К этой категории принадлежали и офицеры, находящиеся за рубежом при консульствах под каким-то благовидным предлогом в глазах местных властей — военные секретари, заведующие или наблюдающие за консульскими конвоями и т.д.

9 марта 1912 г. на имя военного министра был представлен доклад о состоянии военной разведки в Турции. В докладе, в частности, отмечалось "отсутствие у нас наблюдательных и разведывательных органов в Западном Азербайджане и особенно в спорной турецко-персидской пограничной полосе — на естественном операционном направлении из Турции через Азербайджан в обход левого фланга стратегического развертывания нашей Кавказской армии" [123].

"Указанный пробел, — отмечалось в докладе, — полагалось бы восполнить командированием с этой целью в Азербайджан офицера Генерального штаба, с присвоением ему, но исключительно лишь в целях сокрытия истинного его назначения, звания наблюдающего за консульскими конвоями в Азербайджане, применительно к тому, как это звание было присвоено командированному в 1908—1909 годах с аналогичной целью в Западный Китай Генерального штаба капитану Сыртланову. Упомянутую выше задачу — организацию и ведение разведки... полагалось бы возложить на старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа Генерального штаба полковника Андриевского, по своим служебным и личным качествам вполне отвечающего этому назначению".

Полковника Андриевского предлагалось назначить в распоряжение начальника Генерального штаба, "с отнесением расходов на его командирование и содержание в Персии на секретные суммы Главного управления Генерального штаба". Одновременно сообщалось, что "к командированию полковника Андриевского в Азербайджан на вышеизложенных основаниях со стороны Министерства иностранных дел препятствий не встречается".

Спустя два дня, 11 (24) марта 1912 г., последовало "высочайшее соизволение на испрашиваемое".

В "Заключении о разведывательной деятельности наблюдавшего за консульскими конвоями в Азербайджане Генерального штаба полковника Андриевского за 1913 год", отмечалось, что последним "доставлено 49 донесений и сводок, из коих имеют существенное значение 44, т.е. около 90 проц. [124]. "Представляемые названным офицером сведения, — говорилось в Заключении, — отличаются полнотой, вполне рисуют общее положение дел в персидско-турецкой спорной полосе и характеризуют отношение местного населения к России, Турции и Персии. Кроме того, в течение истекшего года полковником Андриевским произведен ряд разведок путей, главным образом малоисследованных..." "Следует отметить и приветствовать установление связи между названным офицером и служащими в турецком консульстве в Урмии, благодаря чему ему удавалось добывать некоторые документальные данные о деятельности этого консульства. В общем, необходимо признать деятельность полковника Андриевского по сбору сведений в порученном ему наблюдению районе Турции и Персии весьма продуктивной".

К числу негласных военных агентов относился и "офицер при вице-консульстве в Сеистане" — Выгоринский, проходящий по отчетным документам как негласный агент № 18. Круг возлагавшихся на него задач был достаточно обширен. В частности, ему вменялось в обязанность:

1. Наблюдение за деятельностью англичан и распространением их влияния в Южной Персии.

2. Сбор сведений о персидских войсках, расположенных в Сеистане и вообще в Южной Персии. Кроме этого, негласному военному агенту в Сеистане надлежало собирать сведения "об афганских войсках, расположенных в Западном Афганистане, об англо-индийских войсках, находящихся в пределах Белуджистана..." [125].

В 1909 г. на этой должности находился подполковник фон дер Фляс. За этот год им было доставлено "семь больших донесений по различным, преимущественно мелким вопросам, касающимся военной и политической жизни Сеистана и прилегающих частей Персии, Афганистана и Белуджистана" [126]. Освещались фон дер Флясом и "более крупные вопросы". Так, им были направлены в Петербург "описание дороги из Сеистана в Гириш, описание крепости Фарах..."

Причисление военных секретарей, офицеров при консульствах, наблюдающих за консульскими конвоями, к категории негласных военных агентов было весьма условно — раз неофициальный, то негласный, хотя принадлежность к воинской службе последних не всегда считалось необходимым закрывать.

Так, в связи с определением Генштабом Урумчи (центр административного и военного управления Синьцзянской провинции) центральным пунктом разведки пограничных с Россией западных областей Китая, в 1907 г. возник вопрос о прикомандировании офицера ГУГШ в консульство Урумчи. В этой связи первый секретарь Посольства России в Китае Арсеньев писал 11 (24) апреля 1908 года в МИД: "Присвоение офицеру в Урумчи официального звания заведующего всеми консульскими конвоями в Западном Китае вызовет подозрения, от которых пострадает дело разведки в этом крае. Все поймут, что официальное звание — только предлог. Считаю, что офицеру лучше присвоить какое-либо другое официальное звание, которое не могло бы возбудить подозрения" [127]. Эта телеграмма была прервана начальнику Генерального штаба Палицыну. Телеграмма Арсеньева вызвала у Палицына "недоумение". Отвечая министру иностранных дел Извольскому Палицын пытался разъяснить, что "опасения Арсеньева основаны на недоразумении"... "Скрыть миссию офицера Генерального штаба в какую бы форму она не была облечена, — утверждал он, — решительно невозможно. А потому замаскирование ее повредит делу: частые поездки гражданского лица по краю, его интерес к вопросам военного характера, сразу же вызовет подозрения, что закрывало бы путь к наблюдению даже нескрещенных сторон военной жизни" [128]. "Официальное продолжительное пребывание офицера в любом государстве Азии под любым флагом, — указывал Палицын, — всегда в глазах всякого правительства неизбежно будет тесно сопоставляться с понятием о сборе сведений военного характера. Кто бы он ни был — военный агент, инструктор, начальник консульского конвоя — всегда будут видеть в нем явного соглядатая. Тем не менее присутствие одного такого явного соглядатая будет считаться менее опасным, чем наличие нескольких тайных".

Складывается впечатление, что ГУГШ не всегда тщательно прорабатывало вопрос, относящийся к необходимости открытия должностей негласных военных агентов. Так, на 1913 финансовый год были выделены средства на содержание "двух военных секретарей при консульствах в Урмии и Шара-Сумз, вопрос об учреждении которых в текущем (1912 — примеч. авт.) году вышел из стадий межведомственных отношений" [129]. Однако уже спустя год "хаотическое положение дел в Западной Монголии и в Синьцзяне и отсутствие в этих областях сколько-нибудь серьезных объектов разведки, могущих оправдать значительные расходы

— заставило признать учреждение упомянутых должностей несвоевременным" [130]. Стоило пройти многолетнюю волокиту — с 1907 года — межведомственных согласований, добиться выделения ассигнований, чтобы признать в конце-концов отсутствие для разведки "серьезных объектов" в данном регионе.

К негласным агентам относились и мидовские сотрудники аппаратов консульств на Востоке, добывающие разведывательные сведения в интересах и на средства военного ведомства. С конца XIX по начало XX века известно единичное количество случаев подобного сотрудничества — это скорее исключение, а не правило.

В 1909 г. подобным негласным военным агентом был сотрудник Генконсульства в Бомбее М.С. Андреев, который оказывал услуги разведке с 1906 г. При сборе разведывательной информации Андреев опирался на "туземных" агентов. Генштаба капитан Половцов, после ознакомления на месте с организацией "тайной разведки" в Индии, писал в 1907 г.: *"Является желательным отпустить от требования иметь офицера при консульстве. Выгодно сохранить на этой должности М.С. Андреева, который хорошо освоился с предстоящей ему деятельностью, в совершенстве умеет обращаться с туземцами и усиливает бдительность англичан, которая неминуемо вспыхнет при появлении нового лица в консульстве. Единственным недостатком является отсутствие военной подготовки у М.С. Андреева"* [131].

С 1911 г. негласным агентом из числа русских подданных, не военных, ведущим разведку в Корее и Маньчжурии, являлся вице-консул в Янцзыфу Надаров. Таким негласным агентом в Китае был Брей.

К негласным агентам военной разведки России относились также подданные России в негосударственных учреждениях за рубежом или проживающие за границей как частные лица, не всегда под своей фамилией.

В 1909 г. коммерческий агент на Китайской Восточной железной дороге Ладыгин предложил свои услуги ГУГШ для организации негласной агентуры в Монголии, которые были приняты без долгих колебаний. При создании негласной агентурной сети Ладыгин действовал сообща с драгоманом Генерального консульства в Харбине титулярным советником Михаилом Михайловичем Поповым, которому были выделены средства для сбора разведывательной информации по линии МИД. Ладыгин, находясь в дружественных отношениях с Поповым, убедил последнего *"слиться частным образом воедино на началах единства кассы и труда"* [132].

Благодаря энергии вышеуказанных лиц, хорошему знанию Ладыгиным Китая и китайцев, а главным образом, благодаря удачному подбору негласной агентуры в первый же год была создана агентурная сеть, которая по полноте добываемых документальных данных о деятельно-

сти китайского правительства в Монголии, была признана "весьма удовлетворительной".

К 1910 г. агентурная сеть Ладыгина-Попова состояла из восьми негласных агентов, в том числе:

— трех агентов-вербовщиков, через посредство которых была укомплектована почти вся сеть. Энкель характеризовал их следующим образом: *"не служащие у нас в качестве переводчиков, сыньшинов и т.д., следовательно, не скомпрометированные в глазах китайцев и японцев, ловкие, смелые и преданные нам идейно; двое из этих агентов вполне пригодны к выполнению ответственных поручений и в военное время"*;

— чиновника в министерстве внутренних дел в Пекине. Он давал в копиях наиболее интересные документы по монгольским и маньчжурским делам, коими обменивалось центральное китайское правительство и местные власти;

— чиновника в монгольском бюро в Мукдене, в котором сосредотачивалась вся переписка по вопросам, касавшимся восточной Монголии;

— начальника топографического отдела при управлении вице-короля в Маньчжурии, доставлявшего картографический и статистический материал по Маньчжурии и Монголии (при его посредстве были добыты секретные 12 верстные карты восточной Монголии, составленные китайцами по новейшим съемкам, а также карты уездов Чжэримского сейма в масштабе 2 версты в дюйме и описания названных уездов). Этот агент имел трех помощников, служивших в Монгольском бюро, двое из них были топографами, а третий — драгоманом для сношений с монгольскими князьями. Кроме того, имелось еще несколько агентов в разных пунктах и китайских учреждениях.

Одна часть негласной агентуры Ладыгина-Попова была по национальности китайцами, другая — монголами, но *"по внешности несколько не отличавшихся от китайцев, языком которых они владеют в совершенстве"*.

К моменту приезда Энкеля на Дальний Восток отношения между Ладыгиным и Поповым переживают серьезный кризис, что ставит под угрозу перспективу дальнейшей совместной работы. *"В силу некоторых побочных обстоятельств, — отмечает Энкель, — а отчасти на внутренней организационной почве, согласие руководителей агентуры несколько пошатнулось и угрожает перейти в полный раскол, каковое обстоятельство, однако, ни в какой мере не отразится на интересах военного ведомства, к которому в этом случае нераздельно перейдет не только обязательный и преданный нам всецело Смольников (драгоман), но и наиболее ценные агенты. Тем не менее, подобный исход нужно признать неблагоприятным фактором, как для общего дела, так и для развития агентуры в будущем, почему мною были приложены все усилия к улаживанию возникших несогласий, что и было сделано"* [133].

Согласно оценке деятельности "негласного агента в Харбине", Ладыгин дал за 1911 г. (около 35 входящих номеров) "весьма обстоятельные сведения о дислокации, численности и новых формированиях войск; сведения о мероприятиях и административных распоряжениях китайского правительства. Кроме того, им представлены две обширные части составленного им труда по колонизационному вопросу в Маньчжурии. Агент весьма полезный" [134].

"Ввиду передачи с 1 января 1914 г. в ведение штаба Заамурского округа пограничной стражи разведки в Восточной Монголии, до сего времени осуществлявшейся через посредство агентурной организации г. Ладыгина", было принято решение о ликвидации последней к 1 (14) мая [135]. Ликвидация агентурной организации Ладыгина предполагала передачу наиболее ценной агентуры штабу Заамурского округа пограничной стражи.

В качестве негласных агентов военной разведкой использовались и офицеры Отдельного корпуса жандармов, в том числе и отставные.

К началу 1914 г. на Востоке пять негласных агентов из числа русских подданных, в том числе трое военных, возглавляли агентурные организации:

№ 6 — Бирюков, консул в Гензине; № 14 — Афанасьев, консул в Цицикаре; № 15 — Надаров, вице-консул в Янцзыфу; № 20 — Ладыгин; № 23 — Андриевский, военный секретарь в Урмин, наблюдавший за консульскими конвоями [136].

В 1911 г. создается первая агентурная организация в Западной Европе. ГУГШ образовал ее для ведения негласной разведки Германии. Ее руководитель — полковник Лавров В.М. (псевдоним "Иванов"), офицер Отдельного корпуса жандармов, — поселяется во Франции как частное лицо [137]. Союзные отношения России с Францией предопределили выбор места проживания руководителя агентурной организации.

К 1914 г. организация № 30 вела разведку Западной Германии и включала в себя сеть негласных агентов, в том числе в Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Лейпциге, Мюнхене и в Саксонии. Среди них был писарь 19 германского корпуса, добывший мобилизационные планы корпуса на 1913—1914 гг. Агентурная организация № 30 разрасталась количественно. Так, согласно проекту расходного расписания на 1914 г.: "...увеличен также и кредит на содержание агентурной организации полковника Лаврова в Западной Германии ввиду выяснившейся необходимости включить в штат этой организации наблюдательного агента, долженствующего, с одной стороны, сопровождать начальника организации или его помощника на периодические их свидания с агентами-резидентами для выяснения и пресечения возможного за ними наблюдения со стороны германской контрразведки, а с другой — производить надлежащее обследование лиц, предлагаемых агентам-вербовщикам организации на должности агентов-резидентов" [138].

Связь с ГУГШ Лавров поддерживал через военного агента во Франции А.А.Игнатъева. Работа, требующая постоянного напряжения моральных и физических сил, вызвала обострение болезни Лаврова, что привело к участвовавшимся первым срывам, заявлениям об уходе в отставку. Игнатъев пытался успокоить его, внушить необходимость отдыха, "взяв отпуск и подготовив помощника". "Болезнь (чахотка), сделала его до крайности нервным и мучительно самолюбивым, — сообщает Игнатъев в ноябре 1913 г. Энкелю, — хорошо, что он остается, так как для дела трудно найти более ценного человека" [139]. "Нахожусь необходимым посоветовать тебе оставить его на время в покое, — пишет спустя месяц Игнатъев Энкелю, — не посылать запросов и т.п. Мне очень становится тяжело иметь дело с этим несчастным больным, но таким честным и хорошим человеком".

В 1913 г. начальником Генерального штаба было одобрено предложение "об организации собственной разведки Главного управления Генерального штаба в Австро-Венгрии на тех же основаниях, кои осуществлены в отношении разведки в Западной Германии и оказались на опыте целесообразными" [140].

Организацию, с которой был передан номер ликвидируемой агентурной организации в Японии — № 31 должен был возглавить отставной полковник Отдельного корпуса жандармов Михаил Фридрихович фон Котен. Ему предстояло выйти в отставку и поселиться в Швейцарии в качестве частного лица. Было принято решение "отнюдь не открывать настоящей фамилии, которая по прежней деятельности его достаточно известна за границей и неосторожное обращение с которой могло бы вызвать провал налаживающегося дела". Фон Котен (псевдоним "Виктор") прибыл во Францию в начале апреля 1914 г. Здесь ему были вручены Игнатьевым поступившие шифры и выписки из "Правил де-нежной отчетности".

Однако на этом роль Игнатъева в деле создания организации Викторова отнюдь не ограничилась. Уже 12 апреля 1914 г. в Париж на имя Викторова от делопроизводителя Особого делопроизводства Генштаба полковника Раша пришла шифротелеграмма: "Игнатьеву, для передачи Вам направляются два субъекта, один сотрудничал непосредственно с нами, другой — с полковником Занкевичем, бывшим военным агентом в Вене... Первый из них, как он сам себя рекомендовал, бывший австрийский офицер Rudolf Poljak... Нес службу по наблюдению в VI корпусе довольно усердно, но требует руководства. Ряд его сведений был весьма интересен и ценен. Сносился с нами и через Берн, и через Христианию, писал и непосредственно в СПб... Работал с нами с августа прошлого года (1913 г.), но за последнее время вдруг замолчал, а несколько дней тому назад неожиданно прислал телеграмму, где вызывает кого-нибудь из нас в Пресбург по делу особой важности".

сти... На это ему отвечено, что в Пресбург никто не поедет, а он сам пусть едет в Париж и явится к Игнатьеву, от которого получит дальнейшие указания...

Второй — несомненный бывший австрийский офицер Lionel Lewicky, побочный сын, как думает полковник Занкевич, нынешнего начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада... Не особенно ловкий, но усердный и редкой добросовестности работник...» [141].

В июне 1914 г. Рудольф Поляк был арестован в Австро-Венгрии по обвинению в шпионаже.

Деятельность агентурной организации № 31, находящейся в стадии формирования, была пресечена в августе 1914 г. швейцарскими властями арестом ее руководителя фон Котена по обвинению в шпионаже.

Накануне Первой мировой войны делались попытки привлечь к сотрудничеству с разведкой русских подданных не из числа коренных национальностей.

На Западе «*весьма подходящими на должность агентов могут быть жители прибалтийских губерний, как знающие немецкий язык, — считал штаб Виленского военного округа. — Из них местные жандармы предлагают бывших жандармов латышей*» [142].

Штабами дальневосточных военных округов в интересах разведки в мирное время использовались и русские подданные, представители национальностей пограничных государств, проживающих на территории Российской империи. В первую очередь это были корейцы и китайцы. Однако привлечение к сотрудничеству с разведкой лиц этой категории проходило не столь успешно как этого требовалось. В декабре 1909 г. ГУГШ, оценивая работу штаба Приамурского военного округа, вынуждено было констатировать, что «*агентурной сети в Маньчжурии штаб округа не имеет вовсе, несмотря на... наличие в пределах округа многочисленного китайского элемента...*» [143].

«В предвидении войны» с Турцией штабом Кавказского военного округа предусматривалось иметь на учете еще в мирное время до 20 офицеров, «*знающих турецкий язык и по своей внешности похожих на татар или турок*» [144]. Такие офицеры из числа «*наших кавказских мусульман различных национальностей проходили воинскую службу на Кавказе, в том числе и в таких национальных воинских формированиях как Осетинский конный дивизион, Дагестанский конный полк. Отобранных офицеров предполагалось подготавливать для деятельности по разведке*» «*теоретически — ежегодным командированием в Турцию на разведку в течение двух месяцев четырех офицеров из намеченных 20*».

Таким образом, создание института негласных агентов из числа русских подданных, в целом, и из числа негласных военных агентов, в частности, не получило своего должного развития и распространения.

2.3. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАГРАНИЧНЫХ КОМАНДИРОВОК С РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫМИ ЦЕЛЯМИ

Заграничные командировки в целях разведки производились как собственно Главным управлением Генерального штаба, так и штабами военных округов по согласованным с ГУГШ планам.

Командировки офицеров за границу с разведывательными целями предназначались для решения следующих задач:

— «*для сбора военно-географических и военно-статистических сведений в пограничных с нашими... военными округами районах соседних государств*» [145];

— для сбора сведений о вооруженных силах иностранных государств;

— «*для общего ознакомления с вероятными районами военных действий*»;

— «*для проверки добытых сведений*»;

— для проведения встреч с негласной агентурой и лицами, предлагающими услуги разведке;

— «*для исследования важнейших операционных направлений, реконструкция укреплённых пунктов, районов и линий железнодорожных дорог и пр.*» [146].

Командировки подразделялись на официальные и неофициальные (в том числе и секретные). К официальным относились командировки для знакомства с организацией службы в штабах и частях вооруженных сил иностранных государств, для участия в качестве наблюдателей на маневрах, для работы в международных комиссиях, для размещения и контроля за выполнением заказов в интересах военного министерства России, для ознакомительного посещения предприятий оборонной промышленности и т.п. Офицеры, направляемые в официальные командировки, собирали разведывательную информацию легальными путями — личным наблюдением и осведомлением, а также за счет приобретения различных «открытых» изданий по военным вопросам и топографических карт.

К числу таких командировок относились и заграничные командировки (сроком на один год) офицеров, окончивших первыми Академию Генерального штаба (премия имени генерала Лесра). В 1906 г. во Францию были направлены Генерального штаба капитаны — Игнатьев и Половцев, в разные годы первыми закончившие Академию. «Перед отъездом, — вспоминает А.А.Игнатьев, — офицеры были приняты начальником Генерального штаба Ф.Палицыным, который заявил, что одной из главных причин поражения России в ходе русско-японской войны является плохая организация связи». С учетом этого Игнатьеву и Половцеву была поставлена задача ознакомиться с имеющимися у французов средствами связи и сообщения в самом широком смысле слова: от радио и телеграфа — до почтовых голубей и по-

лицейских собак [147]. Поставленная задача была успешно выполнена вышеперечисленными офицерами.

Кроме командировок сроком на один год для лучших выпускников Академии Генерального штаба, офицерам ГУГШ и других главных управлений, а также офицерам из войск предоставлялись накануне Первой мировой войны командировки в союзную Францию. Эти командировки, опираясь на свидетельство Игнатьева, можно условно разделить на три категории:

- командировки на шесть месяцев в войска (стажировки);
- командировки на маневры и другие летние занятия;
- командировки, связанные с изучением специальных технических вопросов [148]. В течение 1912, 1913 и 1914 годов во Франции находилось в командировке соответственно 25, 31 и 20 русских офицеров.

В подавляющем большинстве случаев к числу командированных за границу с разведывательными целями относились офицеры Генерального штаба, Главного инженерного и Главного артиллерийского управлений военного министерства. Вопрос посещения оборонных предприятий иностранных государств русскими офицерами решался при содействии военных агентов через соответствующие Генеральные штабы.

В декабре 1910 г. военный агент в Берлине получил письмо из Особого делопроизводства, в котором, в частности говорилось: "ГУГШ просит оказать возможное содействие командируемому в Германию для ознакомления с новейшими усовершенствованиями техники делопроизводства артиллерийского комитета капитану Подтягину при осмотре им ниже перечисленных заводов в Германии:

- 1) завод Круппа в Эссене; 2) оптический завод Герца в Берлине; 3) военно-техническую академию в Шарлоттенбурге; 4) рейнский металлический завод в Дюссельдорфе" [149].
- Весьма серьезные и интересные для разведки объекты. Немечкая сторона, как правило, допускала на свои предприятия русских офицеров, по пристально следила за каждым их шагом. И любая неосторожность, вызванная некомпетентностью в вопросах разведки командируемых за границу, приводила к нежелательным эксцессам вплоть до арестов. Так, в 1912 г. в Германии по обвинению в шпионаже — проявил "излишнюю любознательность в отношении взрывателей к снарядам" — был арестован делопроизводитель артиллерийского комитета при Главном артиллерийском управлении капитан Костевич, знакомившийся с деятельностью германских предприятий соответствующего профиля. Костевич был не только арестован, но и осужден. Долго сидеть в тюрьме ему, однако, не пришлось. Костевич был обменен на такого же неудачника — германского поданного Дамма, осужденного за шпионаж в России. В обмене незадачливых "разведчиков" принимали участие российский император и германский кайзер, подписавшие акты о помиловании.

Костевич был выпущен и направились продолжать свою "научную" командировку во Францию. Высококвалифицированный специалист в области артиллерии, он продолжал упорно подходить к добычанию разведывательной информации. "Мне необходимо получить завтра же разрешение на осмотр военного арсенала в Бурже, а на понедельник — снаряжательной мастерской в Венсене. Кроме того организовать осмотр частных заводов. Собрать все секретные инструкции по снарядам, трубкам..." — потребовал по своему прибытию в Париж от военного агента так и не сделавший никаких выводов Костевич [150].

Характерно, что не всегда в полной мере использовались возможности прикомандирования русских офицеров к военным заводам, выполняющим заказы для вооруженных сил России. "До настоящего времени (сентябрь 1912 г.), — докладывал военный агент во Францию, — естественной связью с заводом «Шнейдер-Крезо» являлись наши артиллерийские офицеры — приемщики заказов, кои всегда были готовы поделиться своими сведениями с военным агентом; в декабре месяце они закончат свои работы, и вот почему я заранее озабочен дальнейшими отношениями с артиллерийскими заводами Франции. Японцы, сознавая важность этого вопроса, не покидают Крезо. Уже в продолжение 10 лет они дают для проформы мелкие заказы на 5—6 тысяч в год, но под этим предлогом содержат комиссию из 2—3 артиллерийских офицеров и браковщиков, наблюдающих попутно как за развитием техники, так и за выполнением заказов других держав" [151].

В ряде случаев, офицеры Генерального штаба с целью сбора разведывательной информации включались в состав различных комиссий и делегаций, направляемых за рубеж по официальной линии. При этом их принадлежность к военному ведомству всячески скрывалась. Так, в 1908 г. в Турцию по линии Министерства иностранных дел была направлена комиссия для исследования вопроса о строительстве железной дороги, в состав которой было включено несколько офицеров. Все они были одеты в форменное платье инженеров-путейцев и снабжены соответствующими документами [152].

К официальным командировкам за границу, в том числе и с разведывательными целями причислялись командировки для изучения и совершенствования знаний иностранных языков как западных, так и восточных. В отдельных случаях такие командировки приносили положительные результаты.

"При сем препровождаю отчет Генерального штаба капитана Плеханова о пребывании в пределах Австро-Венгрии с 19 апреля 1911 г. по 18 августа 1912 г., — адресовался 18 ноября 1912 г. генерал-квартирмейстер ГУГШ к начальнику штаба Варшавского военного округа. — Отчет этот, по моему мнению, составлен весьма интересно и заслуживает полного внимания и широкого ознакомления" [153]. Однако далеко не все

командируемых для изучения иностранных языков отличала подобная исполнительность. *"Прошу не отказать в распоряжении, — ходатайствовал перед начальником Генерального штаба в высочайшем документе генерал-квартирмейстер, — истребовать от капитана Тиличьева его заметки о пребывании в Австро-Венгрии". "При отправлении за границу я просил его представить мне отчет о всем виденном, но до сих пор он мне такового не представил", — разъяснил свою просьбу генерал-квартирмейстер. В 1907 г. было принято решение о направлении двух офицеров в Китай и Японию на двухлетний срок. Кандидаты должны были выбираться "из числа достойнейших, причем преимущественно даются офицерам, знающим английский язык или имеющим некоторые познания по китайскому и английскому языкам"* [154]. Предусматривалось, что во время пребывания за границей офицеры будут состоять на учете у военных агентов. Была предпринята безрезультатная попытка получить согласие японского и китайского правительств прикомандировать изучающих языки офицеров на второй год к войсковым частям "для прохождения в них службы".

На летнюю стажировку за границу выезжали и слушатели старших курсов Восточного института во Владивостоке, изучающие японский, китайский, монгольский, маньчжурский и корейский языки (всего до 40 человек) и слушатели среднего и младшего классов офицерского курса восточных языков при МИД (изучали арабский, персидский, турецкий и татарский языки). Командируемых за границу офицеров также пытались использовать "как для разведки, так и всестороннего изучения некоторых бытовых и др. вопросов", правда без особых результатов [155].

Средства, выделяемые на подготовку офицеров в знании иностранных языков в 1913 г. были увеличены с "5500 руб. (в 1912 г.) до 7900 руб., в предвидении командировок офицеров Генерального штаба в Турцию и Англию за счет сумм на разведку... и на случай дальнейшего увеличения числа офицеров-восточников, работающих по разведке" [156].

К неофициальным командировкам с разведывательными целями относились поездки за границу под видом отпуска — для лечения, посещения родственников, туристической поездки, на охоту и т.д. Более того, ГУГШ поставило вопрос о том, чтобы возвращающиеся после частной поездки за границу офицеры докладывали в разведывательные отделения штабов военных округов обо всем, что могло представить интерес.

28 октября (10 ноября) 1908 года начальник Генерального штаба направил начальникам штабов военных округов циркуляр следующего содержания: *"Важность наиболее широкой ориентировки относительно иностранных государств и особенно наших вероятных противников требует непрерывной их разведки всеми возможными средствами. Одним из таких средств может служить получение сведений находящимися за границей нашими офицерами; даже путешествующие час-*

тным образом по своим личным делам офицеры могут иногда совершенно случайно делать интересные наблюдения и получать крайне ценные сведения от местных военнослужащих, частных лиц". Циркуляром предписывалось выдать распоряжения, *"чтобы возвращающиеся из-за границы офицеры в целях принесения посильной пользы делу разведки все свои наиболее интересные сведения и наблюдения представляли в соответствующие штабы округа"* [157].

В ряде случаев направляемому в неофициальную командировку выдавался незаполненный бланк заграничного паспорта, в котором чаще всего он сам должен был сделать все необходимые отметки. В паспорте могла быть поставлена вымышленная фамилия. Однако рекомендовалось проставлять свою, если только она за границей неизвестна. Запрещалось вписывать воинское звание, указание гражданского звания — дворянин — было обязательно. В ходе секретных командировок офицеры действовали согласно Инструкциям, разработанным в разные годы штабами военных округов. Так, "Инструкция офицерам Генерального штаба, командируемым за границу для производства негласных, тайных разведок и рекогносцировок" (утверждена 13 июля (26 июля) 1911 года генерал-квартирмейстером штаба войск гвардии и Петроградского военного округа) содержала целый перечень *"частных указаний"*:

- *"в небольших селениях долго не задерживаться;*
- *не останавливаться в маленьких гостиницах и глухих частях города, выбирать гостиницы самые крупные и в самых бойких районах. Очень удобно останавливаться в гостиницах железнодорожных, находящихся близи станций...*
- *открыто не делать никаких чертежей или заметок...*
- *наиболее важные из добытых сведений, которые можно легко забыть, держать при себе неудобно, сейчас же отправлять по почте, по надежному адресу...*
- *прибегать к расспросам по возможности реже, особенно не владеющим местным языком...*
- *перед поездкой осмотреть все взятое с собой, чтобы не было нигде надписей фамилии, меток, штампов магазинов, записок, писем, карточек и т.п., обнаруживающих действительное звание"* [158].

Отправлению в командировку предшествовал инструктаж в 5 (Особом) делопроизводстве ГУГШ или в разведывательном отделении штабов военных округов. Однако он не всегда достигал своей цели.

28 февраля (12 марта) 1908 года департамент полиции довел до сведения начальника Генерального штаба, что *"в последнее время в пограничных местностях в Пруссии особое внимание прусский жандармский надзор обращал на прибывших туда русских офицеров, за которыми обязательно устанавливается наблюдение. Мера эта... применяется в настоящее время местными властями вследствие полученных сведений о*

прибытии будто бы в Пруссию русских офицеров Генерального штаба для производства военной разведки. Отчасти также усилению надзора за русскими офицерами содействовало еще и то обстоятельство, что чины нашей пограничной стражи во время своих отлучек в Пруссию слишком открыто занимаются съемкой и разведкой" [159].

Выражение "русская наглость" вошло в обиход в офицерских казино Германии. Начальник отделения IIIб (разведывательной службы германского Большого Генерального штаба) отмечал, — «два русских офицера по завершению учения по мобилизации въехали верхом в Германию в военной форме, проделали верхом большой маршрут, который им подлежало совершить в случае мобилизации по территории Германии" [160].

"Но еще больше взволновал немецких отцов-командиров случай, который произошел в 1911 году. — продолжал глава разведывательной службы. — Однажды русский военный агент запросил в прусском военном министерстве для подполковника Раша разрешение присутствовать на маневрах германской армии. Военное министерство дало согласие при условии, что на корпусные или дивизионные учения русских войск тоже будет допущен один прусский офицер. В ответ на это русский военный атташе отозвал свой запрос. Обоснование: Раша болен и не может приехать в Германию. Как удивились офицеры в военном министерстве, когда узнали, что Раша, якобы больной, под чужим именем выехал на территорию Империи, без разрешения осмотрел район маневров 23 дивизии в Парне и даже после его разоблачения немецкой полицией долгое время еще находился в качестве гостя русского военного агента" [161].

Как бы то ни было, подобные "экспессы" разрешались "бескровно", чаще всего без привлечения монархов и министров иностранных дел, а на уровне заграничных представительств России в Западной Европе. Отсюда еще одна рекомендация из уже цитируемой выше инструкции: в случае "пререканий с местной полицией настаивать на разборе дела в русской миссии".

В 1906 г. начальник Генерального штаба предписал начальникам штабов Приамурского и Иркутского военных округов следующее: "Необходимым дополнением к работе постоянных агентов на местах... должно служить командирование за границу офицеров под видом охотников, коммерческих агентов, частных путешественников и т.д., дело это в последствии можно довести до весьма широких размеров..." [162].

На военные округа, расположенные в Азиатской части России и на Дальнем Востоке, была предусмотрена следующая годичная квота на заграничные командировки с разведывательными целями: "от Приамурского военного округа не свыше 3—4 офицеров, от Иркутского военного округа 3—4 офицера, от Омского военного округа — 1—2 офицера, и от Туркестанского военного округа — 1—2 офицера" [163].

В краткосрочные командировки всех видов выезжали сотрудники центрального разведывательного аппарата ГУГШ и разведывательных отделений штабов военных округов. В 1911 году в Австро-Венгрию неофициально были направлены А.А.Самойло и капитан С.Л.Марков, в Германию — подполковник Н.Н.Раша (помощник делопроизводителя германского делопроизводства). Это были наиболее подготовленные для проведения негласных поездок офицеры. Марков и Самойло занимались разведкой против Австро-Венгрии последние шесть лет. Раша являлся опытным специалистом по германским вооруженным силам. В ходе таких командировок работники Центра, в первую очередь решали вопросы привлечения иностранцев к сотрудничеству с разведкой, а также руководства и связи с имеющейся негласной агентурой. "Заграничные командировки, — пишет в своих воспоминаниях бывший делопроизводитель австро-венгерского делопроизводства ГУГШ А.А.Самойло, — носили двоякий характер: одни вызывались официальными приглашениями соседних правительств (главным образом во Францию) на условиях взаимности, другие были негласными... даже по чужим паспортам [164].

Предлогом для посещения Германии для Самойло послужила поездка в качестве туриста по Рейну, в Англии он выдавал себя за историка, который пишет исследование о Марии Стюарт... В течение ежегодных поездок за границу офицер австро-венгерского делопроизводства ГУГШ проскакал через "почти все главные западноевропейские страны". Въезжая в страну по официальным документам в качестве командированного на учения иностранных армий либо "туриста", Самойло в ряде случаев продолжал поездку в Западной Европе уже по подложному паспорту. "Целью этих поездок были как непрерывно развивающиеся сношения с венскими знакомыми" (негласная агентура Самойло — примеч. авт.), из осторожности избегавшими часто встречаться на территории Австро-Венгрии, так и ознакомление с вероятными театрами военных действий, с устройством, оснащением, боевой подготовкой армий наших будущих союзников и, главное, наших вероятных противников" [165].

"В случае обнаружения подлога негласные командировки грозили, конечно, большими неприятностями не только для меня лично, — отмечал Самойло, — но и для наших министерств — военного и иностранных дел. Успех здесь зависел от моей предосторожности, предусмотрительности, ловкости".

Совсем иначе обстояло дело с неофициальными командировками (по сути секретными) в страны азиатского региона, карты которого, если и существовали, не поступали в "открытую" продажу.

Проведение рекогносцировки, граничащих с Россией азиатских государств, как следует из неопубликованных источников, требовало

тщательной предварительной проработки со стороны штабов, ее организующих, и было сопряжено с особым риском.

Так, штаб Туркестанского военного округа в 1909 г. пришел к заключению, что командированное для "производства глубокой разведки в Афганистане" должно "отличаться прекрасным знанием быта туземцев, знанием в совершенстве туземных языков, должно быть знакомом с обстановкой, при которой придется работать, а также быть смелым и решительным". При этом отмечалось, что малейшая оплошность со стороны командированного приведет "не только к расспросам и испытаниям, но и пыткам". В этой связи отмечалось, что из среды русских офицеров такого выбора сделать нельзя. Причины тому было несколько. Одна из них — среди русских офицеров нет человека, обладающего требуемым качеством и "при том подходящего по типу к туземцу". Другая — "в случае каких-либо подозрений со стороны афганцев, последние в состоянии узнать русского офицера по несовершенному над ним обряду обрезания". По мнению штаба округа, "выбор должен быть сделан скорее из туземных офицеров", причем наиболее подходящими для этой цели были признаны офицеры из татар. К числу таких лиц был отнесен 3 Туркестанского полка стрелкового батальона поручик Чанышев [166].

Рекогносцировку Афганистана предполагалось осуществить при прохождении страны командированным офицером в качестве паломника, совершающего хадж в Мекку. При этом, имеющиеся у штаба округа данные привели к выводу, что маршрут следования не должен начинаться с российско-афганской границы, совершенно закрытой для европейцев и "все более и более трудно проходимой и для туземцев Туркестанского края". "Совершенно по-другому обстоит дело возможности произвести глубокую разведку со стороны Кашгарии или Китайского Туркестана: на китайско-подданных туземцев афганские власти смотрят совершенно по-другому", — указывалось в докладе генерал-квартирмейстера штаба Туркестанского военного округа от 14 февраля 1909 г.

Чанышев брался произвести рекогносцировку ряда интересующих разведку районов Афганистана. Для этого он считал "необходимым превратиться в простого чернорабочего туземца и в таком виде пристроиться к партии паломников, которые двинутся нынешней весной в Мекку со стороны Кашгара через Афганистан". Командировка должна была начаться в конце июня и продлиться четыре месяца с возвращением из Мекки по тому же маршруту. По расчетам расходы на такую разведку составили бы от 2500 до 3000 рублей. Состоялась ли командировка Чанышева в Афганистан, установить не удалось.

В январе 1906 г. начальник штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант А.Е. Чурин высказывает здравую мысль на базе име-

ющихся у него данных. Он утверждает, что "результаты заграничных рекогносцировок офицеров Генерального штаба при наличии прекрасных карт Германии в масштабе 1/25000 далеко не соответствуют сопряженному с этими поездками риску" [167]. В этой связи Чурин полагал целесообразным прибегать к командировкам офицеров за границу "лишь для проверки добытых нашими тайными агентами важных сведений". Мысли, высказанные Чуриным, в определенной степени нашли закрепление в "Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов" 1912 г., где, в частности, отмечалось, что "весьма полезным источником в деле сбора и проверки сведений о вероятных противниках могут служить офицеры, командированные за границу, равно в некоторых случаях и гражданские лица" [168]. "Однако специальные командировки офицеров за границу, — указывалось в Основных положениях, — должны применяться лишь в мере крайней необходимости и с соблюдением особой осторожности и при том преимущественно:

- 1) на маневры иностранных войск;
- 2) для выполнения рекогносцировочных работ;
- 3) для проверки и сбора особо важных сведений, требующих особо специальных знаний".

Особое место среди командировок как официальных, так и неофициальных занимали поездки офицеров за границу на маневры иностранных армий.

К поездкам на маневры привлекались как офицеры ГУГШ, так и военных округов. Характерным являлось отсутствие каких бы то ни было упорядоченных планов подобных поездок. С одной стороны это объяснялось нерегулярным характером самих маневров. Действительно, сроки, места проведения, количество задействованных войск каждый раз менялось из года в год и от страны к стране.

Но даже учитывая все это, отсутствие предварительных планов командования офицеров на маневры иностранных армий являлось серьезным недостатком в работе военной разведки. Каждый раз формирование списков проводилось в спешке, "заинтересованные лица" — военные агенты, сами командированные — торопились с окончательным решением различные инстанции в Генеральном штабе, происходило согласование на самом высоком уровне, повторное согласование и т.д. При каждом изменении решения, о нем сообщали в соответствующую инстанцию и тут же в ответ поступали повторные запросы, на которые следовали решения — резолюции — ответы и т.д.

Кроме того шли постоянные дискуссии между различными офицерами разведки о форме подобных командировок, их принципиальной необходимости для разных уровней разведки и всей военной разведслужбы в целом.

Обычно толчком к подготовке списков офицеров, командируемых за границу, служил очередной доклад военного агента о предстоящих в "его стране" маневрах [169].

Обобщая данные различных военных агентов, разведывательное делопроизводство ГУГШ готовило доклад, в котором содержались все сведения о предполагаемых маневрах в Германии, Австро-Венгрии, Румынии, Японии, Китае, Англии, Франции, Швеции, Турции и т.п., а также предложения о порядке командирования на эти маневры офицеров Генерального штаба. В этом же докладе, либо отдельно, представлялись предложения по смете расходов, которые необходимы, по мнению разведывательной службы, на осуществление таких поездок.

Начальник Генерального штаба визирует доклад и в соответствии с его резолюцией и его именем отдавались распоряжения непосредственным исполнителям. Этот доклад являлся итоговым документом полугодовой подготовки командировок офицеров Генерального штаба за границу, подготовки скорее бюрократической, чем реальной.

Маневры армий вероятных противников (Германии и Австро-Венгрии) посещались российскими офицерами Генерального штаба в обязательном порядке. К таким поездкам привлекались офицеры всех уровней военной разведки: особого делопроизводства ГУГШ, окружных разведывательных отделений (Киевского, Варшавского и Виленского), а также российские генштабисты, командировавшиеся в Германию и Австро-Венгрию по любому другому поводу (изучение языка, отпуск и т.д.).

В ходе подготовки доклада "О командировании офицеров на маневры иностранных армий" разведывательное делопроизводство запрашивало военные округа *"предполагают ли они командировать офицеров Генерального штаба на немецкие и австрийские маневры... и в какое время"* [170]. Разведотделения военных округов высказывали свои пожелания, которые сразу включались в докладные записки начальнику Генерального штаба. Единственным отличием офицеров, командируемых ГУГШ, от офицеров, направляемых окружными разведотделениями было то, что последние *"должны будут поехать на маневры совершенно частным образом, под личную ответственность"* [171].

Это небольшое, но существенное отличие вытекало прежде всего из дипломатического протокола, которого придерживались стороны. На маневры обычно приглашались 1—2 представителя от иностранной державы. Одним из них автоматически становился военный агент. В лучшем случае можно было получить еще одно приглашение — и вторым официальным представителем становился офицер ГУГШ, сотрудник центрального разведывательного аппарата. Но как в Германию, так и в Австро-Венгрию высказывалось пожелание отправлять семь-восемь офицеров ежегодно с тем, чтобы приставить к

каждой дивизии германской или австрийской армии своего квалифицированного наблюдателя. Количество командированных на маневры росло год от года.

В 1907 году на маневры в Германию и Австро-Венгрию были направлены четыре офицера Генерального штаба: капитан фон Дрейер (Виленский военный округ), капитан А.А.Свечин, гвардии ротмистр С.Л.Марков (от ГУГШ) и А.А.Михельсон. В 1908 году вдвое больше: Генерального штаба полковники Г.Г.Гиссер (4 статистическое "германское" делопроизводство ГУГШ), Ефимов (Виленский военный округ), капитаны Д.Лебедев (Варшавский военный округ), Левитский *"находящийся в Касселе для изучения языка"*, полковник С.Н.Розанов (делопроизводитель 5 "австро-венгерского" статистического делопроизводства ГУГШ), капитан Плющевский-Плющик (помощник адъютанта Варшавского округа), полковник А.А.Самойло и подполковник Н.Н.Духонин (от Киевского округа) [172]. Наблюдался объяснимый резкий всплеск интереса русской разведки к вооруженным силам Германии и Австро-Венгрии. Обеспечить всех "командированных" официальными приглашениями (в том случае, если они поступали) было невозможно. Приходилось отправляться в Германию "частным образом". В свою очередь поездки "частным образом" также различались по степени "легальности".

ГУГШ всегда предпочитало осведомиться через военных агентов, возможно ли *"командирование офицеров в штатском платье (под видом корреспондентов военных газет)"*. И военные агенты в Германии, Австро-Венгрии исправно регистрировали негативную реакцию австро-германских военных. В общем, и хотелось бы заниматься разведкой легально, но неприятель не позволял; и рады бы оповестить Генеральный штаб Германии и Австро-Венгрии о присутствии "лишних" офицеров на маневрах, но... Поэтому они сходили под видом "корреспондентов", "саратовских помещиков на отдыхе", но уже не ставя в известность противоположную сторону.

В июне 1908 г. А.А.Михельсон сообщил из Берлина, что *"начальник военной канцелярии Императора (Германии)... соизволил разрешить мне присутствовать на маневрах между Мецем и Страсбургом 26, 27 и 28 августа"*. И тут же он возбудил ходатайство о допуске на маневры 5 офицеров, *"предоставив право прусскому правительству решить вопрос о форме, в какой они могут быть допущены, т.е.: в мундире — официально, либо в штатском — неофициально"* [173]. *"Прежде нежели посылать эту бумагу, — докладывал в ГУГШ военный агент в Берлине, — я имел разговор в Большом Генеральном штабе с подполковником Борзе и в военном министерстве с генералом Ваксом. Надеюсь получить разрешение. (К слову, Борзе получил по моему ходатайству за маневры 1906 года орден Св.Станислава 2 степени.)"*

На тот случай, если бы разрешение официально дано не было, я заручился согласием Борзе игнорировать их присутствие на маневрах в качестве *Schlachthilf* (полевых наблюдателей). О части из них корректности ради следует сообщить ему, а о других можно было бы и не сообщать... Полагалось бы в последнем случае, т. е. если разрешение не будет получено, не ограничиваться 5, а можно послать и больше; желательно было бы послать семь; по одному на каждые из 6 дивизий и одного для связи... На эти маневры хочу лично поехать с Базаровым. Но мы оба официально здесь. Поэтому желательно командировать на эти маневры несколько офицеров из Виленского и Варшавского военных округов. Если они будут осторожно записывать, то даже если их узнают, едва ли их постигнут большие неприятности. Об официальном командировании советую ходатайство не возбуждать, ибо наверно последует отказ".

Конкретные кандидатуры неофициально командировавшихся на маневры от пограничных военных округов определялись в окружных разведывательных отделениях. "От Виленского военного округа предполагается направить на маневры Ефимова и Левитского, как отбывших годичное командирование в Кассель, а потому более опытных в деле наблюдения за немецкими войсками", — докладывали в 1908 г. из окружного штаба в ГУГШ [174]. Командировка в Кассель представляла собой традиционную для офицеров Генерального штаба "поездку для изучения языка".

Происходило разделение обязанностей между разведывательным делопроизводством ГУГШ и разведывательными отделениями военных округов. Периферийные органы разведки отправляли своих офицеров в неофициальные командировки под прикрытием. Этим командированным меняли паспорта, фамилии и т. д. Так, из Виленского округа доложили в ГУГШ, что "фамилия капитана Левитского, командированного под видом туриста за границу, и состоящего на службе в разведотделе, безусловно известна прусским властям, поэтому он прописан помещиком Ленским" [175].

Внимание российской разведки к Австро-Венгрии и Германии ощутимо росло. На маневрах армий этих государств была достигнута к 1908 г. максимальная концентрация офицеров разведки. По итогам каждой поездки "командированные" составляли отчет по исходной форме. Подобные материалы служили основой для работы аналитических делопроизводств ГУГШ. Наиболее удачные из них распространялись в войсках (штабах округов, соединений) в виде специальных изданий о зарубежных армиях.

О необходимости командирования все большего количества офицеров Генерального штаба на немецкие маневры убедительно писал в следующем, 1909 г. окружной Генерал-квартирмейстер Штаба Виленского военного округа В. Е. Борисов: "...Широкое развитие и возможно прочное установление такой сети нашей тайной агентуры в Восточной Пруссии, которая с успехом могла бы выполнять все функции, предстоящие ей

в военное время деятельности, заключающиеся в тщательном наблюдении за жизнью и деятельностью неприятельской армии (ее передвижением, состоянием духа, дисциплины, организации тыла) и в посылках толковых донесений о всем замеченном, требует и соответствующей подготовки тайных агентов еще в мирное время к тому, что им придется выполнять в военное.

С этой целью на предстоящие маневры в Восточной Пруссии штаб округа предполагает командировать не только возможно большее число офицеров Генерального штаба, но и дать практику некоторым тайным агентам в выполнении вышеуказанных для них задач. (Пропустить организацию наблюдения за каждой дивизией) [176] Генерал-квартирмейстер, как должностное лицо, официально отвечавшее за организацию разведывательной службы в своем округе, достаточно прямо говорил о том, что основной целью поездки было не столько наблюдение за маневрами, а скорее обучение и подготовка негласных агентов офицерами разведки к действиям в предвоенный период и в военное время.

Вновь, в 1909 г., по примеру предыдущих лет были намечены офицеры из ГУГШ, окружных разведывательных отделений. Обращает на себя внимание тот факт, что в это время в Касселе уже находились подполковник Рябиков и капитан Чернавин. Во время отправки Рябикова в Германию "для изучения языка", специально оговаривалось, что он должен быть готов к этим маневрам.

Предполагалось, что Рябиков и Чернавин посетят немецкие маневры неофициально. Всего в 1909 году в Германии должны были собраться — по два представителя от Варшавского, Виленского округов и ГУГШ, два офицера, уже находившиеся в Касселе, Базаров, член комиссии "по проверке границ Германии и России" и военный агент в Берлине Михельсон, а кроме них еще и военные агенты в Скандинавии — подполковник граф А. А. Игнатьев и в Швейцарии — подполковник Д. И. Ромей-Гурко. Причем, последний однозначно говорил о том, что "командирование это необходимо мне ввиду желания начальника Генерального штаба, чтобы я главным образом направлял свою деятельность в сторону Германии и Австро-Венгрии, что возможно мне лишь при основательном знакомстве с этими армиями" [177]. Туда же, в Германию, планировал поехать и представитель генерал-инспектора кавалерии полковник Генерального штаба барон Дистрело. В общем планы на 1909 год были грандиозные.

Но необходимость посетить Германию летом появилась не только у офицеров разведки. 11 апреля 1909 г. сенатор, военный инженер, генерал-лейтенант фон Вендрих обратился с ходатайством о командировании его в Германию. Так как престарелый сенатор все же являлся военным инженером, то обращение свое он направлял через Министерство путей сообщений. Основанием служила необходимость "наблюдать за работой железных дорог при перевозке больших масс войск". МПС обра-

тилось с ходатайством в ГУГШ, и, по представлению последнего, 14 апреля 1909 года последовало "высочайшее соизволение". Однако поездка лица такого уровня требовала не только соизволения государя-императора, но и официального приглашения от немецких властей, так как ни о каком "негласном командировании" сенатора речи быть не могло.

"Раз уж такой случай представляется..." — рассудили в разведывательном делопроизводстве ГУГШ, и прибавили к официальному ходатайству еще одного человека — Генерального штаба полковника Н.А. Монкевича, будущего руководителя всей службы российской военной разведки.

В своем докладе, поданом на имя государя-императора, Вендрих уже более широко ставил себе задачи. Его большой 5-страничный доклад оканчивается резюме: "Если Его Величество признает поручить мне присутствовать на предстоящих маневрах германской армии, то представится возможность выяснить, насколько Германская империя подготавливается упорно и неуклонно, для решения стратегических задач, не обременяя своего бюджета, а затем осуществить в России новую реорганизацию средств обороны без ломки существующих учреждений, испытав предварительно таковую уже на деле, при маневрах в России" [178]. После такого многообещающего доклада высочайшее согласие не могло не последовать.

Однако Михельсон предупредил из Берлина, что "германское правительство согласно допустить Монкевича и Вендриха на маневры на условиях взаимности, то есть что один генерал и полковник прусской службы будут допущены на маневры русской армии в один из округов, кроме Санкт-Петербургского" [179].

Для Вендриха в этом не было никаких затруднений. Из своего прусского поместья он написал еще пару докладов Его Величеству, и вновь получил "соизволение". Пытаясь аргументировать свою поездку, сенатор писал: "Принимая во внимание, что германское правительство вполне осведомлено о всех наших сильных и слабых сторонах, о чем я буду иметь счастье докладывать Вашему Величеству, командировка в Россию не должна служить препятствием нашим военным властям" [180].

Однако в Генеральном штабе считали по-другому. Военный агент в Берлине Михельсон доносил, что "вообще едва ли выгоден такой двойной обмен, может получиться недоразумение..." Тем не менее, видимо, не желая противоречить желаниям Генерального штаба, какими бы они не были, он направил обстоятельный доклад с кучей советов, как необходимо принять этих представителей Большого Генерального штаба, чтобы они увидели как можно меньше, а отдохнули в России как можно лучше [181].

Собственно, в Санкт-Петербурге, в ГУГШ имели на счет таких гостей вполне определенное мнение. Тем временем Михельсон выяснил, кто именно будет направлен на маневры русской армии, а в конце июня отослал обстоятельный доклад с подробной характеристикой выбран-

ных для этой поездки лиц: "Надо сказать, что выбор этот сделан так, что указывает на ту чрезвычайную важность, которую немцы придают этой поездке — генерал-майор Гюндель будет, вероятно, в случае войны, начальником штаба армий, оперирующих против России... Он говорит по-русски, хотя и не очень бегло... Полковник Лауэнштайн личность у нас хорошо известная. Он долгое время был у нас военным агентом в Петербурге, а затем сделал в штабе генерала Куропаткина Маньчжурский поход русско-японской войны. Я о нем писал несколько раз. Это человек умный, спокойный, честолюбивый, хитрый, ловко принаравливается к своему собеседнику, чтобы разузнать у него побольше. Сам проговаривается очень редко, ловко и быстро понимая замаскированный смысл поставленного ему вопроса. Говорит очень хорошо по-русски... Он пользуется очень большой милостью и доверием императора" [182]. Это самая блестящая характеристика, которую мог дать разведчик своему коллеге-противнику. Михельсон хорошо понимал, какими вопросами задаются сейчас немцы: "Что представляет из себя теперь русская армия? Оправилась ли она после войны (русско-японской) и в какой степени? Чему она научилась и от каких отрицательных сторон успела избавиться?" [183]

Собственно, такая постановка вопросов, как и то, "какое значение будут иметь ответы на эти вопросы с точки зрения военно-политического отношения к Германии" была понятна всем. Обеспокоенность разведывательного делопроизводства тем, чему невольным инициатором они сами стали, вылилось в новый доклад на имя начальника Генерального штаба. 22 июня, т.е. до прихода последнего разъяснения Михельсона, Монкевиц доложил: "Приглашение на наши маневры офицеров германской армии признается ныне нежелательным, так как в настоящее время армия находится накануне реорганизации и снабжения ее новейшими техническими средствами, в отношении последних сильно уступает армиям первоклассных западно-европейских государств" [184]. Доклад еще раз ставил перед начальником Генерального штаба вопрос — как относиться к обмену командированными. Последний наложил резолюцию: "К докладу".

Заместитель делопроизводителя разведывательного делопроизводства ГУГШ подполковник Генерального штаба О.К. Энкель подготовил доклад на имя Николая II (т.к. окончательное решение должен был принять лично император), за подписью военного министра, в котором говорилось еще более однозначно: "При указанных условиях допущение поименованных германских офицеров на маневры наших войск в настоящее время — накануне крупных реорганизационных мер, находящихся еще в период значительной отсталости в техническом отношении, — представляется не только нежелательным, но и опасным. Нет никакого сомнения в том, что впечатления, вынесенные о войсках Московского военного округа, будут немедленно обобщены по отношению ко всей нашей

армии, и что оценка последней, как политический фактор, способна в ходе грядущих событий отозваться крайне неблагоприятно на наших государственных интересах... Ввиду изменившихся обстоятельств признано было необходимым отказаться от командирования наших офицеров на началах взаимности на германские маневры" [185].

На следующий день — 29 июня — было получено "высочайшее соизволение" отклонить приглашение германских офицеров на наши маневры [186]. Допускать немцев к себе Генеральный штаб не намеревался. Конечно, иностранные военные агенты постоянно находились в Санкт-Петербургском военном округе, присутствовали на маневрах в Царском Селе. Но гвардейские полки и образцово-показательный столичный военный округ весьма отличались от остальной российской армии. Иллюзий на этот счет у военного руководства России не существовало. Показательно, что российский Генеральный штаб опасался больше показать слабость своей армии, чем выдать какие-либо секреты. Генеральный штаб не хотел предоставлять вероятному противнику лишнюю возможность для оценки состояния российской армии, что могло стать причиной для изменения германской политики по отношению к России. Поэтому ГУГШ не собиралось принимать квалифицированных немецких наблюдателей на маневры российской армии вне столичных гарнизонов даже "на условиях взаимности".

Получив "высочайшее соизволение" в 1909 году не допускать немцев дальше Санкт-Петербурга, разведывательное делопроизводство начало действовать. МИД и военному агенту в Берлине было сообщено, что взаимное командирование на маневры не состоится. В тот же день об отмене поездок сообщалось в пограничные округа, Рябикову, Базарову и др. [187]. Изменения планов ГУГШ были настолько резкими и неожиданными, что телеграммы разведывательного делопроизводства обогнали его же переписку с округами. Так, уже после 29 июня, в Виленский округ пришло письмо, подтверждавшее перевод денег на командировки офицеров разведотделений в Германию. И "с мест" продолжали поступать повторные запросы: "запрещено ли командирование неофициально", "официально", "офицеров, изучающих язык" и т.д. ГУГШ вновь и вновь "свежно" и "секретно" подтверждало: "никого в Германию командировать не будем". Виленский округ никак не мог смириться с крушением своих грандиозных замыслов, и 17 августа Монкевиц в третий раз телеграфировал Борисову: "никто даже неофициально в Германию командирован не будет" [188].

Руководителям разведотделений и Михельсону разъяснили, что "причина — наш отказ, принять германских офицеров". Михельсону также было приказано довести до сведения немецких властей версию о том, что в Московском округе маневры переведены из разряда "больших" в разряд "домашних" и в связи со снижением статуса иностранные пред-

ставители на них не приглашаются. Интересно, что примерно такая же официальная версия была доведена и до сенатора Вендриха.

Чтобы придать отказу видимость правдоподобия, московские маневры действительно были переименованы в "домашние", то есть с формальной точки зрения понижены в статусе. Генерал-квартирмейстер Ю. Данилов предупредил начальника Штаба Московского военного округа Ф. М. Вебеля, что "отклонение носит нелегальный характер..." и просил проследить за тем, чтобы "в печати не появилось известий о предстоящих в Московском военном округе маневрах" [189]. "Во всяком случае официальных сообщений не должно появляться даже в "Русском инвалиде", — подчеркивал генерал-квартирмейстер.

Московские маневры 1909 года все же состоялись и прошли в том же составе, что и планировалось ранее. Маневры в 1909 г. прошли и во всех остальных европейских округах [190]. Причем в Варшавском, Виленском и Киевском округах они по количеству привлекаемых войск вполне могли быть сравнимы с Большими маневрами в Германии, к тому же в Одесском округе проигрывалось проведение десантной операции на Крымский полуостров и, соответственно, ее отражение. Вопросы о посещении германскими гостями этих мероприятий даже не возникло.

В Генеральном штабе были озабочены сглаживанием возможных отношений с Германией. Михельсон, сообщив о том, что все приглашения аннулированы, спешил успокоить Монкевица: "В данном случае немцы сами облегчили нам это дело своим некорректным запаздыванием с передачей нам официального приглашения". Фактически германским представителям отказали в приглашении за полтора до того, как в российское посольство поступило официальное приглашение от них. Михельсон по своей инициативе смягчил формулировку дипломатической ноты, где писал о "домашних маневрах, на которые иностранцев не приглашают, как не представляющих для них интерес". Он пояснил, что не хотел давать немцам повод, ссылаясь на эти возражения, "не допустить меня на свои домашние учения". Для военного агента России любые немецкие маневры "домашние" или "семейные" во внутреннем дворе Сан-Суси всегда будут интересны. Кроме того, Михельсон подав идею, как можно еще рассматривать отказ: "У немцев появилась мысль, что мы вздумали наказать их за слишком некорректную задержку приглашения. Я это не подтвердил, но то, что они так думают — не вредно" [191].

Казалось бы, вопрос исчерпан. Все успокоилось, даже Виленский округ и генерал-лейтенант Вендрих. Немцам еще и намекнули, чтобы в следующий раз поживее решали вопросы с приглашением наших офицеров. Но история получила неожиданное продолжение.

7 сентября 1909 года военному министру поступил запрос от Командующего Императорской Главной квартирой, министра двора генерал-адъютанта Фредерикса. Из него следовало, что "Император Гер-

мании поднимает вопрос о тяжелом впечатлении, произведенном на него недопущением генерала Гюнделя и флигель-адъютанта полковника фон Лауэнштайна на московские маневры, каковы, по полученным им сведениям, состоялись, между тем как ему было объяснено, что маневров не будет". Фредерикс просил отчета по московским маневрам и по причинам отказа [192].

Неисповедимыми путями ходит информация по миру. К ответу разведку почему-то призвал не МИД, у которого Германия в первую очередь должна была запросить данные по этому вопросу; не военный агент в Берлине, которому полагалось бы знать о "тяжелом впечатлении произведенном...", а барон Фредерикс, "человек из круга императора Николая", по отзывам Извольского. Министр иностранных дел был весьма корректен в определении политической ориентации Фредерикса. Другие просто называли этот круг "потсдамской кликой".

Разведывательному делопроизводству пришлось писать новый "объяснительный" доклад на высочайшее имя, вновь описывать все этапы этой истории с немецкими маневрами 1909 года, вплоть до формального обоснования отказа и истинных его причин. На докладе рукой Николая было помечено: "Пошлите для сведения командующему Главной квартирой". Послали в Ливадия [193].

А на германских маневрах 1909 года присутствовал один А.А. Михельсон. Чтобы не раздражать немцев, больше не было направлено никого. В то же лето в Московском военном округе были задержаны "по подозрению в шпионаже" два немецких офицера генерального штаба, проводивших свой отпуск в России [194]. В дальнейшем ГУГШ никогда больше даже не планировало подобного сосредоточения разведчиков в одном месте, в одно время. Разведывательное делопроизводство настаивало теперь непременно на добровольности поездок офицеров Генерального штаба на маневры и вопрос командирования оставляло на усмотрение военных округов.

Само отношение к поездкам на маневры в ГУГШ, видимо, изменилось. Теперь на них возлагалось не так много надежд, как ранее. Способствовала этому, в числе прочего, и полемика с окружными разведывательными отделениями по поводу иностранных маневров и различных аспектов командирования на них офицеров Генерального штаба.

Со своим особым мнением выступило разведотделение Киевского военного округа. Этот разведорган вместе с варшавским разведывательным отделением работал по австро-венгерскому направлению. Начальник киевского разведывательного отделения полковник А.А. Самойло, конечно, не отказывался поучаствовать в маневрах австро-венгерской армии, но имел, как было уже указано, свое мнение на этот счет. Самойло высказывал сомнение в том, что наблюдение за маневрами австро-венгерской армии даст какие-либо существенные результаты из-за стро-

гого контроля со стороны австрийских властей за всеми русскими офицерами в этой стране [195].

Ко мнению окружных разведывательных отделений в ГУГШ прислушивались. Вообще создается такое впечатление, что отношения между окружными разведотделениями и разведывательным делопроизводством ГУГШ строились на основе полного согласия. Центр без какого-либо недоброжелательства выслушивал предложения "снизу" и практически всегда следовал им. Критические замечания опытных офицеров принимались если не с благодарностью, то почти всегда с большим вниманием и не оставались под сукном. Этому способствовали, по-видимому, и личные отношения между офицерами разведывательных подразделений, о чем свидетельствовала служебная переписка, где обсуждение профессиональных проблем перемешивалось с "приветами супруге", общими воспоминаниями и т.п.

Послание Самойло было тут же поддержано, о чем Монкевиц телеграфировал в штаб киевского округа: "Командировать, и только в Австро-Венгрию, следует только тех, кто изъявит желание совершить эту поездку совершенно частным образом". В 1908 году "изъявили желание" сам А.А. Самойло и штаб-офицер для поручений полковник Н.Н. Духонин. От Варшавского округа был командирован Площевский-Плющик. От ГУГШ намеревался отправиться на маневры в Австро-Венгрию полковник С.Н. Розанов — офицер отдела 2 обер-квартирмейстера, занимавшийся анализом разведывательных сведений по дуединой монархии в 6 статистическом делопроизводстве. О поездке последнего военного агента в Вене полковник Н.К. Марченко запросил по официальным каналам. "На запрос министра о служебном положении полковника Розанова я ответил, что он состоит в распоряжении начальника Генерального штаба" [196]. Император Австро-Венгрии просьбу Розанова отклонил. Австрийский Генеральный штаб так же не приветствовал официальное присутствие офицеров русской разведки в своих войсках. Разведывательное делопроизводство продолжает посылать своих людей "частным образом".

В 1909 году ситуация повторилась, причем ГУГШ даже не пыталось запросить Вену по поводу официальных поездок, оно слишком было занято германскими делами. Киевскому и Варшавскому округам Монкевиц рекомендовал командировать "одного офицера по выбору начальника штаба округа", т.е. решение вновь оставалось на усмотрение местного руководства. От Варшавского округа в Австро-Венгрию поехал капитан Д.К. Лебедев. Его поездка поставила перед начальником ГУГШ еще раз вопрос организации подобных командировок.

В сентябре 1909 г. Н.К. Марченко прислал из Вены доклад, в котором отдавал должное подготовке и личным качествам Лебедева: "блестяще говорит по-немецки, имеет типичную внешность венца, энергичен, талан-

тлив, тактичен и способен". Но это единственное, за что военный агент в Вене счел возможным похвалить штаб Варшавского военного округа, который эту поездку организовал. Марченко считал, что все прекрасные возможности, которые были даны Лебедеву в этой поездке, были зачеркнуты тем, что в своем паспорте тот был "поименован полностью со всеми его чинами, званием и положением и лишь по личному почину он заявил о себе, как о военном корреспонденте". Он оказался в непосредственной близости от императорской штаб-квартиры (полсвому штабу), и хотя там его все "принимали за частного сыщика, охраняющего особу Императора" (видимо, несмотря на "типичную внешность веща", что-то такое было в облике капитана Лебедева), не смог воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Будь на паспорте надпись "помещик Лебедев", положение его было бы свободнее [197]. Доклад Марченко, в сущности, являлся серьезным обвинением разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа в пренебрежении своими служебными обязанностями или, по крайней мере, в некомпетентности.

Начальник штаба Варшавского военного округа Н. Клоев вступил за подписанное ему разведотделение и пояснил, что "последние 4—5 лет все командированные штабом округа за границу с целью тайной разведки, снабжались паспортами, в которых указывался их чин, без указания должности и рода службы. В паспорте капитана Лебедева было написано, что он «капитан» и не упоминалось, что он офицер Генерального штаба... Что касается снабжения командированных за границу офицеров корреспондентским билетом, то этот способ практикует штаб округа не первый год, например, подобным удостоверением были снабжены в прошлом (1908) году подполковник Плюцковский-Плюцкий и в этом — капитан Лебедев" [198].

Опровергая ряд обвинений, выдвинутых против Варшавского округа Марченко, Клоев гораздо больше места уделил вопросу о целесообразности вообще что-либо менять в паспортах, т.е. использовать различные виды прикрытия для неофициальных командировок. И главным основанием для такого мнения начальника штаба служили "моральная и нравственная ответственность за командированных за границу офицеров". Постановка вопроса о моральной ответственности за своих офицеров, командируемых за границу, вообще довольно характерна для отношений в русской разведке того времени. Во многом именно соображения "нравственной ответственности" заставляли разведывательное делопроизводство ГУГШ командировать своих офицеров только официальным образом. Это устраивало для них опасность возможных осложнений.

Вопрос о прикрытии для поездок за границу был поставлен довольно остро. Генерал-лейтенант Клоев поддерживал мнение той части офицеров Генерального штаба, которые считали, что необходимо в разведывательной деятельности использовать максимум легальных возможностей, и в наименьшей степени пользоваться нелегальными. Такое мнение бытовало, и выражалось подчас очень отчетливо. Этот теоретически важный для военной разведки вопрос так и не был решен окончательно. В каждом конкретном случае принималось отдельное решение.

В следующем 1910 году с самого начала подготовки к маневрам в Германии и Австро-Венгрии разведывательное делопроизводство ГУГШ предложило окружным разведотделениям "командировать офицеров под свою ответственность, соблюдать полную осторожность деятельности, чтобы в случае каких-либо недоразумений за границей они не были скомпрометированы наличием у них каких-либо документов, планов, заметок о маневрах и т.д." [199].

Монкевиц по-прежнему заинтересованно относился к маневрам иностранных армий. Для себя, в личной памятной записке он отметил о "выдающемся значении маневров Германии и Австро-Венгрии, которые будут проходить близ наших границ, с применением многочисленной новой техники. Необходимо заблаговременно подготовить соответствующие указания для командированных офицеров от Киевского, Варшавского, Виленского в.о. и 2 офицеров от Генерального штаба" [200].

В командировки были отправлены: от Виленского округа — капитан Чернавин в Германию и В.Н. Дрейер в Австро-Венгрию; от Варшавского — Д. Лебедев в Австро-Венгрию и капитан Сегеркранц — в Германию. От ГУГШ в Германию был командирован подполковник В.В. Водар — офицер "германского делопроизводства" части 2 обер-квартирмейстера. Статистическая часть вновь заявила о необходимости практического знакомства ее офицеров с иностранными армиями. Ходатайство второго обер-квартирмейстера генерал-майора Миллера удовлетворено, и кроме В.В. Водара в "свои страны" отправляются С.Н. Потонский и Ф.Б. Булгарин (Австро-Венгрия, Франция — соответственно).

Киевский военный округ в 1910 г. вместо того, чтобы посылать своих офицеров на иностранные маневры, вновь высказал свое особое мнение на счет таких поездок. Сменивший А.А. Самойло на посту начальника разведотделения, полковник Галкин доносил, что "командирование на маневры представляется крайне нежелательным". Он привел в обоснование данного тезиса два довода. "Во-первых, русских офицеров в Австрии задерживают и притом без всяких на то причин", а во-вторых, при неофициальном командировании слишком мало шансов собрать необходимую информацию из-за "широко организованной в Австрии контрразведки".

Впрочем, Галкин не утверждал, что за маневрами вовсе не нужно наблюдать. Он просто отмечал, что есть и другие, более безопасные способы, чем отправка туда кадровых офицеров разведки. "По примеру прошлого года, — писал он, — об австрийских маневрах заблаговременно появились сведения в прессе и притом весьма обстоятельные. Кроме того,

хотя и с запозданием, но были отпечатаны подробные отчеты в иностранной печати с подробной критической оценкой деятельности обеих сторон. В итоге весь этот материал дал полную возможность ознакомиться с австрийскими маневрами прошлого года".

Разведывательное отделение Киевского округа не просто теоретически обосновывало свое нежелание участвовать в командировках на иностранные маневры. Галкин опирался на реальное знание обстановки в Австро-Венгрии и свои там оперативные возможности. "Один из надежных агентов штаба округа обязался доставить поздней осенью копию с отчета о маневрах из бюро генерального штаба в Вене. Другой агент сообщал, что на австрийские маневры ожидается около 30 иностранных офицеров (тайных агентов), ввиду чего ныне уже принимаются меры, дабы не допустить наблюдения" [201].

Это замечание Галкина интересно тем, что оно еще раз подтверждало наличие у окружной разведки хорошо информированных агентов в военных кругах Вены. Один из них, как следует из доклада Галкина, имел доступ к документам "бюро генерального штаба" австрийской армии.

Из остальных округов "командированные" на маневры были направлены. И тут же в Германии был задержан капитан фон Дрейер. 28 августа его арестовали на железнодорожном вокзале города Эльбген. Судя по действиям сыскающей полиции, те знали, кого они задерживают и, по-видимому, некоторое время вели наблюдение за неудачливым капитаном генерального штаба. Его обвинили в том, что он скрывает свое истинное звание. Хотя в гостинице Дрейер первоначально был зарегистрирован как "учитель из Вильны", но потом сам лично вписал в формуляр "hauptman" (капитан). Это дало ему возможность оправдаться перед допрашивающими его чинами немецкой полиции. Ему припомнили 1906 год, когда его подобным же образом задержали в Тильзее. Но Дрейер отговорился, мол, то было недоразумение, его задержали по ошибке за неправильный переход полотна железной дороги [202]. После многочасового беседы-допроса, Дрейер, у которого не было обнаружено при себе каких бы то ни было компрометирующих материалов, был отпущен. Официального ареста не последовало. Совмещение звания капитана генерального штаба и "должность учителя коммерческого училища в Вильне" Дрейер объяснил тем, что "и в Германии в военных училищах преподают офицеры генштаба". Все его объяснения, разумеется, были шиты белыми нитками. (История задержания и остроумное поведение во время беседы с немецкими полицейскими знакомы нам в его собственном изложении — примеч. авт.) Немцы прекрасно понимали, с кем они общаются, и Дрейер вполне ориентировался в этом.

Сам факт задержания русского офицера в Германии был очень неприятен для российской разведки. Из хода беседы Дрейера и "советника тайной немецкой полиции" стало ясно, что она была осведомлена обо всех,

кто присутствовал на маневрах. Более того, сам Дрейер совершенно напрасно упомянул на допросе о капитане Чернавине. "Я переехал границу в Александровке вместе с капитаном Чернавиным... Капитан Чернавин уехал в Берлин", — было запротоколировано немецкой полицией.

Интересно, что Чернавин предварительно тоже должен был присутствовать на маневрах. Но он направлялся в Берлин, по-видимому, с иными целями. Добавим, что вернулся он без происшествий. Об этом свидетельствует комментарий к докладу фон Дрейера, который был представлен Штабом Виленского округа. Либо он вернулся раньше, чем Дрейер успел доложить о нем тайной полиции, либо она не смогла найти его в Берлине, либо не захотела (что тоже возможно). Возможно, поездка Чернавина прошла без инцидентов еще и потому, что он ехал "полностью неофициально" по документам "акмолинского помещика" [203].

В любом случае задержание фон Дрейера болезненно отозвалось на всех уровнях русской разведки. Сам Дрейер не только составил бодрый рапорт, в котором пытался выглядеть хладнокровным героем, но и дал ряд советов, как то:

— направлять в Германию "полностью неофициально только безупречно знающих немецкий язык, знакомых со страной, обычаями и т.д. (т.е. сам Дрейер таковым не был);

— не иметь при себе записей и чертежей;

— офицерам Генерального штаба самостоятельно решать, с какими документами отправляться в поездки».

Впрочем, некоторые выводы настолько очевидны, что вызвали еще и ремарки Герингросса (нового начальника Генерального штаба): "Могли бы и сами догадаться..." Реакцию также вызвало сообщение о встрече фон Дрейера и Водара в кафе города Эльбген. Михельсон, узнав об этом, отреагировал мгновенно — посоветовал не показываться вместе, так как "оба действовали нелегально".

Н.А.Монкевич не мог ограничиться одной сдкой репликой. В ноябре 1910 года подготовлен "отпуск" — циркуляр по всем округам. Документ этот подвел определенные итоги разведывательной деятельности за прошлые годы и еще раз подчеркивал необходимость серьезного подхода к вопросу командирования офицеров за границу: "Процессы по шпионским делам последнего времени ясно показывали, насколько внимательно наши соседи следят за всеми приезжающими иностранцами, особенно офицерами. Таким образом, сбор различных военных сведений в настоящее время затруднялся еще более, а поэтому подбор лиц, командируемых за границу, должен проводиться особенно тщательно. В такой же мере внимательно следовало избирать и офицеров, командируемых на маневры иностранных армий. Для пользы дела и для избежания подозрительности со стороны представителей той страны, на маневры которой командировался офицер, совершенно нежелательно командировать

тех офицеров Генерального штаба, которые уже были раз задержаны по подозрению в производстве разведок" [204].

Данный "отпуск" явно отделял поездки на маневры от других "командировок за границу". Очевидно, в отличие от этих "других", поездкам на маневры уделялось больше внимания в силу того, что это наиболее простые по организации и по формам меры добычи информации. Второй важный момент — это констатация ухудшений условий, в которых приходилось работать русской разведке. Это выражалось в планомерном, но очевидном закрытии Германии для посещения российскими офицерами, усиление контроля за ними и как финал — показательные задержания прибывших на маневры наблюдателей. Задержание без веских причин скорее являлось предупреждением противоположной стороне о том, что ее действия находятся под контролем, могут быть вовремя пресечены, и не стоит вести себя на территории чужой страны, как у себя дома. Разумеется, указанные выше действия в равной степени справедливы для Германии, Австро-Венгрии и России. В преддверии большой войны ни одна из сторон не желала допускать вероятного противника к своей армии [205].

Одновременно все больше сторонников приобретала мысль, выражения начальником Киевского разведотделения: стоит ли рисковать людьми ради результатов, которые можно добыть другими, более безопасными путями — через открытую печать и собственную агентуру.

Командировки на маневры не закончились, но уже и не планировалось сколько-нибудь значительное расширение этой деятельности. Окружным разведотделениям разрешено действовать по своему усмотрению, причем Киевский военный округ самоустрашился от этого вида разведдеятельности.

Разведывательное делопроизводство ГУГШ без особой настойчивости по-прежнему пыталось отправить своих офицеров в Германию и Австро-Венгрию на официальной основе. Но так как противоположная сторона почему-то желала принимать русских офицеров только на условиях взаимности, от этих планов пришлось отказаться. Российский Генеральный штаб взаимности не устраивала [206].

Командировки на маневры в Англию и тем более во Францию, не носили явно выраженного разведывательного характера. На маневры союзных армий обычно посылали офицеров, не имевших даже отдаленного отношения к разведке. В основном это были офицеры гвардейских полков и столичного военного округа. Разведывательное делопроизводство пропускало через себя эти ходатайства и в большинстве случаев не препятствовало этим поездкам. Особого вреда в том, что гвардейские офицеры совершали летом путешествия в Париж и Лондон, не было. Если не считать, конечно, расходование средств из фондов разведки (300—500 рублей на каждого "командированного"). В Англии таких командированных было сравнительно немного.

Маневры, которые проводила французская армия, превращались в торжественно-показательные мероприятия. Кроме военного агента в летнюю Францию стремились попасть, как было уже указано, офицеры, не имеющие отношения ни к военной разведке, ни к Генеральному штабу вообще. В 1908 году во Францию отправились подполковники Юзенович и Г.И.Корташи, подполковник Баклунд, поручик Чичерин (конногвардейский полк), и барон Клод (Павлоградский полк). Единственное, чего от них требуют, это даже не отчетов, а лишь явиться в Париж к графу Г.И.Ностицу (военному агенту).

С командировками офицеров на маневры нередко были связаны недоразумения. "Из восьми строевых офицеров, которые должны были прибыть на маневры в текущем 1913 году, прибыло только три, — докладывал военный агент во Франции Игнатьев в ГУГШ, — из них один, пробыв на маневрах лишь три дня, вернулся в Россию... Из тех, кто не воспользовался командировками, один, прибыв в Париж, уехал в Персию" [207].

По линии разведывательного делопроизводства ГУГШ проходили также поездки начальника генерального штаба Ф.Ф.Палицина (1906 и 1908 года) и Е.Гернгросса (1910 г.), великих князей Бориса Владимировича и Сергея Михайловича на маневры 1911 года.

При организации всех этих поездок разведывательное делопроизводство выступало в качестве связующей инстанции с военным агентом в Париже и французским Генеральным штабом. Посещения Франции руководством российской армии и членами императорской фамилии должны были продемонстрировать особые отношения между союзниками. Великих князей в этих поездках сопровождала свита из гвардейских офицеров. (Борис Владимирович выезжал со своим личным адъютантом ротмистром Фридриши и лейб-гвардии гусарского полка ротмистром Гревсом). Иной характер носили посещения начальником генерального штаба союзной армии. Во время подобных встреч разрабатывалось и уточнялось взаимодействие двух генеральных штабов, решались военно-дипломатические вопросы.

Гернгросса в 1910 году сопровождал сам Н.А.Моисевиц и Ф.Б.Булгарин (полковник 8 статистического делопроизводства, изучавший Францию). Н.А.Моисевиц направился не столько на маневры, сколько для встречи с начальником 2 бюро французского генерального штаба (военная разведка) подполковником Дюпоном. Встреча руководителей двух союзных разведок состоялась 12 сентября [208]. Н.А.Моисевиц обсуждал вопросы взаимодействия с французской спецслужбой.

Впрочем, разведывательное делопроизводство не оставляло своим вниманием и маневры союзной французской армии. Кроме великих князей в 1911 году во Францию поехали капитан Малавин (помощник делопроизводителя Особого делопроизводства) и подполковник С.Н.Поттокий. Французская армия была достаточно интересным объектом для

наблюдения, чтобы командировать на се маневры кадровых офицеров разведки подобного уровня. Разумеется, поездки эти проходили совершенно официальным образом. Французские власти оказывали всемерную поддержку русским офицерам.

Как отмечалось выше, командирование офицеров за границу с разведывательными целями производилось не только по линии ГУГШ и штабов военных округов, но и другими главными управлениями военного министерства, а также морским ведомством. Чаще всего в командировки отправлялись совершенно неподготовленные в разведывательном отношении люди, что иногда приводило к их задержанию и обвинению в шпионаже местными властями. Тем не менее, заграничные командировки с разведывательными целями должны были дополнять собой разведывательную деятельность остальных компонентов военной разведки.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ И ВЕДЕНИЕ РАЗВЕДКИ ШТАБАМИ ПРИГРАНИЧНЫХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ

3.1. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШТАБОВ ЗАПАДНЫХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ

До 1906 года разведывательные функции наряду с другими в штабах военных округов возлагались на отчетные отделения этих штабов. В июне 1906 г. начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Ф.Ф.Палицын, адресуясь к начальникам штабов военных округов, считал необходимым *"для правильной постановки организации негласной разведки сопредельных с нами государств... в виде временной меры, впредь до переработки совместно с начальниками окружных штабов штатов этих штабов по службе Генерального штаба образовать из наличного состава офицеров Генерального штаба... особое «Разведывательное отделение», независимое от отчетного"* [1].

"Деятельность разведывательного отделения, — указывал начальник Генерального штаба, — должна заключаться в сборе и обработке сведений о вероятном противнике, а также и в выборе и подготовке лиц, не принадлежащих к составу армии, которые могли бы во время военных действий быть разведчиками как на неприятельской территории, так и в наших пределах". *"Желательно, чтобы офицеры, назначенные в состав разведывательного отделения, — подчеркивал Палицын, — владели в достаточной мере соответствующими иностранными языками и оставались бы на службе в отделении не менее 2—3 лет"*.

Штабы военных округов приступили к созданию разведывательных отделений, однако *"переработка"* штатов окружных штабов затянулась на годы. Позднее — с 1911 г. — на разведывательные отделения *"было возложено и главное руководство борьбой с иностранными шпионами в пределах округа"* [2].

Одновременно с распоряжением о создании разведывательных отделений в 1906 г. была определена зона ответственности — *"Распределение разведки иностранных государств"* — штабов военных округов. На штаб Петербургского военного округа возлагалась задача организации и ведения разведки Швеции, Норвегии, Дании, Англии и *"кроме того Финляндии"*; на штаб Виленского округа — *"Восточная Германия (к Востоку от Вислы) и Англия"*; Варшавского округа — *"Германия и часть Австрии, прилегающая к Варшавскому округу"*; Киевского округа — Австрия; Одесского округа — *"Румыния и Балканские государства, в том числе Европейская Турция и Персия к Западу от меридиана Ашур-Ада"*; Туркестанского округа — Афганистан, Индия, Западный Китай, Кашгария, Белуджистан и восточная часть Персии;

Омского округа — Западная Монголия (к западу от меридиана о. Косогола), Маньчжурия, "северные провинции Собственного Китая"; Приамурского округа — "Япония, Корея и части Маньчжурии, прилегающие к границам округа". В дальнейшем "нарезка" зоны ответственности штабов пограничных округов уточнялась и корректировалась ГУГШ.

Существенные изменения претерпело распределение зон ответственности западных приграничных окружных штабов. Спустя два года штабы этих округов уже организовывали и вели разведки только на сопредельных округам территориях иностранных государств.

Так, штабам западных пограничных ВО были указаны "ниже следующие районы" для разведывательной деятельности:

"Штабу Петербургского военного округа — вся Швеция.

Штабу Виленского военного округа — территория Пруссии, заключающаяся между нашей границей и р. Вислой.

Штабу Варшавского военного округа: — по Германии — районы, заключающиеся между Балтийским морем и линией Эльбинг — Алленштейн — Лык — на севере, нашей границей с Пруссией — на востоке, Германско-Австрийской границей — на юге, меридианом г. Кюстрина — на западе.

По Австрии: район, заключающийся между нашей и Австро-Германской границами на севере, линией Верестечко — Станиславов — Самбор — Высо — Пряшев — Мишкольц — Вацов — Коморн на востоке, Дунаем до Вены на юге и меридианом Вены на западе.

Штабу Киевского военного округа: по Австрии район, заключающийся между нашей, Австро-Румынской и Австро-Сербской границами на севере, востоке и юге, течением Дуная и линией Вацов — Мишкольц — Н. Снедец — Бржестек — Сенява — течением Сана — на западе.

Штабу Одесского военного округа — вся Румыния" [3].

Вместе с тем вышеперечисленные зоны ответственности, за исключением одной — относящейся к штабу Петербургского военного округа, являлись до некоторой степени случайными и искусственными, так как были "не вполне согласованными ни с прямыми задачами окружных штабов, определяемыми установленной формой нашего стратегического развертывания, ни с военно-территориальным и военно-географическим делением сопредельных с Россией государств".

В этой связи в конце 1912 г. было проведено новое распределение районов разведывательной деятельности, в соответствии с которым для штабов были установлены следующие зоны ответственности:

"Штабу Петербургского военного округа — районы I, XX, XVII и II германских корпусов, обращая особое внимание на данные, имеющие значение и влияющие на успех:

1). Развертывание германских войск на Восточном фронте от Полау до Лыка и

2). Подготовка немцев к десанту и посадка на суда в портах Балтийского побережья, лежащих в пределах районов, упомянутых выше корпусов.

Штабу Варшавского военного округа по Германии: районы XX, XVII, II, V, VI и отчасти I германских корпусов, обращая особое внимание:

1). На данные, имеющие значение и влияющие на успех развертывания германских войск на южном фронте от Лыка до Горна включительно, и

2). На подготовку в военном отношении Восточного фронта Познанской и Силезской провинцией.

По Австро-Венгрии: районы I, X и XI австрийских корпусов, обращая особое внимание на данные, имеющие значение и влияющие на успех развертывания австро-венгерских войск на Галицком фронте от реки Стыри до Хржанова. Кроме того, на обязанности штаба округа должно лежать изучение степени проходимости западных и восточных Бескид и особенно перевальных железнодорожных линий до Дуная включительно.

Штабу Киевского военного округа:

По Австро-Венгрии: район XI Австрийского корпуса, обращая особое внимание на данные, имеющие значение и влияющие на успех развертывания Австро-Венгерских войск на Восточном фронте Галиции и Северной Буковины от Сокаля до Черновцов. Кроме того, на обязанности штаба округа должно лежать изучение степени проходимости участка Карпат, отделяющего Восточную Галицию от Венгерской Равнины, а равно перевальных железных дорог через Карпаты до линии Будапешт — Темешвар.

По Румынии: район IV румынского корпуса, обращая особое внимание на данные, имеющие значение и влияющие на успех развертывания румынских войск в Северной Румынии.

Штабу Одесского военного округа — районы IV, III и V румынских корпусов. На обязанности штаба округа, кроме того, должен лежать сбор данных о Дунайской флотилии" [4].

Согласно "Протоколу заседания старших адъютантов разведывательных отделений штабов Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского военных округов с 10(23) по 14(27) июля 1908 года", зарубежными силами штабов военных округов должны были являться "негласные агенты, чины отдельного корпуса жандармов, департамента полиции, отдельного корпуса пограничной стражи, таможенного ведомства, корчемная стража, чины Министерства иностранных дел и лица православного духовенства за границей, а также командируемые за границу офицеры армии" [5].

Из всего этого перечня к действующим силам разведки западных пограничных военных округов к 1908 г. фактически можно было отнести только негласную агентуру, чины Отдельного корпуса жандармов и Отдельного корпуса пограничной стражи, командируемых

за границу офицеров с разведывательными целями. В качестве источника разведывательной информации на Западе выступали и дезертиры. "Доношу, что за истекшее полугодие 1913 г. в штаб округа явилось 35 дезертиров австрийской армии, на 19 человек больше, чем в 1912 г. За то же время, — докладывал в ГУГШ 4 января 1914 г. начальник штаба Киевского округа. — По племенному составу: русских — 17 чел., поляков 14 чел., чехов — 3 чел., молдаван — 7 чел. В большинстве случаев причиной побега выступало: тяжёлые условия службы и дурное обращение — побой" [6].

На Востоке помимо вышеперечисленных сил и средств (за исключением дезертиров) разведка штабов военных округов использовала негласных военных агентов на "крышевых" должностях российских представительств по линии Министерства иностранных дел и учреждений других ведомств России за рубежом. Независимо на определенные усилия со стороны ГУГШ и штабов военных округов, "крышенные" должности в консульствах России, так и не были открыты в интересах окружных штабов.

К 1913 возможный состав зарубежных сил и разведки штабов военных округов был пересмотрен с учетом сложившихся реалий за счет отсечения целого ряда компонентов, упоминаемых в 1908 г., и введения нового элемента сил — "расположенных в пограничной полосе России войсковых и крепостных штабов и войсковых частей". Так, согласно "Основных положений для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов" 1912 г., "органами для сбора окружающих штабами необходимых сведений" должны были служить:

А. В мирное время

1) агентурная сеть за границей; 2) войсковые и крепостные штабы и войсковые части, расположенные в пограничной полосе России; 3) пограничная стража; 4) находящиеся за границей официальные правительственные агенты и личный состав разного рода учреждений других ведомств; 5) командируемые за границу офицеры и гражданские лица.

Б. В военное время

1) агентурная сеть в районе расположения и действий неприятельских войск, а также вообще за границей; 2) войсковые разведывательные органы" [7].

В силу межведомственной разобщенности и непроработанности вопросов в целом находящиеся за границей официальные правительственные агенты и личный состав разного рода учреждений других ведомств не стал "органом", через который в интересах штабов военных округов поступала хотя бы единичная и не систематизированная разведывательная информация.

Существующие правила пересечения границы целого ряда государств пограничными жителями России в мирное время создавали

благоприятные условия для организации и ведения разведки на сопредельных территориях.

На трое суток можно было перейти австро-венгерскую границу, направляясь к соседям в гости или по торговым делам. Для этого достаточно было иметь при себе клочок простой бумаги с росчерком уездного исправника. А начальник местной полиции мог выдать приграничному жителю особый билет для пребывания за границей от двух до четырех недель. Почти также свободно перемещались и жители районов пограничных с Пруссией. "Жители губерний Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской, а также Батумской и Карской областей, постоянно проживающие не далее 25 верст от границы, могут получать бесплатные пропускные свидетельства на 14-дневный срок для отлучек в ближайшие местности пограничных округов Турции и Персии", — свидетельствовал официальный документ того времени [8].

К моменту создания разведывательных отделений штабы военных округов за редким исключением вообще не имели собственной негласной агентуры.

Вместе с тем, в их распоряжении имелись определенные силы для организации и ведения разведки сопредельных территорий.

Рассмотрим состояние разведки в западных округах. По состоянию на 28 марта (10) апреля 1906 г., "организации тайной разведки при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа не существовало вовсе" [9]. Единственная попытка сбора разведывательной информации о вооруженных силах Швеции была предпринята в 1904 г., когда "во время полевой поездки офицеров Генерального штаба на шведской границе, одному из участников ее, приехавшему по своей инициативе в Боден (крепость на севере Швеции — примеч. авт.) через Стокгольм, удалось пополнить сведения о расположении новых фортов этой крепости и записать маршрут от нее до нашей границы".

4 февраля 1907 г. начальник штаба Петербургского военного округа доносил в Генеральный штаб: "Разведка политического положения Финляндии установлена, что же касается этого дела в Дании, Англии и в особенности Швеции и Норвегии, сопредельных с границами империи, то на это до сего времени не отпущено еще никаких средств..." [10]. "Надо разыскать и нанять доверенных лиц, из которых будет образована сеть агентов в приграничных к нам Швеции и Норвегии", — писал начальник штаба.

Исполнить указание начальника Генерального штаба о выделении разведывательного отделения из отчетного за несением свободных офицеров явилось возможным лишь в марте 1907 года, когда для исполнения должности старшего адъютанта разведывательного отделения был назначен штаб-офицер для поручений при штабе округа Генерального штаба подполковник Свечин. До февраля 1909 года

Омского округа — Западная Монголия (к западу от меридиана о. Косогола), Маньчжурия, "северные провинции Собственного Китая"; Приамурского округа — "Япония, Корея и части Маньчжурии, прилегающие к границам округа". В дальнейшем "нарезка" зоны ответственности штабов пограничных округов уточнялась и корректировалась ГУГШ.

Существенные изменения претерпело распределение зон ответственности западных приграничных окружных штабов. Спустя два года штабы этих округов уже организовывали и вели разведки только на сопредельных округам территориях иностранных государств.

Так, штабам западных пограничных ВО были указаны "нижеследующие районы" для разведывательной деятельности:

"Штабу Петербургского военного округа — вся Швеция.

Штабу Виленского военного округа — территория Пруссии, заключающаяся между нашей границей и р. Вислой.

Штабу Варшавского военного округа: — по Германии — районы, заключающиеся между Балтийским морем и линией Эльбинг — Алленштейн — Лык — на севере, нашей границей с Пруссией — на востоке, Германско-Австрийской границей — на юге, меридианом г. Кюстрина — на западе.

По Австрии: район, заключающийся между нашей и Австро-Германской границами на севере, линией Верестечко — Станиславов — Самбор-высо — Пряшев — Мишкольц — Вацов — Коморн на востоке, Дунаем до Вены на юге и меридианом Вены на западе.

Штабу Киевского военного округа: по Австрии район, заключающийся между нашей, Австро-Румынской и Австро-Сербской границами на севере, востоке и юге, течением Дуная и линией Вацов — Мишкольц — Н. Снедец — Бржестек — Сенява — течением Сана — на западе.

Штабу Одесского военного округа — вся Румыния" [3].

Вместе с тем вышеперечисленные зоны ответственности, за исключением одной — относящейся к штабу Петербургского военного округа, являлись до некоторой степени случайными и искусственными, так как были "не вполне согласованными ни с прямыми задачами окружных штабов, определяемыми установленной формой нашего стратегического развертывания, ни с военно-территориальным и военно-географическим делением сопредельных с Россией государств".

В этой связи в конце 1912 г. было проведено новое распределение районов разведывательной деятельности, в соответствии с которым для штабов были установлены следующие зоны ответственности:

"Штабу Петербургского военного округа — районы I, XX, XVII и II германских корпусов, обращая особое внимание на данные, имеющие значение и влияющие на успех:

1). Развертывание германских войск на Восточном фронте от Полау до Лыка и

2). Подготовка немцев к десанту и посадка на суда в портах Балтийского побережья, лежащих в пределах районов, упомянутых выше корпусов.

Штабу Варшавского военного округа по Германии: районы XX, XVII, II, V, VI и отчасти I германских корпусов, обращая особое внимание:

1). На данные, имеющие значение и влияющие на успех развертывания германских войск на южном фронте от Лыка до Горна включительно, и

2). На подготовку в военном отношении Восточного фронта Познанской и Силезской провинцией.

По Австро-Венгрии: районы I, X и XI австрийских корпусов, обращая особое внимание на данные, имеющие значение и влияющие на успех развертывания австро-венгерских войск на Галицком фронте от реки Стыри до Хржанова. Кроме того, на обязанности штаба округа должно лежать изучение степени проходимости западных и восточных Бескид и особенно перевальных железнодорожных линий до Дуная включительно.

Штабу Киевского военного округа:

По Австро-Венгрии: район XI Австрийского корпуса, обращая особое внимание на данные, имеющие значение и влияющие на успех развертывания Австро-Венгерских войск на Восточном фронте Галиции и Северной Буковины от Сокаля до Черновца. Кроме того, на обязанности штаба округа должно лежать изучение степени проходимости участка Карпат, отделяющего Восточную Галицию от Венгерской Равнины, а равно перевальных железных дорог через Карпаты до линии Будапешт — Темешвар.

По Румынии: район IV румынского корпуса, обращая особое внимание на данные, имеющие значение и влияющие на успех развертывания румынских войск в Северной Румынии.

Штабу Одесского военного округа — районы IV, III и V румынских корпусов. На обязанности штаба округа, кроме того, должен лежать сбор данных о Дунайской флотилии" [4].

Согласно "Протоколу заседания старших адъютантов разведывательных отделений штабов Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского военных округов с 10(23) по 14(27) июля 1908 года", зарубежными силами штабов военных округов должны были являться "негласные агенты, чины отдельного корпуса жандармов, департамента полиции, отдельного корпуса пограничной стражи, таможенного ведомства, корчемная стража, чины Министерства иностранных дел и лица православного духовенства за границей, а также командируемые за границу офицеры армии" [5].

Из всего этого перечня к действующим силам разведки западных пограничных военных округов к 1908 г. фактически можно было отнести только негласную агентуру, чинов Отдельного корпуса жандармов и Отдельного корпуса пограничной стражи, командируемых

за границу офицеров с разведывательными целями. В качестве источника разведывательной информации на Западе выступали и дезертиры. "Доношу, что за истекшее полугодие 1913 г. в штаб округа явилось 35 дезертиров австрийской армии, на 19 человек больше, чем в 1912 г. За то же время, — докладывал в ГУГШ 4 января 1914 г. начальник штаба Киевского округа. — По племенному составу: русских — 17 чел., поляков 14 чел., чехов — 3 чел., молдаван — 7 чел. В большинстве случаев причиной побега выступаясь: тяжелые условия службы и дурное обращение — побои" [6].

На Востоке помимо вышеперечисленных сил и средств (за исключением дезертиров) разведка штабов военных округов использовала негласных военных агентов на "крышевых" должностях российских представительств по линии Министерства иностранных дел и учреждений других ведомств России за рубежом. Невзирая на определенные усилия со стороны ГУГШ и штабов военных округов, "крышевые" должности в консульствах России, так и не были открыты в интересах окружных штабов.

К 1913 возможный состав зарубежных сил и разведки штабов военных округов был пересмотрен с учетом сложившихся реалий за счет отсечения целого ряда компонентов, упоминаемых в 1908 г., и введения нового элемента сил — "расположенных в пограничной полосе России войсковых и крепостных штабов и войсковых частей". Так, согласно "Основных положений для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов" 1912 г., "органами для сбора окружными штабами необходимых сведений" должны были служить:

"А. В мирное время

1) агентурная сеть за границей; 2) войсковые и крепостные штабы и войсковые части, расположенные в пограничной полосе России; 3) пограничная стража; 4) находящиеся за границей официальные правительственные агенты и личный состав разного рода учреждений других ведомств; 5) командируемые за границу офицеры и гражданские лица.

Б. В военное время

1) агентурная сеть в районе расположения и действий неприятельских войск, а также вообще за границей; 2) войсковые разведывательные органы" [7].

В силу межведомственной разобщенности и непроработанности вопросов в целом находящиеся за границей официальные правительственные агенты и личный состав разного рода учреждений других ведомств не стал "органом", через который в интересах штабов военных округов поступала хотя бы единичная и не систематизированная разведывательная информация.

Существующие правила пересечения границы целого ряда государств пограничными жителями России в мирное время создавали

благоприятные условия для организации и ведения разведки на сопредельных территориях.

На трое суток можно было перейти австро-венгерскую границу, направляясь к соседям в гости или по торговым делам. Для этого достаточно было иметь при себе клочок простой бумаги с росчерком уездного исправника. А начальник местной полиции мог выдать приграничному жителю особый билет для пребывания за границей от двух до четырех недель. Почти также свободно перемещались и жители районов пограничных с Пруссией. "Жители губерний Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской, а также Батумской и Карской областей, постоянно проживающие не далее 25 верст от границы, могут получать бесплатные пропускные свидетельства на 14-дневный срок для отлучек в ближайшие местности пограничных округов Турции и Персии", — свидетельствовал официальный документ того времени [8].

К моменту создания разведывательных отделений штабы военных округов за редким исключением вообще не имели собственной негласной агентуры.

Вместе с тем, в их распоряжении имелись определенные силы для организации и ведения разведки сопредельных территорий.

Рассмотрим состояние разведки в западных округах. По состоянию на 28 марта (10) апреля 1906 г., "организации тайной разведки при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа не существовало вовсе" [9]. Единственная попытка сбора разведывательной информации о вооруженных силах Швеции была предпринята в 1904 г., когда "во время полевой поездки офицеров Генерального штаба на шведской границе, одному из участников ее, приехавшему по своей инициативе в Боден (крепость на севере Швеции — примеч. авт.) через Стокгольм, удалось пополнить сведения о расположении новых фортов этой крепости и записать маршрут от нее до нашей границы".

4 февраля 1907 г. начальник штаба Петербургского военного округа доносил в Генеральный штаб: "Разведка политического положения Финляндии установлена, что же касается этого дела в Дании, Англии и в особенности Швеции и Норвегии, сопредельных с границами империи, то на это до сего времени не отпущено еще никаких средств..." [10]. "Надо разыскать и нанять доверенных лиц, из которых будет образована сеть агентов в приграничных к нам Швеции и Норвегии", — писал начальник штаба.

Исполнить указание начальника Генерального штаба о выделении разведывательного отделения из отчетного за несмещением свободных офицеров явилось возможным лишь в марте 1907 года, когда для исполнения должности старшего адъютанта разведывательного отделения был назначен штаб-офицер для поручений при штабе округа Генерального штаба подполковник Свечин. До февраля 1909 года

у подполковника Свечина помощника не было и "всю разведку вел он один, имея одного вольнонаемного переводчика". В феврале 1909 года на должность помощника старшего адъютанта разведывательного отделения был назначен Генерального штаба капитан Ассанович. До конца 1909 г. штабу Петербургского военного округа так и не удалось насадить негласную агентуру в Швеции. К 1913 году в этом направлении были достигнуты определенные положительные результаты. В "Докладной записке генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба генерал-майора Данилова начальнику Генерального штаба о разведывательной деятельности штабов военных округов Западного фронта за 1912 год" от 3(16) ноября 1913 года указывалось, что "негласную разведку в Швеции штаб войск гвардии и Петербургского военного округа осуществлял в 1912 году при посредстве 4 агентов-резидентов (к концу года 3) и двух агентов внутреннего наблюдения" [11]. Агенты-резиденты находились в Стокгольме, Иевле и Шефде, "т.е. в пунктах представляющих с точки зрения интересов разведки, безусловно важными в мирное и в военное время и поэтому включенных... в схему планомерной организации агентурной сети в Швеции".

"Результаты документальной разведки штаба округа в Швеции, — отмечалось в "Докладной записке", — надо признать благоприятными, ибо штабом округа добыты некоторые секретные сведения, представляющие серьезный интерес". В течение 1912 г. штабом округа "были командированы, негласным образом, в Швецию шесть офицеров (в том числе один генерал), имевшие задачи производство рекогносцировок дорог и изучение пригодности шведских железных дорог для военных надобностей". Каких-либо результатов в организации и ведении разведки "войсковыми и крепостными" штабами, в том числе штабами Выборгской и Свеаборгской крепостей достигнуто не было.

"В общем работа штаба округа в области разведки, по-видимому, налаживается, хотя и медленно, — делался вывод в Докладной записке, — ввиду встречаемых им трудностей в деле подыскания агентов среди одноплеменного и патриотического населения Швеции".

На "пустом месте" начинало работу по созданию заграничной агентуры разведывательное отделение Виленского военного округа.

"Необходимость организации постоянной тайной агентуры еще в мирное время в пограничных районах округа давно уже сознавалась штабом округа и командующим войсками последнего, — отмечалось в "Предположении штаба Виленского округа о желательности организации разведки в округе в мирное время" от 11 (24) апреля 1906 г., — но вследствие значительных расходов, сопряженных с содержанием в мирное время агентов разведки и недостатка лиц, вполне отвечающих этой задаче все принимавшиеся меры в данном отношении не привели пока ни к чему

реальному" [12]. "Главным препятствием к тому, — считал штаб Виленского округа, — служила ограниченность отпускаемых средств на негласные расходы и неблагоприятный состав населения на границе".

На "организацию в округе в мирное время тайной агентуры... вероятно потребуется несколько лет", — прогнозировал штаб Виленского округа. Первый агент у окружного штаба появился в апреле 1907 г. [13] Причину столь более, чем "скромных" результатов округ видел в ограниченности выделяемых средств. Прошло три года, но ситуация не изменилась.

27 марта (9 апреля) 1910 г. начальник штаба Виленского военного округа докладывал в ГУГШ: "В настоящее время завязаны уже прочные отношения с военным писарем кенигсбергского гарнизона (не открываю имя пока своего настоящего имени), доставившего штабу округа секретный документ. Ведутся переговоры еще с двумя лицами, предложившими свои услуги по негласной разведке. По выяснению пригодности их они вероятно будут приняты на службу и посланы за границу" [14].

"Проведение всех соответствующих мер и способов организации разведывательного дела, — отмечалось в Докладе, — было сопряжено с большими затруднениями как благодаря совершенной новизне дела, так и вследствие недостаточности сумм, отпускаемых штабу военного округа". К сожалению, далее в Докладе демонстрировалось совершенное непонимание округом, что за добываемыми разведкой секретными документами должна стоять постоянная негласная агентура, а не случайное их предложение доброжелателями. Так, начальник штаба округа указывал: "Ныне отпуск денег вырос, но не в такой мере, чтобы дать возможность выполнить те цели, которые ставятся разведкой, вследствие чего и приходится стремиться к достижению наиболее важных из этих целей, главнейшей среди которых несомненно является добыча секретных документов по мобилизации и сосредоточению германской армии". "Насаждение постоянной прочной сети негласных агентов, — делался вывод на основании вышеприведенных рассуждений, — пришлось поставить на второе место, вследствие чего в октябре 1909 г. было решено отказаться от нее, но лишь временно до получения штабом округа таких сумм, которые позволяли бы постепенно перейти к достижению всех задач, поставленных по разведке".

Реакция ГУГШ не заставила себя ждать. 2(15) апреля 1910 г. начальник Генерального штаба писал в штаб Виленского военного округа: "Первенствующее значение в названной организации я придаю надежной сети постоянных негласных агентов. Лишь соответствующий подбор их, а равно и руководство этими агентами хотя бы в начале и не вполне подготовленными к своей деятельности могут обеспечить желанные результаты и дать вам возможность располагать в период мобилизации, сосредоточения и боевых действий армии действительно надежными раз-

ведчиками, способными доставать ценные сведения". "Имеющиеся в вашем распоряжении деньги, — указывал начальник Генерального штаба, — дают полное основание рассчитывать на успех в деле развития сети агентов и содержать пока одного или двух вполне соответствующих своему назначению лиц" [15].

Возымела ли действие критика, или же сказалось действительное увеличение средств, выделяемых на разведку, но в 1912 г. "Главнейшим источником сведений штаба округа служила... агентурная сеть за границей, состоявшая к концу года из 9 агентов-резидентов наблюдательной разведки (в Кенигсберге — два; в Тильзите, Гумбиннене, Эйдкунене, Юрбурге, Гольдапе, Инстербурге и Кибартах — по одному) и двух агентов документальной разведки (оба в Кенигсберге)" [16]. "Правильно размещенная на главнейших операционных направлениях из Восточной Пруссии, — указывал ГУПШ, — сеть эта пока еще имеет весьма незначительную глубину, что является весьма существенным ее недостатком". "Работу своих агентов, штаб округа признает вполне удовлетворительной, — ссылался ГУПШ на Отчет о разведывательной деятельности, представленный штабом округа, — причем с особой похвалой отзывается о своих агентах документальной разведки в Кенигсберге, доставивших ему ряд весьма ценных сведений".

Деятельность пограничных войсковых штабов, в том числе Ковенской крепости, 28 пехотной, 3 кавалерийской и 5 стрелковой дивизий, привлеченных к ведению разведки, как следует из анализа архивных документов, желаемых результатов не дала. "Причину сего" штаб округа видел в том, что "пока дело разведки будет носить характер сбора общих сведений, сосредоточиваемых в штабе округа и непосредственно к войсковым штабам не относящихся, члены этих штабов, поглощенные исполнением своих прямых обязанностей, будут продолжать смотреть на возлагаемые на них в этой области обязанности, как на побочное дело без личной ответственности за него". В виду этого штаб округа "поставил войсковым штабам более узкую цель сбора сведений о топографических данных ближайшей к ним полосы Восточной Пруссии, изучение путей сообщения и подготовку проводников в этих местностях, ознакомление с настроением местного населения и статистическими данными, относящимися к этим районам" [17].

В целом у ГУПШ сложилось "убеждение, что направление работы штаба округа в области разведки выбрано вполне правильно, но что работа эта в части ее организации является быть может несколько дорогой".

Для сбора сведений в вооруженных силах сопредельных с Варшавским войсковым округом государств — Германии и Австро-Венгрии — до конца 1906 года штабом округа применялись следующие способы:

- "чтение иностранных газет, журналов и отдельных книг военного содержания;

- спрос в штабе округа дезертиров;
- сбор сведений через чинов пограничной стражи;
- командировка за границу офицеров Генерального штаба для рекогносцировки дорог, ведущих из пределов округа к главному предмету наших действий в случае вторжения в Германию — Берлину;
- командировка за границу саперных офицеров для рекогносцировки укрепленных пунктов и железных дорог;
- командировка за границу тайных агентов штаба округа" [18].

К этому времени штаб округа пришел к выводу о необходимости "центр тяжести тайной разведки перенести по примеру наших соседей на работу негласных агентов, прибегая к командировкам офицеров за границу лишь для проверки добытых нашими тайными агентами". Перенос "центра тяжести" штаб округа видел на путях перехода от краткосрочных командировок негласных агентов за границу "к поселению их там на продолжительное (несколько лет) время под видом служащих в торгово-промышленных заведениях, писцов и пр., так как случайная посылка тайных агентов на 10—15 дней за границу до сих пор ощутительной пользы не приносила" [19].

Одновременно была высказана идея — "в случае открытия широкого кредита на тайную разведку желательно было бы поселить по одному офицеру основательно знакомому с этим делом в Германии и Австро-Венгрии на несколько лет под видом купцов и пр. для того, чтобы они организовали там сеть шпионов". Однако каких-либо практических мер по реализации вышеизложенных соображений штабом округа принято не было.

Штабу Варшавского войскового округа было предписано иметь главных негласных агентов в "Алленштейне, Сольдау, Мариенбурге, Кульме, Торне, Познани, Кротошине, Бреславле, Кракове и Перемышле" [20]. Однако к маю 1909 г. по признанию начальника штаба Варшавского войскового округа генерал-лейтенанта Н.А.Клюсова не удалось добиться положительных результатов по решенно поставленной задаче. "...У нас до настоящего времени нет правильно организованной сети шпионов... на территории наших соседей", — докладывал Клюсов начальнику Генерального штаба [21].

Отсутствие ощутимых результатов в разведке как всегда объяснялось нехваткой средств. В 1910 г. старший адъютант разведывательного отделения штаба Варшавского войскового округа Генерального штаба полковник Н.С.Батюшин в докладе, предназначенном для обсуждения в присутствии начальника Генерального штаба, указывал, что округу должна быть ассигнована "большая часть сумм на разведку в Германии и Австро-Венгрии, примерно 2/3 ее", так как на округ падает более 2/3 протяженности общей границы с Германией и "немного менее 2/3 — с Австро-Венгрией" [22].

Далее оперируя средствами, выделяемыми на разведку Германии и Австро-Венгрии штабам Виленского и Кислянского округа, Батюшин вы-

шел на сумму 70 000 рублей, "вместо предполагаемых к ассигнованию 30 000 рублей". А раз нет требуемых средств, нет и желаемых результатов.

К 1913 г. штабу Варшавского военного округа удалось переломить ситуацию в деле организации и ведения разведки в сопредельных государствах. Согласно Докладной записки генерал-квартирмейстера ГУГШ, штаб Варшавского военного округа "осуществляя свою разведку в 1912 году при чрезвычайно тяжелых условиях, созданных австрийской контрразведкой, штаб округа неоднократно нес чувствительные потери в людях. Тем не менее к концу года он располагал значительной агентурной сетью, как в Австрии, так и в Германии, а именно:

1. В Галиции 18 агентами-резидентами внешней агентуры, пребывающими в 10 пунктах и двумя агентами внутренней разведки в Кракове и Перемышле.

2. В Пруссии 13 агентами-резидентами внешней агентуры, пребывающими в 9 пунктах и тремя агентами внутренней разведки (два в Бреславле и один в Торне)" [23].

Работа штаба округа "в области организации агентурной сети" была признана ГУГШ "целесообразной и значительной".

Не последнюю роль в организации и ведении разведки играл старший адъютант разведывательного отделения штаба округа Генерального штаба полковник Н.С. Батюшин. В 1911—1912 годах на руководстве Батюшина находился ценный агент-источник документальной информации-писарь штаба крепости Торн по фамилии Велькерлинг [24]. В 1912 г. "торнский агент был арестован и осужден за шпионство". Привлечение к сотрудничеству Велькерлинга и его арест, по свидетельству начальника разведывательной службы германского большого Генерального штаба Вальтера Николаи, выглядели следующим образом. "В 1912 году, когда русская разведка усилила свою деятельность против восточных крепостей Германии, первый писарь губернаторства крепости Торн был помещен в служебном здании для охраны секретных планов и документов. Немного времени спустя про это узнала русская разведка. Разведывательное отделение Варшавского военного округа, под начальством особенно деятельно и успешно работавшего полковника Батюшина, добилось привлечения назначенного для охраны писаря к нему на службу. Снабженный фотографическими аппаратами он доставил все, что ему было доступно. Полковник Батюшин не останавливался перед личным приездом для инструктирования в Торн и в Бреславль, где у него на службе находился также писарь крепости. Для торнского предателя оказалась роковой поездка через Австро-Венгрию и Швейцарию в Варшаву и Париж для доставки своего материала. На обратном пути из Парижа он был в Германии арестован и приговорен к высшему наказанию в 15 лет тюремного заключения. Найденные у него русские деньги были сравнительно невелики, французские же значительны" [25].

Не обошел вниманием Батюшина в своих воспоминаниях и австрийский разведчик Макс Ронге. "Дом полковника Батюшина на Саксонской площади в Варшаве, — писал Ронге, — где капитан Терехов и капитан Лебедев выработались в прекрасных помощников, сильно беспокоивших нас во время мировой войны, давал в своих стенах приют предприятию, работавшему с массой руководителей — начальников групп, вербовщиков агентов, разведывательных инспекторов и жёниц. Эти последние особенно охотно использовались в качестве посредников и вербовщиков, причем те, которые попали в наши руки, как, например, Мария Тромбинская, Ева Войчик и др., особой красотой не отличались... Возможно, что русские жёницы, вследствие внутриполитических условий, обладают особенной склонностью к агентуре, и я до сих пор помню о многолетней докучливой деятельности жены русского ротмистра Иванова в Сосновцах" [26].

"Вербовщики и посредники Батюшина, — продолжал Ронге, — нередко имели целые бюро, как, например, Зигельберг, Самуэль Пинкерт, Соломон Розенберг и, прежде всего, Иосиф Герц — правая рука Батюшина, специалист по фабрикации фальшивых паспортов, фальшивых крепостных планов и т.п. В конце 1913 г. говорили, что Герц был уволен из-за мошенничества на таможне, однако Батюшин, получив в конце 1914 г. командование частью, якобы, принял его в качестве постасщика".

Приводя эти примеры, Макс Ронге вероятно хотел сказать, что Батюшин не отличался особой разборчивостью в выборе "посредников", агентов-вербовщиков. Но вряд ли это справедливо.

Другая, не менее субъективная оценка разведывательной деятельности Батюшина, что называется "изнутри", была дана Б.М. Шапошниковым, служившим с 1912 г. в Варшавском военном округе старшим адъютантом штаба 14 кавалерийской дивизии сначала в чине штабс-капитана, в последующем — капитана. "Старшим адъютантом разведывательного отделения состоял полковник Батюшин, — вспоминал много лет спустя Шапошников, — человек твердый, хорошо знавший германскую и австро-венгерскую армии. Он не действовал через крупных агентов, а работал с помощью писарей штаба, мелких гражданских чиновников и т.д. Особо ценных материалов Батюшин не давал, но зато все отчеты о военных играх, маневрах, о численном составе частей вероятных противников в штабе Варшавского военного округа были всегда налицо. Недаром и немцы и австрийцы боялись этой массовой агентуры Батюшина" [27]. Шапошников был прав далеко не во всем. Ценность негласного агента определяется не только занимаемой им должностью, но и имеющимся у последнего доступом к секретным документам. Именно поэтому "писаря штаба" никак не могут быть отнесены к категории "мелких" агентов.

Наряду со штабом округа, разведку в приграничной полосе вели под его руководством штабы 6, 7, 14 и 15 кавалерийских дивизий, а также

Новогорьской и Осовецкой крепостей. "Работой этих штабов, помогавших штабу округа разбираться в часто противоречивых сведениях пограничной стражи, жандармских и таможенных чинов, — отмечалось в Докладной записке генерал-квартирмейстера ГУГШ от 1912 г. — она, по-видимому, удовлетворен, причем особенно отмечает положительные результаты деятельности штабов — 7 и 14 кавалерийских дивизий" [28].

О том, как организовывалась агентурная разведка штабом 14 кавалерийской дивизии вспоминает старший адъютант дивизии Б.М. Шапошников.

"Как-то Вестфален (начальник штаба 14 кавалерийской дивизии — Примеч. авт.)... рассказал о состоянии агентурной работы в дивизии. Оказалось, что в Галиции у него был какой-то гражданский чиновник, который сообщал местные слухи и получал за это ежемесячное вознаграждение в размере 30 крон, то есть 10 рублей на наши деньги. Начальник штаба передал мне приказание Ориновского (начальник дивизии — примеч. авт.), чтобы я взял агентурную работу в свои руки. Из округа на нее отпускалось 50 рублей в месяц. Вести на такие деньги агентурную разведку, конечно, было трудно. Поэтому в одну из ближайших поездок в Варшаву я зашел к Батюшину и попросил его увеличить ассигнования до 75 рублей в месяц, а все документальные данные оплачивать особо. Батюшин согласился" [29]. Встал вопрос, "как добыть агента, сначала хотя бы для Австрии". Оказалось, что это не настолько сложно — было бы желание. Главное необходимо было подыскать посредника, чтобы через него выйти на возможного источника информации.

"Однажды мне пришлось быть в маленьком заводском местечке Заверце, — рассказывает Шапошников о механизме поиска негласных агентов, — и провести там вечер. Бродя по местечку, я натолкнулся на «Увеселительный сад». Зашел туда и увидел открытую сцену, на которой распевали шансонетки на польском и немецком. Узнав фамилию содержателя «сада» я решил рискнуть и написал ему письмо, прося приехать по делам в Ченстохов. Через некоторое время состоялась наша встреча. В заключение разговора я предложил содержателю сорок рублей ежемесячно, а за документы — особо. Он согласился и начал работать. Я дал ему задание завести знакомство с писарями штаба 1 австрийского корпуса. Через полтора месяца стал получать первые данные".

"Труднее было с агентом против Германии, — продолжает свои воспоминания бывший старший адъютант штаба дивизии. — Только в апреле 1914 года удалось найти поляка, двоюродный брат которого служил в штабе 6 прусского корпуса. Однако из этого ничего не вышло: передаваемые сведения были настолько малыми, что пришлось порвать с ним".

К моменту выделения разведывательных отделений из отчетных штаб Киевского военного округа уже имел десятилетний опыт работы с негласной агентурой. Поэтому перед штабом Киевского военного ок-

руга в отличие от других окружных штабов стояла задача закрепления за разведкой имеющейся и насаждения новой негласной агентуры. Решение этой задачи в полном объеме по-прежнему наталкивалось на недостаток ассигнований. "Недостаточный размер отпускаемых на разведку средств, — доносил рапортом в ГУГШ 27 октября (9 ноября) 1908 г. генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа, — не позволял не только организовать в Австро-Венгрии правильной сети разведывательных органов, но даже и содержать в наиважнейших по военному значению пунктах нескольких агентов, вполне отвечающих своему назначению. Штаб округа был в состоянии продолжать содержать в них одного надежного агента в Вене, от которого и получал от времени до времени как важные военные сведения, так и секретные мобилизационного характера документы" [30].

Для выполнения "второстепенных задач по внешней разведке в распоряжении штаба были 3 агента, живущие в Галиции в приграничных пунктах; эти агенты, ранее служившие у офицеров австрийской армии, довольствовались небольшим вознаграждением за выполняемые поручения и далеко не удовлетворяли по своему общему и военному развитию предъявляемым к ним требованиям и не были в состоянии следить за развитием военного дела в Австрии". Этим агентам поручался сбор сведений о галицийских укреплениях, железных дорогах, складах запасов, передвижениях войск, покупке железнодорожных документов, разного рода рекогносцировках местности в Галиции.

Все эти "второстепенные агенты" в местах их разведки "оказывались людьми совершенно случайными, каковой характер имели, конечно, и добывавшиеся ими сведения". "Весь недостаток подобного отсутствия постоянных и надежных разведывательных органов в наиважнейших военных пунктах Галиции дал себя почувствовать особо сильно в последнее время, — отмечалось в рапорте генерал-квартирмейстера, — когда понадобилось вдруг и срочно проверить слухи о мобилизационных мерах Австро-Венгрии в Галиции по случаю балканских событий".

Для целей внешней разведки в 1908 г. штаб округа "пользовался услугами и случайных агентов, командируемых за границу".

К 1912 г. штаб Киевского военного округа укренился во мнении, что "регулярная доставка сведений, притом по содержанию своему крупного значения, возможна только для тех разведывательных органов, кои заручились внутренней агентурой" [31]. "Этот род разведки требует для успеха ее крупных денежных затрат в мирное время, утверждал штаб округа, и потребует еще более крупных затрат в военное время". "При таких средствах, какие в настоящее время отпускаются штабу округа, — отмечал в 1912 году начальник штаба Киевского военного округа, — разведка такого характера возможна только при каких-либо особо благоприятных обстоятельствах; при отсутствии последних она потребу-

ет значительной затраты денежных средств, которая лишает штаб округа возможности выполнить задачи по насаждению агентуры внешней, быть может и мало ценной в отношении доставляемых сведений в периоды затишья, но безусловно необходимой уже в этот период, дабы иметь агентуру готовой ко времени начала осложнений и военных действий".

На подобное утверждение Отдел генерал-квартирмейстера отреагировал репликой, что, "сознавая важное значение насаждения внешней агентуры, никогда не отказывал в своем ходатайстве о возмещении округам тех расходов по выполнению трудов и приобретению документов, которые не укладываются в их сметы" [32]. Это подтолкнуло штаб округа на более активную работу. В Докладной записке по итогам 1912 г., представленной в ГУГШ отмечалось: "Под давлением тревожных политических обстоятельств штаб округа в отчетном году осуществил ряд мер, направленных к систематизации и развитию его разведки" [33]. В ряду этих мер было отмечено расширение заграничной агентурной сети, насчитывающей в своем составе к концу 1912 года "15 агентов — резидентов в 14 важнейших пунктах наблюдаемого района, связь с которыми ввиду широко развитого в Австро-Венгрии контр-шпионства осуществлялась при посредстве 5 агентов для поручений и 39 агентов — почтальонов".

"Весьма широко и планомерно" штаб округа привлекал к ведению разведки в "ближайшей к границе полосе" пограничную стражу. Пограничная полоса "была разделена на 10 участков, в которых к концу года работали в непосредственном подчинении офицерам пограничной стражи 22 агента". Кроме того, к ведению разведки штабом округа привлекались и жандармские чины на двух пограничных пунктах, "располагавшие к концу года 6 агентами".

Все вышесказанное, по оценке ГУГШ, наглядно свидетельствовало "о большой и серьезной работе штаба округа в области организации разведки, причем основная черта этой организации покрытие наблюдаемой территории несколькими агентурными наслоениями казалось бы придает ей необходимую устойчивость и в то же время служит гарантией того, что от нее не укроются сколько-нибудь значительные явления военного и военно-политического характера в приграничных с округом частях Австро-Венгрии".

Именно штабом Киевского военного округа был привлечен к сотрудничеству с разведкой негласный агент, — получивший в последствии порядковый номер — 25, который передавал России важнейшую информацию стратегического характера по вооруженным силам Австро-Венгрии и работал на нее с перерывами в течение многих лет. № 25 был одним из наиболее ценных агентов-источников военной разведки России накануне Первой мировой войны.

Эта история началась в 1903 г., когда Генерального штаба капитан Самойло А.А., помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа, случайно встретил в Киеве товарища детства — Генерального штаба полковника Роопа В.Х., временно оставившего пост военного агента в Вене (который он занимал с 1900 г.) для прохождения цепного командования полком в Белой Церкви. Узнав, что Самойло занимается в штабе округа изучением австро-венгерской армии и ведет ее разведку, Рооп предложил передать ему "всех своих знакомых в Вене, которые могут быть очень полезными по доставке нужных сведений" [34]. Подобный "жест" Роопа, который через несколько месяцев должен был вернуться к исполнению своих обязанностей военного агента, был продиктован тем, что его активная разведывательная деятельность уже попала в поле зрения австрийской контрразведки. Местные власти арестовали некоего Умберто Диминича, пишет М.Ронге, который признался, что "сбыл чертежи австро-венгерских кораблей русскому военному агенту в Вене полковнику Роопу" [35]. Хотя при судебном разбирательстве была "соблюдена такая деликатность, что покупок чертежей даже не был назван", дальнейшее продолжение работы с негласной агентурой представлялось самому в момент разговора опасным и могло привести к его выдворению из страны пребывания.

Рооп не был случайным человеком в разведке. Перед командировкой в Вену он получил опыт работы в центральном разведывательном аппарате того времени — Канцелярии военно-учетного комитета и на посту военного агента в Вене активно использовал негласную агентуру. Среди "знакомых" Роопа, переданных Самойло, был и посредник, выступающий от имени офицера, "занимавшего ответственную должность в австрийском Генеральном штабе". "Понятно, что нельзя было не воспользоваться предложением Роопа, — вспоминает Самойло, — хотя сам же он (Рооп — примеч. авт.) предупреждал, что контрразведка у австрийцев поставлена хорошо и что устанавливать связь с его знакомыми — дело опасное. Предстояло ехать в Вену и там договариваться как о порядке будущих сношений, так и о содержании «товара», требуемого и предлагаемого, а также и об оплате его" [36].

"Рооп сомневался, что основной его знакомый (некто «Р»), — вспоминает Самойло, — ...согласится повидаться со мной лично, но был уверен, что он поручит это дело надежному лицу" [37]. 23 октября (5 ноября) 1903 г. Как следует из послужного списка Самойло А.А., он выехал в секретную командировку в Австро-Венгрию, где пробыл до 11(24) ноября этого же года. Все произошло так, как и предсказал Рооп — офицер австро-венгерского Генерального штаба от личного контакта отказался, все условия его сотрудничества с разведкой были оговорены при встрече с посредником. Сам Рооп передал Самойло далеко не всех своих "знакомых" и после возвращения в Вену успешно до-

бывал в течение двух лет ценную разведывательную информацию, используя негласную агентуру. Именно об этом "надежном агенте в Вене" докладывал в 1908 году в ГУГШ генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа.

Содержание этого ценнейшего агента — источника состояло в выплате ему, разумеется через посредника, "созидных разовых вознаграждений (до 10 тысяч рублей)". Инициатива в добывании документов, содержащих разведывательную информацию, практически была в руках у этого агента. Будучи офицером Генерального штаба, он прекрасно представлял круг интересов военной разведки России, хотя до его сведения доводилось, что в первую очередь желала бы приобрести последние. Исходя из высказанных пожеланий, своих возможностей и складывающейся вокруг него обстановки, негласный агент сам определял, что и когда — "от времени до времени" — он предложит русской разведке.

В 1910—1911 годах этот агент передается на руководство ГУГШ. Подобная передача была вызвана объективными (в силу стратегического характера передаваемой им разведывательной информации) и субъективными (в связи с переходом Самойло в 1909 г. на работу в обрабатывающее подразделение Центрального разведывательного органа ГУГШ — оперативно-статистическое делопроизводство австрийского фронта).

В 1911 году от негласного агента, которому был присвоен порядковый номер 25, каких-либо разведывательных материалов не поступало. В 1912 г. № 25 вновь напомнил о себе. В течение этого года и первых четырех месяцев следующего от него было получено 23 секретных документа [38].

Самойло, который с 1910 г. являлся делопроизводителем австро-венгерского делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ, следующим образом дал оценку этому агенту: "№ 25, неизвестный агент, весьма осведомленный и располагающий весьма секретными очень ценными документальными данными, которые периодически и доставлял" [39]. Здесь следует заметить, что термин "неизвестный агент" обычно указывал либо на отсутствие у разведки установочных данных на упомянутое лицо, либо на наличие сомнений в достоверности имеющихся сведений об агенте. Первое в полной мере было применимо к агенту № 25, — не была известна ни фамилия агента, ни занимаемая им должность.

В конце мая 1913 г. в Вене покончил жизнь самоубийством полковник Генерального штаба Австро-Венгрии Альфред Редль, обвиненный посмертно в причастности к "шпионству в пользу иностранных государств" и в, первую очередь, в передаче России государственных секретов. Казалось бы, все сходилось на том, что Редль и являлся тем самым "неизвестным агентом" № 25. В определенной растерянности пребывали сам Самойло, тем более, что после получения вышеперечисленных документов, новых предложений больше не поступало. "Дело Редля, — докладывал он в феврале 1914 г., подводя итог деятельности агента № 25, —

указывает, что этим агентом и был Редль..." "Однако это отрицает генерал Рооп, — здесь же, в этой же фразе, оговаривается Самойло, — *которым агент первоначально и был завербован*" [40]. Итак, Рооп единственный из русских разведчиков, знавший, кто из офицеров Генерального штаба Австро-Венгрии скрывался под № 25, отверг какую-либо причастность Редля к сотрудничеству с военной разведкой России.

Кроме того, проведенный анализ показывает, что среди документов, передаваемых агентом № 25, нет ни одного материала, относящегося к деятельности 8 (пражского) корпуса, в котором с 1909 г. полковник Редль занимал должность начальника штаба, что также ставит под сомнение утверждение о его работе на русскую разведку.

Перед началом Первой мировой войны Самойло предпринял усилия для выяснения сложившейся ситуации. Он, по его словам, "попытался связаться по обычному адресу с Веней, получил ответ, был вызван на свидание в Берн, ездил на это свидание и даже достал последние интересовавшие нас сведения". Но вот кто был этим "комиссионером" Самойло так и не удалось выяснить. Последний отказался назвать себя, объявив, что это последнее свидание [41]. Таким образом, информация от негласного агента в Вене была получена год спустя после смерти Редля.

Представляется целесообразным подробно проанализировать трагическую и запутанную историю, происшедшую в 1913 году в Вене, опираясь на воспоминания непосредственных участников событий, и дополнить тем самым лаконизм русских архивов [42]. Такой анализ тем более необходим, что отечественной и зарубежной историографией Редль, казалось, навечно закреплен за военной разведкой России. Первым, кто подробно описал "дело Редля", был Вальтер Николаи, бывший накануне Первой мировой войны начальником разведывательного отдела германского Генерального штаба. В своей книге "Тайные силы", выпущенной в свет в Лейпциге в 1923 году, он приводит следующую версию событий:

"В начале 1914 года прибыло обратное письмо в Берлин, адресованное до востребования в Вену — 2-му Ницетасу, которое не было получено адресатом. Письмо было вскрыто. В нем оказались русские деньги... Содержание его указывало, что деньги предназначались для изменнических целей. Австрийский Генеральный штаб был уведомлен об этом. Он установил надзор за соответствующим почтовым отделением. Поступившее по этому же адресу письмо было однажды вечером получено мужчиной, личность которого, вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств, тотчас же установить не удалось. Он уехал в автомобиле, и наблюдавший уголовный чиновник смог установить лишь номер этого автомобиля. Он последовал за ним в другом автомобиле, но нагнал его лишь тогда, когда сидок уже вышел" [43].

Однако сыщикам все же удалось определить личность ускользнувшего пассажира по перочинному ножу, который тот потерял в автомобиле. Его владельцем оказался полковник Редль. К шпионажу, по словам Николаи, он был привлечен *"из Берлина через русского военного атташе"*. После того как предатель сознался в своем сотрудничестве с русской военной разведкой, он покончил жизнь самоубийством. Вот и вся история.

Неубедительную версию Николаи уточняют его коллеги — начальник австрийского разведывательного бюро Генерального штаба Австро-Венгрии Август Урбанский и начальник агентурного отделения этого бюро Макс Ронге. Ронге написал о "деле Редля" в книге *"Война и шпионство"* (в русском переводе — *"Разведка и контрразведка"*). А статья Урбанского *"Провал Редля"* вошла в обширное исследование, посвященное шпионажу в Первой мировой войне, которое было издано в Германии в 1931 году [44]. Оба разведчика лично знали Редля и были последними людьми, беседовавшими с ним перед самоубийством. Рассказы Урбанского и Ронге не совпадают во многих мелких подробностях (число сыщиков, дежуривших у почтового отделения, содержимое конверта, маршрут следования Редля от почтамта и т.п.), однако не будем на них останавливаться, а рассмотрим узловые пункты обеих версий.

"В начале апреля 1913 года, — по версии Ронге, — в Берлин было возвращено письмо, адресованное «до востребования» Николу Ницетасу. В Берлине оно было вскрыто. В письме оказалось 6 крошечных и два известных шпионских адреса, один — в Париже, другой в Женеве... Майор Николаи, начальник разведывательного отдела германского генерального штаба, получив это письмо, указывавшее на крупное шпионское дело, переслал его нам, так как шпиона следовало, вероятно искать в Австрии" [45].

Вернуть конфискованное письмо на почту было невозможно — даже непрофессионал понял бы без труда, что его изучали вдоль и поперек. Поэтому разведка сфабриковала точную копию "шпионского послания" и поручила своим людям наблюдать за почтовым окошком. Что же за "шпионские адреса" содержались в письме? Парижский адрес австрийская разведка проверять не решилась из опасения, как выразился Ронге, *"попасть в лапы французской контрразведки"*. Что же касается женевского адреса, то предположили, что под ним скрывается то же самое лицо, которое "обслуживало" австрийскую разведку еще в 1904—1905 годах. Удалось выяснить, что это французский отставной капитан Ларгье, который удалился на покой в Женеву. У австрийцев, пишет Ронге, *"возникло сильное подозрение, что Ларгье по-прежнему «работал» на разные государства"*. Разведка собрала компрометирующий его материал, который анонимно передала властям Швейцарии. В итоге Ларгье был выслан из страны.

Тем временем, как утверждает Ронге, на имя Ницетаса поступили два новых письма, так что разведка изыла с почты свое фальшивое

послание. В своей книге он приводит фотокопию одного из последних писем и конверта с берлинским штемпелем с комментарием *"Письмо русского Генерального штаба Редлю"*. Текст — совершенно нейтральный: просьба впредь писать в Норвегию на имя г-жи Элизы Кьерли. Однако никаких комментариев по поводу этого адресата Ронге не дает. Его шеф Урбанский излагает историю с корреспонденцией примерно так же, приводя иную дату и количество писем.

И Ронге, и Урбанский утверждают, что незнакомца, получившего письма на имя Ницетаса, удалось опознать по футляру от перочинного ножа (Николаи упоминал не футляр, а сам нож), который тот забыл в такси. Правда, Урбанский вводит еще одну деталь — оказывается, почерк человека, заполнившего формуляр при получении писем до востребования, был идентифицирован как почерк Редля.

Итак, первая и основная улика против Редля — вложенные в письмо крупная сумма денег и адрес Ларгье, который подозревался в шпионаже.

Вторая улика — клочки разорванных почтовых квитанций. Урбанский сообщает, что, почувствовав за собой слежку, Редль попытался избавиться от имевшихся при нем компрометирующих материалов. *"В одном из проходных дворов он выбросил обрывки каких-то записок, — пишет Урбанский. — Из собранных обрывков удалось сложить почтовую квитанцию о посылке денег и две квитанции на отправку заграничных заказных писем. В архиве эти адреса давно уже были взяты на учет как шпионские"*. Ронге уточняет, что квитанции изобличали связь Редля не только с Россией и Францией, но и с Италией.

Оба разведчика сообщают, что вечером того же дня, когда Редль получил изобличающие его письма, была создана следственная комиссия, в которую помимо них вошли заместитель начальника Генерального штаба — генерал-майор Франц Хеффер — военный юрисконсульт. *"Разобравшись во всех фактах, — пишет Ронге, — мы пришли к выводу, что надо действовать быстро и решительно"*. Они доложили начальнику Генерального штаба, который приказал тотчас же допросить Редля и *"согласился с предложением дать возможность преступнику покончить с собой"*.

И Ронге, и Урбанский утверждают, что Редль, потеряв футляр от ножа и обнаружив слежку за собой, понял, что его предательство раскрыто. *"Когда мы вошли в его комнату, — рассказывает Ронге, — он был уже раздет и пытался повеситься"*. По версии Урбанского, Редль встретил комиссию, прибывшую в отель около полуночи, словами: *"знаю, зачем вы пришли, господа, я прошу дать мне возможность уйти из жизни, которую я так недостойно заканчиваю. Я жертва противоестественной страсти"*. (Урбанский неоднократно подчеркивает гомосексуальные наклонности Редля и пытается навязать читателю мысль, что именно они, став известными иностранной разведке, дали возможность под угрозой разоблачения завербовать полковника. Ронге на этот счет не столь многословен).

В качестве последней улики австрийские разведчики приводят добровольные признания шпиона. "Редль был совсем разбит, но согласился дать свои показания мне одному, — пишет Ронге. — Он рассказал, что в течение 1910—1911 годов широко обслуживал некоторые иностранные государства. В последнее время ему пришлось ограничиться лишь материалом, доступным призрачному корпусному командованию... Самым тяжким преступлением была выдача плана нашего развертывания против России в том виде, в каком он существовал в упомянутые годы и каким в общих чертах оставался в силе..." И тут же добавляет весьма непоследовательно: "Но об этом он мне ничего не сказал".

У Урбанского преступная деятельность Редля выглядит следующим образом: "Он производил фотографирование находящихся в его распоряжении служебных книг и предлагал генеральным штабам многих стран купить фотокопии". И это все.

Видимо понимая неубедительность приведенных выше доказательств, оба автора описывают улики, появившиеся уже после смерти "шпиона". Ронге сообщает о том, что Урбанский обнаружил на квартире Редля в Праге "обширный материал", заполнивший целую комнату. Урбанский пишет, что дома у Редля сохранились многочисленные неудачные снимки с секретных документов, свидетельствующие о его неопытности в фотографии. И, наконец, и Ронге, и Урбанский сообщают, что вещи покойного Редля были проданы в Праге с аукциона и некий ученик реального училища купил фотоаппарат, в котором были обнаружены не проявленные "фотопластинки (по версии Ронге) или фотопленка (по версии Урбанского)". После проявки выяснилось, что сняты секретные документы — в том, какие именно, оба автора расходятся.

Итак, каковы главные улики в "деле Редля"? Письма и обрывки почтовых квитанций, признание самого Редля в шпионаже, результаты обыска его пражской квартиры, не проявленная фотопленка в фотоаппарате, принадлежащем полковнику...

Письма. Ни один из процитированных мной авторов не приводит фотокопии письма адресованного Ларгье, который действительно сотрудничал с разведками России и Франции и был арестован в Швейцарии по подозрению в шпионаже. Существовало ли такое письмо? А если и существовало, то вызывает немалое сомнение, что профессиональный разведчик, каким был Редль, позволил бы себе надолго затянуть получение вознаграждения, увеличивая и без того немалый риск.

Смущает и факт отправления писем из Берлина в Вену. Русская военная разведка избегала отправления подобного рода из одной страны в другую, не говоря уже о посылке писем из Берлина в столицы других иностранных государств.

Квитанции. Зачем опытному шпиону и профессиональному разведчику хранить опасные и ненужные в работе материалы и, более того,

специально везти с собой из Праги в Вену? Зачем выбрасывать квитанции на улице, когда по пятам следуют сыщики, а не пытаются избавиться от них в номере гостиницы? И остается лишь удивляться сноровке полицейских агентов, которым удалось собрать в проходном дворе вечером, в темноте, умышленно разбросанные клочки бумаги.

Признание. Настораживает поверхностность допроса и стремительность, с какой он был проведен. Как могли такие профессионалы, как Ронге и Урбанский, довольствоваться скудными объяснениями Редля, не попытавшись узнать о "предательстве" все, что возможно? Почему они вручили Редлю пистолет для самоубийства, хотя не узнали у него важнейших деталей: кто завербовал, кто передавал сведения, где, когда, через кого и т.п.?

Обыск. Результаты обыска описаны у обоих авторов столь невразумительно и противоречиво, что трудно принять их за доказательство противозаконной деятельности Редля.

Не проявленная пленка. Как расценить неожиданно всплывший факт продажи с аукциона принадлежавшего Редлю фотоаппарата с не проявленными негативами, содержащими разведывательную информацию? Ссылка на профессиональную халатность лиц, производящих обыск на квартире Редля, представляется неубедительной. Трудно вообразить, чтобы проводящие расследование сотрудники, зная о том, что Редль фотографировал секретные бумаги, не заинтересовались бы в первую очередь именно его фотоаппаратами...

Все улики сомнительны. Для того чтобы обвинить человека в предательстве, их явно недостаточно. Однако, как ни странно, большинство писавших о знаменитом деле не обращали внимания на все эти несоответствия [46]. Из всей этой группы работ можно выделить книгу "Преступление полковника Редля", известного немецкого журналиста Эгона Эрвина Киша, прошедшего собственное расследование. Это не столько документальное сколько художественное произведение, написанное с выдумкой и фантазией, детективным поворотом сюжета, было, если не считать отчета Николаи, первой большой книгой о "деле Редля" (вышла в свет в 1924 году). Воспоминания Ронге и Урбанского опубликованы значительно позже, и можно предположить, что некоторые подробности оба автора черпали у богатого на выдумку журналиста. Остальные исследователи также фактически пересказывают книгу Киша, вводя при этом несуществующие детали и уточнения.

Несколько в стороне стоит книга Хайнц Хене "Der Krieg im Dunkeln" ("Война во тьме"), при подготовке которой автор использовал в том числе и материалы Австрийского государственного военного архива в Вене. Как следует из документов Военной канцелярии эрцгерцога Франца-Фердинанда, "начальник генерального штаба приказал арестовать Редля" [47]. И здесь представляется интересным привести вы-

держки из докладов участника событий заместителя начальника генерального штаба Австро-Венгрии генерал-майора Франца Хёфера, поданного им в канцелярию эрцгерцога.

Так, Хёфер, который должен был сопровождать Ронге и Урбанского, пишет, что Урбанский и Ронге сообщили ему несколько иное: "Начальник генерального штаба приказал установить вину Редля и не чинить ему препятствий, если он добровольно решился на самоубийство" [48]. Хёфер докладывал, что сделанное Редлем наедине с Ронге признание можно свести к следующему: 1) Редль занимался шпионажем в пользу России; 2) этим он занимался в последнее время; 3) Редль не имел сообщников. По словам Хёфера, он после этого разговора видел только, как Редль заклинал Ронге "дать ему огнестрельное оружие". После чего Ронге выехал к себе и вернулся с пистолетом "Браунинг" из своего сейфа.

"Что было потом явилось комедией, разыгранной секретной службой. Урбанский и Флоричек в полдень 25 мая выехали в Прагу и обыскали кабинет Редля в штабе VIII корпуса" [49]. Как следует из "Записей по обыску квартиры Редля", начальник Эвиденцбюро, казалось, не был особенно заинтересован в расследовании крупнейшего случая шпионажа в истории габсбургского государства. "Больше внимания он уделил порнографическим картинкам и другим явным доказательствам гомосексуализма Редля, свидетельствам его шпионской деятельности. Криминалистическое исследование следов полковник Урбанский считал при всем этом «слащавым, противным ощущению» лишним" [50].

Более, чем странному поведению руководителей разведки Австро-Венгрии Хёне дал следующее объяснение: "Подготовка, опыт и требование контрразведки делали необходимым срочно арестовать Редля и подробно допросить. Но сотрудник секретной службы Ронге был парализован. Он мыслит только в узких границах своей касты и своего положения, на него действовали только представления о чести офицерского корпуса. Только одна мысль, одно желание, одно стремление руководило им: убрать предателя, прежде чем общественность узнает о позоре армии! Еще не были проинформированы начальники, а майор Ронге предопределил насильственный конец Редля — смерть в результате самоубийства" [51].

То, что дело Редля получило огласку было не в последнюю очередь заслугой эрцгерцога Франца-Фердинанда, которому надоело чувствовать себя обманутым. Он распознал трюк разведывательного бюро. "Комиссия по аресту, — разозлился эрцгерцог, — имела приказ его превосходительства арестовать преступника. Это следовало сделать. Самоуправные действия комиссии были, строго говоря, недисциплинированностью" [52]. Франц-Фердинанд приказал провести расследование. В конце концов Урбанский лишился своего поста (в мае 1914 г. — примеч. авт.) и был зачислен в резерв. "Он должен был еще радоваться тому,

что его не уволили из армии, — замечает Хёне, — о чем сначала распорядился Франц-Фердинанд" [53].

Что же все-таки произошло в 1913 году в Вене? Каким образом Альфред Редль попал в орбиту "тайной войны"? Представляется возможным высказать следующую версию. В начале 1913 г. в Вену поступили сведения о том, что Россия негласным агентурным путем получает ценную документальную информацию, касающуюся вооруженных сил Австро-Венгрии. "Утечка" подобных сведений из России могла произойти через австрийскую или германскую негласную агентуру и явиться следствием предательства в определенном, хоть и ограниченном, круге лиц как в военном министерстве России, так и в штабах военных округов, имевших доступ к разрабатываемым российским Генеральным штабом документам. Среди последних были и такие, в которых делались ссылки "на подлинные австрийские документы". Таким образом, по тем или иным причинам в Вене стало известно о предательстве в собственном стане, причем на самом высоком уровне. Нельзя исключать, что эта информация дошла до наследника престола Франца-Фердинанда.

В складывающейся обстановке австрийцам необходимо было срочно пресечь деятельность тайного агента, работающего на русских. Ответственность за эту операцию была возложена на руководство разведывательной службы Австро-Венгрии — Августа Урбанского, начальника разведывательного бюро генерального штаба, и Макса Ронге, начальника агентурного отделения этого бюро.

Однако скоропалительные поиски шпиона не дали желаемых результатов. Оставалось либо признать свое бессилие (что означало, если не отставку, то "перевод" по службе), либо найти "запятнанного" офицера и взвалить на него обвинение в шпионаже. И такой кандидат был найден. Чем располагали австрийские разведчики? Только вскрытым фактом противоестественных наклонностей Редля. Все остальное необходимо было фальсифицировать. Но здесь сказались дефицит времени, спешка, следствием чего явилась фабрикация малоубедительных и несостоятельных улик с письмами, расписками и "вещественными доказательствами" — типа футляра от перочинного ножика". После создания "улик" оставалось только подтолкнуть Редля к самоубийству (или убить его?), используя психологическое давление, угрозы разоблачить "преступную страсть", не доводя дело до суда. В данном случае грань между самоубийством и убийством довольно размыта. Ибо то, что случилось с Редлем можно рассматривать как убийство, "загримированное" под самоубийство и как самоубийство, впопыхах подготовленное австрийской разведкой. Именно Урбанский и Ронге вошли в следственную комиссию. Они доложили начальнику генштаба Австро-Венгрии фон Конраду о раскрытом "предательстве" и добились санкции последнего на

самоубийство Редля без суда и должным образом организованного следствия. Что и было сделано незамедлительно. Редль ушел из жизни, сохранив за собой на многие десятки лет скандальную известность "русского шпиона". Но, убрав ими же самими сотворенного "агента", Ронге, Урбанский и Николай не смогли лишить Россию подлинных источников разведывательных сведений. Сохранившаяся в Вене агентура продолжала добывать информацию. Русская военная разведка одержала верх в тайной войне. Противостояние эрцгерцога Франца-Фердинанда с начальником генерального штаба Конрадом и австро-венгерской разведкой, в частности, закончилось выстрелом в Сараево в июне 1914 г. Не следует исключать, что когда начальнику генерального штаба Австро-Венгрии Конраду, через разведывательное бюро стало известно о готовящемся покушении на эрцгерцога в ходе предстоящих военных маневров в Боснии, Конрад, видевший во Франц-Фердинанде одно из основных препятствий на пути своих экспансионистских планов, не принял соответствующих мер для предотвращения этого покушения.

В конце 1907 года штаб Одесского военного округа сообщил в ГУГШ, что на Балканском полуострове он имеет нескольких тайных агентов. Летом связь с агентами поддерживалась через посредство Русско-Дунайского пароходства, но зимой, когда навигация по Дунаю прекращалась, прерывалась и связь с агентами. Для того, чтобы избежать впредь подобных коллизий штаб округа обратился с ходатайством разрешить привлекать к пересылке сообщений тайных агентов и указаний для них официальных военных агентов в Румынии и Болгарии. ГУГШ вначале согласился на такого рода комбинации, но в последующем, убедившись в том, как отмечает К.К.Звонарев, что штаб Одесского военного округа превратил в систему использование военных агентов в своих интересах, отказал ему в этом праве [54].

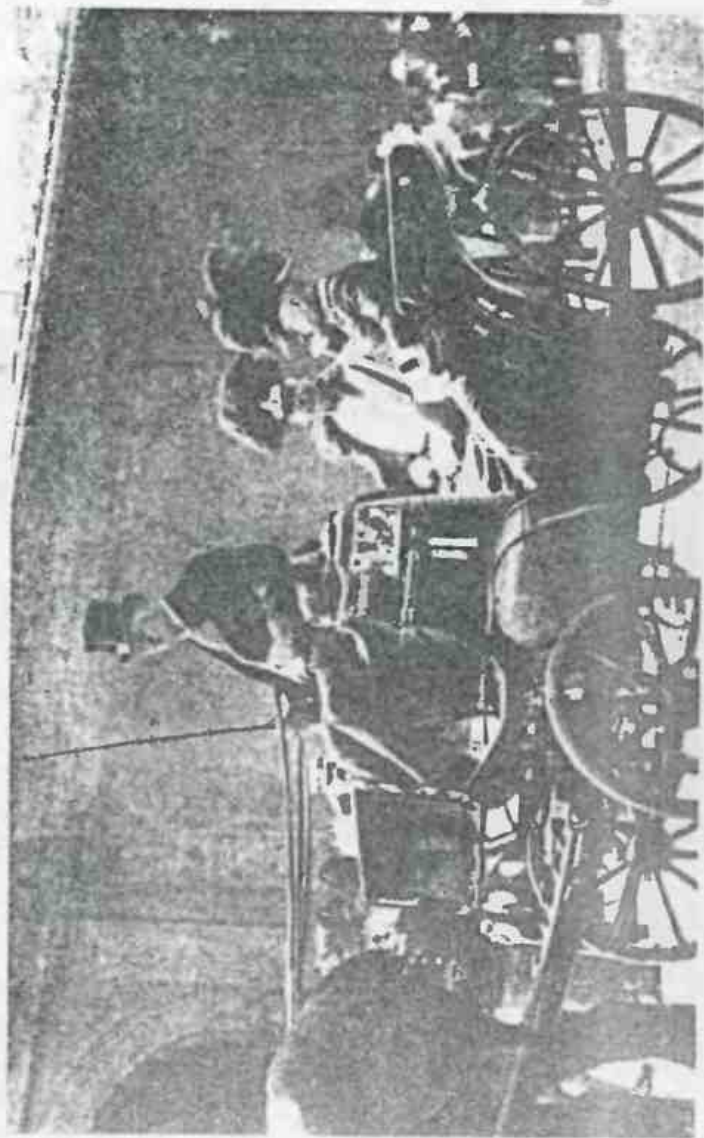
В 1907 г. штаб Одесского военного округа направил в Галицию, северную Венгрию и Буковину негласных агентов под видом точильщиков. Небывалый до того наплыв "точильщиков", свидетельствует Ронге, поставил на ноги австрийскую контрразведку [55].

Только в 1912 г. штаб округа "вступил на путь планомерной организации своей разведки за границей". К концу 1912 г. штаб округа имел трех агентов-резидентов внешней разведки в Яссах, Бырлате и Галаце [56]. "Агенты внутренней документальной разведки были подысканы в Яссах (штаб IV корпуса), в Фокшанах (в управлении коменданта Сиретской укрепленной линии, в Галаце (в инспекции железных дорог и в управлении Дунайской флотилии) и в Бухаресте (в управлении коменданта крепости)". Наряду с этим, штаб округа "весьма основательно и при этом без всяких расходов подготовил Бессарабский театр в отношении организации здесь разведки на случай перенесения военных действий на территорию этого театра".

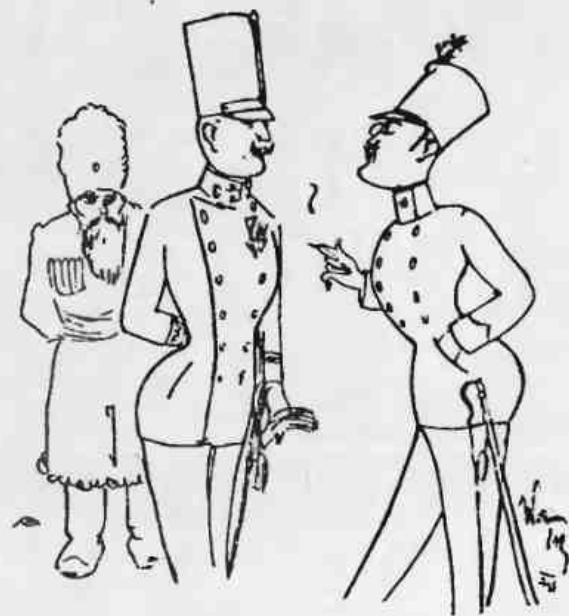

Альфред Редль

Парадный выезд в Праге А.Редля вместе с командиром корпуса

Карикатура на Редля
(Из печатного издания 1913 г.)

“Глубокоуважаемый г.Ницетас.

Конечно, Вы уже получили мое письмо от 7 мая, в котором извиняюсь за задержку в высылке. К сожалению, я не мог выслать Вам денег раньше. Ныне имею честь, уважаемый г.Ницетас, препроводить Вам при сем 7000 крон, которые я рискую послать вот в этом простом письме. Что касается Ваших предложений, все они приемлемы. Уважающий Вас И.Дитрих.

P.S. Еще раз прошу Вас писать по следующему адресу: Христиания (Норвегия). Розенборггате, №1, Элизе Кьерили”.

Адрес на конверте: Господину Никону Ницетас. Австрия, г.Вена, Главный почтамт, до востребования.

Единственный “документ”, свидетельствующий по “делу” Редля.

Войсковые штабы не привлекались штабом округа к разведке. Что же касается пограничной стражи, то ею штаб округа “широко пользовался главным образом для организации связи с его заграничной агентурой”. В целом, разведывательная деятельность штаба Одесского военного округа в 1912 году была признана ГУГШ “целесообразной и значительной”.

3.2. РАЗВЕДКА ОКРУЖНЫХ ШТАБОВ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Штаб Кавказского военного округа вел разведку всей Азиатской Турции и западной части Персии. К зарубежным силам штаба в отличие от западных окружных штабов относились негласные военные агенты на “крышевых” должностях в российских консульствах и вице-консульствах в Турции. К 1906 году, как следует из архивных источников, у штаба Кавказского округа имелись следующие негласные агенты в Азиатской Турции — вице-консулы в Ризе, Ване и Хаме и секретарь генерального консульства в Эрзеруме. Негласные военные агенты вели разведку районов IV и V турецкого корпусов со штабами в Эрзеруме и Дамаске соответственно. Район VI корпуса со штабом в Дамаске “оставался вне наблюдения”. В этой связи начальник Генерального штаба обратился с просьбой к министру иностранных дел предоставить в его распоряжение должность секретаря при генеральном консульстве в Багдаде “для негласного замещения ее офицером”. Извольский со ссылкой на мнение посла в Константинополе Зиновьева ответил, “что удовлетворение просьбы начальника Генерального штаба представляется крайне затруднительным и неудобным, ибо число консульских должностей в Турции совершенно недостаточно”. Замещение должности секретаря генерального консула в Багдаде офицером, по мнению министра, может вызвать большие затруднения и пагубно сказаться на интересах службы в связи “с оставлением незамещенных консульских постов специалистами” [57].

Извольский, отказав в выделении должности, предложил прикомандировать офицера к консульству в качестве нештатного 2 секретаря. Но Генеральный штаб отказался от такого прикомандирования в связи с недостатком средств и ходатайствовал о переводе вице-консульства из Вана в Мосул. 12 (25) декабря 1907 г. нештатный вице-консул в Ване негласный военный агент — надворный советник Термен — был назначен вице-консулом в Мосул. В последующем вице-консулу в Мосуле было разрешено постоянное проживание в Багдаде.

Разведка Персии возлагалась на “заведующего обучением персидской кавалерии командированного офицера Генерального штаба с тремя, а с конца 1908 года — четырьмя подчиненными ему офицерами — инструкторами” [58].

Большие, излишние преувеличенные надежды в части организации разведки штаб округа связывал с пограничной стражей. "Участие расположенной на кавказско-турецкой границе пограничной стражи в разведке на турецком театре, — докладывал начальник штаба Кавказского военного округа 9 (22) мая 1907 г. в ГУГШ, — выражается в настоящее время сбором и доставлением в штаб округа сведений о турецких войсках, расположенных в пограничной полосе, а также статистических и политических в том же районе" [59]. Кроме того от пограничной стражи ожидалось, что последняя будет "поставлять в штаб округа сведения по установленной форме:

1. Об офицерах пограничной стражи во всех отношениях способных к выполнению роли лазутчиков, обладающих при этом туземной внешностью;

2. О местных жителях как русскоподданных, так и турецкоподданных, на которых могли бы возлагаться поручения по разведке, большей частью из тех же лиц, которые постоянно состоят разведчиками у офицеров пограничной стражи". Однако многое из декларированного, так и осталось пожеланием, записанным на бумаге.

С 1907 и вплоть до 1914 годов российско-турецкие отношения принимали все более и более обостренный характер и дело неоднократно доходило до открытого разрыва. Вопрос о десантной операции к берегам Босфора и о наступлении русских войск в пределы Армении даже без объявления войны неоднократно ставился на повестку дня, и вооруженный конфликт между Россией и Турцией сдерживался только дипломатическими демаршами и страхом преждевременного начала Европейского пожара. В этой ситуации необходима была достоверная, многократно проверенная информация, чтобы не спровоцировать стороны к вооруженному столкновению. А предпосылки к ним возникали неоднократно.

Солидной агентуры к 1907 г., которая должна была состоять из агентов-резидентов и агентов-лазутчиков ("шпионов-резидентов" и "шпионов-лазутчиков" по терминологии штаба округа), так и не было создано. Точнее, она отсутствовала. Существующие негласные военные агенты отнюдь не решали поставленные перед ними разведывательные задачи. Столь неудовлетворительное положение вещей не могло не привести к срыву и он не замедлил произойти. Зимой 1907—1908 гг. штаб Кавказского военного округа, ссылаясь на данные агентуры, сообщил, что по всем имеющимся данным Турция готовится к внезапному нападению на Россию. В Петербурге поднялась тревога. Потребовалось время, чтобы убедиться в сущности красок и в обоснованности на сей раз опасений штаба Кавказского округа.

Анализ причин происшедшего был проведен в коллективном докладе частей I и III обер-квартирмейстеров на имя начальника Генераль-

ного штаба от 25 сентября 1908 года. "Обсудив совместно причины, — отмечалось в докладе, — с одной стороны, влекущие за собой дороговизну для государства недоразумения, а с другой — вынуждающие нас, за отсутствием реальных данных, во многом основываться на гадательных предположениях, ближайшим образом заинтересованные в скорейшей постановке разведки в Азиатской Турции на должную высоту, части I и III обер-квартирмейстерств ныне полагают, что вполне удовлетворительные результаты в этом отношении могут быть достигнуты с весьма незначительными дополнительными затратами, но при непременно условии:

1. Безоплатательной реорганизации всего разведывательного дела в Азиатской Турции.

2. Постановки его на начала разумной экономии и под фактический контроль Генерального штаба..." [60].

Спустя месяц, 23 октября 1908 г. в Проекте организации разведки на Ближнем Востоке ГУГШ отмечал, что "к сожалению, действительные результаты двадцатилетней разведывательной деятельности штаба Кавказского военного округа, а равно современное состояние его разведки далеко не соответствуют... идеалу. Пограничная полоса, как о том свидетельствовал сам штаб округа минувшей зимой, изучена недостаточно, а некоторые ее области — не обследованы вовсе; условия производства десантной операции на побережье Черного моря, вследствие незнакомства с последним, — не выяснены; о VI турецком корпусе представление у нас пока существует весьма туманное; о V турецком корпусе — недостаточно; наконец, постановка разведки в непосредственно граничащем с нами районе IV корпуса едва ли может быть признана удовлетворительной, раз возможны столь дорогостоящие государству недоразумения, каковым являлась преувеличенная тревога, возникшая минувшей зимой" [61].

ГУГШ обрисовывал удручающую картину, хотя штаб округа, докладывая об организации им разведывательной деятельности в 1908 году в Азиатской Турции и Персии, перечислил среди имеющихся сил и средств агентов-резидентов в Азиатской Турции [62]. К этому моменту штаб Кавказского военного округа располагал следующими негласными военными агентами: павловым советником Масевским (вице-консул в Ризе), титулярным советником Шелковниковым (вице-консул в Ване), коллежским ассессором Бензентром (вице-консул в Моссуле), Выпильским (секретарь Генерального консульства в Эрзеруме). Какие-либо свидетельства о наличии серьезных агентов-источников из иностранцев у негласных военных агентов отсутствовали, что видно было и по качеству поступающей от них информации.

В заключительной части Доклада обер-квартирмейстера ГУГШ о деятельности негласных военных агентов в Азиатской Турции в 1909 г.,

в частности, отмечалось: "Наиболее обильные донесения поступают из района IV корпусного округа (до 120 донесений), но главная масса их касается разных мелочей, касающихся жизни войск IV корпуса... Все эти донесения, отличаясь иногда большими подробностями и всеми деталями, не дают однако широкого освещения войск округа".

ГУГШ констатировал: "В донесениях по различным вопросам нет последовательности или определенной системы пополнения необходимых сведений, не видно общего плана разведки... Большинство донесений имеют характер как бы случайно полученных сведений, а не преследующих определенную цель по заранее намеченному плану пополнения пробелов нашей военной агентуры в Азиатской Турции".

То же самое можно сказать о районе V корпуса. Многочисленные донесения, касающиеся возможных сторон жизни войск V корпуса, отличаясь подробностями, не дают достаточно полной картины его боевой готовности. Большинство их также носит характер случайных сведений, не связанных общей идеей возможно полного и яркого освещения вопроса, что этот корпус может дать в случае войны Турции с Россией.

Наиболее скудными по своему содержанию надо признать донесения о войсках VI корпуса. Большая часть их касается политического положения в районе корпуса и мелких экспедиций против некоторых арабских и курдских племен. Безусловно же вопросы об общем состоянии войск VI корпуса и готовности их для выдвигания в подкрепление турецкой армии, сосредоточивающейся, в случае войны с Россией, против Закавказья, остаются мало освещенными" [63].

"В общем деятельность нашей негласной агентуры в Азиатской Турции, — подчеркивалось в Докладе, — нельзя считать достаточно продуктивной". В связи с чем предлагалось принять следующие меры:

"1. Предложить штабу Кавказского военного округа выработать определенную программу тех сведений, которые необходимы агенту стараться добыть. Программы эти должны иметь целью всестороннее и полное освещение боевой готовности турецких войск.

2. Указать на необходимость представления военными агентами, кроме постоянных донесений о текущих делах их районов наблюдения два раза в год подробных отчетов о выполненной ими части программы и всех данных, могущих пополнить характеристику турецких войск, какую им уже предложено составить...

3. Поставить агентам районов V и VI корпусов задачу обследовать возможных путей следования этих корпусов к границам Закавказья, для чего периодически вызывать этих агентов на Кавказ с предписанием следовать туда и обратно сухим путем по тому или другому направлению. Таким путем, в течение 3—4 лет может быть пополнен важный пробел наших сведений об Азиатской Турции и расчеты сосредоточения турецкой армии будут базироваться на более прочном основании" [64].

Результаты реализации предложенных мер, как показывает анализ архивных источников, положительно сказались на состоянии дел. Разведывательная деятельность штаба Кавказского военного округа за 1913 г. была признана ГУГШ "вполне продуктивной в качественном и количественном отношении" [65]. В первую очередь, конечно, качественном. В течение 1913 г. в ГУГШ было доставлено 142 донесения (в 1911 и 1912 гг. — 268 и 263 соответственно). Было признано, что из них "имеют существенное значение" — 106 донесений (в 1911 и 1912 гг. — 104 и 153 соответственно). Вместе с тем не все было далеко так гладко.

Так, ГУГШ выразил "крайнюю желательность полной проверки как названного штабом, так и в особенности военным агентом в Константинополе имеющихся данных о боевой готовности турецкой армии, вследствие того, что боевой опыт войны на Балканах показал несостоятельность многих имеющихся у нас данных по сим вопросам и значительную переоценку готовности турецкой армии на Кавказском фронте". Затем ГУГШ отметил в 1913 году, как и в предыдущие два года "совершенное отсутствие представления нашими негласными агентами и военным агентом в Константинополе документальных данных о турецкой армии даже по наиболее важным вопросам". В качестве примера было указано на отсутствие документального освещения чрезвычайно важного "вопроса о мобилизации и сосредоточении турецкой армии к границе Закавказья".

30 января 1906 года начальник штаба Туркестанского военного округа докладывал в ГУГШ: "Наблюдение за соседними государствами и изучение их в округе производится при помощи печатных источников иностранных изданий журналов и газет на английском и немецком языках и путем непосредственных в этих странах разведок" [66].

Сведения, получаемые "путем непосредственных разведок", поступали от следующих источников:

- офицера Генерального штаба, состоящего при консульстве в Кашгаре (негласный военный агент);

- офицеров Генерального штаба, "временно командированных в сопредельные с округом страны (главным образом, Персия, отчасти Индия)";

- офицеров Генерального штаба, "скрыто проникших в Афганистан для производства рекогносцировок с определенной задачей на короткий срок";

- начальников пограничных гарнизонов Кульджинского и Таш-Курганского;

- штаба 2 туркестанского корпуса, начальников гарнизонов Термеза и Керки, коменданта крепости Кушка и начальника Памирского отряда, "которые имеют постоянных разведчиков и пользуются случайными";

- частей 7 округа пограничной стражи;

- консулов в Кульдже, Кашгаре, Урумчи, Мешхеде, Сеистане, Бомбее, политического агента в Бухаре и дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе.

Сведения от вышеперечисленных сотрудников российского Министерства иностранных дел за границей сообщались штабу округа "обыкновенно не прямо, а из МИДа, из Главного штаба, из канцелярии туркестанского генерал-губернатора и других учреждений в тех случаях, когда они найдут это нужным".

В своем докладе в ГУГШ начальник штаба Туркестанского военного округа сообщал как в 1906 г. распределяются выделяемые на ведение разведки средства:

Штабу округа	4 500 руб. в год
Начальнику Закаспийской области и командиру 2 Туркестанского корпуса	5 000 руб. в год
Команданту крепости Кушка	1 800 руб. в год
Начальнику 5 Туркестанской стрелковой бригады (Керки)	2 000 руб. в год
Начальнику 4 Туркестанской стрелковой бригады (Термез)	2 000 руб. в год
Начальнику Памирского отряда	3 500 руб. в год
Офицеру Генштаба при консульстве в Кашгаре	1 790 руб. в год
Итого:	20 590 руб. в год

"Из сумм, отпускаемых штабу округа на вознаграждение разведчиков, — отмечалось в Докладе, — расходуется очень мало. Значительно большие расходы — на выписку иностранной прессы" [67]. Из этих же средств предполагалось оплачивать командировки офицеров на проведение рекогносцировок сопредельных территорий.

"Результаты добываемых сведений, — признал штаб округа, — далеко ниже того, что желательно иметь, в особенности по отношению к Афганистану и Индии. Сведения, добываемые через шпионов, являются наименее удовлетворительными, по неполноте и по несвоевременности".

В октябре 1907 г. Генерального штаба капитан Муханов, исполняющий штатную должность старшего адъютанта разведывательного отделения штаба, попытался переломить ситуацию. Он выдвинул идею открытия представительства торговых русских фирм в городах Индии, в качестве прикрытия для сбора разведывательной информации. Представительство должно было продавать так называемый красный товар, русский ситец, который по мнению Муханова, в Азии не имел себе конкурентов.

Подобная идея вытекла у Муханова после бесед с чиновником канцелярии генерал-губернатора Михаилом Степановичем Андреевым

состоящим в 1906—1907 гг. при консульстве в Бомбее и оказывающим услуги разведке через сеть "туземных" агентов [68].

Реализация плана открытия торгового представительства в Индии, по словам Муханова, выглядела следующим образом: "Чиновник Андреев занял бы по-прежнему место атташе при бомбейском консульстве, а я бы проехал с образцами товаров в качестве представителя торговой фирмы в Лагор, откуда, предлагая свои образцы, выезжал бы в приграничную полосу". Дальнейшее развитие сети агентуры будет тесно связано с развитием торгового дела, указывал Муханов, связывая большие надежды с Андреевым, содействие которого должно было "выразиться в подыскании подходящих лиц из туземцев, которые возьмут на себя обязанности комиссионеров по торговле". "Несомненно, — отмечал Муханов, — что придется уделять много забот и коммерческой части, особенно первое время, дабы во-первых, поставить дело твердо, а, во-вторых, этим лучше всего можно будет отвести глаза англичанам".

"Пребывание мое в Индии, — подчеркивал Генерального штаба капитан, — позволит мне подготовиться к дальнейшему развитию нашей сети, так как с расширением дела можно было открыть отделения представительства в Сринагаре, Пешаваре и Кветте. Материальная сторона выразилась бы в возмещении расходов по проезду в Индию и там, полагаю, от 4 до 5 тысяч в год, причем, если торговая фирма найдет возможным положить и от себя какое-нибудь содержание, то вышеупомянутый оклад мог бы быть соответственно уменьшен".

В направлении реализации своего плана Муханов предпринял и первые шаги. Им было поручено Андрееву при нахождении последнего проездом в Москве "частным образом переговорить с представителями наиболее солидных фирм и выяснить те условия, которые могли бы соблазнить их к постановке дела в Индии и вероятность их участия в этом деле". Сам же Муханов, имея родственные связи в Восточно-Азиатской датской компании готов был "устроить и соответствующие фрахт и доставку" [69].

Следствием этого грандиозного плана явилось назначение Андреева сотрудником в Генконсульстве в Бомбее и привлечение его к сотрудничеству с разведкой в качестве негласного агента военной разведки. Муханов же был переведен к другому месту службы с назначением нового офицера на должность старшего адъютанта разведывательного отделения, дальского от реализации идей своего предшественника.

Неудовлетворительное состояние дел по организации разведки штабом округа не претерпело изменений в лучшую сторону спустя несколько лет. Тому были и объективные причины.

16(29) марта 1909 г. окружной генерал-квартирмейстер докладывал начальнику штаба Туркестанского военного округа: "Вследствие

постоянного некомплекта в штабе округа офицеров Генерального штаба и частой смены их, трудное дело изучения сопредельных стран, требующее большого времени и продолжительного пребывания офицера в округе, оставляет желать многого. Еще более вредно отзываться на деле разведки частая смена лиц, стоящих во главе разведывательного отделения" [70]. К моменту доклада оставалась незамещенной нештатная должность старшего адъютанта разведывательного отделения округа. Генерал-квартирмейстер "полагал бы возможным назначить на это место прикомандированного к штабу 3 западно-сибирского стрелкового батальона штабс-капитана Стромилова". Основания — "офицер этот получил солидное образование (окончил Военный институт во Владивостоке) — знает английский язык и желает остаться на службе в округе навсегда" [71].

За месяц до этого — 14(27) февраля 1909 г. все тот же генерал-квартирмейстер штаба округа докладывал начальнику округа о трудностях, с которыми приходится сталкиваться при организации разведки Афганистана: "Совершенно закрытая для европейцев в настоящее время, афганская граница с каждым годом становится все более и более трудно проходимой и для туземцев Туркестанского края. Всякий бухарец, переходящий границу, будь то торговец или простой туземец, идущий на богомолье (хадж), подвергается на афганской границе тщательным испытаниям. Записывается его фамилия, все приметы, ремесло, откуда, куда и зачем идет, приблизительное время возвращения и т.п. После того бухарцу выдается проходное свидетельство, которое он обязан предъявить на обратном пути, выдавшему его лицу, а в случае потери свидетельства должен доказать, что он то именно лицо, за которое себя выдает. При этом, если бухарец навлек на себя хотя бы малейшее подозрение, то подвергается не только расспросам и испытаниям, но и пыткам... Такая чрезвычайная внимательность афганских пограничных властей к переходящим границу туземцам имеет единственную цель — зорко следить за нашими разведчиками. Выполняются этими властями данные им из Кабула инструкции настолько хорошо, что отбивают охоту у любого туземца — разведчика произвести глубокую разведку. Отлично поставленное дело контр-шпионства у афганцев дает им возможность всегда быть предупрежденными откуда и куда посылаются наши разведчики. Этому вполне благоприятствует бесконтрольное шатание афганских шпионов по всем городам и местечкам Туркестанского края. Устройство разведывательных пунктов в наших пограничных городах несомненно не могло остаться незамеченным афганскими властями и еще более увеличило их надзор по всей афгано-бухарской границе..." [72].

Штаб округа пытался изыскивать выход из сложившейся ситуации, но в основном без особых результатов.

К 1911 г. штаб округа наладил ежесемесный выпуск "Сводки сведений о сопредельных странах, добытых разведкой", которая представлялась в ГУГШ. Оценивая десять номеров Сводок за 1911 г., 2-й обер-квартирмейстер вынужден был констатировать, что "штаб Туркестанского военного округа уделяет слишком большое внимание политической жизни в сопредельных с округом странах и внутренним событиям, в ущерб изучению этих стран в военном отношении. Сведения военного характера несколько разрознены и отрывочны, содержат часто мало проверенные слухи, почему не вполне удовлетворяют своему назначению — постоянно освежать первоначальные сведения об армиях наших вероятных противников; лишь сведения по Западному Китаю являются в данном случае отрядным исключением" [73]. "При оценке разведывательной деятельности штаба округа в Афганистане необходимо однако иметь в виду исключительную трудность сбора сведений в этой стране", признавал 2 обер-квартирмейстер. В связи с вышеизложенным, штабу округа было указано "на необходимость усиления разведки в том смысле, чтобы главное внимание обращать на вооруженные силы соседних государств (особенно Афганистана) их организацию, комплектование, боевую подготовку и дислокацию".

К этому времени у штаба туркестанского военного округа было два негласных военных агента — подполковник Скурат, "офицер на правах военного агента в Мешхеде" и штабс-капитан Цветков, "состоящий при вице-консульстве в Сеистане". Добываемые ими разведывательные сведения докладывались в штаб округа и в копии направлялись в Санкт-Петербург, где и оценивались в туркестанском делопроизводстве части 2 обер-квартирмейстера ГУГШ. За 1911 г. подполковник Скурат представил пять "тетрадок Сведений" об Афганистане (около 120 страниц) почтового формата, написанных или от руки, или на машинке. Наиболее полно выражаются в этих "Сведениях политические события, — отмечал 2 обер-квартирмейстер. — ... Эта сторона жизни афганского народа освещена достаточно ярко и включает в себе много интересных и до сих пор неизвестных данных".

Данные об афганской армии составляли около четверти всего материала. "Хотя и в них встречаются ценные данные..., но все же видна меньшая систематичность, отсутствие планомерного сбора сведений... Иногда встречаются полные противоречия тому, что было освещено раньше. Особенно же мало сведений о дислокации афганской армии, а представленные настолько отрывочны, что не дают возможности выяснить группировку войск", указывал 2 обер-квартирмейстер. Однако в целом работа подполковника Скурата была признана "достаточно хорошей", чего нельзя было сказать о деятельности штабс-капитана Цветкова, состоящего при вице-консульстве в Сеистане [74].

Добываемые им сведения "являются мало интересными в военном отношении и бессистемными", — отмечалось частью 2 обер-квартирмейстера ГУГШ в 1911 г. — *Представленные сведения о дислокации ирландской, афганской и англо-индийской армий настолько отрывочны, что не могут иметь никакого значения*" [75]. При этом, правда, была сделана оговорка, что "штабс-капитан Цветков находился в таком глухом и отдаленном от центров Персии, Афганистана и Англо-Индии пункте, что и трудно и ожидать получения от него более интересных сведений собственно в военном отношении сведений". В этом случае возникает вопрос, стоило ли открывать должность негласного военного агента в столь отдаленном месте?

В целом разведка штабами Кавказского и Туркестанского военных округов велась малоэффективно: добываемые сведения были эпизодичны и второстепенны, не удалось наладить разведывательную деятельность имеющихся в распоряжении окружных штабов негласных военных агентов.

3.3. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШТАБОВ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

На первое место в числе задач, подлежащих исполнению как ГУГШ, так и штабами военных округов на Дальнем Востоке была поставлена задача создания за границей "отвечающей нашим потребностям агентурной сети, признаваемой главнейшим и необходимейшим средством для достижения должной осведомленности" [76].

Штабу Приамурского военного округа первоначально в августе 1906 г. был указан следующий район разведки — Япония, Корея и часть Маньчжурии, прилегающие к границам округа (в 1908 г. по указанию начальника Генерального штаба этот район был изменен, в том числе исключены Японские острова, но добавлена, ставшая японской, часть острова Сахалина. В качестве руководящих указаний по организации и ведению разведки штабу округа в 1906 г. было предписано: "...ныне же приступить к организации постоянной сети тайных агентов на местах" [77]. "Без наличия таковой сети, — разъясняло ГУГШ, — разведка, неизбежно будет иметь случайный и прерывистый характер, причем от внимания ее по-прежнему будет или вовсе ускользать ряд явлений, имеющих первостепенное военное значение, или же эти явления будут обнаруживаемы с неоправданным опозданием".

Получив указания Центра, штаб Приамурского военного округа доложил в ГУГШ, что в своей разведывательной деятельности он предусматривает опираться на следующие силы и средства:

- военных агентов;
- военных комиссаров;
- Заамурский округ пограничной стражи;

— "тайную разведку посредством шпионов из местных жителей (резидентов и лазутчиков)";

— "иностранцев (европейцев), служащих в торговых фирмах в Японии, Китае и Корее";

— "газеты" [78].

Штаб округа возлагал напрасные надежды на исподличинных ему военных агентов в Японии и Китае, которые относились к силам и средствам ГУГШ. И, действительно, сведения от последних поступали в штаб округа "зачастую совершенно случайно".

Институт военных комиссаров — представителей России во время русской оккупации Маньчжурии в Цзицкаре, Гирине и Мукдене — существовал с 1900 по 1907 гг. т.е. до момента эвакуации русских войск. Несмотря на имеющиеся возможности, военные комиссары не сыграли сколь-нибудь существенной роли в деле организации и ведения разведки.

Остальные перечисленные силы и средства штаба округа, исключая, пожалуй, "газеты", также остались невостребованными.

"Агентурной сети в Маньчжурии штаб округа не имеет вовсе, — отмечалось в докладе по ГУГШ от декабря 1909 г., — несмотря на то, что при наличии в пределах округа многочисленного китайского элемента, а вне их — вполне достаточно для сей цели количества наших коммерсантов, а равно правительственных органов в лице Заамурского округа пограничной стражи, служащих Китайской Восточной железной дороги, Русско-китайского банка, консула в Гирине и преподавателя русско-китайской школы в Гирине штабс-капитана Шкуркина, кое-чего в этом направлении при желании несомненно можно было достигнуть за три года. В Корее, в агентурную сеть включен один лишь г. Хоренг, несмотря на существование весьма благоприятных обстоятельств к широкой организации дела разведки в названной стране. На Сахалине агентурной сетью штаб округа не располагает вовсе" [79].

"Таким образом, — приходили к заключению авторы Доклада, — итоги деятельности штаба округа по насаждению за границей агентурной сети — единственного источника сведений в военное время, сводятся к нулю. Бездеятельность свою в этом отношении штаб округа неизменно сваливает на недостаток средств — отговорка не выдерживающая ни малейшей критики, при наличии у Главного управления, в лице штабс-капитана Бирюкова, капитана Афанасьева и г. Ладыгина ярких примеров того, что может быть достигнуто в рассматриваемой области в меньший срок и с меньшими средствами, но с большею заботливостью, любовью к делу и умением".

"Последствия вышеизложенного, могущие привести к катастрофе в случае войны, — делался нелицеприятный вывод, — естественно, сказываются и в мирное время, и дают право утверждать, что в общую сумму сведений, коими мы ныне располагаем о силах, средствах и воен-

ных мероприятиях наших вероятных противников в Маньчжурии и Корее, штаб округа за все время, истекшее после минувшей войны, внес лепту, едва ли не приближающуюся к нулю".

Не изменилась "лепта" штаба округа в дело сбора разведывательных сведений о вероятных противниках и к 1912 г. Оценивая разведывательную деятельность штаба округа за 1911 г., ГУГШ отмечало: "В течение года им, кроме текущих донесений (около трех) представлено 18 печатных сводок, заключающих секретные сведения, по преимуществу сообщенные военными агентами и лишь отчасти добытые собственной разведкой, и 50 книг "Китай и Япония", представляющих сборники сведений, большей частью, почерпнутых из китайских и японских газет" [80].

Поправить столь "плачевное" положение дел должна была реализация идеи, высказанной одним из энтузиастов военной разведки. Так, в начале 1906 года окружным штабом в ГУГШ был представлен документ под названием "Положение о школе разведчиков Приамурского военного округа", разработанный Генерального штаба капитаном Свирчевским. В преамбуле Положения говорилось: "Минувшая кампания 1904—1905 годов показала какую громадную пользу может принести тайная разведка, организованная заблаговременно и прочно... Система японского шпионства, широко задуманная и осторожно, но твердо проведенная в жизнь, дала им возможность еще до войны изучить нас, как своего противника, будущий театр войны, важнейшие его пункты; во время войны — следить за нашими войсками, не только в периоды боевого затишья, но даже и в бою" [81].

"Так как вряд ли можно высказаться с уверенностью против новой войны с японцами, а весьма возможно, что и с Китаем, — отмечалось далее, — безусловно, необходимо, пользуясь временем, находящимся пока в нашем распоряжении, безотлагательно приступить к созданию кадра преданных нам людей, достаточно развитых и с известным объемом знаний, необходимых им при выполнении специальных задач шпионства в самом широком значении этого слова".

Какой виделась школа разведчиков Свирчевскому? "Имея в виду, что для выполнения задач разведывания питомцам школы придется не только посещать периодически страну «противника», но главным образом, жить в ней — очевидно, что общий характер образования даваемого школой, должен быть таков, чтобы разведчик мог сравнительно скоро найти себе там дело, которое и вести, не вызывая подозрений. Казалось бы, что наиболее соответственным для такой цели будет образование коммерческое, соединенное с изучением различных ремесел", — разъяснял Генерального штаба капитан. Такое образование, по его мнению, должна была дать "школа для подготовки коммерсантов-разведчиков, именуемая полностью Восточная коммерческая школа".

Во главу угла Свирчевским был поставлен "Особый нравственный уклад": "Соответственное воспитание в духе исключительного. (так подчеркнуто в документе — примеч. авт.) признания интересов своей нации и готовности применить все средства к достижению наибольшей выгоды своему отечеству — должно быть поставлено на первом месте, так как недостаток в знаниях всегда пополнить можно, перевоспитаться же, особенно в направлении, требуемом целью школы, почти невозможно, если система такого воспитания не пройдет красной нитью через всю жизнь школы".

Наиболее желательным элементом для пополнения штата воспитанников должны были стать сироты, "всцело зависимые только от школы". "А раз это так, — развивал свою мысль автор, — придется принимать их почти не стесняясь возрастом, т.е. необходимо, кроме училища создать нечто вроде детского сада".

Итак, "Школа для подготовки коммерсантов-разведчиков", по замыслу Свирчевского, должна была состоять:

"а) из детского сада, в котором воспитываются сироты-мальчики как китайские, так и русские от 5 до 10 лет; б) собственно училища, состоящего из 7 общих и 1 специального классов".

В школу помимо воспитанников детского сада "исключительно в 1 класс" могли приниматься мальчики, не старше 10 лет, "преимущественно сироты". При этом отмечалась "желательность приема сирот наших инородцев монгольского типа".

Общее количество учащихся школы было определено в 300—320 человек, исходя из тех соображений, что в 1 классе начнет учебу 40 человек, из которых 30 мальчиков будет набираться из числа окончивших детский сад.

Из 40 человек, зачисленных в 1 класс, только 20 предполагалось использовать по специальности, 10 должны были составить "некоторую естественную убыль за время прохождения курса", оставшиеся 10 человек — оказаться "не пригодными к предстоящей деятельности".

Общая численность детского сада была определена в свою очередь в 150—175 человек.

Курс общих семи классов должен был быть разработан применительно к курсу коммерческих училищ, "причем ни на одну минуту" не должна была упускаться из виду цель школы. "Почему явится возможность несколько сократить курсы почти всех предметов в тех их частях, кои не могут способствовать совершенству знакомства с Востоком или усвоению тех знаний, которые облегчат выполнение задач разведки", — указывалось в Положении. "Помимо предметов собственно коммерческого образования, — разъяснялось далее, — безусловно необходимо:

1. Возможно более полное и подробное изучение государств Востока;

2. Твердое знание, до степени совершенно свободной разговорной речи, английского, китайского и японского языков;

3. Практические специальные знания: а) чертежное искусство; б) ремесла; в) телеграфное дело; г) железнодорожное дело в том объеме, который даст возможность определить при разведке технические данные устройства дороги; д) некоторые отделы курсов топографии, тактики, администрации, фортификации; е) хотя бы самые общие сведения об устройстве и организации военных флотов, что необходимо при разведке неприятельских портов".

Специальный класс должен был иметь своей целью "проверить степень практической подготовки воспитанников рядом самостоятельных работ".

Было предусмотрено, что юноши трех старших классов каждое лето в течение трех-четырех месяцев будут проводить в Японии, с последующим представлением отчета начальнику школы о проделанной работе.

По окончании полного курса школы все выпускники должны были прикомандировываться сроком на два-три месяца к штабу округа, где лично начальник штаба должен был знакомиться с каждым из них "в нравственном и умственном его отношении". После такого ознакомления несколько человек "наиболее даровитых" распоряжением штаба округа должны были зачисляться вольноопределяющимися в войска и после строевой подготовки отправляться в военные училища с последующим их использованием по разведке. Признанные неспособными "для выполнения задач тайного разведывания могут, дабы не терять их для пользы службы, назначаться к распоряжению наших консулов Дальнего Востока".

Основной же части выпускников должны были быть поставлены задачи на ведение разведки, после чего им следовало "отправляться по одиночке для выполнения служебного поручения".

"С целью обеспечить существование постоянного кадра коммерсантов-разведчиков, — отмечалось в Положении, — крайне желательно обязать каждого воспитанника службою военному ведомству в течение хотя 4—5 лет".

Блестящий план, который в силу недостатка ассигнований и должной настойчивости со стороны штаба округа, так и не был реализован.

Наряду со штабом Приамурского военного округа, резко отрицательную оценку своей разведывательной деятельности в конце 1909 г. получил штаб Иркутского военного округа. К этому времени штаб округа собственной негласной агентурной сети за границей все

еще не имел. К числу своих агентов, штаб округа относил проживающих на его территории двух корейцев и двух "специальных агентов" [82]. Оба корейца, один из которых в чине капитана корейской службы, имели своим местом жительства Читу и принадлежали к "Корейскому революционному комитету". Донесения от корейцев поступали через "посредство" начальника Читинского охранного отделения. "Специальным агентом штаба округа в городе Верхнеудинске являлся есаул Тонких, дающий сведения о Монголии, о мерах китайского правительства по заселению Монголии китайцами, об отношении монгол к русским и китайцам». Вторым "специальным агентом штаба округа" являлся казак, владеющий монгольским языком, который проживал в окрестностях озера Косогол, т.е. "в наиболее дикой, удаленной от всех возможных оперативных направлений и неинтересной в военном и иных отношениях части порученного округу района" [83]. Отсутствие негласной агентуры за границей привело к неосведомленности штаба округа по многим вопросам.

"Халха с ее монгольским миром, — отмечалось в Докладе по ГУГШ, — по-прежнему остается для нас terra incognita, почти в полном смысле этого понятия. Положение дел в Восточной Монголии усиленно колонизируемой ныне китайцами, а равно в Хэйлуцзянской провинции нам хотя и известно, но отнюдь не от штаба Иркутского военного округа, не давшего ни единого сведения по этим вопросам, а от наших собственных агентов в лице консула Манакина, г. Ладыгина и коммерческих агентов Китайской Восточной железной дороги". "Вообще за три года, — подчеркивалось в «Докладе», — вся деятельность штаба округа по разведке выразилась в составлении и отпечатании двух лишь сводок, материалом для которых послужили исключительно сведения, добытые другими, независимыми от него, разведывательными организациями".

"Сетования штаба округа на недостаток средств, как это доказывает опыт, — указывал ГУГШ, — совершенно неосновательны, ибо в Монголии и Маньчжурии можно иметь очень хороших агентов из туземцев за 50—75 рублей в месяц, что блестяще доказали г. Ладыгин и капитан Афанасьев. Столь же неосновательны ссылки на невозможность подыскать таковых агентов, ибо, в случае ненахождения их на местах, штабу округа надлежало подготовить и насадить их. Задача эта едва ли является трудной, принимая во внимание, что в распоряжении штаба округа имелись неисчерпаемый и вполне пригодный для этой цели материал в лице наших бурят, а равно вполне достаточные средства и время".

В 1911 г. штаб Иркутского военного округа доставлял разведывательные сведения "большой частью по Монголии". Среди них "кроме текущих донесений (около 50)... 12 книг «Сведений о государствах

Дальнего Востока», представляющих сборники переводных и газетных сведений" [84].

В 1911 году штаб Омского военного округа "кроме небольшого числа текущих донесений (около 10)... представил две книги «секретной сводки сведений о Китае и Японии» [85]. "Значительная часть работы окружного штаба по сбору сведений, — считало ГУГШ, — по-видимому, сводится главным образом к сбору материала из газет и сводке сведений, получаемых от наших агентов и начальников консульских конвоев". Командиры конвоев при консульствах в городах Урумчи, Шара-Сумэ, Кобдо и Улясутас являлись негласными военными агентами штаба округа.

Результативность работы командиров конвоев напрямую зависела от подобранных кандидатов на эти должности. И хотя среди офицеров 1 и 2 Сибирского казачьих полков (именно из офицерского состава этих полков назначались командиры конвоев), имелись офицеры, окончившие при штабе Туркестанского военного округа курсы "индустани", или "хотя бы изучавшие китайский язык при Кульджинской школе толмачей и переводчиков", штабом округа нередко командировывались офицеры "со школьной скамьи без специальной подготовки и, по-видимому, не имеющие никакого желания работать по разведке" [86].

Все попытки штаба округа привлечь "к самостоятельной работе по разведке агентов из туземцев или из наших торговцев пока не привели ни к чему" (декабрь 1912 г. — примеч. авт.). "Опыт показал, — докладывал штаб округа, — что такие агенты могут исполнять лишь несложные поручения, к самостоятельной работе мало пригодны, главное же — с ними чрезвычайно трудно поддерживать сношения". "Руководить их работой должен обязательно человек интеллигентный, знающий район и условия, способный на месте дать надлежащую оценку получаемым сведениям, ставить низшим агентам новые задачи по собственной инициативе", — пришел к выводу штаб округа. "Таковыми руководителями могут быть только офицеры, получившие специальную подготовку", — был убежден окружной штаб. Штаб округа имел в виду негласных военных агентов "в главных пунктах страны, в городах с консульскими резиденциями". Но таковых не было, а командиры конвоев с поставленными разведывательными задачами не справлялись.

Сопоставительный анализ деятельности ГУГШ и штабов военных округов в регионе позволяет провести уже упоминаемый доклад, подготовленный по Главному управлению Генерального штаба от 19 декабря (1 января) 1909 (1910 г.) В направлении создания агентурной сети, отмечалось в докладе, собственно ГУГШ "со времени войны" на Дальнем Востоке было проделано нижеследующее:

"для стратегической и военно-политической разведки в пределах Гиринской и Хэйлунцзянской провинции консульские посты в Гирине и Цицикаре замечены офицерами Генерального штаба; отчасти для той же цели, главным же образом для разведки в Восточной Монголии, подыскан весьма деятельный сотрудник в лице коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги г. Ладыгина; для разведки в Мукденской провинции один из помощников военного агента в Китае переведен из Тяньцзиня в Мукден; для организации разведки в Корее, туда, под видом консульского агента в Гензане, командирован офицер; разведка в Южной Монголии и провинции Ганьсу поручена проживающему в княжестве Алашань представителю одной из крупнейших дальневосточных торговых фирм; в собственно Китае разведка налажена вполне удовлетворительно через посредство нашей военной агентуры в Пекине и Шанхае; наконец, привлечено в качестве корреспондентов по различным вопросам, касающимся всего Дальнего Востока, несколько компетентных по этим вопросам лиц" [87]. Благодаря вышеприведенным мерам, осведомленность ГУГШ "о всех текущих событиях стратегического и военно-политического характера на Дальнем Востоке" была признана "вполне удовлетворительной". Лишь в отношении собственно Японии ощущались "несмотря на наличие в ней военного и негласного агентов, существенные пробелы, обусловленные крайне неблагоприятными условиями для ведения разведки в этой стране".

Что же касается деятельности штабов Приамурского, Иркутского и Омского военных округов то в течение рассматриваемого периода итоги ее представлялись "по меньшей мере безотрадными".

4. РЕШЕНИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКОЙ СТОЯЩИХ ПЕРЕД НЕЙ ЗАДАЧ

4.1. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ С РАЗВЕДКОЙ

Основой русской военной агентурной разведки всегда были агенты-иностранцы, состоявшие с ней в тайном сотрудничестве. Терминология для обозначения различных категорий негласных агентов была неустойчивая и видоизменялась с течением времени. Негласная агентура ГУГШ на первых порах подразделялась на "главных" и "второстепенных" негласных (тайных) агентов.

Предполагалось, что главные агенты будут проживать в "главных пунктах неприятельской территории и приписанных к ней районах" и "должны быть набираемы из развитых людей, по возможности, с военным образованием". Главные агенты, выступая в качестве агентов-вербовщиков, должны были работать через "второстепенных агентов, которые подразделялись на агентов-резидентов и агентов-ходоков (подвижных агентов)". При этом высказывалось пожелание, чтобы часть агентов-резидентов принадлежала "к высшему классу населения". По сути своей второстепенные агенты подразделялись на агентов-источников информации и агентов-наблюдателей. В обязанности последних вменялась организация непосредственного наблюдения за состоянием различных объектов разведки: войск, крепостных сооружений, железнодорожных станций и соответственно железнодорожного сообщения через них и т.д. К 1910 году ГУГШ отказалось от деления негласных агентов на главных и второстепенных. Применительно к негласной агентуре употреблялись также такие понятия как "агент-резидент", "агент-вербовщик", "агент-наблюдатель", "агент-почтальон", "агент-посылный" и т.д. Сами названия выражали в этих случаях сущность использования иностранцев.

Штабы военных округов, обозначая негласную агентуру, вначале также использовали понятия "главные и второстепенные негласные агенты". Однако в последующем была предпринята попытка ввести "жесткую" терминологию и негласная агентура "по характеру своей деятельности" директивно была подразделена на "внутреннюю" и "внешнюю" агентуру.

"Внутренняя" агентура, согласно архивным документам, имела своим "главным назначением сбор документальных данных в центральных и местных военных управлениях и в войсковых штабах, а равно и тех административных учреждениях, кои принимают участие в разработке подготовленных соображений по выполнению мобилизации, перевозке и снабжению войск" [1].

Таким образом, "внутренняя" агентура представляла собой агентов-источников документальной информации. "Внешняя" агентура, в свою очередь, имела "прямой задачей сбор необходимых сведений путем непосредственного наблюдения и изучения предметов разведки (войск, крепостных, железнодорожных и иных сооружений, местности и т.п.)" и выступала в качестве агентов-наблюдателей.

"Внешняя" агентура подразделялась на "агентов-резидентов" и "подвижных агентов наблюдения". Для обеспечения связи с внешней агентурой использовались "агенты-почтальоны", "агенты для поручений" и т.д.

"Агентура обоих указанных типов, — отмечалось в «Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов» от 1912 г., — взаимно дополняют друг друга, причем «внутренняя» агентура имеет то преимущество, что путем ознакомления с добытыми ею данными, она способна сразу же и весьма широко раскрыть деятельность наблюдаемых противников, тогда как «внешняя» агентура ведет к той же цели лишь путем крайне кропотливого и медленного собирания отдельных наблюдений; зато последняя, то есть «внешняя» агентура более надежна, так как выводы из ее деятельности базируются на ряде наблюдений и фактов, взаимно корректирующих друг друга и потому исключающих возможность быть легко введенными в заблуждение" [2].

"Основными положениями" допускалось "в интересах экономии ... совмещение в одном лице функции агентов различных категорий". "Так, «внутренние» агенты в местных военных и административных учреждениях могут быть вместе с тем и агентами-резидентами в составе «внешней» агентуры", — разъяснялось в документе.

Подходы, применяемые ГУГШ и штабами военных округов к привлечению иностранцев к тайному сотрудничеству с разведкой, следует исходить из того, что они были идентичны. Вместе с тем, сами подходы на Западе были несколько отличны от подобных на Востоке, хотя для тех и других существовали общие методы.

На Западе вербовка агентов-источников документальной информации как ГУГШ, так и штабами военных округов, в подавляющем большинстве случаев была непредсказуема и осуществлялась стихийно.

Негласная агентура этой категории, как впрочем и других категорий, но в меньшей степени, комплектовалась в основном за счет dobroжелателей — лиц, которые письменно или устно обращались с предложением услуг к военным агентам, в российских миссиях, штабы военных округов, непосредственно в ГУГШ в Петербурге, а также в другие главные управления военного ведомства, в министерства иностранных и внутренних дел. Услуги предлагались как на разовой основе, так носили и долговременный характер.

Предлагалось все — от планов отдельных крепостей до чертежей новейших образцов оружия и военной техники. Но, безусловно почет-

ное место среди таких документов занимали планы войны с Россией ее потенциальных противников — Германии и Австро-Венгрии, именно то, что больше всего интересовало Генеральный штаб.

10 (23) марта 1907 года в Главное управление Генерального штаба было перенаправлено письмо, поступившее по адресу: *"Императорское военное министерство, Санкт-Петербург"* [3].

"Позволю обратиться, — писал некий Франкенберг, — не может ли министерство или Императорское русское правительство принять меня на свою службу. Имея сношения с военными властями в Кенигсберге и вне его округа, мне представился случай передать русскому правительству весьма важные сведения. Одним лицом, попавшим в нужду, мне передана рукопись, которая без сомнения для вас имеет большую ценность, но о подробностях я охотно поговорил бы с одним из ваших агентов в назначенном вами пункте для дальнейшего выяснения этого дела. При представлении трудов я назову только «мобилизационный план германской армии» (два тома), а также инструкцию для мобилизации 1 армейского корпуса. Дабы представившийся такой случай мог быть использован, желательна наибольшая быстрота действий, поэтому я ожидаю вашего быстрого решения. Ответ прошу мне представить в конверте без всякой надписи". Письмо содержало также обратный адрес корреспондента.

ГУГШ 12(25) марта направил поступившее письмо в штаб Виленского военного округа, рекомендуя соблюдать максимальную осторожность, *"так как возможно, что Франкенберг действует по поручению разведывательного отделения германского Генерального штаба"*. В ответе, последовавшим вскоре от штаба Виленского военного округа, констатировалось, что *"сношение с таким лицом, как Франкенберг, требует исключительной осторожности"*. *"Необходимы вполне опытные лица, — указывалось далее, — которые могли бы точно установить степень достоверности и искренности предлагаемых им услуг, а также и такое обстоятельство, что не является ли Франкенберг двойным типом с главной целью выведать путем переговоров побольше сведений о положении дела разведки в русской армии. Наконец, необходима большая денежная сумма, так как, очевидно, Франкенберг дешево не продаст имеющихся у него сведений, особенно, если они представляют ценный характер в настоящее время"* [4]. *"В распоряжении штаба Виленского военного округа, — делалось замечание в рапорте начальника штаба, — не имеется ни денежных сумм, ни опытных лиц, которые смогли бы с толком вести переговоры с Франкенбергом, а потому вступление в сношения для штаба округа является не только рискованным, но при настоящих условиях даже невозможным"*.

Сомнения, приведшие к отказу от предлагаемых услуг, предстояло решать представителям разведки каждый раз индивидуально.

Так, 13(26) апреля 1907 года в штаб Виленского военного округа поступило письмо Мюллера, русского подданного, с предложением услуг в части добывания документальных материалов по германским вооруженным силам. Для работы с Мюллером, был выделен капитан Левицкий. Всего с Мюллером было проведено две встречи. Первая — состоялась в сентябре в Эйджунасе (на германо-русской границе, со стороны Пруссии) в гостинице "Русланд". Мюллер оказался по профессии парикмахером, проживающим в Кенигсберге. *"Наше знакомство на улице, — докладывал об этой встрече Левицкий, — произошло на глазах нашего агента в Верэблэво, который действовал как сыщик. Запершись в номере гостиницы, Мюллер спросил, какие сведения нам желательны. Я потребовал подробных планов укреплений Мазурских озер, крепости Кенигсберг, сведений по мобилизации германской армии и по организации железных дорог для воинских перевозок"* [5]. На второй встрече, проходившей на сей раз в Кенигсберге, Мюллер предложил карты масштаба 1:25000 района Эйджунаса-Кенигсберг, Алленштейн, заявив при этом, что все это будет стоить денег. Во время этой встречи Мюллер *"показался Левицкому очень подозрительным"* и связь с ним была прекращена [6].

Пассивность разведки в части вербовки агентов-источников документальной информации являлась общепринятой и в какой-то степени общепризнанной. В декабре 1907 г. начальник штаба Виленского военного округа, докладывая в ГУГШ об организации разведки округом, писал, что *"негласная агентура должна комплектоваться из лиц германского подданства в том случае, если они сами предложат свои услуги"* [7].

29 января (11 февраля) 1910 г. начальник Генерального штаба, адресуясь все к тому же начальнику штаба Виленского военного округа, отмечал невысокие результаты в постановке дела разведки округом. *"Я полагаю так же, — недоумевал НГШ, — что вряд ли ощущается недостаток в лицах, предлагающих свои услуги"* [8].

Предложения услуг разведке носили столь частный и достаточно регулярный характер, что потребовали своего упорядочения. 17(30) марта 1908 г. начальник Генерального штаба сообщил военному министру, что *"за последнее время неоднократно бывали случаи обращения иностранцев к старшим представителям различных управлений военного министерства с предложением услуг по добыванию и передаче секретных сведений и документов по иностранным армиям. Эти предложения лишь частью доходили до 1 обер-кварти, который имеет наиболее полные данные и средства как для правильной оценки делаемых предложений, так и для ведения дальнейших переговоров и сношений с лицами, делавшими подобные предложения"* [9]. В этой связи начальник Генерального штаба просил военного министра *"сделать распоряжение по всем подведомственным Главным управлениям о препровождении всех предложений по негласной разведке 1 обер-кварти"*.

Как правило, когда речь шла о продаже важных секретных документов, их предлагали не те, кто имел к этим документам непосредственный доступ, а **третьи лица, посредники**, весьма далекие к моменту предложения услуг от воинской службы. В качестве посредников выступали лица, принадлежащие к разным слоям общества, различного образовательного уровня, обоюдого пола — коммивояжеры, парикмахеры, бывшие военнослужащие, нередко дамы, в том числе и благородного происхождения, обладающие свободой перемещения. Инициатива продажи не подлежащих разглашению материалов военного характера чаще всего принадлежала не самим источникам этой информации, а посредникам. Именно они отыскивали в военной среде тех, кто, по их мнению, по тем или иным причинам готов был пойти на сотрудничество с иностранными державами, или же подталкивали предварительно отобранных кандидатов к такому сотрудничеству.

Не всегда посредники, следуя пожеланиям тех лиц, от которых они получали или собирались получить документальные материалы, раскрывали их имена разведке. А российская военная разведка, в свою очередь, не проявляла настойчивости по раскрытию никем не известного будущего негласного агента, соглашаясь сотрудничать с ним "втемную", полагая в этом случае основной своей задачей получение достоверной документальной разведывательной информации.

Для многих посредников поиск лиц, имеющих доступ или могущих иметь доступ к секретной информации и способных пойти (в ряде случаев после соответствующей обработки) на продажу этой информации иностранным государствам, становился профессией — прибыльной и опасной. В ней они достигали определенных высот, осваивая и принимая на вооружение методы работы негласной агентуры, являясь по своей сути агентами-вербовщиками, действующими по собственному почину. Методика действий посредников в поисках агентов-источников, как это вытекает из анализа архивных источников, была сродни с приемами германских негласных агентов во Франции и в целом ничем не отличалась от действий агентов-вербовщиков всех разведок.

Так, в циркуляре штабам военных округов от 17 февраля (2 марта) 1908 г., составленном на основе добытых негласным путем сведений, отмечалось: *"Тайный германский агент поселяется в намеченном французском военном центре и, посещая мелкие кафе, кабаки и различные увеселительные притоны, заводит в них знакомства со штабными нижними чинами, стараясь найти между ними людей, склонных к кутежу, увязших в долгах, имеющих любовниц, словом, одержимых какой-нибудь страстью и не имеющих средств ее удовлетворить, наконец, людей просто порочных. Для начала агент просит дать просто какое-нибудь невинное сведение, например, список офицеров и хорошо за это платит. Далее следует просьба о доставлении более подробных сведений, и так постепенно при помощи зо-*

та человек доходит до того, что выкрадывает из секретного шкафа уже настоящую военную тайну и зачастую сам дезертирует. Этот прием практикуется, вероятно, и для уловления офицеров, с той лишь разницей, что ареной деятельности являются клубы, модные рестораны..." [10].

Примерами вербовки, приманиваемых агентами-вербовщиками, по словам профессионального разведчика П.Ф.Рябикова, могли служить следующие: *"намеченное, сильно запутавшееся материально лицо, втягивается в дело о будто бы неожиданном наследстве из-за границы; сначала это лицо вызывается для переговоров в ближайший иностранный город, причем дело затягивается из-за каких-либо формальных причин; вызванному лицу дается аванс в счет наследства; происходят все новые и новые вызовы; затем агент-вербовщик просит привезти какие-либо военные документы или планы для начала несекретные и имеющиеся в продаже; раз это сделано — намеченное лицо постепенно затягивается и делается шпионом"* [11].

Весьма практиковался способ объявления в газетах, указывал Рябиков. Причем, обыкновенно публиковалось объявление с приглашением на работу переводчиков и корреспондентов. С посредником, выступавшим в качестве вербовщика и предлагающим работу, завязывал переписку *"целый ряд лиц, ищущих кусок хлеба и постепенно многие из них затягиваются в шпионство"*. В больших игорных местах, таких как Остенде, Монте-Карло, отмечал Рябиков, *"имеются особые вербовщики агентов, которые пытаются достигнуть своей цели при содействии дам полусвета и во время игры. Стараются познакомиться с немецкими офицерами и втянуть их в игру таким образом, чтобы им ничего другого не оставалось как пуля или измена"*.

В большинстве случаев посредники, являясь по своему характеру авантюристами, пытались "выжать" максимум из попавших к ним в руки документов и предлагали их продать каждому, кто готов был заплатить, не ограничиваясь одним адресатом. Посредники обходили представителей иностранных государств, предлагая один и тот же документ, или даже пытались "сбыть" его сотрудникам различных учреждений одной страны как за рубежом, так и в ее пределах.

6 (19) сентября 1906 г. временно исполняющий должность помощника военного агента во Франции Генерального штаба капитан А.А.Игнатъев представил в ГУГШ рапорт следующего содержания: *"Один из тайных агентов, работающих у меня, предложил мне приобрести копию секретного плана мобилизации итальянской армии и, как образец, принес мне первые 50 страниц II тома. Копия сделана фотографическим способом... Я первоначально отметил, что данные эти особенно не могут интересовать мое правительство, на что агент мне объяснял, что весь документ заключается в себе около 1000 печатных страниц, и что Россию может интересовать план сосредоточения итальянской армии к швейцарской границе для совместных действий с германскими армиями против Франции. Из даль-*

нейших расспросов выяснилось, что документ уже был в руках бывшего начальника русской тайной полиции в Париже господина Мануйлова, который, якобы, предлагал его приобрести военному министерству, но получил отрицательный ответ" [12]. "Со своей стороны предполагаю, — доносил Игнатъев, — что означенный документ был уже продан французскому правительству и агент мой, сохранив копии, желает получить вторично за него деньги в России. Зная, однако, трудность получения каких-либо сведений от французского Генерального штаба, и не будучи осведомлен о степени интереса к плану сосредоточения итальянской армии, считаю долгом об изложенном довести до сведения вашего".

ГУГШ уведомило Игнатъева, что "начальник Генерального штаба приказал отклонить приобретение плана мобилизации итальянской армии" [13]. 22 января (4 февраля) 1910 года ГУГШ направил военным агентам в Китае и Японии, консулам в Гирине и Цинцикаре, окружным генерал-квартирмейстерам штабов Омского и Иркутского ВО, начальнику штаба Заамурского округа пограничной стражи циркулярную телеграмму, в которой сообщалось для руководства следующее: "В последнее время были случаи обращения иностранных аферистов к нескольким нашим официальным учреждениям и лицам одновременно с предложением приобрести совершенно тождественные документы военного характера. Во избежание в будущем нежелательных недоразумений и непроизвольных затрат, могущих при указанных условиях вылиться в форму или приобретения одним учреждением или лицом документов, уже признанных другими негодными, или же одновременного приобретения двумя лицами и учреждениями хотя и годных, но тождественных документов" [14]. Циркуляр заканчивался словами: "Начальник Генерального штаба приказал: в интересах регулирования рассматриваемого вопроса необходимо, чтобы о каждом предложении упомянутого характера... безотлагательно доносилось в ГУГШ".

Посредники, агенты-вербовщики, действующие на свой собственный счет, стекались в столицы нейтральных государств и в Париж, как в "общеевропейские центры для всякого рода сделок по тайной агентуре (купля-продажа секретных документов, вербовка агентов, свидание с тайными агентами и т. д.)" [15]. В этой связи у ГУГШ появилась мысль не дожидаться обращения таких посредников с предложением услуг, а самим их разыскивать и привлекать к сотрудничеству в качестве агентов-вербовщиков.

В ноябре 1906 г. ГУГШ высказалось о целесообразности насаждения агентов-вербовщиков в Западной Европе, в том числе в Париже — один, Лондоне — один, Вашингтоне — два, Брюсселе — три, Швейцарии — четыре [16]. "Эти лица, — указывалось в пояснительной записке, — должны комплектоваться из интеллигентных людей по возможности из высшего общества (им назначен оклад в 8000 рублей в год)". "Они имеются в

тех государствах, где у нас не предполагено устраивать сеть агентуры, а выбраны такие центры, которые имеют по тем или иным причинам важное значение для международного шпионства. Их назначение вербовать агентов преимущественно среди офицеров, попавших в затруднительное материальное положение, добывать секретные документы. Кроме того, держать ГУГШ в курсе современного состояния дела разведки в Европе и Америке (ее приемы, организация, меры борьбы контрразведки)". Во время войны эти лица могли бы служить для связи, считало ГУГШ. Вместе с тем как привлекать к сотрудничеству с разведкой этих агентов-вербовщиков и на кого будет возложена эта задача, ГУГШ хранило молчание.

7(20) августа 1912 г. в адрес военных агентов в странах Западной Европы было направлено циркулярное письмо, за подписью начальника Генерального штаба, в котором в частности, говорилось: "Ввиду того, что Париж, Брюссель и Цюрих, как значительные центры международного шпионажа, являются местопребыванием крупных агентов этого рода деятельности, было бы в высшей степени желательным, если бы Вам удалось узнать адреса подходящих лиц, которым можно было бы поручить ведение разведки в широких размерах" [17].

Однако каких-либо результатов в этом направлении достигнуто не было, в основном, из-за нежелания военных агентов использовать эту категорию лиц.

Наряду с посредниками, среди лиц, предлагавших свои услуги разведке, присутствовали и такие, которые не имели доступа к секретным документам, либо утратили такой доступ, либо предлагали материалы и сведения, не представляющие интереса для разведки. Эта категория доброжелателей видела в сотрудничестве с разведкой решение своих материальных проблем, в ряде случаев выход из создавшегося тупикового положения и готова была выполнять те задачи, которые сочтут возможным на нее возлагать. Как правило, эти люди не могли быть использованы как агенты-источники и использовались в первую очередь в качестве агентов-наблюдателей, а также агентов-вербовщиков, агентов-почтальонов и т.д.

3(16) января 1914 г. военный агент во Франции Генерального штаба полковник А.А.Игнатъев телеграфировал в ГУГШ: "Ко мне явился запасной унтер-офицер, батальонный писарь 2 Мазурского пехотного полка из города Летцен, уроженец Берлина, бежавший от долгов, с предложением сообщить данные о полку и Мазурских озерах и работать впредь по нашим указаниям, может поселиться где угодно в Германии" [18].

21 августа (3 сентября) 1913 г. Игнатъев запросил указаний у Энкеля в связи с тем, что к нему явился некий Эрнст Мартин, "получивший приказ из Петербурга за подписью Эйзен ждать его в Париже 20 августа (2 сентября)", однако на встречу с ним никто не пришел. ГУГШ сообщило, что Энкель не смог прибыть в Париж в указанное время и

что, судя по письму, полученному в Петербурге, его автор "производит впечатление интеллигентного немца". В этой связи Игнатьеву предписывалось выяснить у Мартина, "какого рода разведку может он вести — наблюдательную или документальную, согласен ли поселиться в любом из указанных ему пунктов, каково его материальное положение" [19].

Прибывший к этому моменту — 9(22) сентября 1913 г. — в Париж Энкель провел встречу с доброжелателем, о результатах которой Игнатьев доложил в ГУГШ следующим образом: "Все устроено, Мартин принят Энкелем на службу" [20].

24 апреля (7 мая) 1914 г. Игнатьев доложил в ГУГШ, что к нему явился венгр, Корейн Вильмос, "проживающий в Париже и занимающийся темным делом продажи патентов" [21]. "Дело это, по-видимому, не налаживается, — писал Игнатьев, — и он ищет другого источника дохода". После наведения справок о Вильмосе "через тайную полицию при посредстве французского разведывательного отделения", Игнатьев "признал этого пронырливого и вкрадчивого негодяя полезным элементом для вербовки агентов на его родине, где у него сохранились отношения с некоторыми офицерами".

На Востоке привлечение к сотрудничеству с разведкой имело свои особенности, хотя и здесь присутствовало предложение услуг разведке со стороны доброжелателей и использовались своеобразные посредники.

В июне 1910 г. военный агент в Китае Генерального штаба полковник Л.Г. Корнилов сообщил начальнику штаба Приамурского военного округа о полковнике корейской службы, некоем Ин Капе, предложившем свои услуги в качестве организатора разведывательной службы из Владивостока "во всей Северной Корее". Письмо с предложением услуг было передано Корнилову через агента русского Министерства финансов Гойера. Корнилов считал, что сделанное предложение заслуживает внимания [22].

Русские военные разведчики на Востоке — военные агенты, негласные военные агенты, сотрудники негосударственных учреждений — в силу недостаточного владения языком страны пребывания или в ряде случаев его совершенного незнания в деле насаждения негласной агентуры должны были действовать через посредников, которые могли помочь вступить в контакт с местными жителями или же брали на себя функции подбора интересующих разведку лиц. Чаще всего такими посредниками были драгомановы — штатные переводчики при европейских миссиях — и нештатные переводчики, выступающие в качестве сотрудников российских миссий, а также переводчики штабов военных округов.

В странах Востока должности драгоманов, как правило, занимались сотрудниками российского МИДа. В качестве нештатных переводчиков (значительно реже драгоманов) выступали местные жители.

К числу таких драгоманов относился уже упоминаемый М.М. Попов из Генерального консульства в Харбине, создавший совместно с коммерческим агентом на КВЖД Ладыгиным жизнеспособную негласную агентурную организацию в Монголии. В 1913 г. старший адъютант разведывательного отделения штаба Приамурского военного округа Генерального штаба полковник Петерс сообщил в ГУГШ: "Штатные мои переводчики являются главными моими помощниками по насаждению агентуры" [23].

Начальник штаба Кавказского военного округа, докладывая в ГУГШ 9 (22) мая 1907 г. о постановке дела разведки в округе, отмечал в части предполагаемых расходов на разведку следующее: "... можно положить, что содержание шпиона-резидента в качестве помощника военного драгомана в местах нахождения в мирное время военных агентов потребует в год 600 рублей, а вне пунктов пребывания военных агентов — 1200 рублей (а в Эрзинджане, где уже таковой агент имеется, — около 1600 рублей)" [24].

30 марта (12 апреля) 1909 года генеральный консул в Багдаде Орлов доносил послу в Константинополе, что Кавказский военный округ просил его оплачивать содержание секретного агента округа в размере 50 рублей ежемесячно, на что им был получен аванс. Секретным агентом оказался бывший драгоман негласного военного агента в Моссуле Бен-хисра — Азиз. Орлов отказался выплатить указанную сумму, так как нашел "сношение с этим пьяницей компрометирующим и опасным" и ходатайствовал об отмене решения [25].

Китайский служащий при военном агенте в Китае полковник Корнилове — "секретарь по китайским делам" — получал разведывательную информацию через "хороших знакомых" в военном министерстве [26].

В ряде случаев во имя привлечения к сотрудничеству с разведкой местного жителя, владеющего если не русским, то одним из западноевропейских языков, могущим послужить средством общения с российским разведчиком, принимались сомнительные решения.

В апреле 1908 года шанхайский помощник военного агента в Китае подполковник Вальтер докладывал военному агенту полковнику Корнилову, что им "нанят китаец, рекомендованный нашим здешним консульством... католик, образование получил в иезуитском колледже в Италии; владеет итальянским, французским, английским языками, 50 лет, женат. Уволен из итальянского консульства в Шанхае за неблагоприятные денежные поступки. Пять лет служил в русском консульстве в Ханькоу и уволен также за вымогательство. В настоящее время определенных занятий не имеет. Имеет большой круг знакомых" [27].

Для привлечения к сотрудничеству с разведкой "иностранцев поданных" из Европы посредников не требовалось. В 1908 году в связи с необходимостью вербовки агента-наблюдателя в Учане или Ханьяне

Корнилов дал следующие письменные указания своему помощнику Вальтеру: "Агента желательно иметь не из русских, так как в случае осложнения с Китаем всем русским придется выехать и получение сведений прекратится в самое важное время. Агенты из китайцев допустим только в крайности. Лучше всего подыскать агента из европейцев — мелких служащих в таможне, на заводах, в конторах и проч." [28].

И такой негласный агент из иностранцев — по фамилии Грунер — был найден и включен в агентурную сеть. Грунера использовали в качестве агента-наблюдателя и агента-вербовщика. 3(16) января 1909 г. Корнилов просил Афанасьева передать Грунеру, что "его отчет о поездке в Гаонань-фу по многим вопросам слишком схематичен, лишен многих ценных и интересных подробностей, которые не могли ускользнуть от человека, хорошо знакомого край и внимательно относящегося к делу" [29]. "Нахожусь возможным, — писал Корнилов, — пользоваться в этих целях разведки услугами Грунера не иначе, как при соблюдении следующих условий:

1. Сохранение в полной тайне всех получаемых им от военного агента поручений;

2. Безусловного отказа от представления без вашего ведома и разрешения в чье бы то ни было пользование всех добытых и полученных им по поручению военного агента материалов и сведений.

3. Представление им всех сведений Вам, как лицу, на которое возложено непосредственное ведение разведки в Маньчжурии.

Агента, нанятого им в Гаонань-фу, примите в ваше ведение. Однако категория иностранцев, подданных европейских государств на Востоке, была достаточно ограничена и встречалась почти исключительно в открытых для международной торговли центрах".

Таким образом, на Востоке создание агентурной сети имело свои особенности. Наличие языкового барьера побуждало военных агентов, негласных военных агентов действовать через штатных и нештатных переводчиков.

В целом разведка на местах не проявляла инициативы для привлечения иностранцев к разведывательной деятельности. Это было очевидно для ГУГШ. В январе 1912 г. полковник Энкель направил циркулярное письмо военным агентам в тех странах, которые являлись потенциальными противниками России, и в первую очередь Германии и Австро-Венгрии. 23 января (5 февраля) он писал военному агенту в Вене полковнику Занкевичу, что важность задач, стоящих перед делопроизводством, "не допускает возможность ограничиться лишь пассивным использованием благоприятных случайностей для насаждения упомянутой сети (негласной агентуры — примеч. авт.), а требует широкого применения в этом направлении активного начала" [30]. Активное начало, согласно письма Энкеля, заключалось в привлечении к сотрудничеству с разведкой "иностранцев на основании личных наблюдений" или доходящих

до военных агентов сведений. Такие сведения должны были касаться следующих категорий иностранцев:

"1. Чинов из числа служащих в центральных учреждениях военного министерства или войсковых штабов Австро-Венгрии, отличающихся нравственной неустойчивостью и беспринципностью, падких до денег или жеманниц, а равно обремененных долгами.

2. Лиц различных национальностей, положений и профессий, пригодных... для осведомительной службы в мирное и военное время, в отношении которых при этом создается впечатление, что попытка привлечь их на упомянутую выше службу могла бы увенчаться успехом". "Лица этой категории, — указывал Энкель, — предпочтительно, не должны принадлежать к национальности, недружественной той политической группе, в которую входит Австро-Венгрия, и вместе с тем не должны подлежать призыву на родине в случае войны в ряды армии".

В заключение Энкель заверил Занкевича, что "попытки привлечения на осведомительную службу указанных Вами лиц будут производиться со всей необходимой осмотрительностью и осторожностью, что Ваше участие... будет сохранено в полной тайне".

Исходя из имеющихся в ГУГШ сил, вербовку по "наводке" военных агентов вышеперечисленной категории иностранцев могли осуществлять только кадровые разведчики Центра — Главного управления Генерального штаба и штабов военных округов. Однако какой-либо реакции от "милостивого государя Михаила Ипполитовича" из Вены; как впрочем, и из других западноевропейских столиц на просьбу Энкеля "не отказать в содействии" не последовало. И ничего удивительного, так как обращения к военным агентам из Особого делопроизводства носили рекомендательный, а не обязательный характер.

В мае 1911 г. была предпринята попытка узаконить пассивность штабов военных округов в деле насаждения агентов-источников документальной информации. Так, в проекте Инструкции по организации и ведению разведки штабами Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского военных округов в отношении "внутренней" агентуры отмечалось, что ее "штат не поддается решению никакой регламентации, ибо в деле обеспечения себя этой агентурой разведывательные органы, как общее правило, находятся в полной зависимости от совершенно случайных проявлений: наличия предложений, наличия в составе подлежащего учреждения лиц, субъективные качества коих допускают возможность активного заагентурирования их, служебное положение агента и пр." [31]. Неубедительность вышеприведенного тезиса привела к появлению на полях проекта пометки сделанной рукой генерал-квартирмейстера ГУГШ генерала Данилова: "У меня сомнение, правильно ли это? Мне кажется, что корень ошибок именно в том, что мы ждем предложений, а не насаждаем, соблазняем и пр. Сла-

были люди ведь есть, надо их только искать, чтобы найти". Сделанное замечание, привело к соответствующим коррективам не только разработанного проекта, но и последующих документов, в том числе "Основных положений для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов" от 1912 г.

"При насаждении агентов, — отмечалось в разделе «Внутренняя агентура», — не следует ограничиваться приемом на службу в качестве агентов только лиц, предлагающих свои услуги, и притом, часто в ими же определяемых пунктах" [32]. "Не отказываясь от приема этих лиц на службу, — отмечалось в Основных положениях, — необходимо вместе с тем проявлять должную активность с целью самостоятельной вербовки агентов из подходящей к тому среды и насаждения их в пунктах по строго намеченной системе". Далее указывалось на необходимость "путем всестороннего обследования личного состава тех учреждений, в которых предложено насадить агента, наметить могущих быть использованными лиц". "В случае же невозможности завести агентуру среди наличного состава намеченных учреждений" предписывалось "настойчиво проводить в число служащих этого учреждения своих доверенных лиц". На сей раз требования активного поиска агентов — источников документальной информации были вроде бы заложены в директивном документе. Однако, исходя из укоренившейся практики штабов военных округов отмахиваться от указаний ГУГШ, эти требования так и не были приняты последними для обязательного исполнителя.

Ориентировка русской разведки на "доброжелателей" приводила к внедрению провокаторов в агентурную сеть. "Благодаря содействию одного багемского музыканта, — вспоминает австро-венгерский разведчик Ронге, — мы основательно надули русский разведывательный пункт в Киеве... Этот музыкант похвастал в Киеве своим знакомством с обремененным долгами австрийским офицером Генерального штаба. Русская агентура немедленно к нему приблизилась. Он для вида дал себя завербовать в качестве шпиона, затем явился в русскую полицию за некоторыми «справками». Этот последний поступок окончательно укрепил доверие к нему начальника киевской разведывательной службы...

После этого киевский полковник приказал организовать мнимому австрийскому офицеру Генерального штаба свидание с одной красивой женщиной в Праге, от которой он должен был получить дальнейшие указания. Это удалось блестяще. Офицер Генерального штаба, женщина, фотография которой вскоре украсила нашу коллекцию, и музыкант съехались в Прагу. В результате этого свидания наш офицер встретился с русским полковником Линдау (псевдоним одного из сотрудников разведывательного отделения штаба Киевского военного округа — примеч. авт.), который обогатил наши сведения о методах киевского шпионажа" [33]. Описываемые события относятся к 1911—1912 гг. Русской развед-

ке вскоре удалось вскрыть провокатора и связь с "австрийским офицером Генерального штаба" была прекращена.

Несколько иначе обстояло дело с привлечением к сотрудничеству "внешней" агентуры. Здесь присутствовала определенная инициатива со стороны разведки. При подборе "внешней агентуры" военная разведка, согласно "Основных положений для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов", исходила из следующих требований. "Агенты по возможности не должны выделяться из общей среды коренного населения страны. Полезно, чтобы они были связаны лично или материально с теми пунктами, в которых им предстоит работать... При невозможности найти таковых лиц на местах, полезно поселять в нужных пунктах подходящих агентов, предоставляя им возможность легализировать положение каким-либо дополнительным занятием" [34].

Род занятий в мирное время этой категории агентов должен был "обеспечивать им возможность в военное время естественным путем оставаться на своих местах и облегчать собирание сведений". Агентов-разведчиков и их помощников рекомендовалось "избирать из среды лиц, торгующих продовольственными припасами, скотом или фуражом, владеющих мелкими торговыми заведениями (пивными, харчевнями, постоянными дворами и т.п.), железнодорожных служащих и буфетчиков на соответствующих станциях и т.п."; подвижными агентами наблюдения — лиц, занимающихся извозом или маркитанством; агентами-почальонами — разъездных агентов и служащих торговых фирм и т.д.

Была отмечена нецелесообразность "комплектования сети внешней агентуры военнообязанными армий наших противников, как призываемых в военное время на действительную службу", правда, с оговоркой, что "контингент этот полезен лишь для создания «внутренней» агентуры".

Однако и в случае с "внешней" агентурой учет вышеперечисленных требований производился не в ходе активного поиска подходящих лиц, а путем "приманивания" этих требований на иностранцев, предлагающих свои услуги разведке.

Как видно, процесс создания негласной агентурной сети в целом продолжал оставаться случайным и бессистемным, а материально-денежный мотив как основа привлечения иностранцев к сотрудничеству с разведкой был преобладающим.

Так, у старшего адъютанта разведывательного отделения Приамурского военного округа полковника Петерс К.К. не было никакого сомнения, что за деньги можно получить доступ к любой секретной информации. "Внутренняя агентура установлена мной пока что в Маньчжурии в нескольких ямынях, — отмечал Петерс, — но это очень дорогое удовольствие, так как у китайцев места покупаются за деньги. Поэтому мы подготавливаем агента-китайца сажаям туда. От него мы уже получаем еженедельные копии всех секретных докладов и распоряжений" [35].

В меньшей степени присутствовали политический и идейный мотивы привлечения иностранцев к сотрудничеству с разведкой. Политический мотив был основан на неприятии представителями различных национальностей и народов политики, проводимой правящей нацией в многонациональных государствах. Использовалось также противостояние православия и мусульманства в странах Ближнего и Среднего Востока.

Идейный мотив, в свою очередь, проистекал из глубоких симпатий к России, вере в то, что она выражает и защищает интересы славянских народов. Такие симпатии исходили от "братьев по крови и вере".

Местные жители страны пребывания не воспринимались разведкой как однородная моноэтническая масса в национальном отношении. Разведка пыталась выделить представителей тех национальностей, которые в силу целого ряда причин быстрее бы пошли с ней на сотрудничество, чем лица других национальностей.

"При укомплектовании личным составом сети «внешней» агентуры необходимо иметь виду нижеследующее, — предписывалось «Основными положениями для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов» от 1912 г. — *агентов желательно избирать из национальностей враждебно или в крайнем случае индифферентно относящихся к нашим вероятным противникам*" [36]. Подобные рекомендации скорее интуитивно, чем целенаправленно использовались организаторами негласной агентуры на местах.

Так, хозяевами "условного адреса", на который поступала корреспонденция, предназначенная военному агенту в Скандинавии Генерального штаба полковнику Игнатьеву, были две школьные учительницы "провинции Шлезвиг-Гольштейн, отторгнутой Пруссией от Дании в войну 1865 года". За каждое доставленное письмо Игнатьев платил "этим датским патриоткам на немецкой земле ничтожную сумму — две кроны" [37].

Негласный агент того же Игнатьева, отставной германский полковник Шварц, следующим образом объяснил мотивы предложения своих услуг разведке: "Я родом из Шлезвига и всю жизнь таю в душе месть пруссакам за угнетенную родину" [38]. Правда, Шварц запросил пять тысяч марок за поставленные сведения, что объяснил желанием еще при жизни "обеспечить материально свою любимую дочь".

В феврале 1910 г. участники совещания старших адъютантов разведывательных отделений штабов военных округов при обсуждении "принятых способов вербовки и подготовки негласных агентов" пришли к следующему выводу: "Желательно, чтобы военные агенты собирали сведения о тех лицах за границей, которым можно было бы предложить ведение военной разведки. Предполагается, что таких лиц можно было бы найти среди берлинских евреев" [39].

В части организации "тайной разведки в мирное время при штабе крепости Осовец" в 1911 г. были высказаны следующие соображения:

"сведения могут быть достаточно верными и своевременными, если они будут сообщаться лицом, проживающим в означенном пункте, знающим жизнь его населения, к нему приглядевшегося... Таковыми лицами могут быть торговцы из евреев. Ими можно пользоваться даже не на началах купли-продажи, а на почве знакомства и словоохотливости немецкого еврея, говорящего по-русски" [40].

Штабом Кавказского военного округа в качестве "внешней" агентуры использовались армяне, "имеющие какое-либо отношение к турецкому военному ведомству в силу своих специальностей и занятий" (например, поставщики в войска продовольствия и обмундирования, подрядчики по строительным работам, военные портные, содержатели посещаемых военными кофеен и кухмистерских и т.п. [41]. Тем же штабом Кавказского военного округа было "предусмотрено" накануне и в ходе войны с Турцией развернуть разведку из пограничных с ней персидских городов через турецких курдов [42].

В подготовленном в июне 1906 г. докладе штабом Приамурского военного округа в части предложений по организации разведки в Корее отмечалось: "Там нам необходимо заручиться симпатиями туземцев разных классов, начиная с высших, иметь своих агентов во всех слоях населения, подыскивая их главным образом из лиц, недружелюбно относящихся к японцам" [43].

Русофильство, достаточно широко распространенное на территориях Австро-Венгрии, населенных славянами использовалось для привлечения к сотрудничеству с разведкой штабами военных округов. "Желательно кроме того иметь агентов в Праге, — отмечал в рапорте начальник штаба Варшавского военного округа на имя начальника Генерального штаба от 21 апреля 1906 г., — *столице славянской нации, наиболее симпатично относящейся к России и ищущей сближения с нами. Это доброе отношение к нам чехов, казалось, следовало бы должным образом эксплуатировать в целях тайной разведки*" [44].

На контакты с ГУГШ выходили и сами чехи, лидеры оппозиционных славянских партий Австро-Венгрии. Так, один из руководителей народно-социальной партии, выступающий за идею национального возрождения, депутат рейхстага Клофач обратился в 1914 г. с предложением развернуть секретную организацию в Чехии с целью "подготовить целый ряд надежных людей в каждом городе и каждой деревне, чтобы, на случай наступления русского войска через Силезию на Восточную Моравию были люди, на которых русское войско могло бы положиться" [45]. Предполагалось, что создание секретной организации поможет "облегчить нам разведочную деятельность". Возможные расходы на содержание такой организации по подсчетам Клофача составили бы "до 10 000 рублей ежегодно".

18 апреля 1913 г. начальник штаба Киевского военного округа докладывал в ГУГШ: "По вопросу о содействии Германии Австрии в случае

войны с нами агенту удалось добыть при посредстве видных представителей Краковской военной организации следующие данные о Резервной армии... Резервная армия будет состоять из двух австро-германских и одного германского корпусов" [46].

Симпатии к России были особенно распространены в Галиции и, безусловно, использовались российской военной разведкой. В интерпретации австро-венгерского разведчика Макса Ронге этот факт прозвучал следующим образом: "О том, как глубоко была отравлена Галиция русскими интригами, свидетельствуют два процесса проходившие в 1914 г. Состоявший на пенсии окружной секретарь Александр Раманик из Рогатина обратился с просьбой к известному русофилу судейскому чиновнику и депутату рейхсрата Владимиру Куриловичу достать ему важные военные документы из Львовского корпусного командования. Курилович считал его за провокатора и донес на него полиции. К своему ужасу он потом узнал, что Раманик — его единомышленник. На суде он взял обратно все свои показания и его единомышленник был оправдан. Еще один случай. Молодой православный священник Макс Садович и другой более пожилой поп Игнат Гудима были арестованы за шпионаж. Найденные у них заметки скомпрометировали журналиста Семена Бендасюка и судейского чиновника Василия Колдра. Следствие установило связь их с русским графом Бобринским, с русско-галицийским благотворительным союзом, с местами русофильской пропаганды — с Почаевским православным монастырем, с интэрнатом в Житомире и с русским разведывательным бюро" [47].

В начале Первой мировой войны отделом военной цензуры при генерал-квартирмейстере штаба Юго-Западного фронта была выпущена брошюра "Современная Галиция". Она предназначалась для командного состава армий фронта и должна была служить справочным материалом о политических партиях Галиции и их отношении к России. В ней были указаны все члены русофильских организаций, на которых можно было рассчитывать. Эта брошюра, добытая вскоре австрийцами агентурным путем, стала роковой для многих русофилов. Многие из них были арестованы и осуждены [48].

Наряду с материально-денежными и идейными мотивами присутствовал и частный мотив. К этому мотиву относились, в том числе, неудовлетворенность своим социальным положением, своей карьерой, симпатии к русскому разведчику.

Чаще всего идейный мотив подкреплялся материально-денежным. Каковы же результаты деятельности ГУГШ в целом по созданию негласной агентурной сети. К 1910 году из-за переоценки важности дела организации и ведения разведки на Дальнем Востоке, а также случайного по своей сути характера комплектования негласной агентурной сети для центрального органа русской военной разведки на Западе сложилась весьма напряженная ситуация. 24 ноября 1911 г. в Докладной записке

Особого делопроизводства Огенквара констатировалось, что ГУГШ "пока не имеет здесь (на Западе — примеч. авт.) собственной агентурной сети, способной в мирное время дополнить работу наших военных агентов, а в военное — долженствующей сыграть роль главнейших источников нашего осведомления в стратегическом тылу вероятных противников" [49].

"Надобность в таковой сети весьма остра, — отмечалось в Записке, — а потому ныне с установлением отпуска Главному управлению достаточных для сего средств, насаждение упомянутой сети выдвигается на первое место в ряду задач, намечаемых к выполнению в области разведки". При этом "на первое время имеется в виду создать возможно прочный остов этой сети в пределах минимума того, что нам по этой части совершенно необходимо, расширение же ее за этими пределами соответственно наличию средств, — составит задачу второй очереди". Первоначальный минимальный состав негласной агентурной сети на Западе был определен следующим образом: пять агентов в Германии, три — в Австро-Венгрии, два — на Балканском полуострове и один — в Швеции [50].

ГУГШ ежегодно привлекало на Западе к негласному сотрудничеству по несколько иностранцев. Однако это сотрудничество, как правило, было непродолжительным в силу раскрытия контрразведкой тайной деятельности завербованной негласной агентуры, а также отхода ее от сотрудничества с разведкой или отказа самой военной разведки от услуг негласных агентов. Причина в обоих последних случаях заключалась в том, что к разведывательной деятельности привлекались случайные люди.

Уже в конце 1911 г. в агентурную сеть был включен негласный агент "на заводе Крупна" под номером 21 (исключен из состава сети в 1912 г.) [51]. В 1912 г. были завербованы №№ 87, 104 и 106 в Германии и №№ 102, 103 в Австро-Венгрии [52]. К 1914 г. все вышеперечисленные агенты кроме № 87 "уже не состоят на службе Главного управления Генерального штаба" [53].

И только № 87 ("работает на германском фронте по Австро-Венгрии, поставил интересные данные из германского генерального штаба о влиянии босне-герцеговинских укреплений на общий план действий австрийцев") сохранился в агентурной сети больше двух лет. 1913 год — очередной приток негласных агентов — № 107 (в Сарасво), № 112 (в Вене), № 115 (в Праге) и № 118 (в Румынии и Болгарии) [54].

В целом, привлеченные к сотрудничеству с разведкой иностранцы, работали неровно. Деятельность агента № 112 аттестовывалась следующим образом ГУГШ: "Агент разведкой и полезной (бывший прусский офицер, ныне, видимо, имеющий значительные связи в Вене). Агент работал с большой пользой и во время балканского кризиса. Сообщавшиеся сведения были как общего военно-политического характера, так и специального военного. Более подробно агент характеризует отношение Австро-Венгрии к Италии, Германии к Балканским государствам.

Во всяком случае сведения, сообщенные агентом, могут служить исходными положениями для направления военной разведки" [55]. Характеристика агента № 115 сводилась к констатации, что "видимо, работать может, но до сих пор ограничивается лишь сообщением незначительных сведений". Наиболее результативно по сравнению с № 115 работал негласный агент под номером 107.

В 1911 г. из числа нескольких только что привлеченных к сотрудничеству негласных агентов создается агентурная организация № 30 для разведки Германии. Состав этой организации был непостоянен, однако, он регулярно пополнялся благодаря усилиям ее руководителя и ГУГШ. Имеющаяся негласная агентура ограничила зону деятельности организации Западной Германией. В 1913 г. принимается решение о создании "обширной агентурной организации в Восточной Германии, зачатки, которой ныне уже имеются", а также о развертывании агентурной организации в Австро-Венгрии. Костяк агентуры последней должны были составить негласные агенты № 107, № 112, № 115.

Нехватка опытных негласных агентов приводила к тому, что ГУГШ шло на то, чтобы повторно привлекать к сотрудничеству с разведкой уже проваденных агентов. Так, китаец Чжао-юй-тин "в 1908 году был принят на постоянную службу Главного управления Генерального штаба в качестве негласного агента по разведке в Пекине, где под руководством военного агента издавал на наши средства китайскую газету и работал не без успеха по документальной разведке" [56]. Уже в 1910 г. Чжао-юй-тин, проходивший по документам как негласный агент № 1, был арестован "по обвинению в военном шпионстве в пользу России, но за недоказанностью сего обвинения, осужден за политическую пропаганду к заключению в тюрьму", из которой был освобожден в середине 1912 г.

ГУГШ сочло, что "принятие вновь на службу по разведке этого разбитого и опытного агента, казалось бы, представляется весьма желательным", что и было сделано.

По состоянию на 1(14) января 1914 г., постоянная негласная агентура ГУГШ состояла из шести негласных агентов и шести агентурных организаций [57].

Из шести негласных агентов, четверо работали на Востоке и в Азии: № 12 — в Китае (Брей); № 17 — в Индии (Андреев); № 18 — Сисстасе (Выгорницкий); № 22 — в Китае (Чжао-юй-тин) и только двое — на Западе: № 87 — в Германии и № 118 — в Румынии и Болгарии (Шнейдер).

Пять из шести агентурных организаций действовали на Востоке и в Азии (четыре из них возглавлялись негласными военными агентами) — № 6 — в Корее (Бирюков, консул в Гензане); № 14 — в Маньчжурии (Афанасьев, консул в Цицикаре); № 15 — в Корее и Маньчжурии (Надаров, вице-консул в Янцзыфу); № 20 — в Монголии (Ладыгин, ком-

мерческий агент на Китайской Восточной железной дороге); № 23 — в Азербайджане (Андрисевский, военный секретарь в Урмии).

На Западе имелась всего одна агентурная организация № 30 в Западной Германии. В течение 1914 г. планировалось развернуть еще две агентурных организации ГУГШ в Западной Европе: одну — № 31 — в Австро-Венгрии и вторую — Восточной Германии.

К началу войны агентурная организация № 31 находилась в стадии формирования. Планы насаждения подобной организации в Восточной Германии так и остались на бумаге.

4.2. РУКОВОДСТВО НЕГЛАСНОЙ АГЕНТУРОЙ ИЗ ЧИСЛА ИНОСТРАНЦЕВ И ОРГАНИЗАЦИЯ СВЯЗИ С НЕЙ

Основной контингент иностранцев, привлекаемых к сотрудничеству с разведкой, представляли собой так называемые доброжелатели, т. е. лица, по собственной инициативе за материально-денежное вознаграждение или бескорыстно предлагавшие свои услуги разведке (непосредственно или через третьих лиц-посредников).

"Весьма важным условием для успешного функционирования сети, — констатировалось в «Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов» от 1912 г., — является подготовленность ее агентов к выполнению лежащих на них обязанностей" [58]. Речь шла о "внешней агентуре" — агентах-наблюдателях. В документе подчеркивалось, что "предварительно приема на службу агентов, желательно ознакомлять их хотя бы с элементарными сведениями по военной части в объеме, необходимом для их будущей деятельности, и по части способов ведения разведки". Общее положение, которое так и не стало ежедневной практикой разведки.

Приему на "постоянную службу" агентов этой категории, согласно требованиям ГУГШ, должен был предшествовать испытательный срок. Первоначально кандидата в негласные агенты подготавливали к предстоящей ему деятельности. С этой целью он вызывался в Россию "или же в случае невозможности сего для преподания ему необходимых сведений за границу командировался соответствующий агент для поручений или иное лицо". Таким лицом являлся работник центрального органа разведки ГУГШ или разведывательного отделения штаба военного округа.

По окончании подготовки будущий агент-наблюдатель должен был "испытываться" в течение "более или менее продолжительного времени путем возложения на него соответственных поручений по разведке", причем задачей ему ставилось "добывание сведений заранее известных и проверенных". Лишь в случае удовлетворительного выполнения будущим агентом поручения, он мог быть принят "на постоянную службу, причем

одновременно с тем от него отбирается согласие, по возможности обставленное всевозможными гарантиями, служить нам в военное время".

Такой подход представлял собой со стороны ГУГШ жelaемое, а не действительное положение вещей. И на зачисление агентов в агентурную сеть порой смотрели значительно проще. Схему привлечения иностранца к сотрудничеству с разведкой иллюстрирует и такой пример.

Письмом от 6(19) сентября 1912 г. делопроизводитель Особого делопроизводства полковник Энкель предупредил военного агента в Австро-Венгрии полковника Занкевича, что к нему направляется из Белграда некий Э. Навратиль. Австрийский лейтенант запаса, чех по происхождению Навратиль "вследствие преследований на национальной почве", — сообщалось в письме, — имеет "дело чести" и вынужден был оставить военную службу. После увольнения Навратиль направился в Белград "с целью предложить свои услуги в качестве осведомителя, т. к., зная австрийскую мобилизационную часть и распоряжения по этой части на итальянском и сербском фронтах, он рассчитывал быть полезным" [59]. Белград был выбран потому, что для поездки в этот город не требовалось оформления паспорта. В военном министерстве Сербии, однако, услуги бывшего лейтенанта отклонили и порекомендовали обратиться к военному агенту России в Белграде Генеральному штабу полковнику Артамонову. В ответ на просьбу о помощи сербы выдали Навратилью один франк и посоветовали бесплатно пообедать в столовой общества "Красного Креста". Артамонов не стал удерживать Навратилья в Белграде и, снабдив его 50 франками, отправил в Вену, о чем и проинформировал ГУГШ. Свой интерес к Навратилью Энкель объяснил тем, что "давно озабочен приисканием за границей таких осведомителей, которые в военное время с отъездом военных агентов служили нашими глазами и ушами на местах, а в мирное время следили за жизнью войск и проведением в жизнь на местах различных военных мероприятий и тем пополнять нашу и вашу ориентировку". Далее Энкель предлагал Занкевичу "копнуть в его компетенции, если возможно навести о нем какие-либо справки и в случае благоприятного о нем вывода выяснить его пожелания и... высказать ему наши требования".

Энкель полагал, "что такой бедняк охотно поселится там, где ему укажут и будет работать в качестве осведомителя за 150—200 крон в месяц". Энкель был готов не требовать от него никаких документов, лишь бы "от его глаза и уха в известном районе не ускользало бы ничего, что для нас имеет значение в предмобилизационный период и в военное время и, конечно, в мирное время". "Если он согласится, — писал Энкель Занкевичу, — то не откажите сообщить мне о том зашифрованной телеграммой, указав также, в каком из условных стратегических пунктов на албанском или сербском фронтах его постоянное нахождение, по Вашему мнению, особенно желательно". Со своей стороны, Энкель обязывался по получении этой телеграммы "немедленно" сообщить условный

адрес, по которому Навратилью "следует писать нам, условный язык для телеграфных сообщений в мобилизационный период, способ, по которому ему будут высылаться деньги". Занкевичу предлагалось сообщить Навратилью следующее: "Принимается он пока на испытание без определенного срока, а вопрос о постоянной службе будет решен в зависимости от результатов работы через несколько месяцев. Писать он должен возможно чаще, не подписываясь, конечно, и соблюдая крайнюю осторожность при посылке своей корреспонденции". "Особо секретные сведения, — советовал Энкель Занкевичу, — рекомендуем писать между строк лимонной кислотой". И в заключение Энкель предлагал дать Навратилью "несколько конкретных задач по наблюдению и выяснению, в том числе и контрольные, т. е. ответ на которые нам достоверно известен".

Несмотря, однако, на подобные инструкции, Энкель пожелал сам встретиться с Навратильем и вызвал его в Петербург. Свидание состоялось в начале октября. Навратилью произвел на Энкеля "хорошее впечатление своей толковостью, развитием, по-видимому, значительной уже опытностью в этом деле". Энкель запретил ему при каких бы то ни было условиях впредь обращаться к Занкевичу, а поддерживать все сношения исключительно с Энкем по почте.

Но уже 29 ноября (12 декабря) 1912 года Энкель писал Занкевичу, что "гость от Артамонова давно уже сидит у вас после свидания со мной здесь, но пользы пока не принес никакой, денег же кланится усердно" [60]. На этом, как можно судить по переписке, и завершилась работа с Навратильем, имеющая своей целью подготовить агента-наблюдателя для действий в чрезвычайных условиях в предвоенный период.

Агенты-источники документальной информации — "внутренняя" агентура не подвергались никаким испытательным срокам, ибо считалось, что в пользу их искренности и желания сотрудничать с разведкой говорит подлинность передаваемых документов. И как только такая подлинность была установлена, следовал "присм на постоянную службу", если предложение услуг не было разовым.

Однако на выяснение истинных намерений иностранца, вскрытие его подлинных возможностей уходили месяцы кропотливой работы, задействовался не один разведчик, расходовались средства. При этом следует учесть, что разведке неоднократно приходилось сталкиваться с откровенными мошенниками и авантюристами, которые не скупились на посулы, лишь бы вырвать аванс под несуществующие документы. Все это заставляло проверять и перепроверять личности тех, кто обращался с предложением услуг, и при наличии подозрений отказываться от таких услуг, как бы многообещающе они не выглядели.

13 декабря 1913 г. Энкель сообщил Игнатьеву: "Через некоторое четное (2-4-6) число недель к тебе в канцелярию заявится дама — баронесса., которая может быть назовет себя своим псевдонимом «графиня

Казарская». Эта дама передает секретные документы по Австро-Венгрии, которые вышли мне тотчас же. В разговоре с тобой она будет упоминать некоего барона Бернгарда де Тур, с которым она вела переговоры в СПб. Этот самозванный барон — я, не раскрывая моего инкогнито, а, напротив, передай от названного барона привет. Далее, в разговоре дама будет просить денег и останется в Париже ждать твоего ответа. Ты эту просьбу и все прочее, что она тебе сообщит, пришли нам. А мы рассмотрим документы, по телефону сообщим тебе наше решение и вышлем деньги" [61]. "Для твоей ориентировки, — писал Энкель, — дама — представительница группы венгерских офицеров, которая под флагом учрежденной ими на наши деньги бюро взаимопомощи, будет заниматься поставкой нам секретных материалов по А-В. Дело это крайне деликатное, а потому это письмо храни строжайше".

Однако "Казарская" в Париже не появилась ни через две, ни через четыре недели, а вновь в середине марта 1914 г. прибыла в Петербург с документами, где встречалась с преемником Энкеля на посту делопроизводителя Особого делопроизводства Генерального штаба полковником Раша, который вел переговоры с ней под фамилией "Грабовский". 31 марта 1914 г. Раша в личном письме Игнатьеву просил "вручить прилагаемые документы (речь шла о возврате ранее полученных материалов — примеч. авт.) даме, которая явится и отрекомендуется графиней Казарской" [62]. "Дело касается установления с гр. К-ой возможно прочной связи, — разъяснял Раша, — необходимой ввиду принятия гр. К-ой на постоянную службу и обещаний ее периодически, но в сроки, не поддающиеся предварительному учету, доставлять нам документы по соответствующей армии". "Какова будет работа сотрудницы — предугадать трудно, — информировал Раша, — но пока сделан уговор: уплачивать ей по 500 крон в месяц, за два месяца вперед. Первая порция 1000 крон по 1.6.н.ст. ей отпущена, а дальнейшую уплату оговорено производить в Париже через Вас".

Казарской была поставлена задача добыть в первую очередь: "1) мобилизационные планы какого-либо корпуса; 2) план перевозки одного из корпусов, предназначенных на северную границу; 3) данные о произведенных работах по Днестровской укрепленной линии". "Но добыча этих «житов», — признавал Раша в письме Игнатьеву, — дело больше всего случая, а потому до поры до времени всякого рода документальная мелочь также не подлежит презрению и отнюдь не должна умалять достоинства сотрудницы".

8 мая 1914 г. в ответном письме Игнатьев сообщил, что накануне принял гр. Казарскую. "1) передал ей хранившиеся у меня для нее документы, — писал Игнатьев, — 2) принял для передачи Вам восемь печатных изданий на венгерском языке; 3) выслушал ее заявления, которые сводятся к следующему: а) она просит выдать ей теперь 1500 крон (за июнь, июль, август), так как она не собирается иметь с нами свидания до сен-

тября (об этом я телеграфировал вам сегодня), пробудет в Париже не более двух-трех дней; б) из «житов» — она может раздобыть не ранее сентября или октября, цена 150000 крон;... г) претендует на получение содержания за январь, февраль, март этого года — месяцы, когда она работала безвозмездно; д) связь для почтовых сношений с нами будет установлена при следующем свидании" [63]. Настойчивость графини в вопросе оплаты не могла не показаться подозрительной.

9 мая Игнатьев получил из ГУГШ телеграмму за подписью исполняющего обязанности 1 обер-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора Монкевича. "Графиня подозревается в шантаже, однако окончательно выяснится на днях, — телеграфировал Монкевич. — Если 1000 крон за два месяца еще не выданы, не платите ничего до распоряжения... Отказ в деньгах мотивируйте вероятным желанием Грабовского видеть ее в СПб для переговоров. Будьте возможно любезнее и не подавайте вида знания истинной причины" [64]. "Выясняются несомненный шантаж и мошенничество графини, — спустя два дня писал Раша Игнатьеву. — Прошу не платить ни копейки под предлогом не получения разрешения из СПб. Во избежание неприятностей, лучше всего откажитесь от всякого сношения, посредничества, мотивируя хотя бы вашим официальным положением. Подробности курьером" [65].

Подробности в изложении Раша выглядели следующим образом: "Ряд сведений о деятельности гр. К-кой, полученные за последнее время, заставили предположить, что она является душой организации не столько готовой за хорошее вознаграждение оказывать действительные услуги в области добычи документов, сколько специализировавшейся на выманивании мошенническими, но чрезвычайно смелыми и ловкими приемами более или менее круглых авансов в счет будущих услуг, никогда, однако, не осуществлявшихся" [66].

По словам Раша, случай помог в этом предположении утвердиться: "Несколько времени тому назад штаб Киевского военного округа получил предложение приобрести от вдовы некоего венгерского генерала серию весьма ценных, оставшихся у нее после смерти мужа документов, и, не располагая нужной для приобретения этой документации суммой, передал ведение переговоров по этому вопросу в ГУГШ". "Некоторые подробности, — указывал Раша, — заставили нас предположить, что предлагающая документы вдова генерала и гр. К-кая — одно и то же лицо". Тем не менее переговоры были продолжены и по сделанному уговору документы между 3 и 7 мая предлагавшей их стороной должны были быть доставлены в Берн; туда к этому времени выехал для экспертизы и возможной покупки их полковник Самойло А.А. Но ему даже к поверенному осмотру документов предложили приступить только после авансовой уплаты 5000 крон. Полковник Самойло от этой комбинации категорически отказался и 7 мая выехал обратно.

7 мая покинули Берн, якобы, для возвращения в Австро-Венгрию и продавцы (дама и мужчина), однако последние, как выяснило установленное за ними наблюдение, направились не в Вену, а в Париж. *"Как раз в день их вероятного прибытия в Париж, — продолжал свои умозаключения Раша в письме Игнатьеву, — вы телеграфировали о появлении у Вас гр. К-кой. Имеется полное основание думать, что, не успев ничего сорвать с Самойло, кампания направилась в Париж, чтобы получить хотя бы те деньги, о которых условились в СПб."*

Не смутили Раша и "некоторые" несовпадения. *"Дама, с которой говорил Самойло, совершенно не походит на известную мне гр. К-кую, — разъяснял он военному агенту во Франции. — Последняя — женщина хорошего среднего роста, отлично сложена, рыжая, безусловно интересна, за 35 лет, отличные зубы. Самойло же говорит о даме невысокого роста, довольно полной, с очень плохими зубами, крайне неинтересной".* Для Раши уже не имело никакого значения, какая из двух женщин посетила Игнатьева. *"Если даже первая из них, не подходит под описание гр. К-кой, — рассуждал он, — то предполагаю, что в Берне, где можно было рисковать вместо Самойло встретить меня, выступало другое лицо, но из той же шайки. Если же к Вам приходила особа по описанию Самойло, то участие в мошенничестве гр. К-кой уже вне всякого сомнения".* *"Во всяком случае, — предписывал делопроизводитель Особого делопроизводства Игнатьеву, — ваши отношения с гр. К-кой лучше всего окончательно прекратить, дабы Вам не подвергаться возможной неприятности, так как не исключена провокационная подкладка всего этого дела"*.

Игнатьев "во избежание скандала" отделался от графини с затратой денег — ей было выплачено в общей сложности 500 франков, включая 200 франков на дорогу в Венецию. Прощаясь с Казарской, он посоветовал графини впредь обращаться письменно исключительно в Петербург. Сомнения в правильности выводов ГУГШ, однако, остались и на это были свои достаточно веские основания. *"Со мной говорила гр. К-кая, ваша знакомая, — писал Игнатьев 22 мая 1914 г., — но не та с которой говорил Самойло. Не считая себя в праве разругать узел, завязанный Киевским военным округом, я позволю себе выразить сомнения в правильности ваших умозаключений, так как по личной проверке образа жизни графини в Париже мне известно, что она находилась в полном одиночестве и ни с какими людьми не видалась. Вследствие этого я не могу установить связи ее приезда в Париж с переговорами в Берне"* [67]. *"Это, в свою очередь, не исключает совершенно мошеннических проделок графини, — оговорился военный агент в Париже Игнатьев, — так как я усмотрел немало противоречий и лжи в ее рассказах и объяснениях".* *"На мой взгляд, единственным показателем ее пригодности может служить ценность предоставляемых ею документов"*, — подвел итог этой истории Игнатьев.

19 сентября 1913 г. Энкель препроводил Игнатьеву письмо некоего Бономи. Из сопроводительной записки следовало, что предложение автора письма представлялось весьма интересным. Поэтому "личное свидание с ним компетентного лица с нашей стороны" было признано крайне желательным. Однако встреча, назначенная на 2 сентября в Париже, как писал Энкель, не состоялась, на сей раз по вине автора письма, который сообщил в Петербург, что на встречу не выехал, так как не получил аванса. В этой связи Энкель, охарактеризовав Бономи как *"гуся невысокого полета"*, просил Игнатьева написать письмо последнему по прилагаемому адресу с указанием, что *"мы согласны повидаться с ним в Париже, уплатить ему вперед деньги на дорогу и суточные по 200 франков"* пусть только сообщит точное время своего приезда в Париж [68].

В ходе свидания с Бономи Игнатьеву предстояло выяснить:

— действительно ли он располагает какими-нибудь сведениями об организации германской разведки в России, *"если да, то он должен назвать хотя бы одно имя для проверки"*;

— что из себя представляет австрийское разведывательное бюро, о котором упоминается в письме;

— как высоко оценивается *"голова каждого выданного им рядового и руководителя"*. При этом Игнатьев должен был предупредить, что *"мы не будем щедро платить за каждое указанное нам лицо, избалованное в шпионстве"*;

— какие связи Бономи имеет в Германии и Австрии; — *"не может ли он стать агентом-вербовщиком по подбору лиц, соответствующих нашим требованиям: одинаковая дееспособность по разведке как в мирное, так и в военное время в области местной наблюдательной разведки и, конечно, с надлежащей компетенцией в военном деле. Содержание 250 марок в месяц агенту и 50 марок в месяц Бономи за каждого работающего агента"*.

Одновременно Энкель рекомендовал Игнатьеву *"навести справку о Бономи во французском генштабе"*. Как выяснил Игнатьев, Бономи был здесь прекрасно известен: *"Около четырех-пяти лет тому назад он предложил услуги французам по приобретению документов по Германии, но на деле ничего не сделал. Тщетно требовал аванса и, не получив его, разругался и скрылся"* [69]. Игнатьев предложил воздержаться *"от вызова Бономи в Париж и от разговоров с ним"*, с чем Энкель вынужден был согласиться.

По состоянию на декабрь 1912 г. у ГУГШ на испытании находилось три кандидата в агенты. Кроме того, в течение этого года ГУГШ было "заагентурено" 13 человек, *"из коих 8 ныне на местах работают по разведке, один ожидается в Петербурге, остальные же по той или иной причине не работают"* [70].

Случалось и так, что кандидата сначала "заагентуривали", а потом вызывали в Петербург *"для окончательных переговоров и инструктиро-*

вания". Результатом такого подхода являлось то, что часть агентов, вызванных для инструктирования, так и не прибывала в указанное для этого место, другая часть отходила от сотрудничества с разведкой, так и не приступив к нему, а от услуг третьих приходилось отказываться в силу их несостоятельности. Поэтому неудивительно, что число негласных агентов ГУГШ к 1914 г. на Западе исчислялось единицами.

После зачисления иностранца в агентурную сеть перед военной разведкой вставали задачи добиться надежного закрепления иностранца в агентурной сети и обеспечить его эффективное сотрудничество с разведкой. Эти задачи решались в ходе руководства негласной агентурой. Чтобы оценить результативность руководства необходимо исследовать как осуществлялась проверка негласных агентов, постановка им заданий и обучение пользованию техническими средствами добывания разведывательных сведений, а также рассмотреть практику оплаты и поощрений негласных агентов.

В "Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов" 1912 г. в разделе "Руководство агентами" содержались требования к этому виду деятельности разведки. *"Работа, принятых на постоянную службу агентов внешней агентуры, должна протекать под систематическим и настойчивым руководством и наблюдением подлежащего разведывательного органа, — отмечалось в «Основных положениях». — Руководство это должно выражаться в планомерной последовательности вполне определенных задач с целью пополнения недостающих у нас сведений, не стесняя агента вместе с тем в доставлении и тех сведений, которые им добываются попутно".* Вместе с тем, в целях проверки следует агентам от времени до времени, — указывало ГУГШ, — давать также задачи, хотя и не имеющие особого важного практического значения, но могущие подвергнуться контрольной проверке. Полезно от времени до времени проверять работу агентов в обстановке, приближающейся к обстановке военного времени, например, во время маневров войск наших вероятных противников".

При постановке заданий агенту "внешней" агентуры предлагалось исходить из тех посылок, что задания должны быть посильными для исполнения. *"Например: 1) подобрать карты, выяснить, чего у нас нет и требовать именно такие-то листы таких-то масштабов; 2) железные дороги — выяснить каких станций у нас нет и их требовать; 3) войска. Чтобы составить себе понятие, сколько войск остается в карауле, требовать, чтобы проследил, сколько раз 5 рота в течение двух недель была полностью в карауле и т.д."*

"Работа агентов внутренней агентуры, — указывало ГУГШ, — должна также протекать под систематическим и настойчивым руководством и контролем окружных штабов, осуществляемых путем предъяв-

ления им определенных задач и проверки таковых внешним наблюдением или иными доступными средствами".

Безусловно, правильные требования, которые так и остались теоретическими изысками и не соблюдались ни штабами военных округов, для которых они были предназначены, ни самим ГУГШ, которым они были разработаны. Чаще всего случалось предостережение, заложенное в самих "Общих положениях", в которых указывалось, *"что только при внимательном и систематическом руководстве, результаты разведки могут получить цельный характер, иначе неизбежными спутниками явятся отрывочность и даже хаотичность поступающих сведений"*.

Способствовать целенаправленной работе с негласной агентурой штабов военных округов, дисциплинировать эту работу должно было ведение соответствующей документации: "Журнала работы агентурной сети" и "Книги агентурной сети". В "Журнал работы агентурной сети" должны были вноситься *"особо для каждого пункта сети («внутренней» и «внешней» — примеч. авт.): а) задачи, предъявляемые агенту-резиденту к выполнению; б) доставляемые агентом сведения и их классификация; в) выданное агенту за доставленные сведения вознаграждение"* [71]. Руководство негласной агентурой включало в себя также обучение агентов пользованию техническими средствами добывания и средствами передачи разведывательных сведений.

Единственным техническим средством, которым оснащались негласные агенты, был фотоаппарат. *"Все собираемые сведения о крепостях получали американский карманный фотографический аппарат «Экспо», — пишет об экипировке русских разведчиков Макс Ронге [72].* Используемая техника была далека от совершенства, что в ряде случаев приводило к провалам. *"Один русский агент завербовал немца Германа Прюфера и поручил ему снять при свете магия краковские форты. — Вспоминает все тот же Ронге. — Этот первый опыт оказался неудачным. Сторожевые посты не дали ослепить себя, часовой выстрелил, испортил аппарат, ранил и арестовал Прюфера"* [73].

Чаще всего негласные агенты из числа агентов-источников для копирования передаваемой документальной информации использовали обычные фотоаппараты, имеющиеся в продаже на местном рынке. Так, *"Справочная книжка с полным составом на военному времени вооруженных сил монархии"* (Австро-Венгрия — примеч. авт.) объемом в 150 страниц была получена в январе 1913 г. от негласного агента № 25 *"в виде 75 фотографий, размером 9X12 см., причем на каждой из них снято на две страницы подлинника"* [74].

Необходимость разработки и внедрения специальных фотоаппаратов сознавалась организаторами разведки. 19 февраля (2 марта) 1910 г. старшие адъютанты разведывательных отделений штабов военных округов на проведенном совещании отметили *"желательность фотогра-*

фического аппарата «Разведчик» для дальних съемок" и "необходимость аппарата для микрофотографии (для голубиной почты)" [75]. Однако высказанное так и осталось пожеланием.

Оплата негласной агентуры разведкой в мирное время строилась на следующих основаниях. Агенты "вознаграждались двояко: уплатой постоянного месячного вознаграждения и задельно" (сдельно — примеч. авт.) [76]. Агентам, принимаемым на постоянное содержание, таковое определялось в возможно меньшем размере, но наряду с этим, все доставляемые ими и оказавшиеся достоверными сведения оплачивались "особо, соответственно их важности". Подобный подход имел "виду сохранить в руках возможность понуждения агентов к наибольшей активности". Размеры вознаграждения негласным агентам должны были находиться "в строгом соответствии: а) с индивидуальными достоинствами агента и знанием того пункта или учреждения, в котором он работает, и б) с ценностью тех документальных данных, кои он представляет".

На постоянном жаловании штабов военных округов в мирное время должны были состоять агенты-резиденты и агенты для поручений внешней агентуры. Жалование агентам-резидентам и агентам для поручений устанавливалось ориентировочно "на круг по 100 рублей в месяц". Что же касалось "внутренних" агентов, то таковое определению "на круг" не поддавалось, а всецело зависело от возможностей агента, что определялось как учреждением, в котором он работал, так и занимаемой в этом учреждении должностью.

В целом, выплачиваемое негласным агентам вознаграждение, как постоянно, так и разово варьировалось от десятков рублей до десятков тысяч. По подсчетам начальника штаба Варшавского военного округа, произведенным в 1906 г., содержание одного негласного агента "внешней" агентуры за год должно было составить 1000 рублей, в том случае, "если положить содержание негласному агенту около 60 рублей в месяц, на приобретение ему велосипеда и фотографического аппарата — 200 рублей и 100 рублей на путевые издержки и экипировку его" [77].

Подобными цифрами в части оплаты услуг "внешней" агентуры оперировал в 1907 г. и начальник штаба Виленского военного округа. "Что касается размера вознаграждения агентам, — отмечалось в Докладной записке «О постановке дела при штабе Виленского округа» за его подписью, — то жалование должно обеспечить сносное существование. Принимая во внимание дороговизну жизни в Германии, минимальный оклад следует признать в 50 рублей в месяц» [78]. "Такое жалование в Германии получают низшие служащие: городовые, жандармы, почтальоны, стрелочники", — пояснял названную цифру начальник окружного штаба. "Кроме жалования необходимо выдавать разъездные по 25 рублей в месяц и награды в зависимости от важности доставленных сведений. Таким образом, месячное содержание одного агента определится мини-

мум в 75 рублей, годовое в 900 рублей", — делался подсчет в Докладной записке. Однако, исходя из того, что "служба агентов сопряжена с большим риском, когда они каждую минуту могут быть схвачены, закованы и отправлены в Лейпциг, где их всегда судят", оклад в 900 рублей с разъездными был признан "небольшим". В этой связи предлагалось для поощрения агентов "за хорошие работы" выдавать награды. Годовой размер наградных пяти агентам на 1908 г. был определен штабом Виленского округа в 2000 рублей.

За 11 документов, "добытых совершенно негласным путем" в июле 1910 г. штабом Варшавского военного округа было выплачено агенту 31 800 марок [79].

Оплата услуг агентов производилась как на личных встречах, так и путем почтовых отправок. "В мирное время, — отмечалось в рапорте начальника штаба Варшавского военного округа начальнику Генерального штаба от 4 мая 1909 года, — наибольшие затруднения представляет пересылка денег заграничным агентам: ввиду нежелания компрометировать, приходится иногда суммы до 3 тысяч марок пересылать в заказных письмах, сдавая таковые за границей" [80]. "Способ этот, — констатировалось в рапорте, — не гарантируя получения денег агентом, в то же время представляет риск для отправляющего письмо лица".

В военное время предполагалось выплачивать агентам всех категорий "усиленное вознаграждение" по сравнению с мирным временем.

В соответствии с "Положением о военных агентах на Дальнем Востоке" от 19 декабря 1903 г. (разработано "вследствие высочайшего соизволения на полное подчинение военных агентов в Корее, Китае и Японии Наместнику Его Императорского Величества на Дальнем Востоке") военным агентам было предоставлено "право входить по команде с ходатайством представляемым на усмотрение Наместника о награждении иностранцев, оказавших важные услуги, российскими орденами, причем, в таковых представлениях надлежит соблюдать должную умеренность" [81].

Неизвестно, как это право использовалось военными агентами на Дальнем Востоке. Однако на Западе попытки использовать награждение российскими орденами в качестве поощрения за предоставляемые услуги разведке, предпринимались. Следует оговориться, что речь шла не о негласных агентах из числа иностранцев, а о тех иностранцах, которые вследствие хороших отношений с разведчиками оказывали, на так называемой доверительной основе, некоторые услуги на добровольных началах.

"Честолюбие и корыстолюбие являются теми человеческими слабостями, на которых агент может строить систему своей разведки. — Писал в ГУГШ в сентябре 1906 г. военный агент в Вене полковник Марченко. — Орден и рубль являются главными факторами реальной добычи материалов. Один дает, считая не позорным и удобным приобрести ор-

ден и сохранить свой внешний престиж (это обыкновенно наиболее ценный источник), другой просто берет, как купец. Причем, в этом последнем случае он или хронический, постоянный, или мимо прошедший, случайный сбытчик" [82].

С Марченко в части оценки возможностей, открывающихся перед разведкой, за счет награждения иностранцев русскими орденами был солидарен Игнатьев. "Одним из средств завоевания симпатий у иностранцев являлось награждение орденами. — Пишет в своих воспоминаниях Алексей Алексеевич. — Им дорожили не только скромные лейтенанты, но и повидавшие виды седые генералы, благо русские ордена допускали большой выбор от незаметного «Станислава» до «Александра Невского» с бриллиантами или без них" [83]. "Но и этим средством, хотя бы в целях собственной пропаганды, русское правительство пользоваться не умело. — Отмечает Игнатьев. — «Удобным и верным» случаем являлись взаимные визиты глав государств или приглашения высшего военного начальства на иностранные большие маневры. Тогда ордена сыпались без всякого разбора, и военному агенту под предлогом наведения какого-нибудь порядка легко удавалось поместить в список представляемых к награждению и своих кандидатов. Не понимало русское начальство, что шведы и французы за русский орден многое могли бы сделать", — заключает свое наблюдение бывший военный агент в странах Скандинавии и Франции.

При расчете за предлагаемые для приобретения документы военная разведка России придерживалась следующего подхода — сначала проведение экспертизы в одном из Главных управлений военного или морского министерств, с последующей выплатой оговоренной ранее суммы, после положительных результатов экспертизы. Вместе с тем, предусматривалась и предварительная выплата аванса. В редких случаях разведчик, полагаясь на свое чутье, чтобы не упустить ценный, по его мнению, материал, мог, действуя на "свой страх и риск", заплатить владельцу документа часть запрашиваемой суммы без предварительной экспертизы.

Подобный подход прекрасно прослеживается в письме от 10 января 1913 г. делопроизводителя Особого делопроизводства Энкеля военному агенту в Вене Занкевичу, в котором содержалась реакция на предложение негласного агента в Вене Яндрича. Так, Яндрич сообщил, что "он через посредничество одного офицера Генерального штаба может доставить нам план стратегического развертывания австрийской армии на случай войны с Россией. Условия его — за все 50 000 крон, из них 25 тысяч вперед, 25 тысяч по высылке нам документов" [84]. "Неужели Я (Яндрич — примеч. авт.), настолько наивен, — писал Энкель, — что серьезно считает такие условия приемлемыми?... Мы, конечно, не отказываемся приобрести предложенный документ и даже ничего не имеем против общей суммы, если он окажется годным и полным. Но, конечно, деньги заплатим лишь тогда, когда произведем соответствующую экс-

пертизу, а для этого документ необходимо вывести из Австрии на нейтральную почву... для обеспечения интересов продавца мы согласны непосредственно перед экспертизой дать ему до 1000 рублей, но и только".

"Дальше мы ставим следующие условия обеспечения наших интересов, — подчеркивал Энкель, — документ передается нам по частям в зависимости от того, как он составлен, т.е. по дням или корпусам. По каждой части производится отдельная экспертиза и отдельный расчет, исходя из общей суммы в 50 000 крон". "Казалось бы, что при таком способе поставки интересы как продавца, так и наши, — указывал делопроизводитель Особого делопроизводства, — обеспечиваются надлежащим образом. Продавец может нам без особого риска прислать в Петербург часть документов, мы же рискуем сравнительно небольшой суммой на тот случай, если обнаружится фабрикация документа, а обнаружится она несомненно или в самом начале или же скоро".

Арест Яндрича и вынужденный отъезд из страны Занкевича перечеркнули планируемую операцию по получению документа.

Для обеспечения руководства негласными агентами вводилась агентурная связь. Для того, чтобы оценить ее эффективность, необходимо рассмотреть насколько совокупность применяемых способов и средств обеспечивали скрытие как самого факта использования разведкой выбранной линии связи, так и истинного содержания переданных по ней сведений.

Связь негласных агентов со своими руководителями в мирное время как за рубежом, так и на территории России поддерживалась в ходе личных встреч (непосредственно с самими негласными агентами, их посредниками и со связниками — "агентами-почтальонами"), и безлично — с использованием телеграфа и почты путем направления телеграмм и писем по "условным адресам" в обоих направлениях, — а также с использованием прессы — за счет публикации объявлений в газетах. Допускалась и комбинация личной и безличной связи.

Личные встречи проводились в первую очередь при вербовке агентов из числа иностранцев, предлагающих свои услуги разведке, а также при получении от негласных агентов "важных письменных и словесных донесений или же секретных документов", и значительно реже для заслушивания личных докладов агентов, их инструктажа и постановки задач. Передача секретных документов при личных встречах чаще всего осуществлялась через посредников, а не самими негласными агентами. Считалось, что наиболее безопасны для личных встреч территории нейтральных государств (Швейцария, Монако и т.д.) "под вымышленными фамилиями и предложениями, о чем заранее должны быть тайно уведомлены агенты". Большим недостатком таких личных встреч являлись, по оценке ГУПС, "излишняя потеря времени и большие денежные расходы". Личные встречи негласных агентов со своими руководителями из

числа русских разведчиков на территории России практиковались в самых исключительных случаях для решения каких-либо важных вопросов дальнейшей работы агента, "при нарастании каких-либо новых факторов в этой работе, или же, наконец, при срочном вызове недобросовестного или опасного агента для его ликвидации (вызываемого, конечно, под другим предлогом)". В последнем случае речь шла об исключении негласного агента из агентурной сети. Считалось, что получение секретных документов "выгоднее производить на своей территории, где-либо вблизи границы, в условленных конспиративных квартирах, так как поездка за документами в государство, откуда добываются сведения — весьма рискованная — особенно при переезде границы". Разумное правило, которому в силу целого ряда причин, не всегда следовали.

Телеграф считался при организации безличной связи "самым быстрым средством связи, обеспечивающим наибольшую своевременность донесений". Для обеспечения "быстроты и верности" доставки телеграфных агентурных донесений рекомендовалось доставление донесений в посольства и военные агентуры за границей, откуда последние передавались в ГУГШ по телеграфу шифром [85]. При этом оговаривалась необходимость выполнения "условий полной конспирации передачи". Как это виделось организаторами разведки? Для избежания свиданий агентов с сотрудниками российских представительств за рубежом предлагалось опускать письменные донесения "незаметно в ящики для писем посольств и военных агентов за условными подписями". Одновременно предписывалось принять "за правило держание ящиков для писем на ключе и выем из них корреспонденции обязательно доверенным лицом — чиновником посольства или миссии, «а не швейцаром — слугою и рядом иностранцем»".

Вот и все соблюдение "условий полной конспирации". При "невозможности или неудобстве" доставления агентурных донесений в посольства и миссии России вышеуказанным способом негласным агентам предлагалось направлять свои донесения обычным телеграфом по "условным адресам", прибегая к инскапительным фразам, носящим семейный или торговый характер, чтобы не вызвать подозрений со стороны контрразведки.

Как для телеграфных, так и для письменных донесений чаще всего в качестве условного адреса использовался адрес столичного почтового отделения (места пребывания военного агента или страны проживания негласного агента). "До востребования" на определенную фамилию, подлинную или вымышленную. Существующий в ряде стран порядок выдачи корреспонденции позволял получать и посылать письма и телеграммы не только при указанной фамилии, но и при наличии просто инициалов или даже цифр. Таким образом, условный адрес представлял из себя заранее обусловленный сторонами номер почтового отделения столицы и фамилию (подлинную или вымышленную) или шифр

получателя в зависимости от принятых в данной стране правил с учетом отправления на "До востребования".

20 октября (2 ноября) 1912 г. Энкель сообщил Игнатьеву, что "начиная с 26 октября (8 ноября) ожидается поступление писем на имя Бетенкура в Париже". Энкель просил "посылать через два дня за этими письмами" [86].

В ответной шифротелеграмме Игнатьев отметил, что писем пока не было и что "необходимо немедленно переменить способ адресования, заменив имя и фамилию инициалами или цифрами, так как по французским законам выдача писем "До востребования", адресованных на имя, требует предъявления документов, устанавливающих личность" [87]. 13(26) ноября ГУГШ телеграфировало Игнатьеву, что им немедленно даны указания изменить способ адресования корреспонденции, ранее предназначавшейся Бетенкуру, — впредь при переписке использовать литеры F.K.Z. Игнатьеву предписывалось "на будущее время вскрывать все письма, поступающие по условным адресам; срочные сведения телеграфировать шифром в ГУГШ". Игнатьев также предупреждал, "что на условные адреса могут поступать и телеграммы на условном языке", содержание которых надлежало "дословно немедленно сообщать в ГУГШ" [88]. За несколько дней до этого Энкель писал Игнатьеву: "Справьтесь в почтовом бюро 86, нет ли писем на другие литеры, кроме сообщенных Вам F.K.Z., именно по адресу литера R, литера E, приставка de, литера K" [89].

3(16) декабря Игнатьев сообщил Энкелю, что согласно донесения "агента литеры F.K.Z.", последний имеет много ценных сведений по Галиции, но передавать по почте опасно, "просит вызвать в Петербург. Адрес: город Брюнн" [90].

Предусматривалось также, что "условные адреса" могут принадлежать "совершенно частным лицам, не имеющим никакого отношения к разведке (частные знакомые служащих по разведке или их товарищей по службе, мелкие служащие, сторожа и т.п.)". Весьма легковесное отношение к передаче донесений от негласных агентов.

Донесения, посылаемые агентом почтой, не являлись срочными, должны были представлять собой "законченные отчеты об областях, порученных исследованию агента, — как-то об экономическом и политическом состоянии, сведения об изменениях в организации, подробные данные об укрепленных пунктах, заводах и т.п." [91].

Весьма желательно письма, посылаемые агентам, опускать в почтовые ящики не в нашей стране, а в государстве, где работает агент. Для такой отправки писем, отмечал Рябиков, "кроме использования случаев поездки за границу доверенных лиц, могут быть привлечены специальные агенты-почтальоны".

В начале 1914 г. полковник Лавров "имел условные адреса для сношения с агентами, один на Женеву — Жан Гальшенк, второй на Брюссель — Сисони" [92].

Использование прессы путем публикации объявлений как способа безличной связи достаточно широко применялось в мирное время. Этот способ использовался для вербовки агентов, для назначения свиданий агентам, а также и для сообщения некоторых коротких сведений. Для обеспечения успеха данного способа связи требовалось *"умелое редактирование вполне правдоподобных, не могущих вызвать сомнения объявлений и большая осторожность в использовании их"*.

Далеко не всегда связь через условные адреса была двусторонней. В таком случае оговаривалось, как одна из сторон будет сообщать другой, что направляемая ей корреспонденция получена. Однако нередко приходилось сталкиваться с тем, что оговоренная в деталях связь давала сбой.

13(26) декабря 1912 г. Игнатъев писал Ассановичу в Стокгольме о том, что негласный агент под кличкой "Лупус" обратился к нему с письмом, в котором просил узнать о судьбе его писем, адресованных военному агенту в Скандинавии, так как он не получил на них ответа [93]. Ассанович не замедлил отреагировать: *"Все письма исправно получены. Своего адреса Лупус до сего не дал, а о получении его писем сделана условная публикация в берлинской газете... На днях публикация будет еще повторена, хотя этот способ сношения мне очень не нравится. Не может ли он дать адреса для писем"* [94].

Это, как и предыдущее от Энкеля Занкевичу письмо, является иллюстрацией того факта, что иностранцы, предлагающие свои услуги разведке, с легкостью передавались от одного военного агента другому, от военного агента в ГУГШ и наоборот.

В ряде случаев корреспонденция от нескольких негласных агентов (порой их количество исчислялось десятками) поступала в одно и то же почтовое отделение столицы нейтрального государства, чаще всего с различным обозначением получателя. Такое почтовое отделение называлось приемной почтовой станцией. В качестве ее "заведующего" мог выступить сам военный агент или же им привлекался к сотрудничеству местный житель. Лучшей кандидатурой в этом случае являлся сотрудник почты, который и доставлял военному агенту поступающую корреспонденцию от негласной агентуры.

Присмная почтовая станция ГУГШ существовала в Копенгагене и ее деятельность накануне войны пережила свой взлет и падение.

Так, на 1913 г. *"кредит на разведку военному агенту в Дании, Швеции и Норвегии"* был увеличен *"с 2 до 3 тысяч рублей ввиду значительного роста расходов, которые ему приходится нести по организации и содержанию наибольшей по объему приемной станции Главного управления Генерального штаба"* [95]. Число условных адресов, *"причисленных к названной станции"*, к этому времени достигло 23, причем письма поступали из Дании, Норвегии и Швеции. Насколько была интенсивна работа присмной почтовой станции в Копенгагене явствовало из того, что с мая по

середину декабря 1912 г. через нее прошло 153 письма от негласных агентов. Судя по всему, военный агент в Дании, Швеции и Норвегии *"содержал"* не одну, почтовую приемную станцию, а несколько.

Проходит год и ситуация кардинальным образом меняется. Кредит военному агенту в Дании, Швеции и Норвегии на 1914 год был вновь уменьшен до прежнего уровня с трех тысяч рублей до двух *"ввиду предстоящего значительного сокращения его деятельности по организации и содержанию центральных приемных почтовых станций для агентурных надобностей Главного управления Генерального штаба, каковое сокращение вызывается отчасти последними событиями в Швеции и Дании в связи с процессом Теризгена, отчасти же намечающейся постановкой собственной разведки ГУГШ в Австро-Венгрии на новые основания"* [96].

"Разрешимая без особо существенных затруднений в мирное время, — отмечалось в «Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов», — упомянутая связь во время войны встретит на своем пути серьезные препятствия. Предусмотреть последние и наметить в обход их такие пути, которые обеспечат удовлетворительное функционирование связи при условии наибольшей скорости и безопасности — составляет одну из важнейших разведывательно-организационных задач мирного времени" [97].

Предполагалось, что в военное время донесения негласных агентов будут доставляться следующими способами:

- агентами-почтальонами непосредственно в пункты назначения;
- через *"тыловые"* приемные станции.

"Тыловые" почтовые приемные станции предлагалось организовать заблаговременно еще в мирное время на территории преимущественно нейтральных государств. К каждой станции должно быть приписано некоторое число условных адресов, предварительно распределенных между агентами. Предусматривалось, что корреспонденция, поступающая по этим адресам на тыловые приемные станции, будет вскрываться заведующими последних, а затем передаваться в Россию *"по телеграфу или почтой (с курьерами), полностью или в выдержках, в зависимости от важности донесений"*. К началу войны работа тыловых приемных станций ГУГШ в Дании была свернута, а собственных тыловых приемных станций штабы военных округов так и не создали, что дало себя знать в первые дни войны.

Негласным агентам при составлении ими донесений вменялось в обязанность использовать один из трех заранее оговоренных способов т.н. условную переписку (код), механический способ переписки или тайнопись. Под условной перепиской понималось написание донесений под видом самых обыкновенных или частных писем или телеграмм, раскрытие истинного смысла которых возможно лишь при знании обозначения фраз или слов. Перед началом составления кода для *"данного аген-*

та" надлежало прежде всего исходить из задачи, которая возлагалась на него, и в зависимости от этого составлять условные фразы и слова. В случае применения механического способа переписки отправитель и получатель снабжались одинаковыми картонными или металлическими четырехугольниками, "разграфленными на части, причем некоторые из этих частей вырезаны насквозь". Отправитель письма должен был класть четырехугольник на бумагу точно по ее обрезу (рекомендовалось использовать листы по размеру четырехугольника) и составлял донесение, вставляя необходимые слова в вырезанных местах. Затем пустые места заполнялись текстом, не имеющим отношения к донесению. Иногда донесение писалось на внутренней стороне конверта, под почтовой маркой, между двумя склеенными открытками и т.д.

Русской разведкой для переписки с агентурой применялись в ряде случаев средства тайнописи, которые специально никто не разрабатывал. Так, секретные сведения, отправляемые в письмах на условные адреса, рекомендовалось писать между строк лимонной кислотой. Для телеграфных же сообщений на мобилизационный период предлагался условный язык.

Передачи донесений в военное время предписывалось "организовать по коду, заблаговременно вырабатываемому агентам окружными штабами", и "отправлять по нескольким различным направлениям, прибегая к различным способам передачи".

Что подразумевалось под различными способами передачи? В 1890 г. "вслед за устройством станций голубиной почты в наших западных крепостях" принимается решение о развертывании сети военно-голубиных станций для связи России с Францией "в виду вероятности прерыва наших телеграфных с нею сношений в случае большой европейской войны" [98]. По согласованию с французским военным министерством для почтово-голубиной связи было намечено два направления — южное и северное. От организации связи в южном направлении — Севастополь (Одесса) — Афины — Филиппвиль (Алжир) — пришлось сразу отказаться как из-за "чрезмерного расстояния между Афинами и Филиппвилем (1750 километров), превосходящего дальность полета надежного почтового голубя (до 1000 километров), так и вследствие затруднительности устройства «промежуточной станции на территории Италии»".

Более благополучно обстояло дело организации связи в северном направлении, которое должны были обеспечивать четыре станции: в Либаве, Копенгагене, Эсбьерге и Дюнкерке при расстоянии между Либавой и Копенгагеном 600 км, Копенгагеном и Эсбьергом 300 км, и Эсбьергом и Дюнкерком 650 км. Первая станция находилась в ведении Главного инженерного управления военного министерства России, Копенгагенской и Эсбьергской станциями (начали функционировать с 1896 и 1900 гг. соответственно) "заведовал военный агент в Копенгагене". Го-

лубиная станция в Дюнкерке находилась в ведении французов. Устройство военно-голубиных станций и правила содержания голубей определялись "Положением о военно-голубиной почте и Штатами станций", введенным приказом по военному ведомству в 1889 г.

В 1901 г. военный агент в Копенгагене Генерального штаба полковник Алексеев докладывал в ГУГШ, что "в Копенгагенской станции за пять лет ее существования перебивало в общей сложности 440 голубей... Из них пропадало за это время при дрессировке и другим причинам 253 голубя или 57 проц." [99]. Приведенные результаты дали основание военному агенту "сомневаться в возможности достижения конечной цели учреждения этой станции". В этой связи Алексеев предложил продолжить "опыты с почтово-голубиными сообщениями по линии Либаво-Копенгаген-Эсбьерг-Дюнкерк с тем, чтобы окончательно определиться по поводу дальнейшего использования этих станций". И такие опыты были проведены лично полковником Алексеевым.

"При испытательном полете голубей Копенгагенской станции в направлении Либаво-Копенгаген из 158 голубей, выпущенных с парохода с расстояния 300—350 верст (пол-расстояния между Либавой и Копенгагеном) через 5 — 10 часов вернулось на голубятню только 8, а затем в течение 20 — 22 дней еще 21... несмотря на благополучное состояние погоды", — доносил военный агент в Петербург в декабре 1904 г. [100]. Из Отчета главного штаба Франции об опытных полетах в 1903 г. голубей Дюнкерской станции следовало, что "на линии Дюнкерк — Эсбьерг полеты, несмотря на благоприятные... климатические условия, дали неудовлетворительные результаты". В этой связи Алексеев пришел к заключению, что "сколько-нибудь надежного сообщения при помощи почтовых голубей между Либавой и Дюнкерком через Данию не существует". Военно-голубиные станции в Дании, содержание которых обходилось казне в три тысячи рублей ежегодно, были ликвидированы Алексеевым только в начале 1907 г. [101].

Однако от идеи использования голубей для организации связи сграничной агентурой окончательно не отказались. ГУГШ рекомендовал способ связи с использованием "голубиной почты" всем разведывательным органам. Однако каких-либо практических шагов в этом направлении сделано не было. В апреле 1909 г. начальник штаба Варшавского военного округа, адресуясь к начальнику Генерального штаба, высказал идею, что воздушные шары и аэронавы могут оказать существенную пользу "в смысле ускорения доставки донесений тайных агентов, которые могут сдавать свои донесения аэронавам в условленном месте" [102].

В октябре 1909 г. начальник Генерального штаба, отвечая на предложение Варшавского округа, сообщил: "Вопрос о привлечении к негласной разведке управляемых шаров, как о дополнительном средстве для передачи донесений, может быть выяснен лишь после установления, какие

воздухоплавательные средства будут в распоряжении военного ведомства и после обсуждения дела о воздушных сообщениях на предстоящей международной конференции в Париже" [103]. Больше к этому вопросу до начала Первой мировой войны не возвращались.

Таким образом, в вопросах изучения, проверки и обучения негласных агентов из числа иностранцев, а также их технического оснащения военная разведка России делала первые шаги.

4.3. ПОДГОТОВКА РАЗВЕДКИ К ДЕЙСТВИЯМ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Осуществляя в мирное время повседневную деятельность по добычанию разведывательных сведений, материалов и образцов вооружений, разведка должна готовиться к действиям в предвоенный и военный периоды.

Положения о подготовке разведки к действиям в предвоенное и военное время были закреплены в целом ряде документов, носящих как рекомендательный, так и регламентирующий характер в части организации разведывательной деятельности штабов военных округов.

"В видах непрерывности разведки также после объявления мобилизации и войны, — отмечалось в «Протоколе заседаний старших адъютантов разведывательных отделений штабов Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, и Одесского военных округов с 10 по 14 июля 1908 г.», — необходимо при вербовке негласных агентов в мирное время иметь в виду, чтобы хотя бы часть из них могла продолжать свою деятельность также после начала военных действий; таковыми могут быть: а) подданные нейтрального государства; б) лица женского пола; в) подданные иностранного государства, не призываемые при мобилизации на военную службу; г) иностранные подданные, хотя и состоящие или призываемые при мобилизации на службу, но по роду службы, могущие продолжать работу по негласной разведке" [104]. "На случай отхода наших армий в глубь страны, — отмечали организаторы разведки в штабах округов, — должны быть подготовлены негласные агенты также из нашей пограничной территории. Таковыми могут быть агенты контрразведки мирного времени".

Протоколом предусматривалось, что связь с негласными агентами в военное время будет поддерживаться при помощи "агентов-ходоков через расположение противника" и через нейтральные государства, "в каковых приемными пунктами назначаются Копенгаген, Берн, София, Афины и Константинополь". Все допущения в этих пунктах, отмечалось на совещании, "могут быть передаваемы нашим военным агентам, порядок же доставления донесений последним негласными агентами устанавливается штаба-

ми военных округов". Все штабы военных округов должны были еще в мирное время "установить для сношений в военное время со своими негласными агентами условные коды, которые должны быть известны Главному управлению Генерального штаба и соседним военным округам".

В январе 1910 г. бывшим старшим адъютантом разведывательного отделения штаба 2 Маньчжурской армии Генерального штаба полковником Розановым и помощником старшего адъютанта того же отделения Генерального штаба подполковником Рябиковым на основе отчетов разведывательных отделений штабов Главнокомандующего армией в русско-японскую войну был представлен доклад по ГУГШ "О ведении разведки на случай войны с Германией" [105].

"Разведка, ведущаяся о всех возможных противниках в мирное время, никоим образом не должна прекращаться с объявлением мобилизации, — говорилось в Докладе, — а напротив, должна также «мобилизовываться» и затем действовать без перерыва во все время войны". "Разведывательные отделения штабов Главнокомандующего и командующих армиями должны быть вполне, во всех отношениях, подготовлены к ожидающей их ответственной работе обязательно еще в мирное время, — указывали профессиональные разведчики, — немедленно же с начала войны они входят в установленную еще в мирное время связь с имеющимися на данном фронте тайными агентами, усиливают кадры разведчиков — резидентов, высылают агентов-ходоков, и вообще, ведут всю работу для получения возможно точных, полных и своевременных сведений о противнике".

Подготовка разведывательных отделений военного времени в мирное время, по убеждению авторов Доклада, должна была заключаться в следующем:

1. Составы отделений военного времени должны быть теперь же точно определены; в эти составы было бы крайне желательно назначить лиц, опытных по делу разведки и обладающих данными для успешного ее ведения;

2. Лица, назначенные в разведывательные отделения военного времени, должны всесторонне изучить как армию противника, так и предполагаемые театры военных действий, а также и условия вероятной работы по разведке (например, из кого и где можно будет комплектовать разведчиков);

3. Все необходимые материалы (книги, бланки, карты, справочники и т.д.) должны быть заготовлены в достаточном количестве теперь же и храниться, освежаясь и дополняясь, в штабах, формирующих разведывательные отделения военного времени;

4. Наконец, еще в мирное время штабы, формирующие разведывательные отделения военного времени, получают из Главного управления Генерального штаба и штабов округов по принадлежности все сведения о сети разведки мирного времени, о том, как подготовлена «мобилизация» развед-

ки и о способах связи с агентами, которые с началом войны должны доносить в разведывательные отделения военного времени..."

На базе разработанного частью 2 обер-квартирмейстера ГУШ "предполагаемого сосредоточения и вероятных операционных направлений немцев в случае войны с нами" был составлен "перечень пунктов, где желательно еще в мирное время иметь агентов-резидентов (как в пределах Германии, так и в пограничной полосе России) и где важно иметь их с началом войны".

В Справке, приложенной к докладу "О ведении разведки на случай войны с Германией" 2 обер-квартирмейстер генерал-майор Миллер писал: "Полагалось бы следующим образом использовать работу полковника Розанова и подполковника Рябикова, если представляемый проект будет одобрен начальником Генерального штаба:

1. Ныне же в части 2 обер-квартирмейстерства разработать соответствующие проекты организаций тайной разведки в Австрии, Швейцарии и Румынии и в приграничных русских областях, а также установить перечень книг и карт, необходимых в походе разведывательным отделением штабов соответствующих армий;

2. Принять к исполнению по 5 делопроизводству все подготовительные работы по организации тайной разведки на германском фронте, а по мере выполнения работ, предусмотренных п. 1, и по другим фронтам;

3. Предписать к исполнению окружным штабам все подготовительные работы по организации разведывательного отделения (заготовление карт, руководства, бланков, ознакомление подлежащих лиц с наставлениями по производству разведки и т.п.)...

4. Издать в виде инструкции войскам главу о войсковой разведке со всеми приложениями и разослать в войска к руководству..."

Резолюция начальника Генерального штаба на представленном Докладе была менее категорична и безотлагательна: "Прошу в течение лета подвергнуть детальному анализу работу п. Розанова и при моем возвращении подробно доложить" [106].

Пожелания и рекомендации, высказанные на совещаниях старших адъютантов разведывательных отделений в части подготовки разведки к действиям в предвоенный период и военное время, а также в какой степени идеи, изложенные в докладе Розанова и Рябикова, нашли свое закрепление в "Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов" от 7 ноября 1912 г. [107]. "Ввиду затруднительности создать или развивать агентурную сеть в короткий период обостренных отношений, обыкновенно предшествующий разрыву, — отмечалось в «Основных положениях», — надлежаще размещенная (в соответствии со стратегическими задачами), укомплектованная и обученная агентура должна быть насаждена и работать еще в период глубокого мира".

Для решения задач, стоящих перед разведкой "сеть агентуры, организуемая штабами округов для полной оборудованности ее к началу военных действий должна была обнимать собою:

А. "Внешняя агентура".

1. Прилегающую к нашей границе территорию вероятных противников, в пределах которой можно предполагать развертывание их вооруженных сил;

2. Западно-пограничную полосу России до фронта сосредоточения наших армий;

3. В округах, имеющих морскую границу, прибрежную полосу соответствующей глубины, в зависимости от возможного развития десантных операций.

В пределах этих районов прежде всего должны быть включены в агентурную сеть наиболее важные в военном отношении пункты в полосе вероятного стратегического развертывания неприятельских войск и возможные пункты посадки неприятельского десанта... К этой потребности должна быть приспособлена и агентурная сеть мирного времени, которая таким образом не может быть случайной, а строго продуманной и приуроченной к наиболее вероятной стратегической обстановке.

Б. "Внутренняя агентура".

"...должна покрывать собою возможно большее число расположенных в указанном штабу округа районе разведки военных управлений, войсковых штабов и тех административных учреждений, кои в военное время примут непосредственное участие в мобилизации, перевозке и снабжении неприятельских войск".

"Насаждение соответственной потребностям военного времени сети, — указывалось в «Основных положениях», — должно составлять одну из главнейших забот штабов военных округов в мирное время, причем работа эта должна вестись планомерно и настойчиво, не останавливаясь перед возможными первоначальными неудачами".

В октябре 1913 г. ГУШ подготовило циркулярное указание в адрес начальников штабов военных округов о дополнении "Основных положений по организации и ведению военной разведки" [108].

"Личный состав агентурной сети, подлежащий в случае вступления вероятных противников на русскую территорию обеспечить нашу осведомленность о действиях здесь упомянутых противников, — отмечалось в циркуляре, — избирать из среды местного населения и, в частности, из числа лиц, удовлетворяющих нижеследующим требованиям:

1. Быть русскоподданными и владеть в удовлетворительной мере языком соответствующего противника;

2. Быть отставными военными служащими (по возможности фельдфебелями или унтер-офицерами), выслужившими сроки пребывания в запасе и ополчении, или же запасными...

3. Быть грамотными и развитыми настолько, что бы быть в состоянии написать вполне толково донесение;

4. Обладать каким-либо недвижимым имуществом (землей, домом, лавкой и т.п.), которое побуждало бы их оставаться на месте при появлении в стране неприятеля, не навлекая при этом на себя подозрений;

5. Пользоваться уважением в среде местного населения".

Однако вышеизложенные требования "Основных положений" в дополнения к ним так и не были приняты к исполнению. Практически полностью отсутствовала какая-нибудь целенаправленная деятельность со стороны окружных штабов, особенно на Западе в части заблаговременного создания и подготовки негласной агентурной сети к действиям в условиях военного времени.

Вместе с тем, в предложениях и предписаниях по подготовке разведки к действиям в предвоенный период и в военное время применительно к отдельным странам и регионам недостатка не было.

Еще в 1903 г. негласный военный агент на должности секретаря Генерального консульства в Эрзеруме надворный советник Аверьянов представил в штаб Кавказского военного округа "Доклад об организации разведки в Турции в военное время" [109]. Доклад представлял собой многостраничное исследование с историческими экскурсами, финансовыми расчетами и предложениями, базирующимися, в том числе, на личном опыте автора. Доклад был положен "под сукно" и пролежал там до тех пор, пока в начале 1907 г. ГУГШ не потребовало от штаба Кавказского военного округа "разработки соображений по вопросу об организации военной разведки в Турции во время войны России с этой державой и о переходе с разведки мирного времени на разведку военного времени таким образом, чтобы не было перерыва между разведками этих двух видов и чтобы разведка военного времени вытекала бы преемственно из системы разведки мирного времени" [110].

В январе 1908 г. штаб Кавказского округа, за подписью уже полковника Аверьянова представил в ГУГШ "Доклад об организации военной разведки в Турции во время войны с этой державой и в преддверии разрыва с ней". Докладом был предложен ряд мероприятий, "подлежащих выполнению" [111].

В частности, было рекомендовано командирование в Персию негласных военных агентов, исходя из того, что "в ожидаемую войну нашу с Турцией Персия будет на нашей стороне, даже, если она останется нейтральной". Эти негласные военные агенты, из числа окончивших курсы восточных языков и знающих турецкий язык, должны были "прибыть на места до разрыва нашего с Турцией, дабы иметь время завести связи, найти лазутчиков и установить тайную связь с нашими агентами военного времени в Азиатской Турции".

Кроме того, предлагалось "немедленное назначение в Азиатской Турции из турецких подданных «неподвижных шпионов — резидентов» для

непрерывного наблюдения за военными приготовлениями до разрыва с Турцией (в помощь пребывающим из Турции нынешним негласным военным агентам) и за сосредоточением турецкой армии и другими военными мероприятиями после разрыва с этим государством". "Неподвижные шпионы — резиденты" по проекту штаба округа должны были находиться в мирное и военное время в стратегически важных пунктах. "«Шпионов-резидентов» предусматривалось назначать теперь же и независимо от того ожидаем ли мы действительно осложнений с Турцией или же считаем таковые невозможными".

Далее среди предлагаемых мероприятий значилось "командирование в Турцию офицеров-шпионов, выбранных из заранее подготовленных для этой цели в войсках округа офицеров, знающих турецкий язык и по своей внешности похожих на татар или турок". Для этой цели штаб округа планировал иметь на учете еще в мирное время до 20 офицеров, "которых предполагалось подготавливать для деятельности по разведке: теоретически (подчеркнуто по тексту документа — примеч. авт.) — при штабах дивизий и практически — ежегодным командированием в Турцию на разведку в течение 2 месяцев четырех офицеров, из намеченных 20". "Всего потребуется 11 офицеров, — подсчитал штаб округа, — так как необходимо заблаговременно поместить офицеров-шпионов во всех вышеперечисленных пунктах, в коих будут иметь местопребывание и «неподвижные шпионы-резиденты»".

И, наконец, предлагалось "теперь же" приступить к подготовке "надежных лазутчиков из местного населения" для обеспечения связи с насаждаемой негласной агентурой. Эта задача должна была быть возложена на командиров отрядов пограничной стражи, расположенной на турецкой границе. Всего планировалось иметь на учете в мирное время 60 таких лазутчиков.

"Таким образом, — делался вывод в Докладе, — если мы действительно вынуждены готовиться к войне с Турцией, то необходимо теперь же разрешить Кавказскому начальству выполнить составленный им проект широкой разведки в Турции и отпустить 55 600 рублей на единовременные расходы, и 10 000 рублей аванса для уплаты за доставку донесений и, кроме того, отпускать ежемесячно до разрыва с Турцией по 9 650 рублей, а после разрыва — значительно больше".

В чем-то химерический и абстрактный план в силу своей дороговизны не мог быть поддержан. На Докладе появилась резолюция начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф.Ф.Павлюкина: "Сущностью проектируемых мероприятий согласен. Для военного времени меры эти недостаточны, а для настоящего безденежного периода чрезмерны. Из министерства денег не дадут... Что будет завтра не знаем, а потому прошу на месте в Тифлисе условиться с Кавказским начальством. Нам нужны теперь агенты — один в Персии, надо немного усилить непод-

выжную агентуру и послать несколько офицеров. Послать в марте разными путями от 2 до 4. Могу уделить на все до 12 тысяч рублей...". Денег были предложены, однако, даже эти весьма ограниченные мероприятия, представляющие незначительную часть, из предлагаемого "проекта широкой разведки в Турции" выполнены не были.

Проведение каких мероприятий по подготовке разведки к действиям в предвоенный период и в военное время планировалось на Дальнем Востоке? 6(19) января 1911 г. ГУГШ направило начальнику штаба Приамурского военного округа свои соображения по организации и ведению разведки на Дальнем Востоке [112]. "Краеугольным камнем военной разведки в мирное и особенно военное время, — отмечало ГУГШ, — должна почитаться агентурная сеть за границей, причем сеть эта непременно должна быть двух типов:

1. «Внешняя» деятельность которой главным образом основывается на принципе непосредственного наблюдения объектов разведки;

2. «Внутренняя» в составе центральных и местных правительственных учреждений и войсковых штабов для сбора документальных сведений".

"Агентуры указанных двух типов, — указывало ГУГШ, — взаимно дополняют друг друга, причем в мирное время приобретает первенствующее значение для разведки как чисто военной, так и военно-политической — «внутренняя» агентура, и лишь она одна способна держать нас в курсе соответствующих начинаний вероятного противника, «внешняя» же агентура служит средством для постоянного наблюдения за проведением этих начинаний в жизнь". В военное время наоборот первенствующее значение переходит к «внешней» агентуре, «внутренняя» агентура при несомненной осведомленности правительственных учреждений административного порядка приобретает ценность как средство для проверки и дополнения сведений, доставляемых «внешней» агентурой. Более, чем сомнительное утверждение, хотя при этом была сделана оговорка "за исключением, однако, агентуры в войсковых штабах (полков) одинаково важной как в мирное, так и в военное время".

"Для того, чтобы важнейшая для нас в военное время — «внешняя» агентура, — продолжало изложение своего подхода ГУГШ, — при наименьших затратах в мирное время принесла бы наибольшую пользу, прежде всего необходимо, чтобы начертание ее сети было сообразно с предстоящими ей в военное время задачами, чтобы личный состав ее отвечал всем возможным разновидностям нашей вооруженной борьбы на данном театре и чтобы вопрос связи агентуры с Россией в военное время уже в мирное время был разработан во всех деталях".

Задачи разведки на Дальнем Востоке в военное время были определены как "своевременное выяснение численности группировки, направления движения, а равно ход усиления, укомплектования и снабжения вы-

ставленных противником в поле сил". Уже в мирное время сеть негласной агентуры должна была покрывать:

"1. Все стратегически важные пункты, расположенные в пространстве между главными базами наших вероятных противников и районами сосредоточения наших войск;

2. Те административные их центры, в частности учреждения, кои в мирное время являются двигателями военной и военно-политической их жизни".

Все изложенные соображения ГУГШ были достаточно общи и они сравнимым успехом могли быть адресованы начальникам штабов Западных военных округов. Имеющаяся же "дальневосточная" специфика была весьма ограничена и не могла послужить серьезным подспорьем в работе ни штабу Приамурского военного округа, ни другим разведывательным органам на Дальнем Востоке. Отсюда и отсутствие сколь-нибудь ощутимых результатов.

Значительно большая продуманность отличала указания ГУГШ в части организации разведки в Японии, в том числе и с началом боевых действий. 16(29) июля 1911 года ГУГШ, адресуясь к помощнику военного агента в Шанхае подполковнику Николаеву, писало: "Ввиду особых условий, в силу которых разведка в Японии сопряжена с большими трудностями... до сего времени оставались не освещенными некоторые отрасли военной подготовки японцев и не удалось организовать на территории этой страны сеть негласной агентуры преимущественно военного времени. Между тем, при отсутствии последней с отъездом нашего военного агента в Россию в самом начале войны все происходящее в Японии... не должно оставаться для нас тайной" [113]. "Недопустимость этого с точки зрения интересов обороны России, — отмечало ГУГШ, — обязывает нас заблаговременно принять необходимые в предупреждение этого опасного явления меры, проведение которых возлагается на Вас".

Эти меры должны были выразиться "в насаждении в Японии в возможно кратчайший срок организованной на прочных основаниях агентурной сети и во всемерном обеспечении связи этой сети в военное время с Россией". Помощнику военного агента предлагалось направить усилия по насаждению агентурной сети, состоящей из "внешней" агентуры — в следующих пунктах:

"1. Токио — центральный пункт, из которого исходит все распоряжения правительства; пункт расположения штабов гвардейской и 1 дивизии;

2. Иокогама — первый центр общественной жизни Японии, пункт общей осведомленности, наподобие Шанхая;

3. Удзина — порт, не представляющий в мирное время интереса, но с объявлением мобилизации приобретающий громадное значение, так как через него пройдет главная масса войск, отправляемых за материк;

4. Кобе — вероятный пункт посадки части японских войск;

5. Осака — важнейший арсенал...;
8. Сендай, Нагоя, Хиросима... — пункты расположения штабов дивизий;
9. Фузан — ближайший к Японии порт на материке, от которого отходит сплошной рельсовый путь..."

"...Наличие одного агента — резидента в каждом пункте сети, — указывало ГУГШ, — вполне исчерпывает нашу потребность в области разведки в мирное время. С наступлением же военного времени, а, следовательно, с увеличением числа объектов, подлежащих непосредственному наблюдению, и с приобретением всеми действиями агентуры (как по наблюдению, так и по доставке наблюдений в Россию) характера чрезвычайной срочности, возникает необходимость придачу агентам-резидентам сети целого ряда подагентов различных наименований". Среди подагентов были названы "помощники по наблюдению за происходящим в портах", "почтальоны" "для передачи результатов наблюдения в главную приемную станцию (Шанхай)", "запасные агенты" для замещения убыли и усиления личного состава помощников и почтальонов, агенты для выполнения различных поручений.

ГУГШ призывало помощника военного агента в Шанхае не "упускать из вида в интересах экономии при всякой к тому возможности совмещать в одном лице функции агентов внутренней и внешней агентуры".

"Резюмируя все изложенное", Главное Управление пришло к выводу, что "наилучшим решением вопроса о комплектовании сети явилась бы постановка всего военно-разведывательного дела в Японии на коммерческую почву: либо путем привлечения к нему каких-либо уже существующих на Дальнем Востоке нейтральных коммерческих предприятий, либо путем создания таковых предприятий".

"Несомненно, что лишь торговые предприятия, сообразные с реальными потребностями и предложениями местного рынка, т. е. лишенные всякого намека на фиктивность, — отмечало ГУГШ, — способны открыть европейцам (наиболее надежному элементу) доступ во многие интересующие нас пункты в Японии и завоевать им здесь в мирное время доверие не только властей, но и не уступающего им в осторожности и подозрительности населения". "Ясно, что раскинув естественным путем свою агентурную сеть по крупным центрам и главнейшим военным и каботажным портам Японии и продолжая свои операции во время войны, — подчеркивало ГУГШ, — подобная организация более, чем какая-либо иная, способна обеспечить нам как необходимую полноту сведений, так и своевременное получение последних, для чего в ее распоряжении благодаря торговому коду в течение большей части войны может оказаться столь ценное средство, как телеграф. Помимо указанного преимущества такая организация, если бы ее пришлось создавать с начала, лишь на первых порах потребовала бы относительно крупных затрат. В дальнейшем же, постепенно развиваясь в силу своей жизнеспособности, вскоре сама окупала бы свое существование".

"Вышесказанное, конечно, относится к вопросу о комплектовании внешней агентуры, — оговаривалось ГУГШ. — Что же касается внутренней агентуры, в состав которой естественно будут входить лишь лица японской национальности, то комплектование ее будет зависеть от чисто случайных обстоятельств и регламентации не поддается".

"Особо тщательной разработке", подчеркивало ГУГШ, должна подвергнуться организация связи.

Обращает на себя внимание тот факт, что в последних документах ГУГШ разведку военного времени на Дальнем Востоке предполагалось базировать только на "внешней" агентуре, допуская "внутреннюю" агентуру в виде исключения или вообще исключая ее.

Если ГУГШ пыталось как-то подготовить агентурную сеть к действиям в предвоенный и военный периоды на Дальнем Востоке и в целом штабов военных округов (хотя бы в части директивных документов), то подготовка к войне негласной агентуры на Западе собственно Главного управления не была предусмотрена. Результатом подобного пренебрежения явилось то, что обе агентурные организации ГУГШ в Западной Европе — действующая полковника Лаврова и создаваемая фон Котена — прекратили свое существование с началом войны.

Вся подготовка ГУГШ к войне на Западе свелась к попыткам разработать связь военных агентов с Россией с началом боевых действий. 31 октября (12 ноября) 1912 г. ГУГШ разослало военным агентам документ под названием: "Организация связи военных агентов с Главным управлением Генерального штаба на случай европейской войны с участием России" [114]. "Первостепенная важность для нас быть во время европейской войны с участием России возможно полнее осведомленными о действиях не только наших противников, но и союзников, — отмечалось в документе, — выдвигает на очередь вопрос о заблаговременном принятии необходимых мер к обеспечению связи наших военных агентов с Главным управлением Генерального штаба".

"Условия, в которых должна осуществляться означенная связь, — подчеркивалось далее, — будут определяться, во-первых, участием или неучастием того или другого государства в войне, и во-вторых, — политической группировкой воюющих держав. Ввиду сего представляется необходимым предусмотреть способы организации связи в каждой из тех обстановок, вероятность или лишь возможность возникновения которых в случае войны в Европе допускается политическими группировками и интересами европейских государств".

Рассмотрение этих данных заставило русский Генеральный штаб остановиться на пяти разновидностях возможных группировок европейских государств в случае возникновения войны с участием России. Так, первый вариант предусматривал следующую комбинацию: "а) державы тройственного согласия и примыкающие к ним: Россия, Франция,

Англия, Болгария, Сербия, Черногория и Греция; б) державы тройственного союза и примыкающие к этому союзу: Германия, Австро-Венгрия, Италия, Румыния, Швеция, Турция; в) нейтральные: Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Греция, Испания, Португалия и Швейцария". Итак, пять вариантов, названных случаями.

Подобная многовариантность явилась свидетельством отсутствия необходимых достоверных данных у ГУГШ о комбинации стран вероятных противников и потенциальных союзников.

Военные агенты в случае европейской войны должны были, по мысли Генерального штаба, составить как бы три группы в различных частях Европы, а именно:

1. Северную (военные агенты в Германии и Швеции).
2. Западную (военные агенты во Франции, Англии, Швейцарии, Бельгии и Италии).
3. Юго-Восточную (военные агенты в Австро-Венгрии, Румынии, Болгарии, Сербии, Черногории, Греции и Турции).

В зависимости "от политических комбинаций" предписывалось использование тех или иных "сухопутных и морских телеграфных линий". Так, при первой политической комбинации телеграфная связь с Россией военных агентов западной группы должна была базироваться на Лондон, "как центр многочисленных телеграфных линий (морских кабелей)". Из этих линий предполагалось использовать следующие: Скандинавскую, Индо-европейскую, Трансатлантическую и Южно-африканскую.

Для каждой политической комбинации предусматривался свой вариант обеспечения телеграфной связи с каждой из трех групп военных агентов. Организация передачи телеграмм по избранным направлениям предусматривала размещение доверенных лиц в промежуточных пунктах (передаточных инстанциях) для отправления полученной телеграммы в следующий пункт. В качестве таких доверенных лиц должны были быть использованы, в первую очередь, уже имеющиеся военные агенты и "наши штатные дипломатические и консульские представители".

"Там же, где не окажется ни тех, ни других", вопрос предусматривалось разрешать "подыскиванием на месте соответствующих лиц уже в мирное время, или же командированием в эти пункты доверенных лиц в предвидении войны".

В феврале 1914 г. Отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ, "в дополнение к ранее разработанной и доложенной «организации связи в военное время» и во изменение тех положений ее, которые оказались не соответствующими изменившейся за последнее время обстановке", представил начальнику Генерального штаба "Докладную записку об организации связи с союзниками и с агентами в случае европейской войны". "Учитывая необходимость тесной дипломатической связи с нами в случае европей-

ской войны, — говорилось в «Докладной записке», — ... французское правительство, при предварительном соглашении с лондонским кабинетом, предложило нашему правительству организовать на случай международных осложнений передачу телеграфных сообщений между союзными правительствами" [115].

Для связи Петербурга с Лондоном и Парижем предусматривалось использовать через Лондон две линии. Первая: Петербург — Одесса — Тифлис — Тегеран — Бомбей — Аден — Занзибар — Дурбан — Кейптаун — остр. Святой Елены — Лондон — Париж. Вторая: Петербург — Одесса — Тифлис — Тегеран — Бомбей — Аден — Занзибар — Сидней — Монреаль — Лондон — Париж. Кроме этих двух линий для связи с нашими западными союзниками "предусматривалось использовать еще линии беспроволочного телеграфа... 1 линия — Севастополь — Бизерта (оттуда передача на Париж — Лондон) и 2 линия — Бобруйск — Париж (оттуда на Лондон)".

"Однако желание возможно надежнее обеспечить нашу связь с Западом, — отмечал Огеньков, — не позволяет ограничиться расчетом на эксплуатацию только этих перечисленных линий и по следующим причинам:

1. Телеграфная связь здесь базируется исключительно на кабели английские, а союз наш с Англией и даже дружественный ее нейтралитет по отношению к нам и Франции в случае европейской войны являются данными далеко не безусловными и

2. Связь беспроволочная, по особенностям уже технического характера есть связь подверженная частым перерывам". Вторая причина была далеко не бесспорна, однако, в целом, необходимо было вводить резервные линии связи.

Огеньков "в целях вящей надежности" предложил организовать связь с соблюдением следующих условий:

"1. Совершенно независимо от возможности пользоваться перечисленными выше линиями и

2. Так, чтобы обеспечено было, кроме того, пользование избранными линиями без возбуждения подозрений и противодействий пользованию ими административных органов тех нейтральных государств, на территории которых будут пролегать отдельные участки таких направлений". Необходимыми условиями для пользования дополнительными линиями связи являлись образование уже упоминаемых передаточных инстанций, связанных между собой прямыми телеграфными линиями, и "передача телеграмм по коду, приуроченному к той области отношений между соседними странами, которые, обычно, окончательно не прерываются даже в период политических недоразумений, т. е. к отношениям торговым".

К началу войны организация сети передатчиков телеграмм, предполагавшаяся Главным управлением Генерального штаба, так и не была проведена в жизнь. По словам военного агента во Франции Игнатьева,

отразившему реальное положение вещей, предлагаемыми "телеграфными линиями... почти совсем не пришлось пользоваться, так как связь лежала на новых линиях" [116].

Российский Генеральный штаб не знал со всей определенностью не только своих союзников, но и продолжал по-прежнему сомневаться и в числе своих вероятных противников, не считая "несомненных и неизменных" противников Германии и Австро-Венгрии, "занимающих середину разделяющей страны тройственного соглашения полосы". "Враждебность прочих государств, — отмечалось в Докладной записке, — будет зависеть от многих причин, а потому можно, в лучшем случае рассчитывать на нейтралитет, если, конечно, и не всех, то по крайней мере, «некоторых из них»".

"По важности своего нейтралитета" в части облегчения связи России с союзниками и своими военными агентами западноевропейские государства были поставлены в "следующей постепенности: Швеция, Турция, Италия". В зависимости от этого было предусмотрено пять вариантов политической обстановки:

"А. Политическая обстановка наименее благоприятна: разделяющая союзников полоса вся, кроме Сербии, Греции и Черногории им враждебна";

"Б. Политическая обстановка: нейтральна Швеция — северная часть разделяющей союзников полосы и лояльна Финляндия";

"В. Политическая обстановка: нейтральна Турция, крайняя южная часть разделяющей союзников полосы";

"Г. Политическая обстановка: нейтральна Италия, освобождающая для пользования кабели, пролегающие по средней части Средиземного моря" и

"Д. Политическая обстановка: нейтральны Болгария или Румыния или обе вместе".

Гадательность в определении сил противоборствующих сторон привела к появлению оторванных от жизни документов, претворение в жизнь которых заранее было обречено на провал. Перегруппировка военных агентов по нейтральным странам с началом войны произведена не была.

Если ГУГШ и пытался наладить связь военных агентов с Россией, "в случае европейской войны", то вопрос организации связи негласной агентуры штабов военных округов и собственно Главного управления с военными агентами с началом боевых действий был совершенно обойден молчанием.

Невзирая на разумные предложения и указания, высказанные ГУГШ накануне Первой мировой войны, по поводу подготовки разведки к действиям в предвоенный период и в военное время целенаправленного претворения их в жизнь не проводилось ни на Западе, ни на Ближнем, ни на Дальнем Востоке. Боясь того, в подавляющем большинстве случаев все эти пожелания, рекомендации и указания остались на бумаге.

4.4. ДОБЫВАНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ И МАТЕРИАЛОВ. ИХ ОЦЕНКА И ОБРАБОТКА

Основное внимание военная разведка сосредоточивала на добытии разведывательных сведений и материалов о вооруженных силах иностранных государств и в первую очередь о составе и боеготовности ВС вероятных противников, степени оснащённости их современной военной техникой, а также об оборудовании вероятных театров военных действий.

Разведывательные сведения и материалы охватывали следующие виды конкретных первоисточников информации:

— документальные сведения и материалы (секретные и несекретные);

— устные сведения, полученные из самых различных источников. Способы добывания подразделялись на добывание разведывательных сведений и материалов без привлечения иностранцев из числа негласных агентов, а также лиц, предлагающих свои услуги разведке, и на добывание с использованием перечисленных категорий иностранцев. Образцы вооружений добывались, как правило, через иностранцев — негласных агентов и лиц, предлагающих свои услуги разведке.

Добывание разведывательных сведений и материалов первым способом производилось с использованием официальных возможностей разведчиков (гласных и негласных военных агентов), находящихся в длительных зарубежных командировках, или направляемых в краткосрочные несекретные командировки за границу с разведывательными целями следующими путями:

— с использованием печатных материалов (прессы, периодических изданий, книг, справочников, картографических материалов);

— в ходе осведомления, наблюдения и подслушивания;

— на доверительной основе. Источниками получения разведывательной информации военными агентами с официальных позиций являлись:

— (архивы предшественников; пресса (изобретения, новинки техники и общая информация);

— официальные военные издания (уставы, циркуляры);

— общая и специальная литература;

— доклады парламентских комиссий, военные бюджеты;

— маневры иностранных армий (проверка уставных положений, знакомства с высшим составом);

— посещение казарм и заводов (информация общего характера);

— сведения других русских морских и военных агентов;

— дипломатический корпус и светские знакомства;

— заграничные заказы собственной армии" [117].

Надо было только правильно интерпретировать публикуемые сведения, считал военный агент в Скандинавии, а в последующем во Франции Игнатъев.

“В столичных газетах мало найдешь полезного, а вот провинциальные газетки, да еще из таких глухих местечек как Гренобль, не имея больших статей, поневоле бывают болтливы и рассказывают о всех мелочах местной жизни: «сегодня состоялся банкет резервистов такого то полка», — гласит одна вырезка, другая рассказывает, и очень подробно, об артиллерийских маневрах”, — вспоминал Алексей Алексеевич. “Каждая из этих вырезок в отдельности, конечно, ничего не дает, но сопоставленные и тщательно обработанные, — утверждал он, — они помогают уточнить не только дислокацию, но и засекреченные в большинстве стран сборы резервистов. При малейшем напряжении дипломатической атмосферы военный агент лучше всякого посла может иметь представление о различных фазах подготовки к мобилизации” [118]. Хотя газеты и не играли роли “документа”, но при систематической обработке могли “открыть без ключа немало прочно запертых сейфов в мобилизационных отделах генеральных штабов”.

Другим доказательством возможности извлечь “нигде не опубликованные сведения из самых гласных печатных источников служат обычные воинские уставы”, считал Игнатъев. Изучая одновременно шведский, датский и норвежский уставы и сравнивая их с существующими русскими, Игнатъев “обратил внимание на единственную, пожалуй, между ними разницу: в каждом из них были выделены жирным шрифтом или подчеркивались разные фразы и разные слова”... “Бросается в глаза в разных главах одного из уставов требование «сохранения порядка и значение дисциплины» — значит эти стороны военного воспитания оставляют желать лучшего”, — пришел к выводу Игнатъев. “Проверив эти выводы личным наблюдением, — подчеркивал он, — военный агент учит их при оценке важнейших сторон боеспособности армии. Эти серьезные выводы он сможет сделать, изучая уставы не у себя на родине, а лишь на месте, в стране, где знакомство с армией и с характерными чертами быта населения, как сельского, так и городского, в разных районах поможет ему выяснить причины, побудившие составителей уставов и других официальных и полуофициальных документов выделять определенные слова” [119]. “Вот почему изучение на месте печатных материалов всякого рода и отправление их в Россию с собственной, хотя бы самой краткой, рецензией, — указывал Игнатъев, — являлось для меня одним из обязательных правил работы по информации. Изучение печатного материала предохраняло от самого опасного для военного агента недостатка: ломиться в открытую дверь, изыскивать легальные и нелегальные способы для раскрытия давно уже известных истин”.

Численность вооруженных сил военного времени Швеции и Дании была подсчитана им на основании данных международного статистичес-

кого института в Италии, публикующего ежегодно сведения о рождаемости и смертности населения всех стран мира. “Еще в скандинавских государствах я привык относиться с особым уважением к толстым томам, заполненным мертвыми на первый взгляд, цифрами военного бюджета, — отписывает Игнатъев. — Во Франции эти цифры дополнялись печатными комментариями докладчиков парламентских комиссий... Когда знаешь общую структуру армии, а главное, ее недочеты, то бюджетные цифры, при сравнении их с цифрами предшествующих лет, оживают, получают еще большее значение и, в конце концов, если и не дают полного освещения вопроса, то во всяком случае помогают наметить те вопросы, изучению которых следует уделить особое внимание. Бюджет надо уметь читать” [120].

Неофициальные командировки офицеров с целью сбора военно-статистических сведений о пограничных с Россией государствах занимали одно из ведущих мест как вида деятельности по сбору разведывательных сведений на Дальнем Востоке путем наблюдения, осведомления, а также за счет использования издаваемых в регионе материалов. По результатам одной из таких поездок в 1908 г. в части 3 обер-квартирмейстера ГУГШ был “издан предварительный отчет полковника барона Маннергейма по его командировке в Западный и Северный Китай, очень хорошо обрисовывающий современное положение в крае китайских вооруженных сил, развитие дорожного строительства, колонизацию, промышленность и пр.” [121].

Представляющие для разведки интерес сведения и материалы добывались гласными и негласными военными агентами и через информированные источники из числа иностранцев на доверительной основе. Именно к этой категории иностранцев относились адъютант военного министра Австро-Венгрии майор Клингспор и поручик артиллерийского полка 27 дивизии Квойко, оказавшие “ценные услуги” военному агенту в Вене Марченко [122]. Несмотря на предоставленные услуги, Марченко было отказано в ходатайстве наградить вышеперечисленных лиц российскими орденами.

Невзирая на ценные разведывательные сведения, материалы, добываемые с официальных позиций, наиболее важные и секретные материалы поступали от иностранцев из числа негласной агентуры и лиц, предлагающих свои услуги разведке. Только в течение 1908 г. штабом Киевского военного округа от “венского агента”, который в последующем проходил под номером 25 были приобретены следующие документы и сведения: новые данные о мобилизации австрийских укрепленных пунктов; некоторые подробные сведения об устройстве вооруженных сил Австро-Венгрии; сведения о прикомандированном к штабу Варшавского военного округа П. Григорьеве, предложившем в Вену и Берлин свои услуги в качестве шпиона; полное боевое расписание австрийской армии на случай войны с Россией, издания 1907 г., ряд сведений о совре-

менных политических событиях на Балканском полуострове и мобилизации по этому случаю австрийских корпусов [123]. "Кроме того, тем же венским агентом предлагались, но за недостатком средств были отклонены: сведения о контингенте, который обязана выставить Италия в случае войны Тройственного союза; о почтовых, телеграфных и телефонных сообщениях в военное время; секретный шифр Австро-Венгрии, принятый в ее дипломатических сношениях".

В 1913 г. от агента номер 25 были получены "Боевое расписание Австро-Венгерской армии" на случай войны с Россией, вошедшее в силу с марта с.г. Кроме того негласным агентом в течение 1912 и первой половины 1913 г. был добыт целый ряд секретных документов в том числе боевое расписание австро-венгерской армии "для войны с Балканами, мобилизация укрепленных пунктов; инструкция об этапной службе; положение об охране железных дорог при мобилизации; новые штаты военного времени; некоторые исключительные мероприятия на случай войны; сведения о минировании важнейших технических сооружений в Галиции" [124].

Трудно переоценить важность поступивших документальных материалов. Кроме того, от № 25 были получены "общие сведения военно-политического характера", которые "вообще, являлись несколько запоздавшими, но важными в том отношении, что своей компетентностью подтверждали уже имевшиеся данные" [125].

Бывший лейтенант Яндрич доставил в 1913 г. военному агенту в Вена Генерального штаба полковнику Занксвичу, согласно оценке ГУГШ, "ряд документальных сведений из подлежащих оглашению учебников, принятых в австро-венгерской академии генерального штаба, а именно: курс военной географии (пограничный район Австро-Венгрии и России); организационные сведения по австро-венгерской армии (устройство артиллерии и снабжение ее огнестрельными припасами; средства связи; санитарная и ветеринарная служба; устройство тыла и обозов); укрепления Перемышля; служба дорог в военном отношении" [126].

Только с 1 января по 20 марта 1910 г. штабом Варшавского военного округа было получено 32 "секретных германских документа" общим объемом свыше 2000 страниц. Эти документы были получены в виде "подлинников" и "перепечатанных копий" [127]. Поступающие в штаб Варшавского военного округа документы от негласного агента — писаря штаба крепости Торн по фамилии Велькерлинг — имели "общее стратегическое для нас значение на случай войны с Германией", отмечало ГУГШ [128]. О ценности добываемых штабом Варшавского военного округа документов, можно судить по следующим словам Николаи: "Добыча в битве под Танненбергом доставила доказательства того, что русские армейские штабы обладали таким материалом о Германии как о театре военных действий, лучше которого не могло быть ни в одном германском штабе. По завоевании Варшавы были захвачены печатные списки: 120 строго сек-

ретных документов и планов германских и австрийских вооруженных сил, которые уже в 1907 — 1910 гг. были доставлены русскому Генеральному штабу разведывательным отделением в Варшаве" [129].

Негласным военным агентом сотрудником Генерального консульства в Бомбее М.С. Андреевым только в течение 1909 г. через "туземных" агентов было добыто "65 донесений по Индии и 32 донесения по Афганистану. Донесения, касающиеся Индии, обнимали собой сведения по следующим вопросам:

- 1) устройство вооруженных сил Индии; 2) военные реформы лорда Китченера; 3) успехи военной техники в Индии; 4) материальное обеспечение индийских войск; 5) интендантское обеспечение в англо-индийской армии; 6) боевая готовность в англо-индийской армии; 5) индийский Генеральный штаб; 6) военное воздухоплавание в Индии; 7) английские разведчики в северной Индии" [130].

Добывались далеко не все предлагаемые разведке материалы, не зная на их очевидную ценность. Иногда непреодолимым препятствием для приобретения документа являлась запрашиваемая за него сумма. В 1905г. военный агент России в Великобритании Генерального штаба генерал-майор К.И. Вогак "установил возможность (поступило предложение о продаже — примеч. авт.) получить копию постановления совещания между главными штабами Лондона и Токио по разработке общих военно-морских планов Англии и Японии в развитие пункта 6 англо-японского договора, а также раскрывающего сущность соглашения Англии и Японией по делам Афганистана, Китая, Персии и Турции" [131]. За все это было запрошено 50 тысяч франков. Для Генерального штаба сумма оказалась, "велика и неприемлема", и Вогаку было рекомендовано "не терять связь с агентами и подождать указаний". В августе 1906 г. один из негласных агентов Вогака предложил ему купить следующие документы:

1. Хранимый под строгим секретом и трудно добываемый военный «Газеттир» Афганистана.
2. Укрепления Афганистана и их вооружение.
3. Новый план войны лорда Китченера, включающий действия Японии.
4. Военный договор с феодальными индийскими князьями, с замечаниями лорда Китченера.
5. "Газеттир", касающийся Персии и Малой Азии.
6. ...ежемесячную сводку всех распоряжений и сведений индийского правительства.
7. Секретную дорожную карту Афганистана с укреплениями" [132].

Приобретение всех этих документов вызвало "расход в 13 тысяч рублей, не считая денег на выписку № 6". "Ввиду того, что у нас сведения, подобные вышеприведенным почти вовсе отсутствуют", то приобретение таковых было признано "в высшей степени желательным". В этой

связи на Высочайшее имя был представлен доклад с ходатайством произвести расход из суммы сметы ГУГШ по параграфу "на известное Вашему Императорскому Величеству употребление". Испрашивалось: "Благоугодно ли Вашему Императорскому Величеству соизволить на изложенное". Подобная волокита в выплате денег за предлагаемые документы, безусловно, отрицательно сказывалась на их добывании. Несмотря на полученное "высочайшее соизволение", удалось приобрести далеко не все материалы. Материал под номером 4 "лицо, предлагающее нам продать его Франции за 4 тысячи франков (160 англ. фунтов), мы предлагали только 50 англ. фунтов". В части документов по пунктам 2 и 3 констатировалось — "упущен случай" [133].

7 ноября 1912 г. Игнатьев доложил в ГУГШ, что посредник, работающий у полковника Лаврова, "по-видимому, вошел в сношения с одним из писарей 19 корпуса", который согласился снять копии с целого ряда документов, в том числе мобилизационного плана корпуса, запросив "за все 4 тысячи марок". В ходе последующих переговоров с посредником выяснилось, что писарь "снимать на машинке в канцелярии копию мобилизационного плана не может, а списывать урывками дома своей рукой боится". Писарь готов был "предоставить план на короткое время, когда предоставится удобный случай (преимущественно в праздник), но только в пределах Германии, а не в Швейцарии, ибо он боится позариться с этими книгами через германскую таможенную" [134].

"Командирование особого отряда для снятия на германской территории фотокопии с документа" представлялось, по мнению ГУГШ, "настолько рискованным", что от осуществления "этого предприятия" оно после тщательного изучения всех возможностей вынуждено было отказаться [135]. Было признано, что единственным выходом из создавшегося положения является представление "заинтересованным лицам документа по частям в рукописных или воспроизведенных на машинке копиях". "При таком способе доставки, — писал в очередном письме Энкель, адресуясь к Игнатьеву и Лаврову, — несколько осложняется вопрос об оплате документа, однако, я полагаю, что этот вопрос мог бы быть разрешен в соответствии с интересами обеих сторон путем оплаты каждой главы или иной доставленной нам части документа немедленно по выяснению ГУГШ ее годности по расценке, в основу которой, с одной стороны, была бы положена заявленная продавцом стоимость всего документа (четыре тысячи марок), а с другой — относительная ценность представляемой части по сравнению с остальными. При таком способе оплаты необходимо прежде всего получить подробное его оглавление" [136]. Так и было сделано. Результат оказался положительным. Проводивший экспертизу делопроизводитель германского делопроизводства ОГЕНКВАР ГУГШ Генерального штаба полковник Скалов, "ознакомившись с копиями документов, признал их не внушающими подозрения" [137].

В начале 1913 г. агент штаба Виленского военного округа представил германский секретный документ "Мобилизационный план развертывания сухопутных сил" издания 1907 г. [138]. План этот, как отмечалось в Докладной записке, направленной в ГУГШ, "по уверению агента, действует и по настоящее время со вносимыми ежегодными изменениями, наклеенными в каждом экземпляре в соответствующих местах". "В доказательство изложенного агент передал фотографический снимок нескольких страниц, из которых копию 22 стр. с ясно видимым Deckblatt (наклеенным листком — примеч. авт.). При сем препровождаю и прошу по сравнению с имеющимся таким документом в ГУГШ уведомить о сходстве или различии этих страниц... Ввиду необходимости срочного уведомления агента, прошу по изложенному сообщить в возможно непродолжительном времени", — доносил окружной штаб в Санкт-Петербург.

В канун войны в департамент полиции в Санкт-Петербурге пришло письмо на немецком языке, подписанное неким фон Фишером [139].

"Честь имею довести до вашего сведения, — говорилось в письме, — что я имею военные планы Германии против России. Введите меня теперь же в сношения с каким-нибудь высшим офицером. Было бы самым верным, если бы сразу же какой-нибудь мужчина приехал на автомобиле к господину Эдмунду Мейеру в Гогенштадт, адрес: Baureuth — Нюрнберг. Там находятся планы, которые будут выданы за 20 000 рублей". В конце своего послания автор считал целесообразным, чтобы за документами была направлена дама. "Все должно быть сделано как только можно скорее", — призывал автор. 19 июля (1 августа) 1914 года письмо поступило в Главное управление Генерального штаба, где, попав в руки делопроизводителя Особого делопроизводства полковника Раши, получило, невзирая на кажущуюся привлекательность, следующую оценку: "Полагаю, что это самое глупое надувательство" [140]. Остается только гадать о причинах столь резкого отказа. Возможно, основанием для него послужило воспоминание о недавнем предложении (в мае 1914 г.) военному агенту в Сербии чертежей "новейших австрийских орудий", которые после проведенной экспертизы оказались "не представляющими интереса". "Продавец" выступал как и в предыдущий раз все под той же фамилией Фишер, что и вызвало такую неаппетитную реакцию (об этом случае будет рассказано ниже).

Диапазон предлагаемых военной разведке документов был необычайно широк, как по своему характеру, сфере своего применения, так и в части своей подлинности: от истинно подлинных до сфабрикованных, включая устаревшие материалы.

Вскрыть факт подделки документа самим "доброжелателем" не представляло особого труда. Первое впечатление можно было вынести, исходя из оценки внешнего вида получаемых материалов самого документа. "Печати на документах, — писал Энкель 2 марта 1913 г. по

поводу одного из таких приобретений, — *вижу серьезные сомнения, ибо несут... явные следы пера. Линии при наложении каучуковой печати могут сливаться, но раздваиваться — едва ли*” [141].

Когда же материалы специально фальсифицировались контрразведывательными органами иностранных государств для их целенаправленной передачи — продажи своим вероятным противникам, выявление подобной фабрикации было делом далеко не простым и требовало всесторонней и длительной экспертизы, опираясь на уже имеющиеся достоверные данные.

В 1908 г. к военному агенту в Германии Генерального штаба полковнику Михельсону обратился неизвестный с предложением приобрести “Записку о распределении германских вооруженных сил в случае войны” [142]. Посетитель, отказавшись раскрыть свое имя, объяснил, что предлагаемый документ один из тех, что были вручены корпусным командирам и инспекторам на проходящем совещании в Страсбурге. Документ передавался Михельсону на очень короткий срок; однако вполне достаточный для того, чтобы доставить его в Петербург, провести копирование в топографическом отделе ГУГШ и вернуть обратно в Берлин.

На первый взгляд документ представлял безусловный интерес. И опытный разведчик Михельсон не смог, да и не имел права отвергнуть столь заманчивое предложение. В Записке очерчивалась обидная стратегическая обстановка накануне войны, давалась характеристика немецкому, русскому и французскому солдатам, приводились соображения о стратегическом развертывании германских вооруженных сил. Воинственность и агрессивность пронизывали все содержание Записки: “Развертывание германских армий должно поразить Европу своей силой, которая еще до первого выстрела покажет противнику, на что он может решиться и что он может потерять, если захочет выиграть”. Стратегическое развертывание германских войск перед началом войны согласно Записке выглядело следующим образом — четыре армии на французской границе, одна армия на побережье и три армии на русской границе. При этом была сделана следующая оговорка: “Обещанная нам его Величеством австрийским императором Францем Иосифом поддержка, путем выставления самостоятельной армии, осуществляется с началом войны на границе русской Польши”.

Из Записки вытекало, что значительная часть германских сил сосредоточивается на левом фланге, против системы французских оборонительных сооружений. “В отношении сомкнутой линии французских укреплений на границе с Германией сохраняет силу тактическая истина, что не крепости, а армии решают исход войны”, — подчеркивалось в документе.

Документ был подписан начальником Большого Генерального штаба Мольтке. Кроме того, на нем имелась и резолюция самого германс-

кого императора: “Настоящее, по моим приказам составленное распределение немецких сухопутных и морских вооруженных сил, мною утверждается, и большой Генеральный штаб, военное министерство, морское министерство и мой военный кабинет уполномачиваются внести необходимые изменения в существующие планы”.

Скопированный документ был передан 2 обер-квартирмейстеру ГУГШ генерал-майору Борисову В.Е., который и приступил к организации проверки его достоверности. Во-первых, обратились в Министерство иностранных дел России и установили, что подпись германского императора подлинная. Во-вторых, Борисов поручил оперативно-статистическому делопроизводству германского фронта сравнить данные полученного документа с уже имеющимися с 1894 г. материалами. Проведенные подсчеты численности германских вооруженных сил дали следующие результаты: к 1 января 1909 г. в германской армии должно было состоять 521 000 человек на действительной военной службе и 4 869 200 человек — в запасе, всего 5 390 200 военнообязанных. В переданном Михельсону документе было показано 5 088 350 “бойцов с оружием” — военнообязанных. Обнаруженная разница в триста десять тысяч человек представлялась вполне объяснимой, так как цифры в документе были приведены по состоянию на сентябрь 1908 г., а подсчеты проводились применительно к 1 января 1909 г.

“В общем выводе о выставлении вооруженной силы”, в Докладе по ГУГШ, представленным 3 декабря 1908 г. Борисовым констатировалось, что все военнообязанные “к 25 дню мобилизации становятся в ружье”. Более того, последним придается такая организация, — 46 корпусов и 46 резервных — “что по мере готовности и надобности они могут быть брошены на поле сражения” [143].

“Рассмотрев добытый негласным путем германский документ, — докладывал Борисов, — я нахожу следующее: 1. Он очень интересен для нас, за подлинность его, по моему мнению, можно ручаться”... [144].

В пользу версии о подлинности документа, по оценке 2 обер-квартирмейстера, говорили также его форма, стиль и сам дух, которым была проникнута Записка. “Составлен он (документ — примеч. авт.) очень серьезно, и с истинным воинским взглядом и воодушевлением, — отмечал Борисов, — к сожалению, не принятым в наших сухих, официальных распоряжениях”. “Но с другой стороны, документ ничего особенно нового не вносит в наши соображения как о численности, так и о виде (форме) развертывания германских сил”, — подчеркивал генерал.

Записка подтверждала точку зрения Борисова по поводу предполагаемого развертывания германских войск на Востоке. Еще до получения этой Записки Борисов в этом же 1908 году представил доклад на имя начальника Генерального штаба с предложением переделать план стратегического развертывания русской армии. Он предложил “главную

массу своих сил" сосредоточить против Австро-Венгрии, оставив на германской границе не более трех корпусов [145].

Одновременно 2 обер-квартирмейстер считал нужным сделать следующую оговорку при разборе германской записки: *"Чтобы реализовать полную ценность этого документа необходимо добыть один из тех документов (безразлично какой), которые помещены под каждую армию"*. Речь шла о мобилизационных расписаниях каждой из восьми армий, на которые делались ссылки в Записке. *"По одному такому документу можно проверить окончательно добытый, а равно вполне объяснить достоверно состав каждой армии"*, — утверждал Борисов. Им был предложен и рецепт добывания такого документа: *"Я сделал бы так: если доставившему этот документ заплачено x рублей, то объявил бы ему, что доплачу еще $x/2$ за этот документ, и за вновь добытый заплачу новую сумму по степени его достоверности, лишь бы он добыл одно из существующих 8 расписаний армий"*.

Однако Борисов не удовлетворился результатами проведения экспертизы. Под видом разбора книги генерала от инфантерии Фалькенгаузена *"Большая война современности"* он написал статью, в основу которой были взяты цифры из документа, и поместил ее под названием *"По стратегии"* в *"Русском инвалиде"* [146]. Борисов рассчитывал вызвать отклик у германской стороны. И, действительно, статья была переведена на немецкий язык и под заглавием *"Русское суждение кн. Фалькенгауза о «Большой войне современности»"* была опубликована в журнале *"Милитерисчер Вохенблатт"* в марте 1909 г. Но какие-либо замечания, комментарии к статье, на которые так рассчитывал Борисов, полностью отсутствовали. Мнения по поводу достоверности документа разделились. Проведенные мероприятия привели Борисова к мнению, что за подлинность документа *"можно ручаться"*.

Каких-либо шагов по реализации предложения Борисова предпринято не было. Генерал-квартирмейстер ГУГШ Алексеев не принял всерьез германский документ. Начальник Генерального штаба генерал Палицын также признал его фальсифицированным. Таковую же точку зрения высказал и французский Генеральный штаб, получив документ для ознакомления.

Так, являлась ли полученная Михельсоном германская Записка достоверной? Безусловно, нет. Это была искусно составленная фальшивка, хотя в ней и присутствовали отдельные подлинные факты (о целях, которые, преследовались германским документом, будет сказано позднее). Достигла ли фальшивка, подготовленная на государственном уровне, поставленной цели? Да, если учесть, что Генеральные штабы России и Франции так и не смогли однозначно вскрыть планов ведения войны Германией.

Во что обошлась русскому Генеральному штабу приобретенная в 1908 г. в Берлине фальшивая *"Записка о распределении германских воо-*

руженных сил в случае войны"? Михельсон сошелся с владельцем Записки на следующем: за документ выплачивается 25 тысяч рублей, из них 10 тысяч рублей выдаются сразу же после доставки документа в Петербург, оставшуюся сумму предполагалось выплатить после оценки документа. Главное управление Генерального штаба выполнило часть взятых на себя обязательств, заплатив 10 тысяч рублей. Однако в последующем Палицын признал документ фальшивым и запретил выплату оставшихся 15 тысяч. Слезные письма владельца материалов тронули Борисова и Алексеева, которые *"стояли за честное исполнение обещанного"*. *"...Неточность в соблюдении обещаний очень пагубна... для будущего разведки"*, — утверждали оба генерала. Усилиями Алексеева и Борисова удалось получить согласие Палицына на выплату еще 3 тысяч рублей, на этом выдача денег закончилась [147]. Добросовестный мог и не подозревать о роли статиста, уготовленной ему германской контрразведкой.

Предложение на продажу сфабрикованных документов не являлось секретом для ГУГШ, о чем оно время от времени информировало военных агентов. Так, 10 июля 1912 г. из Петербурга в западно-европейские столицы направляется циркулярное сообщение о том, что *"в Цюрихе с прошлого года основал контору по продаже фальшивых немецких документов некто PLATTER"* [148]. *"Фабрикует он настолько искусно, — предупреждало ГУГШ, — что сумел несколько своих документов продать французскому правительству"*.

Причем, фальшивые документы из одного и того же источника поступали на продажу многим государствам. *"Наказанный в 1900 г. капитан Сария, — вспоминает австрийский разведчик Макс Ронге, — тоже пошел по пути мошенничества. В 1908 г. он обманул Россию, продав ей за 20 000 рублей (совершенно неправдоподобная цифра — примеч. авт.) не имеющие значения железнодорожные графики. В целях дальнейшей эксплуатации русского военного агента полковника Ромейко-Гурко в Берне он вошел в компанию с Эразм-Стахелем и летом 1911 г. ...попытал счастья у нас. Наша разведывательная служба купила у некоего Цулиани план Венеции. Мне это дело показалось подозрительным. Сравнение с почерком Сария выявило замечательное сходство"* [149]. *"Он озадачил меня, — пишет Ронге, — однако тем, что его последние письма приходили не только из Швейцарии, но и из Италии и даже из Австрии, в то время как было установлено, что последние годы Сария не выезжал из Цюриха. Оказалось, что он пользуется услугами третьих лиц. Через год мошенник снова хотел нас надуть, но на сей раз попытка успеха не имела, так как я тотчас узнал старую «фирму». Она была ликвидирована нами в сентябре 1914 года и виновные предстали перед высшим судом в Цюрихе по обвинению в обмане Италии, Франции, России, Англии, Австро-Венгрии, Голландии и*

Бельгии". Впечатляющий список, если все приведенные Ронге факты соответствуют действительности.

Опасения о возможном поступлении фальсифицированных контрразведкой документов через подставных лиц постоянно присутствовали в работе военной разведки.

Подход военной разведки при покупке документов был единым независимо от того, что предлагалось для продажи: планы стратегического развертывания, мобилизационные планы или чертежи, техническая документация оружия и военной техники, а иногда и сами образцы. От военного агента, а именно к нему чаще всего обращались с такого рода предложениями, требовалось при наличии уверенности в том, что предлагаемые документы могут представить интерес, получить их для длительного использования без предварительной оплаты или при выплате минимального аванса.

Во второй половине 1913 г. военному агенту в Австро-Венгрии Генерального штаба полковнику Виннену было передано письмо на "Высочайшее имя" некоего Франца Шмидля с предложением "средства для обеспечения себя от поражения шпагой, мечом и пулей" [150]. Письмо было рассмотрено на заседании оружейного отдела Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления. В результате было принято решение просить ГУГШ "поручить нашему военному агенту в Австро-Венгрии собрать сведения у 2-на Шмидля о предлагаемых им средствах... Принимая при этом во внимание, что доставление означенных сведений не должно налагать на русское правительство никаких обязательств по отношению к 2-ну Шмидлю, кроме обещания не воспользоваться его предложением без его согласия, если только в этом предложении будет заключаться что-либо новое, Главному артиллерийскому управлению неизвестное" [151].

24 мая 1914 г. к военному агенту в Сербии Генерального штаба полковнику Артамонову явился некий Самуэль Фишер, коммивояжер аптекарских товаров, который предложил купить у него чертежи, относящиеся к "новейшим австрийским орудиям образца 1913 г., главным образом, судовой артиллерии, а также и полевой артиллерии" [152]. Происхождение чертежей Фишер объяснил следующим образом — "его свояк — немец, служил будто инженером на заводе Шкода, был затем отпущен и эмигрировал в Америку", прихватив с собой вышеупомянутые чертежи.

Артамонов заявил, что "судовая австрийская артиллерия нас не интересует, а скорее Италию", однако спросил, какой суммой "удовольствоваться" бы владелец. Сошлись на том, что Фишер оставляет Артамонову для ознакомления портфель с документами до следующего своего приезда в августе, за что последний выплачивает ему 100 франков в качестве задатка из 2000 запрошенных. В препроводительной к направляемым в Санкт-Петербург документам Артамонов писал: "Я нашел:

1) что чертежей полевой артиллерии, которая могла бы интересовать нас, в портфеле не имелось, а все чертежи относятся, по-видимому, к судовой или береговой артиллерии; 2) находящиеся всюду исключительно английские надписи возбуждают сомнения в том, чтобы чертежи принадлежали заводу Шкода; скорее можно думать, что они принадлежат какому-либо американским или английским заводам и орудиям; 3) на каждом чертеже вырезан угол, очевидно, содержащий подписи, указывающие на завод, модель и прочее".

Из всего этого Артамонов заключил, что С. Фишер "умышленно или бессознательно" обманул его. Уже 8 июля 1914 г. портфель с документами был возвращен из Санкт-Петербурга в Белград. При этом Артамонову сообщалось, что в результате проведенной экспертизы в Главном артиллерийском управлении и Морском Генеральном штабе "чертежи эти были признаны не представляющими ни интереса, ни ценности, как устаревшие" [153].

Идея о необходимости наладить в ГУГШ фабрикацию фальшивых документов была высказана еще в 1905 г. Никольским. "Значительным подспорьем для ведения негласной разведки, — писал Никольский, — является порядок, принятый в некоторых государствах (Франция и Япония), где особо назначенные лица предлагают и выдают иностранцам сфабрикованные сведения и документы, получая за них деньги, которые расходуются на содержание личного состава" [154]. "Кроме материальных выгод подобная организация, — утверждал Никольский, — направляет деятельность иностранных агентов в желательном для нас направлении и тем самым как бы несколько гарантирует от посягательства на наши тайны и в то же время показывает, что именно иностранцы не знают про нас".

Спустя несколько лет ГУГШ признало, что "одним из наиболее действенных средств для парализования разведки соседей является продажа им провокационным путем фальшивых документов" [155]. По мнению ГУГШ, этим достигалось следующее:

"1. Введение в заблуждение вероятного противника и во всяком случае внесение элемента некоторой неуверенности в его работу по подготовке к войне, могущего внести нерешительность и путаницу в его решения в критическую минуту;

2. Ослабление разведки вероятных противников путем оттяжки части средств на негодные цели;

3. Возможность усиления разведки продавцом фальшивых документов за счет покупателя".

"Столь существенные выводы, достигаемые таким путем, — считало ГУГШ, — являются причиной того, что наши западные соседи стремятся широко использовать его в отношении России".

Вопрос о применении того же приема российской военной разведкой в Главном управлении поднимался неоднократно, "но каждый раз встре-

чал серьезное препятствие в трудности составления фальшивых документов, так как необходимость тщательной их продуманности и систематичности, с устранением из них элементов явной фантастичности требует возложения этой задачи на учреждение, ведающее оперативной частью ГУГШ, которое между тем не имеет для сего ни времени, ни рабочих рук". При таких условиях, — делало вывод ГУГШ, — наипростейшим решением вопроса было бы сбывать за границу устаревшие документы с изменением в них лишь дат и подписей, а равно неосуществленные проекты. Однако руководство ГУГШ и Военного министерства России не решалось пойти по этому пути. Для того, чтобы столкнуть дело с "мертвой" точки, было решено опереться на опыт французов.

26 октября 1912 г. ГУГШ запросило военного агента во Франции мероприятиях, проводимых французами, в этом направлении. Уже 20 ноября Игнатьев доносил в Главное управление, ссылаясь на "сведения из самого достоверного источника":

"1. Продажу фальшивых документов провокационным путем французы практикуют так: крупных работ и печатных документов французы не фабрикуют, а продают фальшивые письма, официальные бумаги, описание материальной части, словом, по мелочам.

2. Подобные документы составляет разведывательное отделение Генерального штаба, привлекая артиллерийское и инженерное управления. Все сбываемые сведения носят отрывочный случайный характер..." [156].

Отсутствие у французов серьезного подхода к делу фабрикации фальшивых документов, работа "по мелочам", так и не привели к принятию руководством ГУГШ практических решений по данному вопросу.

Добываемые разведкой данные обрабатывались, обобщались и издавались соответствующими частями Управления генерал-квартирмейстера (в последующем Огенквара) ГУГШ. Особое внимание уделялось вооруженным силам Германии и Австро-Венгрии, а также военно-статистическим описаниям этих стран. Наряду с изданиями, посвященными западно-европейским армиям, выпускались и подобные публикации о вооруженных силах азиатских стран.

С 1909 года под редакцией части 2 обер-квартирмейстера ОГЕНКВАРА начал издаваться "Сборник Главного управления Генерального штаба", в котором помещались все важнейшие сведения по организации, мобилизации, технической оснащенности, личному составу, системе боевой подготовки вооруженных сил стран Европы и Азии.

Первый выпуск Сборника, увидевший свет в марте 1909 г., содержал статьи об организации иностранных армий Германии, Австро-Венгрии, Италии, Румынии, Болгарии, Сербии и Японии. Здесь же были приведены списки высших строевых начальников Австро-Венгерской армии и следующие обзоры по военным вопросам: "Планы Австро-Венгрии на случай войны с Сербией", "Переброска армий с одного фронта на дру-

гой по железным дорогам", "Вопрос о встречном бое в Германском строем пехотном уставе". "Характеристика Турецкого генерального штаба". Технический раздел был представлен статьями "О применении железных дорог с тактической целью" и "Пулемет Ревелли". Сборник включал в себя также "Перечень важнейших статей иностранных военных журналов за январь месяц 1909 года", статью "Иностранная военная литература (новые издания)" и ряд материалов из военного архива [157].

Начиная с 20 выпуска (январь 1911 г.) в Сборнике стали публиковаться только те сведения об изменениях в военном деле той или иной страны, которые произошли после издания последнего выпуска, причем, главное внимание уделялось влиянию, которое оказывало данное изменение на боевую подготовку рассматриваемой армии [158]. Всего по июль 1914 г. вышло 62 выпуска "Сборника Главного управления Генерального штаба" [159].

Не все публикации в них были равноценны. Случалось, что обзор военной промышленности давался слишком поверхностно, а оценка экономики делалась излишне фрагментарно. Кроме того, характер издания не позволял помещать библиографические сведения, а отсутствие ссылок на используемые источники снижало ценность документа, вызывая в ряде случаев сомнения в его достоверности.

Издательской деятельностью в части их касающейся по планам, согласованным с ГУГШ, а в ряде случаев и по указанию последнего занимались штабы военных округов. Особую ценность представляли публикации добытых агентурным путем секретных документов. Так, в январе 1914 г. штабом Виленского военного округа было подготовлено к печати "Наставление для мобилизации германской армии" в 300 экземплярах, согласно указания ГУГШ [160]. На титульном листе документа, переведенного с немецкого языка, присутствовала резолюция немецкого императора Вильгельма от 9 октября 1913 г.: "Согласно представленному мне докладу, Я утверждаю настоящее наставление для мобилизации германской армии со всеми изменениями. Наставление вступает в силу с 1 апреля 1914 г."

Помимо обработки поступающей информации в соответствующих подразделениях ГУГШ производилась оценка материалов, получаемых от негласных агентов из числа иностранцев, или предлагаемых на продажу.

Примером серьезного отношения к делу может служить работа помощника делопроизводителя 4 (Дальневосточного статистического) делопроизводства части 2 обер-квартирмейстера Генерального штаба подполковника Одинцова. В апреле 1919 г. он представил по команде доклад "О работе агента № 1" (китайца Чжао-юй-Тина). "На основании изучения донесений и сопоставления их с донесениями военного агента и сведениями дальневосточной английской и немецкой прессы, — писал Одинцов, — я доказал, что работы агента № 1 не дают никаких

серьезных данных, которые бы оправдывали тот значительный расход, который вызывается содержанием его. Большая часть сообщаемых агентом № 1 данных имеется в газетах и журналах" [161]. "За три года, в течение которых читаю донесения агента № 1, — продолжал помощник делопроизводителя, — я не могу указать ни одного из них оцененного с военной точки зрения. Вообще сведения, посылаемые агентом № 1, приходят к нам очень поздно, что происходит от слишком кругозорного пути, избранного для доставки донесений". В действительности, сведения от № 1 передавались военному агенту в Париже Генерального штаба полковнику Адабаш через посредника.

Одичовым были вскрыты и настораживающие моменты, относящиеся к работе агента. "Кроме того, агент, — отмечал он, — пишет в Новом времени под псевдонимом... и статьи его в Японии известны". "Не может быть сомнения, что он там под наблюдением", — утверждал помощник делопроизводителя. Доклад был представлен начальнику Генерального штаба, однако, никаких выводов сделано не было. И, как уже писалось ранее, спустя год, агент был арестован по обвинению в шпионаже в пользу России.

В качестве примера оценки поступающих донесений в ГУГШ может служить и организация проверки работы негласного агента штаба Киевского военного округа. Так, окружным штабом, начиная с 1912 г. и включительно по июль 1914 г. периодически представлялись донесения негласного агента "как вообще о военно-политических делах Австро-Венгрии и государств Балканского полуострова, так и, в частности, о результатах совещаний высших представителей военного и гражданского ведомств в Вене" [162]. "Эти сведения за последнее время, — согласно докладу по ГУГШ от 11 июня 1914 г., — препровождались для проверки соответствующим нашим военным агентам и штабу Виленского военного округа... При этом оказалось, что наш военный агент в Турции, совершенно не подтверждая большинства сведений, сообщенных негласным агентом о деятельности германской военной миссии в Константинополе, указывает на явную вымышленность некоторых сведений...". Военный агент в Румынии, в свою очередь, сообщил, что представленный ему для проверки "якобы секретный договор между Румынией и Сербией о постройке моста через Дунай" вообще не носит секретного характера и "даже полностью опубликован в румынском официальном органе". Штаб Виленского военного округа, со своей стороны, отказался признать подлинным переданный ему для проверки список агентов контрразведывательного отделения округа, известных властям Австро-Венгрии. Список этот был признан штабом округа вымышленным по той причине, что "агенты продолжают свою работу беспрепятственно". "Приведенные соображения показывают, что негласный агент штаба Киевского военного округа едва ли в полной мере заслуживает того доверия, ко-

торое, видимо, уделяется ему названным штабом", — к такому выводу пришли в ГУГШ, о чем был поставлен в известность начальник штаба Киевского военного округа.

Принятые военной разведкой подходы к оценке поступающих сведений, материалов, позволяли в целом их адекватно оценивать, выявлять сфабрикованные отдельными лицами (или группой лиц) документы. Вместе с тем, не всегда удавалось вскрывать дезинформационные мероприятия, проводимые разведывательными органами всероссийских противников.

5. СИТУАЦИЯ НА БАЛКАНАХ В 1908-1914 гг.

5.1. БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС И СОЗДАНИЕ БАЛКАНСКОГО БЛОКА

Противостояние июля 1914 г., вылившееся в Первую мировую войну, закладывалось задолго до ее начала и было вызвано сложным переплетением геополитических противоречий. Однако одной из непосредственных причин, приведшей к мировой войне, явилось столкновение на Балканах интересов стран, входящих в противоборствующие коалиции — Австро-Венгрии и России.

Габсбургская монархия издавна стремилась подчинить себе южных славян и установить безраздельное господство на Балканском полуострове. Россия, со своей стороны, не желая отказываться от роли покровительницы славян, традиционно поддерживала борьбу южнославянских народов за свободу и национальную независимость.

Русское правительство стремилось упрочить свое влияние на Балканах и создать здесь под своей эгидой всеславянскую федерацию.

Геополитические интересы России на Балканах переплетались с ее интересами в Малой Азии. Исторически Россия добивалась свободного выхода из Черного в Средиземное море. Решение вопроса свободного судоходства через проливы Босфор и Дарданеллы, принадлежащие Турции, рассматривалось Россией как путем нейтрализации проливов, так и за счет оккупации прилегающих к ним территорий, включая Константинополь. Еще в 1895 году в связи с *"армянскими избиениями"* был поставлен вопрос о временном занятии Константинополя русскими войсками с ведома и согласия наиболее опасного из возможных в то время для России соперника — Англии. От этого плана пришлось отказаться из-за недостатка средств и *"несовершенства сухопутной мобилизации"*. По мнению русского правительства, тот, кто владел проливами, имел в своих руках не только ключи от Черного и Средиземного морей, он имел бы возможность для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах.

В ряде случаев русское правительство для получения контроля над проливами было готово поступиться своими интересами в юго-восточной Европе.

В 1906 г. в Австрии усилилось влияние кругов, которые стремились, пользуясь ослаблением России, дать южнославянскому вопросу радикальное разрешение; это означало захватить сербские области Балкан и включить их в состав империи Габсбургов, перестроив ее на началах либо триализма, либо федерализма. Такова была старая программа ав-

стрийских феодально-клерикальных и военных кругов. Во главе этого течения стали наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, начальник Генерального штаба фельдмаршал Конрад фон Гётцендорф и отчасти министр иностранных дел Эренталь.

Эренталь, Конрад и Франц-Фердинанд замыслили в первую очередь аннексию Боснии и Герцеговины, оккупированных Австрией в 1878 г. на основании статьи 25-й Берлинского трактата, но еще оставшихся под номинальным суверенитетом Турции. Таким актом они рассчитывали положить конец надеждам сербского народа на воссоединение этих областей с Сербией. В качестве последующего этапа намечалась превентивная война против Италии и Сербии и *"аннексия Сербии"*. *"Если наши войска, — писал Гётцендорф, — будут в Нише, если мы там будем господами, то наше влияние будет обеспечено — в юго-западной части Балкан в особенности, но также на Балканах вообще"* [1].

В 1908 г., когда России надлежало еще восстанавливать свою мощь, ослабленную неудачной войной с Японией и потрясениями 1904—1905 гг., ее противники спешили воспользоваться благоприятным моментом для укрепления своих позиций на Балканском полуострове.

В начале 1908 г. Эренталь выдвинул проект сооружения железной дороги от австрийской границы через Ново-Базарский санджак (основная административно-территориальная единица Османской империи — примеч. автора) к Салоникам. Эта дорога должна была обеспечить Австрии путь к Эгейскому морю. 27 января 1908 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии публично заявил о своем плане.

Выступление Эренталя вызвало в России крайнюю обеспокоенность. Дорога на Салоники упрочила бы влияние Австрии во всей западной половине полуострова. По выражению русского министра Извольского, *"осуществление австрийского плана привело бы к германизации Македонии"*. 3 февраля в Петербурге было созвано совещание министров. На нем Извольский предложил отказаться от чисто оборонительной политики, которой придерживалась Россия на Востоке в течение последних лет.

Однако остальные русские министры, являвшиеся участниками совещания, единодушно отвергли предложение Извольского. Товарищ военного министра Поливанов указал на военную неподготовленность России, вооруженные силы которой не были еще реорганизованы после поражения на Дальнем Востоке. Возражал и министр финансов Коковцев. Но с особой решительностью восстал против воинственных замыслов Извольского Столыпин. Через несколько дней, 10 февраля, Совет государственной обороны принял следующее решение: *"Вследствие крайнего расстройств материальной части армии и неблагоприятного внутреннего состояния необходимо ныне избегать принятия таких агрессивных мер, которые могут вызвать политические осложнения"* [2].

3 июля 1908 г. в Македонии, в крепости Ресна, восстал гарнизон, поднятый офицерами-младотурками. В ночь на 24 июля турецкий султан был вынужден принять конституцию. Великим визирем стал англичин Киамиль-паша.

Турецкая революция побудила Австро-Венгрию поспешить с осуществлением своих давно задуманных планов. Министр иностранных дел Австро-Венгрии боялся, что новое турецкое правительство, опираясь на Англию, потребует возвращения Боснии и Герцеговины. С другой стороны, момент внутреннего кризиса в Турции Эренталь считал наиболее удобным для покушения на ее территорию. Не только соперник — Россия, но и объект грабежа — Турция — переживали момент, для войны отнюдь не подходящий. Австро-венгерское правительство решило, что настало время аннексировать Боснию и Герцеговину, населенные сербами и хорватами и пребывающих под национальным суверенитетом турецкого султана.

Эренталь делал хитроумный план. Он решил захватить Боснию и Герцеговину с соизволения России. Если бы ему удалось убедить царское правительство согласиться на аннексию, то это, надеялся Эренталь, скомпрометировало бы Россию в глазах всего южного славянства и подорвало бы ее влияние на Балканах. Кроме того, согласие России, конечно, облегчило бы для Австрии и осуществление аннексии обеих провинций. Ради этого можно было обещать России согласие Австрии на изменение режима проливов: ведь сделай Россия только серьезную попытку добиться свободного прохода через Босфор и Дарданеллы для своих военных кораблей — и конфликт с Англией и Турцией был бы налицо. Как раз в вопросе о проливах англичане русским не уступали. Теперь, после младотурецкой революции, Англия в вопросе о проливах сделалась еще менее податливой, чем во время переговоров об англо-русской Антанте год тому назад: с появлением у власти Киамиля Англия надеялась упрочить свое влияние в Турции. Ввиду этого английская дипломатия вовсе не желала осложнять отношения с Турцией постановкой вопроса о проливах. По мнению Эренталя, Извольский охотно должен был принять из рук Австрии право проводить русские военные корабли через проливы. Расчеты Эренталя имели некоторое основание.

Боснийский кризис возник и из-за того, что Россия официально поставила вопрос о проливах. Инициатором его выдвижения являлся министр иностранных дел Извольский, считавший, что интересы Антанты, состоящие в привлечении на свою сторону России, обеспечат поддержку демаршей последней в части свободного прохода проливов русскими судами, включая военные, со стороны Англии и Франции. При таком расчете оставалось только договориться с Австро-Венгрией, наиболее сильным конкурентом России на Балканах.

2 июля 1908 г. Извольский переслал Эренталю записку по балканскому вопросу. В ней он в общем высказывался за сохранение существующего положения на Балканах. При этом он подчеркивал, что вопрос об аннексии Боснии, так же как и вопрос о проливах, имеет общеевропейское значение. *"Россия и Австро-Венгрия, — указывал русский министр, — не вправе вдвоем пересматривать Берлинский трактат."* Однако ввиду особой важности балканских вопросов для России и Австрии Извольский изъявлял согласие обсудить их *"в дружественном духе с австро-венгерским правительством"* [3]. Эренталь пригласил Извольского посетить его в замке Бухлау. Приглашение было принято.

Еще в конце августа русский Генеральный штаб получил сведения, что аннексия — дело ближайших дней. *"Палицын сообщает, — говорилось в шифротелграмме от 29 августа, предназначенной для Извольского, находящегося в этот момент в Карлсбаде, — что общий Совет министров в Вене решил присоединить к Австрии Боснию и Герцеговину. Обнародование последует на днях"* [4].

15 сентября 1908 г. в Бухлау состоялось свидание обоих министров. Между ними было достигнуто устное соглашение. Австро-Венгрия обязывалась не возражать против открытия проливов для русских военных судов: взамен этого Россия соглашалась на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Обе стороны решили не возражать, если Болгария объявит о прекращении своей вассальной зависимости от турецкого султана. Эренталь уяснял в своем отчете о переговорах в Бухлау, будто он сказал Извольскому, что аннексия Боснии и Герцеговины может быть провозглашена Австрией уже в начале октября. *"Во всяком случае он будет мною своевременно предупрежден об этом"*, — так передает сам Эренталь содержание тех заверений, которые он дал Извольскому [5]. Этого обещания Эренталь не выполнил. Даже из его записки об этой встрече совершенно ясно, что Извольский потребовал компенсаций для Сербии и Черногории за счет Австро-Венгрии. Эренталь, однако, отклонил это требование. Извольский поставил и вопрос о созыве международной конференции для оформления намеченного пересмотра Берлинского трактата. По обоим этим вопросам — о компенсациях для Сербии и о конференции — в Бухлау не было достигнуто окончательной договоренности, но несомненно, что Извольский выдвигал эти требования как предпосылки своего согласия на аннексию Боснии и Герцеговины.

Из Бухлау Извольский отправился в круговую поездку по Европе, чтобы получить и от других держав такое же согласие на изменение режима проливов, какого он только что добился от Эренталя.

В Германии Извольскому дали понять, что Берлин не будет возражать против открытия проливов, но в свою очередь потребует за это

компенсации. Рим готов был поддержать Россию при одном условии, что последняя даст свое согласие на захват Триполи Италией.

6 октября 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Россию же ждали одни разочарования: в Париже ее планы не получили поддержки, а в Лондоне дали понять, что поднимать вопрос о проливах не своевременно.

Потеряв надежду добиться своей цели в отношении проливов, Извольский решил, что в таком случае он либо заставит и Австро-Венгрию откатиться от аннексии Боснии и Герцеговины, либо же добьется компенсации для Сербии.

Извольский не отрицал, что дал Эренбергу согласие на аннексию. Но он утверждал, что обусловил этот акт предварительным созывом международной конференции. Поскольку аннексия Боснии и Герцеговины нарушает Берлинский трактат, постольку, заявлял Извольский, согласия одной России недостаточно, а необходимо добиться того же от всех держав, участвовавших в Берлинском конгрессе. Извольский уже выработал и программу конференции. Однако на сей раз о статусе проливов он предпочел не упоминать.

В вопросе о международной конференции Россию поддержали Англия, Франция и Италия. В борьбе с Австро-Венгрией Извольский мог опереться и на Сербию. Уже 7 октября 1908 г. сербское правительство обратилось ко всем государствам, подписавшим Берлинский трактат, с призывом о восстановлении положения, существовавшего в Боснии и Герцеговине до аннексии. В случае, если это окажется абсолютно невозможным, Сербия выдвинула требование "компенсаций" в целях утверждения государственной независимости. В Сербии поднялась волна национального протеста против захвата Австро-Венгрией областей, населенных сербами.

Поступавшие в Вену данные говорили о военных приготовлениях сербской армии, о якобы начавшейся частичной мобилизации. Сообщая об этом факте министру иностранных дел Эренбергу, начальник генерального штаба Австро-Венгрии Конрад фон Гетцендорф в октябре 1908 г. поднимал вопрос о принятии соответствующих мер военной готовности австро-венгерской армии. Однако Эренберг считал возможным отсрочить пока мобилизацию. В это время из донесений русского военного агента в Вене Марченко, основанных на анализе прессы, можно было сделать вывод о военных приготовлениях Австро-Венгрии на границах с Россией [6]. Генеральный штаб принял меры к проверке полученных сведений.

5 декабря русский военный агент по его просьбе был принят начальником Генерального штаба Австро-Венгрии. Конрад заверял Марченко, что никакой мобилизации не произведено, указывая при этом, что за газеты, которые сообщают обратное, он не ответствен [7]. В результате в Петербурге пришли к выводу, что "на нашей границе Авст-

ро-Венгрия не принимала и не принимает каких-либо мер по подготовке мобилизации своих пограничных корпусов" [8].

Австро-Венгрия официально заявила, что отказывается передать вопрос об аннексии на международное обсуждение. Австрийское правительство поясняло, что могло бы пойти на созыв конференции лишь при условии, если бы все ее участники заранее обязались не возражать против совершенного им акта. Германия безоговорочно поддерживала Австрию. 8 декабря канцлер Б. Бюлов объявил это публично.

Ввиду неподготовленности России в военном отношении в Австро-Венгрии усиливалось течение в пользу превентивной войны против Сербии. В своих мемуарах Конрад достаточно откровенно, без дипломатических околичностей обосновывал необходимость войны. "Корнем всех зол для Австро-Венгерской монархии, — писал начальник генерального штаба, — были ее отношения с Сербией и стоящей позади Сербии Россией... Все остальное имело второстепенное значение. Путь, который я себе всегда представлял, заключался прежде всего в достижении мирными средствами длительного государственного объединения Сербии с Габсбургской монархией. Если бы Сербия, однако, отклонила объединение и продолжала бы тапать свои, враждебные монархии, замыслы, что и имело место, то тогда выходом должно было бы явиться военное разрешение вопроса в соответствующий момент. Я указывал на это уже в 1906 г., при моем назначении начальником генерального штаба; в 1908—1909 гг. я считал момент подходящим для внесения ясности во взаимоотношения с Сербией, имея в виду, что с течением времени шансы неизбежного расчета с ней будут (для Австрии) лишь ухудшаться" [9].

Германия подстрекала Австрию, поддерживая партию эрцгерцога Франца-Фердинанда и Конрада фон Гетцендорфа. В январе-марте 1909 г. состоялся обмен письмами между начальниками германского и австрийского генеральных штабов Мольтке (младшим) и Конрадом. Вот что Мольтке писал 21 января:

"Необходимо иметь в виду, что может наступить такой момент, когда придет конец долготерпению монархии (Австро-Венгерской — примеч. автора) по отношению к сербским провокациям. Тогда ей не останется иного выхода, кроме вторжения в Сербию. Я полагаю, что лишь такое вторжение может вызвать активное выступление России." [10].

"В то самое время, когда Россия объявит мобилизацию, — отмечал начальник германского генерального штаба, — должна таковую объявить и Германия, и при этом — всей армии".

В том же письме Мольтке предвосхитил почти неизбежное вмешательство Франции в войну Германии и Австрии против России. "Гораздо серьезнее, по-моему, — писал он, — отношения между Германией и Францией". В Германии убеждены, указывал Мольтке, что Франция не желает войны, но без сомнения, мобилизация германской армии выпу-

дит и Францию произвести мобилизацию. Две же армии, подобные немецкой и французской, не могут стоять мобилизованными друг против друга без вооруженного столкновения. Затем, по мнению Мольтке, союзные обязательства заставляют Францию прийти на помощь России. При современном взаимном положении Антанты и Тройственного союза "едва ли одно из европейских больших государств может вынуть меч без того, чтобы не затронуть всего континента, который, по соответствующим обязательствам, встанет на ту или иную сторону" [11]. "Таким образом, — отмечал Мольтке, — я полагаю, что если Германия мобилизуется против России, то одновременно должна считаться с войной против Франции. Распространится ли эта война дальше и перебросится ли через море, — я не хочу здесь вдаваться в предсказания. Если Франция объявит войну во время мобилизации, то это нужно только приветствовать, так как обстановка сразу выяснится.

"Обрисованная здесь обстановка, — продолжал Мольтке, — хорошо известна всей европейской дипломатии и, может быть, в ней и лежит гарантия, что ни одна из великих держав не захочет быть в центре факела войны, который может подпалить крышу всей Европе. Что при вооруженном конфликте Австро-Венгрии с Сербией такие мотивы вынудят Россию остаться нейтральной, — это для меня кажется вероятным".

20 февраля Эренбург известил Бюлова, что мобилизация и выступление против Сербии намечены на середину марта. Сербии будут предъявлены требования: отказаться от притязаний на компенсации, от протеста против аннексии и дать заверения, что она не питает агрессивных замыслов против Австро-Венгрии. Если Сербия не удовлетворит этих требований, Австрия вручит ей ультиматум, а в случае его отклонения последует война. Эренбург указывал, что огромное значение будет иметь воздействие на Петербург из Берлина.

Поддерживая Австро-Венгрию, Бюлов думал не только об укреплении союза с ней. Он рассчитывал, что Россия не устоит перед его угрозами, уступит и тем самым продемонстрирует свою слабость. Германское правительство надеялось таким путем ослабить влияние России на Балканах и в Турции.

В своем дневнике помощник военного министра А.А. Поливанов отмечает: "Вчера (28 февраля 1909 г. — примеч. автора) на совещании у Столыпина по политическим вопросам пришли к убеждению, что нам надо стоять в стороне от всех осложнений. Начальник генерального штаба докладывал сообщения начальника штаба Киевского округа о возможности мобилизации 4 австрийских корпусов на нашей границе, в случае движения Австрии в Сербии, и о том, что и нам в таком случае следует произвести "учебные сборы" в пограничных полках Киевского округа; от этого предполагается воздержаться" [12]. Весной 1909 г. Боснийский кризис достиг своего извешенного напряжения. Австро-Венгрия, энергично поддерживаемая

Германией, не соглашалась на какие-либо уступки. Вследствие противодействия этих двух держав, а также ввиду отказа Франции от активной поддержки своей союзницы (французское правительство использовало Боснийский кризис для достижения с Германией договоренности по марокканскому вопросу) конференция держав — участниц Берлинского конгресса не была созвана.

14 марта 1909 г. германское правительство через своего посла в Петербурге — графа Пурталесса — предложило России следующий способ разрешения вопроса: Австро-Венгрия обратится к державам-участницам Берлинского Конгресса с тем, чтобы они формально санкционировали аннексию путем обмена нотами, при условии, что Россия заранее обещает дать свое согласие, а Сербия откажется от всяких претензий на Боснию и Герцеговину.

19 марта под председательством Николая II состоялось совещание министров, на котором, по словам помощника военного министра А.А. Поливанова, "была установлена невозможность для нас войны, и решено было на ноту ответить уклончиво" [13].

Участник этого совещания Сухомлинов, бывший тогда начальником Генерального штаба, в своих "Воспоминаниях" писал так: "Незадолго до моего назначения военным министром (назначенie состоялось 26 марта по новому стилю — примеч. автора), в марте месяце 1909 г., в Царском Селе под председательством Государя состоялось совещание по поводу аннексии австрийцами Боснии и Герцеговины, причем генералу Редигеру (военный министр — примеч. автора) поставлен был вопрос, готова ли наша армия к активным действиям" [14].

"Ответ был отрицательный, — продолжал Сухомлинов, — а на вопрос министра юстиции И.Г. Щегловитова, в какой мере вооруженные силы наши способны в оборонительном смысле для защиты от вторжения в наши пределы, — генерал Редигер точно так же категорически заявил, что они совершенно не боеспособны. Испуг собравшихся ничего и описывать. Из его объяснений оказалось, что японская война истощила всю материальную часть, которую не смогли пополнить, а проведенное без предварительных предупреждений сокращение сроков службы и одновременная демобилизация совершенно расстроили кадры войсковых частей, которые при этом в таком слабом по составу комплексе, были из пограничных округов в значительном числе командированы, по требованию гражданских властей, во внутренние округа".

"Уклончивый ответ", который было решено дать Германии на совещании 19 марта, на следующий день, 20 марта, был передан Извольским Пурталессу. Однако германское правительство таким ответом не удовлетворилось.

21 марта 1909 г. Бюлов поручил своему послу в Петербурге графу Пурталессу потребовать от Извольского ясного ответа: готова ли Россия безо-

говорочно согласиться на отмену параграфа 25 Берлинского трактата, признать аннексию Боснии и Герцеговины и добиться того же от Сербии, или же намерена упорствовать и дальше. *"Вы должны, — писал Бюлов послу, — в твердой форме заявить Извольскому, что мы ожидаем точного ответа — да или нет"*. Уклончивый или неясный ответ будет рассматриваться как отказ. В случае же такового, угрожающе добавлял Бюлов, Германия *"устранится"*, т.е., иначе говоря, предоставит Австро-Венгрии напасть на Сербию. *"Ответственность за все дальнейшие события, — заключал Бюлов, — падет тогда исключительно на г. Извольского"* [15].

22 марта Пурталес предъявил эти требования Извольскому. Форма их напоминала ультиматум. В тот же день, 22 марта, Австро-Венгрия объявила *"состояние тревоги"* для 7-го и 13-го корпусов.

Извольский ответил Пурталесу, что раньше, чем дать столь серьезный ответ, он обязан доложить царю. Министр ясно видел, что перед ним поставили альтернативу: или уступка, или австрийское вторжение в Сербию. В тот же день после доклада Извольского Николай II телеграфировал кайзеру, что Россия принимает германские требования. Так царское правительство капитулировало перед германским напугом.

29 марта в Австро-Венгрии была объявлена частичная мобилизация пяти корпусов. В Боснии, Герцеговине и Далмации было сосредоточено 63 батальона, штаты в ротах доведены до 160-180 человек, в два раза увеличено число горных батарей.

В своих воспоминаниях Марченко писал о военной и политической активности в это время Австро-Венгрии, направленной против России. Дело не ограничилось приведением в боевую готовность Львовского и Перемышльского корпусов. Одновременно, указывал бывший военный агент в Вене, *"обсуждался" план создания "украинского государства"* под скипетром Габсбургов, *"закупались такие агенты, как Петлюра и Пилсудский"* [16].

31 марта 1909 г. сдала свои позиции и Сербия. Она сочла себя вынужденной заявить, что аннексия Боснии и Герцеговины не нарушает ее прав. Австро-венгерская дипломатия торжествовала. Однако ее победа была в значительной мере лишь кажущейся. Несмотря на проявление временной слабости Россией, русское влияние в Сербии подорвано не было.

На этом Боснийский кризис формально закончился, но его последствия продолжали сказываться. Отношения между Австро-Венгрией и Сербией не только не улучшились, но стали все более обостряться вплоть до убийства в Сараево.

С другой стороны, несмотря на ряд соглашений о разграничении интересов между Россией и ее союзниками, политический механизм нового блока еще не был налажен. Внутри его таились глубокие противоречия, обнаружившиеся во время Боснийского кризиса.

Итало-турецкая война 1911 — 1912 гг. ускорила наступление еще одного, давно назревавшего кризиса. Она побудила балканские государства договориться между собой о союзе против Турции и начать с ней войну.

Русская дипломатия весьма деятельно способствовала образованию балканского блока. Но при этом она рассматривала его как оружие не столько против Турции, сколько против Австро-Венгрии.

Из числа балканских государств Сербия была больше всего заинтересована и подготовке к борьбе с Австро-Венгрией. Ее интересы целиком совпадали с интересами покровительницы балканских славян — России. Но ни Болгарию, ни Грецию нельзя было склонить к союзу, направленному только против Австро-Венгрии. Их национальные интересы могли осуществиться лишь после победы над Турцией.

Основная трудность в деле создания балканского союза заключалась в том, как достигнуть соглашения о разделе Македонии между Сербией, Болгарией и Грецией.

Будущий дележ турецкого наследства сулил и другие осложнения. В частности, они должны были возникнуть из-за судьбы Албании. Сербия, захватив Албанию, получила бы выход к морю. Именно поэтому Австро-Венгрия и не допускала передачи Албании сербам. Против сербских притязаний Австро-Венгрия выступала вместе с Италией.

Переговоры о создании балканского блока начались по инициативе Сербии. В апреле 1911 г. сербский премьер Милопанович предложил болгарскому посланнику Тоневу заключить соглашение о *"любимом разделе сфер влияния в Македонии"*. Это соглашение, по мысли Милопановича, могло послужить основой для совместного военного выступления против Турции. *"Возможно наступление такого момента, — говорил он, — когда мы вынуждены будем ускорить события"* [17].

Русское министерство иностранных дел одобрило идею сербо-болгарского соглашения. Русская дипломатия стремилась прекратить лавирование царя Фердинанда между Австрией и Россией, которое стало правилом со времени восстановления русско-болгарских отношений, т.е. с 1896 г. Но за сербо-болгарское сближение русское правительство высказалось лишь с оговоркой: оно заявило, что *"самовольное выступление"* славянских держав не встретит сочувствия России. Несвоевременно затеянный конфликт может вызвать вмешательство Австро-Венгрии и преждевременно развязать европейскую войну.

Образование балканского блока представляло для России большой интерес; однако оно таило в себе и немалый риск. В чем именно — это еще весной 1911 г. изложил в своем донесении секретарь русской миссии в Софии Урусов. *"Непризнанная теперь благоприятной политической конъюнктура, — писал он, — может быть признана таковой балканскими деятелями через некоторое время"* [18]. Если Сер-

бия и Болгария договаряются друг с другом, указывал Урусов, они смогут начать против Турции войну, чреватую возможностью вмешательства Германии и Австро-Венгрии раньше, чем Россия закончит восстановление и реорганизацию своих вооруженных сил.

Однако выгоды балканского блока представлялись парской дипломатии настолько неоспоримыми, что перевешивали все опасения, связанные с его созданием. Ведь австрийская военная партия могла приступить к захвату западных Балкан и не дожидаясь завершения русских военных приготовлений. Посланник в Софии Неклюдов писал, что сербо-болгарское соглашение, *"сплотит воедино до полумиллиона штыков и притом великодушного войска"*, *"поставит несомненно серьезную преграду всяким замыслам оккупации или захвата с северо-западной стороны полуострова"*, т.е. со стороны Австро-Венгрии.

С осени 1911 г., при деятельнейшем участии русской дипломатии (посланники в Сербии и Болгарии — Гартинг и Неклюдов) и Генерального штаба (военный агент в Болгарии — полковник Романовский), начинаются в самом энергичном темпе переговоры о сербо-болгарском союзе, непосредственно направленном уже к разделу "Европейской Турции".

Антагонизм сербских и болгарских интересов в Македонии не мог не обнаружиться тотчас же, как только дело дошло до конкретных деталей. Русские представители при соответствующих правительствах целиком слились со своими "опекаемыми" и готовы были, по собственному выражению одного из них, "глаза выцарапать" друг другу из-за какого-нибудь македонского местечка, формально составившего в это время неотъемлемую собственность Турции.

В конце концов, приемлемую для обеих сторон границу в Македонии удалось выработать русскому военному агенту в Софии, полковнику Романовскому. На это потребовалось еще около двух месяцев, и договор откорректированный согласно указаниям из Петербурга, но все же вполне прозрачный в том, что касалось его конечной цели, был подписан 13 марта 1912 г. Договор сопровождался особым секретным приложением, которое вносило в него ряд существенных дополнений.

Суть статьи I приложения заключалась в том, что Сербия и Болгария в удобный для себя момент готовы напасть на Турцию. Стояки зрения России, эта статья была наиболее опасной: она таила в себе риск неизбежной для России и преждевременной войны. Однако обойтись без указанной статьи было невозможно: именно она и была той платой, за которую Болгария переходила в общеславянский лагерь и склонялась на сторону Антанты. Некоторую страховку против преждевременного выступления участников договора представляло их обязательство — перед тем как начинать войну, предварительно зап-

росить согласие Петербурга. Однако нетрудно понять, что при наличии в Сербии и Болгарии национального подъема отказать им в разрешении начать войну было бы для Петербурга политически невыносимо. Отказ был бы сопряжен с риском потерять свой престиж в обеих славянских странах.

12 мая 1912 г. мартовский союзный договор был дополнен подписанием сербо-болгарской военной конвенции. В случае войны против Турции или Австрии Сербия должна была выставить 150, а Болгария 200 тысяч человек. При этом было детально определено, сколько войск и в какие сроки выставляет каждая сторона в случае войны с Турцией, сколько — в случае войны с Австрией и т.д.

Оценку болгаро-сербского союза дал секретарь русской миссии в Софии Урусов в донесении Министерству иностранных дел. *"Заря болгаро-сербского соглашения не есть заря мира, — писал он. — соглашение это рождено войной и рождено для войны"* [19]. Урусов указывал, что Болгария не станет ждать, пока договор понадобится для бесполезной ей защиты Сербии от Австрии. Она постарается использовать его скорее, форсируя войну против Турции.

Одновременно с сербо-болгарскими переговорами происходили и переговоры греко-болгарские, но уже без активного участия русской дипломатии. В мае 1912 г. Греция предложила Болгарии следующий проект союзного договора. Обе стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь при нападении Турции на одну из них, а также и в случае нарушения Турцией их прав, вытекающих из международных договоров или даже вообще *"из международного права"*. Это звучало достаточно неопределенно — можно сказать, что договор допускал ничем не ограниченный выбор предлога для войны. Проект был сообщен болгарам русскому правительству. Царская дипломатия попыталась несколько ослабить агрессивность греческого проекта и воздействовать в этом духе на болгар. Это оказалось безуспешным: 29 мая греко-болгарский договор был подписан.

В ходе Боснийского кризиса сложилась схема действий Австро-Венгрии на Балканах, к которой Габсбургская империя будет неоднократно прибегать в последующем. Изоляция Сербии от России путем дипломатического давления Германии на последнюю. Локализация конфликта участием Австро-Венгрии и Сербии и, наконец, принуждение сербского правительства уступить перед австрийским ультиматумом, балансируя на грани развязывания войны. Военная слабость Российской империи и отсутствие поддержки со стороны Франции и Англии, приводила к тому, что Россия была вынуждена уступать перед германским нажимом.

Создавая балканский союз для нападения на Турцию, Россия рассчитывала упрочить свое влияние на Балканах и получить повод для захвата Константинополя.

Балканские войны были порождены сложным клубком межгосударственных противоречий. Их разрешение происходило на фоне возрастающей напряженности между Европейскими державами. Если Россия не торопилась с войной, то балканские правительства действовали иначе. Об этом шли доклады с мест военных агентов.

"Теперь, когда соглашения с Болгарией и Грецией заключены, причем, по-видимому, Черногория должна для открытия военных действий сыграть роль застрельщика — привлечь на себя возможно большее количество турецких сил, в тыл которым выйдут Греция и Болгария, — докладывал 29 августа (11 сентября) 1912 г. военный агент в Черногории генерал-майор Потапов, — здешнее правительство намерено в ближайшем будущем сделать королю окончательное предложение начать войну; в случае же несогласия его на это — выйти в отставку" [20]. 5 (18) сентября Потапов сообщил в Отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ: *"Подготовка к войне в смысле размещения вдоль турецкой границы военных материалов, частного призыва прислуги некоторых батарей, таинственных работ в военном министерстве производится с каждым днем еще энергичнее"* [21].

11 (24) сентября военный агент в Сербии полковник Артамонов донес в ГУГШ о состоявшейся беседе с начальником Генерального штаба полковником Ж. Мишичем. *"Напрасно я убеждал полковника Мишича в нежелательности самостоятельного выступления балканских народов без одобрения и поддержки России, Англии и Франции, — писал Артамонов, — я нашел в нем не только солдата, исполняющего данное свыше приказание, но и человека, глубоко убежденного, что в данную минуту нельзя унустать и что останавливаться поздно и нежелательно. По моим соображениям, подтверждаемым сведениями, полученными из Болгарии, война начнется после 1 (14) октября. 25 сентября (8 октября) прибывают в учебный сбор запасные 2-го призыва. Приблизительно около этого времени, вероятно, начнется общее восстание в Македонии и Старой Сербии, а затем, после обращения к Турции и державам меморандума, последует вмешательство Болгарии и Сербии"* [22].

В этот период русское правительство пыталось ускорить заключение итало-турецкого мира: он мог бы обеспечить свободу проливов для русской торговли и охладить военный пыл балканских союзников. Не хотела войны и Австро-Венгрия — основной соперник России в регионе. Но усилия России, поддерживаемые Францией, оказались тщетными; безуспешными остались и старания Австрии. Утром 9 октября 1912 г. Черногория открыла боевые действия. 17 октября Сербия и Болгария, а 18 октября — Греция также объявили войну Турции и приступили к военным действиям.

Турецкая армия потерпела быстрое и сокрушительное поражение. Войска балканских союзников захватили большую часть Европейской Турции. Болгарская армия двигалась прямо на турецкую столицу. Царское правительство было встревожено. Оно боялось, как бы падение турецкого владычества над Константинополем не дало повода другим великим державам ввести в проливы свои военно-морские силы. Появление болгар в турецкой столице легко могло завершиться международным вмешательством. Да и могла ли доверять Россия Кобургской династии и лично царю Фердинанду? Из Петербурга в Софию направлялись настоятельные советы приостановить продвижение войск и вообще соблюдать умеренность.

К 24 октября, когда болгары подходили к Чатаджинским позициям, беспокойство русской дипломатии за судьбы Константинополя настолько усилилось, что она обратилась за "помощью" к морскому министру, с полного одобрения председателя Совета министров. Морской министр телеграммой, в ночь с 25 на 26 октября, испрашивал разрешения Николая II, который находился в это время на охоте, выслать в Константинополь, по непосредственному сношению с русским послом в Турции, *"неограниченное число боевых судов или даже всю эскадру"* [23]. *"С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен"*, — ответил морскому министру русский император.

Справка Морского генерального штаба от 20 октября дает пояснения к телеграмме морского министра. Указывая на возможность посылки судов для предотвращения *"избиения христианского населения"* и *"анархии"* в Константинополе, документ отмечал желательность иметь на судах для десанта *"некоторые части с пулеметами"* и предусматривал дальнейшую поддержку слабого десанта.

"Очень было бы важно воспользоваться малейшим предложением и перебросить хотя бы небольшой отряд на европейский берег Босфора, заняв Буюк-Дере, хотя бы для того, чтобы обеспечить безопасность нашего охранного отряда в Константинополе и служить для него резервом".

"Если бы для такого выступления подходящего предложения не оказалось, то его надо создать искусственно, имея в виду громадное государственное значение для нас Верхнего Босфора, если не будет возможности овладеть всеми проливами", — указывалось в справке [24].

Совершенно неожиданно, в последнюю минуту, вопрос разрешился иначе: на чатаджинских позициях турецкие войска сумели задержать наступление болгар.

3 ноября 1912 г. турецкое правительство обратилось к ведущим западноевропейским державам, прося принять их на себя мирное посредничество. Обращение Порты нашло благоприятную почву. Два государства, наиболее заинтересованных в балканских делах, с нетерпением ожидали прекращения войны. То были два главных соперника — Россия и Австрия.

Австро-Венгрия не в меньшей мере была обеспокоена появлением сербов на берегах Адриатики. И в очередной раз стала готовиться к войне с Сербией.

"В настоящем рапорте, — докладывал еще 10 октября военный агент в Австро-Венгрии полковник Запкевич, — я хотел бы обрисовать общую картину военных приготовлений в Австро-Венгрии со времени объявления мобилизации на Балканском полуострове.

1. В военном министерстве, в штабах и в арсенале идет лихорадочная деятельность.

Все находящиеся в отпуску офицеры получили приказание вернуться к своим частям.

Офицеры резерва предупреждены о возможности призыва... Управлением округов пополнения предписано тщательно проверить списки запасных. Из венского арсенала отправлены на этих днях транспорты орудий крупного калибра в Боснию и Герцеговину (в Сараево, Мостар, Требиње и на границу с Новобазарским санджаком) и в Галицию (в Краков, Перемысль и Львов).

2. Как мною уже доносилось, в Боснии и Герцеговине пехотные части еще с весны доведены до состава 130—140 нижних чинов в роте; под знаменами состоят нижние чины всех трех сроков; на днях начнут прибывать рекруты; к концу ноября, по окончании двухмесячного курса рекрутской подготовки, роты будут доведены таким образом до численности в 180—190 обученных нижних чинов...

Формируются и пополняются все положенные в военное время телеграфные и телефонные части...

3. В VII (Теменивар) и XIII (Аграм) корпусах люди, выслужившие три года под знаменами и уволенные в резерв в начале сентября, возвращены в части; численность рот в названных корпусах, благодаря этой мере, доведена до 75—80 нижних чинов; к концу ноября, по окончании двухмесячной подготовки рекрут, численность пехотных рот достигнет 110—120 обученных нижних чинов.

Есть слухи, что аналогичная же мера принята и в частях III корпуса (Грац), но серьезными данными, подтверждающими эти слухи, я не располагаю.

Пограничные с Сербией гарнизоны в районах VII и XIII корпусов усилены; самая граница наблюдается постами и патрулями.

Охрана пороховых погребов усилена.

4. На нашей границе пока спокойно; но ходят усиленные слухи о предстоящем призыве в части людей, уволенных в резерв в начале сентября.

5. Австро-венгерский флот, только что закончивший кампанию и уже приступивший к подготовке судов для зимней стоянки, снова приведен в обычную готовность летнего времени.

Предполагавшееся увольнение в резерв нижних чинов, выслуживающих обязательные сроки, не состоялось.

Эскадра крейсирует в Адриатическом море. Вообще, в австро-венгерской армии идет усиленная, напряженная подготовка к грядущим событиям" [25].

В ноябре-декабре Австро-Венгрия провела мобилизацию значительной части своей армии, в том числе и на границе с Россией, и сосредоточила крупные силы на сербской границе.

Следствием военных приготовлений Австро-Венгрии в Галиции явились рекомендации, выработанные на совещании начальников штабов Киевского, Казанского и Московского округов состоявшееся 8(21) ноября 1912 г. под председательством генерала Алексеева [26]. На совещании отмечалось, что благодаря отвлечению сил на юг австрийцы могли выставить на русском фронте, согласно подсчета Генерального штаба, только 466 батальонов, 337 эскадронов, усиленных 124 маршевыми батальонами из общего количества 550 батальонов и 343 эскадронов. Начальники штабов констатировали, что, если Россия упустит время для одновременного с Сербией начала войны, Австрия сможет перебросить подавляющие силы на юг, чтобы покончить дело с сербами быстрыми и решительными ударами, и для того временно перейдет к обороне на русском фронте.

В виду этого совещание предложило: "во-первых, не упустить минуты объявления Россией мобилизации, чтобы этот акт мог быть выполнен более или менее одновременно с противником и, во-вторых, объявить войну с таким расчетом, чтобы действия русских армий могли получить полное развитие. В то время, когда Австрия еще не закончит борьбы с Сербией". Однако это были не единственные решения, принятые на совещании начальников штабов военных округов.

Совещание постановило изменить принятое в конце марта 1912 г. положение, что "объявление мобилизации равносильно объявлению войны". Совещание, наоборот, признало целесообразным не приступать сразу к объявлению войны одновременно или после объявления мобилизации, а дать возможность войскам закончить сосредоточение и развертывание, не объявляя войны, чтобы у противника "не была невозвратимо отнята надежда", что война может быть избегнута [27].

Предложения, выдвинутые совещанием, во многом предопределили действия русского правительства и Генерального штаба России в июле 1914 г.

В развитие этих пожеланий по "высочайшему повелению" было от дано, например, приказание не считать открытием военных действий со стороны врага его отдельные выстрелы в сторону границы, а лишь переход границы отрядом германских или австрийских войск. Телеграммы об объявлении мобилизации и открытии военных действий должны

были посылаться отдельно друг от друга, чтобы не произошло какого-либо недоразумения или ошибки.

10 (23) ноября по указанию Николая II был созван Совет министров с участием начальника Генерального штаба Жилинского. Заседание открыл российский император.

«Государь, — повествовал председатель Совета министров Коковцев, — раскрывши лежащую перед ним карту, стал очень спокойно и ясно излагать соотношение наших и австрийских военных сил на нашей границе, слабый состав нашей пехоты, имеющей не более 90 чел. в роте, в то время как австрийская пехота доведена до 200 чел. в роте, медленность нашего сосредоточения войск и вытекающую отсюда необходимость значительно усилить состав войсковых частей, стоящих близ границы. Для достижения этой цели, сказал Государь, вчера на совещании с командующими войсками Варшавского и Киевского военных округов решено произвести мобилизацию всего Киевского и части Варшавского округа и подготовить мобилизацию Одесского. Я особенно подчеркиваю, прибавил Государь, что вопрос идет только о нашем фронте против Австрии, и не имею решительно в виду предпринимать чего-либо против Германии. Наши отношения с ней не оставляют желать ничего лучшего, и я имею все основания полагаться на поддержку императора Вильгельма» [28].

«На предложение государем Сухомлинову сделать дополнительное объяснение, тот ответил, что не имеет прибавить ни одного слова к столь ясно сказанному Государем и что все телеграммы о мобилизации им уже заготовлены и будут отправлены сегодня же, как только окончатся совещание».

Коковцеву стоило большого труда убедить Николая II отказаться от мобилизации, так как последний упорно настаивал на том, что эти мероприятия — лишь мера предосторожности с его стороны и он не собирается начинать войны. Наконец, после долгого спора Николай II отказался от мысли о мобилизации, и то только тогда, когда Коковцев предложил для усиления пограничных войск задержать в рядах армии на 6 месяцев идущих с 1 января 1913 г. в увольнение солдат.

Русское правительство поддержало сербские притязания. Однако, не чувствуя себя подготовленным, оно стремилось избежать войны. Сазонов настойчиво советовал белградскому правительству уступить и не допустить дела до вооруженного столкновения.

В отличие от России, французское правительство, руководимое Пуанкаре, осенью 1912 года проявляло воинственные настроения. Пуанкаре был крайне недоволен той уступчивостью, которую проявляла царская дипломатия. Французы довольно бесцеремонно нажимали на своего русского союзника. Характерный разговор произошел в критические дни австрийской мобилизации между военным министром Мильтераном и русским военным агентом полковником Игнатьевым 5 (18) декабря 1912 г.:

«Мильтеран. Какая же, по-вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?»

Игнатьев. Трудно предсказать этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер.

Мильтеран. Хорошо, но оккупацию Сербии вы, следовательно, не считаете прямым для вас вызовом на войну?

Игнатьев. На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызвать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Мильтеран. Следовательно, вам придется предоставить Сербии своей участи. Это, конечно, дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине: мы готовы, и необходимо учесть это. А не можете вы по крайней мере мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах?

Игнатьев. Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история научила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей.

Мильтеран. Но вы же, полковник, понимаете, что здесь вопрос не Албания, не сербов, не Дураццо, а гегемонии Австрии на всем Балканском полуострове».

«Но вы все-таки кое-что да делаете по военной части?» — таким саркастическим вопросом закончил Мильтеран свою потапию [29].

«Я с уверенностью могу предполагать, — докладывал Игнатьев, — что Мильтеран имел, между прочим, следующую мысль, — а именно, Австрия, расправившись с Сербией, успеет, в случае нашего запоздалого вмешательства, перекинуть все свои силы на нашу границу. Если в эту минуту мы не будем еще вполне готовы к активным военным действиям, то австрийских армий будет достаточно, чтобы приковать нас к юго-западной границе, что облегчит для Германии решительное сосредоточение всех ее армий против Франции.

Если, — продолжал далее русский военный агент, — отсутствие с нашей стороны каких бы то ни было военных мероприятий крайне важно не только для сохранения европейского мира, но и для отношения к нам французского и, в особенности, английского общественного мнения, то с другой стороны правительство Республики могло, казалось бы, хоть отчасти знать, какие действия против Австро-Германии мы примем при создавшемся положении за «casus belli».

В докладе посла России во Франции Извольского, датированного тем же числом — 5 (18) декабря — говорилось: «По всем получаемым здесь сведениям, Австрия в настоящий момент заканчивает полную мобилизацию десяти корпусов, причем часть мобилизованных войск демонстративно выставлена против России; мобилизация эта ложится тяжелым бременем на и без того расстроенные финансы Австрии, и поэто-

му можно ожидать со дня на день какого-нибудь категорического выступления со стороны австрийского кабинета. Выступление это, как здесь думают, может вызвать отпор со стороны России, а это, в свою очередь, автوماتически и неизбежно вовлечет в войну сперва Германию, а затем и Францию. К подобной возможности французское правительство относится вполне спокойно, сознательно и с твердой решимостью исполнить свои союзнические обязательства. Все необходимые меры с его стороны приняты; мобилизация на восточной границе проведена; материальная часть в полной готовности..." [30].

Проводимые военные мероприятия в австро-венгерской армии в конце 1912 — начале 1913 гг., отслеживались русской военной разведкой. Так, результаты работы штаба Варшавского военного округа в области организации агентурной разведки "сказались в постоянной, вполне удовлетворительной осведомленности штаба округа, в обстановке близкой к таковой военного времени, о важнейших мероприятиях наших соседей в период пережитого смутного времени" [31].

Деятельность "внешней" агентуры штаба Киевского военного округа, по отчете ГУГШ, "была успешна в период мобилизаций в Австро-Венгрии, несмотря на то, что австрийцами были приняты весьма решительные меры по борьбе с нашей разведкой" [32].

"Сведения о военных приготовлениях австрийцев, — отмечалось в докладной записке по ГУГШ в части оценки работы военного агента в Австро-Венгрии полковника Занкевича в рассматриваемый период, — были настолько полны, что обрисовывали последние вполне определенно" [33].

Мир был спасен благодаря исполнению к воле России. Под воздействием русской дипломатии Сербия капитулировала и отказалась от выхода к Адриатическому морю. Было, однако, неясно, удовлетворятся ли Австрия и Германия тем, что не допустили Сербию к морю. Не исключенной казалась возможность, что Австро-Венгрия с благословения Берлина начнет войну в целях полной ликвидации сербского государства.

Об агрессивных замыслах руководящих австрийских кругов Конрад фон Гетцендорф сам достаточно откровенно рассказывал в своих мемуарах.

"2 января 1913 г., — вспоминал он, — я передавал наследнику престола эрцгерцогу Францу Фердинанду годовой доклад; при этом после обсуждения общего положения между нами произошел следующий диалог:

Я. Ясно, что ни у кого нет охоты впутываться в осложнения. Но следует видеть вещи такими, каковы они на самом деле. В 1909 г. мы упустили благоприятный момент, и вследствие этого положение изменилось для нас к худшему. Я обращаю внимание на то, что теперь мы должны считаться с опасностью не только пансербской, но и напрумынской пропаганды...

Эрцгерцог. Армия в своем развитии никогда не бывает готова. То, что у нее теперь меньше шансов, чем в 1909 г., верно, но в конечном счете стем, что у нас есть, мы и теперь еще можем рисковать. Это, безусловно, нелегкое решение, но, раз положение этого требует, его надо принять, пока не стало поздно" [34].

В ответ на выступление германского канцлера английский министр иностранных дел дал понять в Берлине, что и Англия, возможно, не останется нейтральной, если дело дойдет до европейской войны с участием Германии и Франции. В этой связи Германия изменила свою позицию. Она оказала воздействие и на Вену. Вместе с Германией Австрия поспешила изъявить согласие передать разрешение спорных вопросов совещанию послов великих держав в Лондоне. Она потребовала, однако, чтобы ей заранее было обещано, что Сербия не получит территориального доступа к морю.

На первом же совещании послов, 27 декабря, в угоду Австро-Венгрии и Италии было принято постановление создать автономную Албанию под верховной властью султана и под контролем шести великих держав. Албания должна была преградить Сербии выход к морю.

Незвизрая на это решение, Австро-Венгрия отказалась демобилизоваться, пока Сербия фактически не очистит албанских областей. Военные приготовления Вены вызвали ответные мероприятия России. В пограничных с Австрией округах было приказано производить маневры, шли усиленным темпом поверочные мобилизации. Но самой действенной мерой было удержание под знаменами до 300000 подлежащих увольнению в запас [35]. По совету России, Сербия заявила, что эвакуирует свои войска тотчас по заключении мира. Лондонское совещание послов вынесло, однако, постановление, что Сербия должна вывести свои войска из Албании, как только этого потребуют великие державы. Вопрос о выходе Сербии к Адриатике был, таким образом, ликвидирован.

Но 23 января 1913 г. в Турции произошел государственный переворот: к власти пришел младотурецкий кабинет Махмуд-Шевкет-пашы. Германское правительство многозначительно предупредило Петербург, что военное выступление России против Турции оно сочтет за угрозу для европейского мира. Поощряемый Германией, новый турецкий кабинет собирался занять непримиримую позицию. Ввиду этого 3 февраля балканские союзники возобновили военные действия. Турок снова преследовали одна неудача за другой. В марте пали крепости Адрианополь и Янина. Турки были вынуждены вторично запросить мира.

Согласно Лондонскому мирному договору (30 мая 1913 г.), почти вся территория Европейской Турции переходила в распоряжение победителей. Константинополь и побережье проливов по линии Энос — Мидия, вместо линии Родосто — Мидия, которой добивались болгары, — вот все, что осталось в Европе от когда-то могучей Османской империи.

Под давлением Англии Австро-Венгрия в марте 1913 г., наконец, вынуждена была демобилизоваться. Одновременно и Россия распустила запасных, призванных в ответ на военные приготовления Австро-Венгрии.

Таким образом, Первая балканская война изменила военно-стратегическую обстановку в регионе. Усиление Сербии вынуждало Австро-Венгрию в случае европейской войны отвлекать большее количество сил из Галиции на балканский фронт.

Турция, на которую Германия и Австрия рассчитывали в случае войны с Россией, была ослаблена поражением: теперь она могла сковать уже меньшее число русских дивизий.

Усилия Австро-Венгрии в этих условиях сосредоточивались на том, чтобы оторвать Болгарию от Сербии. Таким путем австрийская дипломатия рассчитывала разбить балканский блок и создать для Сербии угрозу с тыла в лице враждебной ей Болгарии. Правительство царя Фердинанда должно было вернуться к австрийской ориентации.

В лице Балканского союза на стороне Антанты стояли немалая военная сила. Задача австро-германской дипломатии заключалась в том, чтобы парализовать эту силу. Сделать это было не так уж трудно ввиду непрекращающейся борьбы между балканскими странами.

Не получив выхода к морю, Сербия решила получить для себя компенсации в Македонии. В феврале 1913 г. она обратилась к Болгарии с предложением пересмотреть территориальные условия сербо-болгарского союзного договора от 13 марта 1912 г. Серьезные трения возникли также между Болгарией и Грецией. Не получив того, на что рассчитывала в северном Эпире, Греция намеревалась вознаградить себя за счет Болгарии в южной Македонии и во Фракии.

Независимо от того, что Сербия и Греция еще продолжали совместно с Болгарией вести войну против Турции, они начали между собой переговоры о действиях против Болгарии. Через день после заключения Лондонского мира с Турцией, т. е. 1 июня 1913 г., был подписан греко-сербский союз. К нему примкнула и Румыния.

В течение войны с Турцией Румыния требовала от Болгарии южной Добруджи в качестве компенсации за свой нейтралитет. Вмешательство России спасло Болгарию от потери большей части этой области; дело ограничилось передачей Румынии города Силистрии. Но Румынии было этого мало. Теперь она охотно откликнулась на приглашение Сербии и Греции совместно добиваться от Болгарии больших уступок.

Стремясь сохранить балканский блок, русская дипломатия предлагала все усилия, чтобы побудить Сербию и Грецию умерить свои притязания, а Болгарию — проявить уступчивость.

Наоборот, Австро-Венгрия всячески подталкивала Болгарию к войне.

Болгарское правительство сначала пыталось склонить Россию занять в болгаро-сербском споре решительную антисербскую позицию. На это русская дипломатия не пошла. В Петербурге сознавали, что из всех балканских государств Сербия теснее всего связана с Россией. Сазонов отверг болгарские предложения. Он заявил болгарам, что, пока они не договорятся с Сербией, никакие переговоры с Россией для них невозможны. Он предложил лишь русский арбитраж в соответствии с сербо-болгарским договором 13 марта 1912 г.

Усилия русской дипломатии сохранить единство славянских государств успехом не увенчались. Болгария, руководимая военной партией во главе с царем Фердинандом и генералом Савовым, решительно повернула к сближению с Австро-Венгрией. 29 июня 1913 г. болгарские войска открыли военные действия против сербов и греков. Началась вторая балканская война.

Совершая нападение на своих прежних союзников, болгарское правительство рассчитывало, что Германия и Австрия сумеют удержать Румынию от вступления в войну. Этот расчет оказался ошибочным. 3 июля 1913 г. Румыния объявила мобилизацию, а 10 июля начала войну против Болгарии.

Австрийское правительство было готово к вмешательству во вторую балканскую войну. Сначала, пока ждали победы Болгарии, Австрия собиралась воспрепятствовать русским попыткам заступиться за Сербию. Но скоро стало ясно, что болгары будут разбиты. Теперь Австрия уже готовилась выступить на их защиту, нападая на Сербию с тыла. При этом она надеялась на поддержку Германии.

Но на этот раз германское правительство отказало Австро-Венгрии в поддержке. После того как в декабре 1912 г. прозвучал предостерегающий голос Англии, оно предпочло воздержаться от войны. Большое влияние на решение Германии оказал военный фактор. Как раз в 1913 г. были начаты чрезвычайные мероприятия по усилению германской армии. Они должны были дать эффект уже к концу 1913 г., но не ранее. Учитывая германское правительство и то обстоятельство, что Румыния стояла на стороне Сербии, русская дипломатия усиленно работала над тем, чтобы окончательно перегнать Румынию в лагерь Антанты; всего больше содействовала этому румынско-венгерская борьба из-за Трансильвании.

5 июля 1913 г. кайзер предостерег австрийцев от военного вмешательства.

Тяжелым положением болгар воспользовалась Турция. 16 июля 1913 г. она напала на Болгарию вместе с двумя балканскими державами, с которыми только что воспала. 20 июля турки вошли у болгар Адрианополь.

После предостережений со стороны Германии Австро-Венгрия не оказала Болгарии ожидаемой поддержки. Поэтому в Софии были, естественно, разочарованы в австрийцах.

Для русской дипломатии появилась возможность вернуть болгар в лагерь Антанты. Ради этого она попыталась возратить Болгарии Адрианополь. В Лондоне снова началось совещание послов. Оно напоминало Турцию об условиях Лондонского мирного договора касательно границы по линии Энос — Мидия. Но без применения реальной силы оказалось невозможным заставить Турцию признать нерушимость Лондонского мира. Вернуть Болгарии Адрианополь России не удалось. Все же Россия спасла ее от многих потерь в той войне, на которую Болгария толкнула Австро-Венгрия. В конце июля Болгария запросила мира.

30 июля в Бухаресте открывалась мирная конференция. Мир был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 г. Сербия получила не только "спорную", но и почти всю "бесспорную" болгарскую зону в Македонии; Греция — кроме южной Македонии с Салониками часть западной Фракии; часть восточной Фракии с Адрианополем вернулась к Турции; Румыния приобрела южную Добруджу. Болгария потеряла не только большую часть своих завоеваний, но и некоторые давние свои владения.

Таким образом, балканский блок начал действовать раньше, чем завершились военная и дипломатическая подготовка России, необходимая для того, чтобы она могла использовать его в своих интересах.

В результате балканских войн военная мощь Турции и Болгарии была существенно подорвана. Союзник Тройственного союза — Румыния заняла нейтральную и потенциально враждебную последнему позицию. Отныне военный потенциал Сербии и Черногории не мог сбрасываться со счетов, хотя для приведения вооруженных сил этих стран в боеготовое состояние требовалось время. А прямым следствием такой военно-политической ситуации являлось пересечивание планов австро-венгерского генерального штаба по нанесению удара по русским армиям из Галиции в направлении Люблин-Ковель с целью воспрепятствовать русскому наступлению в Восточной Пруссии. Влияние России на Балканах существенно возросло.

Ускоренными темпами в эти годы шла гонка вооружений противоборствующих сторон.

В 1911 году в Германии было осуществлено небольшое (приблизительно на 10 тыс.) увеличение личного состава армии мирного времени, усиление артиллерии, войск связи, пулеметных подразделений. Единовременный расход составил 82 млн. марок. В 1912 г. было проведено новое увеличение армии на 29 тыс. человек и дополнительное ассигнование 97 млн. марок. Особенно большие масштабы приняла гонка вооружений в 1913 г., когда рейхстаг принял закон об увеличении армии мирного времени на 136 тыс. человек. Единовременный расход выразился в колоссальной сумме 898 млн. марок. Общее увеличение численности германской армии за три года (1911 — 1913) составило около 175 тыс. человек, т.е. более чем на 32%. Германская

армия была единственной, которая успела обзавестись полевой тяжелой артиллерией.

На германский закон 1913 г. Франция в том же году ответила переходом от двухлетнего срока военной службы к трехлетнему. Это означало увеличение численности постоянной армии почти наполовину. Повышая штатный состав мирного времени, мера эта облегчала мобилизацию. Для Франции того времени с населением в 40 млн. человек против 64 млн. в Германии и с ничтожным сто приростом, когда весь контингент людей, годных к военной службе, полностью призывался в ряды армии, увеличение срока действительной службы являлось единственным способом увеличения численного состава армии.

Россия тогда же — в 1913 г. — приняла так называемую "большую военную программу". Она предусматривала огромное увеличение личного состава на 480 тыс., или на 39% штатного состава 1913 г., и значительное усиление артиллерии. Реализация программы требовала единовременного расхода в 500 млн. руб. Программа запоздала: она начала осуществляться в 1914 г. и была рассчитана на завершение к 1917 г.

Одну из слабых сторон русской армии составляла длительность ее мобилизации и сосредоточения к границам. Они занимали 45 дней (и то без восточносибирских корпусов) против 15 у Германии. Немцы грозились разбить Францию раньше, чем Россия закончит сосредоточение своих сил.

Стремясь форсировать вооружения России и особенно заботясь о сокращении сроков ее готовности к наступательным действиям, французское правительство в августе 1913 г. предложило России заем на постройку стратегических железных дорог к германской границе. Для подписания контракта в Париж выехал Коковлев. Было достигнуто соглашение о предоставлении займа в размере 500 млн. франков ежегодно в течение пяти лет. Деньги должны были ускорить сосредоточение русской армии и служить безопасности Франции, обеспечивая скорейший переход русских войск в наступление, призванное сорвать наступление германской армии на Францию в соответствии с планом Шлиффена.

Гонка вооружений продолжала набирать темпы. Лидерство оставалось за Германией.

5.3. БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1913 г. МИССИЯ ЛИМАНА ФОН САЙДЕРСА

Завершившаяся вторая Балканская война не смогла удовлетворить территориальные претензии стран-участниц. Сербия, чрезвычайно усилившаяся после этой войны, решила еще раз попытаться добиться выхода к Адриатике — путем захвата территории Албании.

Летом 1913 г. Лондонская конференция послов приняла "органический статут албанского государства". Албания объявлялась независи-

мым княжеством "под гарантией шести держав". В нескончаемых спорах и интригах конференция послов устанавливала границы албанского государства, вопрос о которых был оставлен открытым в Лондонском мирном договоре от 30 мая и передан на усмотрение великих держав. Россия и Франция при проведении границы поддерживали Сербию и Грецию; Германия, Австрия и Италия — Албанию. Англия изменила свою позицию по сравнению с минувшей зимой. Она теперь становилась на сторону Германии, Австрии и Италии. 11 августа конференция вынесла решение об основном направлении границ.

Пока тянулась работа комиссий, между сербами и албанцами происходили непрерывные конфликты. В октябре, после очередного нападения албанцев, сербское правительство провело частичную мобилизацию и оккупировало часть албанской территории. При этом оно заявило, что не освободит ее, пока в Албании не будет установлен порядок. Тогда австрийское правительство решило, что нужно воспользоваться, наконец, сербским выступлением для превентивной войны и полного разгрома Сербии.

14 октября Берхтольд телеграфировал австрийской миссии в Белграде: "Мы должны поставить сербскому правительству вопрос, намерено ли оно прекратить военную подготовку к вторжению в Албанию, — вернее, готово ли оно отозвать в определенный краткий срок находящиеся на албанской территории войска. От ответа на этот вопрос и от выполнения прежних сербских заявлений должно будет зависеть дальнейшее отношение монархии к Сербии, так как мы решили обеспечить всеми способами, которые найдем подходящими, безусловное соблюдение лондонских решений" [36]. Берлин на этот раз снова заверял Вену в своей полной поддержке. Инструкция, посланная заместителем статс-секретаря ведомства иностранных дел послу в Вене, гласила: "Вам следует сказать графу Берхтольду, что в стремлении к обеспечению жизнеспособной Албании мы твердо стоим на стороне Австро-Венгрии и предписали императорскому поверенному в делах в Белграде решительно поддерживать австрийский демарш. Кроме того, мы пригласили к сотрудничеству Англию, под председательством которой выносились поставленные под угрозу лондонские решения". Это было передано по телеграфу в Вену 16 октября. А в ночь с 17 на 18 октября 1913 г. австрийский министр иностранных дел граф Берхтольд отправил австрийскому посланнику в Белграде предписание вручить сербскому правительству ультиматум. Австрия требовала немедленного освобождения территории Албании. В противном случае она грозила войной. Сербское правительство, посоветовавшись с русским правительством, приняло ультиматум: оно вывело войска на 24 часа раньше срока. Очередной раз Россия и Сербия отступили под австро-германским нажимом.

Это был третий по счету ультиматум Австро-Венгрии, удовлетворенный Сербией. В 1912 г. после ареста сербскими властями в Призрене австрийского вице-консула Прохаски по обвинению в шпионаже правительство Австро-Венгрии предъявило Сербии ультиматум, требуя освобождения Прохаски [37].

По мнению Н.П.Полетика, начало войны в 1914 г. именно из-за Сербии было отнюдь не случайно. В этой связи Полетика указывал на "проектировавшееся под царским покровительством и даже нажимом "объединение" Сербии и Черногории" [38].

"И в царской России, и в Англии, и во Франции после Лондонской конференции 1913 г. совершенно определено знали, — писал он, — что Австрия не допустит этого объединения, так как оно даст Сербии выход к морю. И тем не менее в 1913—1914 гг. переговоры форсировались царской Россией путем денежных субсидий и угроз. В самом деле, что произошло бы в результате такого объединения? Австрия только и ждала подходящего момента и предлога для выступления против Сербии. Но последняя обратилась бы за помощью к царской России и другим участникам Антанты, ссылаясь на то, что Австрия противодействует "самоопределению народов". Какой чудесный предлог давало это "самоопределение народов" английскому правительству и Франции для оправдания своего вступления в войну перед общественным мнением".

Борьба за пролив была основным вопросом русской политики на Ближнем Востоке. Временное закрытие проливов во время итало-турецкой войны, ослабление Турции в результате первой Балканской войны, наконец, сама миссия германского генерала — весь этот ряд событий самым чувствительным образом напоминал царскому правительству об острейших проблемах проливов.

С точки зрения руководства России единственно радикальным решением этой проблемы было бы решение по образцу того, которое провели англичане в отношении Суэцкого канала: прямой военный захват побережья. Но практически для такого шага не имелось реальных возможностей. 23 ноября (6 декабря) 1913 г. Сазонов представил царю записку, в которой обращал внимание на неустойчивость положения на Ближнем Востоке.

"События на Балканском полуострове, — писал министр, — создавшие неустойчивое положение на всем юго-востоке Европы и в малоазийской Турции, выдвигают перед министерством иностранных дел задачу определить наши собственные отношения к условиям новой политической обстановки" [39].

Сазонов начал рассмотрение ее с положения Турции. Признав, что "долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению, что все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распада Османской империи и задаются воп-

росом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях Малой Азии", что "хотя желание мира как будто преобладает в настоящее время среди великих держав, но поручиться за прочность общего политического положения в Европе не представляется возможным", что "эта неуверенность усиливается намеченным неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате Бухарестского мира", — министр пришел к следующему соглашению: "Вышеуказанные условия, несомненно, создают для России крайне сложные и нелегкие задачи. В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных претензий. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место". "Не оставляя этой главной и первоочередной задачи, — продолжал министр, — мы не можем, однако, закрывать глаза на опасности международного положения, устранение коих зависит не от нас одних. В связи с этим мы, так же как и другие державы, не можем не задаваться мыслью о необходимости заблаговременного обеспечения своих прав и интересов, если бы события выдвинули перед нами обязанность их оградить вооруженной рукой".

"Сомнения в прочности и долговечности Турции связаны для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценкой всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения", — подчеркивал Сазонов.

"Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается в сущности довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов, — отмечал Сазонов. — Турция представляется не слишком сильным, но и не слишком слабым государством, не способным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией...

Но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаваться вопросом о том, можем ли мы не готовиться к наступлению событий, которые в корне изменят положение Константинополя и проливов. Пролиты в руках сильного государства — это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству..." Доказывая, что с временным закрытием проливов в 1912 году русская торговля потеряла 100 миллионов рублей и это закрытие проливов "отразилось на всей экономической жизни страны", Сазонов был убежден, что "тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи от морей Черного и Средиземного, — он будет иметь ключи для наступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах".

Сазонов был настолько обеспокоен переходом проливов к "другому государству", что возражал и против нейтрализации проливов "сокрытием с них укреплений и запрещением возводить новые". "Всякая правовая норма действительно лишь в мирное время; когда же наступит война, то для своего ограждения она требует силы", — докладывал

министр, приводя, как пример, "стремления болгар захватить Константинополь, от чего Россия не застрахована и ныне".

Сазонов пришел к выводу, что захват проливов в настоящее время с военной точки зрения не подготовлен и неосуществим: "Когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить".

"В минувшем году, — указывал министр, — когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем постепенно переправить два корпуса, причем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала численности такой десантной армии тем задачам, которые ей предстояло бы выполнить".

Впрочем, в настоящее время приходится говорить не только о невозможности серьезных активных выступлений против Турции, но и незначительности наших оборонительных средств против морской программы, которая может быть осуществлена в ближайшее время Турцией".

Приводя имеющиеся в распоряжении министерства иностранных дел данные, Сазонов пришел к выводу, что "в период 1914—1916 гг. турецкий флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии". "Россия не может ни допустить в настоящее время морского превосходства Турции в Черном море, ни в будущем остаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что вопрос этот не будет поставлен в недалеком будущем, мы не сможем", — утверждал он.

"Следовательно, — продолжал министр, — государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению.... Указанная подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы с привлечением к работе различных ведомств".

Задачи, которые в этой связи выдвигал министр, заключались в следующем: 1) в выяснении, что может быть предпринято для усиления военной и морской мощи России в Черном море; 2) в определении мероприятий, необходимых для ускорения мобилизации, в связи с постройкой новых путей и транспортных средств; 3) в выяснении, какие задачи могут быть намечены; 4) в установлении, "возможно или нет поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства".

"Возвращаясь к упомянутой политической стороне подготовки, — писал Сазонов, — приходится вновь повторить, что распадение Турции не может быть для нас желанным и что в пределах дипломатического воздействия должно сделать все возможное для отсрочки такой развязки..."

Докладом были намечены и конкретные мероприятия: 1) ускорение мобилизации десантных войск; 2) оборудование для этой цели путей сообщения; 3) усиление Черноморского военного флота и обеспечение его превосходства над турецким флотом; 4) увеличение транспортных средств на Черном море; 5) постройка перевальной железной дороги через Кавказский хребет.

«Самой собой разумеется, что наши военные и морские ведомства в праве поставить министерству иностранных дел вопрос о том, что может быть сделано для создания наиболее благоприятной политической обстановки при наступлении событий, могущих потребовать от нас решительных действий», — признавал Сазонов. Ответ он дал следующий: «Повторяя высказанное в докладе пожелание о возможно более длительном поддержании status quo, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений. Последние, — если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможно, но далеко не обеспеченном союзе с Англией или же доброжелательном нейтралитете этой последней». На Балканах Сазонов рассчитывал на Сербию и, в определенной степени, на Румынию.

«В неустойчивости нынешнего положения на Балканах два фактора играют главную роль: первый из них, это — Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызвано успехами сербов и румын и отношением к этим их единоплеменников в пределах Габсбургской монархии; второй фактор, это — невозможность для Болгарии примириться с тяжкими последствиями Бухарестского договора».

Сазонов не терял надежды сплотить снова Болгарию с Сербией, «ибо предоставленные самим себе балканские государства неизбежно обречены на междоусобия».

«Об этих условиях приходится говорить не с точки зрения отвлеченных мечтаний или увлечений миссией России. Заглядывая вперед и отдавая себе отчет в том, что сохранение столь желательного для нас мира не всегда будет в наших руках, приходится ставить себе задачи не на один сегодняшний и завтрашний день, дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь».

В заключение Сазонов просил созыва «Особого совещания» для обсуждения затронутых в докладе вопросов, на что было получено соответствующее согласие царя. Таким образом, Сазонов «дипломатично», выступая за «сохранение мира», находил необходимым готовиться к войне за проливы.

Особое совещание, намеченное Сазоновым, было созвано только 8 февраля 1914 г., но вопрос о проливах получил свое рассмотрение на

правительственном уровне за месяц до этого совещания — 31 декабря 1913 г. Толчком к этому послужили события конца 1913 г., когда на Ближнем Востоке возник новый международный конфликт.

В ноябре 1913 г. между Германией и Турцией было заключено соглашение об отправке в Турцию германской военной миссии из 42 офицеров. Во главе миссии был поставлен генерал Лиман фон Сандерс. Миссия должна была заняться реорганизацией турецкой армии. При этом Лиман фон Сандерс был назначен на должность командующего корпусом, расположенным на берегах проливов. 14 декабря Лиман прибыл в Константинополь.

Миссия фон Сандерса вызвала в Петербурге неодобрение. Получалось так, что на берегах Босфора оказывалась военная сила, которой командовали немцы. Председатель Совета министров Кокцов проездом из Парижа остановился в Берлине и лично вел с германским канцлером и с самим Вильгельмом переговоры о миссии Лимана. Он требовал по крайней мере отказа фон Сандерса от командного поста в столице. Германское правительство как будто соглашалось, что германский генерал не может командовать корпусом, расположенным и в другом месте. Но, по-видимому, по тайному внушению тех же немцев, Порта решительно отвергла вмешательство России в функции германского генерала в Турции.

23 декабря министр иностранных дел Сазонов представил доклад Николаю II, в котором изложил свой взгляд на выход из сложившейся ситуации [40].

«Оставляя нашим военному и морскому ведомствам определить, какие меры поуждения представлялись бы наиболее осуществимыми, со своей стороны, осмеливаюсь доложить, что с политической точки зрения едва ли не самым целесообразно представлялось бы, в случае неудовлетворительного ответа Порты, одновременное совместное занятие Россией, Францией и Англией известных пунктов Малой Азии с заявлением, что указанные три державы останутся в этих пунктах, пока их требования не будут выполнены», — писал министр иностранных дел России.

«При решении указанного вопроса, — продолжал Сазонов, — нельзя, конечно, упускать из виду, что на почве давления на Порту не исключена возможность активного выступления Германии на ее защиту. В этом случае решение вопроса может быть перенесено из Константинополя и Турции на нашу западную границу со всеми последствиями, отсюда вытекающими».

«Вашему императорскому величеству принадлежит принятие столь ответственного решения», — указывал Сазонов и объяснял, что уступка России привела бы: 1) к крупному политическому поражению; 2) к укреплению во Франции и Англии «опасного убеждения, что Россия готова

идти на какие угодно уступки ради сохранения мира"; 3) к возможности, та счет России, переговоров Англии с Германией.

"Если бы указанные предположения подтвердились, — настаивал министр, — то Россия в конце концов осталась бы в полном политическом одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать на Францию, которая и без того склонна жертвовать общими политическими интересами в пользу выгодных финансовых сделок".

"Если наши военное и морское ведомства со своей стороны признают возможным идти на риск серьезных осложнений, при условии, конечно, соответствующей решимости Франции поддержать нас всеми силами и Англии — оказать существенное содействие, то нам следует теперь же вступить с обеими державами в весьма доверительный обмен мнениями по сему вопросу, — докладывал Сазонов. — Если бы из этого обмена взглядов выяснился уклончивый образ действий наших друзей и союзников, то нам, конечно, пришлось бы в дальнейших наших действиях считаться с весьма серьезным риском отдельных выступлений России. Если же ответы Франции и Англии были бы признаны удовлетворительными, то, соблюдая всю необходимую сдержанность и осторожность для предотвращения по возможности осложнений, нам следует отстаивать наши интересы до конца".

В конце документа Сазонов просит созвать под председательством Коконцева Особое совещание при участии военного и морского министров, начальника Генерального штаба и дать его разрешения сообщить указанным лицам копию доклада.

Морской генеральный штаб быстро отзывался на доклад Сазонова и представил, в свою очередь, доклад, в котором говорилось, что "в вопросе о миссии немецкого генерала Лимана фон Сандерса и последних агрессивных шагах Германии в Константинополе русская политика, стремясь сохранить ненарушенными важнейшие интересы России, очевидно, должна исходить из основной идеи — значения для России Константинополя и проливов Босфора и Дарданелла...".

"Мы оказываемся в настоящее время, — отмечалось в докладе, — принужденными идти на риск общеевропейской войны, чтобы проявить необходимую твердость в целях сохранения мира на несколько ближайших лет, нужных нам для военной, морской и дипломатической подготовки наших активных шагов (при окончательной ликвидации восточного вопроса), чтобы на эти несколько лет сохранить нынешнее положение на Балканском полуострове, не допуская Германию или иные державы расширять в Турции свои права и влияние". Отдавая себе отчет в этом, Морской генеральный штаб всецело поддерживал предложение Сазонова.

Во исполнение намеченной программы Сазонов приступил к переговорам с Францией и Англией. После реинтегративных шагов перед Пуанкаре, Извольский мог сообщить Сазонову: "Франция решила твердо действовать с нами заодно во всех предпринимаемых нами в настоящее

деле шагах". Что же касается Англии, которая сама направила адмирала в турецкий флот, то отношение ее не было выяснено.

31 декабря состоялось Особое совещание в том составе, какой намечался Сазоновым.

Совещание коснулось, главным образом, тех мер, которые могли бы заставить Германию и Турцию отказаться от заключенного ими соглашения.

Финансовый бойкот Турции, которым предлагал ограничиться Сазонов, вызвал сомнения как у него самого, так и у Коконцева, так как "материальный ущерб французских держателей оптоманских бумаг и прекращение платежей Турцией по купонам способен охладить самые пылые патристические стремления французов" [41].

Относительно поддержки Франции в оккупации пунктов турецкой территории сомнений не было: "русское правительство может рассчитывать на деятельную поддержку до крайних пределов"; позиция же Англии по-прежнему оставалась не выясненной.

Общие действия трех держав, по мнению Сазонова, могли бы оказывать давление на Германию, но одних России и Франции, считал министр, она не побоятся, ибо "обе державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар даже в случае успехов на поле сражения, являющихся всегда гадательными".

"Борьба же при участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении в шестинедельный срок до полной социальной внутренней катастрофы". Одним словом, по мнению Сазонова, необходимо было заручиться согласием Англии, что и "составляет слабую сторону положения России в настоящем случае".

Против оккупации турецкой территории, которая повлечет за собой "неминуемую войну с Германией", возражал Коконцев и ставил вопрос: "Желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее идти?"

В этой связи была выслушана точка зрения представителей военного ведомства. "Военный министр и начальник Генерального штаба категорически заявляют о полной готовности России, — отмечалось в протоколе совещания, — к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией; однако такое единоборство едва ли вероятно, а дело придется иметь со всем Тройственным союзом".

Более чем странно, если не сказать, безответственное заявление.

После такого утверждения представителей одержала верх точка зрения Сазонова, не исключавшая возможность использования военной силы, а именно: принять решительные меры воздействия против Турции.

Резолюция совещания гласила: "1) Необходимо продолжать настояния в Берлине о недопустимости с точки зрения интересов России командования германским генералом воинской частью в Константинополе, а тем более предоставления ему инспекции в смысле командования тем

или другим округом, но признавая в то же время допустимым предоставление начальнику германской военной миссии полномочий по общей инспекции над турецкой армией.

2) Переговоры в Берлине следует продолжать до выяснения полной их неуспешности.

3) Вслед за тем надлежит перейти к намеченным мерам воздействия на Берлин, в согласии с Францией и Англией.

4) В случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии в совместных с Россией действиях, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией".

После довольно острых перепалок русская дипломатия добилась от немцев и турок некоторой уступки. Фон Сандерс произвели в следующий чин; это давало формальное основание освободить его от должности командира корпуса. Таким образом, от командного поста в столице фон Сандерс отказался. Но фактически германская миссия все-таки продолжала играть в турецкой армии руководящую роль. Усиление германского влияния в Турции грозило сделать Германию хозяйкой проливов.

8 (21) февраля 1914 г. под председательством Сазонова с участием Григоровича, Жилинского, посла Турции Гирса и др. состоялось новое совещание, которое обсудило "программу действий" на случай наступления событий, способных коренным образом изменить положение черноморских проливов. Конкретно речь снова шла о том, возможен ли захват проливов с военной точки зрения. Сазонов и Жилинский исходили из того, что действия против проливов могут потребоваться лишь в условиях "общеевропейской войны". И в то же время начальник Генерального штаба считал, что войска для десантной операции могут быть выделены только "при отсутствии борьбы на Западном фронте" (т.е. германском) "или благоприятном на нем положении". Оказалось также, что для погрузки на суда войск первого эшелона потребуется не менее десяти дней. При этом первый эшелон не сможет составить более 20 тыс. человек и самое большое до одного корпуса, в то время как у турок в районе проливов было семь корпусов! Для больших сил у России не хватало судов. Положение с транспортными средствами морской министр охарактеризовал как малоудовлетворительное. Выяснилось даже, что к осени 1914 г. турецкий военный флот в течение некоторого времени будет на Черном море сильнее русского. При таких условиях отпадала всякая возможность десантной операции. Совещание наметило меры по устранению на будущее выявившейся неподготовленности сухопутных и морских сил и транспортных средств.

Таким образом, начиная с 1908 г. Россия неоднократно отступала на Балканах перед нажимом Австро-Венгрии и Германии. Общепринятое разрешение спорных вопросов, сложившихся к этому времени, — дипломатические демарши, поддерживаемые военной силой.

5.4. ВЫСТРЕЛЫ В САРАЕВО

Военная подготовка и военный потенциал обеих политических группировок оказывали наибольшее влияние на решение вопросов внешней политики и на деятельность дипломатии.

Над Антантой тяготело ослабление военной мощи Российской империи. Но с другой стороны, для понимания международных событий, предшествовавших Первой мировой войне и деятельности дипломатии, нельзя упустить из виду, что хотя в 1914 г. Россия и не была готова в военном отношении, но все же степень ее неподготовленности значительно уменьшилась. Ее подготовка стала несравненно лучшей, чем в дни Боснийского кризиса или даже первой Балканской войны. Незавершенность военной подготовки России, главного источника человеческих ресурсов Антанты, побуждало последнее несколько повременить с войной. Потребность в этом была тем настоятельнее, что уже явно обрисовывались сроки, когда пробелы военной подготовки будут Россией восполнены.

Германия к 1914 г. обладала гораздо более высокой степенью военной готовности, нежели Россия и даже Франция. Важным преимуществом немцев было значительное превосходство в полевой тяжелой артиллерии. На их стороне было также и общее превосходство в военной технике и в организации вооруженных сил. Германия обладала огромным преимуществом в смысле качества резервных формирований, боеспособность которых гораздо меньше отличалась от армии действительной службы, нежели в России и во Франции. Высокая степень боевой подготовки резервных частей достигалась многочисленностью командирских кадров, а также и наличием запасов вооружения и соответствующей организации. Что касается численности офицерских кадров, то тут Германия располагала превосходством над всеми другими государствами. Страна обладала самой густой железнодорожной сетью, наилучше подготовленной к военным перевозкам. Военная промышленность Германии превосходила французскую и русскую, вместе взятые, и не уступала по своему потенциалу военной промышленности всей Антанты, включая Англию.

Все качества австро-венгерской армии перекрывались одним доминирующим: моральное состояние войск было крайне низким, отсутствовали воля к победе, воинский дух. Славянские части не хотели воевать — особенно против русских.

Английская экспедиционная армия была невелика, всего 6 дивизий, хотя и высокого качества. В колониях и доминионах имелся большой запас живой силы, большей частью необученной. Исключение составляли индийская туземная армия, насчитывающая в мирное время около 6 тыс. человек, с некоторым резервом. Часть этих войск могла быть пе-

реброшена в Европу, но на это требовалось время. Присоединение Англии к России и Франции уравнивало потенциал военной промышленности Антанты и Германии.

На море к 1914 г. Германия, несмотря на все усилия, не успела догнать Англию. Последняя располагала 30 dreadnoughtами. Франция и Россия имели на вооружении по семи dreadnoughtов каждая. Этим 44 линейным кораблям (включая крейсера-dreadnoughtы) Германия могла противопоставить 20, а вместе с австрийскими — 24. Преимущество в числе броненосцев dreadnoughtного типа было у Антанты еще значительнее. Англия и Франция имели 26 броненосных крейсеров, считая лишь суда со скоростью не менее 23 узлов. И это против 5 у германо-австрийского блока. Наконец, Англия и Франция имели 52 быстроходных легких крейсера, не считая более полусотни легких крейсеров со скоростью менее 25 узлов. Германия и Австрия имели только 28 крейсеров со скоростью свыше 25 узлов и 23 более тихоходных.

Превосходство на море обеспечивало Антанте возможность блокады Германии. А это в свою очередь приводило к тому, что Германия оказывалась вынужденной ориентироваться только на сырьевые и продовольственные ресурсы Центральной и Юго-Восточной Европы, а также Азиатской Турции, в то время как к услугам Антанты оказывались ресурсы всего мира. Однако в 1914 г. эти важнейшие обстоятельства мало кто учитывал на континенте. Там генеральные штабы и правительства рассчитывали на короткую войну. И Германия торопилась ее начать, пока не была закончена большая военная программа России, пока не развалилась Австро-Венгрия, не окончательно отпала Италия. Германское правительство рассчитывало на превосходство своей подготовки и на быстроту действий. Для Франции и России целесообразно было подождать. Нужно было время, чтобы преимущества Антанты успели быть превращены в боевую мощь, способную оказать влияние на поле сражения.

Балканские войны привели еще к большему обострению международной ситуации. Правда, они завершили освобождение балканских славян от гнета Турции. Но они же усилили противоречия между балканскими государствами. Болгария ждала реванша за вторую Балканскую войну; Турция ждала благоприятного момента, чтобы отнять у Греции Эгейские острова; Италия освобождала занятого ею Додеканеза; Греция и Сербия не хотели примириться с новыми границами Албании. Но это не все. За балканскими монархиями стояли ведущие империалистические державы, которые оспаривали друг у друга влияние в регионе. Россия и Англия стремились вырвать Турцию из-под германского влияния. В Софии, Бухаресте и Афинах шла ожесточенная борьба между Антантой и австро-германским блоком за политическую ориентацию балканских правительств, за их воен-

ные силы, необходимые в случае развязывания мировой войны. Австрия ждала случая расправиться с Сербией; Сербия стремилась освободить южных славян Австро-Венгрии; Россия покровительствовала сербам. Венское правительство видело в Сербии и югославянской пропаганде опасность для самого существования Австро-Венгерской империи. Россия усматривала в Сербии лучшую свою опору против Австрии на балканском плацдарме. Стоило еще раз вспыхнуть австро-сербскому конфликту, достаточно было России не отступить перед центральными державами, — и могла начаться австро-русская война. А тогда уже неизбежно заработал бы механизм союзов. Австрия не решилась бы начать войну с Сербией без санкции Германии. Если бы такая война возникла, это означало бы, что Германия признает момент подходящим для решительного боя за передел мира. Франция не могла бы не поддержать Россию, ибо разгром Российской империи не только уничтожил бы шансы на реванш, но и оставил бы Францию беззащитной перед Германией. Представлялось, что и Англия не могла бы отказать в помощи Франции против своего опаснейшего германского соперника. Таким образом, Балканы превратились в пороховой погреб Европы. Стоило бросить в него спичку, чтобы произошел общеевропейский взрыв.

Не последнее место в подготовке к войне занимает "прощупывание" намерений вероятного противника, выявление косвенных признаков, указывающих на подготовку к принятию политического решения о начале боевых действий, а также оказание психологического воздействия как на противников, так и на союзников. Делается это не только за счет использования агентуры. Первыми начали немцы. В феврале 1914 г. в "Кельнше Цайтунг" появилась статья, получившая широкий отклик в европейской прессе. Статья начиналась с перечисления военных мероприятий, проводимых Россией в последние годы. Автор публикации задавался вопросом, против кого же собственно вооружается Россия? Ответ напрашивался сам собой и звучал следующим образом: *"Не вхожая в соображения политического свойства достаточно указать на географическое распределение этих вооружений у западной границы, свидетельствующее, что они направлены против Германии"* [42]. *"Бюргеры должны внести целый миллиард марок на оборону страны и для того, чтобы эта 'жертва' на алтарь патриотизма не казалась столь горькой германские офицеры рисуют ужасы"*, — комментировали 21 февраля "Биржевые ведомости" причины этой публикации и вызванных ее откликов в германской прессе.

"Перед тем, как наши отношения к Дунайской монархии начали обостряться, в иностранной печати стали появляться статьи, задававшие русскую армию, — отмечал в своих воспоминаниях Сухомлинов. — В особенности 'Кельнше Цайтунг' выделялась в этом отношении" [43].

Протест военного министра выразился в публикации в "Биржевых ведомостях" от 28 февраля статьи "Россия хочет мира, но готова к войне", предварительно получившей одобрение Николая II.

Статья не была подписана, однако авторство не вызывало никаких сомнений. "С гордостью мы можем сказать, что для России прошли времена угроз извне, России не страшны никакие окрики", — писал Сухо-млиннов. Вышеозначенный текст подтверждался военным министром следующими аргументами:

"... на случай войны... идея обороны отложена и русская армия будет активной";

"... упраздняется целый ряд крепостей, служивших базой по прежним планам войны, но зато существуют оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением";

"Офицерский состав армии значительно возрос и стал однородным по образовательному цензу...";

"Русская полевая артиллерия снабжена прекрасными орудиями не только не уступающими образцовым французским и немецким орудиям, но во многих отношениях их превосходящими";

"Осадная артиллерия организована иначе, чем прежде, и имеется при каждой крупной боевой единице";

"В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов...";

"... и кто же не знает, что военная автомобильная часть поставлена в России весьма высоко. Военный телеграф стал достоянием всех родов оружия. У самой маленькой части есть телефонная связь...";

"Не забыто и воздухоплавание. Тип аэропланов еще окончательно не решен, но кто же не знает о великолепных результатах аэропланов Сикорского, этих воздушных дредноутов русской армии...";

"Русская армия, мы имеем право на это надеяться, — отмечал Сухо-млиннов, — явится, если бы обстоятельства к тому привели, не только громадной, но хорошо обученной, хорошо вооруженной, снабженной всем, что дала наша техника вооружения". "Россия, в полном единении со своим Верховным вождем, хочет мира, но она готова!", — такими словами завершалась статья в "Биржевых ведомостях" [44].

Публикация, подготовленная военным министром, вызвала, в свою очередь, волну откликов.

"Если Россия усилила свои вооружения, то она вынуждена к этому снаряжением Германии, — комментировала происходившую полемичку на страницах французская печать. — Для тех немцев, которые считают европейский мир обеспеченным только гегемонией Германии, ослабленная Россия 1905 г. была идеалом. Наши союзники и мы положили конец невыносимому состоянию. Это — не вызов, а необходимая предосторожность" [45]. Так писали в союзной Франции.

В Германии статья в "Биржевых ведомостях" вызвала определенные сомнения. "Что русская армия находится в хорошем состоянии, никто в Германии не оспаривал, — заявило "авторитетное прусское лицо". — ... Тем не менее позволительно сомневаться, все ли указания относительно боевой готовности России соответствуют действительности" [46].

Россия к войне не была готова. Понимал ли это Сухо-млиннов, насколько искренен он был в своих заявлениях? Судя по всему, не первое и не второе.

Ведь еще в конце декабря 1913 г. военный министр и начальник Генерального штаба заявляли "о полной готовности России к единоборству с Германией". В последующем, описывая события июля 1914 г., Сухо-млиннов наряду с утверждениями о готовности России к войне допускал противоположные по смыслу заявления. Так, говоря о мобилизации армии в 1914 году, он подчеркивал, что "царь повелел мобилизовать армию и противопоставил неготовый инструмент честному великому князю Николаю Николаевичу", а несколькими строками позже заявлял, что "еще два года мира, и Россия... имела бы такую мощную армию" [47].

Статья "Россия хочет мира, но готова к войне" была не единственной публикацией Сухо-млиннова в "Биржевых ведомостях". Внутриполитическое положение во Франции ставило под угрозу "практическую ценность русско-французского союза".

"Во Франции кабинет Думерэ-Кайо, опиравшийся на лево-радикальное большинство, которое вовсе не относилось к России с большой симпатией, — вспоминал бывший военный министр, — получил возможность руководить новыми выборами, что в свою очередь дало Думерэ предоставить государственный аппарат целиком в распоряжение этих нацифистических и по отношению к нам враждебно настроенных партий. В связи с этим и результат выборов в пользу левых радикалов совпал как раз с тем важным моментом, когда вопрос о введении трехлетнего срока службы, которое нам обещали Жоффр и Пуанкаре, был принят парламентом. Чтобы заставить французов вспомнить свой долг, одновременно сгладить паническое настроение у нас и поднять нашу самоуверенность, я распорядился напечатать ту статью в "Биржевых Ведомостях", которую немцы приняли за угрозу по их адресу: "Россия готова, Франция также должна быть готова". Это было в начале июня" [48].

Статья эта, по признанию самого автора, никого "не сумела успокоить".

Объяснения эти явно недостаточны. Под чьим давлением "распорядился напечатать" обе статьи военный министр? Можно предполагать, что под двойным: из Парижа и из среды того царского окружения, которое выступало за верность России союзническим обязательствам. В целом, сомнительным представляется предпринятый антигерманский демарш посредством официальных публикаций в прессе, бесповоротно разрывавших с Германией и "открывавших карты" русского правительства.

26 мая 1914 г. директор департамента полиции Брюн де Сент Ишполит в секретном отношении на имя начальника ГУГШ Генерального штаба генерала Н.Н. Янушкевича писал: *"По сведениям, полученным Пляцким губернским жандармским управлением, в настоящее время в Германии, как вообще, так и в особенности в приграничных с Россией местностях, господствует среди населения убеждение, что германское правительство, опасаясь быстро возрастающего могущества Российской империи, намерено в ближайшем будущем воспользоваться каким-либо незначительным предлогом для объявления России войны, так как в этом конфликте достигнем успех Германия лишь в настоящее время, впоследствии же таковой станет уже, по мнению германских общественных кругов, невозможным."*

По тем же сведениям, вопрос этот совершенно излится из обсуждения германской прессы" [49].

Расчеты Германии достаточно ясно изложены в июле 1914 г. статс-секретарь ведомства иностранных дел Ягов. *"В основном, — писал он послу Германии в Лондоне, — Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем компетентным предложениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа, между тем, все более слабеет"* [50]. Этими последними словами Ягов намекал на прогессирование разложение Австро-Венгрии.

"В России, — продолжал Ягов, — это хорошо знают и поэтому безусловно хотят еще на несколько лет покоя. Я охотно верю нашему кузену Бенкендорфу (посол России в Англии — примеч. авт.), что Россия сейчас не хочет войны с нами". Вряд ли кто другой дожил более убедительно, что именно Германия начала войну в августе 1914, чем это сделал сам германский министр иностранных дел.

Соображения военного порядка и определенная позиция германской дипломатии, когда в конце июня 1914 г. возник очередной австро-сербский конфликт.

Старый австрийский император Франц-Иосиф доживал свои последние годы. По мере того как он дряхлел, в политической жизни Австро-Венгрии все большее значение приобретал его племянник, наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Планы его, направленные на укрепление габсбургской монархии, были широко известны.

Покушение на эрцгерцога стояло в программе деятельности целого ряда националистических организаций Сербии. Фактическая же подготовка к организации покушения на Франца-Фердинанда началась еще в декабре 1913 г. "Австро-Венгерские власти через свою агентуру внутри сербских националистических организаций были осведомлены о террористических планах последних. Как ни строго были конспириро-

вана деятельность "Омладины", "Народной обраны" и "Черной руки", венгерская тайная полиция знала немало "секретов" сербских националистов, и для нее, можно думать, не было новостью то обстоятельство, что против эрцгерцога что-то замыслилось" [51]. В период с 1910 по 1914 г. руководителями "Черной руки" было организовано шесть покушений на видных сановников Австро-Венгрии в южно-славянских землях монархии.

В марте 1914 г. стало известно, что в июне Франц-Фердинанд прибудет в Боснию на маневры. Сербская разведка полагала, что маневры эти явятся прямой подотковкой к нападению на Сербию. "Млада Босна" вынесла эрцгерцогу смертный приговор, как врагу славянства, и приступила к подготовке покушения. Непосредственными исполнителями террористического акта явились члены "Млады Босны" Гаврило Принцип и Неделько Габринович. Оба готовы были идти на верную смерть ради "национального дела". А именно так оценивали они устранение крупнейшего и наиболее активного представителя габсбургского дома. Оружием убийц снабдила "Черная рука", располагавшая широкими связями с освободительным движением в Боснии.

Сербское правительство догадывалось о заговоре и не одобряло его. Оно опасалось его последствий в момент, когда еще не была закончена программа реорганизации русской армии, а Сербия не успела залечить раны, нанесенные балканскими войнами.

3 (16) июня военный агент в Сербии Генерального штаба полковник В.А. Артамонов докладывал в ГУГШ: *"После трех кампаний Сербия утомлена, истощена материально и в финансовом отношении, поэтому всякого рода осложнения, а тем более военные действия для нее крайне нежелательны..."* [52]

Более того, план покушения не был тайной в Сербии: *"В кафе, прибежищах боснийских эмигрантов часто и охотно говорили об этом"*. Сербское правительство устами своего посланника в Вене предупредило австро-венгерского министра Билинского, на котором лежало управление Боснией, об опасности, которой подвергнется эрцгерцог, если он туда прибудет. Но страшным образом это предостережение было оставлено без внимания.

О готовящемся во время маневров покушении на Франца-Фердинанда было известно начальнику разведывательного бюро австро-венгерского генерального штаба, знал об этом Конрад, да, пожалуй, и сам Франц-Фердинанд [53].

15 (28) июня 1914 г. Франц-Фердинанд был убит Принципом в боснийском городке Сараево, куда он приехал после участия в маневрах австро-венгерской армии.

Сербское правительство тщетно пыталось помешать убийцам, находившимся в Београде, возвратиться в Австро-Венгрию. Оно распоря-

дилось не пропускать их через границу. Но сербские пограничные власти, связанные с "Черной рукой", не выполнили этого распоряжения.

Желанный предлог для распри с Сербией был найден.

Ряд исследователей отмечают, что "русские в Белграде" (военный агент в Белграде — полковник В.А. Артамонов и посол — Н.Г. Гартвиц) были осведомлены о готовящемся покушении на эрцгерцога, и более того, сходятся во мнении, что Артамонов своими действиями подталкивал к совершению такового [54].

Подобные выводы в первую очередь базируются на показаниях, порой противоречивых, самого Дмитриевича в суде. Так ли это?

Из протоколов судебного процесса известно признание Дмитриевича, что "два русские знали о подготавливаемом заговоре" [55]. Правда позднее он говорит, что не посвящал в планы покушения военного агента.

По мнению Хайнца Хене, Артамонов должен был узнать, что Алиш планирует покушение на наследника австрийского престола от уже упомянутого словоохотливого Раде Малобабича, которого по собственному признанию, Дмитриевич завербовал "не в последнюю очередь" для подготовки покушения в Сараево.

Судя по всему слухи о готовящемся покушении не могли не дойти до русского посла и военного агента в Белграде, но о каких-либо конкретных деталях они не знали. Об этом, в первую очередь, говорит отсутствие письменных свидетельств за их подписью на данную тему и каких-либо указаний из Санкт-Петербурга на этот счет среди опубликованных документов из архивов царского и временного правительств (1878—1917 гг.), которые относятся по двум перепискам представителей иностранного и военного ведомств за рубежом с Центром. Отсутствуют подобные свидетельства и в неопубликованных архивных документах.

Из заявлений, сделанных Алисом на суде, следовало, что решающее значение в деле подготовки покушения сыграло разведывательное донесение, поступившее Артамонову из русского Генерального штаба. Так, сербский профессор Станоевич пишет: "*После свидания кайзера Вильгельма II и австрийского принца Фердинанда в Конопиште полковник Д. Дмитриевич, начальник осведомительного отделения сербского генерального штаба, получил секретное сообщение от русского генерального штаба о том, что русское правительство получило точные сведения о характере и цели свидания Вильгельма II и принца Фердинанда, во время которого Германия одобрила план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завоевания ее, а также обещала ей свою помощь и поддержку; другие сведения, которые после этого получал полковник Д. Дмитриевич, подтвердили точность данных, полученных от русского генерального штаба. Среди же сербской публики по поводу решений, принятых на свидании двух монархов в Конопиште, были распространены фантастические и возбуждающие слухи; всеми овладела страшная нервозность и воздух был наполнен эскапизмом*" [56].

В действительности, на последнем свидании Франца-Фердинанда с Вильгельмом в Конопиште с 12 по 13 мая говорилось только о Румынии, и никоим образом о Сербии [57].

Из донесений, поступивших от посла в Вене Шебеко 3(16) июня и 13(26) июня, следовало, что на состоявшейся встрече в Конопиште обсуждался морской вопрос и отношения Румынии к Четвертому союзу. Так, в последнем, более развернутом донесении, Шебеко докладывает: "*Во время свидания в Конопиште, которое посвящено было, по видимому, главным образом, морским вопросам, как оказывается, подвергся обсуждению и румынский.*" [58]. И ни слова о Сербии. Каких-либо донесений на этот счет от военных агентов в Вене и Берлине не поступало. С другой стороны, отсутствуют какие-либо указания Артамонову из Санкт-Петербурга передать в сербский генеральный штаб, что германский кайзер во время двухдневной встречи с Францем-Фердинандом "одобрил план нападения на Сербию", как об этом пишет Хайнц Хене [59]. Весьма маловероятно, что Артамонов сам или даже при поддержке Гартвица мог действовать "на свой страх и риск", не получив соответствующих предписаний из России. Нет никакого сомнения, что Дмитриевич днал, ссылаясь, на поступившее от Артамонова разведывательное донесение из России и уверяя, будто убийство Франца-Фердинанда казалось ему единственным средством предупредить войну.

8(21) июня 1914 г. Артамонов, не бывший в отпуске последние три года, убывает с семьей на отдых в Швейцарию. Он никак не мог принимать непосредственного участия в подготовке покушения на австрийского эрцгерцога.

На второй день после убийства эрцгерцога в Вене царя подлая растерянность. Начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф требовал войны против Сербии. Его поддерживал и министр иностранных дел граф Бертольд. Сараевское убийство являлось удобным предлогом для Австро-Венгрии, чтобы разгромив Сербию, восстановить господствующее положение на Балканах, обезопасить себя в будущей европейской войне от удара со стороны Сербии и получить возможность перебросить все свои силы против России. Однако премьер Венгрии граф Тисса выступал против "военной партии". Престарелый император не спешил с принятием окончательного решения.

В этой обстановке нерешительности и колебаний, вполне понятных ввиду внутренней непрочности Габсбургской монархии, было совершенно естественным запросить мнение союзника. Даже Конрад понимал, что без поддержки со стороны Германии нельзя идти на риск войны с Россией. На этом первом этапе кризиса вопрос о войне и мире фактически решался в Берлине.

"Теперь или никогда", — написал Вильгельм II на докладе германского посла в Вене от 17(30) июня против слов о том, что в Австро-Венгрии желают "раз и навсегда основательно свести счеты с сербами".

А ниже он выказывался еще определеннее: "С сербами надо покончить, и именно сейчас" [60].

21 июня (4 июля) Франц-Иосиф направляет Вильгельму II личное письмо и меморандум венского правительства по поводу балканской политики Австро-Венгрии. В своем письме австрийский император допускал, что в сараевском деле "будет невозможно доказать соучастие сербского правительства". "Тем не менее, — продолжал Франц-Иосиф, — по существу нельзя сомневаться, что политика сербского правительства направлена на объединение южного славянства и, следовательно, против владений габсбургского дома". И старый император приходил к заключению, что Сербия должна быть "устранена с Балкан в качестве политического фактора" [61].

Австро-сербский конфликт не был новостью. За последние годы было не мало столкновений между Австрией и Сербией. Много раз мир висел на волоске, но войны удавалось избежать: либо Россия из-за своей военной неподготовленности убеждала Сербию уступить, либо сама Германия, считая момент не подходящим, удерживала своего австрийского союзника.

На этот раз и германское правительство считало положение благоприятным для начала войны.

22 июня (5 июля) австро-венгерский посол в Берлине Сегени изложил в телеграмме своему министру иностранных дел реакцию германского кайзера на переданное послание. "По его мнению (Вильгельма II — примеч. авт.), — докладывал посол, — не следует, однако, долго медлить с выступлением против Сербии. Россия во всяком случае займет враждебную позицию. Но Вильгельм имеет это в виду уже в течение многих лет, и если бы дело дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия, по привычной союзнической верности, будет стоять на нашей стороне. Россия, впрочем, при данном положении вещей, еще ни в коем случае не готова к войне и, несомненно, должна будет еще хорошенько все взвесить, прежде чем апеллировать к оружию. Однако, она будет всячески подстрекать против нас другие державы тройственного согласия и раздувать пламя на Балканах". "Но, если бы мы, действительно, признали необходимым выступление против Сербии, — сообщал в Вену австрийский посол мнение Вильгельма, — то он будет сожалеть, если мы не используем настоящий, столь благоприятный для нас момент" [62]. Таким образом, Вильгельм II обеспечил победу военной партии в Вене. Решающий шаг к мировой войне был сделан. Одобрив план австрийской расправы над Сербией, Вильгельм II в тот же день — 22 июня (5 июля) — провел совещание с участием рейхсканцлера, товарища министра иностранных дел и ответственных руководителей военного и морского ведомств. На прямой вопрос кайзера, "готова ли императорская армия ко всем случайностям" воен-

ный министр Фалькен айн ответил утвердительно. Одновременно Вильгельм отклонил предложение военного министра принять какие-либо меры по повышению боевой готовности армии "уже в данный момент" [63]. С военной точки зрения, проведение подготовительных мероприятий в армии и флоте было преждевременным — в сроках проведения мобилизации Германия значительно опережала Россию. "Мне нечего было делать после этой аудиенции, — сообщает генерал-квартирмейстер германского генерального штаба, — План мобилизации был закончен 31 марта 1914 г. Как всегда, армия была готова" [64].

Написавший эти строки генерал не выдавал желаемое за действительное. Летом 1914 г. Германия превосходила своей военной мощью и царскую Россию, и Францию.

24 июня (7 июля) по получении ответа из Берлина, в Вене состоялось заседание Совета министров. "Все присутствующие, — гласил протокол этого совещания, — за исключением королевского венгерского председателя Совета министров (Тиссы — примеч. авт.), придерживаются мнения, что чисто дипломатический успех, даже в том случае, если бы он закончился полнейшим унижением Сербии, не имел бы ценности. Поэтому нужно предъявить к Сербии настолько радикальные требования, чтобы можно было заранее предвидеть их отклонение, дабы приступить к радикальному же разрешению вопроса путем военного вмешательства" [65].

Насколько адекватно отражались агрессивные настроения правительства Австро-Венгрии в докладах поступающих по линии министерства иностранных дел и военного ведомства? Следует отметить, что в это время с мест поступали порой противоречивые донесения. "На вчерашнем Совете министров под председательством графа Бертольда, обсуждались созданное сараевским преступлением политическое положение и те административные меры, которые должны быть приняты в Боснии и Герцеговине... — докладывал посол в Вене Шебеко министру иностранных дел. — Из разговоров моих с графом Бертольдом я вынес впечатление, что австро-венгерское правительство не намерено предъявлять сербскому правительству никаких требований, несовместимых с достоинством соседнего государства. Ввиду существующего здесь в настоящий момент даже среди иностранных представителей большого возбуждения, следует относиться с большой осторожностью ко всем поступающим из Вены алармистским (тревожным — примеч. авт.) известиям" [66].

"... кончина Франца-Фердинанда является фактором скорее в пользу мира, — докладывал военный агент в Вене подполковник Випсцен 1-го июля 1914 г. в Оггенквар. — Австро-Венгрия сама вряд ли решится — во всяком случае в ближайшем будущем — бросить перчатку своим врагам: только по указке из Берлина она решится на подобный шаг. В настоящую минуту есть только одно еще обстоятельство, внушающее некоторую тревогу, предполагаемое выступление Австро-Венгрии на Балканах. Надо

думать, что какой-нибудь шаг со стороны Вены последует... но, вероятно, ему будет придана столь мягкая и не оскорбительная для Сербии форма, что он не повлечет за собою каких-либо серьезных последствий" [67].

Военному агенту в Вене вторил посол в Берлине С. Сербеск. "Возлагать же ответственность за преступления частных лиц, притом же незрелых анархистов, на целую нацию, вряд ли представляется возможным, — доносил посол министру иностранных дел 19 июня (2 июля). — Поэтому следует надеяться, что австро-венгерское правительство не только не предпримет никаких репрессалий против Сербии и сербской народности в Боснии и Герцеговине, но и сумеет положить предел происходящим ныне в монархии анти-сербским враждебным демонстрациям, которые могли бы повести к крайне нежелательным последствиям" [68].

Вместе с тем воинственные намерения Австро-Венгрии после убийства наследника престола в Сараево не вызывали сомнений в штабе Киевского военного округа. Так, в начале июля в ГУГШ поступило донесение киевского окружного штаба, основанное на информации неясного агента в Вене. Последний, в частности, доносил, что на совещании высшего военного руководства, состоявшегося 22-го июня, начальник Генерального штаба заявил, что "ответом на совершенное злодеяние должны быть не призрачные следствия и расследования, ограниченные этикой международных отношений, а клятва на эфесах сабель воздвигнуть жертве недостойной русской политической интриги памятник в одном из крупных центров русской территории" [69].

Несколько дней спустя "по полученным в штабе Киевского военного округа агентурным сведениям на совещании высших представителей военного ведомства, имевшем место в Вене 1-го июля с.г." начальник Генерального штаба доложил об "отданном Его Величеством распоряжении о подготовительных к мобилизации работах и постепенном переходе к мобилизационному состоянию с 8 июля нового стиля..." [70].

Тревогу бии и посланник в Белграде Н.Г. Гартвинг [71]. В эти дни венская печать стремилась "всячески свалить ответственность за случившееся на Сербию, указывая вместе с тем и на возможное соучастие России, представительской кость в Белграде гофмейстер Гартвинг, по их мнению, не мог быть чужд пан-сербскому движению во всех его проявлениях" [72].

Три дня русского посланника привела к его "трагической кончине" 27 июня (10 июля) 1914 г. Сообщение русского посла в Лондоне Бенкендорфа о беседе с министром иностранных дел Англии Грессом подтверждало усиление угрозы войны. "Грей сказал мне еще, — писал Бенкендорф 26 июня (9 июля), — что в глазах Германии центр тяжести военных операций перемещается довольно быстро с запада на восток. Несколько лет тому назад Франция являлась первым и главным германским противником, тогда как Россия, ослабленная войной, требовала от нее мень-

ших оборонительных усилий. Теперь положение будто бы совершенно изменилось; мало-помалу главным противником становятся Россия" [73].

Линия германской политики была направлена на обеспечение расправы Австро-Венгрии над Сербией за счет локализации конфликта. "Мы должны попытаться локализовать конфликт между Австрией и Сербией, — писал 5 (18) июля министр иностранных дел Германии Ягов германскому послу в Лондоне Лихновскому. — От царской России в первую очередь будет зависеть, насколько это удастся, а затем от умеряющего влияния ее собратьев по Атлантике. Чем более решительной покажет себя Австрия, чем энергичнее мы ее поддержим, тем скорее останется спокойной Россия. Если не удастся добиться локализации [конфликта] и Россия набросится на Австрию, тогда настанет *salus foederis*, тогда мы не сможем пожертвовать Австрией. Я не хочу никакой превентивной войны, но если война вспыхнет, то мы не сможем сбегать в кусты..." [74].

Тревожные сообщения начали поступать и из Германии. 9 (22) июля поверенный в делах в Берлине Броневский опять-таки со ссылкой на английский источник телеграфировал министру иностранных дел: "Французский морской агент... сообщил мне сегодня слух, коим только что поделился с ним его английский коллега, пока никем из них не проверенный, согласно которому некоторым состоящим в резерве германским солдатам будто бы посланы предупредительные извещения о возможной мобилизации" [75].

В ситуации, сложившейся после сараевского убийства для русской дипломатии представлялось очевидным оградить Сербию от нападок австрийцев, так как отказ от ее защиты предоставлял бы сербов в полном смысле слова на милость Австро-Венгрии, делая последнюю хозяйкой на Балканах. Позиции России в регионе не выдерживали бы второго удара подобно тому, что был нанесен им аннексией Боснии и Герцеговины в 1919 г. Вместе с тем в министерстве иностранных дел понимали, что безоговорочная поддержка Сербии могла привести к войне с австро-германским союзом. И здесь снова всплывал роковой вопрос: а поддержат ли союзники? Идти на риск войны в одиночку в России никто не собирался.

Прежде всего не следовало дразнить Австро-Венгрию и еще больше обострять опасность создавшейся ситуации. Поэтому было решено временно прекратить переговоры об объединении Сербии и Черногории, которые велись с целью создать на Балканах единую Сербию с выходом в Адриатическое море.

Сам факт такого объединения был не менее взрывоопасен, чем сараевское убийство.

Поэтому уже 24 июня (7 июля) Сазонов предписывал посланнику в Белграде Гартвингу: "Доперительно. Последние события в Австрии, вызвавшие столь резкое обострение антисербского настроения, побуждают нас советовать сербскому правительству с крайней осторожностью относить-

ся к вопросам, способным еще более усилить его и создать опасное положение. Ввиду этого полагаем, что было бы желательно повременить с переговорами о сербско-черногорском сближении, которое уже обратило на себя внимание австро-венгерского и даже германского правительств. Прошу Вас доверительно сообщить наше мнение Пашичу" [76]. Царское правительство действовало с учетом пробелов своей военной подготовки.

В создавшейся ситуации было твердо заявлено о поддержке России Сербии. "На вечере у графини Клейнмихель, — свидетельствует "Поденная запись министерства иностранных дел от 3(6) июля, — итальянский посол спросил барона Шиллинга, как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии. Барон Шиллинг, не колеблясь, ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целостность и независимость Сербии" [77]. Шиллинг указал итальянскому послу, что "было бы делом прежде всего союзницы Австро-Венгрии предупредить ее об опасности, к которой ведет ее политика ввиду несомненной решимости России встать на защиту Сербии". "Если с таким заявлением в Вене выступит Россия, — добавил русский дипломат, — это может быть сочтено за ультиматум и обострит положение, тогда как настойчивый совет, преподанный Италией и Германией, т.е. союзницами, был бы, конечно, более приемлем для Австро-Венгрии".

Отдельные тревожные сообщения с мест были оставлены без внимания в Генеральном штабе. Отсюда и соблюдение плана командировок руководящих сотрудников ГУГШ и плана отпусков, как офицеров, отвечающих за обработку разведывательной информации в Генеральном штабе, так и военных агентов за рубежом. "Предположение о возможности серьезного обострения конфликта, создавшегося сараевским событием, — вспоминал генерал-квартирмейстер генерал-майор Ю.Н. Данилов, — казалось у нас в России, настолько маловероятным, что в половине июля я был командирован на Кавказ, на очередную полевую поездку офицеров Генерального штаба, которую я занимал с 1909 года, находились все вопросы, касающиеся обороны государства" [78].

"Почти одновременно со мной, — продолжал Данилов, — непосредственно ведавший оперативным делопроизводством по Западному фронту полковник Щолоков был уволен в отпуск и находился на одном из морских курортов Крыма. В Петербурге оставались наши заместители. Перед отъездом на Кавказ я обращался к начальнику Генерального штаба отменить мою поездку ввиду все же несколько сгустившейся политической обстановки, но генерал Янушкевич не нашел для такой отмены достаточных оснований".

К этому времени ряд военных агентов отсутствовали на своих постах за границей. В отпусках находились военные агенты в Сербии, Греции, Швейцарии, а также в Бельгии и Нидерландах Генерального

штаба полковники Артамонов, Гудим-Левкович, Гурко и Потоцкий соответственно. Причем Гурко не планировал вернуться в Берн, так как рассчитывал получить в командование полк. В начале июля из Берлина в связи с обвинениями в противозаконной деятельности был отозван Генерального штаба полковник Базаров. В связи с визитом в Россию президента Франции Пуанкаре 1(14) июля в Петербург из Парижа выехал Генерального штаба полковник Игнатъев.

"Мнение... о том, что "все устроится", как нельзя лучше характеризовало ту политическую атмосферу, которая создавалась в Европе после сараевского инцидента. Заскрипели снова перья дипломатов, пытавшихся предотвратить общий европейский пожар", — писал в своих воспоминаниях военный агент во Франции [79].

Вместе с тем были предприняты шаги по оснащению вооружением сербской армии. Спустя два дня после сараевского убийства был дан ход прошению сербского правительства, прославившего "под сукном" с января 1914 г., о выделении винтовок и патронов к ним.

20 июля (3 июля) исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал Беляев уведомлял министра иностранных дел, что "в 17(30) день сего июля месяца Государю императору благоуходно было выразить свое принципиальное согласие на внесение в военный совет представления об уступке за плату для нужд сербской армии из запасов нашего военного ведомства 120 тыс. трехлинейных винтовок и 120 млн. патронов с тупоконечными пулями к ним" [80].

Одновременно сообщалось, что отпуск просимых сербским правительством орудий со снарядами, а также предметов интендантского и инженерного довольствия, "без ущерба для русской армии не представляется возможным".

Через три недели после выстрела в Сараеве президент Франции Раймонд Пуанкаре прибыл 7(20) июля в Петербург с официальным визитом.

В ходе визита особое внимание было обращено на положение на Балканах и возможные последствия обострения австро-сербских отношений. Одним из непосредственных результатов переговоров Пуанкаре в Петербурге явилось решение провести совместный франко-русский, а если удастся, то и с привлечением Англии — демарш в Вене и преподать Австрии "советы умеренности" по отношению к Сербии. 5(18) июля Сазонов вернулся в Петербург. Советник министерства Шиллинг встретил его на вокзале и информировал о сложившейся опасной обстановке. Сазонов тут же повидал нескольких послов. Германского — графа Пурталеса — он предостерег: если Австро-Венгрия решилась "возмутить мир", ей придется "считаться с Европой". "Россия не могла бы смотреть равнодушно на выступление в Белграде, направленное на унижение Сербии... Во всяком случае, не должно быть и речи об ультиматуме". Сазонов подчеркнул, что "политика России является мирной, но не пас-

синой". Это был прозрачный намек на то, что царское правительство не собирается повторять в австро-сербском конфликте своей тактики уступок и отступлений по примеру боснийского кризиса или Балканской войны. Сазонов постарался внушить немцам, что поведение Австро-Венгрии осуждается в Англии. "Он заблуждается", пометил кайзер на полях донесения Пурталеса.

Итальянскому послу Сазонов заявил, что Россия не может позволить Австрии "говорить с Сербией угрожающим языком или применить к ней военные меры". В форме более мягкой, чем Пурталеса, Сазонов предупредил и австрийского посла Сапари. Но посол рассыпался в заверениях насчет миролюбия Австро-Венгрии. "Он был кроток как ягненок" и "вскоре успокоил" Сазонова. Так гласит Поденная запись российского министерства иностранных дел [81].

В ходе проведенных русско-французских переговоров стороны заверили друг друга в выполнении союзнических обязательств в случае угрозы европейской войны. Суть этих обязательств была сформулирована в "Протоколе совещания начальников русского и французского Генеральных штабов" от 13 июля 1912 г. "Оба начальника Генеральных штабов, — отмечалось во Введении — заявляют, что слова "оборонительная война" не могут быть понимаемы в смысле "война, которую будут вести оборонительно". "Они подтверждают, наоборот, абсолютную необходимость для русской и французской армий начать решительное и, поскольку возможно, одновременное наступление в соответствии с текстом статьи 3 конвенции, согласно которой "силы обеих договаривающихся держав начинают военные действия в полном объеме и со всей быстротой" [82]. "Участники совещания снова с общего согласия выражают мнение, — говорилось во 2 статье Протокола, — что мобилизация германской армии обязывает Россию и Францию одновременно и немедленно мобилизовать все свои силы при первом известии об этом событии, и без предварительного согласования; но в случае частичной или даже общей мобилизации одной только Австрии или Италии, это согласование им кажется необходимым". Российское правительство решило на этот раз не отступать перед опасностью войны, как оно трижды делало это прежде: в 1909, 1912 и 1913 гг.

Между тем в Вене было решено с вручением ультиматума обождать, пока президент Французской республики не покинет русской столицы. Венские политики полагают, что без личного воздействия Пуанкаре царь и его министры легче примирятся с австрийским ультиматумом и, быть может, позволят Австро-Венгрии без помехи расправиться с Сербией. Дождавшись отъезда Пуанкаре из Петербурга, венское правительство поручило своему посланнику в Белграде передать в этот же день 23 июля сербскому правительству ультиматум с 48-часовым сроком.

Ультиматум начинался с указания на попустительство со стороны сербского правительства антиавстрийскому движению и даже террористическим актам, вопреки обязательству, принятому Сербией в 1909 г. после аннексии Боснии. "Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, — гласил ультиматум, — что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками, входящими в состав "Народной Обраны", и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлен начальствующими лицами сербской пограничной службы" [83]. Ввиду этого Австро-Венгрия требовала торжественного публичного осуждения сербским правительством всякой пропаганды и агитации против Австрии в официальном органе и особо — в приказе короля по армии. Далее следовали требования более конкретного характера. В их числе: недопущение враждебной Австро-Венгрии пропаганды в сербской печати; увольнение офицеров и чиновников, замешанных в антиавстрийской деятельности и пропаганде, причем списки этих лиц "оставляю за собой право сообщать" австро-венгерское правительство; устранение из школьного обучения всех элементов антиавстрийской пропаганды.

Пункт № 2 ультиматума включал в себя требование о запрещении в Сербии всех антиавстрийских организаций и, в первую очередь, о немедленном закрытии общества "Народная Одбрана".

"Произвести судебное расследование против участников заговора 28 июня, находящихся на сербской территории, причем лица, командированные императорским и королевским правительством, примут участие в розысках, вызываемых этим расследованием", — гласил пункт № 6 ультиматума.

Вручая ноту, австро-венгерский посланник барон Гизль заявил, что если в установленный срок нота не будет принята целиком, он потребует свой паспорт.

В случае отказа Вена угрожала разрывом дипломатических отношений, а это означало войну.

Блестящий анализ причин, побудивших Австро-Венгрию к предъявлению ультиматума, и прогноз дальнейшего развития событий содержится в письме 14(27) июля посла в Турине Гирса, имевшего негласные источники информации, на имя министра иностранных дел. "Прежде всего я не могу не отметить постепенного, за последние два года, падения престижа Австро-Венгрии в Османской империи, — обращался Гирс к Сазонову. — Присоединение ею Боснии и Герцеговины и последовавшее за тем вынужденное согласие на таковое со стороны Сербии и Черногории, составившие последний крупный успех австрийской политики на Балканском полуострове, за истекшие два года совершенно изглади-

лись из памяти впечатлительных турецких политических и общественных кругов. События балканской войны, поражение Турции славянскими государствами и усиление последних за ее счет привели к усилению и торжеству идеи славянства в ущерб интересам Австро-Венгрии, а следовательно, к усилению прессысизма Тройственного союза в ущерб Тройственному союзу и к нарушению таким образом существовавшего ранее политического равновесия, что с горечью сознавали здешними представителями союза.

Не будучи в состоянии примириться с создавшимся за последнее время и столь невыгодным для нее положением, Австрия, а за нею, быть может, и главным образом Германия, естественно старались найти выход из него и неминуемо должны были воспользоваться первым представившимся удобным случаем, чтобы вернуть себе свое прежнее положение и престиж на Ближнем Востоке и восстановить равновесие в пользу Тройственного союза. Таким удобным случаем и явилось убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Из разговоров с моими коллегами и особенно со склонным к откровенности моим германским сотоварищем я вынес убеждение, что и они смотрят на решительный шаг Австрии, предпринятый, несомненно, с ведома и согласия Германии, как на средство восстановления ею своего прежнее положения на Балканском полуострове и возвращения преобладающего значения в Турции Тройственному союзу, — значения, нарушенного, по их мнению, торжествем панславизма, на который они довольно откровенно указывают, над идеей пангерманизма, о которой они предпочитают пока умалчивать.

Предъявленный Австро-Венгрией Сербии ультиматум, столь необычный в истории международных сношений и проводящий столь опасный принцип допустимости порабощения великими державами более мелких государств, должен был, в случае его принятия Сербией, поставить последнюю в беспаспортное положение по отношению к Австро-Венгрии. Ответ Сербии был признан неудовлетворительным, австрийский посланник покинул Белград, дипломатические сношения между двумя государствами прерваны, и, по-видимому, с минуты на минуту следует ожидать начала военных действий" [84].

"Я считаю своим долгом, — докладывая посолу России в Турции, — обратить внимание вашего превосходительства на то, что успешное завершение предпринятого Австро-Венгрией шага будет иметь также результатом полное разрушение нашего престижа и добытого путем стольких жертв и усилий положения на Ближнем Востоке, самым пагубным образом отразится на всех наших экономических интересах и сведет на нет все достигнутые за последние годы результаты. Создастся такое невыносимое для нас положение, что недалеко, быть может, то время, когда мы сами, чтобы найти из него выход, будем вынуждены принять на

себя инициативу войны. В предвидении этого, по крайнему моему убеждению, мы должны быть готовы ко всяким случайностям. Я позволю себе поэтому еще раз вернуться к уже неоднократно возбуждавшемуся мною вопросу, именно к настоятельной и безусловной необходимости возможно более быстрого и значительного усиления нашего Черноморского флота и приведения в полную боевую готовность наших сухопутных сил, чтобы могущая легко наступить минута нашего активного выступления не застала нас врасплох и неприготовленными к нему".

Жесткость требований Австро-Венгрии не явилась неожиданностью ни для правительства Сербии, ни для русских дипломатических представителей в Белграде.

В День вручения австрийского ультиматума поверенный в делах в Белграде В.Ш.Трандтман докладывал министру иностранных дел С.Д.Сазонову: "Понятно поэтому тревога, охватившая не только сербское правительство, но и королевича-регента, который в полном сознании недостатков сербской армии, считает, что с точки зрения австрийской была бы большой "глупостью" не воспользоваться сложившимися обстоятельствами, чтобы предъявить ей по сараевскому делу неприемлемые требования и вызвать вооруженный конфликт" [85]. И далее: "...можно теперь же с уверенностью сказать, что королевское правительство по случаю ожидаемого дипломатического выступления в Белграде... пойдет навстречу всем могущим быть предъявленным требованиям мало-мальски совместимым с достоинством самостоятельного государства".

Провокационный по своей сути ультиматум Австро-Венгрии был с одобрением встречен в Берлине — "Браво! Признаться, от венцев подобного уже не ожидали", — так высказался Вильгельм II об австрийском демарше [86].

Германское министерство предусматривало три возможных и последовательно вытекающих одна из другой международно-политических ситуаций:

1. Первая и наиболее благоприятная ситуация — "локализация" конфликта. Она заключалась в том, что ввиду готовности Германии выступить на защиту Австрии Россия воздерживается от выступления. Франция и Англия воздействуют на царскую Россию "в духе умеренности", не вмешиваясь сами в австро-сербский конфликт. Таким образом Австрия получает возможность свободно расправиться с Сербией и перекроить карту Балкан в пользу австро-германского союза.

"Локализация" конфликта была наиболее выгодным вариантом решения вопроса для австро-германского блока, так как позволяла последнему захватить преобладающие позиции на Балканах за счет России и притом с минимальной затратой сил и средств, не прибегая к европейской войне. Правда, война могла дать австро-венгерскому блоку большие выгоды (в случае поражения Антанты), чем "локализация конф-

дикта", но она требовала больших усилий, большей затраты сил и средств и была связана с риском поражения.

2. Вторая, менее благоприятная, ситуация — континентальная война. Она требовала большей затраты средств и усилий, чем "локализация конфликта" между Австрией и Сербией, но зато и давала большие выгоды, позволяя в случае успеха ограбить побежденных.

Континентальная война рисовалась германскому министерству иностранных дел приблизительно в таком духе: Россия вмешивается в конфликт, выступая на защиту Австрии и в войну втягивается Франция. Но война является континентальной, поскольку Англия сохраняет нейтралитет. Как известно, военно-стратегическая ситуация на суше не вызывала сомнений у германского генерального штаба в возможности разгромить до 1917 г. французскую и русскую армии. Континентальная война позволяла ограбить побежденных — Францию и Россию — и, окрепнув за счет этого грабежа, подготовиться к решительной схватке с Англией.

3. Третья, наиболее рискованная, ситуация — Англия принимает участие в войне, и континентальная война превращается в мировую. В этом варианте австро-германский блок играл "ва-банк", но зато победа решала вопрос о мировой гегемонии в пользу Германии и обеспечивала передел мира, в частности колоний, согласно мощи и силе германского империализма [87].

Начался июльский кризис 1914 года. Таким образом, быть или не быть войне с учетом агрессивных устремлений Австро-Венгрии, опиравшейся на поддержку Германии, зависело от России. Достаточно было уступить очередной раз давлению центральных держав, отступить от Сербии, пожертвовать своими геополитическими интересами в регионе и мировая война не вспыхнула бы летом 1914 г. и очередной раз была бы отсрочена. Надолго ли?

Алексеев М.В.
обер-квартирмейстер ГУГШ
(1906 - 1908 гг.)

Балтійський А.А.
помічник делопроизводителя ГУГШ
(1908 - 1911 гг.)

Балтійський А.А.
помічник делопроизводителя ГУГШ
(1908 - 1911 гг.)

Батюшин Н.С.
старший адъютант штаба Варшавского ВО
(1905 - 1914 гг.)

Бодэ А.К.
военный агент в США
(1908 - 1912 гг.)

Болховитинов Л.М.
делопроизводитель ГУГШ
(1906 - 1911 гг.)

Головин Н.Н.
автор работ по организации разведки,
изданных в 1914 г.

Данилов Ю.Н.
генерал-квартирмейстер ГУГШ
(1909 - 1910 гг.)

Дьяконов П.П.
помощник военного агента в Великобритании
(1914 г.)

Егорьев В.Н.
делопроизводитель ГУГШ
(1908 - 1910 гг.)

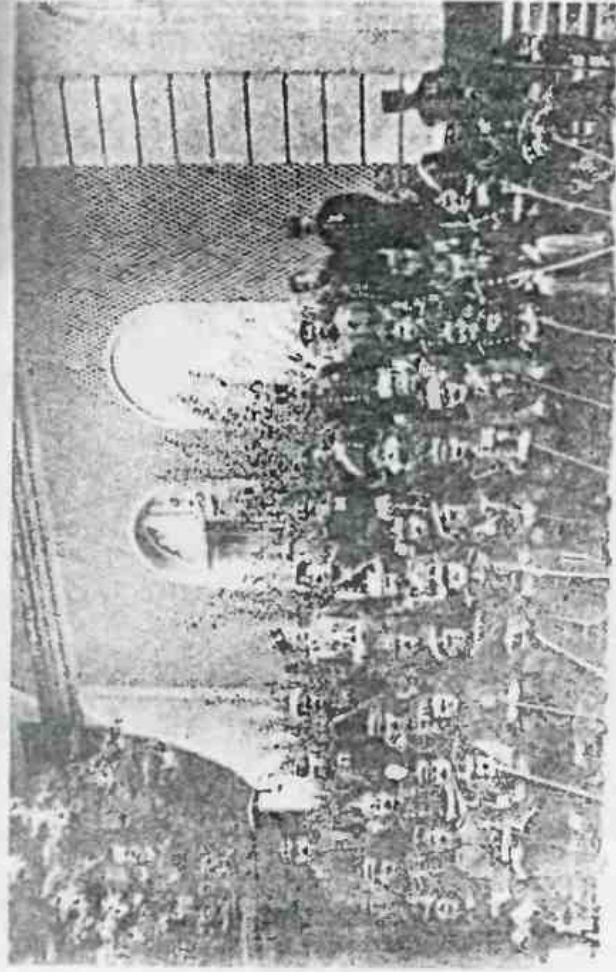

Запкевич М.И.
военный агент в Австро-Венгрии
(1910 - 1913 гг.)

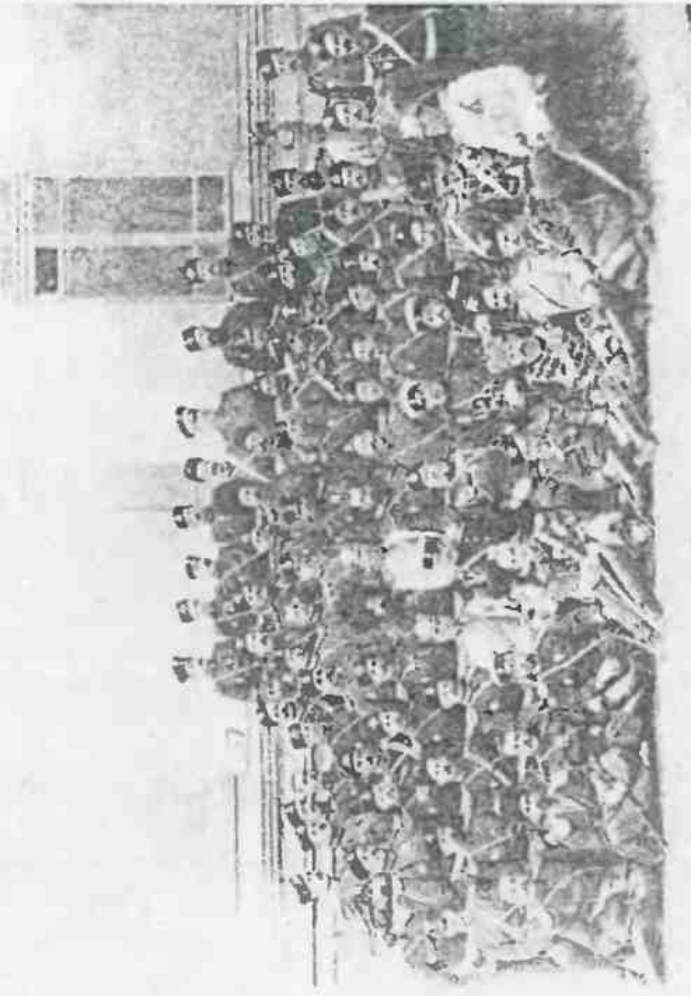

Игнатьев А.А.
русский военный агент в странах Скандинавии и
Франции
(1908 - 1918 гг.)

Групповой снимок военных агентов при иностранных посольствах во Франции (1914 г.)
(Игнатьев А.А. - верхний ряд, четвертый слева)

Выпуск Николаевской Академии Генерального штаба 1902 г.
Игнатьев А.А. - крайний справа в 1 ряду.

Место захоронения Игнатьева А.А. на
Новодевичьем кладбище

Коринлов Л.Г.
военный агент в Китае
(1907 - 1911 гг.)

Лебедев Л.И.
делопроизводитель ГУТШ (1906 - 1909 гг.)

Повицкий В.Ф.
медицинский делопроизводитель канцелярии
генерал-квартирмейстерской части Главного
Штаба
(1901 - 1903 гг.)

Одинцов С.И.
помощник делопроизводителя ГУГШ
(1906 - 1912 гг.)

Маншере́йм К.Г.
командировки с разведывательными целями во
внутреннюю Монголию, западные районы
Китая, Пекин
(1907 - 1908 гг.)

Накашидзе
и.о. военного агента в Брюсселе
(1914 г.)

Одинцов С.И.
помощник делопроизводителя ГУТШ
(1906 - 1912 гг.)

Палицын Ф.Ф.
начальник Генерального штаба
(1905 - 1908 гг.)

Потапов Н.М.
помощник военного агента в Вене
(1901 - 1903 гг.)
военный агент в Черногории
(1903 - 1916 гг.)

Потапов Н.М.
помощник военного агента в Вене
(1901 - 1903 гг.)
военный агент в Черногории
(1903 - 1916 гг.)

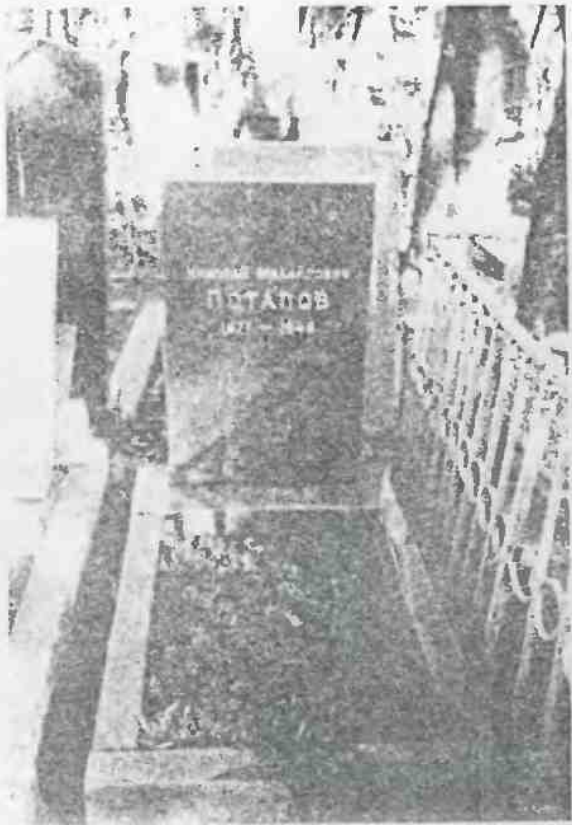
Самоїло А.А.
делопроизводитель ГУГШ
(1909 - 1914 гг.)

Самоїло А.А.

делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Ставки (1914 - 1915 гг.)

Место захоронения Потапова Н.М. на
Новодевичьем кладбище.

Ромейко-Гурко Д.И.
военный агент в Швейцарии
(1908 - 1916 гг.)

Самойло А.А. (1915 г.)

А.А. Самойло в штабе Западного фронта
(зима 1915/16 года)

Западный фронт, Генерал Эверт наблюдает за ходом наступления полка 1916 г.
(в центре - А.А. Самойло)

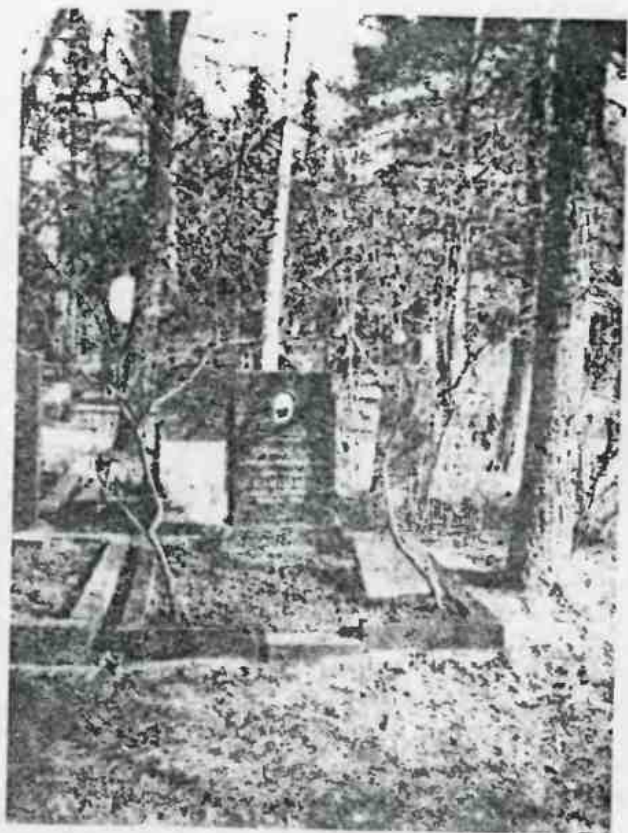

Самойло А.А.
инспектор Главного управления военных
учебных заведений РККА
(1923 г.)

Самойло А.А.
Последние годы жизни
(1963 г.)

Место захоронения Самойло А.А. на
Новодевичьем кладбище

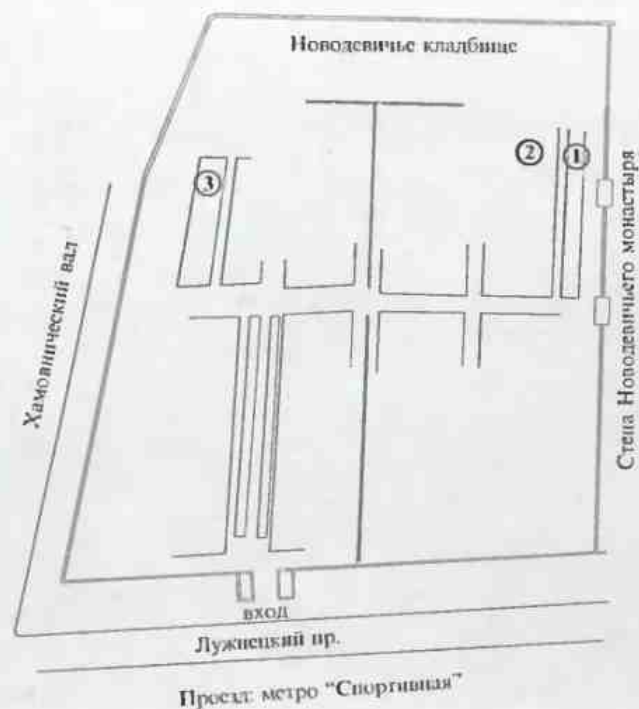

Схема участков Новодевичьего кладбища
(г. Москва), где захоронены Игнатъев А.А.,
Потанов Н.М. и Самойло А.А.

- ① Игнатъев А.А.   уч. 3, ряд 63, могила 74
- ② Потанов Н.М.   уч. 3, ряд 34, могила 5
- ③ Самойло А.А.   уч. 8, ряд 40/41, могила 5

Свечин А.А.
делопроизводитель ГУГШ
(1913 г.)

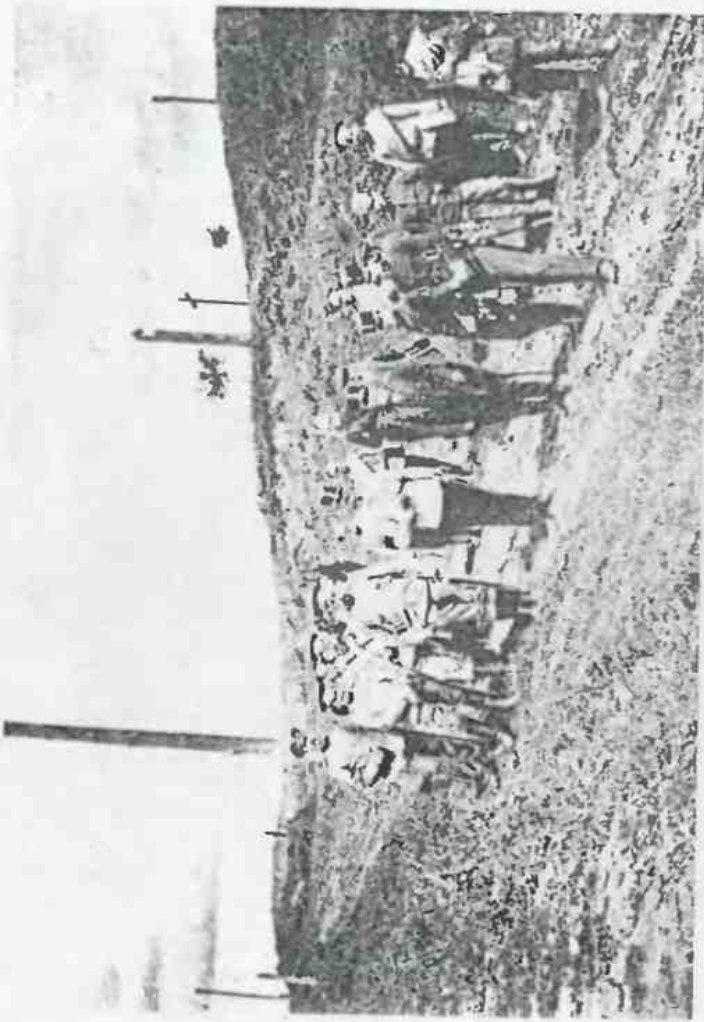

Снесарев А.Е. (второй слева)
 помощник делопроизводителя ГУГШ (1906 - 1908 гг.)
 делопроизводитель ГУГШ (1908 - 1910 гг.)

Снесарев А.Е. (1 ряд, третий слева)
 помощник делопроизводителя ГУГШ (1906 - 1908 гг.)
 делопроизводитель ГУГШ (1901 - 1910 гг.)

Снесарев А.А. (четвертый слева)
помощник делопроизводителя ГУГШ (1906 - 1908 гг.)
делопроизводитель ГУГШ (1908 - 1910 гг.)

Судейман Н.А.
обер-офицер для поручений при штабе
Туркестанского ВО
(1913 - 1914 гг.)

Шапошников Б.М.
старший адъютант штаба
14 кавалерийской дивизии
(1914 г.)

Шапошников Б.М.
старший адъютант штаба
14 кавалерийской дивизии
(1914 г.)

6. РОССИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

6.1. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА РОССИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ О ВЕРОЯТНЫХ ПРОТИВНИКАХ

Янушкевич Н. Н.
начальник Генерального штаба
(1914 - 1915 гг.)

Планы предстоящей войны включали в себя основную стратегическую идею использования вооруженных сил, направление главного удара и соответствующие ему развертывание и группировки. Они содержали также совокупность мероприятий по проведению мобилизации и ее прикрытию, осуществлению перевозок войск в установленные районы сосредоточения.

При разработке плана войны германский генеральный штаб исходил из необходимости избежать одновременного ведения ее на двух фронтах — против России и против Франции. При этом основным вопросом стратегии кайзеровский генеральный штаб считал определение направления первого и решающего удара — по Франции или по России. Вести наступление одновременно на двух фронтах Германия не могла, поскольку численность вооруженных сил противников всегда была не в пользу последней. В период с 1871 по 1879 г., когда военная гегемония Германии в Европе была бесспорна, Мольтке считал все-таки возможным наступать одновременно против обоих вероятных противников. Позже, когда Франции удалось быстро восстановить свои силы, а русско-турецкая война 1877—1878 гг. показала медлительность русской мобилизации, возникла новая идея плана войны — громить противников по очереди; первоначально нанести удар по Франции, чтобы быстро покончить с ней, пока Россия будет проводить мобилизацию, и только после этого при помощи Австро-Венгрии ударить по России и разгромить ее [1].

Дальнейшее усиление французской военной мощи и особенно возведение Францией сильных крепостей на ее восточной границе вызвало у творцов германского плана войны сомнение в возможности добиться быстрой победы над французской армией, численно почти сравнявшейся с германской. Германские стратеги теперь склоняются к мысли о перенесении направления главного удара на Восток — против России. Для временной обороны против Франции на участке границы в 270 км. между Бельгией и Швейцарией выделялась лишь половина сил, опиравшихся на крепости Мец и Страсбург. Этот план стал тем более заманчивым после заключения в 1879 г. союза с Австро-Венгрией, когда можно было рассчитывать на действительную помощь со стороны австро-венгерской армии.

С течением времени сроки мобилизации и развертывания французской армии настолько улучшились, что она уже опережала в этом гер-

манскую армию. Из двух вероятных противников Франция стала уже более опасным. Ее войска можно было ожидать на германской границе гораздо раньше, чем русские, на завершение мобилизации и сосредоточение которых, по расчетам германского генерального штаба, требовалось не менее 40 дней. За это время немцы рассчитывали закончить войну во Франции, а затем бросить все силы против России. Поэтому в августе 1892 г. новый начальник германского генерального штаба генерал фон Шлиффен, назначенный на этот пост в 1891 г., пришел к выводу, что в войне на два фронта добиваться быстрой победы следует первоначально над Францией, и решил развертывать в будущем главные силы против Франции, ограничившись на Востоке небольшим заслоном против России. Это стратегическое решение было положено в основу нового плана войны, по которому Германия и развернула свои силы в 1914 г. Продолжавшееся укрепление французской границы от Вердена до Бельфора привело германское командование к мысли о необходимости обхода линии французских укреплений правым крылом севернее Вердена. План 1898 г. уже предусматривал направление обхода через Люксембург и Южную Бельгию. Эта идея стала основой для дальнейшей разработки германского плана войны на Западном фронте. Свое окончательное оформление она нашла в меморандуме Шлиффена 1905 г. "Война против Франции" [2]. Грандиозное охватывающее движение намечалось западнее Парижа с тем, чтобы прижать французскую армию к ее восточной границе и быстро разгромить совместно с развернутыми здесь другими германскими силами. После этого следовало повернуть все силы на Восток для разгрома России. В основу этого замысла была положена идея быстротечной войны. Всю войну на Западе предполагалось закончить за 6—8 недель.

В меморандуме Шлиффена нашла свое концентрированное выражение авантюристическая доктрина "блицкрига", в которой наиболее рельефно проявилась характерная особенность политики и стратегии Германии начала XX века — переоценка собственных сил и недооценка потенциальных возможностей противников. Шлиффен не придавал серьезного значения английской помощи Франции, полагая, что британский кабинет ограничится посылкой на континент небольшого экспедиционного корпуса, который без особых усилий будет разгромлен превосходящими силами правофланговых германских армий. Еще более существенный просчет допускался германским генеральным штабом относительно боеспособности русской армии. В немецких политических и военных кругах в 1905 г. укоренилось ошибочное мнение, что вооруженные силы России серьезно ослаблены в результате русско-японской войны и будут не в состоянии выступить в поддержку Франции, в случае если Германия начнет против нее войну. И хотя в последующие годы военно-политическое положение Германии ухудшилось, а пере-

осктива войны одновременно на два фронта становилась все более неизбежной, Шлиффен продолжал требовать от своего генерального штаба неукоснительно придерживаться этого плана и вносить в него как можно меньше корректив. Идеи, изложенные в меморандуме "Война против Франции", стали своего рода "завещанием" Шлиффена перед его уходом в отставку с поста начальника генерального штаба и продолжали оставаться основой всех последующих планов стратегического развертывания, ибо сама концепция "молниеносной войны" наиболее полно отвечала агрессивным устремлениям Германии.

Вступивший после Шлиффена в должность начальника генерального штаба Мольтке-младший, оставив без изменения основную стратегическую идею Шлиффена о широком охватывающем движении правого крыла, принял начиная с 1908 г. следующее распределение сил: в районе Меца и севернее от него до Крефельда на фронте в 190 километров развертывались в пяти армиях (1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я) 17 армейских и 9 резервных корпусов, 11 кавалерийских дивизий и 17 ландверных бригад. В Эльзасе и Лотарингии от Меца до швейцарской границы на фронте около 200 км развертывались в двух армиях (6-й и 7-й) 6 армейских и 2 резервных корпуса, не считая гарнизонов крепостей Меца и Страсбурга, и 3 кавалерийские дивизии. На них возлагалась задача не допустить вторжения французов в Эльзас и Лотарингию и активными действиями связать как можно больше войск противника, облегчив тем самым действие сил на главном направлении. В Восточную Пруссию была назначена 8-я армия в составе 3-х армейских и 1-го резервного корпусов, 1-й резервной дивизии (всего 9 полевых и резервных дивизий), 1 ландверная дивизия и 2-е ландверные бригады, 1 кавалерийская дивизия и некоторое количество крепостных гарнизонов (в общей сложности до 2,5 дивизий). Один ландверный корпус развертывался в Силезии для связи с австро-венгерской армией (он был подчинен 8-й армии).

Для обороны северного побережья Германии и островов на Балтийском море на случай высадки вражеского десанта предназначался 9-й резервный корпус и четыре бригады ландвера, составляющие Северную армию.

Германия рассчитывала вести войну против России не одна, а совместно со своей союзницей — Австро-Венгрией. Большие надежды германский генеральный штаб возлагал также на то, что на стороне Германии выступит и Румыния, которая в 1883 г. заключила на этот счет тайную конвенцию с Австро-Венгрией. Таким образом, германский генеральный штаб планировал использование на Восточном театре помимо незначительных германских сил, австрийские и даже румынские войска, общей численностью 25—30 корпусов. Это составляло уже значительную вещь, если учесть, что Германия против Франции выставляла 34 корпуса.

Оперативный замысел германского генерального штаба накануне войны сводился к следующему: "Главные силы германских войск должны

наступать во Францию через Бельгию и Люксембург. Их наступательный марш задуман в соответствии с имеющимися данными о французском развертывании, как захождение при удержании оси вращения Диденгофен-Мец. При развитии захождения руководящим является правый фланг германских войск. Движение армий на внутреннем фланге рассчитывается так, чтобы не было потеряно взаимодействие армий и стык Диденгофен-Мец. Защиту левого фланга главных сил германских войск, кроме крепостей Диденгофен, Мец, должны взять на себя и части, развертывающиеся юго-восточнее Меца" [3].

На Восточном фронте против России задача германских войск воина характер стратегической обороны. Сосредотачиваемые в Восточной Пруссии войска должны были задержать вторжение русских сил, замедлять их наступление к Нижней Висле до переброски главных сил Германии с Западного фронта после поражения французов. Срок такой переброски намечался через 6 недель от начала операций на Западе.

До этого времени главная тяжесть борьбы с русскими на Восточном фронте выпадала на австро-венгерские силы, причем по соглашению 1909 г. между Мольтке и начальником австро-венгерского генерального штаба генералом Конрадом Геццендорфом, Германия обещала выставить против России 12—14 полевых и резервных дивизий в Восточной Пруссии и отдельный ландверный корпус в Силезии.

Генеральный штаб Австро-Венгрии со времени заключения союзного договора между Австро-Венгрией и Германией разрабатывал планы операций на вероятные случаи войны, и соответственно с ними в период последних 25 лет перед войной им была установлена целая система оперативных комбинаций, сущность которых сводилась к следующему: развертывание австро-венгерских сил общей численностью около 1100 батальонов пехоты предусматривало 3 "оперативных эшелона". "Эшелон А", соответствующий "случаю войны R" (с Россией) включал больше половины армии (7/12) и предназначался против России. Он состоял из 28 пехотных и 10 кавалерийских дивизий и требовал для сосредоточения в Восточной Галиции 18 дней. Другой — "эшелон С", соответствующий "случаю войны В" (на Балканах), — представлял "минимальную группу Балкан" и предназначался при всяких военно-политических условиях для действий против Сербии и Черногории. Он состоял из 8 пехотных дивизий, сведенных в 3 корпуса, расположенных в мирное время вдоль южной границы Австро-Венгрии. Третий — "эшелон В", соответствующий "случаю войны I" (с Италией), — включал менее 1/4 всех сил, т.е. 12 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Этот эшелон предназначался в качестве оперативного резерва на оба фронта. Если в случае балканского конфликта Россия осталась бы спокойной, то "эшелон В", усиленный еще 2 кавалерийскими дивизиями из "эшелона А", перебрасывался вместе с "минимальной группой Балкан" к границе

Сербии для нанесения сокрушительного удара Сербии. Если же Россия приняла бы вооруженное участие в балканском конфликте, то "эшелон С" должен был бы быть направлен в Галицию вслед за "эшелонами А" после 18-го дня мобилизации [4].

Стратегический замысел действий против России заключался в том, чтобы частью сил (левым крылом) наступать на Север, а затем повернуть на Восток и совместно с правым крылом австро-венгерской группировки разбить сосредоточенные у Проскурова русские войска, отбросить главные силы русских к Черному морю или к Киеву, прервав их сообщения с севером через Подолье. При этом рассчитывали на наступление немцев из Восточной Пруссии, обещанное Мольтке в письме к Конраду от 19 мая 1909 г. [5].

В связи с изменением военно-политического положения в 1913 и 1914 г.г. Конрад ввел частичные поправки в австрийский план операции. Сомнение насчет верности союзу Италии вынудило снять с расчета 4 германские дивизии, которые Мольтке обещал сосредоточить в Силезии сверх ландверного корпуса, а число германских дивизий в Восточной Пруссии было уменьшено с обещанных 12-14 до 9; тяжесть русского удара на Востоке все более ложилась на австрийцев. Еще чувствительнее сказалась намечавшаяся тенденция к переходу Румынии на сторону Антанты. До сих пор на румынскую армию возлагалась надежда, что она в составе 10 дивизий развернется в Молдавии и притянет на себя русские войска Одесского округа, т.е. 7-ю и 8-ю армии в Бессарабии и Подольи.

С выходом Румынии из союза пришлось принимать меры, чтобы отодвинуть назад развертывание правофланговой австро-венгерской группы в Восточной Галиции, чтобы не подвергать ее удару со стороны 3-й и 8-й русских армий. А этот отвод правого крыла отражался и на развертывании 1-й и 4-й австро-венгерских армий, предназначавшихся для вторжения в Польшу между Вислой и Бугом. Их развертывание приходилось отнестись на Запад и упереть их левый фланг в реку Вислу, чтобы ближе примкнуть к германским войскам и сохранить за собой свободу маневра по тому или другому берегу Вислы. В случае неудачи австро-венгерские армии скорее могли бы быть отведены за реку Сан в Западную Галицию, и легче можно было бы избежать оттеснения их на Юг — за Карпаты.

Предположения о таком изменении австро-венгерского развертывания впервые намечены были Конрадом летом 1913 г. К 1 апреля 1914 г. это развертывание было окончательно разработано, но весной этого года Конрад выработал новый план с целью "осадить" еще более австрийский фронт на линии рек Сана и Днестра. Как только определилась вероятность войны на два фронта, был окончательно утвержден для русского фронта выработанный зимой план, и управление железных дорог было

даны указания относительно новых станций выгрузки в районах сосредоточения. Потребовалось изменение 84 маршрутов, которые спешно были переработаны в течение июля 1914 г., и вся работа по изменению стратегического развертывания австрийцев в Галиции была закончена к первому дню частной мобилизации австрийцев 28 июля.

На сербском фронте план Конрада предусматривал развертывание трех армий: 2-й армии — по течению рек Савы и Дуная, по обе стороны Белграда; 5-й армии — по левому берегу реки Дрины, до впадения ее в реку Саву, и 6-й армии — в Боснии, между Сараевым и сербской границей. Эти армии должны были вторгнуться в Сербию с севера и с запада и обойти сербскую армию с обоих флангов [6].

Добываемая русской военной разведкой информация была ограниченной и носила в целом чисто военный характер. Во главу угла перед разведкой была поставлена задача вскрытия планов войны с Россией ее вероятных противников и отслеживание проведения ими мобилизационных мероприятий.

У русского Генерального штаба не вызывало никаких сомнений, что боевые действия придется вести против Германии и Австро-Венгрии одновременно, что постоянно учитывалось во всех планирующих документах.

К началу первой мировой войны русской разведке так и не удалось добыть планы стратегического развертывания германских войск и ведения ими первых операций в виде единого, единого документа. Однако предложения по продаже таковой поступали неоднократно, и после 1908 г. не отклонялись по тем или иным причинам — при наличии сомнений в достоверности документа, в случае подозрений, вызываемых личностью самого "продавца", а также невозможности сойтись в цене документа или договориться об условиях его продажи.

Пожалуй самым большим заблуждением русского Генерального штаба, которое наложило отпечаток на планы войны России с вероятными противниками, было допущение возможности того, что первый удар Германии может быть нанесен по России. К этому следует добавить завышение численности германских войск, которые предназначались к действиям против России, в случае направления в начале войны основных сил Германии против Франции. Отсюда и не адекватное обставкам планирование стратегического развертывания собственных войск. Так, в докладе по ГУГШ от 30 сентября 1908 г. отмечалось, что сухопутные силы Германии составят после проведения мобилизации 46 корпусов (из них 23 резервных) и 19 кавалерийских дивизий (из которых 8 резервных) [7]. Исходя из вышеозначенной завышенной цифры (41 корпус в действительности), в Докладе делался вывод, что Германия имеет возможность направить подавляющую массу войск против одного из противников, оставляя на другом фронте заслон в

18—20 корпусов. "Заслон" этот, по мнению авторов, должен был выставляться против России.

При выделении на второстепенный фронт 18—20 корпусов для главного театра оставалось 26—28 корпусов, что нельзя было ни в каком отношении считать подавляющим. Такое распределение войск, в особенности при направлении главного удара против Франции, более подходило бы к категории расплывчатого и половинчатого решения, что никогда не было достоянием германского генерального штаба. Не говоря уже о том, что в наличие подобного "заслона" было вполне достаточно для проведения Германией наступательных операций на Восточном фронте.

Завышение данных о германских силах (18—20 корпусов вместо 4-5 в действительности), предназначенных для сосредоточения на границах России, сказалось на плане стратегического развертывания русских войск 1908 г. по мобилизационному расписанию № 18.

Так, планом предусматривалось оттянуть сосредоточение формируемых армий с линии рек Вислы и Нарвы в глубь страны на фронт Белосток-Брест и эшелонировать их в две линии. Отнесение районов сосредоточения, по мнению его авторов, должно было снять опасность выхода германских войск в тыл передовым войскам. В целом план развертывания 1908 г. по своему содержанию отличался равномерным распределением сил и средств, стремлением прикрыть все пространство вдоль западной границы, преувеличением сил противника, отсутствием оперативных группировок для наступления, что являлось в определенной степени воздействием гадания за противника из-за нехватки разведывательных данных.

В 1910 году в Управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба был подготовлен доклад "Силы, средства и вероятные планы наших западных противников". В случае борьбы Тройственного союза с Двойственным (Россия и Франция) предполагались возможными два варианта:

"1) Когда главные силы Германии будут сначала направлены против Франции, и

2) Когда они сначала будут направлены против России" [8].

В первом случае в состав действующих против России объединенных сил Германии и Австро-Венгрии, по расчетам ГУГШ, входило 6 корпусов или 25 пехотных и 3 кавалерийских германских дивизии. По второму варианту против России, по оценке авторов доклада, Германией должно было быть выставлено 63 пехотных и 8 кавалерийских дивизий сведенных в 18 корпусов. Этот доклад был положен в основу утвержденного в 1910 году плана стратегического развертывания русских войск применительно к мобилизационному расписанию № 19 этого же года. В указаниях командующим войскам, на случай войны с державами Тройственного союза говорилось: "Германия, Австро-Венгрия

и Румыния превосходят нас в скорости мобилизации и сосредоточения. Пользуясь этим обстоятельством они, вероятно, начнут войну быстрым вторжением в пределы нашего отечества. Такой способ действий для них возможен даже в случае, если Германия разделит свои силы для одновременной борьбы с нашей союзницей, Францией" [9].

Вследствие этого принималось решение об отходе в глубь империи. Всем армиям ставилась первоначальная задача: сосредоточиться в южных районах с целью задержать активными действиями войска, собравшихся к югу от Полесья, наступление австрийских армий; создать к северу от Полесья возможно благоприятную обстановку для перехода совокупными силами в общее наступление.

Лейтмотивом директивных указаний являлось желание провести сосредоточение и развертывание всех предназначенных на Европейском театре военных действий русских войск в полной безопасности. Но это доставалось ценой ухода русских войск с Передового театра с составлением всего лишь 2-х пехотных дивизий в единственной крепости Новогеоргиевск, отстоящей от первой линии основных войск на 200 км.

1 мая 1912 г. были "высочайше утверждены" новые "Указания командующим войсками на случай войны с Тройственным союзом" — это были новые, а точнее новые планы стратегического развертывания русских войск 1910 г. по мобилизационному расписанию № 19, которое подверглось коренным изменениям, однако продолжало сохранять свое название.

Новый план стратегического развертывания сохранил от предыдущего допущение, что Германия может направить основную массу своих войск как против Франции, так и против России. "В зависимости от обстановки, которая определится в начале войны, — отмечалось в указаниях, — подлежит разработке два плана вероятного развертывания наших сил:

1) для направления большей их части против Австро-Венгрии (план "А"), и

2) для направления их против Германии (план "Г")" [10].

В новом плане остались также неизменными цифры, выставленные Германией против России войск в обоих рассматриваемых случаях. В остальном же план стратегического развертывания существенно образом отличался от предыдущего, так как носил наступательный характер.

Так, по плану "А", общая задача сосредоточения была сформулирована следующим образом: "Переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы".

По плану "Г" предусматривался "переход в наступление против германских войск, угрожающих нам со стороны Восточной Пруссии, парализуя действия противников на остальных фронтах".

Указания давали возможность главнокомандующему не позднее 11-го дня мобилизации решить, по какому из планов надо действовать и в каком направлении наносить главный удар. Зайончковский по этому поводу писал: "Если анализировать в деталях весь проект 1912 г., то можно усмотреть, что полководцу при подвозе главных войск к театру войны легко было комбинировать в деталях ту или иную группировку по фронтам в зависимости от его оперативной идеи. Развертывание войск на широком фронте с охватами флангов двух вдававшихся в русскую территорию неприятельских клинов не только еще более облегчало перегруппировку войск в смысле лучшего использования рельсовой сети, но и давало в руки полководца более широкие возможности в смысле разнообразного применения его оперативных идей" [11].

Планы стратегического развертывания 1912 г. отвечали и союзническим обязательствам России — начать наступление против Германии с целью привлечь на себя германские силы с Западного фронта. Так, согласно "Протокола совещания начальников русского и французского Генеральных штабов" от 30 июня (13 июля) 1912 г., Россия заявляла о своей "решимости сконцентрировать против Германии военные соединения численностью по меньшей мере в 800 000 человек и дать почувствовать наступательное действие своих армий тотчас после 15-го дня мобилизации" [12].

С начала 1913 г. началась работа по выработке "Предположений" о новом развертывании вооруженных сил. 23 сентября этого же года были утверждены очередные "Основные соображения по развертыванию русских вооруженных сил при войне с державами Тройственного союза" по мобилизационному расписанию № 20 [13]. Введение нового плана стратегического развертывания было намечено на осень 1914 г.

Варианта "Г", соответствовавшего тому случаю, когда Германия направит значительные силы против России в новом плане развертывания не было. Но такая возможность по-прежнему не исключалась, в связи с чем предусматривались мероприятия для соответственного изменения основного плана развертывания. План стратегического развертывания 1913 г. исходил из того, что на русском фронте Германия оставит до 6 корпусов и 10 — 13 резервных дивизий, до 25 пехотных дивизий в целом и соответствовал плану "А" стратегического развертывания 1912 г., с некоторым изменением его, по утверждению А.М.Зайончковского, "в хорошую сторону" [14].

Так как первым делом мобилизации было объявлено 18(31) июля 1914 г., русская армия мобилизовывалась по расписанию № 19. План "А" был признан основным и развертывание должно было производиться строго по указаниям 1912 г. и приложенным к ним боевым расписаниям с последовавшими изменениями [15].

Весной 1914 г. в Генеральном штабе вновь вернулись к двум возможным вариантам войны России со своими потенциальными против-

никами. Так, в Записке ГУГШ "О вероятных планах Тройственного союза против России" по данным на 1(14) марта 1914 г. с необъяснимой категоричностью продолжали утверждать: "Враждебное выступление держав Тройственного союза против Франции и России может вылиться в форму двух наиболее вероятных случаев:

1) Когда главные силы Германии будут в начале войны направлены против Франции, и

2) Когда главные силы Германии будут в тот же период войны направлены против России" [16].

В первом случае Германия оставляла против России не свыше всех тех же 25 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, а во втором развертывала в Восточной Пруссии 63 пехотных и 8 кавалерийских дивизий.

Если цифра германских войск, предназначенных для развертывания против России (независимо от рассматриваемого варианта нанесения первого удара), постоянно завышалась ГУГШ, то общая цифра германских войск приводилась достаточно верно. Начиная с 1910 г., русский Генеральный штаб исходил из того, что "максимальное развертывание германских вооруженных сил, к которому немцы стремятся" составляет 102 пехотных (50 полных и 52 резервных) и 11 кавалерийских дивизий [17]. В действительности, по разным источникам Германией после проведения мобилизации в 1914 г. было развернуто на обоих фронтах от 94,5 пехотных и 11 кавалерийских дивизий [18] до 102,5 пехотных и 11 кавалерийских дивизий [19] и 103 пехотных и 11 кавалерийских дивизий [20]. Как отмечал в своем Заключении на записку генерального штаба Франции о планах войны Германии и ее союзников генерал-майор Михельсон в 1911 г., все расчеты проводились исходя из "целого ряда косвенных и прямых данных" на основании "совокупности сведений, полученных как через меня, так и иными путями, главным образом из Варшавского военного округа" [21]. "По нашим предположениям, германцев больше на 13 дивизий, если считать по дивизиям и на 17 бригад, если сравнивать по числу бригад", отмечал бывший военный агент в Берлине. В отличие от Генерального штаба России французы "к худшему" не готовились и не приняли к сведению русские расчеты.

Готовность Германии "к переходу в наступление всеми соединенными силами" определялась ГУГШ на 13-й день утром [22], что в целом соответствовало действительности. Так, германские армии были полностью перевезены в намеченные для них районы на бельгийской и французской границах к 4(17) августа — на 16-й день. В Восточной же Пруссии развертывание германских сил закончилось уже к 28 июля (10 августа) — на 9-й день [23].

"Союзники имеют преимущество в скорости изготовления, поэтому весьма вероятен переход инициативы, с открытием военных действий в их руки", — отмечалось в записке ГУГШ "О вероятных планах Трой-

ственного союза против России" от 1(14) марта 1914 г. [24]. Это же мнение было вынесено в "Общее заключение" документа; подготовленного Генеральным штабом накануне войны: "Из изложенного в настоящей записке видно, что наши вероятные противники на западной границе, имея возможность собрать весьма значительные силы и пользуясь более ранней готовностью, могут открыть военные против нас действия вторжением в наши пределы" [25].

В целом в основу всех рассуждений Генерального штаба была "положена осторожность, расчет в преувеличенно хорошую сторону для врага, гадание о том, что он может сделать и вывод, сводящийся к убеждению, что противная сторона, имея преимущество в ранней готовности, откроет военные действия вторжением в русские пределы" [26].

Именно этот вывод отстаивался Генеральным штабом в последние дни июля 1914 г. при принятии решения об объявлении мобилизации русских войск и определении какой она должна быть, общей или частной.

"Гадательность" постоянно присутствует в рассуждениях ГУГШ при оценке планов войны Германии против России и Франции.

Вместе с тем в распоряжении Генерального штаба России имелся целый ряд отдельных материалов, полученных в том числе и с помощью негласных агентов и имеющих непосредственное отношение к выше упомянутым планам.

Казалось, что направление главного удара Германии не представляет тайны для ее противников. Так, из французской Записки "О планах войны Германии и Австро-Венгрии", переданной России в 1911 г., следовало, что "рассчитывать на быстрый успех немцы могут только на Западном фронте, не подвергаясь при этом особой опасности на Восточном" [27]. Поэтому, по мнению французов, не могло "быть сомнения, что главные силы германской армии с началом кампании будут брошены против Франции".

В "Заключении генерал-майора Михельсона по поводу записки французского генерального штаба о силах, средствах и вероятных планах действий Германии и ее союзников в случае возникновения войны" от 4 июня 1911 г. отмечалось: "Трудно спорить против того, что наиболее вероятным сосредоточением Германии будет направление главных сил против Франции и оставление наименьших возможных сил против России. Французы даже не допускают возможности сосредоточения главных сил против нас..." [28]. И далее следовал неожиданный вывод: "Поэтому мы правильно готовимся к худшему".

В ходе совещания, проведенного в 1912 году начальниками русского и французского генеральных штабов, было высказано "полное согласие" относительно того, что "Германия направит наибольшую часть своих сил против Франции и оставит только минимальную часть своих войск против России" [29]. Более того, очевидным представлялись пла-

ны Германии разгромить французов путем глубокого обхода их левого фланга. Были вскрыты "интенсивная подготовка всей пограничной с Бельгией и Люксембургом полосы, как базы для наступления через территорию этих нейтральных государств" [30]. 26 мая (9 июня) 1914 г. временно исполняющий должность военного агента в Брюсселе и Гааге ротмистр кн. Накашидзе представил в ГУГШ рапорт "К вопросу о возможности нарушения германскими войсками нейтралитетов Бельгии и Люксембурга" [31]. Проведя анализ имеющейся у него информации, Накашидзе сделал следующие главнейшие выводы:

1) *проход германских войск через Бельгию и Люксембург в районе Льеж — Намюр — Люксембург в случае войны Германии с Францией весьма вероятен;*

2) *если бы переход бельгийской и люксембургской границ произошел внезапно, что также очень вероятно, то бельгийская армия не успеет, даже если бы этого и пожелала, оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление этому переходу и дальнейшему продвижению германцев к французской границе".*

К выводу, что первый удар будет нанесен по Франции, основываясь на доказательствах от противного, пришел в марте 1913 года военный агент в Германии полковник Батаров, анализируя результаты командно-штабной игры, проведенной в германском большом генеральном штабе в том же году. Согласно замысла игры, первый удар наносился по России четырьмя германскими и тремя австро-венгерскими армиями. Продвижение армий Тройственного союза вглубь России было приостановлено успехами французских войск на Западном фронте и "на 48-й день мобилизации вторгнувшаяся в Россию немецкая армия начала свой отход и на этом военная игра закончилась" [32]. "Что теперь в случае войны на два фронта действительно отказались от первоначальных действий против России, — утверждал Батаров в рапорте, направленном в ГУГШ, — Вы усмотрите из того, что ныне будет преступлено к совершенно исключительному усилению русско-германской границы".

Планы первых операций Германии на Восточном фронте также, вроде бы не явились тайной для российского Генерального штаба. "Вероятность направления Германией в начале войны главных сил против Франции, — отмечалось в "Основных соображениях по развертыванию Вооруженных сил России при войне с державами Тройственного союза" за подписью начальника Генерального штаба Жилинского от 25 сентября (8 октября) 1913 г., — находит в себе серьезные подтверждения в намеренном последними законопроектными в значительном усилении крепостей Восточного фронта (особенно Познани и Бреслава), а также в некоторых документальных данных добытых путем разведки. При таких условиях на Восточном фронте немцам выгодно оставить возможно мень-

шие силы. По произведенным подсчетам силы эти следует предполагать не свыше 3-6 полевых корпусов и 10 — 13 резервных дивизий" [33].

Полученные русской разведкой задания для полевых поездов германских офицеров и замыслы военных инт в восточных корпусах свидетельствовали о том, что в Восточной Пруссии "почти всегда предусматривалась обстановка борьбы сравнительно слабых германских сил против русских, численно их превосходящих" [34]. А при данной обстановке становились понятными действия германских вооруженных сил с началом войны — "в отходе за линию Мазурских озер и в действиях под прикрытием этих озер по внутренним операционным линиям, впрямь до того времени пока станет возможна переброска дополнительных сил с Западного фронта их на Восток" [35].

В феврале 1912 г. негласный агент "Lupus" докладывал о подготовке Германии к войне с Россией следующее: "Прежде всего предполагается ограничить количество войск, оставаемых против России, это считается возможным вследствие наличия сильной укрепленной линии Вислы и Познанской крепости, а также последовательного за последнее время усиления Бреславльских укреплений..." [36]. К выше перечисленной разведывательной информации следует добавить и полученные с помощью негласной агентуры планы мобилизационного развертывания ряда германских корпусов (в том числе I, XIX), планы крепостей (Пилау, Летцен, Торн и др.), сведения об укреплениях в районе Бреслау, доклад об охране границ и о путях сообщений и т.д.

Казалось бы все, что бы сложить отдельные фрагменты в единую картину. Однако этого не произошло. "Документальных данных о планах развертывания германских армий в нашем распоряжении не имеется, докладывал в апреле 1914 г. генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-лейтенант Ю.Н. Данилов, — поэтому приходится подходить к наиболее вероятному решению путем рассуждений" [37]. И далее на основании уже известных фактов делалось заключение о намерении "Германии вернуть главные силы против Франции", наступая против последней через территории нейтральных Бельгии и Люксембурга. Подобный вывод, сделанный на основании "рассуждений" сохранял определенные сомнения у руководства Генерального штаба в их правильности. Отсюда и отсутствие настойчивости в доведении своей позиции до французов, и отсутствие однозначности при разработке планов стратегического развертывания Вооруженных сил России.

Даже в первые дни войны в России не было уверенности по какому из своих противников Германия нанесет главный удар. 20 июля (2 августа) 1914 года, уже после объявления войны, Главное управление Генерального штаба направило военным агентам России в западноевропейских государствах срочное циркулярное указание: "Во что бы то ни стало, не жалея средств, выясните к 25 июля (7 августа по н.ст.

— примеч. авт.) направление движения группы центральных германских корпусов" [38]. Доставлявшему в срок эти сведения было обещано огромное по тем временам вознаграждение — 20 тыс. рублей.

Правильные выводы можно извлечь даже из фальсифицированных документов, которые специально готовятся с целью дезинформации противника на государственном уровне. Так, бывший 2 обер-квартирмейстер ГУПШ, генерал Борисов, поверивший в подлинность купленной Михельсоном у немцев "Записки о распределении германских вооруженных сил в случае войны" спустя 10 лет после описываемых событий — в 1918 г. — кардинально изменил свое мнение. Борисов составил доклад "По вопросу о германском плане развертывания армии", в котором признал собственные заблуждения [39]. Вместе с тем он указал на сдвиг в сторону правильного подхода к оценке подобных материалов, полученных разведкой. *"Передача через границу поддельных документов дело очень частое в мирное время"*, — писал бывший 2 обер-квартирмейстер. *"Но, если внимательно изучить эти документы, то все же можно отметить то обстоятельство, что в них всегда скрыто, хотя и отдаленное, указание на истину. А потому разведка, правильно и систематически веденная, никогда не пренебрегает документами, хотя бы они и возбуждали сомнения"*, — сделал заключение Борисов.

К этому выводу можно было прийти при соответствующем образе организованном анализе приобретенного Михельсоном документа. Какие подлинные и фальсифицированные данные присутствовали в нем? Записка подтверждала намерение Германии вести войну на два фронта: нанести первый удар по Франции. Реальными были и цифры общего числа военнообязанных Германии, планы немцев формирования на базе левых резервных корпусов, сроки отмобилизования этих корпусов и завершения их развертывания. Все эти реальные факты были приведены одной единственной целью — скрыть истинный характер предполагаемого развертывания германских сил на Западе и ввести в заблуждение русский и французский генеральные штабы. Так, из документа следовало, что большая часть германских войск концентрируется на левом фланге, а это означало, что левый фланг станет доминирующим в ходе первых операций и главный удар будет нанесен по линии французских крепостей. Одновременно предпринималась попытка укрепить страны Антанты в мысли о неизбежности нейтралитета Бельгии. Существенно завышенное число германских армий, развертываемых на Востоке (три вместо одной), должно было убедить Россию в том, что на границе с Российской империей остается достаточное количество войск, способных не только отразить вторжение на территорию Германии, но и вести наступательные действия. Попутно преследовалась цель продемонстрировать потенциальным противникам мощь германских войск, что позволяло рассчитывать на получение от них политических уступок в будущем.

Русская военная агентурная разведка вооруженных сил Австро-Венгрии была в целом результативней, чем разведка германских войск. Практически все стороны военной деятельности Австро-Венгрии отслеживались агентурной разведкой России, включая австро-венгерские планы войны против своих вероятных противников.

Планы стратегического развертывания русских войск 1910 и 1912 гг. составлялись на базе полученных разведкой документальных данных. Последнее, добытое негласным агентом № 25, боевое расписание войск Австро-Венгрии ("на случай войны с Россией") от 1 марта 1913 г. существенно не отличалось от полученных ранее документальных данных, которые были учтены при разработке плана стратегического развертывания 1912 г. (План "А"). По этим документальным данным в Галиции (вдоль границы России от румынской границы до реки Сан у населенного пункта Сиява) развертывались 2, 3, 4 и 1-я австро-венгерские армии. Нанесение главного удара русским войскам предусматривалось между реками Висла и Западный Буг в направлении на город Седлец [40]. Все в Галиции должно было быть развернуто от 43 до 47 пехотных и 11 кавалерийских дивизий, которые "при благоприятной обстановке" могли занять исходное положение к вечеру 15 дня мобилизации [41]. В соответствии с этими исходными данными русские по плану 1912 г. развертывали 4, 5, 3 и 8-ю армии на рубеже Люблин, Холм, Проскуров с задачей концентрическим наступлением охватить противника с обоих флангов и воспрепятствовать отходу его на Юг — за реку Днестр и на Запад — к городу Краков. Как уже отмечалось, ввиду выявившегося нейтралитета Румынии, в течение 1913-1914 гг. Австро-Венгрия изменила стратегическое развертывание своих вооруженных сил, которое не было учтено Генеральным штабом России. В результате, вместо концентрического движения всех войск с целью охвата флангов русские армии наносили только фронтальные удары. Наиболее негативно это изменение развертывания сказалось на ведении первых операций правофланговой 4-й русской армией, наступление которой на Перемишль пришлось "на фронт австрийского расположения". Изменение развертывания австрийских войск не сказалось сколько-нибудь отрицательно на ведении первых операций левофланговой 8-й русской армией. Австро-Венгрия приступила с 15(28) июля к проведению частичной мобилизации в предвидении войны только против Сербии и Черногории — "случай войны В" (на Балканах). Мобилизованные войска "минимальной группы Балкан" и "Эшелона В" должны были быть сведены на сербско-черногорском фронте в три армии — 2, 5 и 6-ю. Перепозка войск этих армий началась 30 июля, а в полночь 31 июля в России была объявлена общая мобилизация. Это в корне нарушило план австро-венгерского командования по сосредоточению войск и оно приняло решение оставить против Сербии и Черногории только 5-ю и 6-ю армии, а 2-ю армию направить обратно в Галицию. Однако

во избежание путаницы с мобилизационными перевозками австро-венгерское командование решило полностью выполнить намеченный железнодорожный график перевозки 2-й армии на Сербский фронт. В результате, 2-я армия была перебронирована на Сербский фронт, где с 12 по 18 августа ожидала обратной перевозки в Галицию и только 8 сентября прибыла к новому месту назначения. Запоздалое прибытие в Галицию войск 2-й армии ослабило в первый период силы сосредоточившейся там австро-венгерской армии и позволило русским бить подвозившиеся войска 2-й армии по частям [42].

Не последнюю роль в успешных действиях Сербии против Австро-Венгрии в ходе первых операций сыграло, по-видимому, знание сербами планов войны Австро-Венгрии на Балканах ("случай войны В"), добытых неслучайным актом № 25.

Изменение стратегического развертывания австро-венгерских войск накануне войны нашло следующее объяснение, — после разоблачения Редья австрийский генеральный штаб, стремясь, якобы, свести на нет ущерб, нанесенный этим "архипредателем", внес изменения в план стратегического развертывания и, в частности, полосу стратегического развертывания отнес на 100—200 км к западу по сравнению с прежним планом [43]. Объяснение, как было показано выше, ничего не имеющее общего с действительностью.

"Русские об этом ничего не знали", — утверждал Макс Ронге, говоря об изменении стратегического развертывания австро-венгерских войск [44]. Так ли это?

Штабом Киевского военного округа ориентировочно в мае 1914 года (на документе отсутствует дата — примеч. авт.) "со значительными затруднениями и крупными затратами была получена копия собственноручной записки императора Вильгельма, переданной германской императорской военной канцелярии для составления письма австро-венгерскому монарху Францу Иосифу" [45]. Вильгельм II констатировал "несомненность сближения Румынии с центром славянской политики". "Сближение это, — выдвигает необходимость принятия следующих мер: ...Безотлагательной подготовки австрийским Генеральным штабом соображений, обеспечивающих быстрое и правильное сосредоточение "австрийских войск по румынскому театру..." Однако это допущение не было принято к сведению Генеральным штабом России.

Русской военной разведке не удалось добыть планы стратегического развертывания ВС Турции на Кавказском фронте. Вместе с тем, поскольку отношения России и Турции были напряженными и было известно о германской ориентации Турции и ее зависимости от Германии, русский Генеральный штаб рассматривал "три возможных варианта войны: 1) Россия в единоборстве с Турцией, 2) Турция входит с самого начала войны в состав враждебной нам коалиции и 3) в начале войны Тур-

ция останется нейтральной, а затем нападет на нас в Закавказье" [46]. В последнем случае — 12 ноября 1914 г. Турция объявила войну Англии, Франции и России — предусматривалась до вступления Турции переброска с Кавказа двух корпусов на европейский театр, а на Кавказ в свою очередь перебрасывался из Туркестана 2-й Туркестанский корпус. Те данные, которые имелись в распоряжении Генерального штаба России, и оценка обстановки в целом, позволили прийти к совершенно правильному выводу, что Турция намеревается действовать на кавказском фронте активно и будет наносить главный удар на Карском направлении. Кавказской армии ставилась задача прикрывать, насколько возможно, свою границу, а в случае невозможности удержаться при значительном превосходстве турок — постепенно отходить на линию Главного Кавказского хребта и удерживать на крайнем левом фланге Баку, а в центре — Военно-Грузинскую дорогу, как главный путь для связи центра России с Закавказьем.

Какова была расстановка политических сил накануне Первой мировой войны и как она виделась в Главном управлении Генерального штаба?

К 1914 г. общее международное политическое положение определялось крайним обострением основных англо-германских, русско-германских, русско-австрийских, франко-германских и других противоречий. Это происходило при наличии двух военных блоков. Несмотря на разделявшие их противоречия, три державы Антанты противостояли германо-австрийскому союзу. Антагонизм между британским и германским империализмом и невозможность одолеть немцев силами только России и Франции делали объективно неизбежным выступление Англии на их стороне, если бы война возникла между франко-русской и германо-австрийской группировками. Обстановка позволяла России и Франции на это рассчитывать; обмен письмами между Греем и Камбопом и особенно англо-французская военно-морская конвенция увеличивали надежность этих расчетов. И все же субъективно у руководителей русской и французской политики полной уверенности в Англии не имелось.

Германия и Австро-Венгрия все больше должны были считаться с возможностью, что им придется встретить своих врагов вдвоем, не располагая помощью Италии, и даже при необходимости держать против нее некоторый заслон на австро-итальянской границе.

Из малых держав Сербия и Бельгия неизбежно оказывались в рядах Антанты. Первая — в силу глубины австро-сербских противоречий; вторая — из-за особенностей германского военного плана (плана Шлиффена), втягивавшего Бельгию в войну и при этом превращавшего ее во врага Германии.

Сотрудничество Англии с франко-русской группой более или менее обеспечивало нейтралитет Испании, Италии и Скандинавских стран.

Во всех этих странах (кроме разве Дании и Норвегии) имелись сильные германофильские группировки в придворных кругах и среди представителей крупного капитала. Но зависимость от морского подвоза и даже уязвимость с моря были в большинстве этих стран столь велики, что при господстве англо-французского флота на морях выступление их против Антанты оказывалось маловероятным; что касается Италии, то австро-итальянские противоречия, независимо от экономических и военно-морских соображений, подталкивали Италию в лагерь Антанты.

Англо-японский союз обеспечил Антанте нейтралитет Японии, закрепленный также франко-японским соглашением и целой серией русско-японских документов.

Важное значение имела позиция США. Серьезные противоречия разделяли их не только с Японией, но и с Англией, и с Германией. Вместе с тем США были связаны с Англией сетью сложных взаимотношений. Последняя не могла ссориться с США, не рискуя безопасностью Канады и Вест-Индии, а также своими гигантскими капиталовложениями как в самих США, так и в Латинской Америке. Но и США, невзирая на остроту англо-американского соперничества в Центральной и Южной Америке, вынуждены были ладить с Англией. Во-первых, несмотря на англо-японский союз, Англия для США все же объективно являлась противовесом Японии. Во-вторых, разрыв экономических связей с Англией означал бы удар по экономическому процветанию США. Удар был бы настолько жестоким, что ни одному своему правительству американская буржуазия этого бы не простила.

США не желали победы и усиления Англии или России. Но победа Германии, установление ее гегемонии во всей Европе их пугала еще больше. Руководящие круги США предпочитали победу трех друг с другом конкурирующих членов Антанты победе Германии, которая, сокрушив Антанту, стала бы безраздельным гегемоном не только Европы, но и большей части Старого Света. В итоге столкновения всех этих противоречивых факторов и сил получилась следующая равнодействующая, определявшая направление американской политики: Антанте был обеспечен по меньшей мере благоприятный нейтралитет США.

К этому следует добавить, что единственный верный союзник Германии — Австро-Венгрия — был крайне немощен и национальная борьба все время грозила привести к окончательному кризису и развалу доскутиной монархии. Таким образом, мировая политическая обстановка грозила для Германии в ближайшие годы резко ухудшиться. Мог наступить давно ожидавшийся крах Австро-Венгрии. И если бы надвигающаяся война началась уже после этого события, положение Германии было бы, конечно, неизмеримо более тяжелым, чем это было в 1914 г., когда Австро-Венгрия еще была цела.

Крупным политическим выигрышем для Германии за 10 лет, прошедших со времени образования англо-французской Антанты, был переход на ее сторону Турции. После балканских войн это являлось несомненным фактом. Правда, первая Балканская война крайне ослабила этого нового немецкого союзника. Но зато вторая Балканская война принесла Германии некоторую выгоду. Если до 1913 г. Антанта могла бросить против центральных держав балканский блок, то вторая Балканская война уничтожила такую возможность, ибо блок этот перестал существовать. К концу 1913 г. в германских правящих кругах укрепилась надежда на лояльность Италии.

Болгария и Румыния превратились в объекты борьбы между центральными державами. Обе группировки стремились привлечь их на свою сторону. Пожалуй, позиции этих двух стран являлись в 1914 г. наименее определенными величинами.

Планы действия русских военно-морских сил разрабатывались для каждого флота отдельно. Для Балтийского моря было разработано несколько планов войны (1907-1909 гг., 1910-1912 гг.). Они неоднократно пересматривались и уточнялись в зависимости от изменений в расстановке сил в Европе и в ее общих стратегических планах, а также от пополнения Балтийского флота новыми кораблями. Все разработанные до войны планы носили в целом оборонительный характер. Исполнявший обязанности командующего флотом вице-адмирал Н. О. Эссен еще в 1908 г. предложил свой вариант начальных действий на море, который предусматривал в качестве первой операции не пассивное ожидание неприятельского флота на голландской минно-артиллерийской позиции в Финском заливе, как это отмечалось планом 1907-1909 гг., а постановку активных минных заграждений у немецких баз и портов с тем, чтобы упредить противника и сорвать выход его флота в море с началом боевых действий. Но Морской генеральный штаб отверг план Эссена, ссылаясь на нереальность успеха такой смелой операции, а главное, на политические мотивы — нежелание правительства брать на себя "инициативу войны" [47].

Развертывание сил Балтийского флота и его первоначальные действия были осуществлены по плану 1912 г. В основу этого плана было положено оперативное-стратегическое взаимодействие флота с сухопутными войсками для обороны побережья Финского залива и столицы — Петербурга. Главная задача флота состояла в том, чтобы, опираясь на заранее подготовленную минно-артиллерийскую позицию на рубеже о-ва Нарген — Порккала-Удд, получившую в дальнейшем название "Центральной", оказать решительное сопротивление немецкому флоту, если последний предпримет попытку прорваться в восточную часть Финского залива. Было принято решение создать также Фланговую позицию в северном

районе Порккала-Удд, Ганге, которая примыкала бы с севера к Центральной позиции. Эти две позиции вместе должны были полностью перекрыть Финский залив и образовать мощный укрепленный плацдарм.

Основным из недостатков плана действий Балтийского флота было то, что в нем намечались только первоначальные операции флота и не определялись последующие действия, которые, следовательно, становились в зависимость от намерений противника. Планы же противника вскрыты разведкой не были. Отсутствие должного анализа имеющихся разведывательных сведений и материалов привело к тому, что русское командование переоценило силы и возможности противника. Об этом говорит его решение оставить с началом войны Либаву, без всяких попыток обороны силами флота этой важной военно-морской базы на Балтийском море. Не предусматривалось также выделение корабельных сил для обороны Рижского залива. Операционная зона флота ограничивалась по существу Финским заливом. Только в сентябре 1914 г., т. е. уже в ходе военных действий, было решено расширить операционную зону до меридиана мыс Дагерорт (западная часть острова Даго), укрепиться в Моонзундском и Або-Аландском архипелагах и тем самым дать возможность флоту вести боевые действия за пределами Финского залива [48].

Утвержденного плана боевых действий Черноморского флота не существовало. Старые планы, составленные в 1908, 1909 и 1912 гг., оказались неприемлемыми в связи с приходом в Турцию германских крейсеров "Гебен" и "Бреслау", изменивших соотношение сил на черноморском театре не в пользу русского флота.

В июле 1912 г. В Париже состоялся "первый обмен стратегическими взглядами между начальниками русского и французского Морских генеральных штабов" по вопросам о возможной роли и обобщенном содействии во время войны двух союзных флотов.

С русской стороны на встречах начальника Морского генерального штаба России вице-адмирала князя Ливена с начальником французского Морского генерального штаба вице-адмиралом Обер присутствовали морские агенты в Париже и Лондоне капитаны 1-го ранга Карден и Рейн соответственно. События, происшедшие через два года, показали, насколько высказанные в ходе встречи "стратегические взгляды" были далеки от действительности.

Вице-адмиралы Ливен и Обер в первую очередь рассмотрели роль двух флотов в Средиземном море в случае столкновения с Тройственным союзом.

Стороны отметили, что эта роль должна изменяться в зависимости от принятия той или другой из следующих гипотез:

"А) Россия оставляет без перемен силы, которыми она обладает в настоящее время в районе Средиземного моря, т. е. в Черном море, и не ожидает подкреплений из Балтийского моря.

Б) Россия посылает эскадру Балтийского моря в Средиземное море" [49].

Первый случай был признан соответствующим "настоящему положению". "В случае войны с Тройственным союзом, — отмечали начальники Морских генеральных штабов, — России необходимо обеспечить свободу плавания в Черном море, чтобы иметь возможность выполнить в совершенной безопасности перевозку войск и припасов, необходимых для успеха операций на суше". И далее был рассмотрен ряд ситуаций, вытекавших, как представлялось, из реальных обстановки, которая может сложиться: "в случае, если итальянский и австрийский флоты, решившись на действия в Черном море, покинут Ионическое море", а также в случае, "когда Австрия действует в согласии с Турцией против России, в то время как Италия занимает относительно Франции наступательное или просто сомнительное положение".

В части операций на севере, вице-адмирал Ливен, исходя из ошибочного причисления Швеции к числу вероятных противников, сообщил, "что русский сухопутный Генеральный штаб желал бы морской демонстрации на берега Швеции, чтобы отвлечь военные силы этой армии от Финляндии". "В случае выполнения этого, — указывал Ливен, — корпуса русской армии не будут прикованы к шведской границе". Начальник французского Морского генерального штаба считал однако подобную роль "невозможной для французского флота, так как принужденный сосредоточиться в Средиземном море, он оставляет на Севере только оборонительные силы для действий в Ла-Манше". Этот вопрос, по мнению участников встречи, должен стать предметом разговора с британским адмиралтейством.

Пренебрежение целенаправленным сбором политической информации привело к гадательности ГУГШ в части оценки позиции, которую займет большинство стран в предстоящей войне.

Единственно в чем не сомневалось ГУГШ так это в "прочности политической связи Германии и Австро-Венгрии", наиболее вероятных противников России. Однако по данным, "Записки Главного управления Генерального штаба о вероятных планах Тройственного союза против России" по состоянию на 1 марта 1914 г. К этим странам продолжала относиться и Италия, которую по-прежнему необходимо считать членом враждебного на союз, учитывая лишь возможность выжидательного образа действий ее в первый период войны" [50]. К государствам, примыкающим к Тройственному союзу была "по видимому, прежде всего, отнесена и Турция". Не ясна для ГУГШ была и позиция Болгарии.

В части намерений Румынии у Генерального штаба не было полной ясности:

"Румыния в начале будет соблюдать строгий нейтралитет и лишь позже, в зависимости от хода событий, примкнет к той или другой группировке держав". Казалось бы, констатируя позицию нейтралитета Румынии на начало боевых действий, почему не предвидеть неизбежность изменения планов стратегического развертывания вооруженных сил Австро-Венгрии? Или не было полной уверенности в том, что Румыния займет, именно, такую позицию?

"Наконец, Швеция — хотя до сего времени и уклоняется от заключения союзного договора с Германией, однако приходится считаться с возможным вступлением ее против России, — указывало ГУГШ, — на что указывает ее недружелюбие, проявляемое в последнее время по отношению к нам".

В том, что касается союзников России в грядущей войне у ГУГШ также не было полной ясности. "В противовес Тройственному союзу, Россия и Франция составляют союз Двойственный" — считало ГУГШ. Но тут же была сделана оговорка: "... если ко времени столкновения Германии и Австро-Венгрии с нами будут непосредственно затронуты интересы Франции, то участие ее в борьбе в качестве нашего союзника следует считать обеспеченным; при иной обстановке — возможно, что и Франция займет выжидательное положение..." "Что же касается Англии, официально не примкнувшей ни к одному из названных союзов", то предполагалось, что она "займет по отношению Германии враждебное положение".

"Таким образом, — подчеркивало ГУГШ, — наиболее вероятными противниками Двойственного союза в Европе будут по-прежнему Германия и Австро-Венгрия; затем более или менее скользящее влияние на армию держав Двойственного союза могут оказать Италия, Турция, Румыния и Швеция". Из четырех перечисленных стран только одна Турция воевала против России, а Италия и Румыния оказались с Россией в одном лагере. "Тяжесть положения может усугубиться еще активным выступлением против нас Японии и Китая". — продолжало гадать ГУГШ.

Русский Генеральный штаб, как впрочем и генеральные штабы других стран, исходил из неизбежности войны. Просчет заключался в определении ее продолжительности и масштабов.

В Европе царило убеждение в скоротечности грядущей войны. Представлялось, что вторжение больших воинских масс в неприятельскую страну быстро приведет к конечным целям борьбы.

"Не только военное ведомство, кабинет министров, Государственный совет и двор, но и "прогрессивная" Государственная дума были уверены, что война с немцами закончится в четыре, от силы — в семь-восемь месяцев. ... Все мобилизационные запасы делались с расчетом на то, что кампания будет закончена, если не до снега, то во всяком случае не позже весны", — напишет в своих воспоминаниях спустя более четырех десятилетий М.Д. Бонч-Бруевич [51].

Тезис, что первоначальное столкновение войсковых масс предвещает участь войны, не имел под собой основы, хотя бы исходя из опыта русско-японской войны. "Русская армия после Мукденского поражения через один-два месяца стала и сильнее и крепче. Причины этому — обилие пространства в тылу и возможность организованного прилива живой силы для восстановления израсходованного, — считал Зайончковский. — Не было никаких оснований думать, чтобы Россия или Германия подчинились воле победителя после первых неудачных боев. В этом случае, а также в случае нерешительных результатов столкновений надо было ожидать войны затяжной. Для России, с ее обширным пространством, такое поведение после первых неудач являлось вполне естественным" [52].

Таким образом, располагая достаточным объемом разведывательных сведений и материалов, Генеральный штаб России, не проделав необходимой аналитической работы, так и не смог окончательно определиться в части планов войны Германии против своих противников. Представляет- ся очевидной связь между вынужденным изменением стратегического развертывания войск Австро-Венгрии и отходом Румынии от "Тройственного союза". Оставалось только вскрыть эту связь, чего сделано не было. В результате были допущены серьезные просчеты при составлении планов первых операций против вооруженных сил Австро-Венгрии — успех русских армий в ходе Галицийской битвы мог быть более ощутимым, а сама битва могла закончиться полным разгромом австро-венгерских войск и, возможно, выводом Австро-Венгрии из войны. И ответственность за это лежит на военных агентах в Западной Европе и, в первую очередь, в Румынии, которые должны были отслеживать внешнеполитический курс стран пребывания. Неучет политических реалий приводил к серьезным ошибкам на поле боя. Гадание в части определения вероятных противников привело к тому, что разработанная связь на случай войны военных агентов с Россией была нежизнеспособной и носила абстрактный характер.

Имея широкую сеть военных агентов за рубежом, Генеральный штаб не отслеживал изменения во внешнеполитическом курсе иностранных государств, а оценивал политическую обстановку в основном по заключенным договорам. Министерство иностранных дел, со своей стороны, не способствовало правильной ориентировке военного ведомства о расстановке политических сил на мировой арене. Разведка не сумела нацелить руководство страны на то, что война затянется на несколько лет, что в первые месяцы войны будет израсходована значительная часть военных запасов и прежде всего боеприпасов, накопленных в мирное время, что придется переводить все народное хозяйство на военные рельсы, что ставкой в кровопролитной вооруженной борьбе может стать само существование государства. Разведке не удалось предсказать, что с началом войны многие страны окажутся втянуты в вооруженные действия и война станет мировой.

К этому следует добавить и пассивную позицию, занятую самим Сухопутным в роковые дни июля, в желании последнего быть услышанным и изменить сложившийся "статус-кво".

Для того, чтобы получить представление о механизме принятия решений в части непосредственной подготовки вооруженных сил к началу боевых действий, о роли в этом процессе отдельных лиц, об учете разведывательной информации в целом и поступающей от военной разведки в частности, о полноте ее охвата происходящих событий и адекватности им, ниже приведены по дням выдержки из докладов должностных лиц и переписки по дипломатическим и военным каналам, а также воспоминания непосредственных участников описываемых событий.

Дипломатическая переписка, предшествовавшая объявлению войны и началу военных действий в 1914 г. закончилась обменом личными телеграммами двух монархов: германского — Вильгельма II и русского — Николая II. В сущности эти телеграммы уже выходили за пределы дипломатических сношений. Они как бы и свидетельствовали о том, что обычные дипломатические средства исчерпаны и все зависит теперь только от самодержавной воли двух, наиболее могущественных, монархов Европы.

Приводимые ниже выдержки из дневника Николая Романова действительно дополняют картину телеграфной переписки описанием быта и нравов Царского Села в исторические дни. Дневник показывает, чем жил и что волновало Николая Романова в те самые дни, когда за его подписью посылались в Берлин телеграммы, пропущенные величайшей тревогой и патетическим стремлением к миру. По стилю своему это скорее всего неофициальный гофруйерский журнал, аккуратная запись того, как проводил день русский царь, кого принимал — без малейшей попытки дать представление о его деятельности и настроениях.

11(24) июля. "Это возмутительно!"

(Николай II, узнав о том, что Австрия предъявила ультиматум Сербии)

Первое сведение 11(24) июля о предъявлении Австрией ультиматума Сербии поступило в МИД из итальянского посольства еще 10(23) июля. Рано утром 11(24)-го из Белграда пришло подтверждение сообщения итальянца. "Известия эти произвели на министра весьма тяжелое впечатление, — сообщает "Поденная запись министерства иностранных дел", — и он сразу сказал: *"cest la guerre europeenne"* (это — европейская война — примеч. авт.). "Тотчас же по телефону был вызван в министерство австро-венгерский посол, в ожидании которого С.Д. Сазонов по телефону доложил лично государю императору о предъявлении Австрией Сербии ультиматума. Его величество воскликнул: "Это возмутительно!" и повелел держать его в курсе дальнейшего" [58].

По поручению Сазонова, заведующий канцелярией МИД Шидлинг пригласил министров на Совет министров, назначенный на этот же день, включая военного и морского министров. По предложению последнего на Совет министров был вызван начальник Морского генерального штаба вице-адмирал А.И. Русин. Начальника Генерального штаба Н.Н. Янушкевича Сазонов лично попросил присутствовать на Совете, обсудив именно с ним при встрече, проведенной по его инициативе, возможные меры по военной линии в части оказания давления на Австро-Венгрию.

Дальнейшие события первой половины дня 11(24) июля, по словам начальника мобилизационного отдела Генерального штаба генерал-майора С.К. Добророльского, вызванного в кабинет Янушкевича между 11 и 12 часами развивались следующим образом.

"Положение весьма серьезное, — заявил начальник Генерального штаба при появлении Добророльского. — Австрия предъявила сербскому правительству совершенно неприемлемый ультиматум, и мы не можем оставаться равнодушными. Решено открыто и твердо заявить о сем". "Все ли у вас готово для объявления мобилизации нашей армии? — спросил Янушкевич. После получения утвердительного ответа, начальник Генерального штаба приказал представить ему через час "все расчеты о боевой готовности войск". "Причем имеется в виду, — пояснил он, — в случае надобности, объявление частной мобилизации только против Австро-Венгрии. Поэтому при такой мобилизации ничто не должно дать повод Германии видеть какую-либо враждебность против нее" [59].

Начальник мобилизационного отдела доложил Н.Н. Янушкевичу о недопустимости частной мобилизации. При этом он пояснил, что с точки зрения ГУГШ, частная мобилизация для России в сложившейся ситуации невозможна. Разведывательные данные свидетельствовали о том, что Германия непременно выступит на стороне Австро-Венгрии и, вслед за частной, обязательно придется объявлять общую мобилизацию, что технически было бы просто неосуществимо. В этом случае нарушались бы все мобилизационные расчеты, в работу железных дорог был бы введен хаос. Кроме того, действовавший план стратегического развертывания, а следовательно и план мобилизации были рассчитаны на войну с двумя противниками. Вариант действий только против Австро-Венгрии не планировался.

"Попытка приспособить мобилизационные расчеты к возможности производства частной мобилизации у нас имела в виду. Предполагалось осуществить ее при последующем мобилизационном плане, который ко времени возникновения политических осложнений находился лишь в периоде разработки. Но эта попытка касалась лишь случаев осложнений на наших второстепенных границах, преимущественно азиатских, когда могла потребоваться мобилизация лишь небольшого количества войск и

События последней декады июля 1914 года настолько драматичны, что их стоит проследить по дням — благо документы предоставляют такую возможность. Ведь именно эти дни отделяли Западную Европу от начала мировой войны. Каков был механизм принятия военно-политических решений, в результате которых Россия оказалась втянутой в войну? Кто из высшей и руководства России, находился у истоков принятия этих решений? На основании каких данных они принимались и насколько эти решения были адекватны складывающейся обстановке?

Следствием реформирования государственного строя России в 1905—1907 гг. явилось возрастание координации деятельности различных министерств и усиление роли верховной бюрократии в принятии решений, при одновременном отстранении царя от активного участия в формировании внешнеполитического курса.

Рассмотрение вопросов, относящихся к сфере внешней политики и безопасности государства происходило в рамках таких институтов, как Совет министров и Особые совещания (постоянно), Совет Государственной Обороны (до 1908 г.) и совещания в Царском Селе под руководством царя (эпизодически). Ядро участников этих совещаний составляли пять человек — председатель Совета министров, министры иностранных дел, финансов, военный и морской. Именно эти лица задавали тон обсуждению внешнеполитических вопросов, а также вопросов относящихся к сфере обороны. Внешнеполитические вопросы в Совет министров вносили обычно министр иностранных дел и "премьер", а также военный министр, реже морской, финансов, торговли и промышленности. Всего несколько раз представление исходило от министров путей сообщений и внутренних дел, а также генерал-губернаторов. Половина всех Особых совещаний была собрана по инициативе министра иностранных дел. Кроме него, в совещания вносили внешнеполитические вопросы председатель Совета министров и министры военный и финансов, т.е. те, кто постоянно принимал участие в их работе. Совещания в Царском селе созывались обычно по инициативе министра иностранных дел и военного министра, а заседания СГО по проблемам международных отношений — его председателя [53].

На особых совещаниях обычно председательствовал "премьер" и гораздо реже министры иностранных дел и финансов. Почти треть всех совещаний проходила в усиленном составе, то есть помимо постоянных участников — председатель Совета министров, министры иностранных дел, финансов, военного и морского — на заседаниях присутствовали и другие министры. Распространены были также совещания в обычном составе и с привлечением чиновников МИД, с участием членов Государственной Думы. Состоялось несколько совещаний в усиленном составе, то есть

когда кто-нибудь из постоянных участников отсутствовал. Проблемы, касающиеся обороны государства, обладали относительной самостоятельностью, хотя в ряде случаев пересекались с некоторыми вопросами международных отношений. Кабинет обсуждал 17 раз вопросы строительства флота, 11 — развития сухопутных вооруженных сил, 10 — перемещение войск в пограничные военные округа, восемь — строительство стратегических дорог, по четыре раза — планы ведения войны и строительства оборонительных стратегических сооружений.

Стратегические вопросы развития сухопутных вооруженных сил рассматривались намного реже, чем морских. Это явилось своеобразным отражением тенденции, отказу армии в самом насущном ради развития флота. Фактически проблема гонки вооружений, развязанной Германией, и ответных мероприятий со стороны России в части развития сухопутных войск была включена в повестку дня лишь на совещании в Царском Селе 6 марта 1913 г., когда была рассмотрена программа усиления армии в течение ближайших 3—4 лет [54].

Судьба России в июле 1914 г. определялась взаимодействием трех линий: дипломатической, военной и династической [55]. Добавим: при безусловном умалении последней, хотя, именно, российскому царю принадлежало право принятия окончательного решения. Если дипломатическая линия была представлена министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, то военная — в большей степени начальником Генерального штаба Н.Н. Янушкевичем, а не военным министром В.А. Сухомлиновым. Сазонов и Янушкевич выступали инициаторами выработки решений во внешнеполитической области и проведения их в жизнь путем оказания давления на царя.

"В решении дипломатических вопросов участия я не принимал, — пишет в своих воспоминаниях Сухомлинов. — Николай Николаевич сумел оттеснить от Государя всех неудобных для него советчиков, в том числе, конечно, прежде всего меня. В те дни перед войной царь полностью находился под влиянием своего дяди" [56]. И здесь же: "Благодаря исключительному влиянию на Государя Великого князя Николая Николаевича, начальник Генерального штаба имел непосредственный доступ к царю. Точно также и министр иностранных дел сносился без моего ведома с начальником Генерального штаба". "Янушкевич в эти роковые дни, — признает бывший военный министр, — был тем лицом, через руки которого открыто проходили распоряжения, касающиеся армии".

Чем было вызвано подобное умаление военного министра, когда в ряде случаев подчиненный действовал через "голову" своего начальника? По мнению Б.М. Шапошникова, Янушкевич был "свой" человек при дворе, в то время как Сухомлинов с явно германской ориентацией, внушил к себе недоверие. Известная слава о военном министре, как стороннике Берлина, складывалась задолго до знаменитого процесса [57].

К этому следует добавить и пассивную позицию, занятую самим Сухомининовым в роковые дни июля, в нежелании последнего быть улаживателем и изменить сложившийся "статус-кво".

Для того, чтобы получить представление о механизме принятия решений в части непосредственной подготовки вооруженных сил к началу боевых действий, о роли в этом процессе отдельных лиц, об учете разведывательной информации в целом и поступающей от военной разведки в частности, о полноте ее охвата происходящих событий и адекватности им, ниже приведены по дням выдержки из докладов должностных лиц и переписки по дипломатическим и военным каналам, а также воспоминания непосредственных участников описываемых событий.

Дипломатическая переписка, предшествовавшая объявлению войны и началу военных действий в 1914 г. закончилась обменом личными телеграммами двух монархов: германского — Вильгельма II и русского — Николая II. В сущности эти телеграммы уже выходили за пределы дипломатических сношений. Они как бы и свидетельствовали о том, что обычные дипломатические средства исчерпаны и все зависит теперь только от самодержавной воли двух, наиболее могущественных, монархов Европы.

Приводимые ниже выдержки из дневника Николая Романова значительно дополняют картину телеграфной переписки описанием быта и нравов Царского Села в исторические дни. Дневник показывает, чем жил и что волновало Николая Романова в те самые дни, когда за его подписью посылались в Берлин телеграммы, проникнутые величайшей тревогой и патетическим стремлением к миру. По стилю своему это скорее всего неофициальный гофшюрерский журнал, аккуратная записка того, как проводил день русский царь, кого принимал — без малейшей попытки дать представление о его деятельности и настроениях.

11(24) июля. "Это возмутительно!"

(Николай II, узнав о том, что Австрия предъявила ультиматум Сербии)

Первое сведение 11(24) июля о предъявлении Австрией ультиматума Сербии поступило в МИД из итальянского посольства еще 10(23) июля. Рано утром 11(24)-го из Белграда пришло подтверждение сообщения итальянца. "Известия эти произвели на министра весьма тяжелое впечатление, — сообщает "Поденная записка министерства иностранных дел", — и он сразу сказал: *"c'est la guerre europeenne"* (это — европейская война — примеч. авт.). "Тотчас же по телефону был вызван и министерство австро-венгерский посол, в ожидании которого С.Д. Сазонов по телефону доложил лично государю императору о предъявлении Австрией Сербии ультиматума. Его величество воскликнул: "Это возмутительно!" и повелел держать его в курсе дальнейшего" [58].

По поручению Сазонова, заведующий канцелярией МИД Шидлинг пригласил министров на Совет министров, назначенный на этот же день, включая военного и морского министров. По предложению последнего на Совет министров был вызван начальник Морского генерального штаба вице-адмирал А.И. Русин. Начальника Генерального штаба Н.Н. Янушкевича Сазонов лично попросил присутствовать на Совете, обсудив именно с ним при встрече, проведенной по его инициативе, возможные меры по военной линии в части оказания давления на Австро-Венгрию.

Дальнейшие события первой половины дня 11(24) июля, по словам начальника мобилизационного отдела Генерального штаба генерал-майора С.К. Добrorольского, вызванного в кабинет Янушкевича между 11 и 12 часами развивались следующим образом.

"Положение весьма серьезное, — заявил начальник Генерального штаба при появлении Добrorольского. — Австрия предъявила сербскому правительству совершенно неприемлемый ультиматум, и мы не можем оставаться равнодушными. Решено открыто и твердо заявить о сем". "Все ли у вас готово для объявления мобилизации нашей армии? — спросил Янушкевич. После получения утвердительного ответа, начальник Генерального штаба приказал представить ему через час "все расчеты о боевой готовности войск". "Причем имеется в виду, — пояснил он, — в случае надобности, объявление частной мобилизации только против Австро-Венгрии. Поэтому при такой мобилизации ничто не должно дать повод Германии видеть какую-либо враждебность против нее" [59].

Начальник мобилизационного отдела доложил Н.Н. Янушкевичу о недопустимости частной мобилизации. При этом он пояснил, что с точки зрения ГУГШ, частная мобилизация для России в сложившейся ситуации невозможна. Разведывательные данные свидетельствовали о том, что Германия непременно выступит на стороне Австро-Венгрии и, вслед за частной, обязательно придется объявлять общую мобилизацию, что технически было бы просто неосуществимо. В этом случае нарушались бы все мобилизационные расчеты, в работу железных дорог был бы внесен хаос. Кроме того, действовавший план стратегического развертывания, а следовательно и план мобилизации были рассчитаны на войну с двумя противниками. Вариант действий только против Австро-Венгрии не планировался.

"Попытка приспособить мобилизационные расчеты к возможности производства частной мобилизации у нас имела в виду. Предполагалось осуществить ее при последующем мобилизационном плане, который ко времени возникновения политических осложнений находился лишь в периоде разработки. Но эта попытка касалась лишь случаев осложнений на наших второстепенных границах, преимущественно азиатских, когда могла потребоваться мобилизация лишь небольшого количества войск и

К этому следует добавить и пассивную позицию, занятую самим Сухолинновым в роковые дни июля, в желании последнего быть услышанным и изменить сложившийся "статус кво".

Для того, чтобы получить представление о механизме принятия решений в части непосредственной подготовки вооруженных сил к началу боевых действий, о роли в этом процессе отдельных лиц, об учете разведывательной информации в целом и поступающей от военной разведки в частности, о полноте ее охвата происходящих событий и адекватности им, ниже приведены по дням выдержки из докладов должностных лиц и переписки по дипломатическим и военным каналам, а также воспоминания непосредственных участников описываемых событий.

Дипломатическая переписка, предшествовавшая объявлению войны и началу военных действий в 1914 г. закончилась обменом личными телеграммами двух монархов: германского — Вильгельма II и русского — Николая II. В сущности эти телеграммы уже выходили за пределы дипломатических сношений. Они как бы свидетельствовали о том, что обычные дипломатические средства исчерпаны и все зависит теперь только от самодержавной воли двух, наиболее могущественных монархов Европы.

Приводимые ниже выдержки из дневника Николая Романова значительно дополняют картину телеграфной переписки описанием быта и нравов Царского Села в исторические дни. Дневник показывает, чем жил и что волновало Николая Романова в те самые дни, когда за его подписью посылались в Берлин телеграммы, проникнутые величайшей тревогой и патетическим стремлением к миру. По стилю своему это скорее всего неофициальный гофшурерский журнал, аккуратная запись того, как проводил день русский царь, кого принимал — без малейшей попытки дать представление о его деятельности и настроениях.

11(24) июля. "Это возмутительно!"

(Николай II, узнав о том, что Австрия предъявила ультиматум Сербии)

Первое сведение 11(24) июля о предъявлении Австрией ультиматума Сербии поступило в МИД из итальянского посольства еще 10(23) июля. Рано утром 11(24)-го из Белграда пришло подтверждение сообщения итальянцев. "Известия эти произвели на министра весьма тяжелое впечатление, — сообщает "Поденная запись министерства иностранных дел", — и он сразу сказал: *"cest la guerre europeenne"* (это — европейская война — примеч. авт.). "Тотчас же по телефону был вызван в министерство австро-венгерский посол, в ожидании которого С.Д. Сазонов по телефону доложил лично государю императору о предъявлении Австрией Сербии ультиматума. Его величество воскликнул: "Это возмутительно!" и повелел держать его в курсе дальнейшего" [58].

По поручению Сазонова, заведующий канцелярией МИД Шидлинг пригласил министров на Совет министров, назначенный на этот же день, включая военного и морского министров. По предложению последнего на Совет министров был вызван начальник Морского генерального штаба вице-адмирал А.И. Русин. Начальника Генерального штаба Н.Н. Янушкевича Сазонов лично попросил присутствовать на Совете, обсудив вместе с ним при встрече, проведенной по его инициативе, возможные меры по военной линии в части оказания давления на Австро-Венгрию.

Дальнейшие события первой половины дня 11(24) июля, по словам начальника мобилизационного отдела Генерального штаба генерал-майора С.К. Добrorольского, вызванного в кабинет Янушкевича между 11 и 12 часами развивались следующим образом.

"Положение весьма серьезное, — заявил начальник Генерального штаба при появлении Добrorольского. — Австрия предъявила сербскому правительству совершенно неприемлемый ультиматум, и мы не можем оставаться равнодушными. Решено открыто и твердо заявить о сем". "Все ли у вас готово для объявления мобилизации нашей армии?" — спросил Янушкевич. После получения утвердительного ответа, начальник Генерального штаба приказал представить ему через час "все расчеты о боевой готовности войск". "Причем имеется в виду, — пояснил он, — в случае надобности, объявление частной мобилизации только против Австро-Венгрии. Поэтому при такой мобилизации ничто не должно дать повода Германии видеть какую-либо враждебность против нее" [59].

Начальник мобилизационного отдела доложил Н.Н. Янушкевичу о недопустимости частной мобилизации. При этом он пояснил, что с точки зрения ГУГШ, частная мобилизация для России в сложившейся ситуации невозможна. Разведывательные данные свидетельствовали о том, что Германия непременно выступит на стороне Австро-Венгрии и, вслед за частной, обязательно придется объявлять общую мобилизацию, что технически было бы просто неосуществимо. В этом случае нарушались бы все мобилизационные расчеты, в работу железных дорог был бы внесен хаос. Кроме того, действовавший план стратегического развертывания, а следовательно и план мобилизации были рассчитаны на войну с двумя противниками. Вариант действий только против Австро-Венгрии не планировался.

"Попытка приспособить мобилизационные расчеты к возможности производства частной мобилизации у нас имела в виду. Предполагалось осуществить ее при последующем мобилизационном плане, который ко времени возникновения политических осложнений находился лишь в периоде разработки. Но эта попытка касалась лишь случаев осложнений на наших второстепенных границах, преимущественно азиатских, когда могла потребоваться мобилизация лишь небольшого количества войск и

притом без особого напряжения в сроках их готовности. При возникновении тех же осложнений на западном фронте, хотя бы в начале с одной только Германией или Австрией, представляющими каждая в отдельности серьезного противника, обстановка не позволяла ограничиться частной мобилизацией, не говоря уже о том, что производство таковой было сопряжено с техническими препятствиями и риском скомпрометировать наше военное положение в случае дальнейших осложнений" [60].

Начальник мобилизационного отдела, таким образом, доложил начальнику Генерального штаба о недопустимости частной мобилизации. Однако Янушкевич приказал *"тотчас доложить ему подробно, как он назначил, — через час"*.

При повторном докладе Янушкевичу в присутствии начальника военных сообщений генерала С.А.Ронжина, по свидетельству самого Добророльского, он стремился показать *"всю несостоятельность частной мобилизации армии"*. Свою точку зрения Добророльский аргументировал тем, что в стратегическом отношении такая мобилизация была бы *"просто нелепостью"*, ибо *"вся южная граница Варшавского военного округа оставалась бы неприкрытой, необеспеченной"* [61].

Являлось ли это новостью для начальника Генерального штаба? В определенной степени да, если принять во внимание его недавнее назначение на этот пост (за четыре месяца до описываемых событий) с должности начальника Императорской Николаевской военной академии. Однако решающим в постановке задачи Добророльскому на подготовку расчетов по объявлению частной мобилизации явилось не столько недопонимание Янушкевичем порочности такого указания, а прикрасительность идеи Сазонова, высказанной последним, судя по всему, в ходе состоявшейся встречи 11(24) июля, использовать объявление частной мобилизации, как средство давления на Австро-Венгрию, как чисто дипломатический ход, не задумываясь ни о политических, ни о военных последствиях этого шага.

Следует отметить, что русский Генеральный штаб, как отмечалось ранее, в отличие от генеральных штабов Германии и Франции, считал, что мобилизация может быть объявлена независимо от решения вступить в войну и рассматривалась *"как мера предохранительная от нападения противника"*. *"Но мобилизация, даже общая, не есть еще война, — отмечал бывший генерал-квартирмейстер Ю.Н.Данилов. — Это мера, диктуемая лишь благоразумною предусмотрительностью, в особенности для той стороны, которая значительно отстаёт в готовности своей армии и потому рискует безопасностью своей территории"* [62]. *"Еще задолго до войны вопрос о порядке военных действий был у нас пересмотрен, — замечает Данилов, — и этот акт резко отделен от акта объявления мобилизации. С объявлением мобилизации войска лишь пополнялись до тататов военного времени, перевозились в районы их сосредоточения и принимали меры*

по прикрытию границы, не переходя, однако, последней впрямь до особого распоряжения, связанного с решением об объявлении войны" [63].

Внешнеполитическая обстановка, по утверждению Данилова, *"в деликатный период политических осложнений требовала наличия возможно гибких и осторожных форм вмешательства в конфликт вооруженной силы государства, дабы преждевременно не подойти к роковой черте, отделяющей мир от войны"*. *"Таким образом мобилизация наших вооруженных сил не закрывала дальнейших переговоров"*, — был убежден бывший генерал-квартирмейстер.

Высказанная точка зрения коренным образом отличалась от подходов Генерального штаба Германии, не отделявшего объявление мобилизации от объявления войны.

Согласно проведенных расчетов время сосредоточения русских армий по плану "А" в днях мобилизации выглядело следующим образом. Полное сосредоточение всех армий Германского фронта предполагалось достичь к 40 дню мобилизации, а армий Австрийского фронта — к 45 дню мобилизации [64].

К 15 дню мобилизации предполагалось сосредоточить на западной границе России 50 проц. пехоты и кавалерии.

Германия за этот срок почти полностью заканчивала сосредоточение своих войск.

Такие длительные сроки сосредоточения русской армии и вселяли надежду германскому Генеральному штабу успешно справиться с разгромом своих противников по очереди и определили выбор первого удара именно по Франции.

"Сазонов, да и представители русского Генерального штаба считали возможным длительное стояние русской армии "с ружьем у ноги" на границах России", — замечает Б.М.Шапошников [65]. Последние дни июля дали свидетельство использования русской мобилизации *"как средства поддержать требования дипломатии"*.

Однако вернемся к докладу Добророльского. Начальник мобилизационного отдела представил начальнику Генерального штаба записку о некоторых необходимых мероприятиях в связи с возможностью мобилизации, а именно: *"1) возвращение войск из лагерей; 2) о досрочном выпуске из военных училищ; 3) объявление крепостей и некоторых пограничных районов на военном положении; 4) введение во всей империи положения о предмобилизационном периоде"* [66].

Не дожидаясь решения Совета министров, С.К.Добророльский взял на себя ответственность предупредить командующих военными округами о необходимости быть готовыми к возможной мобилизации. С этой целью за его подписью в 16 ч. 10 мин. были посланы во все военные округа телеграммы следующей о содержания:

Срочно.

Киев № 1533 Одесса № 1533 Москва № 1535/509 Казань № 536/510.
Начальнику штаба округа.

Специально подготовить планы перевозок и соображения по возвращению всех войск в постоянные пункты квартирования. Срок работы одинсутки.

Генерал ДОБРОРОЛЬСКИЙ

11 июля 1914 года [67].

После разговора с Янушкевичем Сазонов в полдень направился во французское посольство, где его ждал посол Франции Морис Палеолог и посол Англии Джордж Бьюкенен. Необходимо было заручиться поддержкой вероятных союзников.

"Указав, насколько неприемлемы некоторые из австрийских требований, — пишет Бьюкенен, — г. Сазонов заметил, что Австрия никогда бы не предъявила подобного рода ультиматума, если бы она не была уверена заранее в одобрении и поддержке Германии". "Сможет ли Россия, — продолжал он, — также рассчитывать на поддержку ее партнеров в Тройственном союзе?" Французский посланник, к которому он сначала обратился с этим вопросом, заверил его, что Франция даст России свою дипломатическую поддержку и, в случае необходимости, выполнит все условия союзного договора. "А ваше правительство?" — спросил г. Сазонов, обращаясь ко мне. Я ответил, что хотя я не уполномочен говорить от имени британского правительства, я все же уверен, что оно окажет России возможную дипломатическую поддержку. Я не мог, конечно, поддержать их надежду на то, что Англия особой декларацией объявит свою безусловную солидарность с Францией и Россией, вплоть до поддержки оружием из-за такого государства, как Сербия, которое никоим образом не затрагивает британских интересов. Такое обязательство не было бы санкционировано общественным мнением Англии, а не поддержанное общественным мнением, ни одно британское правительство не возьмет на себя ответственности за вовлечение страны в войну" [68].

Разговор, начатый в полдень, продолжался и после завтрака, за которым Сазонов и Палеолог добивались от Бьюкенена заявления о солидарности Англии с Францией и Россией.

Не имея официальной реакции Лондона, Бьюкенен "ограничился указанием, что британское правительство, возможно, объявит в Берлине и в Вене, что так как нападение Австрии на Сербию вызовет выступление России, то Англия не сможет остаться в стороне от всеобщей войны". "Это не удовлетворило г. Сазонова, — продолжал английский посол, — утверждавшего, что мы увеличиваем шансы войны, отказываясь объявить свою солидарность с Россией и Францией".

Бьюкенен предвосхитил позицию официального Лондона, отказавшего Петербургу в поддержке. Эта позиция не претерпела изменений и в последующие дни.

Тем временем в 15 часов в Красном Селе открылось созванное по инициативе Сазонова экстренное заседание Совета министров (с участием начальников генеральных штабов армии и флота).

Как следует из "Особого журнала Совета Министров за 11 (24) июля, "предвидя, что Сербия обратится к нам за советом, а может быть и за помощью", Совет министров считал за "настоятельную надобность ныне же подготовиться к тому ответу, который может быть нами дан Сербии" [69]. В этой связи "Совет министров постановил:

I. Одобрить предположение министра иностранных дел снести с кабинетами великих держав в целях побуждения австро-венгерского правительства к представлению Сербии некоторой отсрочки в деле ответа на предъявленные ей австро-венгерским правительством ультимативные требования, чтобы дать тем возможность правительствам великих держав исследовать и изучать документы, по поводу совершающегося в Сараеве злодеяния...

II. Одобрить предположение министра иностранных дел посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против вооруженного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию "если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает судьбу решению великих держав"...

III. Предоставить военному и морскому министрам по принадлежности испросить высочайшее ваше императорское величество соизволение на объявление в зависимости от хода дел, мобилизации четырех военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского, Балтийского (слово "Балтийского" было вставлено рукой Николая II — примеч. автора) и Черного флотов.

IV. Предоставить военному министру незамедлительно ускорить пополнение запасов материальной части армии.

V. Предоставить министерству финансов принять меры к безотлагательному уменьшению принадлежащих финансовому ведомству сумм, находящихся в Германии и Австро-Венгрии". Постановление Совета министров было "высочайше утверждено" на следующий день, 13 (25) июля.

Предусмотренная мобилизация Балтийского флота не рассматривалась как угроза безопасности Германии и как вызов последней в силу того, что план войны на море в целом носил оборонительный характер. При этом российское руководство военно-морского флота исходило из посылки "подавляющего превосходства германского флота над нашим" [70].

В течение дня была отправлена телеграмма поверенному в делах в Белграде Штрайтману: "Если беспомощное положение Сербии действительно таково, что не оставляет никакого сомнения насчет исхода вооруженной борьбы ее с Австрией, было бы пожалуй, лучше, чтобы сербы в случае вторжения австрийцев вовсе не пытались оказывать последним сопротивления, а, отступив и предоставив врагу занять без боя территорию, — предписывал министр иностранных дел, — обратиться к державам с воззванием. В последнем, указав на свое тяжкое положение после войны, ...сербы могли бы сослаться на невозможность для них выдержать неравную борьбу и просить заступничества держав" [71].

Одновременно была послана циркулярная телеграмма послам в западноевропейских странах, информирующая последних о том, что Австрия сообщила России ноту лишь через половину суток после ее предъявления и что в этой связи Петербург считает необходимым продлить срок ультиматума.

В 8 часов вечера по возвращении из Красного Села Янушкевич созвал заседание комитета Генерального штаба с участием начальников Главных управлений военного ведомства. Он информировал собравшихся о принятых решениях. Было, наконец, принято "Положение о полевом управлении войск в военное время", которым регламентировались назначения в штабы фронтов и армий, а также регулировалась боевая деятельность войск. Срочное принятие этого документа, работа над которым велась много лет, свидетельствовало о решимости Генерального штаба не быть застигнутым врасплох и во всеоружии вступить в борьбу с Германией. Слишком памятливы были для генералитета уроки русско-японской войны 1904—1905 гг., когда под прикрытием дипломатических демаршей Япония нанесла вероломный удар по русскому флоту в Порт-Артуре, и допустить повторения этого никто не хотел [72].

В этот же день поверенный в делах в Белграде передал в министерство иностранных дел текст личной телеграммы сербского королевича-регента Александра на имя Николая II. "Среди условий, — сообщал русскому императору Александр по поводу предъявленного ультиматума, — находятся и такие, которые требуют перемен в нашем законодательстве, и для сего нам необходимо время" [73]. "Австро-венгерская армия сосредоточивается около нашей границы и может нас атаковать по истечении срока. Мы не можем заигрывать. Посему молим ваше величество оказать нам помощь возможно скорее... Я являюсь выразителем чувств сербского народа, которые в эти трудные времена молят Ваше величество принять участие в судьбах Сербии", — взывал к помощи сербский королевич-регент.

Вплоть до 12 (25) июля в дневнике русского царя совсем нет записей, говорящих о близости войны и ее подготовке. Николай Романов

развлекается плаванием в шихрах, купаньем и игрой в теннис. Все это аккуратно отмечено в дневнике. Жизнь идет спокойно и размеренно, никаких тревог и отступлений от принятого придворного ритуала:

"11 июля. Пятница.

Жара дошла до 24° в тени. Утром был занят до часа. Завтракал Багратион (Багратион-Мухраиский, К.А., кн., флигель-адъютант; зять вел. кн. Константина Константиновича. — М.А.) (дежурный). Погулял до 3 1/4 ч.; затем поехал с Ольгой и Татьяной в Красное. Принял кавалерийскую и воздухоплавательную офицерские школы перед большой столовой. Опоздал на скачки на полчаса. Обедал у кавалергардов и был в театре" [74].

12(25) июля. "Английский генеральный штаб уверен, что Австрию толкает на войну Германия"

(Из донесения русского военного агента в Англии)

Утром 12(25) июля было опубликовано правительственное сообщение следующего содержания: "Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрии ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербско-австрийского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной" [75].

Новый день не принес ничего утешительного. 12(25) июля от управляющего консульством в Праге Казанского поступила телеграмма следующего содержания: "На юге Австрии мобилизованы пять корпусов. Здесь офицерам приказано не отлучаться из дома. В наместничестве заготовлены повестки о мобилизации 8-го корпуса. Железнодорожные мосты усиленно охраняются войсками" [76].

Военный агент в Англии Генерального штаба генерал-лейтенант Ермолов доложил в этот день в Огневар: "Английский генеральный штаб уверен, что Австрию толкает на войну Германия, так как Берлинлагает обстановку благоприятной" [77].

"Из доверительных объяснений с Великим визирем следует, — телеграфировал посол в Константинополе Гирс, — что Порта будет придерживаться выжидательной позиции в австро-сербском конфликте с твердой решимостью воспользоваться каждым обстоятельством, могущим послужить интересам Турции" [78].

"Из секретного, слушающего доверие, источника явствует, — сообщал министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу, посланникам в Софии и Бухаресте Савинскому и Поклевскому и поверенному в делах в Афинах Урусову, — что между Турцией, Болгарией и Австрией происходят, по-видимому, какие-то переговоры касательно возможного участия пертых двух стран в грядущем конфликте. Благоволило бы по возможности проперить эти сведения и тщательно следить за означенным вопросом" [79]. В качестве секретного источника выступала расшифрованная в русском МИД

телеграмма, передающая содержание беседы австро-венгерского агента в России Готцлофе с болгарским и турецким военными агентами.

"Престолонаследник только что ночью пришел в миссию, — докладывал 12(25) июля поверенный в делах в Белграде В. Штриндтман, — чтобы выразить мне свое отчаяние по поводу австрийского ультиматума, подчиниться которому в целом он решительно не видит возможности для государства, имеющего малейшее чувство собственного достоинства" [80].

Днем в Красном Селе состоялось новое заседание Совета Министров, на сей раз под председательством царя.

Принятые на совещании решения зафиксированы в "Особом журнале Совета министров от 12(25) июля.

"Ныне в соответствии с современным оборотом дипломатических переговоров и в целях принятия всеми ведомствами потребных мер для подготовки и обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к границам возможных противников Совет министров признает своевременным привести в действие, начиная с 13(26) сего июля на всей территории империи Положение о подготовительном к войне периоде по обоим перечням", — свидетельствует "Особый журнал" [81].

Более пространно по поводу принятых решений на Совете министров и последовавших высочайших повелений записано в "Журнале комитета Генерального штаба", состоявшегося вечером этого же дня. Так, Н.М. Янушкевич довел до сведения членов комитета, что Николай II признал необходимым поддержать Сербию, "хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы" [82].

"По полученным сведениям, — отмечалось в Журнале, — в Австро-Венгрии и Италии уже выполняются некоторые подготовительные к мобилизации действия, почему государю императору благоугодно было утвердить постановление Совета министров, что в ночь с 12(25) на 13(26) июля наступает предмобилизационный период". "В случае, если окажется необходимым объявить мобилизацию, то, имея ввиду необходимость ограничиться действиями лишь против одной Австро-Венгрии, высочайше повелено мобилизовать Киевский, Одесский, Казанский и Московский военные округа. Остальные округа приступают к мобилизации только в том случае, если Германия примкнет к Австро-Венгрии, но не ранее этого, — было записано в "Журнале комитета Генерального штаба", — для того, чтобы избежать еще больших дипломатических осложнений".

"Государь был совершенно спокоен, — вспоминает В.А. Сухомлинов. — Впоследствии выяснилось, что накануне заседания у него было продолжительное собеседование с глазу на глаз с его дядей, великим князем Николаем Николаевичем, который молча сидел рядом с государем и усиленно курил. Для меня, в течение целого ряда лет имевшего случай наблюдать отношения этих двух высочайших особ, было совершенно ясно, что вели-

кий князь настроил государя уже заранее без свидетелей и говорить теперь в заседании ему не было никакой надобности" [83].

"Несмотря на то, что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания, — продолжает бывший военный министр, — была надежда на благополучный исход конфликта. В заключительном слове Государя была также надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьезная угроза... На этом основании и решено было предварительно объявить начало подготовительного к войне периода с 13(26) июля. Если же и после того не наступит улучшение в дальнейших дипломатических переговорах, то объявить частичную мобилизацию".

В этой связи Николай II "высочайше повелел":

1) Вернуть все войска на зимние квартиры...

2) Потребовать от соответствующих министерств выполнения мероприятий, предусмотренных Положением о подготовительном к войне периоде;

3) Сделать распоряжение по Кронштадтской, Ревельской и Свеаборгской крепостям об окончании вооружения батарей и постановке минных заграждений;

4) Крепость Кронштадт... объявить на осадном положении без призыва нижних чинов запаса;

5) Остальные крепости Петербургского округа, а равно и пограничные крепости Западного фронта и крепость Михайловскую объявить на военном положении...

8) Всех офицеров, причисленных к Генеральному штабу и отбывающих цензы, перевести в Генеральный штаб теперь же;

9) Возвратить из отпусков всех офицеров, за исключением тяжело больных;

10) Офицеров переменного состава офицерских школ откомандировать в свои части" [84].

"Моя роль при этом постановлении, — пишет Сухомлинов о своем участии в выработке решений, принятым Советом министров 12(25) июля, — была... весьма скромная. Как военный министр, против такого решения, бывшего ходом на шахматной доске большой политики, я не имел права протестовать, хотя бы он и угрожал войной, ибо политика меня не касалась... Я был солдат и должен был повиноваться, раз армия призывается для обороны Отечества, а не вдаваться в рассуждения. Имели бы право обвинить меня в трусости, если бы, после того как в роли военного министра в мирное время всеми преимуществами моего высокого положения, предостерегал бы от войны в то время, когда вся вероятность и мое личное убеждение были за то, чтобы русская дипломатия не отступала перед притязаниями австро-венгерской, как это имело место еще в 1909 году" [85]. "Было бы другое дело, повторяю, если бы я в 1914 г. оказался в положении Редигера в 1909 г. В 1914 г.

армия была настолько подготовлена, что казалось, Россия имеет право спокойно принять вызов".

"Царь видел в военном министре лишь техника, который должен был изготовить оружие для войны, — выбор времени применения и употребления которого оставался за Государем". "Тогда же, между 24 и 30 июля, единственно за высшей политикой оставалось решающее слово. Это было совершенно ясно из того решения, которое было принято на совещании 25 июля, — утверждает Сухомлинов, и здесь же: "Сазонову — дипломату, а не военному министру, было дано полномочие выбора вида мобилизации (частичной или общей) в зависимости от обстоятельств, хотя и с доклада Государю".

И далее: "...решение подлежало министру иностранных дел, а он требовал частичной мобилизации!... В соответствии с этим намечены были отправные точки, несмотря на то, что я был противником частичной мобилизации и такого своего мнения не скрывал. Моим делом было приготовить армии для шахматной игры Сазонова, следовательно, и в этом отдельном вопросе мне приходилось повиноваться" [86]. Военный министр отстраняется от участия в политике и признает возможным проведение частичной мобилизации, поступившись своими убеждениями о вреде таковой с военной точки зрения.

"...я не думаю, чтобы Сазонов хотел войны уже в этот момент, — фиксирует в своих воспоминаниях за 25 июля другой участник событий, посол Германии в Петербурге Пурталес. — Однако он предавался роковой иллюзии, будто Германия, убедившись в решимости России на сей раз идти на последнюю крайность, оставит своих союзников в беде и, таким образом, Россия и державы Тройственного соглашения одержат дипломатический успех, который в то же самое время явился бы и компенсацией за дипломатическое поражение, понесенное ею в боснийском вопросе в 1909 году. При этом, по своей большой неопытности, что бы не сказать наивности, в вопросах военного дела, он не отдавал себе отчета в великой опасности, которая заключалась в том, что, очевидно, уже 25 июля военным властям были даны очень широкие полномочия к началу военно-подготовительных мероприятий" [87].

Постановление Совета Министров и последовавшее за ним "высочайшее повеление" были приняты к немедленному исполнению. Всем командующим военными округами в Европейской России отправлена телеграмма следующего содержания:

"Петербург — начальнику штаба округа,

Новочеркасск — войсковому наказному атаману,

Варшава, Вильна, Киев, Одесса, Москва, Казань — командующему войсками округа

Высочайше повелено 13 сего июля считать началом подготовительного к войне периода на всей территории Европейской России. Вам надле-

жит принять все меры по первому и второму перечням положения об этом периоде и выполняемые распоряжением окружных штабов, действующих управлений комендантов крепостей и войсковых частей и управлений. Положение было препровождено 22 марта 1913 года.

При номере 813 номер 1575/524 12 июля 1914 г.

Генерал-лейтенант ЯНУШКЕВИЧ" [88].

Таким образом, основные мероприятия по повышению боевой готовности русской армии стали претворяться в жизнь.

В проведении мероприятий подготавливающего к войне периода Россия была не одинока.

Так, наряду с различными проектами "мирного" разрешения австро-сербского конфликта, страны обеих коалиций не преминули исподволь, в отличие от России начать всевозможные военные приготовления, ускоряющие мобилизацию и сокращающие ее сроки [89]. Такими мероприятиями являлись уже перечисленные возвращение из лагерей частей на зимние квартиры, пресечение отпусков и командировок военнослужащим и подготовка в войсках к приему запасных, призываемых по мобилизации, пополнение частей имуществом и вооружением по табелям военного времени, усиление охраны границы и важных объектов внутри страны, особенно железных дорог и средств связи, подготовка железных дорог к военным перевозкам, подготовка аппарата по призыву запасных, пополнение запасов продовольствия. Наряду с этим происходило скрытое выдвижение к границам войск, предназначенных для прикрытия мобилизации и развертывания. Это делалось под видом маневров и учений. Под видом различных сборов призывалась под знамена часть запасных. Эти мероприятия были проведены за несколько дней до объявления мобилизации во всех враждовавших государствах с небольшими вариантами.

В Германии приготовления к войне начались раньше всех других стран. Достаточно вспомнить совещание 5 июля в Потсдаме, которое провел Вильгельм II с участием представителей военного и морского ведомств для выяснения вопроса о готовности германской армии и флота к войне.

12(25) июля все немецкие офицеры, находившиеся в отпусках и командировках, были вызваны в свои части. 27—29 июля по приказу военного министра войска были возвращены из лагерей в пункты постоянного расквартирования, усилена охрана железных дорог, в районах сосредоточения создавались запасы продовольствия.

Несколько сложнее обстояло дело на флоте. Но и здесь проводились предмобилизационные мероприятия. Было ускорено окончание работ по ремонту судов и достройке крупных военных кораблей, ускорены работы по углублению Кильского канала, увеличены запасы горючего для флота. Военным кораблям, находившимся вне германских

вод, были даны специальные указания с целью занятия более выгодного положения. 12(25) июля утром флот получил приказ ускорить погрузку угля. Возвращался из заграничного плавания (у норвежских берегов) Флот открытого моря.

Подобные предмобилизационные мероприятия проводились и в вооруженных силах Австро-Венгрии.

12(25) июля в 5 часов 50 минут вечера сербский премьер Пашич вручил австрийскому посланнику барону Гизлю ответ на предъявленный ультиматум. Сербия принимала условия австрийского ультиматума по всем пунктам за исключением двух. Сербия указывала при этом, что выдвинутые требования будут удовлетворены, но с использованием иных средств, отличных от тех, на которых настаивают австрийцы. Так, по пункту № 2 сербское правительство сообщало, что "не имеет никаких доказательств и нота императорского и королевского правительства ему их также не доставляет в том, что общество "Народна Обрана" и другие подобные общества совершили до настоящего времени в лице кого-либо из своих членов какое-либо преступное деяние этого рода". В части шестого пункта говорилось, что правительство Сербии "разумеется, считает своей обязанностью произвести расследование относительно действий тех лиц, которые замешаны или могли быть замешаны в заговоре 15(28) июня и находились бы на территории королевства". "Что касается участия в этом расследовании австро-венгерских агентов и властей, которые были бы откомандированы с этой целью, — отмечалось далее, — ...то королевское правительство не может на то согласиться, так как это было бы нарушением конституции и закона об уголовном судопроизводстве" [90]. Это послужило формальным предлогом для Австро-Венгрии, чтобы разорвать дипломатические отношения с Сербией. В тот же вечер австро-венгерская миссия покинула Белград; оказалось, что Гизль заранее приказал упаковать архивы и прочее имущество.

В создавшейся обстановке потребовалось немедленное командирование в Берлин нового военного агента вместо недавно "спешно" отозванного полковника Базарова. "Между тем, вследствие наступивших политических осложнений является настоятельно необходимым незамедлительное замещение этого поста, — писал 12(25) июля начальник Генерального штаба министру иностранных дел, — почему я и полагаю соответственным срочно командировать в Берлин для исправления должности военного агента в Германии, военного агента в Бельгии и Нидерландах полковника Потоцкого, который в настоящее время находится в С.-Петербурге" [91]. В Брюссель же "ввиду важности для нас поста военного агента в Бельгии и Нидерландах" для временного исполнения должности предполагалось "ныне же" командировать помощника делопроизводителя ГУГШ Генерального штаба подполковника Майера. "Ввиду необходимости срочного выполнения этих мер" Янушкевич просил

Сазонова "не отказать спешно уведомить... не встречается ли... к сему каких препятствий". Кандидатуры Потоцкого и Майера не вызвали возражений в Министерстве иностранных дел. Телеграммой от того же числа — 12(25) июля — Сазонов довел до сведения глав русских представительства в Берлине "о назначении названных лиц на указанные должности и просил оказывать им содействие" [92].

В этот напряженный момент у правительства России отсутствовала ясность по поводу позиции Англии в надвигающейся войне. В свою очередь Англия не спешила развезти в Берлине и Вене иллюзию, что останется нейтральной в грядущем вооруженном противостоянии, провоцируя тем самым эти страны к развязыванию мировой войны.

"При нынешнем обороте дел первостепенное значение приобретает то положение, которое займет Англия. Пока есть еще возможность предотвратить европейскую войну, — телеграфировал 12(25) июля Сазонов Бенкендорфу, — Англии легче, нежели другим державам, оказать умеряющее влияние на Австрию, так как в Вене ее считают наиболее беспристрастной и потому к ее голосу более склонны прислушиваться" [93].

"К сожалению, — констатировал русский министр иностранных дел, — по имеющимся у нас сведениям, Австрия, накануне своего выступления в Белграде, считала себя вправе надеяться, что ее требования не встретят со стороны Англии возражений, и этим расчетом до известной степени было обусловлено ее решение. Поэтому весьма желательно, чтобы Англия ясно и твердо дала понять, что она осуждает не оправданный обстоятельствами и крайне опасный для европейского мира образ действий Австрии..."

Донесения, полученные в этот же день из Лондона от Бенкендорфа отнюдь не вселяли уверенности в части союзнических намерений Англии. "Что касается отчетливой позиции, которая была бы равносильна союзу, — телеграфировал в Петербург русский посол, — то я убедился еще раз из моих сегодняшних разговоров с Греем, что Англия не выскажется, пока объявление всеобщей войны не выдвинет определенно вопроса о европейском равновесии. Отсюда ... она будет сохранять позицию, отвечающую, по ее мнению, роли миротворца" [94].

Одновременно Бенкендорф сообщил о сделанном министру иностранных дел Англии послом Австро-Венгрии заявлении, что "австрийская нота не должна быть рассматриваема как ультиматум, а как демарш, влекущий за собой, в случае отсутствия в назначенный срок ответа или ответа неудовлетворительного, разрыв дипломатических отношений и немедленный отъезд миссии, но не немедленное начало военных действий" [95].

Вечером 12(25) июля был прерван традиционный Царскосельский лагерный сбор, а на церемонии его закрытия Николай II объявил о досрочном производстве юнкеров в офицеры и о выпуске слушателей военных академий.

В этот день царь записал в своем дневнике:

"12 июля. Суббота.

В четверг вечером Австрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, из которых 8 неприемлемы для независимого государства. Срок его истек сегодня в 6 часов дня. Очевидно, разговоры у нас везде только об этом. Утром поехал в Красное Село, и в 10 часов состоялся отличный смотр Астраханскому полку. От 11 часов до 12 часов у меня было совещание с 6 министрами по тому же вопросу и о мерах предосторожности, которые нам следует принять. Запиралка с офицерами Астраханского гренадерского полка. В 2 1/2 поехал в лазарет тети Михен. (Мария Павловна (старшая) (1854—1923), вдова вел. кн. Владимира Александровича, президент Академии художеств. — М.А.). Оттуда в военный госпиталь. Передал приз за лучшую стрельбу в кавалерии лейб-гвардии Гусарскому полку. Произвел смотр 9-му драгунскому и 2-му гусарскому Ахтырскому полкам. Все шефы присутствовали. В 6 час. было производство юнкеров перед столовой палаткой.

В 7 час. был обед офицерам обоих полков. После разговора поехал с тремя старшими дочерьми в театр. Был длинный юбилейный спектакль по случаю его 50-летия. Вернулся в Петергоф в час с четвертью, а лег после 3-х час. из-за массы бумаг" [96].

13(26) июля. Австрия ведет мобилизацию против Сербии.

В русском Генеральном штабе готовятся "на случай высочайшего повеления о производстве общей мобилизации"

В этот день поверенный в делах в Сербии доложил, что "австрийцы пока конфисковали один сербский пароход на Дунае и сосредотачивают войска к границе, не переходя совсем ее. Сербскими военными властями делаются необходимые приготовления по мобилизации" [97].

13(26) июля же от военного агента в Австро-Венгрии Генерального штаба полковника Винкена в ГУШ поступило телеграфное сообщение следующего содержания: "Официально объявлены частичная мобилизация, частичный призыв ополчения. Дунайская флотилия сосредотачивается [к] Землину. [Из] Будапешта отправляются воинские поезда к юго-западу, юго-востоку, кажется, [на] северо-восток. Источников, заслуживающих доверия, узнал: Против сербов мобилизуются корпуса XVI, XV, XIII, IV, VII, части II и III, против Румынии XII, общей численностью, предположительно, четыреста двадцать пять тысяч человек. Главнокомандующим называют эрцгерцога Фридриха, начальником штаба — генерала Конрада, командующими тремя армиями — генералов: Поттиорека, Франка и Ауфенберга. Последние сведения нуждаются в проверке" [98].

В этот же день Винкен дополнительно сообщил, что первым днем мобилизации назначено 15(28) июля.

Управляющий консульством в Праге Казанский в свою очередь доносил: "Мобилизация объявлена. Вчера отправлено на юг 12 полевых и одна мортирная батареи. Из провинции отправляется кавалерия" [99].

Военного агента дополнял вступивший в исполнение обязанностей посол в Вене Шебеко: "Сегодня объявлена частичная мобилизация и частичный созыв ландштурма. Одновременно принят ряд чрезвычайных мер: 1) передача старшему по рангу генералу в Боснии и Герцеговине права верховного управления; 2) призыв общины и чиновников к участию в мерах защиты государства; 3) наказание за нарушение функций общественных учреждений..." [100].

Действительно, поздно вечером 12(25) июля австрийским императором был подписан указ о частичной мобилизации австро-венгерских вооруженных сил, о чем было объявлено 13(26) июля. Первым днем мобилизации было назначено 15(28) июля.

План частичной мобилизации против Сербии был составлен так, чтобы в возможно меньшей мере затрагивались корпуса, непосредственно расположенные у русской границы. Это было намеренно сделано для того, чтобы не давать повода царской России для "беспокойства" и вмешательства.

Объявлять войну Сербии не слишком торопились, так как было признано более целесообразным раньше закончить мобилизацию. Объявление войны должно было состояться только после окончания мобилизации, чтобы иметь возможность произвести последнюю в нормальной обстановке. Сосредоточение войск у сербской границы предполагалось закончить к 5 августа, а военные операции начать с 12 августа [101].

Следует напомнить, что "на случай войны на Балканах" для действий против Сербии и Черногории выделялось три корпуса. Объявленная же частичная мобилизация распространялась на восемь корпусов. До выяснения позиций России пять из восьми подлежащих мобилизации корпусов составляли стратегический резерв, развертывавшийся в глубине страны и предназначенный в случае необходимости — вмешательства России — для переброски в Галицию. Итак, объявленная мобилизация восьми корпусов в рамках частичной мобилизации была направлена не только против Сербии, но и против России.

13(26) июля датирован рапорт военно-морского агента в Германии капитана II ранга Беренса начальнику Морского генерального штаба вице-адмиралу Русину.

"Допишу вашему превосходительству, что, сдав вчера дела агентства капитану I ранга Римскому-Корсакову (Беренс был переведен 9(22) июля на должность командира строившегося в Германии крейсера "Адмирал Невельской" — примеч. автора), я, по желанию здешнего поверенного в делах, остался еще в Берлине... ввиду серьезности положения, краткости пребывания в Германии моего заместителя и отсутствия военного аген-

та", — докладывал Беренс. — Считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что по всем внешним признакам настроение здесь надо считать весьма тревожным: пресса без исключения отнюдь настроена весьма определенно за поддержку Австрии", — писал бывший военноморской агент. — ...Пока что, до заграничного возвращения императора, вряд ли возможно ожидать каких-либо мероприятий (военных), в этом направлении еще пока ничего не произошло, но надо принять во внимание, что сроки мобилизации у них очень коротки и им спешить с ней не надо (Выделено автором) ... С мобилизацией флота затруднений быть не может, ибо обученного персонала у них хватает и германские расстояния позволяют ее провести в короткое время [102].

Мероприятия, проводившиеся в эти дни Морским генеральным штабом по сбору разведывательных сведений и материалов видны из телеграммы вице-адмирала Русина командующему морскими силами Балтийского моря Н.О.Эссену от 13(26) июля:

"1. В ответ на телеграмму № 396 посылаю при сем германский сигнальный свод. Он в единственном экземпляре, поэтому было бы очень желательно, если бы наши возможным размножить его в потребном для вас числе.

2...а). Сведения тайной разведки в Германии пока имеются лишь 10 дней назад — все было спокойно; о новых сведениях срочно запрошены агенты, и их сведения немедленно будут сообщены вам.

б). Министр разрешил зафрахтовать пароходы для разведки... Сейчас в Петербурге имеется лишь один пароход с беспроводным телеграфом... он не годится; поэтому поручил вообще подыскать пароходы (английские, норвежские или французские), пригодные для разведки, на коих можно было бы установить радиостанции наши из числа готовых.

в). Организовать посылку офицеров на коммерческих судах, ходящих в Германию, считаю очень трудно осуществимым, ибо пароходов таких мало и результат едва ли может получиться, так как немцы наших офицеров захватят, что может создать нежелательное осложнение. Полагаю однако возможным установить связь через капитанов коммерческих судов, ходящих в Германию; конечно, больших результатов от этого ждать нельзя, но все же в этом направлении мною принимаются меры" [103].

В течение дня министром иностранных дел направляется целый ряд телеграмм с целью мирного урегулирования конфликта:

1. В Вену (с сообщением в Берлин, Париж и Лондон) о желательности войти через посредство австро-венгерского посла в России "в частный обмен мыслей для совместной переработки некоторых статей австрийской ноты 10(23) июля. Таким путем, быть может, удалось бы найти формулу, которая будучи приемлемой для Сербии, дала вместе с тем удовлетворение требованиям Австрии по существу".

"Рассмотрев с ним (послом Австро-Венгрии — примеч. автора) предъявленные Сербии десять требований, — детализировал позицию России Сазонов, — я указал на то, что помимо неудачной формы, в которую они облечены, некоторые из них фактически совершенно невыполнимы, даже если сербское правительство и заявило о своем согласии их принять. Так, например пункты 1 и 2 не могут быть осуществлены без изменения сербских законов о печати и о союзах, на что едва ли возможно будет получить согласие скупщины; выполнение же пунктов 4 и 5 неизбежно привело бы к весьма опасным последствиям и угрожало бы даже террористическими актами, направленными против членов королевского дома и Пашича, что едва ли соответствует целям Австрии. Что касается других пунктов, то мне кажется, что с известными видоизменениями в подробностях было бы нетрудно в отношении их найти почву для соглашения, если обвинения в них заключающиеся, будут подтверждены достаточными доказательствами" [104]. Таким образом, Сазонов начал прямые переговоры с Австро-Венгрией через посредство австрийского посла в Петербурге.

2. В Рим — с указанием, что "Италия могла бы сыграть первостепенную роль в деле обеспечения мира, если бы оказала бы должное воздействие на Австрию и заняла бы определенное отрицательное положение к конфликту, ибо последний не может остаться локализованным" [105].

3. В Бухарест — с расчетом, "что все симпатии и надежды на будущее должны указать солидарность ее интересов с Сербией и с целью выяснения позиции Румынии, если конфликт окажется неизбежным" [106].

4. В Берлин — с просьбой, чтобы германский министр иностранных дел нашел "возможным со своей стороны посоветовать в Вене принять настоящее наше предложение" [107].

Министерство иностранных дел было озабочено и получением разведывательных сведений чисто военного характера. В этот день Сазонов направил телеграммы в Берлин, в Вену, Константинополь, в Стокгольм, Бухарест, Христианию, Копенгаген и Софию с предписанием "сообщать по телеграфу все имеющиеся сведения о пополнении и передвижениях сухопутных войск, вооружениях и передвижениях морских сил и вообще военных мерах в пограничных с нами странах. При этом на телеграмме присутствовала пометка, что в телеграмме в Софию следует после слов "пограничных с нами странами" вставить "и в Болгарии и Турции" [108]. Адресатам поручалось также "вменить всем подведомственным... консульствам передавать по телеграфу в министерство все имеющиеся у них сведения по тому же предмету".

В этот день через посла в Константинополе Гирса был передан приказ командиру канонерской лодки "Терек", находившейся в албанских водах, идти в Севастополь и быть на пути "в полной боевой готовности ввиду возможности разрыва с нашим противником" [109].

"Вследствие распространившихся в городе слухов о нашей мобилизации граф Пурталес прислал ко мне германского военного агента майора фон Эггелинга, — пишет в своих воспоминаниях Сухомлинов о событиях 13(26) июля. — Я его ознакомил подробно с настоящим положением вещей, уверив его, что повеления об общей мобилизации не было и что на германской границе никаких приготовлений для выступления в поход сделано не было" [110].

13(26) июля в Петербург вернулся срочно вызванный из командировки генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Ю.Н. Данилов. "Ознакомившись с обстановкой и оценив ее как крайне тревожную, я немедленно послал телеграмму моей семье, — вспоминает Данилов, — находившейся в деревне в Подольской губернии, вблизи австрийской границы, прося ее спешно вернуться в Петербург". "В Главном управлении Генерального штаба я застал все еще неуверенность и колебания по вопросу о том, возможно ли рисковать нарушением расчетов общей мобилизации, — пишет бывший генерал-квартирмейстер. — Начальник генерального штаба генерал Янушкевич не находил достаточных оснований к тому, чтобы возбуждать вопрос о пересмотре постановления о частной мобилизации. Его ближайшие сотрудники, напротив, возражали против этого и указывали на огромные технические затруднения и опасности, могущие явиться в результате намечаемого решения вопроса" [111]. По настоянию Данилова было созвано совещание по вопросу о характере предстоящей мобилизации. В нем кроме Данилова приняли участие Янушкевич, Добророльский и Ронжипп.

В результате обсуждения, видимо проникшись, наконец, доводами подчиненных, начальник Генерального штаба дал согласие на подготовку дополнительно к уже представленному ему утром проекту всеподданнейшего доклада военного министра "с раскрашенной схемой" о проведении частной мобилизации второго проекта доклада "на случай воследования высочайшего повеления о производстве общей мобилизации" [112]. Проект доклада военного министра Николаю II, в котором давались расчеты был представлен Добророльским Янушкевичу вечером этого же дня.

Германия проводила мобилизационные мероприятия достаточно скрытно. 13(26) июля военный агент в Париже полковник А.А. Игнатьев, возвращаясь к месту службы на петербургском экспрессе, пересекал Германию. "Естественно, что весь день я не отрываясь от оконного стекла, стремясь заметить хоть малейшие, но хорошо мне знакомые еще с академии признаки предмобилизационного периода; удлинение посадочных платформ, сосредоточение к большим станциям подвижного железнодорожного состава и т.п. Но уже темнело, а мне все еще ничего не удалось заметить" [113].

Этот день не прояснил для России позицию Англии в разрастающемся конфликте. Тем временем 13(26) июля король Георг V беседо-

вал с братом кайзера Генрихом Прусским, находящимся в Англии. "Отдавая себе совершенно ясный отчет в серьезности настоящего положения, — сообщал прищ, — король уверял меня, что он и его правительство ничего не упустят для того, чтобы локализовать войну между Сербией и Австрией". "Он сказал дальше, — продолжает Генрих, — дословно следующее: "Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну и остаться нейтральными". "Я убежден в том, что эти слова были сказаны всерьез, как и в том, что Англия сначала действительно останется нейтральной. Но сможет ли она остаться нейтральной долго, об этом, — заключал Генрих Прусский, — я не могу судить" [114]. Впрочем, длительного нейтралитета Англии для Берлина и не требовалось. Германская дипломатия исходила из планов своего генерального штаба, а план Шлиффена, как известно, предполагал, что разгром Франции произойдет в течение нескольких недель. Следовательно, даже кратковременный нейтралитет Англии представлялся уже достаточным для целей Германии.

Дневниковые записи царя за этот день льют спокойствием:

"13 июля. Воскресенье.

Встал в 9 часов с проливным дождем. После обеда пришел на ферме италмейстера Мекленбург-Стреличского двора, приехавшего с извещением о кончине великого герцога. Он завтракал. Около 2 часов дождь окончился, и к вечеру погода прояснилась. Погулял с детьми и покатался в байдарке. Читал. Купался в море. Ольга Александровна обедала. Вечером сидели вместе" [115].

14(27) июля. "Россия не останется равнодушной к участи Сербии" (Николай II — королевичу-регенту Александру Сербскому)

В этот день посол в Вене доложил министру иностранных дел: "Первым днем мобилизации считается здесь завтра... (четверг). 17(30) прекращается или сильно ограничивается частное движение на большей части австро-венгерских дорог, и начинается сосредоточение на сербской и черногорской границах мобилизационных шести корпусов. Военные действия таким образом могут начаться приблизительно 22 июля [4 августа]" [116].

Военный агент в Вене в своем донесении в ГУГШ повторил доложенное русским послом в Австро-Венгрии: "Семнадцатого июля начнется перевозка войск, от этого дня пассажирское, товарное движение на венгерских казенных железных дорогах преимущественно в юго-восточном направлении совсем прекращается или ограничивается" [117].

"Из Каменец-Подольска пограничная стража доносит, — телеграфировал генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа, —

что все категории одиннадцатого и десятого годов получили повестки, приграничное население встревожено. Пехота и кавалерия пять процентов своих частей отправляют в Боснию" [118].

Управляющий консульством в Праге Казанский сообщал о военных приготовлениях, которые не ограничиваются только территориями, прилегающими к Сербии. "Войска отсюда отправляются в Галицию. Сюда идут немецкие полки из Нижней Австрии" [119].

"Со среды (9(22) июля — примеч. автора) в порту в Киле сверх обыкновенного числа мастеровых, — докладывал в Морской генеральный штаб помощник морского агента в Дании Безкровный 14(27) июля, — 200 наняты для приведения в порядок. В субботу (12(25) июля — примеч. автора) днем из Килы через канал в Северное море ушло два угольных транспорта и один с провиантом" [120].

14(27) июля в Министерстве иностранных дел России была расшифрована телеграмма от 12(25) июля министра иностранных дел Австро-Венгрии Бертольда, находящегося с визитом в Швеции австрийскому послу в Петербурге Сапару: "На сегодняшнем приеме принцы и присутствующие государственные деятели высказали мне удовлетворение по поводу нашего шага в Белграде и особенно отмечали благоприятный (для него) момент. Король дал понять германскому представителю, что в случае конфликта Швеция, вне всяких сомнений, окажется на стороне Тройственного союза" [121].

Посланник в Брюсселе Кудашев доносил в это же время, что "бельгийское правительство твердо решило в случае европейской войны энергично защищать нейтралитет Бельгии, что все приготовления сделаны, чтобы призвать под знамена запасных последних очередей, что дало бы возможность в случае нарушения неприкосновенности бельгийской территории воюющими мобилизовать в короткий срок 150000 человек" [122].

Поверенный в делах в Гааге Ону, в свою очередь, сообщил, что экстренный совет министров Голландии "постановил, не объявляя всеобщей мобилизации, принять подготовительные к ней меры" [123].

Телеграмма посла России в Париже Извольского от того же числа говорила о заявлении австрийского посла французскому правительству, что "ответ Сербии признан в Вене неудовлетворительным и что завтра, во вторник, Австрия предпримет "энергичные действия" с целью заставить Сербию дать ей надлежащие гарантии. Точно посол не разъяснил суть этих "действий", но "речь может идти либо об ультиматуме, либо об объявлении войны, либо о переходе через сербскую границу" [124].

14(27) июля от поверенного в делах в Берлине Броневского поступило сообщение об отрицательной реакции министра иностранных дел Германии Ягова на английскую инициативу. "Ягов отнесся к предложению несочувственно, — докладывал Броневский Сазонову [125]. От него же поступило разъяснение, со ссылкой на беседу французского по-

сла в Берлине с Яговым, в ответ на какие действия России, Германия ответит мобилизацией. "Мы мобилизуем тогда, когда Россия или мобилизует на нашей границе, или же русские войска вступят на австрийскую территорию" [126]. Таким образом, у Сазонова могло сложиться впечатление, что Берлин ничего не будет иметь против частичной мобилизации России, лишь бы не было общей мобилизации и объявления войны Австро-Венгрии.

14(27) июля поверенный в делах в Сербии телеграфировал в министерство иностранных дел: "За отсутствием военного агента (полковник Артамонов уехал в отпуск 8(21) июня 1914 г. — М.А.) военный министр сегодня говорил со мною о технических нуждах сербской армии. Он очень надеется, что присылка 120 000 винтовок с патронами окажется осуществимой и он усердно ходатайствует об уступке Сербии четырех и Черногории двух или всего шести станций беспроволочного телеграфа с техниками и двумястами тысяч комплектов обмундирования" [127]. "Сегодня считается второй день общей мобилизации, — сообщал поверенный в делах. — Сербия выставит всего 400 000 войска и Черногория 30 000, которые будут подчиняться одному всеобщему главному штабу... В случае начала наступления австрийцев, о чем безотлагательно будет уведомлен Петербург, сербские передовые отряды предполагается отводить назад... из Белграда, не вызывая столкновений до сосредоточения главных сил. Дух войск очень бодрый и существующие технические недочеты сербы обещают сторичею возместить непреодолимым натиском. В конечном результате войны никто не хочет сомневаться".

Согласно "Поденной записки министерства иностранных дел" за этот день румынский посланник в Петербурге сообщил барону Шиллингу о том, что Бухарест получал заверения Вены в том, что "Австро-Венгрия не ищет земельных приращений за счет Сербии и что если ей и придется занять своими войсками сербскую территорию, то это будет лишь временно" [128]. На что Шиллинг, как говорит "Поденная записка", возразил: "Подобное заявление имеет меньше всего цены в устах Австрии, которая на примере Боснии и Герцеговины показала всему свету, как она понимает временное занятие чужих земель".

Таким образом, в министерстве иностранных дел России веры в территориальную незаинтересованность Австро-Венгрии не было.

14(27) июля был днем реагирования на сербский ответ по поводу ультиматума Австро-Венгрии. В этот день была отправлена телеграмма Николая II королевичу Александру Сербскому. "Теперешнее положение вещей привлекает мое самое серьезное внимание, и мое правительство прилагает все усилия, дабы устранить настоящие затруднения, — сообщал русский монарх королевичу-регенту. — Я не сомневаюсь в том, что Ваше Высочество и королевское правительство проникнуты желанием облегчить эту задачу, не пренебрегая ничем, дабы прийти к реше-

нию, которое, сохраняя достоинство Сербии, позволило бы предупредить ужасы новой войны. Пока есть надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели" [129].

Вместе с тем в телеграмме говорилось: "Если вопреки нашим самым искренним желаниям мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверены в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной у участи Сербии".

Россия по-прежнему стояла за мирное урегулирование конфликта, поддерживая любую инициативу о посредничестве. На сей раз это было английское предложение о проведении в Лондоне четырехсторонней конференции. В этот день за подписью министра иностранных дел были направлены телеграммы:

1. В Париж, Лондон (с сообщением в Берлин, Вену и Рим) — с уведомлением о том, что английский посол выяснял согласие России на выступление Англии с инициативой созыва в Лондоне конференции из представителей Франции, Германии и Италии, Великобритании "чтобы вчетвером обсудить возможные выходы из положения". "Я ответил послу, — информировал Сазонов, — что мои непосредственные переговоры с австрийским послом начались благоприятно, но что я еще не имею ответа на сделанное мною предложение совместного пересмотра ноты. Если бы непосредственные наши объяснения с Венским кабинетом не наладились, я готов принять английское предложение, это, или всякое другое, способное мирно разрешить конфликт" [130].

2. В Цетинье (Черногория) — для сведения и руководства. "Россия преподала Сербии совет не сходить с примирительной позиции, выказывая готовность удовлетворить требования Австрии в той мере, какая совместима с независимостью Сербии... Пока есть надежда, что попытки России и других держав приведут к благоприятному результату, Черногория надлежит прибегать к той же выжидательной тактике.

Если однако Австрия выкажет непримиримость и обрушится на Сербию, Россия не останется равнодушной [к] ее участи" [131].

3. В Париж, Лондон, Вену, Рим, Константинополь и Берлин — для доведения до сведения правительства стран пребывания. "Только что ознакомившись с ответом, врученным Панаичем (Премьер-министр Сербии — примеч. автора) барону Гизю. Ответ превышает все наши ожидания своей умеренностью и готовностью дать самое полное удовлетворение Австрии. Мы недоумевали, в чем может заключаться еще требование Австрии, если только она не ищет предлога для экспедиции против Сербии" [132].

4. В Константинополь, Софию и Бухарест — с предписанием "одновременно с сообщением в министерство иностранных дел доставлять также непосредственно командующему Черноморскими морскими силами в Севастополь все сведения о вооружениях и передвижениях морских

сил Турции, Болгарии и Румынии и вообще о всяком морском положении в районе Черного моря" [133].

Во второй половине дня германский посол Пурталес имел беседу с Сазоновым по поводу двух полученных им телеграмм канцлера, из которых первая указывала, что так как Австрия не ищет территориальных приобретений, то "поддерживание европейского мира зависит всецело от России". "Германия, — говорилось далее, — полагаясь на миролюбие России и наши исконно-добрососедские отношения с нею, верит, что она не предпримет шагов, могущих явиться серьезной угрозой европейскому миру" [134].

"Вторая телеграмма, — вспоминает Пурталес, — находясь в связи с предыдущей, отмечала, что подготовительные военные мероприятия России, направленные против нас, должны нас вынудить к принятию встречных мер, каковые должны привести к мобилизации армии. Мобилизация же означает уже войну. Так как нам известны обязательства Франции по отношению к России, то наша мобилизация должна быть направлена в одно и то же время и против России, и против Франции. Мы не можем допустить, чтобы в намерения России входило вызвать такую европейскую войну". Посол разрешил России "занять выжидательное положение", как гарантию против захватнических планов Австрии.

Сазонов заверил Пурталеса, что "в своем предупредительном отношении к Австро-Венгрии он пойдет до крайнего предела и намерен исчерпать все средства, способные разрешить нынешний кризис мирным путем".

"Что касается, — продолжает германский посол, — серьезных предупреждений имперского канцлера относительно русских вооружений, то министр иностранных дел сослался на заявления, сделанные накануне генералом Сухоминовым майору фон Эггелингу. Я отвечал, что мне остается лишь вновь настоятельно просить министра принять близко к сердцу за сутки перед тем развитые мною соображения касательно военных мероприятий".

Однако, по словам Пурталеса, "в течение того же дня поступили известия, неспособные поддерживать оптимистический взгляд на создавшееся положение". Какие сведения легли в основу пессимистической оценки ситуации германским послом? Его жена навестила "одну знакомую даму", которая и сообщила, что в Царском Селе всю ночь к вокзалу шли обозы с амуницией и всяким оружием. Проведенные проверки через консульские организации этих сведений не оставляли никакого сомнения, что весьма значительные военные подотготовки были на полном ходу.

Действительно, военные мероприятия подотготовительного характера набирали обороты. Сухоминов в своих воспоминаниях указывает, что в частях Петербургского гарнизона происходила погрузка походного снаряжения обозы, вооружения, "что дало повод распространению слухов о наступлении в поход гвардии" [135]. По воспоминаниям Б. М. Шапошникова, "в

кавалерийской дивизии, в штабе которой автор служит перед войной, стоявшей в 12 верстах от границы (германской и австрийской), именно в этот день, 27 июля, по почину самой дивизии, было отдано приказание о полной мобилизации. Такова была уверенность в неизбежности войны, что пограничная дивизия хотела как можно скорее привести себя в состояние боевой готовности". "Нет сомнения, — писал Шапошников, — что в Петербургском округе мероприятия предварительного периода к войне выходили далеко за рамки обычных мер, приближаясь по своему характеру к мобилизации" [136].

В своем дневнике российский император записал:

"14 июля. Понедельник.

"Годная поездка продолжалась. Утром посетил Николая, затем пришел Григорьевичи в 12 час. Ганссы (Ганссы А.С., главноуправляющий советом. Е.Н.В. канцелярии; отец А.А. Вырубовой, поклонницы Григ. Распутна. — М.А.).

Затрапали один. Он 3 час. поиграл в теннис. В 6 час. пришел Маклаков (Маклаков Н.А. (1871—1918), министр внутренних дел. — М.А.). Интересных известий было мало, но из доклада письменного Сазонова [видно, что] австрийцы, повидимому, озадачены слухом о наших приготовлениях и начинают говорить. Весь вечер читал" [137].

15(28) июля. Австро-Венгрия объявляет войну Сербии.

Французский посол в Петербурге заявляет "о полной готовности Франции исполнить свои союзнические обязательства"

Поступающие в этот день сведения о военных приготовлениях вероятных противников были нейтрально-настороженные в части германских вооруженных сил и тревожные в том, что касается мероприятий, проводимых в войсках Австро-Венгрии.

15(28) июля в часть 1 обер-квартирмейстера ГУТШ по линии контрразведывательного отделения поступило донесение о том, что "15 сего июля в канцелярии градоначальника (Петербургского — примеч. автора) взяты заграничные паспорта 18-ю иностранными подданными; 15 германские и 3 австрийские, причем германские подданные в разговоре между собой в канцелярии говорили, что двое из них вызваны экстренно по случаю войны" [138].

15(28) июля Генерального штаба полковник Старович представил на имя начальника Генерального штаба отчет о своих "наблюдениях за событиями в Карлсбаде в течение последних дней (с 11-го по 13-е июля) и проезде из Карлсбада... в Вержболово 13-го — 14-го сего июля" [139].

"По проезде на германских железных дорогах по линиям Дрезден-Берлин-Кенигсберг-Истербург-Эйдукунен ничего замечено не было; жизнь текла обычным порядком", — докладывал Старович.

Согласно сводке агентурных сведений, поступивших в Морской генеральный штаб, "15(28)июля в Киль пришло около 20 больших ко-

раблей, между ними 5 дредноутов, затем 3 крейсера с одним дивизионным миноносцем..." [140].

"Наш офицер при верфи в Киле сообщает через миссию морскому агенту в Берлине, что часть действующего флота пришла ночью в Данциг в боевой готовности", — телеграфировал в министерство иностранных дел посланник в Гамбурге [141].

"Сводка сведений французского генерального штаба, которую буду сообщать ежедневно, — доказывал полковник Игнатьев, — дает следующее:

1) по Германии приняты меры по мобилизации крепостей Меца, Тулузы;

2) германские войска в Франция пока не выдвинуты;

3) бригады из Мюльгауиса возвращены из лагеря.

По Бельгии отдано распоряжение о мобилизации крепости Анверс (Антверпен — примеч. авт.)" [142]. "Мобилизуются корпуса шестнадцатый, пятнадцатый, тринадцатый, четвертый седьмой, части второго и третьего, кроме того один или оба богемских, — доносил военный агент из Вены. — О шестом не имеют подтверждений. Достоверно призваны Краков два офицера и один нижний чин запаса (так в подлиннике — примеч. авт.). По слухам кавалерия Вены будет отправлена в Галицию" [143].

"Мобилизация решена. Призываются исключительно запасные до срока двух лет, — дополнил информацию о военных приготовлениях Австро-Венгрии генеральный консул в Будапеште Приклонский. — Мобилизован ландвер и гонвед. Пассажирское движение с 12 часов среды, завтра, ограничивается одним поездом для каждого направления. На юг будут отправляться 32 воинских поезда ежедневно. По Дунаю непрерывно отправляются войска на судах. Среди запасных тамошних сербов и швабов замечается сильное пьянство" [144].

Водоразделом событий дня явилось известие об объявлении "в полдень" Австро-Венгрией войны Сербии [145]. Объявление войны Сербии создавало новую международную ситуацию. Оно позволяло отвергать посредничество и переговоры на основе сербского ответа, чего и добивались австрийские организаторы войны, стремившиеся закончить австро-сербский конфликт военной развязкой. Это им удалось: ссылаясь теперь на формальное объявление войны Сербии, они могли отклонять всякое предложение о посредничестве и не бояться отступления и "предательства" Германии, ибо последняя с объявлением войны уже не могла оставить своего союзника без тяжелого дипломатического поражения и потери своих позиций на Балканах.

Именно такую линию — отказ от всякого посредничества ввиду объявления войны — и взял с этого дня министр иностранных дел Австро-Венгрии, заботой которого стало обеспечить военную помощь Берлину. Он сжег свои мосты и хотел поскорее ежечь их за своим союзником.

Все последующие дни вплоть до 31 июля Вена упорно отказывалась рассматривать любые предложения Антанты о посредничестве, понимая, что вмешательство в австро-сербский конфликт какой-либо из держав Антанты не позволит осуществить расправу с Сербией. Проводя эту линию, Бертольд опирался на успокоительные заявления, сделанные германским министром иностранных дел Яговым австрийскому послу Сегену о том, что в Берлине ни в коем случае не солидаризируются с предложениями Антанты о посредничестве, пересылая их лишь для того, чтобы задержать наступление Англии в войну [146].

Объявление войны Сербии не могло не пошатнуть за собой ответных действий со стороны России как политического, так и военного характера.

"Вследствие объявления Австрией войны Сербии непосредственные объяснения мои с австрийским послом, очевидно, нецелесообразны, — сообщал Сазонов Бисмарк-Дорфу (в копии послан в Париже, Берлине, Вене, Риме). — Необходимо скорейшее воздействие Англии с целью посредничества и немедленная приостановка военных действий Австрии против Сербии. Иначе посредничества лишь послужит предлогом для оттяжки разрешения вопроса и даст возможность Австрии тем временем совершенно раздать Серию" [147]. Россия все еще рассчитывала предотвратить войну дипломатическими средствами.

Объявив войну Сербии, Австро-Венгрия сама перечеркнула предложение России о совместной выработке приемлемого для Београда и Вены варианта ноты. *"Я обратил... внимание Бертольда на предстоящую опасность, угрожающую европейскому миру в случае вооруженного столкновения между Австрией и Сербией, — телеграфировал посол в Вене Шебеко, — министр иностранных дел ответил мне, что не может отступить и вступить в обсуждение текста своей ноты. Кризис настолько обострился, возбуждение общественного мнения внутри страны достигло таких размеров, что правительство, если бы и хотело, то не могло бы на это пойти, тем более, что ответ Сербии служит доказательством неискренности ее заверений для будущего"* [148].

"Бертольд по-видимому был весьма озабочен полученными им сведениями о мобилизации Черногории и высказал мне удивление этой ничем, по его мнению, не вызванной мере, — указывал Шебеко. — Из моего разговора я вынес впечатление, что австро-венгерское правительство в настоящую минуту решило нанести Сербии удар для поднятия своего престижа на Балканах и внутри страны и рассчитывает на поддержку Германии и миролюбие остальных держав для локализации конфликта".

Австро-Венгрия, по словам посла Великобритании в Петербурге Бьюкенена, рассчитывала, что ей позволят *"строго наказать"* Серию, тем временем как Россия будет *"придерживаться пассивной роли незаинтересованного зрителя"* [149].

В этот критический момент особенно важно было знать, какую позицию займут европейские страны, могущие быть втянутыми в войну, как союзники России, так и ее вероятные противники.

За Францию можно было не волноваться. *"Немедленно по приезде был принят военным министром и начальником генерального штаба, выразившим полную и живейшую готовность выполнять свято союзнические обязательства, — докладывал военный агент во Франции Игнатьев. — Настроение спокойное, твердое. Приготовления французской армии сводятся к следующему:*

1) Сегодня к шести часам вечера закончена перевозка войсковых частей, находившихся в лагерях, в свои гарнизоны в пяти пограничных корпусах: втором, шестом, седьмом, двенадцатом и двадцать первом. В тех же корпусах сосредоточены офицеры из отпусков.

2) Прекращены отпуска во всей армии.

3) Приняты меры к усиленной охране железнодорожных линий и важнейших военных учреждений, вроде башии Эйфеля, и пороховых складов.

4) Разыслано предупредительное объявление железнодорожным обществам, что сократит срок мобилизации на несколько часов" [150]. В свою очередь французский посол в Петербурге, как следует из *"Поденной записи министерства иностранных дел"*, *"по поручению своего правительства, заявил министру иностранных дел о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, свои союзнические обязательства"* [151].

По-прежнему не было ясности в части позиции Англии, хотя из полученной телеграммы от военного агента в Лондоне можно было сделать вывод о начале проведения мобилизационных мероприятий флота. *"Английский флот готовится, — доносил в Отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-лейтенант Ермолов. — Первые четыре боевые эскадры — двадцать девять броненосцев с крейсерами, миноносцами — собраны, готовы, берут уголь из Портланда. Остальные эскадры могут быть готовы через сутки. В армии мобилизации еще нет. Отпуска во флоте приостановлены"* [152]. Ермолов пришел к неверным выводам, оценивая ставшие ему известными факты. В действительности же, учитывая серьезность положения, английское правительство приняло решение не возвращать в порты приписки боевые корабли флота, собранного на маневр на рейде Портланда.

Не было определенности и в том, какую позицию займет Румыния. *"Лично. Прошу расшифровать лично, — так начиналась телеграмма за подписью Сазонова посланнику в Бухаресте Поклевскому. — Из весьма достоверного источника (расшифрована телеграмма Ягова Пурталесу — примеч. автора) узнаем, что будто румынский посланник в Берлине, ссылаясь на поручение от короля, и, по-видимому, от Братияну, просил Ягова держать его в курсе всего происходящего, чтобы Румыния в случае*

войны, в которую была бы стянута Россия, могла бы подготовить общественное мнение и принять военные меры. Бельдман (румынский посланник в Берлине — примеч. автора) будто бы заявил, что если Румыния получит уверенность, что Болгария не нападет на нее с тыла, то Румыния в таком случае будет иметь возможность обратить все свои силы против России" [153].

"Мы не хотели верить подобным сведениям, так как, если бы они оправдались, они обличили бы Румынию в беспрецедентном коварстве. Все же благоволившие тщательно проверить это и срочно телеграфировать", — предписывал министр.

Из расшифрованной телеграммы болгарского министра иностранных дел Радославова болгарскому посланнику в Петербурге Радко Дмитриеву следовало, что "Болгария сохранит нейтралитет" [154].

Посол в Константинополе Гирс доложил в Петербург: "Из весьма секретного источника мне сообщают, будто бы вчера вечером турецкое военное министерство разослало корпусным командирам [предписанье] принять все подготовительные меры на случай призыва резервистов 1903 и 1904 годов, к самому же призыву пока не приступать" [155].

Тот же Гирс сообщил о реакции Турции на военные приготовления России: "Принимаемые нами морскими военными властями чрезвычайные меры, как закрытие всех черноморских маяков, кроме Херсонского, и отозвание стационара посла (канонерская лодка "Доист" была отозвана в Севастополь — примеч. автора), вызывают среди турок некоторое недоумение" [156].

Объявление Австро-Венгрии войны Сербии подталкивало Россию к проведению частичной мобилизации, возможность которой предусматривалась на совещаниях Совета Министров 11(24) — 12(25) июля. "Вследствие объявления Австрией войны Сербии нами завтра будет объявлена мобилизация в Одесском, Киевском, Московском и Казанском округах, — сообщал министр иностранных дел поверенному в делах в Берлине и в копиях послам в Вене, Париже, Лондоне и Риме. — Доводя об этом до сведения германского правительства, подтвердите об отсутствии у России каких-либо наступательных намерений против Германии. Наш посол в Вене пока не отзывается со своего поста" [157].

Другой телеграммой министр предлагал послам в Лондоне, Вене, Париже и Риме сообщить содержание предыдущей телеграммы соответствующим правительствам.

Вместе с тем в этот же день начальник Генерального штаба Янушкевич направил телеграмму главнокомандующему войсками гвардии Петербургского военного округа Великому князю Николаю Николаевичу, наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову, командующим войсками Московского, Варшавского, Казанского, Виленского, Киевского, Одесского и Иркутского округов — Плеве, Жилинскому, Зальца,

Ренненкампу, Иванову, Никитину и Эверту и наказному атаману войска Донского Покотилю следующего содержания:

"Сообщается для сведения: семнадцатого июля будет объявлено первым днем нашей общей мобилизации. Объявление последует установленною телеграммой" [158].

Если Петербург для "спасения мира" считал необходимым условием, чтобы ни один солдат монархии не перешагнул сербской границы, то Берлин считал нужным для удовлетворения "воинской чести" австро-венгерской армии занять Белград. Трудно было при таком подходе спасти мир!

Прочитав ответ сербского правительства на австрийскую ноту, Вильгельм нашел, что это — "блестящее достижение для срока не более 48 часов!" "Это больше того, что можно было ожидать! Для Вены, понятно, большой моральный успех, но из-за этого отпадает всякое основание войны, и Гизлю следовало спокойно оставаться в Белграде! Предвидя подобное, никогда не издал бы приказа о мобилизации" [159].

Находя, "что в общем и целом требования Дунайской монархии выполнены" и "отпадает всякий повод для войны", в письме к германскому канцлеру Вильгельм находил нужным, чтобы "эти прекрасные обещания стали действительностью", "чтобы Австрия, с целью заставить выполнить обещания, оккупировала что-нибудь в качестве залога (Белград) и удержала его до тех пор, пока... обещания в действительности не будут проведены в жизнь". "Это необходимо еще для того, чтобы дать в третий раз зря мобилизованной армии внешнее удовлетворение чести, создать для нее видимость успеха перед заграницей и сознание, что она, по крайней мере, побывала на чужой земле. В противном случае, при отмене военного похода могло бы возникнуть дурное настроение против династии, которое могло бы стать в высшей степени серьезным", — указывал канцлер.

Следствием рассуждений Вильгельма явилась германская нота от 15(28) июля, обращенная в первую очередь к Австро-Венгрии и полученная впоследствии название "Halt in Belgrad". Суть этого предположения, вскрывавшего истинные намерения Германии, следуют из депеш имперского канцлера, адресованной германскому послу в Вене.

"Полученный от сербского правительства ответ на ультиматум, — писал Бетман-Гольвег, — позволяет прийти к выводу, что Сербия настолько широко пошла навстречу австрийским требованиям, что при совершенно непримиримой позиции австро-венгерского правительства придется считаться с постепенным поворотом общественного мнения всей Европы против Австрии. По данным австрийского генерального штаба активное военное выступление против Сербии возможно не ранее 12 августа. В силу этого имперское [германское] правительство попадает в чрезвычайно трудное положение из-за того, что за этот промежу-

так времени оно может получить предложения от других правительств о посредничестве и конференциях. Если оно и далее будет относиться к подобным предложениям так же сдержанно, как и до сих пор, то одиум ответственности за возникновение мировой войны по его вине в конце концов упадет на него и в глазах германского народа. А на такой основе нельзя начинать и вести успешно войну на три фронта. Поэтому настоятельно необходимо, чтобы при всех обстоятельствах ответственность за возможное распространение конфликта на участников, в нем непосредственно заинтересованных, упала на Россию. В последней беседе господина Сазонова с графом Пурталесом министр почти признал, что Сербия должна получить заслуженный урок. Отсюда недалеко до вывода, что русское правительство должно признать, что поскольку уже начата мобилизация австро-венгерской армии, то сама честь оружия [!!!] требует вторжения в Сербию. Но она [Россия] тем более примириться с этой целью, если венский кабинет повторит в Петербурге определенное заявление, что он далек от мысли о территориальных приобретениях в Сербии и что его военные меры имеют целью лишь временную оккупацию Белграда и некоторых других пунктов сербской территории, чтобы принудить сербское правительство полностью выполнить его требования и создать гарантии будущего добропорядочного поведения, которого Австро-Венгрия, как показывает прежний опыт Сербии, безусловно вправе требовать. Если русское правительство не признает точку зрения справедливой, то оно будет иметь против себя общественное мнение всей Европы, сейчас настроенное против Австрии. Дальнейшим следствием будет значительное изменение общей дипломатической и вероятно также военной ситуации в пользу Австро-Венгрии и ее союзников.

Ваше превосходительство сообразовалось обстоятельно и выразительно поговорить в этом смысле с графом Берхтольдом и намекнуть на соответствующий демарш в Петербурге. При этом вы должны тщательно избегать создать впечатление, что мы желали бы сдержанно Австрию. Дело идет лишь о том, чтобы найти способ, позволяющий осуществить преследуемые Австро-Венгрией цели — обрезать жизненный нерв великосербской пропаганды, не развязывая в то же время мировой войны, а если она в конце концов неизбежна, то максимально улучшить условия, в которых ее придется вести" [160].

Бетман-Гольдберг больше всего боялся создать впечатление, будто Германия "желала бы сдержанно Австрию". Одно это служит достаточным свидетельством того, что, выступая с предложением "Halt in Belgrad" ("Временная оккупация Белграда" — примеч. автора), германское правительство старалось только обмануть своих противников и общественное мнение, публично демонстрируя свою "любовь к миру", но отнюдь не имело в виду сохранить мир. Смысл германского сообщения в Вену заключался лишь в требовании от последней

сделать что-нибудь для соблюдения приличий и помочь перебросить ответственность на противников, а также при помощи всякого рода дипломатической активности оттянуть срок развязки до 12 августа, когда будут закончены мобилизация и сосредоточение австро-венгерской армии. На самом деле предложение "Halt in Belgrad" было заведомо неприемлемым предложением для Сербии и России, и именно в силу своей неприемлемости оно и было сделано: отказ противника можно было использовать для обличения его в агрессивности. События последующего дня показали, что это предложение оказалось неприемлемым и для Австро-Венгрии.

Из дневниковых записей царя:

"15 июля. Вторник.

Принял доклад Сухомлинова и Янушкевича. Завтракали: Елена (Елена Петровна, урожд. принцесса сербская, жена кн. Иоанна Константиновича. — М.А.) и Вера Черногорская (Вера, королева черногорская. — М.А.). В 2 1/2 ч. принял в Большом дворце представителей съезда военного морского духовенства с отцом Шавельским (Шавельский, Г.И., протопресвитер военного и морского духовенства. — М.А.) во главе. Поиграли в теннис. В 5 час. поехали с дочерьми в Стрельну к тете Ольге и пить чай с ней и Митей (Дмитрий Константинович (1860—1918), вел. князь, ген.-адъютант. — М.А.). В 8 1/2 ч. принял Сазонова, который сообщил, что сегодня в полдень Австрия объявила войну Сербии. Обедая, Ольга и Арсеньев (Арсеньев, Е.К., ком. кирасирского имп. Марии Федоровны полка, флигель-адъютант. — М.А.) (дежурный). Читал и писал весь вечер." [161].

16(29) июля. "Войны не объявляй"

(Григорий Распутин — российскому императору)

Итак, 15(28) июля, по линии министерства иностранных дел была распространена информация, что 16(29) июля в России будет объявлена частичная мобилизация против Австро-Венгрии. По военной же линии прошла информация, что 17(30) июля будет объявлена общая мобилизация.

О частичной мобилизации говорит и Сухомлинов. По его словам: "В тот же день 15/28 июля, после того, как я вернулся в Петербург, во второй половине дня генерал Янушкевич доложил мне о полученном им от Сазонова величайшем повелении мобилизовать Киевский, Московский, Казанский и Одесский округа" [162]. Причиной этого, якобы, была телеграмма русского посла в Вене об объявлении Австро-Венгрией общей мобилизации.

Если вспомнить, то как Данилов, так и Добrorольский все время доказывали несостоятельность частичной мобилизации и необходимость общей.

Добропольский так отмечает этот факт: "15 июля — день объявления Австро-Венгрии войны Сербии — Сазонов сразу покидает его оптимизм, он проникается мыслью о неизбежности общей войны и указывает Янушкевичу о необходимости более не медлить с мобилизацией нашей армии. Причем в представлении министра иностранных дел о мобилизации, по словам Янушкевича, сквозило теперь удивление, почему она не была начата ранее" [163].

"Вечером 15-го изготавливаются к подписи два высочайших указа — один для общей, другой для частной мобилизации".

По словам Добропольского, "утром 16 июля генерал Янушкевич вручил мне для исполнения подписанный государем императором указ об общей мобилизации, где первым днем мобилизации назначено 17 июля".

Данилов, в свою очередь, свидетельствует: "Утром 29 июля к начальнику мобилизационного отдела вернулся подписанный государем высочайший указ об общей мобилизации армии, началом которой назначено считать 12 часов ночи на 30 июля" [164].

Итак, согласно Данилову и Добропольскому, в ночь на 29 (утром 29) июля Николаем был подписан указ об общей мобилизации армии.

Выше было сказано, что Сазонов передал Янушкевичу приказание об объявлении частной мобилизации, о чем начальник штаба доложил Сухомлинову. Сам Сазонов сообщал в западноевропейские государства об объявлении частной мобилизации. На деле, как утверждают сотрудники Генерального штаба, уже был подписан указ об общей мобилизации.

Вернемся еще раз к воспоминаниям Сухомлинова. "В дипломатических вопросах я участия не принимал, Николай Николаевич сумел отвести от Государя всех неудобных для него совещников... — вспоминает он, — если же теперь оказывается, что помимо меня начальник Генерального штаба собирался пустить в ход общую мобилизацию вместо частичной, то для меня это новость — обстоятельство, искусно скрытое в свое время. Янушкевич был умный и осторожный человек, самостоятельно решиться на такое преступное дело не мог. Нет никакого сомнения, что им руководило лицо, имевшее такое исключительное влияние на Государя, что Янушкевич ничем не рисковал" [165].

"В настоящее время выясняется, — продолжает Сухомлинов, — что 29 июля, вместо решенной частичной мобилизации, чуть не объявили общую. За моей спиной пытались, очевидно, получить разрешение Государя объявить общую мобилизацию. По-видимому, Николай Николаевич вынул у Государя согласие на это".

Трудно поверить, что без ведома военного министра царю были представлены Янушкевичем на подпись два проекта приказа о мобилизации.

"Над историей подписи указа, — по мнению Б.М. Шапошникова, детально исследовавшего этот вопрос, — висит еще пока неясная неизвестность" [166]. "Можно сделать два предположения, — пишет он,

— или начальник Генерального штаба, не ставя в известность ни министра иностранных дел, ни военного, подал свой доклад с проектами двух указов и добился общей мобилизации, или, если, по Добропольскому, Сазонов 28 июля считался с общей войной, то и указ об общей мобилизации соответствовал его видам и желаниям. Первое предположение говорит о том, что русский Генеральный штаб, имея указания избегать излишней военной готовности на границах с Германией, хотел тайно провести общую мобилизацию, вводя в заблуждение министра иностранных дел, сообщавшего даже союзным государствам о частной мобилизации. Второе предположение позволяет сказать, что, обещая в этот день Берлину и Вене в игре краплеными картами, Сазонов, в глубине души, находил этот прием довольно хорошим и сам вел игру с подобными же картами. Так или иначе, в ночь на 29 июля был подписан указ, который рассматривался бы Берлином как повод к войне, и к ней, во всяком случае, шел тот, кто ставил свое имя, — Николай Романов. Берлину в Петербурге не верили и решили застраховать себя от нападения, сознательно вызывая последнее".

Насколько обоснованы выводы Шапошникова? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует вернуться еще раз к воспоминаниям бывшего военного министра.

"Порядок объявления мобилизации у нас был таков, — пишет В.А. Сухомлинов, — Государь подписывал указ, поступающий затем в Сенат. После того, за подписью министров военного, морского и внутренних дел, в округа рассылались телеграммы с обозначением первого дня начала мобилизации, когда на это получалось высочайшее повеление (Выделено авт.). Лишь вслед за сим происходило то, что называется "нажатием кнопки" [167]. Очевидно, что эта процедура распространялась как на объявление общей, так и частной мобилизации. И еще одно замечание: Сенат в рассматриваемый момент находился на каникулах.

Итак, подписание царем указа об объявлении мобилизации, еще не означало ее проведения без "высочайшего повеления".

В ночь на 16(29) — утром 16(29) июля Николаем II было подписано два указа об объявлении общей и частной мобилизации. Еще до подписания указов (во второй половине дня 15(28) июля) было дано "высочайшее повеление" на проведение частной мобилизации, о чем телеграфировал Сазонов.

Предвидя ухудшение обстановки и нарастание конфронтации с Германией, Янушкевич, еще до подписания указа, стремясь не опоздать, не потерять ни одного дня в проведении мобилизационных мероприятий, довел до сведения командующих округами, что 17(30) июля будет объявлена общая мобилизация.

Таким образом, 15(28) в ночь-наутро 16(29) июля не было принято каких-либо решений, которые могли бы дать повод Германии к войне.

Последнее слово об объявлении частной или общей мобилизации или об их отмене принадлежало русскому царю.

В создавшейся обстановке в министерстве иностранных дел было принято решение привлечь царя к оказанию давления на германского императора. Ключи от мира, находившись в Берлине. "Рад твоему возвращению, — телеграфировал Николай II Вильгельму II, находящемуся до этого с "Флотом открытого моря" в Норвежском море. — В этот чрезвычайно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предлагаю, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я прошу тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко. Ники" [168].

Телеграмма была подписана Николаем II вечером 15(28) июля и "подана 16/29 июля в Петербург в 24.29 м. ночи". В эту же ночь — в 1 час 45 минут — почти одновременно телеграф передал из Берлина в Петербург телеграмму Вильгельма II подписанную им в 10 часов 45 минут вечера 15(28) июля.

"С глубочайшим сожалением я узнал о впечатлении, произведенном в твоей стране выступлением Австрии против Сербии. Без сомнения, ты согласишься со мной, что наши общие интересы... требуют, чтобы все лица, нравственно ответственные за это подлое убийство, понесли заслуженное наказание. В данном случае политика не играет никакой роли", — настаивал германский кайзер [169]. "...принимая во внимание сердечную и нежную дружбу", "Вилли" обещал употребить "все свое влияние, чтобы побудить австрийцев действовать со всей прямотой для достижения удовлетворительного соглашения" с Россией.

Однако германский император, как следовало из его инициативы "Halt in Belgrad", отнюдь не был настроен столь миролюбиво.

В этот критический день решение вопроса быть или не быть мировой войне всецело зависело от Австро-Венгрии, от того — перейдет ли она к боевым действиям против Сербии или нет — и от позиции Германии — удастся ли ей удержать свою союзницу от вооруженной интервенции или нет и будет ли она предпринимать усилия в этом направлении.

Именно от этих двух факторов зависело объявление мобилизации в России, следствием которой (в случае объявления общей мобилизации) должно было явиться проведение мобилизации в Германии за чем неизбежно следовало объявление войны последней России и Франции. Об этом знали все, но Австро-Венгрия и Германия рассчитывали на то, что в очередной раз Россия уступит нажиму.

"Сводка сведений, поступивших в Главное управление Генерального штаба за 16 июля 1914 г.", составленная по состоянию ориентировочно

на 16.00 — 17.00, отмечала проведение частной мобилизации Австро-Венгрии против Сербии и констатировала отсутствие военных приготовлений в армии Германии:

"Австро-Венгрия.

По данным нашего посольства в Вене, всего Австрией мобилизовано 8 корпусов, т. е. половина всей армии, а также часть флота.

Французский генеральный штаб имеет сведения, что против Сербии предназначаются IV, VI, VII, XIII, XV, XVI корпуса с отдельными частями из II и III корпусов, а всего 20 пехотных дивизий, численностью до 400 тысяч человек... Сведения о мобилизации VIII корпуса имеются также в нашем консульстве в Праге, сообщившим, что 12 июля из Праги уже отправлено на юг 13 батарей.

По сведениям наших пограничных властей в Кракове (I-й корпус), производится полная мобилизация.

По непроверенным еще сведениям штаба Киевского военного округа, объявлена также мобилизация и XI корпусу, однако австрийские подданные, живущие в Киеве, до 16-го июля вызваны не были. В Берлине австрийским консульством о призыве запасных официально опубликовано 13-го июля...

Австрийские врачи и фельдшера, служащие на железных дорогах в пограничной полосе Галиции, отправляются на границу Сербии. Телеграфные сношения с Австрией стеснены, а в Бродах и Радзивилове телеграф с 13-го июля не работает вовсе. Железнодорожные сношения с Россией до 15-го июля проходили без ограничений.

Германия.

Офицер, возвращающийся из Германии и проезжавший через Эйтку-шен 15-го июля утром сообщил, что на германских железных дорогах не заметил никаких военных перевозок и никакой военной охраны путей.

Из Берлина уезжали отдельные лица, по-видимому запасные, провожаемые на вокзале родственниками...

Турция.

По заявлению Великого везира, сделанному нашему послу в Константинополе, Турция намерена пока держать себя в стороне от австро-сербского конфликта, ожидая событий.

16. VII. 14 г. Генерал-майор Монкевич" [170].

Определявшая активность была отмечена в германских военно-морских силах. Согласно сводки агентурных сведений, поступивших в Морской Генеральный штаб, "ночью на 16/29-е июля в Фридрихсморте снаряжены 12.000 мин. Отправлены в Вильгельмсхафен 3 поезда военных припасов" [171].

К моменту выхода Сводки сведений, поступивших в ГУГШ, в Отделе генерал-квартирмейстера были получены телеграммы от военного агента во Франции.

"Сводка сведений по Австрии: по слухам, Белград не будет занят, дабы избежать нареканий России, — докладывал А.А. Игнатьев в одной из телеграмм. — По Германии незначительные подготовительные меры на железных дорогах и пограничных пунктах, возвращение отпусков. Военным мукомольням запрещены частные заказы. По Италии вызваны чины действительной службы с французской Ривьеры" [172].

"Во Франции все возможное сделано, и в министерстве спокойно ждут событий, — доносит военный агент во Франции в другой телеграмме. — Первое: усилено наблюдение за границей с восприимчивостью взрывчатых вещей, голубей. Второе: установлена военная охрана железных дорог, на вокзалах караулит теперь полный состав телеграфистов для обеспечения службы днем и ночью" [173].

Из поступивших в этот день в министерство иностранных дел телеграмм военного характера следовало:

"Ожидается завтра приказ о всеобщей мобилизации" (Посол в Вене Шебеко) [174];

"Наш военный агент доносит своему начальству о дошедшем до него слухе, будто бы здесь решено в случае нашей мобилизации, ответить на нее немедленным объявлением нам войны" (Шебеко) [175];

"Объявлена частичная мобилизация войск второй очереди. Среди запасных в Будапеште по преимуществу швабы" (Генеральный консул в Будапеште Приклонский) [176];

"Призваны резервисты от 17 до 45 лет, часть сараевского гарнизона отправлена на границу. Знать точно, что происходит, невозможно. К тому же консульства охраняются полицией, следящей за всеми" (Консул в Сарасве Игельстром) [177];

"В Хорватии, Славонии и Фиуме мобилизованы все классы резервистов и объявлено осадное положение" (Генеральный консул в Фиуме Сальвинати) [178];

"Вызванные из отпусков чины запаса здесь еще не призваны к частям. Усилена охрана путей и мостов" (Консул в Черновцах Долгво-Добровольский) [179];

"...призыва запасных нет, но несколько движений войск и другие меры предпринимаются. К расположенным на румынской границе 4 пехотным полкам присоединено еще 2 артиллерийских полка... Здеиние арсеналы работают днем и ночью, даже по воскресеньям..." (Посланник в Софии Савинский) [180];

"...от объявленного Болгарией нейтралитета остается очень мало. Очевидно, болгары, подбадриваемые Австрией, решили не упустить случая и под шумок завладеть Македонией или объявить ее автономной, и если не напасть на Румынию, то во всяком случае быть готовыми отразить ее нападение" (Посланник в Софии) [181];

"Вчера министр иностранных дел еще раз сказал мне, что Швеция при всех возможных осложнениях будет соблюдать и охранять свой полный нейтралитет и дружественные отношения ко всем соседним державам" (Посланник в Стокгольме Неклюдов) [182].

Одной из первых телеграмм, отправленных в этот день за подписью Сазонова, была телеграмма в Бухарест, предназначенная для передачи министру иностранных дел Братияну. "В случае фактического вооруженного столкновения Австрии с Сербией, — сообщал Сазонов, — нами предусматривается наше вступление, дабы не допустить разгрома последней. В этом будет заключаться цель нашей войны с Австрией, если таковая окажется неизбежной" [183].

По свидетельству Пурталеса, Сазонов усомнился в желании Вены идти на переговоры с Петербургом, кроме того, Сазонов указывал, что "Австрия издала приказ о мобилизации восьми корпусов, каковая должна считаться направленной отчасти и против России" [184].

"Поэтому Россия, — продолжал министр, — видит себя вынужденной также произвести мобилизацию своих войск на австро-венгерской границе. Соответствующий приказ будет дан еще в течение нынешнего дня". "Я немедленно привел против этой меры весьма серьезные возражения, — пишет Пурталес, — после чего министр иностранных дел отвечал мне, что в России мобилизованная русская армия может, в случае нужды, хотя целые недели стоять с ружьем у ноги. Россия хочет насколько возможно избежать войны".

Посол не удовлетворился этим и указал: "Пусть министр иностранных дел полнит, что высшее военное командование возможных противников России отныне будет настаивать на принятии мер против мобилизации русской армии. Таким образом, война сделается неизбежной".

В дальнейшем Сазонов заверял, что "ни малейшая военная мера не принята против Германии с русской стороны", а Пурталес, обратив внимание на существование союзного договора Германии с Австрией, оговаривался, что "спираль не намерен с этим указанием соединять какую-либо угрозу".

После ухода германского посла сделанное им заявление обсуждалось министром с А.А. Нератовым, бароном Шиндлингом и князем Трубецким.

О содержании своей беседы министр иностранных дел довел до сведения глав представительств России в Берлине, Лондоне, Париже, Нише (место нахождения поверенного в делах в Сербии — примеч. автора), Вене, Риме, Бухаресте и Константинополе. "Сообщив ему (германскому послу — примеч. автора) о принятых нами военных мерах и о том, что они отнюдь не направлены против Германии, — информировал Сазонов, — я сказал, что они не предвещают и наступательных действий против Австрии. Меры, принятые нами, объясняются мобилизацией большей части австрийской армии" [185].

"На предложение посла продолжать непосредственные объяснения с венским кабинетом, — разъяснял позицию России Сазонов, — я ответил изъяснением готовности на это, если советы Германии будут услышаны в Вене. Вместе с тем я указал на готовность России прибегнуть к четверной конференции, мысль о коей не встречает как будто сочувствия Германии".

В очередной телеграмме Извольскому и Бенкендорфу Сазонов внес коррективы в ранее изложенную позицию России. Сославшись, что на момент беседы с германским послом, им не была получена телеграмма из Вены от 15(28) июля, из которой следовало, что "венский кабинет отклоняет обмен мнениями между нами", министр иностранных дел сообщил: "Ввиду этого всецело предоставляем Англии инициативу тех шагов, которые она признает целесообразными" [186].

Во второй половине дня была получена телеграмма от вступившего в исполнение обязанностей посла в Берлине Свербеева. "Узнав от меня, что мы действительно принуждены мобилизовать указанные в вашей телеграмме четыре военных округа, причем я подчеркнул, что мера эта никоим образом не направлена против Германии, — докладывал Свербеев о своей беседе с министром иностранных дел, — Ягов в сильном волнении ответил мне, что неожиданное известие это вполне меняет положение и что теперь лично он не видит уже возможности избежать европейской войны". "Раз вы мобилизуете против Австрии и... (пропуск в тексте телеграммы — примеч. автора) меры против нас", — в чем я старался его разубедить, — "мы принуждены объявить мобилизацию против России", затем последует таковая против Франции, и когда две великие державы будут под ружьем, то война ему кажется неминуемой.

"В 3 часа германский посол вновь приехал к министру, — свидетельствует "Поденная запись", — и прочел ему телеграмму имперского канцлера, в которой говорилось, что если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизоваться, и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение" [187].

Телеграммой от 16(29) июля германским канцлером было поручено Пурталессу "указать г. Сазонову самым серьезным образом, что дальнейшее развитие русских мобилизационных мероприятий" принудит Германию мобилизоваться и что тогда едва ли будет возможно предотвратить европейскую войну.

"На это сообщение, — говорит "Поденная запись", — С.Д. Сазонов резко ответил: "Maintenant je n'ai plus de doute sur les vraies causes de l'intransigeance autrichienne" ("Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости"). Граф Пурталес вскочил со своего места и также резко ответил: "Je proteste de toutes mes forces, Mr le Ministre, contre cette assertion blessante" ("Я всеми

силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения"). "Министр сухо возразил, что Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения, — собеседники расстались весьма холодно".

"Вскоре по уходе германского посла, — продолжает "Поденная запись", — в кабинет министра в присутствии А.А. Нератова и барона Шизлинга позвонил телефон; государь император лично сообщал С.Д. Сазонову, что им только что получена от императора Вильгельма телеграмма с убедительной просьбой не допустить дело до войны. (Встречная телеграмма Вильгельма II, отправленная в ночь с 15(28) на 16(29) июля — примеч. автора). С.Д. Сазонов воспользовался случаем, чтобы тут же доложить его величеству о сделанном ему за несколько минут перед тем заявлении графа Пурталеса и при этом указал на то, как мало согласуются слова германского императора с данными им своему послу поручением. Государь сказал, что он тотчас же телеграфирует в Берлин, чтобы получить объяснение означенного противоречия. Его величество разрешил С.Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником Генерального штаба по вопросу о нашей мобилизации.

К этому времени получено известие о начале бомбардировки Белграда австрийцами".

Дальнейшее развитие событий описывает "Поденная запись министерства иностранных дел": "Совещание это между тремя поименными лицами состоялось вскоре после того в кабинете генерал-лейтенанта Янушкевича. В соседней зале находились генерал-квартирмейстер Данилов, генерал Монкевиц (помощник 1-го обер-квартирмейстера, руководитель разведки — примеч. автора) и помощник начальника канцелярии министра иностранных дел Н.А. Базили для немедленного проведения в исполнение могущих последовать распоряжений, в зависимости от имевшего последовать решения. Последнее ожидалось всеми не без тревоги, так как все знали, насколько важно для нашей боевой готовности, будет ли проведена лишь частичная мобилизация, или сразу общая, так как в первом случае осуществление частичной мобилизации неминуемо затруднило бы переход впоследствии к общей, если бы в таковой ... оказалась необходимость.

По всестороннему обсуждению положения оба министра и начальник Генерального штаба пришли к заключению, что, в виду малого вероятия избежать войны с Германией, необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию последствия путем выполнения ныне мобилизации частичной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону Государю императору, который заявил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кру-

гом лиц, которые были посвящены в дело. Тотчас же были отправлены телеграммы в Париж и Лондон для предупреждения правительств о состоявшемся решении".

Итак, между 6 и 7 часами вечера Николай II дал согласие на объявление общей мобилизации, подтвердив тем самым, данную уже им подпись, под указом о мобилизации.

Телеграмма в Париж и Лондон дословно гласила: "Германский посол заявил мне сегодня о решении своего правительства мобилизовать свои силы, если Россия не прекратит делаемых ею военных приготовлений. Между тем, таковые стали приниматься нами только вследствие состоявшейся уже мобилизации восьми корпусов в Австрии и очевидного нежелания последними согласиться на какой бы то ни было способ мирного улажения своего спора с Сербией. Так как мы не можем исполнить желания Германии, нам остается только ускорить наши вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны" [188].

"Одновременно было поручено императорскому послу в Париже, — сообщает "Поденная записка", — передать французскому правительству благодарность за сделанное накануне французским послом заявление. Императорскому послу в Лондоне поручалось обратиться к английскому правительству с настоятельным призывом "не терять времени" присоединиться к России и Франции, чтобы помешать нарушению европейского "равновесия".

"Тесный круг лиц" советников, дипломатов и военных, участвующих в эти дни в подготовке принимаемых решений, от которых зависела судьба мира, с "тревогой" и "восторгом" переживающих принятие этих решений. Кто они? Это уже упоминаемые М.Ф.Шиллинг, Н.А.Базилы, И.Ю.Данилов, Н.А.Монквин.

К этому моменту в Генеральном штабе уже имелись два подписанных "высочайших" указа об объявлении общей и частной мобилизации и дано еще 15(28) июля "высочайшее повеление" о проведении последней, которое, судя по всему, было повторно подтверждено 16(29) июля еще до принятия решения об общей мобилизации. Именно в связи с этим были отданы указания о проведении мобилизации флотов Балтийского и Черного морей. В 18 часов 38 минут морской министр генерал-адъютант Григорович телеграфировал командующему морскими силами Эссену:

"Государь император повелел, начиная с полночи [29]16 на [30]17 июля произвести мобилизацию флотов Балтийского и Черного морей и округов Киевского, Одесского, Казанского для приведения на военное положение" [189].

Возможно, что понимание в Генеральном штабе несостоятельности частной мобилизации и необходимости общей, наличие в запасе одного дня, привело к тому, что частная мобилизация в войсках до

сих пор объявлена не была. Рассчитывали на объявление общей мобилизации и добивались ее объявления. Еще до получения "высочайшего повеления" начальник мобилизационного отдела Генерального штаба генерал-майор Добророльский приступил к сбору подписей министров военного, морского и внутренних дел под телеграммой об общей мобилизации, отправляемой командующим войсками, генерал-губернаторам и губернаторам.

"Хорошо помнятся эти посещения министров, — вспоминает Добророльский. — Сухомлинов все эти роковые дни вообще был очень сдержан, будто намеренно с его стороны первая роль в военном ведомстве перешла к Янушкевичу... Сухомлинов отчетливо понимал, что Россия втягивается в непосильную борьбу, и теперь будто хотел, чтобы забыли всего несколько месяцев тому назад по его инициативе написанную крикливую статью в "Биржевых ведомостях" о нашей готовности: "Россия не хочет войны, но и не боится ее". В эти серьезные дни он, казалось, умышленно предоставил дирижерскую палочку начальнику Генерального штаба, который через несколько дней должен был стать начальником штаба верховного главнокомандующего..." [190].

"Когда я явился к морскому министру, адмиралу Григоровичу, он не хотел верить, что я привез ему для подписи телеграмму об общей мобилизации. "Как, война с Германией? Флот наш не в состоянии состязаться с немецким, — говорил министр. — Кронштадт не предохранит столицу от бомбардирования". Он позвонил Сухомлинову по министерскому телефону и просил подтвердить надобность в его подписи. И, получив утвердительный ответ, он с тяжелым чувством приложил свою подпись".

Следует напомнить, что только что за подписью морского министра ушла телеграмма командующему морскими силами Балтийского моря о проведении частной мобилизации. "На Елагином острове, у министра внутренних дел Макакова, — продолжает Добророльский, — в кабинете царя молниенная обстановка. Как раз против письменного стола, за которым сидел министр, у противоположного простенка, на узком столе, покрытом белой пеленою, находилось несколько больших образов, перед которыми теплилась лампада и горело несколько восковых церковных свечей. Он сейчас же заговорил о революционерах, которые, по его компетентным сведениям, ждут с нетерпением войны, чтобы докончить дело, начатое в минувшую японскую войну. "Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярною, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти... — и, осенив себя крестным знаменем, министр подписал телеграмму..."

Сподвигнутой телеграммой начальник мобилизационного отдела отправился на главный телеграф Петербурга. Главный начальник почт был уже предупрежден об отправке донесения чрезвычайной важности "Огромный зал Петербургского центрального телеграфа с несколькими

беззастенчиво аппаратов готовится принять мобилизационную телеграмму, — вспоминал С. К. Добролюбовский. — Но в этот момент, в 9 1/2 вечера, меня приглашает к телефону генерал Янушкевич и приказывает задержать телеграмму до прибытия ко мне капитана Генерального штаба Туган-Барановского... Входит он и докладывает, что гонялся за мною по городу, дабы передать мне высочайшее повеление не отменять телеграммы об общей мобилизации. Последняя отменена, и высочайшее повеление взамен произвести частную по заготовленным ранее соображениям. Начальник Генерального штаба Янушкевич раньше всех получил указание Николая II остановить объявление общей мобилизации.

Что же произошло? Почему российский император отменил свое повеление об объявлении общей мобилизации?

В 9 часов 40 минут вечера 16(29) июля в Петергоф была доставлена вторая телеграмма Вильгельма II (отправлена в 6 часов 35 мин. дня), отвечающая на первую телеграмму Николая II.

Кайзер "разделял желание сохранить мир", но отказывался "рассматривать выступление Австрии против Сербии как "гнусную войну" [191]. "По моему мнению, — настаивал Вильгельм, — действия Австрии должны рассматриваться как преследующие цель добиться полной гарантии, что сербские обещания претворятся в реальные факты. Это мое заявление основывается на заявлении австрийского кабинета, что Австрия не стремится к каким-либо территориальным завоеваниям за счет Сербии. Поэтому я считаю вполне возможным для России остаться зрителем австро-сербского конфликта, не вовлекая Европу в самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видеть. Полагаю, что непосредственное соглашение твоего правительства с Веной возможно и желательно и, как я уже телеграфировал тебе, мое правительство предлагает приложить усилия, чтобы достигнуть этого"... "Конечно, военные приготовления со стороны России, которые могли бы рассматриваться Австрией, как угроза, — заканчивал свое послание Вильгельм, — ускорили бы катастрофу, избежать которой мы оба желаем".

Николай находился под постоянным давлением и со стороны близкого окружения. Помимо дяди, великого князя Николая Николаевича, на него попытка оказывать влияние и Григорий Распутин. Известна телеграмма Распутина царю: "Войны не объявляй, Николашу (так в царской семье звали великого князя Николая Николаевича. — примеч. автора) гони. Если объявишь войну, опять будут кричать: долой. Будет плохо и тебе и Алексею" [192]. Трудно судить, повлияла ли рекомендация Распутина на решение Николая. По словам А. А. Вырубова, фрейлины императрицы, "государя эта телеграмма раздражила, и он не обратил на нее внимания" [193].

Николай II стремился избежать катастрофы мировой войны. Он очень хотел верить в искренность предложения посредничества Гер-

мани. "Эта ответная телеграмма императора Вильгельма и побудила Государя отменить принятое решение о всеобщей мобилизации", — значится в приписке на телеграмме, сделанной в министерстве иностранных дел [194].

За час до этого — в 8 часов 20 мин. вечера — Николай II ответил на первую телеграмму Вильгельма II: "Благодарю за примирительную и дружескую телеграмму. Однако официальное сообщение, сделанное сегодня твоим послом моему министру, было составлено совершенно в иных тонах. Прошу тебя объяснить это противоречие. Было бы правильно передать Гаагской конференции австро-сербский вопрос, чтобы предотвратить кровопролитие. Полагаюсь на твою мудрость и дружбу. Ники" [195].

Проследим дальнейшее развитие событий со слов очевидцев. Данилов свидетельствует, что "несколько позднее отправки телеграммы императором Николаем было отдано повеление об остановке всех распоряжений по производству общей мобилизации и о замене ее частной мобилизацией только в четырех военных округах... Добролюбовский немедленно забрал с аппаратов все оттиски телеграммы об общей мобилизации.

"Телеграмма о частной мобилизации на имя командующих... была послана мною много позже, около полуночи с 16 на 17 июля" (29 на 30 июля — примеч. автора), — пишет Добролюбовский. — "Я вернулся в кабинет начальника Генерального штаба, и не мог скрыть всей горечи от происшедшей перемены. Было очевидно, что вся тяжесть последующих недоразумений и сумбура, — ибо несомненность общей мобилизации через несколько дней была ясна, — ляжет на нас — на Генеральный штаб. Янушкевич передал слова его величества, что Государь император принимает на себя всю ответственность объявления частной мобилизации: представители военного ведомства сделали все от них зависящее, чтобы была обща мобилизация, но он решил такой не производить" [196].

Сухоумлинов, в свою очередь, вспоминает: "Около полуночи с 16/29 на 17/30 июля Государь император вызвал меня к телефону из Петергофа, вследствие полученной им телеграммы от императора Вильгельма... В ней Вильгельм просил Государя "прекратить" нашу частичную мобилизацию... Так как, я несколько дней Государя не видел, то этот разговор по телефону меня, понятно, поразил. За кулисами должен был находиться кто-нибудь, с кем Государь советовался и в правильности советов которого Николай II, однако усомнился. Если бы у него явилось самостоятельное решение исполнить желание Вильгельма, ему следовало отдать об этом прямое приказание, — мобилизацию отменить.

Но Государь на такой шаг не решился, по моему мнению, потому, что это не отвечало взглядам конфиденциального его советника. Такое положение "между молотом и наковальней" заставило его принять среднее решение: "нельзя ли приостановить?"

В телефон же мне пришлось доложить, что мобилизация не такой механизм, который можно было бы, как коляску, по желанию приостановить, а потом опять двинуть вперед. Что же касается отмены частичной мобилизации, то если бы последовало именно такое повеление, я со своей стороны считал долгом доложить, что после того потребуются много времени, чтобы восстановить нормальное исходное положение для новой мобилизации четырех южных округов" [197].

Сухомлинов ни одним словом не обмолвился о том, что Николай приказал отменить общую мобилизацию и что он, военный министр, "около 11 часов вчера сообщил по телефону министру иностранных дел, что им получено высочайшее повеление об отмене общей мобилизации", — как об этом говорит "Подписная запись." [198].

Отмена общей мобилизации произошла тотчас же по получении телеграммы, а в 11 часу Николай вел переговоры по телефону с военным министром и начальником Генерального штаба не только об отмене общей, но и частичной мобилизации, указание об объявлении которой он дал перед этим.

Только что объявленная в войсках частная мобилизация и уже проводящаяся в рамках частной мобилизации флотом Балтийского и Черного морей, по мнению руководства военного и морского Министерств не должна была дать повод к войне с Германией. В 22 часа 10 минут морской министр телеграфировал командующему морскими силами Балтийского моря: "Государь император повелел иметь в виду, что так как мы не в войне с Германией, то необходимо быть осторожными, чтобы не дать повода к недоразумениям и осложнениям" [199].

"Действительно, две линии — дипломатическая и военная — за 29 июля, — пишет Б.М. Шапошников, — пришли к определенному выводу о неизбежности войны с Германией, а поэтому — о необходимости объявления общей мобилизации. Заколебалась династическая линия, убежденная было двумя указанными ранее в правоте их доводов, но затем отдавшая приказ об остановке телеграммы об общей мобилизации, не решившись, однако, на отмену и частной, о чем, во всяком случае она думала" [200].

Россия по-прежнему искренне отмежевывала мобилизацию от объявления войны, считая, что миллионная русская армия действительно может целыми стоять спокойно на границе.

"Слов нет, что такое положение для опаздывающей в мобилизации и сосредоточении русской армии было очень выгодно, но только... даст ли возможность противник это осуществить? — писал Б.М. Шапошников. — Старый Мольтке учил, что всегда нужно учитывать волю противника в самых благоприятных условиях для него, т. е. для противника. Последняя же русская формулировка объявления войны как раз грешила в этом, но зато давала выгоды в другом — в ответственности за войну, которая могла быть переложена на противника".

"К вечеру того же дня", по свидетельству Пурталеса, состоялась беседа начальника Генерального штаба Янушкевича с германским военным агентом. Янушкевич заверил, от имени военного министра, что "положение всецело осталось тем же, каким его министр охарактеризовал два дня тому назад". По другим источникам, встреча Янушкевича с Этеллингсом состоялась днем, что более вероятно [201]. Янушкевич предложил выдать "письменное подтверждение правильности своего заявления" и дал "честное слово", что "нигде до сих пор еще, до 3 часов дня, не произведена мобилизация". "Генерал не может ручаться за будущее, но во всяком случае он может подтвердить самым энергичным образом, что его величеству нежелательно производить мобилизацию на фронтах, обращенных к германской границе". Янушкевич ничем не дезинформировал германского военного агента.

Сам Янушкевич считал, что его "честное слово русского офицера" не было им нарушено, "так как в действительности в эту минуту мобилизация еще не была объявлена". "Я еще не имел указ о мобилизации в своем кармане", — заявил он на процессе В.А. Сухомлинова в 1917 г., описывая беседу с германским военным агентом [202].

Данилов в своих воспоминаниях рассказывает, что помощнику начальника канцелярии Н.А. Базилу вечером было поручено довести до сведения посла Франции в России Палеолога о принятом решении объявить общую мобилизацию, и указывает, какие трудности встретил в своей миссии Базил, ибо Палеолог до сих пор был сейчас же в Париж, не ожидая утра 30 июля, когда "повеление об общей мобилизации армии должно было стать общеизвестным". "До этого же времени, — пишет Данилов, — представлялось, конечно, желательным сохранить его в тайне от наших западных соседей. Между тем, нашему министерству было давно известно, что французский шифр довольно легко поддается расшифровке, и, таким образом, содержание телеграммы г. Палеолога, подлежащей на общем основании направлению через Берлин, подверглось риску стать достоянием наших противников". Базил просил Палеолога отправить телеграмму русским шифром, на что получил согласие, но отправка депеши не состоялась, "вследствие коренной перемены, происшедшей в тот же вечер в решении государя" [203].

В этот же день начальник Морского генерального штаба вице-адмирал Русин, отвечая на письмо командующего морскими силами Балтийского моря Эссена, датированное 15(28) июля, писал: "...Относительно посылки специального парохода для минирования Киль полагаю, что ввиду неясности нашего взаимоотношения к Германии, едва ли возможно сделать это теперь, а в последующее время, вероятно, будет поздно; если бы однако вы находили бы необходимым все же подготовить такую операцию, то подходящий пароход мог бы быть получен..." [204].

Планом войны Германии предусматривалось движение германского правого крыла через территорию нейтральной Бельгии. В этой связи потребовалось дипломатическое "оформление" германского вторжения в Бельгию. 16(29) июля Мольтке прислал в ведомство иностранных дел проект заявления бельгийскому правительству. В нем говорилось, что германское правительство имеет "достоверные сведения", будто Франция концентрирует войска на участке Маас-Намюр, что не оставляет никаких сомнений о намерениях Франции после объединения с английским экспедиционным корпусом наступать через бельгийскую территорию против Германии. Бельгия, утверждалось далее, явно не сможет своими силами отразить это нападение; ввиду этого и с целью предупредить несприятельское наступление германские войска вынуждены будут вступить на бельгийскую территорию. Однако германское правительство предлагает не усматривать в этом враждебного Бельгии акта; оно просит отвести бельгийские войска и не мешать продвижению германских войск. За это Бельгия гарантирует ее целостность и независимость и даже территориальные компенсации за счет Франции. Недвусмысленный ответ, согласно проекта Заявления, подготовленного Мольтке, должен был последовать в течение суток после его вручения. "В противном случае тотчас же открываются военные действия".

Германское иностранное ведомство вычеркнуло указание на наступление англичан, так как все еще рассчитывало на их нейтралитет, убрало фразу о компенсациях и смягчило заключительную часть, изъяв фразу с угрозой об открытии военных действий против Бельгии [205].

Министр иностранных дел Германии отправил подготовленный ультиматум германскому посланнику в Брюсселе в этот же день с указанием вскрыть его только по получении телеграфного распоряжения.

Факт отправки этого ультиматума еще 16(29) июля, в то время как вручить его собирались почти одновременно со вступлением германских войск в Бельгию, свидетельствует о том, что уже 29 июля основной задачей Германии было обеспечить проведение первых наступательных операций в ходе готовящейся войны, а не предотвратить ее.

16(29) июля германскому правительству стало ясно, что его планы о перекройке карты Балкан путем "локализации" конфликта, не оправдались. Наступала вторая ситуация, предусматриваемая германским министерством иностранных дел — континентальная война, основным условием которой являлся нейтралитет Англии.

Масштабные мероприятия военного характера не проводились Германией только потому, что германская армия по срокам проведения мобилизации была готова к войне на континенте.

Из дневниковых записей царя, сделанных в этот день:

"16 июля. Среда.

Утром пришел Горемыкина (Горемыкин, И.Л. (1839—1917), председатель Совета министров. — М.А.). В 12 1/2 ч. произвел во дворце около ста корабельных гардемарин в мичманы. Днем поиграл в теннис; погода была чудная.

Но день был необычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом.

Вечером читал и еще пришел Татищева, которого посылаю завтра в Берлин". [206]

17(30) июля. В русской армии начинается мобилизация, однако германский военный агент в России считает, что "здесь мобилизовались из страха перед грядущими событиями, без агрессивных намерений".

День 17(30) июля был респичным днем, после которого мировой вооруженный конфликт стал неизбежным. Ночь с 16(29) на 17(30) июля была бессонной для руководства страны и вооруженными силами. В эту ночь в войска ушло объявление о проведении частичной мобилизации, о чем начальник Генерального штаба уведомил министра иностранных дел:

"Отношение № 3735 30/17 июля 1914 г. Спеино.

Высочайше повелено мобилизовать по мобилизационному расписанию 1910 года войска Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов, второочередные и третьоочередные части Оренбургского, Уральского и Астраханского казачьих войск и команд пополнения Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Оренбургского и Астраханского казачьих войск, входящих в состав мобилизуемых округов, Черноморский и Балтийский флоты.

Первым днем мобилизации следует считать [17] 30 сего июля.

За военного министра
начальник Генерального штаба
генерал-лейтенант Янушкевич
начальник мобилизационного отдела
генерал-майор Доброторский" [207].

В 2 часа 20 минут утра начальник Морского генерального штаба срочной радиотелеграммой информировал командующего морскими силами Балтийского моря:

"Вследствие переговоров Государя императора с Вильгельмом, его императорское Величество отменил общую мобилизацию, сохранив в силе повеление о мобилизации флотов Балтийского и Черного морей и 4 округов. Его императорское величество снова подтвердил, что постройка главного заграждения должна быть исполнена по особому повелению" [208].

Ночью германская дипломатия пыталась оттянуть проведение русских военных приготовлений. "Около часа ночи германский посол по телефону,

— гласит "Подлинная запись министерства иностранных дел", — настоятельно просил министра принять его немедленно, несмотря на позднее ночное время, по настоящему делу. С.Д. Сазонов, уже лежавший спать, встал с постели и принял посла, который запросил, не можем ли мы удовлетвориться обещанием Австрии не нарушать целостности Сербии. Министр ответил, что этого недостаточно, и на убедительную просьбу посла выработал и передал гр. Пуриалесу текст формулы, в которой указывались те условия, на которых Россия была бы согласна остановить свои вооружения" [209].

Содержание формулы, включающей в себя условия, из которых Россия согласилась бы приостановить свои вооружения было сообщено в Берлине, Париже, Лондоне и Вены и сводилось к следующему:

"Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос приобрел европейский характер, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие суверенные права Сербии, Россия обязуется прекратить свои военные приготовления" [210].

Следом ушла телеграмма, уточняющая позицию правительства России: "Да получения через германское правительство вполне удовлетворительного ответа Австрии мы будем продолжать наши вооружения" [211].

По словам германского посла, он, получив письменную формулировку русского министра, выразил сомнение, что едва ли она будет принята Австрией. Но все же Пуриалес вынес впечатление, что "она не содержала в себе требования о немедленном прекращении Австро-Венгрией ее военной экспедиции против Сербии" [212]. "Передавая сазоновскую формулу, — пишет Пуриалес, — по телеграфу в Берлин, я обратил внимание на этот пункт". Иными словами, положение пока не было еще неприемлемым для Берлина.

В 1 час 20 минут ночи из Петергофа была отправлена телеграмма Николая II германскому кайзеру. Это был ответ на послание Вильгельма II, побудившее царя отменить принятое решение о всеобщей мобилизации:

"Сердечно благодарю тебя за твой скорый ответ. Посылаю сегодня вечером Татищева с инструкциями, — сообщал Николай II Вильгельму II. — Военные мероприятия, вступившие теперь в силу, были решены пять дней тому назад как мера защиты ввиду приготовлений Австрии. От всей души надеюсь, что эти мероприятия ни в какой степени не помешают твоему посредничеству, которое я высоко ценю. Необходимо сильное давление с твоей стороны на Австрию, чтобы она пришла к соглашению с нами" [213].

В письме, которое, состоявший при особе германского кайзера, генерал-лейтенант И.Л. Татищев должен был вручить Вильгельму II, говорилось следующее: "Вся Россия и многие за ее пределами считают ответ Сербии удовлетворительным: невозможно ожидать, чтобы независимое государство пошло дальше в подчинении требованиям другого правительства. Карательные экспедиции предпринимаются только в своем собствен-

ном государстве или в колониях. Поэтому война эта вызвала такое глубокое негодование в моей стране, и будет трудно успокоить здесь воинственное настроение. Чем дальше Австрия будет продолжать свои агрессивные действия, тем серьезнее окажется положение. К тебе, ее союзнику, я обращаюсь как посреднику в деле сохранения мира. [Ники]" [214].

Телеграмма Николая вызвала взрыв негодования у Вильгельма, о чем свидетельствует сделанная кайзером на телеграмме пометка:

"Австрия провела лишь частичную мобилизацию против Сербии на юге. В силу этого царь, как это открыто признается им здесь, "принял военные меры, которые сейчас вошли в силу против Австрии" и против нас 5 дней тому назад. Следовательно на неделю опередив нас. И эти меры для защиты против Австрии, которая вовсе не нападает на него!!! Я не хочу больше никакого посредничества, раз царь, который взывал о нем, в то же время тайно мобилизуется за моей спиной. Это только маневр, чтобы удержать нас и увеличить уже выигранный старт. Моя задача кончена" [215].

Проведение Россией с 13(26) июля мероприятий подготовительного к войне периода и с 17(30) июля частичной мобилизации затрудняло предусмотренный планом Шлиффена разгром противника по частям. Каждый день продвижения германской мобилизации ухудшал стратегическое положение Германии, уже нельзя было затягивать развязку до 12 августа, чтобы дать Австро-Венгрии возможность закончить свою мобилизацию против Сербии и начать боевые действия.

Все последующие дипломатические демарши Германии, включая телеграммы Вильгельма Николаю, были направлены лишь на то, чтобы, если не отменить вообще, то отсрочить проведение мобилизации в России.

Из поступившей в это время в Берлин из Петербурга информации от германского военного агента следовало, что в Берлине объявление мобилизации в России не рассматривалось как преддверье войны.

Так, 17(30) июля майор фон Эггелинг телеграфировал следующее: "Мне кажется, что здесь мобилизовались из страха перед грядущими событиями, без агрессивных намерений" [216].

Бессонная ночь с 16(29) на 17(30) июля была не только в Петербурге. Ночью в Париже поступила телеграмма, в которой послу предписывалось предупредить французское правительство о том, что "нам остается только ускорить наши вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны". Получив телеграмму, Извольский "немедленно, то есть в три часа, сообщил ее содержание министру иностранных дел". Военный агент, граф Игнатьев, по поручению посла сделал такое же сообщение военному министру Мессими. По результатам состоявшегося "тотчас" в Елисейском дворце совещания с участием президента республики, председателя совета министров и военного министра, фран-

нузскому послу в Петербурге Паласолу была отправлена телеграмма, в которой сообщалось, что *"французское правительство готово выполнить все союзнические обязательства"* [217]. Вместе с тем, было подчеркнуто, что *"в этот момент, когда ведутся переговоры между державами, непосредственно менее заинтересованными, было бы желательно, чтобы мер зашиты и предосторожности, к которым Россия считает необходимым прибегнуть, она воздержалась бы сейчас от всяких мероприятий, способных послужить для Германии поводом произвести полную или частичную мобилизацию ее сил"*. Игнатьев к вышесказанному добавил точку зрения военного министра, по мнению которого, *"мы могли бы задержать ход нашей мобилизации, что однако не мешало бы нам в действительности продолжать и даже усилить наши приготовления, воздерживаясь по возможности от массовых перевозок войск"* [218].

Таковы были директивы союзника. Позднее, в этот же день от Игнатьева поступило разъяснение позиции военного министра. *"Если в телеграмме моей за № 227, — писал военный агент, — можно было, пожалуй, усмотреть стремление военного министра предотвратить войну, то это объясняется лишь сознанием глубокой ответственности правительства перед этим мировым вопросом... Однако оговорка г. Меззани не должна отнюдь объясняться стремлением "отступить в последнюю минуту" и слова его, обращенные ко мне, не повлияли на нормальный ход приготовлениях Франции к войне. Начальник генерального штаба с коим я только что имел свидание, опасается, наоборот, чтобы немецкие переговоры не дали немцам лишнего времени на подготовку к войне, он полагает, что к ним надо относиться с осторожностью"* [219].

В течение 17(30) июля от Игнатьева в Отдел генерал-квартирмейстера поступили сообщения о военных приготовлениях Германии. *"...агент Лодыга сообщает, — докладывал военный агент в Париже, — что войска Познани и Восточной Пруссии постепенно мобилизуются. Путем последовательного призыва шести классов резервистов на учебные сборы, по окончании коих они задерживаются в строю, воинские части доведены до численности военного времени"* [220].

Чтобы избежать нежелательных пограничных инцидентов, французское правительство 17(30) июля установило 10-километровую приграничную зону, в которой запрещалось размещать войска.

"Сводка семнадцатого утром: по Германии усиливается оборона границы, — телеграфировал Игнатьев, ссылаясь на разведывательные данные генерального штаба Франции, — все крепости приходят в оборонительное состояние, все запасные сроки малюже 1902 года вызваны из Франции. Железные дороги охраняются, шоссе на границе забаррикадированы, путевые станции опрашиваются" [221].

В свою очередь, посол в Берлине доложил министру иностранных дел следующее: *"Путешественник, ехавший с Запада, видел в среду вече-*

рам в Майнце и Франкфурте поезд резервистов. Тот же наблюдал эту ночь на станциях от Франкфурта до Берлина и поезд с орудиями у Бранденбурга. В среду вечером видел поезд из Бремена в Киль с резервистами" [222]. Эти сведения были получены послом в Берлине от военно-морского агента Римского-Корсакова (подробно им изложены в рапорте в Морской генеральный штаб), на основании свидетельства вернувшегося в Берлин из служебной поездки из Франкфурта-на-Майне одного *"из наблюдающих за постройкой механизмов офицеров"* [223].

На свидетельство другого очевидца, профессионального разведчика, ссылается в своих воспоминаниях Ю.Н. Данилов: *"наш военный агент в Афинах полковник Гудим-Левкович, возвращаясь из Петербурга к своему заграничному посту, должен был проехать всю Германию от Эйпикунена через Берлин до голландской границы. Прибыв 30-го июля днем в Берлин, он поставил в известность нашего посла обо всем им виденном в пути. Следуя по восточной части Германии, он был очевидцем большого скопления резервистов на железнодорожных станциях, причем обнаружил движение целых воинских поездов, как в восточном, так и западном направлениях. По заключению Гудима-Левковича, эти факты могли быть объяснены лишь происходящей мобилизацией и даже первыми шагами к сосредоточению войск"* [224].

"17(30) июля состоялась заседание Совета министров в Маринском дворце... Главным предметом заседания было, конечно, обсуждение тех потребностей армии и флота, которые требовали немедленного удовлетворения, если бы дипломатии нашей не удалось избежать войны, — вспоминает Сухомлинов. — Из слов Сазонова было ясно, что поведение Австро-Венгрии вызывающее, и, если наша угроза вооруженного нейтралитета, в виде частичной мобилизации южных округов наших, не подействует, то войны избежать будет трудно. Я, конечно, обратил внимание совета на то опасное положение, в которое ставит нас частичная мобилизация. Как у меня, так и у адмирала Григоровича были внесены на обсуждение Совета министров дела, не получившие движения и требовавшие крупных ассигнований для нужд по государственной обороне."

Приходилось считаться с закрытием границы. Между тем снаряды, патроны, ружья и пр. виды артиллерийского снабжения получались в большом количестве из-за границы. Необходимо было принять немедленные меры к изготовлению всего необходимого у себя дома. Частная же промышленность у нас для этого не была подготовлена, ограниченность кредитов военного ведомства не давала возможности прийти на помощь заводам в амортизации для этого необходимых им капиталов" [225].

В этот день австрийские войска так и не вступили на территорию Сербии, 17(30) июля поверенный в делах В Сербии Штрайтман докладывал министру иностранных дел: *"Пашич мало надеется на умеряющее влияние Берлина в Вене, но видит громадную косвенную пользу от отрица-*

тельного отношения Германии [к делу под]готовки дальнейших военных операций. Что выгодно России, то выгодно и нам, — сказал Пашич, — и возможность мобилизовать и сосредоточить войска благодаря выступлению Германии даст нам громадные преимущества. На мирный исход он более не рассчитывает, а несомненная заминка у австрийцев, не приводящих в исполнение свой первоначальный план немедленного захвата Белграда и общего наступления на застигнутую врасплох Сербию, предоставит последней столь же существенные сколь и необходимые... козыри в руки. Австрийцы могли легко парализовать мобилизацию целых трех дивизий. Указанным выше изменением обстановки объясняется принятое верховной командой решение зашифровать Белград и... речную пограничную линию" [226].

В другой телеграмме, отправленной в Петербург, поверенный в делах Сербии сообщал: "У сербов между тем началась концентрация войск. Полученные одновременно сведения из России укоренили здесь уверенность в том, что австрийцам нельзя броситься на Сербию всеми своими силами, и с этой минуты стали даже раздаваться голоса о вероятном переходе в будущем сербов через австрийскую границу. Такого настроения Сербии в настоящий момент. Желая однако в столь важном вопросе проверить себя, я с нетерпением ожидаю (так в подлиннике; следует читать "ожидая" — примеч. автора) прибытия полковника Артамонова, который приехал в Ниш сегодня ночью, за день успел многих повидать и вынести сходные с моими впечатлениями, что касается технических недостатков армии, то, по мнению военного агента, они действительно не настолько серьезны, чтобы могли роковым образом повлиять на ход военных операций. С 6-ю австрийскими корпусами сербы надеются легко бороться, а главнокомандующий королевич Александр по получении высочайшей Государя императора телеграммы спокойно смотрит вперед с (уверенностью) в конечном торжестве своего права дела" [227].

В этот же день приступил к исполнению своих обязанностей военный агент в Берлине Генерального штаба полковник Потоцкий.

Условия, на которых Россия была готова "прекратить свои военные приготовления" были отвергнуты Германией за свою союзницу. "Министр иностранных дел, — докладывал посол в Берлине Сербеск, — находит предложение неприемлемым для Австрии, так как это явилось бы совершенно недопустимым для нее унижением; он прибавил, что со времени известия о нашей мобилизации против Австрии положение ухудшилось, переговоры становятся все более и более затруднительными" [228].

Посол в Вене Шебеко, со ссылкой на министра иностранных дел Австро-Венгрии, в свою очередь, сообщил что "ввиду нашей мобилизации Австрия видит себя принужденной также мобилизовать свои войска на нашей границе" [229].

В этот день Сазонов направил указания послу в Лондоне Бенксендорфу в части военных судов, строящихся по заказу Турции на англий-

ских верфях. "При настоящем положении для нас представляется в высшей степени важным, чтобы Турция не получила строящихся для нее в Англии двух dreadnoughtов "Рио-Жанейро" и "Решад", — предписывал С.Д. Сазонов. — Постройка этих кораблей настолько продвинута вперед, что первый из них сможет двинуться в Турцию в течение ближайших месяцев. Благоволиите указать английскому правительству на огромное значение для нас этого вопроса и энергично настоять на задержании этих двух кораблей в Англии" [230]. Эта телеграмма была вызвана обращением к министру иностранных дел с соответствующей просьбой морского министра Григоровича.

Одновременно был сделан очередной шаг, чтобы привлечь Румынию на сторону Тройственного союза. "Весьма доверительно. Если считаете возможным приступить к более конкретному определению выгод, на которые может рассчитывать Румыния в случае участия в войне против Австрии, можете определенно заявить Братиану, что мы готовы поддержать "присоединение к Румынии Трансильвании", — телеграфировал Сазонов посланнику в Бухаресте Поклевскому [231].

Динамика развития событий в этот день интригует "Поденная запись министерства иностранных дел" и воспоминания ее участников.

"Полученные за ночь известия еще более укрепили всех в убеждении о настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной войне. Сообразно с этим министры и начальник штаба, по-прежнему, придерживались мнения, высказанного ими накануне, о необходимости прибегнуть к общей мобилизации. Генерал-адъютант Сухомлинов и генерал Янушкевич вновь старались убедить по телефону Государя вернуться к вчерашнему решению и дозволить приступить к общей мобилизации. Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор. Генерал Янушкевич, державший в эту минуту в руках телефонную трубку, успел лишь доложить, что министр иностранных дел находится тут же, в кабинете, и просил разрешения сказать Государю несколько слов. Последовало некоторое молчание, после которого государь изъявил согласие выслушать министра. С.Д. Сазонов обратился к его величеству с просьбой о приеме в тот же день для неотложного доклада об общем политическом положении". Помолчав, Государь спросил: "Вам все равно, если я приму вас одновременно с Татищевым в 3 часа, так как иначе у меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени?" Министр благодарил Государя и сказал, что прибудет в указанный час" [232].

"Начальник штаба, — продолжает "Поденная запись", — горячо умолял С.Д. Сазонова непременно убедить Государя согласиться на общую мобилизацию в виду крайней опасности для нас оказаться неготовыми к войне с Германией, если бы обстоятельства потребовали от нас принятия решительных мер после того, как успех общей мобилизации был бы

скомпрометирован предварительным производством частичной мобилизации. Генерал Янушкевич просил министра, чтобы, если ему удастся сложить Государя, он тотчас бы об этом передал ему, Янушкевичу, по телефону для принятия немедленно надлежащих мер, так как необходимо будет прежде всего, как можно скорее, уже начатую частичную мобилизацию превратить во всеобщую и заменить разосланные уже приказания новыми". "После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний и смысле новой отмены общей мобилизации".

Такова история совещания в Генеральном штабе и изложения министром иностранных дел. Эта запись подтверждается свидетельством Добророльского: "Янушкевич убедил Сазонова представлять государю всю опасность в политическом отношении, в смысле нарушения союзных обязательств к Франции, производства частичной мобилизации, которая позволила Вильгельму вырвать у французского правительства согласие на нейтралитет, и когда мы завязнем со своей частичной мобилизацией, он объявит нам войну и использует нашу неготовность в крайне выгодном для себя отношении" [233]. По-видимому, эти доводы были сообщены начальником штаба Добророльскому также по телефону.

В два часа министр иностранных дел вместе с Татищевым выехали в Петергоф, где в три часа и были приняты Николаем II.

"В течение почти целого часа, — говорит "Поденная запись", — министр доказывал, что война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех делаемых примирительных предложений и легко могла бы образумить свою союзницу. При таком положении остается лишь сделать все, что нужно для того, чтобы встретить войну со всеоружием и при наиболее выгодной для нас обстановке. Поэтому лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутым ею врасплох".

Однако все эти доводы не были убедительными для Николая II. "Сильное желание Государя во что бы то ни стало избежать войны, ужасы которой внушали ему крайнее отвращение, — свидетельствует "Поденная запись", — заставляло его величество в сознании принимаемой им в этот роковой час тяжелой ответственности, искать всевозможных способов для предотвращения надвигающейся войны. Сообразно с этим он долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле".

Николай II, по словам Сазонова, в ходе аудиенции следующим образом прокомментировал последнюю телеграмму Вильгельма II: "Он тре-

бует от меня невозможного. Он забыл или не хочет признавать, что австрийская мобилизация была начата раньше русской, и теперь требует прекращения нашей, не упоминая ни словом об австрийской. Вы знаете, что я уже раз задержал указ о мобилизации и затем согласился лишь на частичную. Если бы я теперь выразил согласие на требования Германии, мы стояли бы безоружными против мобилизованной австро-венгерской армии. Это безумие" [234]. Тем не менее, царь продолжал колебаться.

"Поденная запись" говорит о "необычайной раздражительности", с которой Николай II разговаривал в эти минуты с участниками аудиенции. Так, Татищев не принимавший участия в разговоре, сказал "во время наступившей минуты молчания: "Да, решить трудно". В ответ на эту нейтральную реплику "Государь с неудовольствием резко возразил": "Решать буду я", желая этим положить конец дальнейшему вмешательству генерала в разговор" [235].

После того как Сазонов заявил, как пишет он в своих воспоминаниях, что Россия никогда не простит царю капитуляции перед центральными державами и ему ничего другого не остается, как "повелеть приступить ко всеобщей мобилизации", император сдался. "Вы правы. Нам ничего другого не остается делать, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание о мобилизации" [236].

"Наконец, — продолжает в свою очередь "Поденная запись", — Государь согласился с тем, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться вовремя к по-видимому неизбежной войне, и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации. Сазонов испросил высочайшего соизволения немедленно передать об этом по телефону начальнику Генерального штаба и, получив такое, посетил в нижний этаж дворца к телефону. Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением генералу Янушкевичу, министр, ссылаясь на упрямый разговор, прибавил: "Теперь вы можете сломать телефон".

Остается тайной, ударил ли кулаком начальник штаба по телефону с намерением его сломать.

По подсчетам Б.М. Шапошникова, Сазонов уговаривал Николая II стрях до четырех часов дня, вырвав у русского царя повторное согласие на объявление общей мобилизации.

Хотя в своих воспоминаниях Добророльский и Сухомлинов ошибочно относят разговор последнего с министром иностранных дел к более раннему сроку.

"Около 1 часу дня, — пишет бывший начальник мобилизационного отдела, — Янушкевича вызывает по телефону Сазонов и говорит, что Государь признал правильным, в связи с последними сведениями из Берлина, объявить общую мобилизацию всей армии и флота". "Alors, faites vos ordres, mon general et ensuite... disparaissez pour toute la journée. (Итак, отдавайте

наши распоряжения, генерал, и затем... исчезайте на весь день — присяж. актора" [237]. "Янушкевич немедленно после сего, — продолжает Добророльский, — вызвал меня к себе и посвятил меня в этот разговор".

Бывший русский военный министр Сухомлинов, в значительной мере использовавший статью Добророльского о русской мобилизации в своих воспоминаниях, пишет: "А между часом и двумя пополудни по телефону генерал Янушкевич доложил мне о том, что Сазонов передал ему высочайшее повеление объявить общую мобилизацию армии и флота" [238]. Сухомлинов поясняет, что "такое решение последовало вследствие полученных из Берлина последних сведений. Об этом докладывал мне Янушкевич не позже двух часов пополудни, а от нашего посла Сербеева могла быть получена телеграмма вечером 17/30 июля".

Оставим пока освещение вопроса о "полученных из Берлина сведениях", послуживших поводом к объявлению мобилизации, а последуем за Добророльским, на которого выпала обязанность приводить в действие приказ о мобилизации.

"Нужно было, — пишет он, — вновь объехать трех министров для подписи телеграммы, устанавливающей начало общей мобилизации на 8 июля. Вчерашняя телеграмма была, конечно, не действительна. В это время в Маринском дворце происходило экстренное заседание Совета министров под председательством Горемыкина. Туда направлялся и Янушкевич. Он предложил мне ехать с ним и, так как там налицо были все министры, то во время перерыва заседания можно было сразу получить нужные подписи. Так и было сделано. Телеграмма была готова. Около 5 часов дня я повез ее на телеграф..."

В 6 часов вечера все аппараты были готовы к принятию мобилизационной телеграммы. Я вошел в зал. Какой-то торжественной молчаливостью повеяло от телеграфистов и телеграфисток...

В 6 часов с несколькими минутами вечера, среди полной тишины анкерного зала, сразу застучали телеграфные аппараты... Это был начальный момент великой эпохи..." [239].

Если считать по "Поденной записи", что Янушкевич получил приказание в 4 часа дня, то до 5 часов дня, т.е. за час, конечно, Добророльский мог собрать подписи трех министров при той обстановке, при которой это происходило. Таким образом, свидетельство Добророльского на сей раз не опровергает времени, приведенного в "Поденной записи".

Итак, "в 6 часов с несколькими минутами вечера" была объявлена мобилизация русской армии при отчетливом сознании всех отдающих и передающих этот приказ, что он неминуемо поведет к войне. На нее и шли в Петербурге.

По показанию всех участников, на отдачу приказа об общей мобилизации Николая Романова толкнули последние сведения, полученные из Берлина. Вот суть этих сообщений.

"Сводка сведений, поступивших в Главноуправление Генерального штаба за 17-е июля 1914 г.", составленная в том числе и на базе данных за предыдущие дни, не содержала в себе тревожных элементов и не могла подтолкнуть царя к принятию ответственных решений.

"По данным нашего военного агента во Франции и Австро-Венгрии на днях ожидается общая мобилизация. В Галиции кавалерия, по-видимому, уже мобилизована."

Наш военный агент в Вене, передавая слух, что в случае мобилизации русской армии Австро-Венгрией решено ответить немедленно объявлением войны России, снова подтвердил свои прежние донесения о мобилизации Австро-Венгрией XV, XVI, IV, XIII корпусов и частично II и III корпусов; дополнительно наш военный агент сообщает о мобилизации обоих богемских корпусов и об единичных, известных ему, случаях призыва запасных офицеров и нижних чинов в I (Краковский) корпус.

Новых сведений, подтверждающих мобилизацию VI корпуса, не поступало. Часть флота приведена уже на военное положение. Военный агент в Италии доносит также, что, согласно данным итальянского генерального штаба, всего в Австро-Венгрии мобилизуется 8 корпусов.

По сведениям штаба Киевского военного округа в Галиции 15-го июля призваны запасные 1910, 1909 и 1908 годов (по прежним данным штаба, были получены призывные повестки также и запасными 1911 года).

16-го июля австрийские запасные офицеры, проживающие в Москве, получили приказ выехать на родину в 24 часа...

Сосредоточение в Галиции

IX (Лейтмерцкий) корпус по сведениям нашего военного агента во Франции, отправляется в Краков. В Галиции, на русской границе против Сандомира, обнаружена австрийская кавалерия, а также прибытие пехоты и артиллерии. По донесениям штаба Киевского военного округа, на границе несколько усиливается посты австрийской финансовой стражи.

Военные действия против Сербии

В ночь с 15-го на 16 июля... австрийцы начали бомбардировку Белграда. Германия.

По сведениям из Франции, от 15-го июля в Германии происходят незначительные подготовительные меры на железных дорогах и на пограничных пунктах, возращаются в части отпуски, запрещены частные заказы военным мукомолам.

Из Киль сообщают, что в ночь на 15-е июля часть действующего флота прошла в Данциг в боевой готовности. 17 июля 1914 г. 1-й обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба генерал-майор Монкевич [240].

Таким образом, не Сводка разведывательных сведений ГУГШ привела руководство страны к принятию решения о всеобщей мобилизации.

В своей телеграмме от 17(30) июля Николай обращался к Вильгельму "как к посреднику в целях сохранения мира". Ответа на эту телеграмму до 4 часов дня не было. Германский посол с ночи на 17(30) и до вечера, т.е. когда решение о мобилизации уже было принято, Сазонова не видел. По данным Пурталеса, состоявшийся при Николае германский генерал Хелиус послал "после полудня" доиссенье, в котором отмечал "настроение безусловно мирное" "в клубных кругах". Генерал докладывал: "Существует надежда на соглашение Германии с Россией... Касательно мобилизации высшие офицеры говорили в клубе, что, имея в виду огромные расстояния, нет возможности задержать ее. К тому же в России от начала мобилизации до начала войны еще очень далеко; поэтому всегда еще остается время для мирного разрешения спора". "Равным образом, — пишет Пурталес, — генерал фон Хелиус сообщал в своей телеграмме, что, за исключением некоторых демонстраций, в Петербурге все спокойно" [241].

Объяснение всей этой "тайне" даст в своей книге Данилов, который пишет:

"Следующий день, 30 июля, принес очень тревожное известие, которое произвело впечатление разорвавшейся бомбы: около часу полудня в Берлине был выпущен экстренный листок официального *Local Anzeiger* с сообщением об объявлении мобилизации в Германии. Корреспондент С.-Петербургского телеграфного агентства в Берлине Марков немедленно протелеграфировал об этом своему агентству в Петербурге, а агентство срочно по телеграфу передала это огромное важности сообщение нашему министерству иностранных дел. Несколько позднее содержание этой "марковской" телеграммы, как ее стали называть впоследствии, было подтверждено телеграммой нашего посла в Берлине Свербеева" [242].

Телеграммой за № 142 посол в Берлине "весьма срочно" сообщил министру иностранных дел: "Узнаю от представителя нашего агентства, что сейчас отдан приказ о мобилизации германских армий и флота" [243].

"Можно предполагать, что на докладе Сазонова именно и оперировал с этой "марковской" телеграммой, пугая Николая Романова грозным нападением Германии, — пишет Б.М. Шапошников. — Возможно, что под конец доклада "газетная утка" подтвердилась и другой "дипломатической уткой, но так или иначе настроение тревоги в Петербурге нарастало и, наконец, вылилось в решение об общей мобилизации" [244].

Следом за телеграммой за № 142 от Свербеева пришло две телеграммы с опровержением известий о мобилизации в Германии".

"*Priere considerer telegramme № 142 comme non venu. Explication suit (Просьба считать телеграмму № 142 недействительной. Объяснение следует)*" [245].

"Министр иностранных дел сейчас телефонирует, что пущенное только что известие о мобилизации германских армий и флота неверно, что листки газет были напечатаны заранее в предвидении... (Так в тексте — примеч. автора) возможностей, пущены в продажу в час дня и теперь конфискованы. По слухам, мобилизация решена, но еще не подписана в ожидании ответа на запрос, который будто бы послан в Петербург", — следовало из объяснения посла [246].

Обе телеграммы Свербеева были отправлены из Берлина в 3 часа 10 минут и 3 часа 15 минут дня соответственно и, естественно, стали известны Сазонову уже после аудиенции у Николая II. Министр иностранных дел умалчивает, докладывал ли он царю о поступившем опровержении или нет.

До сих пор неизвестно, приложило ли военное ведомство Германии руку к появлению газетных листков с преждевременным объявлением об общей мобилизации.

Итак, в 6 часов вечера в военные округа ушли телеграммы следующего содержания:

"По мобилизации.

Петербург Вильна Варшава Тифлис Новочеркасск Иркутск Омск Ташкент.

Командующему войсками [округа].

Высочайше повелено привести на военное положение армию и флот и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно мобилизационному расписанию 1910 года.

Первым днем мобилизации считать 18 сего июля. 1945/578

Подписали:

генерал-адъютант Сухомлинов

генерал-адъютант Григорович

министр внутренних дел Маклаков

17 июля 1914 года".

"По мобилизации.

1965 Одесса Казань Москва Киев

Командующему войсками [округа]

В дополнение номера 3729 высочайше повелено произвести общую мобилизацию всех наших сил. Первым днем обеих мобилизаций следует считать восемнадцатое июля, с которого будут вестись расчеты железнодорожных перевозок.

580 Подписал генерал-лейтенант Янушкевич 17 июля 1914 г. 7 ч. 45 мин. веч. [247].

В 6 часов 30 минут вечера в Петергоф была доставлена телеграмма Вильгельма II (отправлена из Берлина в 3 часа 52 минуты и получена в 5 часов 5 минут дня).

"Графу Пурталесу было предписано обратить внимание твоего правительства на опасность и серьезные последствия, вытекающие из мобилизации, — писал германский кайзер. — То же самое я сказал тебе в моей телеграмме. Австрия мобилизовала только против Сербии и только часть своей армии. Если теперь, как видно из сообщения твоего и твоего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя роль посредника, которую ты мне любезно доверил... подвергается опасности, если не станет совершенно невозможной. Вся тяжесть решения ложится теперь исключительно на тебя, и ты несешь ответственность за мир или войну. Вилли" [248].

Еще до объявления общей мобилизации России Вильгельм II определил позицию Германии и указал на Россию как на виновника развязывания войны.

"При этом Государь еще надеялся найти способ помешать общей мобилизации быть бесповоротным поводом к войне, — говорит "Поденная запись". — С этой целью Государь в этот же день в телеграмме к императору Вильгельму по поводу принятого решения торжественно дал слова, что несмотря на означенную мобилизацию... (На этом документ отрывается — примеч. автора)" [249].

На самом деле ответную телеграмму Николай II отправил днем 18(31) июля. Во второй половине дня Вильгельм отправил личную телеграмму Францу-Иосифу. "Я считал невозможным, — телеграфировал германский кайзер австрийскому императору, — отклонить личную просьбу царя предпринять попытку посредничества для отпращения мирового пожара и сохранения европейского мира и представить твоему правительству через моего посла вчера и сегодня предложения. В числе их имеется предложение, чтобы Австрия после занятия Белграда или других мест объявила свои условия. Я буду тебе искренне обязан, если ты возможно скорее сообразишь сообщить мне свое решение".

Эта телеграмма Вильгельма была таким образом отчаянным средством, чтобы заставить Австро-Венгрию дать хоть какой-либо ответ на германские предложения и тем облегчить положение Германии в смысле возложения ответственности за войну на Антанту. Австрийские организаторы войны могли понять ее серьезно — как предложение остановиться и не рисковать войной. Но телеграмма Вильгельма даже не успела их дезориентировать, потому что в ночь с 30 на 31 июля была получена и телеграмма Мольке, разъяснявшая истинную цель телеграммы Вильгельма.

"Встретьте твердо русскую мобилизацию, — подбуживал Мольке, — Австро-Венгрию нужно сбросить. Немедленно мобилизуйтесь против России. Германия объявит мобилизацию. Заставьте Италию путем компенсации выполнить долг союзников" [250].

В ходе событий неуклонно надвигающейся войны, в 4 часа дня в Петербурге было принято решение об объявлении общей мобилиза-

ции с полным сознанием со стороны царя, руководства министерства иностранных дел, военного и морского ведомств, что угроза вооруженного столкновения в этом случае становилась практически необратимой. Своей всеобщей мобилизацией Россия превращала австро-сербский конфликт в европейский, т.е. создавала необходимую предпосылку для "игры союзов", которая неизбежно должна была привести к европейской, точнее мировой войне.

Вместе с тем, скорее по инерции продолжали предприниматься шаги, рассчитанные на дипломатическое урегулирование противостояния.

По-прежнему сдержан Николай в своих диспешных записях.

"17 июля. Четверг."

Утром было поспокойнее в смысле занятий; принял Мамонтова (Мамонтов, В.И., главноуправляющий канцелярией Е.И.В. по прициту прошения. — М.А.), Боткина (Боткин, П.С., посланник в Лиссабоне. — М.А.) из Лиссабона и командира Каспийского полка Искрицкого. После завтрака у меня были Сазонов и Татищев. Погулял один. Погода была теплая. В 6 час. принял гр. Фредерикса и Воейковым (Воейков В.Н., ген.-майор свиты с.в., дюрновский комендант. — М.А.), затем Гилюва (Гилюв К.Д., ген.-ад., адмирал, флаг-капитан с.в. — М.А.). Выкушался с насладением в море. Обедая Ольга и с нею провели вечер [251].

18(31) июля.

"Никто не угрожает могуществу и чести России"

(Германский кайзер Вильгельм — Николаю II)

"готов... начать войну с Россией"

(Кайзер Вильгельм — австрийскому императору Францу-Иосифу)

Советы Парижа о секретной подготовке к войне были учтены в Петербурге. "Поденная запись" за 18(31) июля говорит: "Министр иностранных дел считал желательным, во избежание обострения отношений с Германией, приступить к общей мобилизации, по возможности, тайно и не объявляя о ней всенародно. Однако, оказалось, что это было технически невозможно, и с утра 18/31 июля на всех улицах появились объявления на красной бумаге с призывом под знамена" [252].

Судя по всему, за "тайное" проведение мобилизации первоначально высказался и Генеральный штаб. Так, в этот день начальник Морского генерального штаба Руси сообщил письмом командующему морскими силами Балтийского моря Эссену в том числе следующее: "...Объявлена секретно общая мобилизация, и главнокомандующий великий князь Николай Николаевич вступил в должность; в его штаб выделил от себя капитана II ранга Альфандера..." [253].

Однако события первых часов утра показали, что предположение о возможности скрыть переход к войне являлось наивным заблуждением.

Проникнувшие не могли не вызвать возмущения среди иностранных представителей и одним из первых к министру прискакал за разъяснениями германский посол.

"Сазонов, — по словам "Поденной записки", — заявил ему, что принятое императорским правительством решение является лишь мерой предосторожности, в виду обнаруживаемой в Берлине и Вене несговорчивости, но что со стороны России не будет сделано ничего несправедливого, и, несмотря на мобилизацию, мир может быть сохранен, если Германия согласится, пока еще не поздно, усмирительно воздействовать на свою союзницу. Граф Пурталес не скрыл своих опасений насчет того, как отнесутся в Берлине к упомянутой мере" [254].

Согласно запискам германского посольства в Петербурге Пурталес утром 18(31) июля встречался в министерстве иностранных дел не с Сазоновым, находившимся в это время в Петергофе, а с его заместителем — Нератовым.

Сообщив Нератову полученные за ночь телеграммы, Пурталес заявил: *"Известие о мобилизации России, по моему убеждению, произведет в Германии впечатление удара молнии... У нас в Германии общая мобилизация русской армии может быть понята только в том смысле, что Россия хочет войны во что бы то ни стало."*

Пурталес вручил Нератову Записку германского посольства, в которой докладывалось *"миролюбивое, а равно... дружественное расположение к России" со стороны Германии. "...германское правительство предложило венскому кабинету завершить петербургский кабинет, — говорилось в Записке, — что он не имеет намерения ни посягать на территориальную неприкосновенность Сербии, ни нарушать законные интересы России" [255].*

"Россия должна отдавать себе отчет, что, желая побудить Австрию идти дальше этой декларации, она требует от нее уже нечто несовместимое с ее достоинством и с ее престижем великой державы... Российскому правительству надлежало бы не упускать из вида, что престиж Австро-Венгрии, как великой державы, является в то же самое время германским интересом и что нельзя требовать от Германии, чтобы она воздействовала на Австрию в духе, противоположном ее собственным интересам", — недвусмысленно определяло свою позицию германское посольство.

Тем временем Белград подвергался ожесточенному артиллерийскому обстрелу. *"Бомбардировка продолжается непрерывно. Артиллерия бомбардирует город осадными орудиями с намерением его разрушить... — сообщалось в Памятной записке сербской миссии в Петербурге. — Число человеческих жертв значительно, материальные потери громады. Население не покидало Белград, так как городу не было предварительно предложено сдаться, и он был бомбардирован без всякого предупреждения" [256].*

В то время, когда русская военная машина начала делать свои первые обороты, Россией продолжались предприниматься шаги по дипломатическому урегулированию конфликта.

Было принято пожелание английского правительства *"внести некоторые изменения" в предложенную Сазоновым накануне германскому послу формулу, направленную на примирение сторон. Видоизмененная согласно английскому предложению формула никоим образом не ущемляла престиж Австро-Венгрии и признавала вторжение австрийских войск на сербскую территорию: "Если Австрия согласится приостановить движение своих войск на сербской территории и если она, признав, что австро-сербский конфликт приобрел характер европейского вопроса, допустит, чтобы великие державы обсудили способ удовлетворения, которое Сербия, не допуская нарушения своих прав суверенного государства и своей независимости, могла бы дать Австрии, — Россия обязуется сохранять выжидательную позицию" [257].* Содержание откорректированной формулы было сообщено послам России в Берлине, Вене, Париже, Лондоне и Риме, а также послам Франции и Великобритании в Петербурге.

В тот же день Сазонов циркулярной телеграммой довел до сведения послов в европейских столицах о согласии правительства Австро-Венгрии *"вступить в обсуждение по существу предъявленного Сербии ультиматума" [258].* В этой связи министр иностранных дел информировал, что *"обратил внимание посла (австрийского — примеч. автора) на предпочтительность ведения переговоров об этом в Лондоне при участии великих держав"*. На телеграмме Николай II сделал помету: *"Одно не мешает другому — продолжайте разговоры с австрийским послом" [259].*

Как стало известно позднее, Австро-Венгрия не допускала мысли о сколь-нибудь серьезном обсуждении спорных вопросов. Так, в инструкции данной австро-венгерскому послу в Петербурге указывалось, что речь может идти лишь о разъяснениях *post factum*, так как Австрия не намерена допустить, чтобы у нее *"выторговали"* что-либо из ноты [260].

Неудовлетворенный беседой с товарищем министра Нератовым, Пурталес по телефону связался с Сазоновым, находившимся в Петергофе, и *"испросил аудиенцию у Николая II"*.

"Во время аудиенции, которую Пурталес имел сегодня у императора Николая, — следует из расшифрованной на следующий день в министерстве иностранных дел России телеграммы австро-венгерского посла в Петербурге Сапарн министру иностранных дел Бертхольду — он воспользовался случаем, чтобы обратить внимание его величества на то положение, в которое поставлен император Вильгельм опубликованием указа о всеобщей мобилизации в момент, когда он еще пытался найти решение вопроса. Император, якобы, высказал живейшее сожаление, что отмена мобилизации невозможна по техническим условиям, и дал слово, что его ар-

мня не нападет первая. Его величество отнесся, якобы, к сообщению германского посла с... (пропуск в тексте — примеч. автора) и с видом человека, отнюдь не отдающего себе отчета в серьезности положения и в важных последствиях его мероприятия... Императору Николаю, по-видимому, внушили, что, подобие русской, и германская контрмобилизация ничего не значит, — взгляд, разделяемый по-видимому, и г. Сазоновым... Подстрекатели к войне, среди которых министр внутренних дел играет первую роль, по-видимому, повлияли на императора указаниями на воинственное настроение, опасное в настоящее время даже для престола, из чего вытекает безусловная необходимость, чтобы "что-нибудь произошло" [261].

Воспоминания Пурталеса позволяют восстановить пропуски в расшифрованной ноте и внести некоторые дополнения. "У меня получилось впечатление, — пишет германский посол, — что мой высокий собеседник либо в необычайной мере одарен самообладанием, либо еще не успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения" [262]. Пурталес сообщает, что Николай показал ему готовую к отправлению телеграмму Вильгельму о невозможности задержать мобилизацию.

По воспоминаниям Пурталеса, имена "подстрекателей к войне" ему стали известны из беседы с министром двора Фредериксом. "Приказ о мобилизации был проведен под давлением военного министра Сухомлинова и министра внутренних дел Маклакова, — якобы, дал понять Фредерикс. — Из них первый находился под страхом внезапного нападения, а последний сумел убедить императора Николая в том, что внутреннее положение России настоятельно требует какого-нибудь выхода".

Отношение Маклакова к войне было известно, что же касается дум военного министра, то он в своих воспоминаниях резко обрушивается за "башни" на германского посла. Не допуская мысли, чтобы такой "благородный" человек, как Фредерикс, мог говорить подобное [263].

"Вероятно, графу Пурталесу известна также, кроме того, та черта характера императора Николая II, что он органически не переносит вмешательства министров в дела чуждого ведомства", — указывает Сухомлинов.

Между тем из Берлина поступали донесения. Русский посол Сербеев сообщил, что с утра еще до получения известия об объявлении в России общей мобилизации им снова велись переговоры с министром иностранных дел Яговым, так и не приведшие ни к какому соглашению. "Сейчас министр иностранных дел повторил мне, — писал Сербеев, — что переговоры, затрудненные уже мобилизацией нашей против Австрии, становятся еще более затруднительными в виду принимаемых у нас серьезных военных мер против самой Германии. Известия об этом получают здесь будто бы со всех сторон и несомненно должны будут вызвать соответствующие меры со стороны Германии. На

это я ему ответил, что все соотечественники, приезжающие в Берлин, свидетельствуют, что и в Германии означенные меры против нас в полном ходу, что вполне отрицается министром иностранных дел, утверждающим, что здесь вызваны были лишь офицеры из отпусков и возвращены войска с маневров" [264].

В 11 часов 10 минут утра в Берлине была получена телеграмма Пурталеса об объявлении общей мобилизации в России.

Уже в первом часу в Германии было введено Положение, угрожающее войной. Сербеев телеграфировал в Петербург, что в ответ на общую мобилизацию армии и флота в России, Германия, по словам статс-секретаря, вынуждена "ответить всеобщей немедленной мобилизацией и сегодня же объявлением, что Германия находится в серьезной опасности" [265].

В 2 часа 15 минут дня в Берлине на телеграф была подана телеграмма Вильгельма Николаю, поступившая в Петергоф в 5 часов 15 минут. В телеграмме говорилось, что в то время, как Берлин стремился быть посредником, были получены "достоверные известия о серьезных военных приготовлениях на моей восточной границе" [266]. "Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предупредительные меры защиты", — писал Вильгельм и прибавлял: "В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до крайних пределов. Ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падает на тебя". Заявляя, что "никто не угрожает могуществу и чести России", вспоминая о "дружбе", завязанной "дедом на смертном одре", Вильгельм завершал телеграмму следующими словами: "Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если Россия согласится приостановить военные мероприятия, угрожающие Германии и Австро-Венгрии".

Телеграмма эта разминувшись с телеграммой, посланной Николаем и полученной в Берлине в 2 часа 52 минуты дня.

Поблагодарив германского императора за посредничество, царь писал следующее: "По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления, которые были для нас неизбежны ввиду мобилизации Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких выходящих действий. Я торжественно даю тебе в этом мое слово... Ники" [267].

Ранним утром 18(31) июля австрийский император Франц-Иосиф после доклада Конрада и Бертхольда дал свое согласие издать указ о всеобщей мобилизации. Бертхольд уже около 8 часов утра 31 июля телеграфировал австрийскому послу в Берлин: "Согласно приказаний императора решено войну против Сербии продолжать. Оставшаяся часть армии мобилизуется и сосредотачивается в Галиции. Первый день мобилизации 4 августа. Приказ о мобилизации будет объявлен сегодня 31 июля. Просьба сообщить предполагаемый в Бер-

лине первый день мобилизации" [268]. Указ о всеобщей мобилизации был доставлен в военное министерство Австро-Венгрии в 12 ч. 23 мин. дня 18(31) июля. Немедленно были разосланы соответствующие распоряжения.

Австрийская общая мобилизация опоздала на 18 часов по сравнению с русской, хотя в момент принятия решения об ее объявлении в Вене еще не знали о принятых в Петербурге решениях.

18(31) июля военный агент в Англии доложил в Отдел генерал-квартирмейстера ГУШ: "Ночью призваны двадцать пять тысяч резервистов флота. Эскадры вышли из Портланда к восточным берегам. На суше принимаются некоторые меры по обороне берегов и усилению гарнизонов восточного берега" [269].

Однако эти военные приготовления отнюдь не свидетельствовали в пользу выступления Англии на стороне России и Франции.

"По словам Грея, сегодня утром состоялось заседание кабинета. Кабинет полагает, что в настоящий момент английское правительство не может взять на себя формальных обязательств", — докладывал Бенкендорф из Лондона [270].

"Сводка сведений, поступивших в ГУШ за 18 июля 1914 г.", отслеживала военные приготовления Австро-Венгрии и Германии, в первую очередь на границах с Россией, опираясь в основном на разведывательные сведения, полученные в течение предшествующих дней из разных источников военной разведки. В ней, в частности, отмечалось:

"Австро-Венгрия."

Мобилизация. По донесению нашего военного агента из Австро-Венгрии, австро-венгерским министрам иностранных дел заявлено нашему послу, что в ответ на русскую мобилизацию в Австро-Венгрии будет объявлена общая мобилизация. Приказ о последней издан 17-го июля.

Штаб Киевского военного округа сообщает, что мобилизован X (перемильский) корпус. Главнокомандующим на галицийском фронте предположается эрцгерцог Фридрих...

Во Львове формируется артиллерийское отделение, в состав которого пришло 8 офицеров-артиллеристов. Укрепления Львова спешно приводятся в оборонительное состояние... Принята войсковая охрана галицийских и по-видимому, буковинских железнодорожных сооружений.

Совещанием при штабе XI-го корпуса (Львовского) с участием представителей польских организаций намечено осуществление, по распоряжению из Львова, следующих задач в пределах России: прервать телеграфные сообщения, попытаться испортить железнодорожные мосты, организовать покушения на отдельных лиц, агитировать в пользу польского восстания.

Наш консул в Будапеште сообщает, что мобилизация касается также и частей второй очереди.

По донесению нашего консульства в Черновицах, австрийские запасные, призванные еще до 13-го июля, до сих пор в полки не зачислены.

Военные действия против Сербии... бомбардировка Белграда продолжается.

Германия

Мобилизация. По агентурным сведениям, в Германии до 12 часов дня 17-го июля мобилизация объявлена не была, но один агент вновь утверждает, что 16-го в Штеттине такое объявление последовало. В пограничных с нами корпусах войсковые части под видом призыва резервистов в учебные сборы доведены до состава военного времени.

На железных дорогах выставлена военная охрана. На станциях между Берлином и Кенигсбергом на запасных путях стоят оборудованные вагоны. Товарное движение прекращено 17-го июля..." [271].

Сложность происходящих событий и робкие надежды на благоприятный исход сквозят в каждой строке письма, адресованного начальником Морского генерального штаба командующему морскими силами Балтийского моря, снабженного грифом "Весьма секретно, для личного сведения". "Пишу вам совершенно частным образом, исключительно свои впечатления о переживаемом моменте: вчера вечером положение было очень критическое, шансов на мир не больше 5 проц., сегодня значительно улучшилось, уже можно считать 10 проц. на мир: видимо, Германия рассчитывала на нашу уступчивость и миролюбие, почему со своей стороны была несговорчива и поддерживала Австрию, — информировал Русин Эссена. — Увидев же, что мы не шутим, всерьез мобилизуемся, дрогнула, пошла на разговоры и сегодня гр. Пурихтес сначала обратился к министру иностранных дел, а затем просил быть принятым Государем... У меня сложилось впечатление, что Германия воевать не хочет, и политическое спокойствие восстановится, хотя, конечно, будут еще крайне острые моменты переговоров". И здесь же начальник Морского генерального штаба давая указания командующему морскими силами Балтийского моря: "Считал бы возможным ограничиться поставленным уже минным заграждением и больше уже не ставить, а даже пользуясь днями штилей, понемногу и осторожно исподволь подымать мины, хотя в отношении мин еще рано об этом говорить" (Конец письма "хотя в отношении... говорить" прописан другими чернилами — примеч. автора) [272].

18(31) июля, одновременно с предъявлением в Петербурге требования прекратить мобилизацию, германским послом в Париже была вручена нота французскому министру иностранных дел. Этой нотой, являющейся по своей сути ультиматумом, германское правительство ставило Францию в известность о требованиях, предъявленных им России. В ноте задавался вопрос, готова ли Франция дать обязательство соблюдать нейтралитет. Для ответа был дан срок 8 часов. Германский канцлер Бетман предусмотрительно сообщил послу Шену

инструкции, как ему поступить, если бы французы дали удовлетворительный ответ. В этом случае посол должен был предъявить французам дополнительное, заведомо неприемлемое требование, таким образом, вынудить их восстать. Французи предлагалось передать Германии крепости Туль и Верден для оккупации их в качестве залога, что обещанный нейтралитет в самом деле будет соблюдаться. Так проводили немцы войну.

Но Бетман напрасно измышлял свои ухищрения. Французы ответили, что ничто не могут заранее сказать о своем поведении и сохраняют свободу действий.

18(31) июля Грей запросил Берлин и Париж, будут ли они уважать нейтралитет Бельгии. Посол Франции в Лондоне дал самые категорические заверения, а германский посол попытался парировать вопрос Грея, в свою очередь спросив его, обязуется ли Англия соблюдать нейтралитет в случае, если Германия обещает не нарушать нейтралитет Бельгии. Грей отказался дать такое обязательство. Но он добавил, что для самой Германии было бы крайне важно дать Англии гарантию нейтралитета Бельгии: это оказывало бы влияние на английское общественное мнение в благоприятном для Германии смысле. О реакции на вышеописанные действия английского правительства Бейкендорф доложил в МИД на следующий день.

Тем временем Россия и Франция все настойчивее требовали от Англии ясных обязательств. Британский кабинет по-прежнему отказывался решить.

В полночь 18(31) июля германский посол Пурталес по поручению своего правительства довел до сведения Сазонова, если не ультиматум, то близкое к нему по духу заявление: "Если через двенадцать часов, то есть в полдень в субботу, Россия не приступит к демобилизации не только против Германии, но и против Австрии, германское правительство вынуждено будет отдать приказ о мобилизации" [273]. На вопрос Сазонова, "равносильно ли это войне, посол ответил, нет, но что мы к ней чрезвычайно близки".

В создавшейся ситуации первостепенным для Германии являлось повернуть вооруженные силы своей союзницы против России. Во второй половине дня Вильгельм отправляет Францу-Иосифу следующую телеграмму:

"Сегодня мною объявлены предварительные мобилизационные мероприятия моей армии и моего флота, за которыми в крайчайшее время последует общая мобилизация. Я предполагаю 2 августа сделать первым днем мобилизации и готов в исполнение моих союзнических обязательств начать войну с Россией. Важнейшее в этой тяжелой борьбе, чтобы Австрия сконцентрировала свои главные силы против России, а не распыляла бы их наступлением против Сербии. Это тем более важно, что большая

часть моих армий будет связана Францией. В этой борьбе не на жизнь, а на смерть, в которую мы вступаем плечо к плечу. Сербия играет совершенно второстепенную роль, которая требует принятия против нее строго необходимых оборотительных мер. Успех войны, и вместе с тем, целостность наших монархий будут достигнуты лишь тогда, когда мы оба с полным напряжением сил выступим против новых могущественных противников. Затем я прошу тебя сделать все, чтобы побудить Италию к совместному выступлению. Все прочее должно отойти на задний план перед стремлением достигнуть совместного выступления к войне тройственного союза" [274].

По-прежнему немногословен в своем дневнике Николай II:

"18 июля. Пятница.

День простоял серый, такое же было и внутреннее настроение. В 11 час. на ферме состоялось заседание Совета министров. Вернулся домой к часу. После завтрака принял германского посла. Погулял с дочерьми. До обеда и вечером занимался" [275].

19 июля (1 августа).

"мы будем продолжать переговоры на благо наших государств и всеобщего мира..."

(Николай II — кайзеру Вильгельму)

"...считает себя в состоянии войны с Россией..."

(Немецкая нота с объявлением войны)

"Наступил полдень 1 августа. Час этот был встречен в Петербурге в спокойном сознании, — пишет бывший генерал-квартирмейстер Данилов, — что все совместное с достоинством и величием России было сделано для того, чтобы уберечь мир от покушений на него со стороны германского императора и его правительства" [276].

Телефонного звонка от Сазонова Пурталес так и не дождался. Около 2 часов дня позвонил Фредерикс с сообщением о посланной Вильгельму Николаем телеграмме (передана в Берлин в 2 часа 47 минут).

"Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, — писал русский царь, — но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т.е. что эти мероприятия не означают войны, и что мы будем продолжать переговоры на благо наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас" [277].

События нарастали. "В 1 час пополудни" 19 июля (1 августа) после истечения установленного ультиматумом 12-часового срока (сنة до объявления общей мобилизации) Пурталесу был послан (в двух вариантах) текст объявления войны России. Отступления уже не было... Военный министр Фалькенгайн принес августа в свой дневник: "Предложил мне Мольтке идти вместе с ним к Ягопу, чтобы наметить бес-

смысленному преждевременному объявлению войны России, я бы дал ответ: поздно" [278].

Далее Фалькенгайн продолжает: "Так как от России, срок ультиматума к которой истек в 12 часов дня, до 4 часов дня не пришло никакого ответа, я поехал к канцлеру, чтобы склонить его отпраздновать со мной кайзера и испросить согласия на объявление приказа о мобилизации. После продолжительного сопротивления он согласился, и мы телеграфировали Мольтке и Тирпицу. В это время позвонил сам император и приказал прибыть к нему с приказом о мобилизации".

"Около 5 часов дня приказ был подписан его величеством. Я сказал при этом: "Бог благословит ваше величество и ваше оружие, бог защитит любимое отечество".

Так, в приподнятом настроении, с чисто немецкой сентиментальностью, подписывался приказ о мобилизации, т.е., иными словами, приказ об объявлении войны, с точки зрения Германии.

"В пятом часу граф Пурталес, — как отмечает "Подсказка записи", — вызвав по телефону барона Шидлинга, сказал, что ему необходимо безотлагательно видеть министра. Барон Шидлинг ответил, что С.Д. Сазонов в настоящую минуту находится в Совете министров на Елагинском острове, и обещал тотчас уведомить посла, как только министр вернется. Это и было сделано в начале седьмого часа, и граф Пурталес вскоре приехал в министерство. Предупрежденный об этом С.Д. Сазонов не обольщал себя никакими надеждами и сказал барону Шидлингу: "Он, вероятно, привезет мне объявление войны" [279]. Действительно, в 5 часов 45 минут после полудня Пурталес получил телеграмму с текстом объявления войны, который он должен был вручить в 5 часов вечера по берлинскому времени (6 часов вечера по петербургскому времени — примеч. автора). "Расшифрование телеграммы закончилось уже три четверти седьмого... Около 7 часов вечера я был у г. Сазонова", — пишет Пурталес [280].

"Войдя в кабинет министра, германский посол спросил, — как это следует из "Подсказки записи", — согласно ли императорское правительство дать на вечернюю его ноту благоприятный ответ. Министр ответил отрицательно, прибавив, что хотя объявленная общая мобилизация не может быть отменена, Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения".

Граф Пурталес высказывал признаки все возрастающего волнения. Он вынул из кармана сложенную бумагу и еще раз повторил свой вопрос. Сазонов снова ответил отказом. Пурталес в третий раз задавал тот же самый вопрос. "Я не могу дать вам иной ответ", — снова повторил Сазонов. "В таком случае, — пропыхнул Пурталес, задыхаясь от волнения, — я должен вручить вам эту ноту". С этими словами он передал Сазонову бумагу. Это была нота, или, точнее, целых два варианта ноты с объявлением войны. Из Берлина прислали две редакции ноты с объя-

влением войны, в зависимости от возможных вариантов ответа Сазонова, а Пурталес, разволновавшись, отдал Сазонову оба варианта, соединенные по оплошности германского посольства в одном документе.

"Идя навстречу пожеланию, выраженному императором всероссийским, его величество император в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника между венским и петербургским кабинетами, когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил, — говорил посол в ноте германского посольства. — Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими военными приготовлениями Германии, германская империя оказалась перед серьезной и непосредственной опасностью. Если бы императорское правительство не приняло мер к предотвращению этой опасности, оно поставило бы под угрозу безопасность и само существование Германии. Германское правительство поэтому сочло себя вынужденным обратиться к правительству его величества императора всероссийского, настаивая на прекращении упомянутых военных мер. Ввиду того, что Россия отказалась удовлетворить [не нашла нужным ответить на] это пожелание и выказала этим отказом [принятым положением], что ее выступление направлено против Германии, я имею честь, по приказанию моего правительства, сообщить... нижеследующее:

Его Величество император, мой августейший повелитель, от имени империи принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией" [281].

По воспоминаниям Пурталеса, при прощании Сазонов, "глубоко тронутый, бросился мне на шею", "горько сетовал на германского посла в Вене, как на виновника войны", и в заключение всего заявил: "Что я мог поделать в качестве министра иностранных дел, когда военный министр объявил императору, что мобилизация необходима? Во время этой последней беседы с ним, г. Сазонов произвел на меня впечатление полной беспомощности; это укрепило меня во взгляде, что во время последней фазы кризиса он всецело отдался на волю течения и превратился в безвольное орудие военной травмы" [282].

Сазонов решительно протестовал впоследствии против таких заявлений германского посла.

Военные соображения германского генштаба требовали только задержки русской мобилизации. Никакой особой надобности в столь спешном объявлении войны России немецкий план войны не предусматривал. Он требовал лишь скорейшего открытия военных действий против Франции. Всякая отсрочка их на Востоке могли принести немцам одну только выгоду. Для чего же понадобилось Бетману торопиться с актом объявления войны России? На этот вопрос ответ даст Бюлов в своих мемуарах. По его мнению, этот ход Бетмана диктовался внутривнутриполитической обстановкой. Альберт Баллиш передал Бюлову яркое описание сцены, разыгравшейся в его присутствии во дворце канцлера утром, в день объявления войны России.

"Когда Баллин вошел в салон, где были тогда приняты столь ужасные решения, то он увидел рейхсканцлера... который большими шагами и сильным возбуждением ходил взад и вперед по комнате. Перед ним, за столом, заваленным толстыми книгами, сидел тайный советник Криге. Криге был прилежным, честным и усердным чиновником... Бетман... от времени до времени обращал к Криге нетерпеливый вопрос: "Объявление войны России все еще не готово? Я должен сейчас же иметь объявление войны России!". Совершенно растерянный Криге копался между тем в наиболее авторитетных руководствах по международному и государственному праву, начиная с Гуго Гроция... вплоть до Блончли, Геффнера и Мартенса, выискивая прецеденты. Баллин позволил себе спросить канцлера: "Почему, собственно, ваше превосходительство так странно топчется с объявлением войны России?". Бетман ответил: "Иначе я не запозучу социал-демократов". "Он думал достигнуть этого, — заключает Бюлов, — заставив войну... против русского царизма" [283]. Бетман решил, что германскому правительству выгоднее начать войну под лозунгом борьбы с царизмом. Он был уверен, что германские социал-демократы ухватятся за этот лозунг, и это облегчит им поддержку немецкого империализма в мировой войне. С точки зрения внутренней политики канцлер не ошибся. Оправданием развязывания войны должна была служить идея "народной" войны против царизма, взятая из давно минувшей эпохи 1848 г.

Париж в этот момент больше всего беспокоила возможность проведения Берлином скрытой мобилизации на французских границах. Сообщая об утрешнем визите к министру иностранных дел Франции Вийанни германского посла, Извольский докладывал Сазонову: "Несмотря на смягченный характер сегодняшнего выступления германского посла, французское правительство крайне озабочено чрезвычайными военными приготовлениями Германии на французской границе, ибо оно убеждено, что под покровом так называемого "Kriegszustand" (военное положение — примеч. автора) происходит настоящая мобилизация, что поставит французскую армию в невыгодное положение" [284].

"С другой стороны, — продолжал Извольский, — на политическом соображении... для Франции весьма важно, чтобы ее мобилизации не предшествовала германской, а являлась ответом на таковую".

"Вследствие полученной здесь телеграммы от Палеолога, — сообщает во втором донесении Извольский, — что германский посол сообщил вам о решении Германии объявить сегодня общую мобилизацию, президент республики подписал мобилизационный декрет" [285].

В телеграмме Палеолога речь шла о германском ультиматуме России, предъявленном в ночь с 18(31) июля на 19 (1 августа).

Следом Извольский телеграммой на имя Сазонова передал в Петербург следующее донесение военного агента:

"19 июля/1 августа 1914. Особо секретная.

Срочная от военного агента. Объявлена общая мобилизация в 3 часа 40 минут дня, военный министр выразил пожелание: "1) Появиться на Сербию, попросил перейти скорее в наступление. 2) Получать ежедневные сведения о германских корпусах, направленных против нас. 3) Быть уведомленным о сроке начала нашего выступления против Германии. Наиболее желательным для французов направлением нашего удара продолжает являться Варшава-Познань. По сведениям, полученным из Дании, против нас назначены будто бы: 1, 17, 20, 6 резервный гвардейский и 2 корпуса. Извольский" [286].

(Военный агент во Франции подполковник Игнатъев не имел цифровых шифров, необходимых для использования беспроводного телеграфа. Поэтому по существующей ранее договоренности отправлял свои "радиограммы" через посольство, с предварительной зашифровкой их "имеющимися в посольстве ключами министерства иностранных дел" — примеч. авт.).

Таким образом, из-за опасения отстать в проведении мобилизации от Берлина "Франция объявила мобилизацию еще до объявления таковой в Германии".

"Военный агент просит передать, — сообщал в очередной телеграмме Сазонову Извольский. — Сводка по Германии 19 июля/1 августа: шесть пограничных корпусов 14, 15, 16, 8 и 2 армейские усиливаются частями (7), 11 и, быть может, 18 на фронте немецкого Люксембурга-Бельфор[а]. Происходит усиленная перевозка войск, заканчивается реквизиция лошадей. Ускоренное наступление возможно со стороны Меца или района Саарбург-Брюж. Во Франции пять пограничных корпусов находятся в полной боевой готовности" [287].

"По распоряжению германского правительства, — доносил посланник в Брюсселе Кудашев, — железнодорожное сообщение прервано между Германией и Бельгией" [288].

"Всеобщая мобилизация объявлена сегодня, — докладывал консул в Праге Жуковский о ходе мобилизации в Австро-Венгрии. — Части войск отправлены на румынскую и итальянскую границы. Мобилизация идет неудачно. Не хватает обмундировки. Энтузиазма никакого нет. В народе сильное недовольство" [289].

В этот день ряд стран определил свою позицию в грядущем военном конфликте, которая в последующем была изменена или насильственно нарушена.

"После совета министров под председательством короля римский кабинет объявил нейтралитет Италии, объясняя свое решение тем, что война наступательная, а не оборонительная, и что римский кабинет не был ни запрошен, ни посвящен ни Веней, ни Берлином в их решения", — телеграфировал посол в Риме Крупенский министру иностранных дел [290].

По сообщениям из Копенгагена, "Дания объявила себя нейтральной в войне между Австрией и Сербией" [291].

"Вчера великий визирь доверительно сообщил мне, что действительно австрийский посол стремился привлечь Турцию к общности действий с Австрией, но положительных предложений, будто бы не делал. Великий визирь добавил, что убежден в необходимости для Турции держаться себя в стороне от конфликта, — доносил посол в Константинополе Гирс. — Из секретного источника мне сообщают, что большинство членов комитета хотят побудить правительство присоединиться к Тройственному союзу, но правительство категорически, будто бы ответило, что скорее удалится от власти, чем согласится вступить на путь политики авантюры. При всем том я убежден, что Турция не применит воспользоваться первым благоприятным случаем, могущим безнаказанно принести пользу ее интересам, если такой случай представится ей" [292]. Посол в Турции дополнял военный агент подполковник Леонычев своим донесением в Отдел генерал-квартирмейстера:

"Получаются сведения о начавшемся созыве двух-трех наборов запасных под предлогом маневров. В конце июля железные дороги получили предупреждение о предстоящей перевозке резервистов. По объяснению компетентного лица, частный созыв имеет целью облегчить и ускорить окончательную мобилизацию, если обстоятельства того потребуют. Австрия и Германия, несомненно, работают чтобы увлечь Турцию против нас, но отдельные основания полагать, чтобы они в этом увенчались, еще нет" [293].

Генерал-квартирмейстер штаба Одесского военного округа Шишневич доложил в Отдел об обстановке в вооруженных силах Румынии:

"Подтверждаются сведения, что мобилизации румынской армии объявлено не было, [в] войсках получено [от] штабов корпусов приказание, чтобы все распоряжения о призыве запасных были [в] полной готовности" [294].

До сих пор не было полной ясности с позицией Швеции. Утром 19 июля (1 августа) Свэнзов прониформировал посланника в Стокгольме Нисподова: "Для личного сведения. Из весьма достоверного источника узнаем, что король заявил германскому посланнику, что, в случае европейской войны Швеция станет на стороне Тройственного союза" [295]. В качестве "достоверного источника" выступала расшифрованная в МИД очередная телеграмма, поступившая в посольства западных стран в Петербурге.

"Сегодня опубликован королевский декрет о полном нейтралитете Швеции во время австро-сербской войны", — докладывал посланник Неклюдов из Стокгольма [296].

Военный агент в Дании, Шведии и Норвегии подполковник Кнудс-уров, в свою очередь, доносил:

"Все полученные мною до настоящего времени сведения дают основание думать, что в шведской сухопутной армии пока не принято никаких мобилизационных мероприятий. Наоборот, во флоте идут весьма энергичные работы. Вчера, как сообщил мне наш морской военный агент, пехотный полк, квартирующий в Карасконе, предписано привлечь для выполнения работ, связанных с приведением флота в боевую готовность" [297].

Он же, комментируя объявление Швецией полного нейтралитета, писал в другой телеграмме: "Все слышанное за эти дни заставляет думать, что может быть, правительство и желает действительно придерживаться строгого нейтралитета, но однако все чаще и чаще раздаются здесь голоса, что Германия может принудить нарушить нейтралитет, и тогда этому не будет оказано сопротивления" [298].

По-прежнему от выступления на стороне России и Франции воздерживалась Англия. "Состоявшееся сегодня утром заседание кабинета оставило в силе вчерашние решения, — сообщал Бенксидорф в Петербург, — Грей мне повторил, что в настоящее время в стране нет движения общественного мнения в пользу военного выступления..." [299]. Однако все было значительно серьезнее, чем это представлялось послу России в Лондоне.

Группа Морля грозила расколом кабинета, и 1 августа 1914 г. Грей поддался давлению Германии. В этот день, в противоречие тому, что он говорил до сих пор немцам начиная с 29 июля, Грей предложил германскому послу Лихновскому обсудить следующий проект: он гарантирует нейтралитет Англии и Франции, при условии, что немцы обещают не нападать на последнюю. Таким образом, Грей задумывал прямое предательство России. Явный смысл его плана заключался в том, чтобы, бросив Германию на Россию, самому остаться в стороне. Конечно, кайзер пришел в восторг от проекта Грея.

Вернемся в Берлин 19 июля (1 августа) после 5 часов вечера, когда кайзером был подписан приказ о мобилизации и объявлена война России. "Канцлер, который видел основу своей политики в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с Англией и, что замечательно, до сегодняшнего дня еще думал, что во всеобщей войне, по крайней мере, удастся избежать участия Англии, был очень обрадован содержанием телеграммы германского посла в Лондоне князя Лихновского, — пишет в своих воспоминаниях Мольтке. — В таком же состоянии был и кайзер. Телеграмма говорила, что статс-секретарь Грей сообщил послу о намерениях Англии взять на себя обязательства в том, что Франция не объявит нам войны, если Германия, со своей стороны, обязается не предпринимать каких-либо враждебных действий против Франции. Господствовала, как сказано выше, радостное настроение. Мы должны были вести войну только с Россией; кайзер сказал мне: "Итак, мы наступаем со всеми армиями на Восток!" Я возразил его величеству, что это было бы невозможно.

Стратегическое развертывание миллионов армий не может быть импровизировано, оно является результатом упорной, многолетней работы, и однажды установленное, не меняется. Если его величество настаивает все армии направить на Восток, то они не явились бы готовыми к бою, а представляли собой хаотические толпы неорганизованных вооруженных людей без снабжения". Кайзер настаивал на своем и был очень возбужден... Что для нас наступила бы катастрофа, если бы со всеми армиями начали наступление против России, имея в тылу мобилизованную Францию, в этом ни для кого не было сомнения. Как могла гарантировать Англия Германии, что Франция не нападает с тыла? Мое возражение, что Франция уже мобилизовалась, и невозможно, чтобы оба мобилизовавшиеся государства оставались долго без столкновений, было напрасно. Наступление было приподнятое, и я оказался совершенно одиноким. В конце концов мне удалось убедить его величество, что наше сосредоточение, задуманное как удар с главными силами против Франции и с малыми силами оборона против России, должно быть планомерно проведено, чтобы не случилось непоправимого бедствия. Я сказал кайзеру, что по окончании сосредоточения возможно любую сильную часть армии перебросить на Восток, но в самом плане сосредоточения ничто не может быть изменено, ибо в противном случае я снимаю с себя всякую ответственность.

Ответная телеграмма в Лондон была составлена в том духе, что Германия охотно примет английское предложение, но что план сосредоточения сил на французской границе по техническим соображениям должен быть проведен с самого начала. Мы не нападем на Францию, если она, под контролем Англии, останется совершенно спокойной. Большого я не мог достигнуть. Для меня была совершенно ясна бессмыслица всего этого английского предложения. Уже в предшествующие годы министерство иностранных дел запрашивало меня о возможности такого положения при войне Германии с Россией, когда Франция останется нейтральной. Уже тогда я заявлял, что если Россия объявит нам войну, мы должны, если позиция Франции будет сомнительна, объявить войну тотчас же и ей. Ныне же, как гарантию от нападения Франции, я потребовал временной передачи нам крепостей Верден и Туль". Это предложение, как знак недоверия к Англии, было отклонено [300].

Прежде всего планам англичан помешали французы. Посол Франции в Лондоне Камбон без стеснения разъяснил Грей, что если Англия предаст своих друзей, то после войны ей самой придется плохо, независимо от того, кто бы ни предстал перед ней в роли победителя: Германия или Россия и Франция. Грей не мог понять, что замысел его не только вероломен, но и недостаточно дальновиден [301].

Что касается Австрии, то с ней Россия продолжала "оставаться в сношениях", как это следовало из телеграммы Сазонова в Вену, правда, здесь же присутствовало указание: "В случае, если наступит разрыв сно-

шений... вы должны будене выехать сюда со всем составом посольства, попросив нашего испанского сотоварища принять на себя защиту наших интересов в Австро-Венгрии" [302].

"Сводка сведений, поступивших в ГУГШ за 19 июля 1914 г." сообщала о продолжающихся военных приготовлениях в Австро-Венгрии и Германии, начавшихся за несколько дней до этого. Так, "штаб Киевского военного округа 18-го сего июля подтверждал, что в Галиции призываются все военнообязанные всех возрастных классов, сообщает, что мобилизация I-го (Перемышльского) корпуса началась с 16-го июля, а XI-го (Львовского) с 15-го" [303].

"Департаментом полиции получены также с австрийской границы, — говорилось в сводке, — что в Станиславе, Злочеве и Тернополье — производится мобилизация".

"16-го июля в нескольких пунктах Германии, — отмечала сводка, — замечено движение поездов с резервистами и лошадьми в различных направлениях. В тот же день был обнаружен поезд с орудиными двигателями от Берлина в западном направлении".

Одновременно с телеграммой об объявлении войны из Берлина, в Петербург из Лондона шла телеграмма Бьюкенену с предложением получить прием в Петергофе и передать личное послание от короля Георга V. В личном послании короля Англии содержался призыв к мирному разрешению конфликта и предлагались услуги в посредничестве [304]. Испрошенная аудиенция у Николая, была предоставлена английскому послу в 10 часов вечера. В Петергоф Бьюкенен прибыл с проектом ответа на послание, составленным в министерстве иностранных дел России, где и был принят в "10 3/4 и.л." По предложению Бьюкенена была сделана попытка отойти от предложенного проекта ответа на французском языке, изложенного "слишком официальным языком" и ответить "собственными словами".

После обсуждения, пишет Бьюкенен, "его величество сел у письменного стола и просил меня помочь ему в составлении ответа. Это было вовсе не легко, хотя он и говорит свободно по-английски. Он, очевидно, затруднялся найти выражения для того, что он желал сказать, и мне фактически пришлось ему продиктовать телеграмму в соответствии с проектом, данным мне Сазоновым, и с собственными словами его величества. Я пробыл у него часа полтора и вернулся домой в 2 ч. ночи" [305].

Скупой на слова русский царь в своем дневнике записал:

"19 июля. Суббота.

Утром были обычные доклады. После завтрака вызвал Николаю (Николай Николаевич, вел. кн., ген.-ад., главнокомандующий войсками гвардии и Петерб. военного округа, с начала мировой войны до августа 1915 года, верховный главнокомандующий. — М.А.) и объявил ему о

его назначении верховным главнокомандующим впрямь до моего приезда в армию. Поехал с Алекс в Дивеевскую обитель.

Погулял с детьми. В 6 1/2 ч. поехали ко всепокойной. По возвращении оппуды узнали, что Германия нам объявила войну. Обедали: Ольга Александровна, Дмитрий и Иоанн (Иоанн Константинович, кн., сын вел. кн. Константина Константиновича, флигель-адъютант. — М.А.) (дежурный). Вечером приехал английский посол Buchanan с телеграммой от Georgie (Георг V, английский король. — М.А.).

Долго составлял с ним вместе ответ. Потом видел еще Николашу и Фредерикса. Пил чай в 12 1/4 ч. [306].

***

С 19 июля (1 августа) т.е. со второго дня мобилизации в пограничных округах кавалерийские полки уже приняли на себя охрану пограничных рубежей. Как раз в этот день пришлось послать циркулярную телеграмму в штабы округов с подтверждением, что "до получения особой телеграммы открытие военных действий с нашей стороны недопустимо. Бывший в одном округе случай взрыва нами моста признан несоответствующим обстановке, требующей избегать пока фактов, могущих повлечь перерыв продолжающихся дипломатических переговоров" [307].

Так начался первый день мировой войны, которая продлилась четыре долгих года и унесла миллионы жизней.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1. Военная история Отечества с древних времен до наших дней. Т. II. М., 1995. С. 125.
2. А. В. Игнатьев. Внешняя политика России в 1905—1907 гг. М., 1986. С. 59.
3. Военная история Отечества. Указ. соч. С. 125—128.
4. Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926; А. М. Зайончковский. Подготовка России к империалистической войне. М., 1926; К. Ф. Шаинго Россия перед Первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905—1914 гг.) М., 1974; П. А. Жилин. Военно-исторический журнал, 1974; А. Г. Кавтарадзе. Военно-исторический журнал, 1972; Военная история Отечества. Т. 2. М., 1996; Советская военная энциклопедия Т. 2. М., 1976; В. А. Золотарев. Красная звезда. 17 июня 1997 г.
5. Военный голос. 1906. № 715.
6. Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. Берлин. 1922. С. 29.
7. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 830. Оп. 1. Д. 11. Л. 6 об и 7.
8. Там же. Л. 7 об.
9. Военная история Отечества. Указ. соч. С. 148.
10. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 346. Л. 194.
11. Там же. Л. 159—193.
12. Там же. Л. 153. Л. 54.
13. Там же. Л. 4.
14. Там же. Л. 5.
15. Там же. Л. 6.
16. Военная история Отечества. Указ. соч. С. 145—152.
17. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 170. Л. 325.
18. Там же. Л. 330.
19. Военная история Отечества. Указ. соч. С. 152.
20. А. Г. Кантарадзе. Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1972. № 7. С. 87.
21. С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 382.
22. Военная реформа. СПб., 1906. С. 77.
23. Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1905 г. СПб., 1905. № 424.
24. Е. Н. Мартынов. Из печального опыта русско-японской войны. Изд. 2. СПб. 1907. С. 123.
25. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 502. Л. 1—2.
26. Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1906 г. СПб., 1906. № 252. С. 412.
27. Разведчик. 1907. № 849—850. С. 10.
28. Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1910 г. СПб., 1910. № 496.
29. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
30. Там же. Л. 3—4.

31. Военная история Отечества. Указ. соч. С.153.
32. А.А. Поливанов. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916. М. 1924. С.24.
33. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.82. Л.253.
34. Государственная дума. Созыв 3. Доклады бюджетной комиссии. С.2548—2585.
35. Военная история Отечества. Указ. соч. С.154.
36. П.А. Жилин. Большая программа по усилению русской армии // Военно-исторический журнал. 1974. № 7. С.90—97.
37. Военная история Отечества. Указ. соч. С.155.
38. Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1906 г. СПб., 1906. № 252.
39. Там же. Л.5.
40. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.5278. Л.3.
41. Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф.37967. Оп.2. Д.11. Л.75.
42. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.5278. Л.4.
43. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.6. Л.95—97об.
44. Там же. Д.59. Л.19.
45. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.11. Л.30.
46. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.519. Л.106—114.
47. Там же. Л.187.
48. Там же. Д.1004. Л.85—93об.
49. Там же. Д.5493. Л.17.
50. Там же. Д.364. Л.1—17.
51. Там же. Д.470. Л.1.
52. Там же. Д.5493. Л.1.
53. Там же. Д.1004. Л.85.
54. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.59. Л.19—27.
55. Там же. Д.11. Л.108—115.
56. Там же. Ф.37967. Оп.2. Д.15. Л.19—24.
57. Там же. Л.78—79.
58. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.31. Л.1—3.
59. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.29. Л.71.
60. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3505. Л.306.
61. Там же. Л.342.
62. Там же. Д.5493. Л.195—196.
63. Там же. Л.1—3.
64. Военная энциклопедия. Т.6. СПб., 1912. С.576.
65. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.5493.
66. Там же. Л.7.
67. Там же. Л.84.
68. Там же. Л.86.
69. Там же. Л.197—198.
70. Военный сборник. 1904. № 6. С.283.
71. Русский инвалид. 1905. № 117. С.5.
72. А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов. М. 1988. С.181—198.

73. Программы курса Николаевской Академии Генерального штаба за 1908 г. СПб., 1908.
74. Н.П. Михневич. Стратегия. Кн.2. СПб., 1901. С.53—89.
75. Там же. С.57.
76. Там же. С.69.
77. Там же. С.86.
78. А.А. Игнатьев. 50 лет в строю. М., 1948. С.15.
79. Библиотека Императорской Николаевской Военной Академии. Систематический указатель книг (1832—1910). СПб., 1911.
80. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.15. Л.225.
81. РГВИА. Ф.400. Оп.4. Д.165. Л.43.
82. Там же. Л.45.
83. Смета доходов и расходов ведомства Святейшего синода на 1912 год. СПб., 1911.
84. Михаил Алексеев. "Монах" с черным пономем // Родины. 1997. № 8. С. 66—71.
85. М. Лукашев. Сотворение самбо // Физкультура и спорт. 1991. № 9—10.
86. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.15. Л.277—278.
87. Там же. Л.283.
88. В. Косов. Основы реформы нашей армии. М., 1910. С.107.
89. РГВИА. Ф.2000. Оп.9. Д.18. Л.68.
90. Там же. Оп.1. Д.31. Л.1—3.
91. Там же. Оп.9. Д.201. Л.3—3об.
92. Там же. Д.356. Л.82—85.
93. Там же. Д.164. Л.8.
94. Там же.
95. Из истории русской контрразведки. М., 1945. С.13.
96. Там же. С.127.
97. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.61. Л.1—76.
98. Из истории русской контрразведки. Указ. соч. С.12.
99. Там же. С.13.
100. Там же. С.135—138.
101. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.18. Л.109—143.
102. Там же. Л.205—251.
103. Перетиска Вильгельма II с Николаем II. 1884—1914 гг. М., 1923. С.15.
104. Там же. С.103.
105. Там же.
106. Свод Законов Российской Империи. Учреждение Министерства иностранных дел. СПб., 1906. С. 801, 804.
107. Голос Москвы. 1909. 31 июня.
108. Н.В. Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1985. С. 60—65.
109. По проекту изменения учреждения и штатов центральных установлений Министерства иностранных дел. 1910. СПб., 1911.
110. В.В. Похлебкин. Внешняя политика Руси, России и СССР. М., 1992. С.218.
111. Архив внешней политики России (далее: АВПР). Ф. Отчеты МНД, отчеты Департаментов личного состава и хозяйственных дел за 1907 г. Л. 63 об. — 66;

- за 1908 г. Л. 33—36; за 1909 г. Л. 39—41; за 1910 г. Л. 29 об. — 32; за 1911 г. Л. 56—58.
112. АВПР. Ф. Канцелярия. 1907. Д. 31. Л. 1—9.
113. Там же. Ф. Личный архив А.А. Ператова. Он. 807. Д. 1. Л. 233.
114. Там же. Ф. Канцелярия. 1910. Д. 206. Л. 1.
115. Там же. Л. 2—4.
116. Ю.А. Писарев. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.
117. Ж. Камбон. Дипломат. М., 1946. С. 13.
118. АВПР. Ф. Личный архив А.Н. Извольского. Д. 53. Л. 9.
119. Сборник законоположений и иных титулов, служащих оснований назначения кредитов по смете расходов. МНД. Петроград, 1915.
120. Международные отношения в эпоху империализма (далее: МОЭИ). Серия III. Т. II. М.—Л., 1933. С. 249.
121. Там же. С. 64.
122. АВПР. Ф. Политархив. Д. 3057. Л. 82—96.
123. РГВА. Ф. 37967. Он. 2. Д. 17. Л. 19.
124. РГВИА. Ф. 1956. Он. 1. Д. 937. Л. 43.
125. Там же. Д. 861. Л. 5.
126. МОЭИ. С. 11.
127. Там же. С. 478.
128. Там же. С. 99.
129. Там же. С. 395.
130. Там же.
131. МОЭИ. С. 488.
132. Макс Ронге. Разведка и контрразведка. М., 1943. С. 27.
133. МОЭИ. С. 143.
134. Там же. С. 150.
135. РГВИА. Ф. 2000. Он. 1. Д. 519. Л. 110.
136. РГВИА. Ф. 2000. Он. 1. Д. 2827. Л. 33—37.
137. РГВИА. Ф. 2000. Он. 1. Д. 2857. Л. 337.
138. Там же. Л. 378.
139. РГВА. Ф. 37967. Он. 2. Д. 17. Л. 270.
140. Там же. Л. 293.
141. МОЭИ. С. 150.
142. По проекту изменения учреждения и штатов центральных учреждений Министерства иностранных дел. СПб., 1911.
143. Центральный государственный исторический архив (далее: ЦГИА). Ф. 1276. Он. 4. Д. 626. Л. 3.
144. Российский государственный архив ВМФ (далее: РГА ВМФ). Ф. 418. Он. 1. Д. 794. Л. 7 об.—8.
145. ЦГИА. Ф. 1276. Он. 4. Д. 626. Л. 1—10.
146. АВПР. Ф. Политархив. Д. 3390. Л. 16—26; Д. 130. Л. 44.
147. РГВИА. Ф. 2000. Он. 1. Д. 2824. Л. 65—67 об. Д. 2631. Л. 352—353.
148. РГА ВМФ. Ф. 418. Он. 1. Д. 794. Л. 9.
149. Там же. Он. Д. 494. Л. 7—9.
150. АВПР. Ф. Канцелярия. 1912. Д. 83. Л. 21.
151. Красный архив. 1924. Т. 6. С. 54—59.
152. Там же. С. 67—76.
153. РГА ВМФ. Ф. 418. Он. 1. Д. 4269. Л. 60—82.
154. РГВИА. Ф. 1300. Он. 1. Д. 271. Л. 48.
155. Там же. Ф. 2000. Он. 1. Д. 545. Л. 5-6.
156. А.М. Плеханов. Отдельный корпус пограничной стражи. Краткий исторический очерк. М., 1993. С. 43—44.
157. Там же. Л. 27—28.
158. К.К. Звонарев. Указ. соч. С. 101.
159. Там же. С. 103.
160. РГВИА. Ф. 2000. Он. 1. Д. 545. Л. 27—28.
161. Вальтер Николли. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. М., 1925. С. 29.
162. РГВИА. Ф. 1859. Он. 1. Д. 3151. Л. 25-29.
163. РГВИА. Ф. 2000. Он. 1. Д. 8109. Л. 9.
164. Там же. Л. 26—30.
165. Там же. Д. 4412. Л. 25.
166. Там же. Л. 31.
167. Из истории русской контрразведки. Указ. соч. С. 70.
168. РГВА. Ф. 37967. Он. 2. Д. 10. Л. 212.
169. Там же. Д. 14. Л. 57.
170. РГВИА. Ф. 1859. Он. 1. Д. 22. Л. 5.
171. Там же. Ф. 1759. Он. 3. Д. 1118. Л. 58.
172. Там же. Ф. 2000. Он. 1. Д. 467. Л. 37.
173. Там же. Ф. 1859. Он. 1. Д. 22. Л. 171.
174. Там же. Ф. 2000. Он. 1. Д. 1004. Л. 85—93.
175. Статьи к книге I Свода морских постановлений. Ч. I Раздел I. СПб., 1907. С. 10.
176. Там же.
177. Временное положение об управлении Морским ведомством. СПб., 1911. С. 51.
178. РГВА. Ф. 37967. Он. 2. Д. 17. Л. 8—12.
179. Военная энциклопедия. Т. 1. СПб., 1910. С. 128.
180. А.В. Игнатьев. Внешняя политика России в 1905—1907 гг. М., 1962. С. 115.
181. ЦГИА. Ф. 1276. Он. 6. Д. 691. Л. 83—85.
182. АВПР. Ф. Политархив. Д. 100. Л. 59.
183. Там же. Д. 3720. Л. 2.
184. Там же. Ф. Японский стол. Д. 200. Л. 101.
185. А.В. Георгиев. Источниковедческие проблемы изучения внешней политики России накануне Первой мировой войны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., МГУ. 1989. Истфак. С. 57.
186. ЦГИА. Ф. 1276. Он. 4. Д. 37. Л. 57, 62.
187. АВПР. Ф. Политархив. Д. 3140. Л. 18—23.
188. Там же. Д. 5266. Л. 1—5.
189. РГВИА. Ф. 280. Он. 1. Д. 7. Л. 3.
190. Там же. Ф. 830. Он. 1. Д. 181. Л. 3—17.
191. АВПР. Ф. Японский стол. Д. 206. Л. 101.
192. Исторический архив. № 5. 1962. С. 116.

1. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.6.95.
2. РГВИА. Ф.2000. Оп.1.Д.519.Л.110 об.
3. А.А.Игнатьев. 50 лет в строю. Указ. соч. С.332.
4. А.А.Игнатьев. Обзор работы русского военного агента в Скандинавии и Франции (1908—1918 гг.). Ч. I. М., 1956. С. 23.
5. А.А.Игнатьев. 50 лет в строю. Указ. соч. С. 334—336.
6. К.К.Звонарев. Указ. соч. С. 114—115.
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4410. Л. 106.
8. РГВИА. Ф. 2000. Д. 7513. Л. 37.
9. Там же. Д.11. Л.13.
10. Heinz Holne. Der Krieg im Dunkeln. Macht und Ein Fluß der deutschen und russischen Geheimdienste. Berlin. 1988. S. 103.
11. Из истории русской контрразведки. Указ. соч. С.71—73.
12. Там же.
13. А.А.Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С.117.
14. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.13. С.95.
15. Там же. С.99.
16. А.А.Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С.117.
17. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.53. Л.15.
18. А.А.Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С.65.
19. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.6. Л.97.
20. Там же. Д.53. Л.57.
21. Вальтер Николай. Указ. соч. С.38.
22. Макс Ронге. Указ. соч. С.46.
23. Там же.
24. К.К.Звонарев. Указ. соч. С.88-89.
25. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.6. Л.97.
26. Там же.
27. К.К.Звонарев. Указ. соч. С.88.
28. Там же.
29. К.К.Звонарев. Указ. соч. С.95.
30. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.14.Л.31об.
31. Там же.
32. РГВИА. Ф.2000. Оп.1.Д.519.Л.115.
33. К.К.Звонарев. Указ. соч. С.77.
34. Там же.
35. Там же.
36. А.А.Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С.18.
37. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.6. Л.211.
38. Там же. Л.232.
39. Там же. Л.233.
40. А.А.Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С.6.
41. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.6. Л.211.
42. А.А.Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С.20.
43. РГВИА. Ф.2000. Оп.1.Д.699. Л.203.
44. К.К.Звонарев. Указ. соч. С.95.
45. Макс Ронге. Указ. соч. С.27—28.
46. РГВИА. Ф.2000. Оп.1.Д.2979. Л.21—24.
47. Макс Ронге. Указ. соч. С.51.
48. РГВИА. Ф.2000. Оп.1.Д.2979. Л.21—24.
49. А.А.Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С.49.
50. Там же.
51. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.28. Л.211.
52. Вальтер Николай. Указ. соч. С.40.
53. Красный архив. 3(34). 1929. С. 181.
54. Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 133.
55. Вальтер Николай. Указ. соч. С.40.
56. К.К.Звонарев. Указ. соч. С.97.
57. МОЭИ. Сер. II. Т.ХІХ. Ч.ІІ. С.220—221.
58. Там же.
59. РГВА. Ф.37967. Ф.37967. Оп.2.Д.13. Л.273.
60. Там же. Д.50. Л.58.
61. Там же.
62. Там же. Д.52. Л.78.
63. Макс Ронге. Указ. соч. С.24.
64. Там же. С.25.
65. РГВА. Д.18. Л.38.
66. Военно-исторический журнал. № 2. 1939. С. 134—136.
67. А.А.Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С.23.
68. Там же. С.60.
69. Там же. С.60—65.
70. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.65. Л.43.
71. Макс Ронге. Указ. соч. С.48.
72. А.А.Игнатьев. 50 лет в строю. Указ. соч. С.349.
73. МОЭИ. Сер. II. Т.ХХ. Ч.ІІ. С.132—134.
74. Там же. С.491—492.
75. РГВА. Ф.37967. Оп.2.Д.57. Л.3.
76. Там же. Д.21. Л.17.
77. Там же. Л.18.
78. Там же.
79. Там же. Л.104.
80. Там же. Л.99.
81. Там же. Л.51.
82. Там же. Л.27.
83. Там же. Л.28об.
84. Там же. Д.13. Л.75.
85. Там же. Д.21. Л.35.
86. Там же. Д.57. Л.206.
87. МОЭИ. С.ІІ. Т.ХХ. Ч.І. С.104—106.
88. Там же. С.297.
89. РГВИА. Ф.2000. Оп.1.Д.2979. Л.21—24.
90. Там же. Д.7371. Л.28—50.

91. Там же. Л. 36.
92. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2979. Л. 21—24.
93. Heinz Hohne. S. 122.
94. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 57. Л. 105.
95. Там же.
96. МОЭИ. Сер. II. Т. XX. Ч. II. С. 145—147.
97. Там же. С. 344.
98. Там же. С. 350.
99. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 53. Л. 27.
100. А. А. Игнатъев. 50 лет в строю. Указ. соч. С. 270.
101. Там же. С. 351.
102. А. А. Игнатъев. 50 лет в строю. Указ. соч. С. 349.
103. Там же.
104. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 65. Л. 51.
105. А. А. Игнатъев. Обзор работы. Указ. соч. С. 76.
106. МОЭИ. Сер. II. Т. XX. Ч. I. С. 298.
107. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 65. Л. 12.
108. Там же.
109. Там же. Л. 27.
110. К. К. Звонарев. Указ. соч. С. 92.
111. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 13. Л. 277.
112. Там же. Л. 279.
113. Там же. Д. 13. Л. 274.
114. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5277. Л. 24.
115. Там же. Д. 5278. Л. 3.
116. Там же. Л. 5.
117. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 8. Л. 243.
118. К. К. Звонарев. Указ. соч. С. 107.
119. Там же.
120. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 13. Л. 85.
121. Там же. Л. 86.
122. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5493. Л. 197.
123. Там же. Д. 4177. Л. 35—36.
124. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 29. Л. 153.
125. Там же. Л. 23.
126. Там же. Л. 49.
127. Там же. Л. 112.
128. Там же. Л. 113.
129. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5493. Л. 85.
130. Там же. Л. 181.
131. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 29. Л. 24.
132. К. К. Звонарев. Указ. соч. С. 105—107.
133. Там же. С. 106.
134. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 13. Л. 86.
135. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 54. 93. Л. 182.
136. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 65. Л. 48.
137. Там же. Л. 97.

138. Там же. Л. 283.
139. Там же. Л. 49.
140. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5493. Л. 181.
141. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 65. Л. 53.
142. РГБИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 1750. Л. 109.
143. Там же. Ф. 1558. Оп. 3. Д. 9. Л. 105.
144. Там же. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 185. Л. 15.
145. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 519. Л. 97.
146. Там же. Д. 996. Л. 62.
147. А. А. Игнатъев. Обзор работы. Указ. соч. С. 9.
148. Там же. С. 51—53.
149. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 28. Л. 207.
150. А. А. Игнатъев. 50 лет. Указ. соч. С. 371.
151. А. А. Игнатъев. Обзор работы. Указ. соч. С. 52—53.
152. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 28. Л. 207.
153. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2857. Л. 330.
154. Там же. Д. 1100. Л. 21.
155. Там же. Л. 83.
156. Там же. Д. 5493.
157. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 11. Л. 15.
158. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3816. Л. 3.
159. Там же. Л. 135.
160. Heinz Hohne. S. 72.
161. Ibid.
162. РГБИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 369. Л. 2.
163. Там же. Д. 519. Л. 97.
164. А. А. Самойло. Две жизни. М., 1958. С. 89—91.
165. Там же. С. 90.
166. РГБИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 46. Л. 13—13об.
167. РГБИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1085. Л. 19.
168. Там же. Д. 1004. Л. 87.
169. А. Ю. Шелухин. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. МГУ. Истфак. М., 1997. С. 96.
170. РГБИА. Ф. 409. Послужные списки (далее: п/сп) 16—455. Л. 1, 10—11, 18—20.
171. П. А. Зайончковский. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973. С. 36.
172. РГБИА. Ф. 409. П/сп 167—926. С. 1, 10—14, 16.
173. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4411. Л. 26—30.
174. Там же. Л. 23.
175. Там же. Л. 34.
176. Там же. Л. 96.
177. Там же. Л. 41.
178. Там же. Л. 46.
179. Там же. Л. 50—52.
180. Там же. Л. 53, 66.
181. Там же. Л. 87—89.
182. Там же. Л. 85—86.

183. Там же. Л. 191.
184. Там же. 199.
185. Там же. Л. 201, 202.
186. Там же. Л. 199.
187. Там же. Л. 201, 202.
188. Там же. Л. 101—103.
189. Там же. Л. 78.
190. Там же. Л. 79.
191. Там же. Л. 202—203.
192. Там же. Л. 204.
193. Там же. Л. 207.
194. Там же. Л. 296.
195. Там же. Л. 107.
196. Там же. Л. 123.
197. Там же. Л. 183.
198. Там же. Л. 191.
199. Там же. Л. 215.
200. Там же. Л. 220.
201. Там же. Л. 224—225.
202. Там же. Л. 221.
203. Там же. Л. 228.
204. Там же. Л. 296.
205. А.Ю. Шелухин. Указ. соч. С. 135.
206. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4411. Л. 370, 380.
207. А.А. Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. С. 51—53.
208. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4411. Л. 235.

Глава III

1. РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
2. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3708. Л. 21.
3. Там же. Л. 78.
4. Там же. Л. 101.
5. Там же. Д. 990. Л. 35.
6. Там же. Д. 2857. Л. 383.
7. Там же. Д. 1004. Л. 86 об.
8. РГВИА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 19. Л. 43.
9. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 3. Д. 13. Л. 5.
10. Там же. Д. 15. Л. 48.
11. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4177. Л. 101—104.
12. Там же. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 1081. Л. 20—21.
13. Там же. Л. 178.
14. Там же. Д. 1564. Л. 139.
15. Там же. Л. 178.
16. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4177. Л. 101 об.
17. Там же. Л. 102.

18. Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1874. Л. 135.
19. Там же.
20. Там же. Л. 202.
21. Там же. Л. 212.
22. Там же. Д. 81. Л. 111—115.
23. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4177. Л. 102.
24. Там же. Д. 5493. Л. 83.
25. Вальтер Николай. С. 38—39.
26. Макс Ронге. Указ. соч. С. 46—47.
27. Б.М. Шапошников. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 202.
28. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4177. Л. 102 об.
29. Б.М. Шапошников. Воспоминания. Указ. соч. С. 223.
30. РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1117. Л. 58—58 об.
31. Там же. Л. 118.
32. Там же. Л. 121.
33. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4177. Л. 102 об.
34. А.А. Самойло. Две жизни. М., 1958. С. 86.
35. Макс Ронге. Указ. соч. С. 15.
36. А.А. Самойло. Указ. соч. С. 86.
37. Там же. С. 88.
38. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2957. Л. 402—403.
39. Там же. Л. 21—24.
40. Там же.
41. А.А. Самойло. Указ. соч. С. 110.
42. Мих. Алексеев. Агент № 25 // Совершенно секретно. 1993. № 8.
43. В. Николай. С. 39.
44. Urbanski von Ostraszew. Der Fall Redy//Die Weltkriegs Spionage. Munchen. 1931. S. 89-98.
45. Макс Ронге. Разведка и контрразведка. С. 58—59.
46. Kirch. E. Der Fall des Generalstabs - Chefs Redl. Berlin, 1924; Эрон Эрвин Кирш. Преступление полковника Редля. Л., 1926; Роуан. Р. Очерки секретной службы. М., 1946; Аллен Даллес. Искусство разведки. М., 1992; H. R. Berndorff. Les grands espions. Paris, 1932; Ellis M. Zacharias. Secret missions. New York, 1946; Newman. B. Spione. Stuttgart, 1952; Farago. L. War of wits. New York, 1954; Ronald Seth. Spies at work. London, 1954; Charles Wighton. The world's greatest spies. London, 1962; Ладислав Фарего. Война умов. Анализ шпионажа и разведки. М., 1956; Colonel Allison. A short history of espionage. New York, 1963; Richard Wilmer Rowan. Secret service. New York, 1967; Gert Buchheit. Die anonyme Macht. Frankfurt am Main, 1969; Э. Вудхол. История полковника Редля и других. М., 1991.
47. Heinz Hohne. S. 108.
48. Ibid. S. 109.
49. Ibid.
50. Ibid.
51. Ibid. S. 108.
52. Ibid. S. 110.
53. Ibid.
54. К.К. Эммонс. Указ. соч. С. 110.

55. Макс Ронге. Указ. соч. С.20.
56. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.4177. Л.104.
57. Там же. Ф.1300. Оп.1. Д.273. Л.48.
58. Там же. Л.137.
59. Там же. Л.151.
60. К.К. Знонарев. Указ. соч. С.111.
61. Там же.
62. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.4177. Л.23.
63. К.К. Знонарев. Указ. соч. С.113.
64. Там же.
65. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.4177. Л.103.
66. РГВИА. Ф.1396. Оп.2. Д.735. Л.47.
67. Там же. Л.49.
68. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.29. Л.31—35.
69. Там же. Л.33.
70. РГВИА. Ф.1396. Оп.1. Д.646. Л.19—20.
71. Там же. Л.47.
72. Там же. Л.157.
73. Там же. Ф.2000. Оп.1. Д.3511. Л.103.
74. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.29. Л.49 об.
75. РГВИА. Ф.1396. Оп.1. Д.646. Л.157 об.
76. Там же. Ф.2000. Оп.1. Д.364.
77. Там же. Ф.1558. Оп.3. Д.7. Л.84.
78. Там же. Л.105.
79. Там же. Ф.2000. Оп.1. Д.6750. Л.14.
80. Там же. Д.3511. Л.105.
81. Там же. Ф. Военно-ученого архива (далее: ВУА). Д.2908. Л.6—11.
82. Там же. Ф.2000. Оп.1. Д.470. Л.16.
83. Там же.
84. Там же. Д.3511. Л.105 об.
85. Там же.
86. Там же. Л.106.
87. Там же. Д.364. Л.16.

Глава IV

1. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.1004. Л.87.
2. Там же. Л.89.
3. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.33. Л.104.
4. Там же. Л.121.
5. Там же. Л.121.
6. Там же. Л.122.
7. Там же. Л.213.
8. Там же. Л.270.
9. Там же. Л.209.
10. Там же. Д.35. Л.32.

11. П.Ф. Рябиков. Разведывательная служба в мирное и военное время. Т. 1. Томск. 1919. С.128.
12. К.К. Знонарев. Указ. соч. С.71—72.
13. Там же.
14. РГВА. Ф.37967. Оп.2. Д.6. Л.97.
15. Там же. Л.101.
16. Там же. Д.11. Л.245.
17. Там же. Д.65. Л.105.
18. Там же. Л.209.
19. Там же. Л.205.
20. Там же. Л.139.
21. Там же. Л.140.
22. Там же. Л.217.
23. Там же. Д.27. Л.12.
24. Там же. Д.10. Л.35.
25. Там же. Д.12. Л.9.
26. Там же. Л.57.
27. Там же. Д.27. Л.29.
28. Там же. Д.21. Л.94.
29. Там же. Л.114.
30. Там же. Л.115 об.
31. Там же. Д.11. Л.30.
32. Там же. Д.6. Л.230.
33. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.1004. Л.89 об.
34. Макс Ронге. Указ. соч. С.35.
35. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.1004. Л.88.
36. Там же. Л.91.
37. А.А. Игнатъев. Обзор работы. Указ. соч. С.63.
38. Там же.
39. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.996. Л.69.
40. Там же. Ф.1859. Оп.1. Д.82. Л.218.
41. Там же. Ф.2000. Оп.1. Д.422. Л.84.
42. Там же.
43. Там же. Ф.1. Оп.3. Д.8. Л.35.
44. МОЭИ. Сер. III. Т. II. С.384.
45. Там же. С.382.
46. Макс Ронге. Указ. соч. С.49—50.
47. Там же. С.72.
48. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.5493. Л.1—3.
49. Там же.
50. Там же. Л.9.
51. Там же. Л.86.
52. Там же. Л.176—177.
53. Там же. Л.96.
54. Там же. Л.97.
55. Там же. Л.83.
56. Там же. Л.195—196.

57. Там же. Л. 213.
58. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1004. Л. 86 об.
59. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 11. Л. 23.
60. Там же. Л. 25.
61. Там же. Д. 65. Л. 50.
62. Там же. Л. 58 об.
63. Там же. Л. 61.
64. Там же. Л. 63 об.
65. Там же. Л. 67.
66. Там же. Л. 68 об.
67. Там же. Л. 70.
68. Там же. Л. 17.
69. Там же. Л. 21.
70. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5493. Л. 81—82.
71. Там же. Д. 1004. Л. 88.
72. Макс Ронге. Указ. соч. С. 47.
73. Там же. С. 49.
74. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 996. Л. 69—70.
75. Там же. Д. 2827. Л. 139.
76. Там же. Д. 1004. Л. 92 об.
77. Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2177. Л. 201.
78. Там же. Ф. 1950. Оп. 1. Д. 938. Л. 76.
79. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 659. Л. 5.
80. Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 659. Л. 5.
81. Там же. Ф. ВУА. Д. 27200. Л. 343.
82. К. К. Звонарев. Указ. соч. С. 95.
83. А. А. Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. Ч. 1. С. 123—124.
84. РГВА. Ф. 37967. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.
85. А. А. Самойло. Указ. соч. С. 89.
86. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 65. Л. 12.
87. Там же. Л. 13 об.
88. Там же. Л. 15.
89. Там же. Л. 20 об.
90. П. Ф. Рябиков. Указ. соч. С. 147.
91. Там же. Л. 27.
92. П. Ф. Рябиков. Указ. соч. С. 145—146.
93. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 65.
94. Там же. Л. 29 об.
95. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5493. Л. 87 об.
96. Там же. Л. 180 об.
97. Там же. Д. 1004. Л. 90.
98. Там же. Д. 413. Л. 7.
99. Там же. Л. 6.
100. Там же. Л. 18.
101. Там же. Д. 19.
102. Там же. Д. 1813. Л. 78 об.
103. Там же. Д. 6750. Л. 118.

104. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 996. Л. 62—68.
105. РГВА. Ф. 37967. Оп. 9. Д. 12. Л. 50—56 об.
106. Там же. Л. 50.
107. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1004. Л. 85—93 об.
108. Там же. Л. 123—125.
109. Там же. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 207. Л. 84—107.
110. Там же. Д. 269. Л. 8—16.
111. Там же. Л. 148—156.
112. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 17. Л. 178—194.
113. Там же. Л. 207—212 об.
114. Там же. Д. 50. Л. 1—29.
115. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 62. Л. 1—8 об.
116. А. А. Игнатьев. Обзор работы. Указ. соч. Ч. III. С. 27.
117. Там же. Ч. I. С. 59.
118. Там же. С. 10.
119. Там же. С. 57.
120. Там же. С. 72.
121. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 369. Л. 1—17.
122. К. К. Звонарев. Указ. соч. С. 95.
123. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 18. Л. 68—70.
124. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2857. Л. 171.
125. Там же. Д. 2979. Л. 21—24.
126. Там же.
127. Там же. Д. 5493. Л. 4.
128. Там же. Д. 659. Л. 1.
129. Вальтер Николай. Указ. соч. С. 70.
130. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 29. Л. 49.
131. Там же. Д. 72. Л. 15.
132. К. К. Звонарев. Указ. соч. С. 72.
133. Там же. С. 73.
134. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 65. Л. 18.
135. Там же. Л. 19.
136. Там же. Л. 20 об.
137. Там же. Л. 23.
138. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2546. Л. 8.
139. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 11. Л. 175.
140. Там же.
141. К. К. Звонарев. Указ. соч. С. 99.
142. РГВИА. Ф. 21000. Оп. 1. Д. 563. Л. 2330.
143. Там же. Л. 31—32 об.
144. Там же.
145. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 158. Л. 1—4.
146. РГВА. Ф. 37967. Оп. 8. Д. 457. Л. 65—73.
147. Там же.
148. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 65. Л. 43.
149. Макс Ронге. Указ. соч. С. 33.
150. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2914. Л. 19.

151. Там же. Л. 20.
152. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 57. Л. 67.
153. Там же. Л. 68.
154. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 11. Л. 110 об.
155. Там же. Д. 18. Л. 103.
156. Там же. Д. 65. Л. 7 об.
157. Сборник Главного управления Генерального штаба. Вып. 1. СПб., март, 1909. Д. 2332. Л. 66.
158. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2332. Л. 66.
159. А. Г. Кавтарадзе. Из истории русского Генерального штаба (1909—июль 1914 гг.) // Военно-исторический журнал. 1974. № 12.
160. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2552. Л. 1—3.
161. Там же. Д. 7027. Л. 635 об.
162. Там же. Д. 2870. Л. 361.

Глава V

1. История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 185.
2. Там же. С. 188.
3. Там же. С. 188—189.
4. АВПРИ. Фонд канцелярии МИД. Оп. 470. Д. 137. Л. 375.
5. История дипломатии. Указ. соч. С. 190—191.
6. АВПРИ. Фонд канцелярии МИД. Оп. 470. Д. 136. Л. 443.
7. Б. М. Шапошников. Мозг армий. Кн. 2. М.-Л., 1929. С. 66.
8. ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 463. Л. 43—44.
9. История дипломатии. Указ. соч. С. 196—197.
10. Там же. С. 197.
11. Б. М. Шапошников. Указ. соч. С. 71.
12. Там же. С. 75.
13. А. А. Полянов. Из дневника воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 64.
14. Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926. С. 175.
15. История дипломатии. Указ. соч. С. 198.
16. К. Б. Виноградов. Боснийский кризис 1908—1909 гг. Л., 1964. С. 144.
17. История дипломатии. Указ. соч. С. 217.
18. Там же. С. 218.
19. МОЭИ. Серия 2. Т. XIX. Ч. 2. С. 243.
20. Там же. Т. XX. Ч. 2. С. 196—197.
21. Там же.
22. Там же. С. 266—268.
23. Б. М. Шапошников. Указ. соч. С. 155.
24. Там же.
25. МОЭИ. Серия 2. Т. XX. Ч. 2. С. 419—420.
26. А. М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне. М., 1926. С. 270—272.
27. Н. П. Полетика. Возникновение мировой войны. М.-Л., 1935. С. 268—269.

28. Там же. С. 261—262.
29. А. М. Зайончковский. Указ. соч. С. 179—180.
30. Б. М. Шапошников. Указ. соч. С. 158.
31. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 19. Л. 76—77.
32. Там же.
33. Там же.
34. История дипломатии. Указ. соч. С. 226—227.
35. Б. М. Шапошников. Указ. соч. С. 180.
36. История дипломатии. Указ. соч. С. 235—236.
37. Н. П. Полетика. Указ. соч. С. 276.
38. Там же. С. 267.
39. Б. М. Шапошников. Указ. соч. С. 250—253.
40. Там же. С. 256—258.
41. МОЭИ. Серия 3. Т. I. С. 313—391.
42. Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 21.2.1914. № 14016.
43. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С. 170.
44. Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 28.2.1914. № 14028.
45. Там же. 1.3.1914. № 14034.
46. Там же. 28.2.1914. № 14029.
47. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С. 257.
48. Там же. С. 171.
49. Красный архив 3(64). 1934. С. 127.
50. История Первой мировой войны 1914—1918 гг. Т. I.
51. Н. П. Полетика. Указ. соч. С. 285.
52. М. Н. Покровский. Империалистическая война. Сборник статей 1915—1930. М., 1931. С. 127.
53. Б. М. Шапошников. Указ. соч. С. 55.
54. Н. П. Полетика. Указ. соч., М. Н. Покровский. Указ. соч. Heinz Hohnе. S. 123—124.
55. Н. П. Полетика. Указ. соч. С. 286.
56. Там же. С. 288.
57. М. Н. Покровский. Указ. соч. С. 128.
58. МОЭИ. Серия III. С. 429.
59. Heinz Hohnе. S. 123.
60. История дипломатии. Указ. соч. С. 248.
61. Там же. С. 249.
62. Б. М. Шапошников. Указ. соч. С. 56.
63. Там же. С. 59.
64. История дипломатии. Указ. соч. С. 248.
65. Там же. С. 249.
66. МОЭИ. Серия III. Т. IV. С. 175.
67. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2870. Л. 428.
68. МОЭИ. Серия III. Т. IV. М.-Л., 1931. С. 97.
69. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2870. Л. 447 об.
70. Там же. Л. 461.
71. МОЭИ. С. 65.
72. Там же. С. 263.

73. Там же. С.193.
74. Н.П. Полетика. Указ. соч. С.502.
75. МОЭН. С.193.
76. Там же. С.157—158.
77. Там же. С.297—298.
78. Ю.Н. Данилов. Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин. 1924. С.11—12.
79. А.А. Игнатъев. 50 лет в строю. Указ. соч. С.394.
80. МОЭН. Серия III. Т. IV. С.115.
81. Там же. С.361.
82. Там же. Серия II. Т. XX. Ч. I С.286.
83. Там же. Серия III. Т. V. С.27—38.
84. Там же. С.168—170.
85. Там же. С.9.
86. История Первой мировой войны. Указ. соч. С.212.
87. Н.П. Полетика. Указ. соч. С.508—509.

Глава VI

1. А.М. Зайончковский. Мировая война 1914—1915 гг. Т.1. М., 1938. С.59—66.
2. История Первой мировой войны. 1914—1918. Т.1. М.1975. С.186—190.
3. Там же. С.190.
4. А.М. Зайончковский. Мировая война. Указ. соч. С.67—68.
5. История Первой мировой войны. Указ. соч. С.194.
6. А.М. Зайончковский. Мировая война. Указ. соч. С.68—69.
7. А.М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне. М., 1926. С.158—159.
8. Там же. С.190.
9. Там же. С.211.
10. Там же. С.257—258.
11. Там же. С.255.
12. МОЭН. Серия II. Т. XX. Ч. I. С.285—289.
13. А.М. Зайончковский. Подготовка России. Указ. соч. С.304.
14. Там же. С.318.
15. Там же. С.320.
16. Там же. С.384.
17. Там же.
18. История Первой мировой войны. С.245.
19. Военная история отечества. Указ. соч. С.210—211.
20. История военного искусства. М., 1950. С.167—168.
21. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.2529. Л.3.
22. А.М. Зайончковский. Подготовка России. Указ. соч. С.305.
23. История Первой мировой войны. С.234.
24. Там же. С.421.
25. Там же. С.424.
26. Там же. С.9.

27. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.2529. Л.1—6.
28. Там же.
29. МОЭН. Серия II. Т. XX. Ч. I. С.285—289.
30. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.118. Л.121.
31. МОЭН. Серия III. Т. II. М.-Л., 1933. С.476—477.
32. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.1813. Л.57—59.
33. Там же. Д.118. Л.120.
34. Там же. Л.106—133.
35. Там же.
36. Там же. Д.2532.
37. Там же. Д.1118. Л.106—133.
38. РГВИА. Ф.37967. Оп.2. Д.1.
39. Там же. Д.158. Л.1—4.
40. История военного искусства. Т. III. М., 1956. С.196.
41. А.М. Зайончковский. Подготовка России. Указ. соч. С.192.
42. История военного искусства. Т. III. С.197.
43. В.А. Меликов. Стратегическое развертывание. Т.1 М., 1939. С.277.
44. Макс Ронге. Указ. соч. С.58.
45. РГВИА. Ф.37967. Оп.2. Д.11. Л.18.
46. А.М. Зайончковский. Подготовка России. Указ. соч. С.330.
47. История первой мировой войны. Указ. соч. С.197.
48. Там же. С.199.
49. МОЭН. Серия 2. Т. XX. Ч. I. С.298—302.
50. А.М. Зайончковский. Подготовка России. Указ. соч. С.410—425.
51. М.Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М., 1957. С.48.
52. А.М. Зайончковский. Подготовка России. Указ. соч. С.103.
53. А.В. Георгиев. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989. МГУ. С.45.
54. РГВИА. Ф.1276. Оп.8. Д.465. Л.206—208.
55. Б.М. Шапошников. Указ. соч. С.291.
56. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С.288.
57. Б.М. Шапошников. Указ. соч. Кн.3. С.126.
58. МОЭН. Сер. III. Т. IV. С.45—48.
59. С.К. Добророльский. Мобилизация русской армии в 1914 году // Военный сборник. Белград. 1921. №1. С.99—100.
60. С.К. Добророльский. Указ. соч. С.100—101.
61. Ю.Н. Данилов. Указ. соч. С.17.
62. Там же. С.21—22.
63. С.К. Добророльский. Мобилизация. М., 1929. С.3.
64. А.М. Зайончковский. Подготовка России к войне. С.398—399.
65. Б.М. Шапошников. Указ. соч. С.287.
66. С.К. Добророльский. Мобилизация русской армии в 1914 году. Указ. соч. С.95.
67. РГВИА. Ф.2000. Оп.3. Д.1153. Л.3.
68. Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М.1991. С.125—126.
69. МОЭН. Серия III. Т. IV. С.40.
70. Там же.

71. Там же. С. 41—42.
72. В. Авдеев. Пролог исторической трагедии // Военно-исторический журнал. № 7. 1994. С. 39—46.
73. МОЭИ. С. 54—56. Серия III. Т. IV.
74. Красный архив. 3(64). 1934. С. 133.
75. МОЭИ. Серия III. Т. IV. С. 60.
76. Там же. С. 81.
77. Там же. С. 75.
78. Там же. С. 94—95.
79. Там же. С. 65.
80. Там же. С. 22—93.
81. Там же. С. 59.
82. Там же. С. 95—96.
83. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С. 223.
84. МОЭИ. С. 95—96.
85. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С. 232.
86. Там же. С. 286.
87. Пурталес. Между миром и войной. М.-Пг., 1924. С. 25.
88. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1153. Л. 7.
89. А. Коленковский. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 70—71.
90. МОЭИ. Серия III. Т. IV. С. 85—92.
91. Там же. С. 113—114.
92. Там же. С. 114.
93. Там же. С. 65.
94. Там же. С. 68.
95. Там же. С. 71.
96. Красный архив. 3(64). 1934. С. 136.
97. МОЭИ. Серия III. Т. IV. С. 135.
98. Там же. С. 134.
99. Там же.
100. Там же. С. 130—131.
101. Н. П. Полетика. Указ. соч. С. 364.
102. МОЭИ. С. 128—130.
103. Там же. С. 141—142.
104. Там же. С. 117.
105. Там же. С. 115—116.
106. Там же. С. 116.
107. Там же. С. 118.
108. Там же. С. 115.
109. Там же.
110. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С. 224.
111. Ю. Н. Данилов. Указ. соч. С. 13.
112. МОЭИ. С. 138.
113. А. А. Игнатьев. 50 лет в строю. Указ. соч. С. 488—489.
114. История дипломатии. Указ. соч. С. 255.
115. Красный архив. 3(64). 1934. С. 136.

116. МОЭИ. С. 160.
117. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2555. Л. 2.
118. Там же. Л. 216.
119. МОЭИ. С. 161.
120. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2555. Л. 2.
121. МОЭИ. 161—162.
122. Там же. С. 162.
123. Там же.
124. Там же. С. 154.
125. Там же. С. 159.
126. Там же.
127. Там же. С. 166.
128. Там же. С. 146.
129. Там же. С. 145.
130. Там же. С. 143.
131. Там же. С. 144.
132. Там же. С. 144—145.
133. Там же. С. 143—144.
134. Пурталес. Указ. соч. С. 32—33.
135. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С. 224.
136. Б. М. Шапошников. Мозг армии. Кн. 3. Указ. соч. С. 102.
137. Красный архив. 3(64). 1934. С. 136.
138. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2555. Л. 11.
139. Там же. Л. 9.
140. Там же. Д. 2871. Л. 224.
141. МОЭИ. С. 190.
142. Там же. С. 187.
143. Там же. С. 193.
144. Там же. С. 194.
145. Там же. С. 178.
146. Н. П. Полетика. Указ. соч. С. 370—371.
147. МОЭИ. С. 180.
148. Там же. С. 191.
149. Дж. Бьюкенен. Указ. соч. С. 126.
150. МОЭИ. С. 186—187.
151. Там же. С. 182.
152. Там же. С. 184.
153. Там же. С. 179.
154. Там же. С. 196—197.
155. Там же. С. 198—199.
156. Там же. С. 198.
157. Там же. С. 180.
158. Там же. С. 202.
159. Б. М. Шапошников. Указ. соч. С. 112—113.
160. Там же.
161. Красный архив. 3(64). 1934. С. 136.
162. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С. 225—226.

163. Б.М. Шапошников. Указ. соч. С.10.
164. Ю.Н. Данилов. Указ. соч. С.17.
165. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С.227.
166. Б.М. Шапошников. Указ. соч. С.110.
167. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С.225.
168. МОЭН. С.181—182.
169. Там же. С.188—189.
170. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.2871. Л.246.
171. Там же. Д.2553. Л.9.
172. МОЭН. С.225.
173. Там же.
174. Там же. С.229.
175. Там же. С.230.
176. Там же.
177. Там же.
178. Там же.
179. Там же.
180. Там же. С.234—235.
181. Там же. С.235.
182. Там же. С.233.
183. Там же. С.207.
184. Б.М. Шапошников. Указ. соч. С.118.
185. МОЭН. С.207—208.
186. Там же. С.208—209.
187. Там же. С.228—229.
188. Там же. С.212—213.
189. Там же. С.241.
190. С.К. Доброторольский. Мобилизация русской армии в 1914 г. Указ. соч. С.105—106.
191. МОЭН. С.226—227.
192. Е.Д. Черменский. История СССР. Период империализма. М., 1974. С.358.
193. А. Вырубова. Фрейлина ее Величества. Дневник и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991. С.146.
194. МОЭН. С.226.
195. Там же. С.205—206.
196. С.К. Доброторольский. Мобилизация русской армии в 1914 г. Указ. соч. С.107—108.
197. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С.228.
198. МОЭН. С.214.
199. Там же. С.241.
200. Б.М. Шапошников. Указ. соч. С.129.
201. Пурталес. Указ. соч. С.44.
202. Новое время. 13(26)VIII. 1917.
203. Ю.Н. Данилов. Указ. соч. С.218.
204. МОЭН. С.242.
205. Б.М. Шапошников. Указ. соч. С.197.
206. Красный архив. 3(64). 1934. С.136.

207. МОЭН. С.282.
208. Там же. С.283.
209. Там же. С.214—215.
210. Там же. С.253.
211. Там же.
212. Пурталес. Указ. соч. С.50.
213. МОЭН. С.250.
214. Там же. С.250—251.
215. Н.П. Полетика. Указ. соч. С.581—582.
216. Карл Клаузевиц. Как возникла мировая война. М., 1924. С.173.
217. МОЭН. С.262—263.
218. Там же. С.264.
219. Там же. С.266.
220. Там же. С.264—265.
221. Там же. С.265.
222. Там же. С.269.
223. Там же. С.271.
224. Ю.Н. Данилов. Указ. соч. С.20.
225. МОЭН. С.278.
226. Там же. С.278.
227. Там же. С.279.
228. Там же. С.270—271.
229. Там же. С.272.
230. Там же. С.254.
231. Там же. С.253—254.
232. Там же. С.256—258.
233. С.К. Доброторольский. Мобилизация русской армии в 1914 г. Указ. соч. С.108.
234. С.Д. Салонен. Воспоминания. М., 1991. С.247.
235. МОЭН. С.257—258.
236. С.Д. Салонен. Указ. соч. С.248—249.
237. С.К. Доброторольский. Мобилизация русской армии в 1914 г. Указ. соч. С.109—110.
238. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С.228—229.
239. С.К. Доброторольский. Мобилизация русской армии в 1914 г. Указ. соч. С.111.
240. РГВИА. Ф.2000. Оп.1 Д.2871. Л.273.
241. Пурталес. Указ. соч. С.53.
242. Ю.Н. Данилов. Указ. соч. С.20.
243. МОЭН. С.268—269.
244. Б.М. Шапошников. Указ. соч. С.148.
245. МОЭН. С.269.
246. Там же.
247. РГВИА. Ф.2000. Оп.3. Д.1154. Л.51—52.
248. МОЭН. С.267—268.
249. Там же. С.258.
250. Н.П. Полетика. Указ. соч. С.377.
251. Красный архив. 3(64). 1934. С.136.
252. МОЭН. С.294.

253. Там же. С.315.
254. Там же. С.294.
255. Пурталес. Указ. соч. С.58—59.
256. МОЭИ. С.286.
257. Там же. С.288—289.
258. Там же. С.291—292.
259. Там же. С.293—294.
260. Там же. С.294.
261. Там же. С.324—326.
262. Пурталес. Указ. соч. С.61.
263. Воспоминания Сухомлинова. Указ. соч. С.235.
264. МОЭИ. С.301.
265. Там же. С.302.
266. Там же. С.300—301.
267. Там же. С.309.
268. Б.М.Шапошников. Указ. соч. С.164.
269. МОЭИ. С.303.
270. Там же. С.298.
271. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.2871. Л.276.
272. МОЭИ. С.316.
273. Там же. С.319—320.
274. Б.М.Шапошников. Указ. соч. С.167—168.
275. Красный архив. 3(64). 1934. С.136.
276. Б.М.Шапошников. Указ. соч. С.180.
277. МОЭИ. С.319.
278. Б.М.Шапошников. Указ. соч. С.174.
279. МОЭИ. С.326.
280. Пурталес. Указ. соч. С.71.
281. МОЭИ. С.322.
282. Пурталес. Указ. соч. С.72.
283. История дипломатии. Т. II. М., 1963. С.795—796.
284. МОЭИ. С.335.
285. Там же.
286. Там же. С.336.
287. Там же. С.339.
288. Там же. С.343.
289. Там же. С.342.
290. Там же. С.339.
291. Там же. С.343.
292. Там же. С.349.
293. Там же. С.349—350.
294. Там же. С.345.
295. Там же. С.370.
296. Там же. С.343.
297. Там же.
298. Там же. С.344.
299. Там же. С.334.

300. Б.М.Шапошников. Указ. соч. С.175—176.
301. История дипломатии. Указ. соч. С.263.
302. МОЭИ. С.324.
303. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.2871. Л.325.
304. МОЭИ. С.328—330.
305. Дж.Бьюкенен. Указ. соч. М., 1991. С.135.
306. Красный архив. 3(64). 1934. С.137.
307. С.К.Добророльский. Мобилизация. М., 1929. С.7.

АГАПЕЕВ Владимир Петрович (род. 09 июня 1876 г.)

Закончил Первый кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, старший адъютант штаба 4 кавалерийской дивизии, старший адъютант штаба сводной кавалерийской дивизии, штаб-офицер для особых поручений при штабе 1 кавалерийского корпуса, штаб-офицер для особых поручений при штабе 14 армейского корпуса, *военный агент в Сербии (27.11.1907—14.10.1909 гг.), военный агент в Бельгии и Нидерландах (14.10.1909—09.02.1914 гг.), начальник штаба 10 кавалерийской дивизии (с 09.02.1914 г. — по 1915 г.), командир 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка (1915 г.), начальник штаба казачьей сводной дивизии (до декабря 1915 г.), 6 кавалерийского (декабрь 1915 — март 1917 гг.), 35 армейского (март-август 1917 г.), польского (август 1917 — февраль 1918 гг.) корпусов.*

Генерального штаба генерал-майор с 10.07.1916 г.

В составе Добровольческой Армии воевал против Красной Армии. Начальник штаба 2 армейского корпуса (январь-август 1919 г.), военный представитель ВСЮР при союзном командовании в Константинополе (август 1919 — март 1920 гг.). После увольнения из армии эмигрировал в Югославию и служил в Топографическом военном институте. В конце 1942 г. переехал в Австрию, затем в Чили, Аргентину. Автор многочисленных статей по вопросам Первой мировой войны.

Умер 6.05.1956 г. в Буэнос-Айресе.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1916. С.3)

АЛЕКСЕЕВ Николай Николаевич (род. 25 марта 1875 г.)

Закончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 51 пехотной дивизии, исполняющий должность столоначальника Главного штаба, исполняющий должность столоначальника Главного управления Генерального штаба, *помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (01.05.1906—12.10.1909 гг.),* прикомандирован к Владимирскому военному училищу для преподавания военных наук, штаб-офицер, заведующий обучением в Императорской военной академии офицеров, начальник штаба 52 пехотной дивизии.

Генерального штаба полковник с 10.04.1911 г.

В 1931 г. находился в эмиграции в Париже.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.103)

АЛЬБЕДИНСКИЙ Петр Павлович (род. в 1826 г.)

Выпущен в 1843 г. в л.-гв. Конный полк корнетом, в 1853 г. назначен ф.-адъютантом. Сначала Крымской войны был командирован в распоряжение главнокомандующего армией и принял участие в военных действиях. 24 октября в сражении под Никерманом был контужен в голову и за проявленное мужество получил золотой план с надписью «За храбрость».

Выбыл вследствие контузии из рядов действующей армии, был дважды командирован в Париж: для передачи чрезвычайных депеш русскому уполномоченному на конгрессе адмиралу гр. Орлову и для поднесения императору Наполеону III орденов знаков св. Андрея Первозванного.

Корреспондент военного министерства при российском посольстве в Париже (1856—1857 гг.)

В 1857 г. отозван из Парижа после конфиденциальной просьбы Наполеона, подозревавшего красавца А. в связи с императрицей Евгенией.

Получил в командование л.-гв. конно-гренадерский полк, а три года спустя — л.-гв. гусарский Его Величества полк. В 1865 г. назначен начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа (1874—1880 гг.). Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (с 1880 г.), член Государственного Совета (с 1881 г.). Награжден орденом св. Владимира I степени (1883 г.).

Генерал-адъютант, генерал от кавалерии с 1878 г.

Умер 19 мая 1883 г.

(Военная энциклопедия. Т. II. Петербург, 1910. С. 347).

АНДРИЕВСКИЙ Дмитрий Иванович (род. 6 февраля 1875 г.)

Закончил Орловско-Бахтинский кадетский корпус, Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, помощник старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа, штаб-офицер для особых поручений при штабе 1 Кавказского армейского корпуса, *старший адъютант штаба Кавказского военного округа, в распоряжении начальника Генерального штаба, наблюдающий за консульскими конвоями (06.04.1912—10.07.1916 гг.),* начальник штаба 1 Кубанской пластуновской бригады.

Генерального штаба генерал-майор с 19.01.1916 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1044;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.176)

АРТАМОНОВ Виктор Алексеевич (род. 9 октября 1873 г.)

Закончил Сибирский кадетский корпус, Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Старший адъютант штаба 15 пехотной дивизии, *помощник старшего адъютанта штаба Одесского военного округа, старший адъютант штаба Одесского военного округа, военный агент в Греции (10.05.1907—14.10.1909 гг.), военный агент в Сербии (14.10.1909—1916 гг.).* В составе сербской армии участвовал в отступлении в Албанию и в переезде на о. Корфу в 1915 г.

Генерального штаба генерал-майор с 06.12.1915 г.

В ноябре 1918 г. вместе с сербской армией вернулся в Белград. Представитель Главнокомандующего ВСЮР, Русской армией генерала П.Н. Врангеля в Белграде (1919—1920 гг.). Активно участвовал в переезде в Сербию и в устройстве на месте трех кадетских корпусов и двух женских институтов в

1920 г. Находился на службе в Югославии. Умер в 1942 г. в г. Панчево (Югославия).

(Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.173)

АССАНОВИЧ Петр Львович (род. 24 ноября 1878 г.)

Закончил Пековский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа, помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, военный агент в Дании, Швеции, Норвегии (06.12.1912—13.04.1914 г.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (с 13.04.1914 г.). Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем (июль 1914 г. — декабрь 1916 г.).

Генерального штаба полковник с 15.06.1915 г.

Погиб в июле 1917 г. во время боевых действий на фронте. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.343)

АФАНАСЬЕВ

Негласный военный агент в Китае (1910г.), консул в Цицикаре (1911 г.).

Полковник.

БАЗАРОВ Павел Александрович (род. 22 апреля 1871 г.)

Закончил Штутгартскую реальную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, исполнял должность младшего делопроизводителя Военно-ученого комитета Главного штаба, помощник столоначальника Главного штаба, обер-офицер для поручений при управлении генералквартирмейстера Маньчжурской армии, штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем на Дальнем Востоке, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (01.05.1906—04.02.1911 г.), командировка в Германию (г. Кассель) «с целью изучения языка» (1908 г.), член комиссии «по проверке границ Германии и России» (1909 г.). Военный агент в Германии (04.02.1911—28.06.1914 г.). С 02.10.1915 г. штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, офицер Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ (октябрь—ноябрь 1917 г.). Исполняющий должности генерала для поручений при том же управлении по заведыванию делами по сношению с представителями союзных армий, состоящими при штабе ВГК (ноябрь 1917—февраль 1918 гг.). После окончания Гражданской войны эмигрировал. Свой архив сдал на хранение в Гуверовский институт мира и революции при Калифорнийском университете.

Генерального штаба полковник с 6 декабря 1909 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.46)

БАСКОВ Михаил Владимирович (род. 13 января 1875 г.)

Закончил Первый Кадетский Корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, начальник строевого отдела штаба Выборгской крепости, офицер-переводчик Главного управления Генерального штаба (24.11.1910—30.11.1911 г.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (30.11.1911—22.02.1914 г.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (22.02.1914—01.08.1916 г.).

Генерального штаба полковник с 25.03.1912 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1127)

БЕЗКРОВНЫЙ Борис Сергеевич (род. в 1883 г.)

Окончил Морской корпус.

Офицер крейсера «Боярин»; служба на Тихоокеанском флоте; участник обороны Порт-Артура; находился в Японском плену (1905—1906 гг.); командир подводной лодки «Судак» Балтийского флота; командир подводной лодки «Аллигатор», экипаж «Аллигатора», подготовленный Б.С. Безкровным, успешно действовал в 1914—1915 гг. в боях в районе Ирбенского пролива на Балтике; как один из способнейших офицеров флота был переведен в Морской Генеральный штаб и направлен на военно-дипломатическую работу; помощник морского агента в Дании (1914—1915 г.), морской агент России в Дании (1915—1917 г.), морской агент в Великобритании (1917—1918 г.); окончил университет в Бельгии и получил диплом инженера; с началом Великой Отечественной войны хотел вернуться в Россию, чтобы воевать с немцами, но не мог оставить семью. Вступил в Сопротивление, дочери Безкровного Б.С. обеспечивали связь подпольщиков с русскими пленными в концлагере вблизи г. Льежа. Б.С. Безкровный никогда не принимал подданства ни одного государства, оставаясь всегда гражданином России.

Умер в июне 1944 г. в Бельгии в г. Льеже, где и похоронен на почетном кладбище рядом с «местом упокоения» советского солдата.

Капитан 1 ранга.

Мундир капитана 1 ранга Б.С. Безкровного передан в русский военный музей в г. Брюсселе. В 1990 г. старшая дочь Безкровного передала награды и памятные вещи отца (подарок экипажа подводной лодки «Судак» — именной серебряный подстаканник, а также фарфоровую вазу с изображением линейного корабля «Император Павел I») военно-морскому атташе СССР в Мексике для Центрального Военно-морского музея в г. Ленинграде.

(Центральный Военно-морской музей, № 000031 от 25 апреля 1990 г.)

БЕНЗЕНГР Александр Васильевич (род. 30 июня 1868 г.)

Закончил Тифлисское пехотное юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Помощник старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа, вице-консул в Мозуле (12.04.1908—12.04.1910 г.), начальник строевого отдела штаба Михайловской крепости, штаб-офицер для поручений при командующем войсками Одесского военного округа, начальник штаба 1 Донской казачьей дивизии.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

АГАПЕЕВ Владимир Петрович (род. 09 июня 1876 г.)

Закончил Первый кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, старший адъютант штаба 4 кавалерийской дивизии, старший адъютант штаба сводной кавалерийской дивизии, штаб-офицер для особых поручений при штабе 1 кавалерийского корпуса, штаб-офицер для особых поручений при штабе 14 армейского корпуса, *военный агент в Сербии (27.11.1907—14.10.1909 гг.)*, *военный агент в Бельгии и Нидерландах (14.10.1909—09.02.1914 гг.)*, начальник штаба 10 кавалерийской дивизии (с 09.02.1914 г. — по 1915 г.), командир 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка (1915 г.), начальник штаба казачьей сводной дивизии (до декабря 1915 г.), 6 кавалерийского (декабрь 1915 — март 1917 гг.), 35 армейского (март-август 1917 г.), польского (август 1917 — февраль 1918 гг.) корпусов.

Генерального штаба генерал-майор с 10.07.1916 г.

В составе Добровольческой Армии воевал против Красной Армии. Начальник штаба 2 армейского корпуса (январь-август 1919 г.), военный представитель ВСЮР при союзном командовании в Константинополе (август 1919 — март 1920 гг.). После увольнения из армии эмигрировал в Югославию и служил в Топографическом военном институте. В конце 1942 г. переехал в Австралию, затем в Чили, Аргентину. Автор многочисленных статей по вопросам Первой мировой войны.

Умер 6.05.1956 г. в Буэнос-Айресе.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1916. С.3)

АЛЕКСЕЕВ Николай Николаевич (род. 25 марта 1875 г.)

Закончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 51 пехотной дивизии, исполняющий должность столоначальника Главного штаба, исполняющий должность столоначальника Главного управления Генерального штаба, *начальник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (01.05.1906—12.10.1909 гг.)*, прикомандирован к Владимирскому военному училищу для преподавания военных наук, штаб-офицер, заведующий обучением в Императорской военной академии офицеров, начальник штаба 52 пехотной дивизии.

Генерального штаба полковник с 10.04.1911 г.

В 1931 г. находился в эмиграции в Париже.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.103)

АЛБЕДИНСКИЙ Петр Павлович (род. в 1826 г.)

Выпущен в 1843 г. в л.-гв. Конный полк корнетом; в 1853 г. назначен ф.-адъютантом. С началом Крымской войны был командирован в распоряжение главнокомандующего армией и принял участие в военных действиях. 24 октября в сражении под Никерманом был контужен в голову и за проявленное мужество получил золотой плац с надписью «За храбрость».

Выбыл вследствие контузии из рядов действующей армии, был дважды командирован в Париж для передачи чрезвычайных делов русскому уполномоченному на конгрессе адмиралу гр. Орлову и для поднесения императору Наполеону III орденов св. Андрея Первозванного.

Корреспондент военного министерства при российском посольстве в Париже (1856—1857 гг.)

В 1857 г. отозван из Парижа после конфиденциальной просьбы Наполеона, подозревавшего красавца А. в связи с императрицей Евгенией.

Получил в командование л.-гв. конно-гусарский полк, а три года спустя — л.-гв. гусарский Его Величества полк. В 1865 г. назначен начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа (1874 — 1880 гг.). Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (с 1880 г.), член Государственного Совета (с 1881 г.). Награжден орденом св. Владимира I степени (1883 г.).

Генерал-адъютант, генерал от кавалерии с 1878 г.

Умер 19 мая 1883 г.

(Военная энциклопедия. Т. II. Петербург, 1910. С. 347)

АНДРИЕВСКИЙ Дмитрий Иванович (род. 6 февраля 1875 г.)

Закончил Орловско-Бахтинский кадетский корпус, Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, помощник старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа, штаб-офицер для особых поручений при штабе 1 Кавказского армейского корпуса, *старший адъютант штаба Кавказского военного округа, в распоряжении начальника Генерального штаба, наблюдающий за консульскими конвоями (06.04.1912—10.07.1916 гг.)*, начальник штаба 1 Кубанской пехотной бригады.

Генерального штаба генерал-майор с 19.01.1916 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1044;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.176)

АРТАМОНОВ Виктор Алексеевич (род. 9 октября 1873 г.)

Закончил Сибирский кадетский корпус, Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Старший адъютант штаба 15 пехотной дивизии, *помощник старшего адъютанта штаба Одесского военного округа, старший адъютант штаба Одесского военного округа, военный агент в Греции (10.05.1907—14.10.1909 гг.)*, *военный агент в Сербии (14.10.1909—1916 гг.)*. В составе сербской армии участвовал в отступлении в Албанию и в переезде на о. Корфу в 1915 г.

Генерального штаба генерал-майор с 06.12.1915 г.

В ноябре 1918 г. вместе с сербской армией вернулся в Белград. Представитель Главнокомандующего ВСЮР. Русской армией генерала П.И. Врангеля в Белграде (1919—1920 гг.). Активно участвовал в переезде в Сербию и в устройстве на месте трех кадетских корпусов и двух женских институтов в

1920 г. Находился на службе в Югославии. Умер в 1942 г. в г. Панчево (Югославия).

(Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 173)

АССАНОВИЧ Петр Львович (род. 24 ноября 1878 г.)

Закончил Псковский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа, помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, военный агент в Дании, Швеции, Норвегии (06.12.1912—13.04.1914 гг.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (с 13.04.1914 г.). Штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем (июль 1914 г. — декабрь 1916 г.).

Генерального штаба полковник с 15.06.1915 г.

Погиб в июле 1917 г. во время боевых действий на фронте. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С. 343)

АФАНАСЬЕВ

Негласный военный агент в Китае (1910 г.), консул в Цинцаре (1911 г.). Полковник.

БАЗАРОВ Павел Александрович (род. 22 апреля 1871 г.)

Закончил Штутгартскую реальную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, исполнял должность младшего делопроизводителя Военно-ученого комитета Главного штаба, помощник старшего начальника Главного штаба, обер-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии, штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем на Дальнем Востоке, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (01.05.1906—04.02.1911 гг.), командировка в Германию (г. Кассель) «с целью изучения языка» (1908 г.), член комиссии «по проверке границ Германии и России» (1909 г.). Военный агент в Германии (04.02.1911—28.06.1914 гг.). С 02.10.1915 г. штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, офицер Управления генерал-квартирмейстера ГУПШ (октябрь—ноябрь 1917 г.). Исполнял должность генерала для поручений при том же управлении по заведыванию делами по сношению с представителями союзных армий, состоявшими при штабе ВГК (ноябрь 1917—февраль 1918 гг.). После окончания Гражданской войны эмигрировал. Свой архив передал на хранение в Гумбольдтский институт мира и революции при Калифорнийском университете.

Генерального штаба полковник с 6 декабря 1909 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С. 46)

БАСКОВ Михаил Владимирович (род. 13 января 1875 г.)

Закончил Первый Кадетский Корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, начальник строевого отдела штаба Выборгской крепости, офицер-переводчик Главного управления Генерального штаба (24.11.1910—30.11.1911 гг.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (30.11.1911—22.02.1914 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (22.02.1914—01.08.1916 гг.).

Генерального штаба полковник с 25.03.1912 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1127)

БЕЗКРОВНЫЙ Борис Сергеевич (род. в 1883 г.)

Окончил Морской корпус.

Офицер крейсера «Боярин»; служба на Тихоокеанском флоте; участник обороны Порт-Артура; находился в Японском плену (1905—1906 гг.); командир подводной лодки «Судак» Балтийского флота; командир подводной лодки «Аллигатор», экипаж «Аллигатора», под отвлеченным Б.С. Безкровным, успешно действовал в 1914—1915 гг. в боях в районе Ирбенского пролива на Балтике, как один из способнейших офицеров флота был переведен в Морской Генеральный штаб и направлен на военно-дипломатическую работу, помощник морского агента в Дании (1914—1915 гг.), морской агент России в Дании (1915—1917 гг.), морской агент в Великобритании (1917—1918 гг.); окончил университет в Бельгии и получил диплом инженера; с началом Великой Отечественной войны хотел вернуться в Россию, чтобы воевать с немцами, но не мог оставить семью. Вступил в Сопротивление, дочери Безкровного Б.С. обеспечивали связь подпольщиков с русскими пленными в концлагере вблизи г. Льежа. Б.С. Безкровный никогда не принимал подданства ни одного государства, оставаясь всегда гражданином России.

Умер в июне 1944 г. в Бельгии в г. Льеже, где и похоронен на почетном кладбище рядом с «местом упокоения» советского солдата.

Капитан I ранга.

Мундир капитана I ранга Б.С. Безкровного передан в русский военный музей в г. Брюсселе. В 1990 г. старшая дочь Безкровного передала награды и памятные вещи отца (подарок экипажа подводной лодки «Судак» — именной серебряный подстаканник, а также фарфоровую вазу с изображением линейного корабля «Император Павел I») военно-морскому атташе СССР в Мексике для Центрального Военно-морского музея в г. Ленинграде.

(Центральный Военно-морской музей, № 000031 от 25 апреля 1990 г.)

БЕНЗЕНГ Александр Васильевич (род. 30 июня 1868 г.)

Закончил Тифлисское пехотное юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Помощник старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа, вице-консул в Мозуле (12.04.1908—12.04.1910 гг.), начальник строевого отдела штаба Михайловской крепости, штаб-офицер для поручений при командующем войсками Одесского военного округа, начальник штаба I Донской казачьей дивизии.

Генерального штаба полковник с 06.12.1914 г.
(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.290)

БЕРЕНС Евгений Андреевич (род. в 1876 г.)

Окончил Морской кадетский корпус и Временный штурманский офицерский класс со званием штурманского офицера первого разряда.

Служба на Балтийском флоте и эскадре Тихого океана; старший штурманский офицер крейсера 1 ранга «Варяг». Отличился в морском бою у Чемульпо, награжден орденом Святого Георгия 4 степени (1904—1905 гг.). После возвращения в Россию служил младшим отделенным начальником в Морском корпусе; помощник старшего офицера и старший офицер линейного корабля «Цесаревич»; назначен в Морской Генеральный штаб и направлен русским морским агентом в Германию и Голландию (1910 г. — лето 1914 г.). Накануне мировой войны обеспечил квалифицированную и достоверную информацию о состоянии флота вероятного противника для военно-морского командования и правительства России; командир строящегося по русскому заказу на заводе в Германии легкого крейсера «Адмирал Невельской». С началом войны отозван в Россию, работал в Морском Генеральном штабе; морской агент в Италии (лето 1915 г. — 1917 г.); начальник иностранного статистического отдела (1917 г.); помощник начальника Морского Генерального штаба; начальник Морского Генерального штаба (16.11.1917—25.10.1917 г.); представлял флот в Высшем военном совете; Командующий морскими и речными ВС Республики; уполномоченный по особо важным поручениям при Реввоенсовете Республики, привлекался в качестве морского эксперта на переговоры с иностранными государствами, участвовал в международных конференциях в Генуе, Лозанне, Риме и Женеве; *военно-морской атташе СССР в Лондоне и Париже (1924—1926 гг.)*, участвовал в переговорах по вопросу о возможном возвращении Франции русских кораблей (Черноморской эскадры в Бизерте). Выполнял правительственные поручения в других европейских странах. С 1926 г. в должности для особо важных поручений при Наркоме по военным и морским делам и Председателя Реввоенсовета СССР. Отозван с дипломатической работы из-за критического отношения к развитию военных контактов СССР с Германией.

В течение своей жизни Е.А. Беренс вел активную научную и преподавательскую работу. Участвовал в составлении «Военной энциклопедии» (1911—1912 гг.), читал лекции в Николаевской академии Генерального штаба по военно-морскому искусству, автор «Записок по военно-морскому делу», переводов издания Германского архива «Война на Северном море», мемуаров У. Черчилля.

Умер 7 апреля 1928 г. в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.
(Российский Императорский Флот 1696—1917. М., «Русский мир». 1993. С.46—47)

БИРЮКОВ Николай Николаевич

Штабс-капитан. «Для наблюдения за мероприятиями военного характера в Коре. Главным управлением Генерального штаба в 1906 г. был командирован в качестве негласного военного агента офицер запаса штабс-капитан Бирюков. В 1907 г. названный офицер для сокрытия своего истинного назначения был назна-

чен Министерством Иностранных дел нештатным консульским агентом в Гензане и Сончжэнь, продолжая свою службу для Генерального штаба и получая от последнего содержание».

Умер 12 января 1916 г. исполняя должность нештатного консульского агента в Гензане.

(РГВА. Ф.37967 оп.2, д.65, с.82.)

БЛОНСКИЙ Василий Васильевич (род. 3 мая 1875 г.)

Закончил Владимирский Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище, Восточный институт по китайскому и японскому отделению. Проходил службу в 11 Восточно-Сибирском стрелковом полку во Владивостоке. Участник подавления Боксерского восстания в Китае, русско-японской войны 1904—1905 гг.

Помощник военного агента в Китае (16.11.1910—01.08.1916 гг.).

Полковник с 06.05.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.332)

Барон БОДЕ Августин Клементьевич (род. 24 января 1871 г.)

Закончил Второй Московский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, старший адъютант штаба 1 гвардейской пехотной дивизии, помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, *военный агент в США (11.01.1908—09.08.1912 гг.)*, начальник штаба 4 стрелковой бригады (август 1912—февраль 1915 гг.), в составе которой принял участие в Первой мировой войне.

Генерального штаба полковник с 13.04.1908 г.

Умер от ран, полученных при боевых действиях с противником 22.02.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.315;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.456)

БОЙЛЬ Роман Константинович (род. 23 октября 1872 г.)

Флигель-адъютант Его Императорского Величества (6.05.1911 г.)

Закончил Императорский Александровский лицей.

На службе с 1893 г. Юнкер флота (1893 г.), мичман (1894 г.). Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. участвовал в обороне Порт-Артура. Сражался на сухопутном фронте крепости, был контужен с потерей слуха. С 15.06.1906 г. по 15.10.1907 г. в отставке. Обер-офицер Морского Генерального штаба (1908—1910 гг.). *Морской агент в Австро-Венгрии и Италии (10.01.1911—21.08.1912 гг.)*. Уволен в отставку 17.09.1913 г. с чином капитана 2 ранга. 30.07.1916 г. призван из морского ополчения с прежним чином капитана 2 ранга и назначен во 2 Балтийский флотский экипаж.

Капитан 2 ранга с 17.09.1913 г.

Умер 12.08.1916 г.

БОК Борис Иванович (род. 12 июля 1879 г.)

Закончил Морской кадетский корпус.

В заграничном плавании на крейсере «Паллада» и судах эскадры Тихого океана (1902—1904 гг.). Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. *Морской агент в Германии и Нидерландах* (17.03.1908—29.11.1910 гг.). С января 1911 г. в запасе, с июня 1914 г. вновь служба на флоте. После Октябрьской революции эмигрировал.

Капитан 2 ранга с 10.11.1914 г.

Умер 04.03.1955 г. в Сан-Франциско (США).

БОРИСОВ Вячеслав Евстафьевич (род. 24 сентября 1861 г.)

Закончил Санкт-Петербургскую Евангелическую гимназию святых Петра и Павла, Второе воспитное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, старший адъютант штаба войск Уссурийского отделения, старший адъютант штаба в Уральской области, старший адъютант штаба 11 кавалерийской дивизии, начальник строевого отдела штаба Ивангородской крепости, начальник штаба 25 пехотной дивизии, командир 116 пехотного Малоярославского полка, *ober-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба* (27.02.1907—24.02.1909 гг.), окружной генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа, генерал для поручений при начальнике штаба Верховного Главнокомандующего (24.04.1916 г.), экстраординарный профессор Николаевской военной академии. Борисов В.Е. как военный специалист принимал участие в работе совещания в связи с известием о вторжении немецких войск 18 февраля 1918 года. Участвовал в разработке тезисов «Общая военная программа на период заключения мира России с Германией до заключения всеобщего мира», датированных 27.02.1918 г.

Генерального штаба генерал-лейтенант с 10.05.1914 г.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1910. С. 630;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 53 А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988)

БУЛГАРИН Фаддей Болеславович (род. 23 сентября 1874 г.)

Закончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Обер-офицер для особых поручений при штабе 2 Сибирского армейского корпуса, обер-офицер для особых поручений при штабе 3 армейского корпуса, обер-офицер для особых поручений при штабе Виленского военного округа (09.06.1906—14.02.1907 гг.), старший адъютант штаба Виленского военного округа (14.02.1907—29.01.1908 гг.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (29.01.1908—03.03.1911 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (03.03.1911—14.12.1912 гг.), военный агент в Италии (14.12.1912—31.10.1913 гг.).

Вскоре после прибытия в Рим у него обострились болезни, вызванные ранениями, полученными в ходе русско-японской войны. Несмотря на лечение, здоровье Булгарина Ф.Б. ухудшилось и 31 октября 1913 г., находясь в состоянии депрессии он покончил жизнь самоубийством.

Исключен из списков Генерального штаба в связи со смертью приказом Высочайшего от 11.11.1913 г.

Генерального штаба подковник с 10.04.1911 г.

(Список Генерального штаба. СПб., 1913. С. 413;

Список Генерального штаба. СПб., 1914. С. 775)

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Степанович (род. 10 февраля 1871 г.)

Закончил Морской кадетский корпус.

Старший офицер эскадренного броненосца «Андрей Первозванный», адъютант товарища Морского министра (1906—1909 гг.), зачислен в береговой состав (20.10.1908 г.), *морской агент в США* (13.04.1909—12.01.1915 гг.). С января 1915 г. в отставке.

Генерал-майор флота с 22.01.1915 г.

Умер 22.08.1915 г. в Нью-Йорке. Похоронен в Петрограде, в Новодевичьем монастыре.

Барон ВИНЕKEN Александр Георгиевич (род. 20 марта 1868 г.)

Закончил Санкт-Петербургский университет, выдержал экзамен при Николаевском кавалерийском училище и Николаевской академии Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, старший адъютант штаба 14 кавалерийской дивизии, обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (17.03.1901—6.12.1904 гг.), штаб-офицер для особых поручений при штабе 2 кавалерийского корпуса (6.12.1904—31.12.1904 гг.), старший адъютант управления генерал-квартирмейстера 1 Маньчжурской армии (31.12.1904—5.08.1905 гг.), штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем на Дальнем Востоке (05.08.1905—02.11.1906 гг.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (02.11.1906—04.02.1908 гг.), старший делопроизводитель канцелярии Совета Государственной обороны (04.02.1908—01.03.1910 гг.), начальник штаба Либавской крепости (01.03.1910—01.01.1911 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (01.01.1911—12.08.1913 гг.), *военный агент в Австро-Венгрии* (12.08.1913—04.05.1916 гг.), командир лейб-гвардии Гродненского полка (ноябрь 1914—январь 1916 гг.), начальник штаба Сводной кавалерийской дивизии, начальник штаба гвардейского корпуса (04.05.1916 г.—март 1917 г.)

Генерального штаба генерал-майор с 22.03.1915 г.

Погиб 12.03.1917 г.

(Список подполковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 397

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 154)

ВОЛКОВ Николай Александрович (род. 7 ноября 1870 г.)

Закончил Морской корпус.

Флагманский офицер штаба начальника эскадры Тихого океана, адъютант генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, старший офицер канонерской лодки «Хивинец», флигель-адъютант, командир яхты «Нева», канонерской лодки «Хивинец», флаг-капитан штаба начальника бригады ли-

нейных кораблей эскадры Балтийского моря, *морской агент в Великобритании* (25.07.1913—1917 гг.). После Октябрьской революции формально выполнял обязанности морского агента России до установления дипломатических отношений Советской России с Великобританией.

Контр-адмирал свиты Его Величества с 30.07.1916 г.

Член Особого совещания в Лондоне по эксплуатации союзниками русского флота (1919 г.). После окончания гражданской войны возглавлял Общество русских морских офицеров. В Лондоне владел рестораном. Умер 8.03.1954 г. в Лондоне. Похоронен на кладбище Бромптон.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Апполшарий Николаевич (род. 23 июля 1879 г.)

Заключил Морской кадетский корпус, университет в Марселе.

Флаг-офицер штаба командующего флотом в Тихом океане, участник русско-японской войны 1904—1905 гг., младший делопроизводитель Главного Морского штаба, *морской агент в Японии* (19.12.1905—1.04.1917 гг.), в *Китае* (28.08.1906—1.04.1917 гг.). Зачислен в резерв чинов Морского генерального штаба.

Капитан 1 ранга с 30.07.1916 г.

После Октябрьской революции остался в Токио. Профессор Токийского университета.

Умер 20.05.1930 г. в Марселе (Франция). Именем А. Н. Воскресенского в 1906 г. названа бухта в Карском море.

Барон ВРАНГЕЛЬ Петр Георгиевич (род. 29 июня 1874 г.)

Окончил Александровский лицей, Морской кадетский корпус.

В заграничном плавании на крейсере «Джигит», адъютант Гвардейского экипажа, в запасе (февраль 1906—май 1908 гг.), старший офицер эсминца «Войсковой», прикомандирован к Морскому генеральному штабу для занятий (сентябрь 1911—21.08.1912 гг.), *морской агент в Италии и Австро-Венгрии* (21.08.1912—15.06.1915 гг.).

Капитан 2 ранга с 14.04.1913 г.

После Октябрьской революции продолжал выполнять обязанности морского агента России, затем переехал на постоянное место жительства во Францию, где и умер в апреле 1915 г.

ВЫГОРНИЦКИЙ Александр Иванович (род. 1 июня 1868 г.)

Заключил Симбирский кадетский корпус, Второе военное Константиновское училище.

В 76 пехотном Кубанском полку, в запасе (10.01.1901—01.08.1904 гг.), комиссар Ташкентской временной земельно-податной комиссии, числился в 1 Туркестанском стрелковом полку, с сентября 1912 г. по 1914 г. *негласный агент в Сейстане под № 18*, с 21.08.1915 г. командир 494 пехотного Верейского полка.

Полковник с 03.03.1912 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.104;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.135)

ВЫШИНСКИЙ Евгений Евгеньевич (род. 19 июля 1873 г.)

Заключил военные курсы при Московском пехотном юнкерском училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Офицер для поручений при штабе Кавказского военного округа, штаб-офицер штаба Кавказского военного округа, старший адъютант штаба Кавказского военного округа, *секретарь Российского консульства в Эрзеруме* (08.10.1908—09.05.1914 гг.), с 26.03.1916 г. помощник генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии.

Генерального штаба генерал-майор с 05.06.1915 г.

(Список генералам по старшинству. Петроград, 1916., С.160)

ГЕРУА Борис Владимирович (род. 9 марта 1876 г.)

Заключил Пажеский Его Императорского Величества корпус, Николаевскую академию Генерального Штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 2 армейского корпуса, обер-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке (25.08.1905—02.01.1906 гг.), старший адъютант штаба 42 пехотной дивизии, состоял в прикомандировании к Киевскому военному училищу для преподавания военных наук, *помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба* (07.12.1909—01.02.1912 гг.), экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии, ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии, командир лейб-гвардии Измайловского полка.

Генерального штаба генерал-майор с 30.08.1915 г.

С 11.04.1918 г. начальник штаба Северного участка «завесы» и Петроградского района обороны РККА.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1128;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.165;

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.201)

ГИССЕР Георгий Георгиевич (род. 3 января 1872 г.)

Заключил Санкт-Петербургскую частную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, старший адъютант штаба 30 пехотной дивизии, старший адъютант штаба 4 армейского корпуса, обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе 6 Сибирского армейского корпуса, начальник штаба 72 пехотной дивизии, штаб-офицер для особых поручений при штабе 17 армейского корпуса, *помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба* (02.03.1907—06.04.1908 гг.), *делопроизводитель Главного управления Генерального штаба* (06.04.1908 г.), начальник штаба 2 армейского корпуса, генерал-квартирмейстер штаба 11 армии (декабрь 1916 г.), обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (июнь 1917 г.), состоящий в распоряжении начальника Генерального штаба (февраль 1918 г.).

Генерального Штаба генерал-майор с 23.04.1915 г.
(Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.156)

ГОЛЕЕВСКИЙ Николай Лаврентьевич (род. 3 февраля 1878 г.)

Закончил Нижегородский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую Академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты (10.01.1905—8.02.1906 гг.), старший адъютант штаба армии (08.02.1906—4.10.1906 гг.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (04.10.1906—20.02.1907 гг.), помощник военного агента в Великобритании (20.02.1907—4.12.1912 гг.), военный агент в США (04.12.1912—19.01.1916 гг.). В 1911 г. служебная поездка в Индию, в распоряжении Начальника Генерального штаба с 19.01.1916 г. Участник Первой мировой войны. Командир 38 Сибирского стрелкового полка с февраля 1916 г. После Гражданской войны эмигрировал во Францию. Во время ее оккупации немцами арестован в Париже и находился в концлагере (1941—1943 гг.), после освобождения продолжал жить в этой стране.

Генерального штаба полковник с 06.12.1912 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1275)

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.58)

ГОЛОВАНЬ Сергей Александрович (род. 20 сентября 1872 г.)

Закончил Царскосельскую классическую гимназию, военно-учебные курсы Московского пехотного юнкерского училища, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, обер-офицер для поручений при штабе 3 Сибирского армейского корпуса, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (19.08.1906—09.11.1908 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (с 09.11.1908 г.), военный агент в Швейцарии (с 13.09.1914 г.). После Октябрьской революции продолжал выполнять свои обязанности до установления дипломатических отношений Советской России со Швейцарией. Весь личный архив сдал на хранение в Гугеровский институт мира и революции при Калифорнийском университете.

Генерального штаба генерал-майор с 06.12.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.383;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.173)

ГОЛОВИН Николай Николаевич (род. 22 февраля 1875 г.)

Закончил Пажеский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, старший адъютант штаба 37 пехотной дивизии, старший адъютант штаба 2 гвардейской пехотной дивизии, обер-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (26.11.1903—08.10.1904 гг.), помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (08.10.1904—17.04.1905 гг.), начальник строевого отдела штаба Варшавской крепости (17.04.1905—13.07.1905 гг.), штаб-офицер для особых поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (13.07.1905—17.10.1905 г.), старший адъютант штаба войск гвардии и Пе-

тербургского военного округа (17.10.1905—05.11.1905 г.), экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (06.02.1908—18.04.1909 гг.), заведующий передвижениями войск по отдельным группам железных дорог и водных сообщений Петербургско-Рижского района (05.11.1905—22.06.1910 гг.), ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (18.04.1909—07.01.1914 гг.), командир 20 драгунского Финляндского полка (07.01.1914—24.10.1915 гг.), исполняющий должность начальника штаба 7 армии (24.10.1915—10.07.1916 гг.).

В 1907 г. защищает диссертацию на звание экстраординарного профессора Николаевской военной академии: «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца, в которой обосновывает идею о главенстве «духовного фактора» в войне».

Генерального штаба генерал-майор с 06.12.1915 г.

После окончательного развала фронта через Одессу уезжает во Францию, где назначается помощником С.А. Сазонова — официального представителя за рубежом адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина. В 1918 г. в Киеве, по изъятию у Головина при обыске в Одессе рукописи, издается монография «Служба Генерального штаба: Разведывательная служба». В августе 1919 г. возглавляет штаб армии Колчака. Головин прибывает в Омск и руководит обороной города, однако уже в октябре его эвакуируют в Токно в один из госпиталей в связи с тяжелой болезнью. К моменту его выздоровления армии Колчака практически уже не существует и он возвращается в 1920 г. во Францию. Зарубежный период жизни Головина в научном плане оказался чрезвычайно плодотворным. Его перу принадлежат, в том числе монографии «Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы». Белград, 1925. «Российская контрреволюция в 1917—1918 гг.». Т.5. 12 кн. Париж, 1937.

Головин является инициатором создания в эмиграции русской высшей военной школы. С 1927 г. в Париже действуют курсы, получившие год спустя наименование, «Зарубежные высшие военно-научные курсы профессора генерала Головина». В 1931 г. подобные курсы открываются в Белграде. Головин примыкает к правому крылу белой эмиграции. Состоит в руководстве Русского общевосточного союза (РОВС). С началом второй мировой войны и оккупации Франции вошел в руководство Комитета взаимопомощи русских эмигрантов, преобразованного в апреле 1942 г. в Управление делами русских эмигрантов во Франции. Управление работало под руководством гитлеровского командования во Франции и занималось помимо регистрации русских эмигрантов на территории оккупированной Франции отправкой добровольцев на работу в Германию, а в последующем способствовало пополнению власовской армии русскими офицерами-эмигрантами. Французским движением Сопротивления был приговорен к смертной казни. Умер от разрыва сердца 10 января 1944 г. в день получения по почте такого уведомления.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.532;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.174;

БСЭ. Изд. 3. М., 1972. Т.7. С.54—55;

ВНЖ. 1992. № 12. С.68—72)

ГРУНДШТРЕМ Александр Георгиевич (род. 16 сентября 1872 г.)

Закончил классическую гимназию, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, обер-офицер для особых поручений при штабе 6 Сибирского армейского корпуса, старший адъютант штаба 1 Кавказского армейского корпуса, исполняющий должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 1 Кавказского армейского корпуса, старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, *помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба* (29.11.1907—27.10.1910 гг.), *делопроизводитель Главного управления Генерального штаба* (27.10.1910—03.07.1916 гг.), командир 8 особого пехотного полка.

Генерального штаба полковник с 18.04.1910 г.

В 1918 г. добровольно перешел на службу в Красную Армию. Состоял в корпусе Генерального штаба РККА (1918—1920 гг.).

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.591;

А.Г. Кантарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.240)

ГУДИМ-ЛЕВКОВИЧ Павел Павлович (род. 6 декабря 1873 г.)

Закончил Пажеский Его Величества Корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, обер-офицер для особых поручений при штабе 1 армейского корпуса, штаб-офицер для особых поручений при штабе 1 армейского корпуса, штаб-офицер для поручений при штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа, состоял в распоряжении начальника Генерального штаба, *помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба* (09.11.1908—14.10.1909 гг.), *военный агент в Афинах* (14.10.1909—1916 гг.).

Генерального штаба полковник с 06.12.1909 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.48)

ГУЦИН Сергей Ефимович (род. 9 сентября 1872 г.)

Закончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир сотни, старший адъютант штаба 73 пехотной дивизии, старший адъютант штаба Варшавского укрепленного района, штаб-офицер для особых поручений при штабе 2 Кавказского армейского корпуса, *помощник делопроизводителя и делопроизводитель Главного управления Генерального штаба* (29.01.1908—17.01.1914 гг.), командир 1 Семиреченского казачьего полка.

Генерального штаба полковник с 10.04.1911 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.103)

Фон ДЕН Дмитрий Владимирович (род. 6 сентября 1874 г.)

Закончил Морской кадетский корпус.

Флаг-офицер при флаг-капитане императора Николае II, старший флаг-офицер при младшем флагмане 2 эскадры флота Тихого океана (1904—1905 гг.). Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. *Морской агент в Австро-Венгрии и Италии* (02.10.1906—10.01.1911 гг.). Участник Первой мировой вой-

ны. Штаб-офицер для поручений при Императорской главной квартире (ноябрь. 1915—декабрь 1916 гг.), помощник начальника военно-походной канцелярии Николая II. Уволен от службы.

Капитан 1 ранга с 14.04.1913 г. Флигель-адъютант Е.И.В. с 6.05.1911 г.

После Октябрьской революции эмигрировал за границу. Умер 3.09.1937 г. в Риме.

ДМИТРИЕВ Владимир Иванович (род. 29 июня 1879 г.)

Закончил Московский кадетский корпус, гидрографическое отделение Николаевской Морской академии.

Плавал на судах эскадры Тихого океана, флаг-штурман штаба командующего отдельным отрядом судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами, флагманский штурманский офицер штаба начальника Балтийского отряда, старший офицер крейсера «Адмирал Макаров», *морской агент во Франции, Бельгии, Испании и Португалии* (1.04.1913—1917 гг.).

Капитан 1 ранга с 30.07.1916 г.

В эмиграции. С 1956 г. возглавлял Всезарубежное объединение морских организаций. Председатель Совета старейшин морского собрания.

Умер 18.02.1956 г. в Париже. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКИЙ Борис Иосифович (род. 2 декабря 1873 г.)

Закончил Морской корпус.

Старший флаг-офицер штаба Начальника учебного отряда Черноморского флота, старший флаг-офицер штаба командующего отряда крейсеров в Тихом океане, обер-офицер Морского Генерального штаба (в отделении иностранной статистики) (1906—1908 гг.), штаб-офицер Морского Генерального штаба высшего ордена, *начальник иностранной части Морского Генерального штаба* (1908—1909 гг.), старший офицер линейного корабля «Пантелеймон», старший офицер линейного корабля «Слава», прикомандирован к Морскому Генеральному штабу для занятий.

Капитан первого ранга с 06.12.1914 г.

(Список личного состава судов флота строевых и административных учреждений Морского флота. СПб., 1911 г.)

Список личного состава судов флота строевых и административных учреждений Морского флота. Петроград, 1916 г.)

ДОМЕЛУНКСЕН Николай Федорович (род. 18 июня 1868 г.)

Закончил Первый кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, обер-офицер для особых поручений при штабе 2 армейского корпуса, обер-офицер для особых поручений при штабе 3 армейского корпуса, помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе войск Забайкальской области, заведывал передвижением войск по железным дорогам и водным путям Иркутского района, заведывал передвижением войск по железным дорогам и водным путям Варшавского района, *делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба* (05.06.1906—29.10.1908 гг.), командир 19 Восточно-Сибире-

кого стрелкового полка, начальник военных сообщений Приамурского военного округа, командир 2 бригады 4 Сибирской стрелковой дивизии, командир 1 бригады 49 пехотной дивизии.

Генерального штаба генерал-майор с 06.12.1910 г.
(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.673)

ДРОЗДОВСКИЙ Лев Антонович (род. 15 февраля 1869 г.)

Закончил Керченско-Александровскую классическую гимназию, военно-учебные курсы Киевского пехотного юнкерского училища, Новороссийский университет, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 33 пехотной дивизии, помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, старший адъютант штаба 30 пехотной дивизии, помощник старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа, помощник делопроизводителя и делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (05.02.1911—01.12.1915 гг.), командир 137 пехотного Нежинского полка.

Генерального штаба полковник с 25.03.1912 г.
(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.140)

ДУДОРОВ Борис Петрович (род. 29 июля 1882 г.)

Закончил Орловский кадетский корпус, Морской кадетский корпус, Николаевскую морскую академию.

Служба на учебном судне «Моряк», крейсере «Диана», миноносце «Боевой», находился в плену у японцев 12 месяцев, служба в отряде судов для плавания с гардемаринами, служба на крейсере «Слава», начальник района берегового наблюдения постов и станций Балтийского моря, выполняет особое поручение Морского Генерального штаба по организации морской авиации на Балтике, командировка в Европу для ознакомления с состоянием развития морской авиации во Франции, Англии, Германии (1912 г.), начальник Воздушного района службы связи Балтийского моря, начальник воздушной дивизии Балтийского моря, Первый помощник морского министра, с 03.09.1917 назначен морским агентом в Японии.

После Октябрьской революции на Родину не возвращается и остается в Японии. После закрытия посольства остается в Токио до осени 1923 года, в конце 1923 г. переезжает в США. Почетный председатель Кают-компании бывших русских морских офицеров в Сан-Франциско. В эмиграции написал несколько мемуарных произведений по истории русского флота.

Контр-адмирал с 03.09.1917 г.

Умер 11.10.1965 г. в г. Пало-Альто (вблизи от г. Сан-Франциско, США)

(Список личного состава судов флота строевых и административных учреждений Морского ведомства. СПб., 1911;)

Список личного состава судов флота строевых и административных учреждений Морского ведомства. Петроград, 1916.)

ДУНИН-БОРКОВСКИЙ Михаил Иосифович (род. 13 ноября 1878 г.)

Закончил Морской кадетский корпус.

Заграничное плавание на корабле «Джигит», обер-офицер в отделении статистики Морского Генерального штаба (1906—1908 гг.), в оперативной части Морского Генерального штаба (1908—1910 гг.), начальник иностранной части Морского Генерального штаба (01.01.1910—1912 гг.), заведующий иностранного отдела статистической части Морского Генерального штаба (1912—1913 гг.), штаб-офицер Морского Генерального штаба высшего оклада.

(Список личного состава судов флота строевых и административных учреждений Морского ведомства. СПб., 1911;)

Список личного состава судов флота строевых и административных учреждений Морского ведомства. Петроград, 1916.)

ДУХОНИН Николай Николаевич (род. 1 декабря 1876 г.)

Закончил Владимир-Киевский кадетский корпус, Третье военное Александровское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (08.01.1907—02.09.1908 гг.), прикомандирован к Киевскому военному училищу для преподавания военных наук, старший адъютант штаба Киевского военного округа (24.09.1912—01.03.1914 гг.), старший адъютант разведывательного отделения штаба 3 армии (август 1914 г.), командовал полком (за отличие в боевых действиях награжден золотым Георгиевским оружием), генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного (05.06.1916—08.1917 гг.) и Западного (08—09.1917 г.) фронтов. С сентября 1917 г. начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего А.Ф. Керенского. С 03.11.1917 г. исполнял обязанности Верховного Главнокомандующего. Стремился укрепить армию. Содействовал созданию правительства во главе с эсером В.М. Черновым.

За отказ выполнить предписание СНК от 07.11.1917 г. о немедленном вступлении в мирные переговоры с австро-германским командованием 9 ноября был смещен со своего поста. После занятия Ставки в Могилеве революционными войсками убит солдатами и матросами, узнавшими об освобождении по его приказу из тюрьмы в Быхове группы генералов (Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и др.).

Генерального штаба генерал-лейтенант с 1917 г.

(Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.175; Военная энциклопедия. М., 1995. С.143)

ДЬЯКОНОВ Павел Павлович (род. 22 января 1878 г.)

Закончил Московскую практическую академию коммерческих наук, Казанское пехотное юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа, старший адъютант штаба 15 кавалерийской дивизии, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба

(11.03.1911—01.07.1914 гг.). 15.08.1914 г. назначен штатным преподавателем военных наук Императорской Николаевской военной академии. Но вследствие объявления мобилизации к занятиям в академии не приступил, а был «срочно командирован в Лондон для исправления должности помощника военного агента». В Лондоне находился до конца сентября 1914 г., когда по собственной просьбе был назначен в действующую армию на должность старшего адъютанта штаба 2 армии. Начальник штаба 7 Сибирской стрелковой дивизии (06.12.1914—21.01.1916 гг.), командир 2 Особого пехотного полка, отправленного во Францию (21.01.1916—20.05.1917 гг.).

По окончании командования полком был командирован из Франции в распоряжение начальника штаба Верховного Главнокомандующего. 31.08.1917 г. вновь переведен в Генеральный штаб с назначением в распоряжение начальника Генерального штаба. *Помощник военного агента в Великобритании с 08.09.1917 г.*

Генерального штаба генерал-майор с 04.09.1917 г.

После закрытия военной агентуры в Лондоне 01.05.1920 г. переезжает на жительство во Францию. Стремится вернуться на Родину. Предлагает свои услуги военной разведке по освещению деятельности белой эмиграции. С 1924 г. сотрудничает с Иностранным отделом ГПУ. Выполнял задания Центра по разложению Русского общевосточного союза. От него также поступала ценная информация о деятельности кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки. Принимал непосредственное участие в проведении операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова. В период гражданской войны в Испании Дьяконов неоднократно выезжал туда со специальными разведывательными заданиями.

После оккупации Франции германскими войсками Дьяконов был арестован и подвергнут допросам. Немцев, в первую очередь, интересовали его поездки в Испанию. Сорок три дня он провел в фашистском застенке, надеясь на помощь советского посольства. И эта помощь пришла. Павлу Павловичу и его дочери Марии было предоставлено советское гражданство и по требованию НКВД П.П. Дьяконов был освобожден германскими властями. В конце мая 1941 г. Дьяконовы вернулись на Родину. Пять недель спустя после возвращения он и его дочь были арестованы «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР». Благодаря вмешательству начальника внешней разведки НКВД Дьяконовы вышли на свободу. Это произошло в октябре 1941 г. Дьяконов некоторое время жил в Ташкенте, а затем переехал в киргизский город Кара-Су. Работал в райпотребсоюзе. В ноябре 1942 г. Дьяконов выехал с эшелонам в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. Дорогой тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 г. скончался.

(Список Генерального штаба. СПб., 1914. С.521;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.292)

ЕВРЕИНОВ Константин Леонидович (род. 8 января 1872 г.)

Завершил Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 19 армейского корпуса, обер-офицер для особых поручений при штабе 5 армейского корпуса, *помощник столоначальника Главного штаба, столоначальник Главного штаба, столоначальник Главного управления Генерального штаба, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (01.05.1906—25.09.1908 гг.), старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, начальник штаба 7 окружного отдельного корпуса пограничной стражи (1912—1914 гг.), начальник штаба 1 Кавказской стрелковой дивизии.*

Генерального штаба полковник с 06.12.1909 г.

В 1918 г. добровольно перешел на службу в Красную Армию. В корпусе Генерального штаба РККА (1918—1919 гг.).

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.522;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.47;

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.241)

ЗУНДБЛАД Александр Оскарович (род. 11 октября 1872 г.)

Завершил Полоцкий кадетский корпус. Второе военное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, обер-офицер для особых поручений при штабе 2 армейского корпуса, штаб-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера 2 Маньчжурской армии, штаб-офицер для особых поручений при штабе 12 армейского корпуса, *помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (14.08.1906—23.11.1908 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (23.11.1908—22.12.1915 гг.), начальник штаба 120 пехотной дивизии, начальник штаба 12 Сибирской стрелковой дивизии.*

Генерального штаба генерал-майор с 21.10.1915 г.

Добровольно перешел на службу в Красную Армию в 1918 г. Состоял в корпусе Генерального штаба РККА (1918—1920 гг.).

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.418;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.168;

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.242)

Граф ИГНАТЬЕВ Алексей Алексеевич (род. 17 февраля 1877 г.)

Завершил Владимирско-Киевский кадетский корпус, Пажеский Его Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, старший адъютант управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии, *помощник старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего (24.11.1904—01.05.1905 гг.), обер-офицер для поручений при штабе 1 гвардейского корпуса (1905—05.05.1907 гг.), краткосрочная командировка во Францию, временно исполняющий должность помощника военного агента во Франции (1906 г.), военный агент в Дании, Швеции, Норвегии (25.12.1907—10.03.1912 гг.), военный агент во Франции (10.03.1912—1917 г.), одновременно (в период Первой мировой войны) пред-*

ставитель русской армии при французской Главной квартире. После октября 1917 г. стал на сторону советской власти и помог сохранить для СССР денежные средства, принадлежавшие России и вложенные на его имя во французском банке. Работал в советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. в Советской Армии инспектор и старший инспектор по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА, начальник кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. С октября 1942 г. старший редактор военно-исторической литературы Военного издательства НКО, находясь с 1947 г. в отставке, занимался литературной деятельностью.

Генерального штаба генерал-майор с 15.07.1916 г.

Генерал-лейтенант (1943 г.).

Автор книги "Пятьдесят лет в строю", выдержавшей два издания (М., 1948, 1989. Т. 1—2).

Умер в Москве 20.11.1954 г., похоронен на Новодевичьем кладбище (3 участка, 63 ряд, 46 могила).

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1023;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 3)

КАНДАУРОВ Дмитрий Леонтьевич (род. 19 августа 1880 г.)

Закончил Оренбургско-Неплюевский кадетский корпус, Павловское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 17 пехотной дивизии, старший адъютант штаба 32 пехотной дивизии, *помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа* (24.11.1910—26.11.1911 гг.), *помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба* (26.11.1911—13.04.1914 гг.), *военный агент в Дании, Швеции и Норвегии* (13.04.1914—1916 гг.).

Генерального штаба полковник с 06.12.1913 г.

После гражданской войны эмигрировал и жил во Франции. Умер 15.03.1945 г. в Париже. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

(Список Генерального штаба. СПб., 1914. С. 539)

КАЛНИН Эммануил Христианович (род. 28 февраля 1855 г.)

Закончил Санкт-Петербургское реальное училище, выдержал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище, Николаевскую академию Генерального штаба по второму разряду.

Состоит при Киевском военном округе, старший адъютант штаба 12 кавалерийской дивизии, состоит в прикомандировании при Главном штабе для слушания курсов восточных языков при азиатском департаменте МИД (02.10.1885—17.02.1895 гг.), *состоит в распоряжении военного агента в Константинополе, военный агент в Афинах* (17.02.1895—20.08.1899 гг.), *военный агент в Константинополе* (20.08.1899—19.11.1904 гг.), окружной генерал-квартирмейстер штаба Одесского военного округа (19.11.1904—28.02.1913 гг.). Произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы по возрастной цензу, с мундиром и пенсией приказом Высочайшего от 28.02.1913 г.

Генерального штаба генерал-лейтенант с 28.02.1913 г.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1910. С. 412

Список Генерального штаба. СПб., 1914. С. 758)

КАРЦОВ Виктор Андреевич (род. 31 января 1868 г.)

Закончил Морское училище.

Офицер канонерской лодки «Кубанец», эскадренного броненосца «Синюх», парохода «Ольга» и других боевых кораблей. Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. участвовал в обороне Порт-Артура, отличился в ночном бою (26.02) и в сражении с японцами (27.08). Командир 20 морского десантного батальона на сухопутном фронте (июль-август 1904 г.). Ранен. Накануне сдачи крепости прорвался на миноносце «Властный» в Чифу с секретными документами и знаменами (20.12.1904 г.). Командир эсминца «Генерал Кондратенко», транспорта «Хабаровск». *Морской агент во Франции, Бельгии, Испании и Португалии* (20.12.1910—1.04.1913 гг.). Командир крейсера «Аврора» (апрель 1913—июль 1914 г.), директор Морского корпуса (июль 1914—сентябрь 1916 гг.), начальник Морского училища (сентябрь 1916—февраль 1917 гг.), командир учебного отряда Морского корпуса (1914—1916 гг.). Во время Февральской революции избит солдатами, арестован. Уволен в отставку в апреле 1917 г. Вице-адмирал с 6.12.1916 г.

После Октябрьской революции на службе в РККФ не состоял. Работал в институте «Гидрометео». Арестован ОГПУ 27.12.1930 г., сослан в Архангельск, где и умер 2.05.1936 г.

КЕРБЕР Людвиг Бернгардович (род. 19 апреля 1863 г.)

КОРВИН Людвиг Федорович

Закончил немецкое училище Св. Петра в Санкт-Петербурге, Морское училище. Минный офицерский класс по первому разряду, курс военно-морских наук при Николаевской Морской академии.

Участник кругосветного плавания на корвете «Витязь», служба на крейсере «Россия», командир миноноски № 52, флагманский интендант эскадры Тихого океана, старший офицер крейсера «Богатырь», начальник морской походной канцелярии при Главнокомандующем сухопутными и морскими вооруженными силами, старший офицер крейсера «Россия», командир эсминца «Донецкой казак», *заведующий отделением иностранной статистики Морского Генерального штаба* (1906—1908 гг.), командир канонерской лодки «Хивинер», *морской агент в Великобритании* (1909—1911 гг.), командир линкора «Цесаревич», начальник штаба Командующего флотом Балтийского моря, член Адмиралтейств-Совета, председатель

Совещания по морским перевозкам, Главноначальник города Архангельска, Беломорского водного района и командующий флотилией Северного Ледовитого океана.

Отстранен от должности в марте 1917 года, в декабре 1917 года уволен в отставку. В честь Кербера Л.Б. назван мыс в Японском море, исследованный во время плавания корвета «Витязь».

Вице-адмирал с 24.12.1914 г.

Награжден Георгиевским оружием в 1914 году.

Умер в Англии в 1919 году, где находился как частное лицо.

(Список личного состава судов флота строевых и административных учреждений Морского ведомства. СПб., 1911.)

Список личного состава судов флота строевых и административных учреждений Морского ведомства. Петроград, 1916.;
Российский Императорский Флот 1696—1917. М., 1993. С.116)

КЛЕМБОВСКИЙ Владислав Наполеонович (род. 28 июня 1860 г.)

Закончил Первую Московскую военную гимназию, военное Александровское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Прикомандирован к штабу 13 армейского корпуса для исполнения обязанностей офицера Генерального штаба, старший адъютант штаба 1 пехотной дивизии, командир роты, обер-офицер для поручений при штабе 1 пехотной дивизии, преподаватель военных наук в Тверском кавалерийском юнкерском училище, назначен штаб-офицером при управлении 1 стрелковой бригады, командир батальона, командир полка, начальник штаба пехотной дивизии. Командир 122 пехотного Тамбовского полка (с июня 1901 г.), во главе которого принял участие в русско-японской войне 1904—1905 гг. Под Ляояном был ранен и контужен. После выздоровления вернулся в Маньчжурию. Начальник штаба 4 (октябрь 1904—февраль 1906 гг.), 10 (февраль 1906—июнь 1912 гг.) армейских корпусов. Начальник 9—пехотной дивизии, с которой вступил в Первую мировую войну. Командир 16 армейского корпуса (август 1914—декабрь 1915 гг.), начальник штаба Юго-Западного фронта (декабрь 1915 г.—декабрь 1916 г.). Принял деятельное участие в проведении успешного летнего наступления фронта под командованием А.А. Брусилова. Помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего, Главнокомандующий Северным фронтом (01.06—29.08.1917 г.), старался поддерживать дисциплину, высказывался за упразднение комитетов солдатских депутатов.

После Октябрьской революции участвовал в работе Военно-исторической комиссии по изучению опыта Первой мировой войны, в 1920 г. член Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами республики. Расстрелян 19.07.1921 г.

Автор книг «Тайные разведки (Военное шпионство)», выдержавшей два издания (СПб., 1892, 1911); «Партизанские действия». Изд. 2. Пг., 1919; «Стратегический очерк войны 1914—1918». М., 1920 (автор 5 частей); «Подготовка пехоты к дозорной и разведывательной службе». М., 1921.

Генерал от инфантерии с 17.09.1915 г.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.334;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.18;

Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С.335)

КОРНИЛОВ Лаур Георгиевич (род. 18 августа 1870 г.)

Закончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Помощник старшего адъютанта Туркестанского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа, старший начальник Главного штаба, штаб-офицер 1 стрелковой бригады, *делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба, военный агент в Китае* (01.04.1907—24.02.1911 гг.), командир пехотного полка, командир бри-

гады, с началом Первой мировой войны командовал 48 пехотной дивизией, в 1915 г. был в плену у австрийцев, после побега в 1916 г. командовал 25 стрелковым корпусом, Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа (март—апрель 1917 г.), командующий 8 армией и Юго-Западным фронтом, Верховный Главнокомандующий (19.07—25.08.1917 г.). Добился введения смертной казни на фронте, пытался ограничить деятельность солдатских депутатов. 25 августа поднял мятеж и двинул войска на Петроград с целью установления военной диктатуры, 29 августа отчислен от должности с преданием суду. Содержался в Быховской тюрьме, откуда при содействии генерала Н.И. Духонина 19.11.1917 г. бежал в Новочеркасск, где вместе с генералом Алексеевым возглавил белогвардейскую Добровольческую армию.

Генерал от инфантерии.

Убит 13.04.1918 г. при штурме Екатеринодара.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.729;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.47;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С.293)

КОРСУН Николай Георгиевич

Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстерства при Верховном Главнокомандующем (02.05.1915—01.08.1916 гг.).

Полковник с 06.12.1914 г.

Добровольно перешел на службу в Красную Армию в 1918 г. Состоял в корпусе Генерального штаба РККА (1918—1920 гг.).

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.292;

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.244)

КОСТЯЕВ Федор Васильевич (род. 8 февраля 1878 г.)

Закончил Оренбургско-Неплюевский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, *помощник старшего адъютанта штаба Иркутского военного округа, помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа* (27.03—16.11.1911 г.), *помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба* (16.11.1911—01.02.1916 гг.), командир 32 Сибирского стрелкового полка с 01.02.1916 г.

Генерального штаба генерал-майор.

Добровольно перешел на службу в ряды Красной Армии в 1918 г. Начальник 2 Петроградской дивизии (1918 г.), начальник Полевого штаба Реввоенсовета республики (1918 г.), начальник штаба Главнокомандующего всеми Вооруженными силами республики (1921 г.).

(Список Генерального штаба. СПб., 1914. С.520;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.292;

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.103, 104, 116, 166, 199, 205, 207, 245)

Фон КОТЕН Михаил Фридрихович (род. 29 сентября 1870 г.)

Закончил Полонский кадетский корпус, Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Отделный корпус жандармов. В 27 артиллерийской бригаде. В отдельном корпусе жандармов призван из запаса 29.09.1903 г. В распоряжении Санкт-Петербургского Градоначальника (с 22.02.1904 г.), в распоряжении Санкт-Петербургского Градоначальника с прикомандированием к Санкт-Петербургскому Губернскому жандармскому управлению (с 19.03.1905 г.), начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве (с 05.08.1907 г.), начальник отделения по охране порядка и общественной безопасности в Санкт-Петербурге (с 29.12.1909 г.).

Отдельного корпуса жандармов полковник с 27.10.1909 г.

Начальник агентурной организации N 31. В 1914 г. уволен от службы. В начале этого же года назначается в Отделом генерал-квартирмейстера ГТШ руководителем организации № 31. Перед тем ставилась задача организовать ведение разведки в первую очередь Австро-Венгрии. Накануне войны Котен выезжает в Швейцарию, где в августе 1914 г. в результате провокации Швейцарской кинтирразведки его арестовывают и вывозят во Францию.

(Список общего состава чинов отдельного жандармского корпуса. СПб., 1912. С.165,

Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.488)

ЛАДЫГИН

Коммерческий агент на Китайской Восточной железной дороге. Руководитель агентурной организации в Монголии в 1909—1914 гг.

ЛЕВИТСКИЙ Вячеслав Иванович (род. 19 февраля 1869 г.)

Закончил Бельскую классическую гимназию, военные курсы Московского пехотного юнкерского училища, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, батальона: обер-офицер для особых поручений при штабе 3 армейского корпуса, обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (27.10.1905—19.11.1908 гг.), прикомандирован к Виленскому военному училищу для преподавания военных наук, командир 169 пехотного Ново-Трокского полка.

Генерального штаба генерал-майор.

Добровольно перешел на службу в ряды Красной Армии (1920 г.).

(Список полковникам по старшинству. Петроград. 1916. С.130;

А.Г. Кантарадзе. Военные специалисты на службе Республик Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.246)

МАЙЕР Людвиг Андреевич (род. 16 мая 1878 г.)

Закончил Александровский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Старший адъютант штаба 37 пехотной дивизии, помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (20.02.1912—

01.08.1916 гг.), исполнял должность военного агента в Бельгии и Нидерландах (12.08.1914—1916 гг.).

Генерального штаба полковник с 06.12.1914 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград. 1916. С.292)

Князь МАКСУТОВ Владимир Петрович

По армейской пехоте: журналист Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (26.02.1911—01.08.1916 гг.).

Полковник с 06.05.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград. 1916. С.321)

МАКАЛИНСКИЙ Александр Александрович (род. 26 ноября 1867 г.)

Закончил Морское училище, курс в Морской учебно-стрелковой команде.

Зачислен в 8 флотский экипаж, с октября 1893 г. — в Морскую учебную команду. Звездючий 2 отделением, помощник начальника этой же команды (март 1895—август 1899 гг.). Производитель гидрографических работ в Балтийском море, прикомандирован к Главному гидрографическому управлению, начальник гидрографической партии отдельной съемки Балтийского моря (август 1899—март 1903 гг.). На портовом судне «Работник» в плавании по Финскому заливу и шхерам для гидрографических работ, производитель гидрографических работ, начальник гидрографической партии на крейсере «Иластун», старший флаг-офицер командующего практическим отрядом Балтийского моря (1905 г.), старший офицер канонерской лодки «Хивингер», прикомандирован к Морскому Генеральному штабу (ноябрь 1907—сентябрь 1908 гг., 1910—1913 гг.), командир транспорта «Таймыра», землица «Добровольца», канонерской лодки «Хивинск». Морской агент в Греции (10.02.1914—ноябрь 1917 гг.).

Капитан 1 ранга с 14.04.1913 г.

После Октябрьской революции жил в эмиграции, последние годы во Франции.

МАНАКИН Михаил Михайлович (род. 9 февраля 1862 г.)

Окончил Вторую Санкт-Петербургскую военную гимназию. Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир сотни, командир батальона, старший адъютант штаба 30 пехотной дивизии, обер-офицер для поручений при командующем войсками Амурской области, помощник старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа, старший адъютант штаба войск в Забайкальской области, старший адъютант канцелярии при военном губернаторе Приамурской области, штаб-офицер при управлении войсками Восточно-Сибирской стрелковой бригады, состоит в распоряжении командующего войсками Приамурского военного округа, штаб-офицер при управлении 5 Восточно-Сибирской стрелковой бригады, штаб-офицер при управлении 4 Восточно-Сибирской стрелковой бригады, состоит в распоряжении Начальника Главного штаба, прикомандирован к Главному управлению Генерального штаба (27.06.1906—23.02.1907 гг.), консул в Цинциаре (23.02.1907—02.07.1910 гг.), в распоряжении

начальника Генерального штаба (02.07.1910–03.07.1910 гг.), командир 1 бригады 10 Сибирской стрелковой дивизии, военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска, начальник Азиатской части Главного штаба (03.01.1914–01.08.1916 гг.).

Генерального штаба генерал-лейтенант с 06.04.1914 г.
(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.403;
Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.44)

МАННЕРГЕЙМ Карл Густав Эмилий (род. 4 июня 1867 г.)

Завершил кадетский корпус в Хамине, Гельсингфорский Университет, Николаевское кавалерийское училище.

Служил в Александринском драгунском полку, Императорской конной Гвардии, Нежинском драгунском полку. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Отличился в бою под Сандену, и в разведывательных вылазках кавалерии под Мукденом. 1907–1908 гг. — командировки с разведывательными целями во внутреннюю Монголию, западные районы Китая, Пекин. Итогами этой работы стал изданный в 1909 г. в Петербурге «Сборник географических, топографических статистических материалов по Азии». Помимо этого были подготовлены важные исследования в области этнографии, метеорологии и других наук.

Состоял для поручений при управлении прицорно-коннодействующей частью (1906–1909 гг.), командир 13 уланского Владимирского полка (05.01.1909–01.01.1911 гг.), командир лейб-гвардии Уланского Его Величества полка (01.01.1911–24.12.1913 гг.), начальник отделения гвардии кавалерийской бригады (24.12.1913–24.06.1915 гг.), командующий 12 кавалерийской дивизией (24.06.1915–1916 гг.). Участник Первой мировой войны.

Генерал-лейтенант с 1915 г. В 1918 г. главнокомандующий белофинской армией, подавившей совместно с германскими интервентами Финляндскую революцию. В декабре 1918—июле 1919 гг. регент Финляндской республики. В январе 1919 г. дал разрешение Юденичу на формирование в Финляндии бело-гвардейских частей. В тоне вел переговоры с бело-гвардейскими генералами Юденичем и Марушевским об условиях военного сотрудничества в совместной борьбе против Советской России. В открытом письме президенту Финляндской республики К. Стольбергу (2 ноября) настаивал на участии финской армии в походе на Петроград. С 1931 г. председатель Совета государственной обороны. Главнокомандующий финской армией в войнах против СССР в 1939–1940 и 1941–1944 гг. Маннергейм фактически был одним из архитекторов обеих войн, в результате которых Финляндия потеряла 80 тысяч убитыми и 800 тысяч ранеными. В 1944–1946 гг. президент Финляндии. В отличие от других финских военных не был привлечен Союзной контрольной комиссией ни к ответственности, ни к судебной ответственности. Последние годы жизни провел в Швейцарии, где умер в январе 1951 года. Его прах был перевезен в Финляндию и похоронен на столичном кладбище Хянттамяки.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.678;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.87;

Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С.421;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С.347)

МАРКОВ Сергей Леонидович (род. 7 июля 1878 г.)

Завершил Первый Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 1 Сибирского армейского корпуса, старший адъютант штаба 16 пехотной дивизии, помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (29.01.1908–08.10.1911 гг.), штатный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии, начальник штаба 2 Кавказской казачьей дивизии. Во время Первой мировой войны 1914–1918 г. проходил службу на штабных должностях. С апреля 1917 г. 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего. С июня 1917 г. начальник штаба Западного, а с августа — Юго-Западного фронта. За поддержку корниловского мятежа 29.08.1917 г. отчислен от должности, арестован и заключен в Быховскую тюрьму, откуда вместе со сторонниками Л. Г. Корнилова в ноябре 1917 г. бежал на Дон. Участник Белого движения. В Добровольческой армии со дня ее основания, командовал Первым офицерским полком (февраль—май 1918 г.) и 1 пехотной дивизией (с июня).

Генерального штаба генерал-лейтенант с 1917 г.

Именем Маркова был назван 1 офицерский полк, а затем пехотная дивизия. Последними словами были: «Я умираю за Россией». Умер от ран, полученных в бою в станице Мечетинская Ставропольской губернии 12.06.1918 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1411;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916;

Я. А. Слащов-Крымский. Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990. С.251;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1989. С.348)

МОРЕЛЬ Николай Михайлович (род. 3 ноября 1869 г.)

Завершил Третью Санкт-Петербургскую классическую гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Старший адъютант штаба 9 Сибирской стрелковой дивизии, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (23.12.1910–05.04.1913 гг.), помощник военного агента в Японии (05.04.1913–10.07.1916 гг.), военный агент в Китае (1917 г.).

Генерального штаба полковник с 06.12.1914 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.289)

МУХАНОВ Александр Владимирович (род. 4 марта 1874 г.)

Завершил Второй кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 40 пехотной дивизии, старший адъютант штаба войск Забайкальской области, помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа (17.03.1905–19.08.1908 гг.), состоит в распоряжении командующего войсками Туркестанского военного

округа (19.08.1908—31.07.1912 гг.), старший адъютант штаба Туркестанского военного округа (31.07.—28.11.1912 г.), начальник штаба 2 Туркестанской стрелковой бригады, начальник штаба 2 Сибирской стрелковой дивизии.

Генерального штаба генерал-майор.

Добровольно перешел в ряды Красной Армии. В корпусе Генерального штаба 1918—1920 гг.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1082;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.131;

А.Г. Камарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988 С.248)

НАКАШИДЗЕ

Князь. Временно исполняющий должность военного агента в Брюсселе и Гааге в 1914 г.

Ротмистр.

ОБРУЧЕВ Николай Афанасьевич (род. 31 мая 1864 г.)

Закончил Второй кадетский корпус, Второе военное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, состоял при Одесском военном округе, начальник строевого отделения штаба Севастопольской крепости, старший адъютант штаба 13 пехотной дивизии, стартовый начальник Главного управления казачьих войск, состоял при Главном штабе в числе подполковников по штату штаб-офицеров Генерального штаба, исполняющий должность помощника делопроизводителя канцелярии Комитета по мобилизации войск, делопроизводитель канцелярии Комитета по мобилизации войск, начальник отделения Главного штаба, командир 5 гренадерского Киевского полка, обер-квартирмейстер Главного Управления Генерального штаба (04.11.1909—12.05.1915 гг.) и постоянный член крепостной комиссии при Главном управлении Генерального штаба (22.12.1910—12.05.1915 гг.), начальник 1 Финляндской стрелковой дивизии.

Генерального штаба генерал-лейтенант с 28.02.1915 г.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.1022;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.15)

Граф ОСТЕН-САКЕН Николай Владимирович (род.)

Лейб-гвардии гусарский Его Величества полк.

Полковник с 10.04.1916 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.434)

ОСТРОГРАДСКИЙ Александр Сергеевич.

Надворный советник, агент Министерства Финансов в Персии (1909—1913 гг.), коллежский советник, агент Министерства торговли и промышленности в Турции (1913 г.), статский советник, агент Министерства торговли и промышленности в Австро-Венгрии (с 1913 г.).

(Ежегодник МИД. 1909. 1913. СПб.)

НАРЕНСОВ Петр Дмитриевич (род. 5 июля 1843 г.).

Воспитывался в Пажеском корпусе. В 1860 г. из камер-пажей был произведен в офицеры в л.-гв. Гатчинский полк. В 1867 г. закончил курс Академии Генерального штаба по первому разряду и был назначен для прохождения службы в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа. В 1869 г. был командирован на Урал, где принял участие в усмирении беспорядков в Киргизской степи.

Офицер для особых поручений при Главнокомандующем действующей армии (1876—1877 гг.). В течение семи месяцев организовывал и лично осуществлял разработку турецких вооруженных сил.

Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в должностях начальника штаба Кавказской казачьей дивизии, начальника штаба Северного отряда оккупационных войск в Болгарии.

Первый болгарский военный министр и член кабинета (1879—1880 гг.).

Начальник штаба II армейского корпуса, Варшавский комендант, помощник начальника штаба Варшавского военного округа, начальник 6 кавалерийской дивизии (1890—1898 гг.) комендант варшавской крепости (1902—1906), комендант Петербурга (1906—1914 гг.).

В 1914 г. уволен в отставку.

Генерал от инфантерии.

Автор воспоминаний о войне 1877—1878 гг. под общим заглавием «Из прошлого», удостоенных Императорской академией наук Макарьевской и Ахматовской премий.

Умер 25 августа 1914 г.

Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

(Военная энциклопедия. Т. XVII. Петербург, 1914. С. 291).

ПЕТЕРС Константин Карлович (род. 2 февраля 1874 г.)

Закончил Кременчугское реальное училище, Санкт-Петербургский электротехнический институт, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, обер-офицер для поручений при штабе 2 Туркестанского армейского корпуса, старший адъютант штаба 11 кавалерийской дивизии, штаб-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа, старший адъютант штаба Приамурского военного округа (22.11.1909—24.07.1913 гг.), начальник штаба Уссурийской конной бригады (24.07.1913—03.11.1915 гг.), командир 5 драгунского Каргальского полка.

Генерального штаба полковник с 06.12.1911 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1088;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.132)

ПЕТРОВ Алексей Константинович (род. 9 декабря 1877 г.)

Закончил Морской кадетский корпус. Владел французским, английским, норвежским и финскими языками.

В 1898 г. плавал на судах Черноморского флота, в 1898—1902 гг. — на судах эскадры Тихого океана.

Делопроизводитель военно-морского учебного отдела Главного морского штаба (1902—1904 гг.), участник русско-японской войны 1904—1905 гг., морс-

начальника Генерального штаба (02.07.1910—03.07.1910 гг.), командир 1 бригады 10 Сибирской стрелковой дивизии, военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска, начальник Азиатской части Главного штаба (03.01.1914—01.08.1916 гг.).

Генерального штаба генерал-лейтенант с 06.04.1914 г.
(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.403;
Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.44)

МАННЕРГЕЙМ Карл Густав Эмилий (род. 4 июня 1867 г.)

Заключил кадетский корпус в Хамина, Гельсингфорский Университет, Николаевское кавалерийское училище.

Служил в Александринском драгунском полку, Императорской конной Гвардии, Нежинском драгунском полку. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. Отличился в бою под Сандену, и в разведывательных вылазках кавалерии под Мукденом. 1907—1908 гг. — командировки с разведывательными целями во внутреннюю Монголию, западные районы Китая, Пекин. Итогами этой работы стал изданный в 1909 г. в Петербурге «Сборник географических, топографических статистических материалов по Азии». Помимо этого были подготовлены важные исследования в области этнографии, метеорологии и других наук.

Состоял для поручений при управлении придворно-конной частью (1906—1909 гг.), командир 13 уланского Владимирского полка (05.01.1909—01.01.1911 гг.), командир лейб-гвардии Уланского Его Величества полка (01.01.1911—24.12.1913 гг.), начальник отделения гвардии кавалерийской бригады (24.12.1913—24.06.1915 гг.), командующий 12 кавалерийской дивизией (24.06.1915—1916 гг.). Участник Первой мировой войны.

Генерал-лейтенант с 1915 г. В 1918 г. главнокомандующий белофинской армией, подавившей совместно с германскими интервентами Финляндскую революцию. В декабре 1918—июле 1919 гг. регент Финляндской республики. В январе 1919 г. дал разрешение Юденичу на формирование в Финляндии бело-гвардейских частей. В июне вел переговоры с бело-гвардейскими генералами Юденичем и Марушевским об условиях военного сотрудничества в совместной борьбе против Советской России. В открытом письме президенту Финляндской республики К. Стольбергу (2 ноября) настаивал на участии финской армии в походе на Петроград. С 1931 г. председатель Совета государственной обороны. Главнокомандующий финской армией в войнах против СССР в 1939—1940 и 1941—1944 гг. Маннергейм фактически был одним из архитекторов обеих войн, в результате которых Финляндия потеряла 80 тысяч убитыми и 800 тысяч пленными. В 1944—1946 гг. президент Финляндии. В отличие от других финских военных не был привлечен Союзной контрольной комиссией ни к следствию, ни к судебной ответственности. Последние годы жизни провел в Швейцарии, где умер в январе 1951 года. Его прах был перевезен в Финляндию и похоронен на столичном кладбище Хиентангемпи.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.678;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.87;

Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С.421;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С.347)

МАРКОВ Сергей Леонидович (род. 7 июля 1878 г.)

Заключил Первый Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 1 Сибирского армейского корпуса, старший адъютант штаба 16 пехотной дивизии, помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (29.01.1908—08.10.1911 гг.), штатный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии, начальник штаба 2 Кавказской казачьей дивизии. Во время Первой мировой войны 1914—1918 г. проходил службу на штабных должностях. С апреля 1917 г. 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего. С июня 1917 г. начальник штаба Западного, а с августа — Юго-Западного фронта. За поддержку корниловского мятежа 29.08.1917 г. отчислен от должности, арестован и заключен в Быховскую тюрьму, откуда вместе со сторонниками Л.Г. Корнилова в ноябре 1917 г. бежал на Дон. Участник Белого движения. В Добровольческой армии со дня ее основания, командовал Первым офицерским полком (февраль—май 1918 г.) и 1 пехотной дивизией (с июня).

Генерального штаба генерал-лейтенант с 1917 г.

Именем Маркова был назван 1 офицерский полк, а затем пехотная дивизия. Последними словами были: «Я умираю за Россией». Умер от ран, полученных в бою в станице Мечетинская Ставропольской губернии 12.06.1918 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.1411;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916;

Я.А. Снапов-Крымский. Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990. С.251;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1989. С.348)

МОРЕЛЬ Николай Михайлович (род. 3 ноября 1869 г.)

Заключил Третью Санкт-Петербургскую классическую гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Старший адъютант штаба 9 Сибирской стрелковой дивизии, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (23.12.1910—05.04.1913 гг.), помощник военного агента в Японии (05.04.1913—10.07.1916 гг.), военный агент в Китае (1917 г.).

Генерального штаба полковник с 06.12.1914 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.289)

МУХАНОВ Александр Владимирович (род. 4 марта 1874 г.)

Заключил Второй кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 40 пехотной дивизии, старший адъютант штаба войск Забайкальской области, помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа (17.03.1905—19.08.1908 гг.), состоит в распоряжении командующего войсками Туркестанского военного

округа (19.08.1908—31.07.1912 гг.), старший адъютант штаба Туркестанского военного округа (31.07.—28.11.1912 г.), начальник штаба 2 Туркестанской стрелковой бригады, начальник штаба 2 Сибирской стрелковой дивизии.

Генерального штаба генерал-майор.

Добровольно перешел в ряды Красной Армии. В корпусе Генерального штаба 1918—1920 гг.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1082;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С. 131;

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988 С. 248)

НАКАШИДЗЕ

Князь. Временно исполняющий должность военного агента в Брюсселе и Гааге в 1914 г.

Ротмистр.

ОБРУЧЕВ Николай Афианасьевич (род. 31 мая 1864 г.)

Закончил Второй кадетский корпус, Второе военное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, состоял при Одесском военном округе, начальник строевого отделения штаба Севастопольской крепости, старший адъютант штаба 13 пехотной дивизии, староначальник Главного управления казачьих войск, состоял при Главном штабе в числе положенных по штату штаб-офицеров Генерального штаба, исполняющий должность помощника делопроизводителя канцелярии Комитета по мобилизации войск, делопроизводитель канцелярии Комитета по мобилизации войск, начальник отделения Главного штаба, командир 5 гренадерского Киевского полка, обер-квартирмейстер Главного Управления Генерального штаба (04.11.1909—12.03.1915 гг.) и постоянный член крепостной комиссии при Главном управлении Генерального штаба (22.12.1910—12.05.1915 гг.), начальник 1 Финляндской стрелковой дивизии.

Генерального штаба генерал-лейтенант с 28.02.1915 г.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С. 1022;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 15)

Граф ОСТЕН-САКЕН Николай Владимирович (род.)

Лейб-гвардии гусарской Его Величества полк.

Полковник с 10.04.1916 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С. 434)

ОСТРОГРАДСКИЙ Александр Сергеевич.

Надворный советник, агент Министерства Финансов в Персии (1909—1913 гг.), коллежский советник, агент Министерства торговли и промышленности в Турции (1913 г.), статский советник, агент Министерства торговли и промышленности в Австро-Венгрии (с 1913 г.).

(Ежегодник МИД. 1909. 1913. СПб.)

ПАРЕНСОВ Петр Дмитриевич (род. 5 июля 1843 г.).

Воспитывался в Пажеском корпусе. В 1860 г. из камер-пажей был произведен в офицеры в д-ль Гатчинский полк. В 1867 г. закончил курс Академии Генерального штаба по первому разряду и был назначен для прохождения службы в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа. В 1869 г. был командирован на Урал, где принял участие в усмирении беспорядков в Киргизской степи.

Офицер для особых поручений при Главнокомандующем действующей армии (1876—1877 гг.). В течение семи месяцев организовывал и лично осуществлял разработку турецких вооруженных сил.

Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в должностях начальника штаба Кавказской казачьей дивизии, начальника штаба Северного отряда оккупационных войск в Болгарии.

Первый болгарский военный министр и член кабинета (1879—1880 гг.)

Начальник штаба II армейского корпуса, Варшавский комендант, помощник начальника штаба Варшавского военного округа, начальник 6 кавалерийской дивизии (1890—1898 гг.) комендант варшавской крепости (1902—1906), комендант Петергофа (1906—1914 гг.).

В 1914 г. уволен в отставку.

Генерал от инфантерии.

Автор воспоминаний о войне 1877—1878 гг. под общим заглавием «Из прошлого, удостоенных Императорской академией наук Макарьевской и Ахматовской премиями.

Умер 25 августа 1914 г.

Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

(Военная энциклопедия. Т. XVII. Петербург, 1914. С. 291).

ПЕТЕРС Константин Карлович (род. 2 февраля 1874 г.)

Закончил Крестьянское реальное училище, Санкт-Петербургский электротехнический институт, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, обер-офицер для поручений при штабе 2 Туркестанского армейского корпуса, старший адъютант штаба 11 кавалерийской дивизии, штаб-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа, старший адъютант штаба Приамурского военного округа, старший адъютант разведывательного отделения штаба Приамурского военного округа (22.11.1909—24.07.1913 гг.), начальник штаба Уссурийской конной бригады (24.07.1913—03.11.1915 г.), командир 5 драгунского Каргапольского полка.

Генерального штаба полковник с 06.12.1911 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1088;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С. 132)

ПЕТРОВ Алексей Констатинович (род. 9 декабря 1877 г.)

Закончил Морской кадетский корпус. Владел французским, английским, норвежским и финским языками.

В 1898 г. плавал на судах Черноморского флота, в 1898—1902 гг. — на судах эскадры Тихого океана.

Делопроизводитель военно-морского учебного отдела Главного морского штаба (1902—1904 гг.), участник русско-японской войны 1904—1905 гг., морс-

кой агент в Швеции, Норвегии и Дании (31.12.1907—4.04.1911 гг.), помощник старшего офицера и старший офицер линейного корабля «Саван»; командир эсминцев «Крепкий», «Москвитянин», заградителя «Ильмень», флаг-капитан по оперативной части штаба, начальник штаба флотилии Северного Ледовитого океана.

Капитан 1 ранга с 6.12.1916 г.

После Октябрьской революции продолжал службу в РККФ. Репрессирован (май-июнь 1919 г.), затем восстановлен в кадрах флота. Помощник начальника консультационной части отдела внешних сношений комиссии ВЦИК по делам Туркестана (ноябрь 1919—февраль 1920 гг.), начальник флота Туркестанской фронты, командующий Аральской военной флотилией (февраль-июль 1920 г.), начальник 2 дивизиона миноной дивизии Балтийского моря (сентябрь 1920—март 1921 гг.), начальник этой дивизии (апрель 1921—ноябрь 1922 гг.), Советник по военно-морским делам при подпредстве РСФСР в Финляндии и морской эксперт при российской делегации Русско-финской смешанной комиссии в Гельсингфорсе (ноябрь 1922—ноябрь 1924 гг.). Морской агент при подпредстве СССР в Эстонии и Финляндии (ноябрь 1924—апрель 1925 гг.). В запасе с 04.05.1925 арестован ОГПУ по подозрению в борьбе против революционного движения в России в 1905—06 гг. 08.05.1925 г. дело в отношении Петрова было прекращено и он был освобожден из-под стражи.

Умер 12.12.1931 г. в Ленинграде. Похоронен в Александро-Невской даче.

ПЛЕХАНОВ Сергей Николаевич (род. 26 апреля 1878 г.)

Закончил Московское реальное училище, Московское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 19 армейского корпуса, обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (09.09.1912—29.04.1914 гг.), командировка в Австро-Венгрию с разведывательными целями в 1913 году, командир 97 пехотного Лифляндского полка.

Генерального штаба полковник с 15.06.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.345)

ПОДГУРСКИЙ Федор Алексеевич (род. 2 декабря 1860 г.)

Закончил Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию, Второе военное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, помощник старшего адъютанта штаба Одесского военного округа, офицер для особых поручений при штабе 7 армейского корпуса, штаб-офицер при управлении 60 пехотной резервной бригады, младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (16.10.1899—08.01.1900 гг.), делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (08.01.1900—06.10.1901 гг.), начальник отделения Главного штаба (06.10.1901—20.03.1905 гг.), начальник второго отделения управления дежурных генералов Генерального штаба, окружной дежурный генерал штаба Приамурского военного округа, командир 2 бригады 10 Сибирской стрелковой дивизии, начальник 1 Сибирской стрелковой дивизии.

Генерального штаба генерал-лейтенант с 19.07.1914 г.

Добровольно перешел в ряды Красной Армии в 1918 г. Военрук Порховского отряда, начальник Старорусской, затем 2 Новгородской дивизии (20.04.1918 г.).

(Список генералам по старшинству. Петроград, 1916.)

А.Г. Кайтарядзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.69, 71, 205, 209, 250)

ПОГУЛЯЕВ Сергей Сергеевич (род. 1 марта 1873 г.)

Закончил Морской кадетский корпус. Флаг-офицер при Управлении Морского министра, при Морском министре, адъютант Морского министра, морской агент во Франции (06.12.1906—1910 гг.), старший офицер крейсера «Адмирал Макаров», командир эскадренного миноносца «Капитан Сакет», крейсера «Кагуль», начальник 1 бригады линейных кораблей Черного моря, начальник штаба командующего флотом Черного моря (1916—1917 гг.).

Контр-адмирал с 29.02.1916 г.

После окончания гражданской войны эмигрировал, жил во Франции. Умер 13.03.1941 г. в Париже, похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

ПОЛОВЦЕВ Николай Петрович (род. 23 мая 1873 г.)

Закончил Владимирско-Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, старший адъютант штаба 2 гвардейской пехотной дивизии, обер-офицер для особых поручений при штабе гвардейского корпуса, штаб-офицер для поручений при штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа (26.11.1903—17.01.1906 гг.). В 1906 г. командировка во Францию, штаб-офицер для особых поручений при Его Императорского Величества главнокомандующем войсками Гвардии и Петербургским военным округом, штаб-офицер для поручений при штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа, начальник штаба 37 пехотной дивизии (1912—1916 гг.), начальник штаба 46 армейского корпуса (18.04.1916 г.).

Генерального штаба генерал-майор с 12.09.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.297;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.166)

ПОТОЦКИЙ Сергей Николаевич (род. 13 сентября 1877 г.)

Закончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба Гренадерского корпуса, обер-офицер для поручений при штабе Московского военного округа, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (04.05.1908—25.03.1913), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (25.03.1913—15.03.1914 гг.), военный агент в Бельгии и Нидерландах (15.03.1914—01.07.1916 гг.); 12.07.1914 г. был назначен военным агентом в Берлине, но эту должность не исполнил в связи с началом Первой мировой войны; (12.07.1914—01.07.1916 гг.), военный агент в Дании (1917 г.).

Генерального штаба генерал-майор с 1917 г.

Представитель Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, главнокомандующего ВСЮР генерала А. И. Деникина и главнокомандующего Русской армии генерала П. Н. Врангеля в Дании. Председатель Офицерского совета в Копенгагене. В 1946 г. передал весь свой архив в Гуманитарный институт войны, мира и революции при Калифорнийском университете.

Умер 07.01.1954 г. в Копенгагене.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1083.

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С. 131)

ПРИКОЛОНСКИЙ Михаил Григорьевич.

Коллежский советник, в звании камер-юнкера, в I департаменте МИД — делопроизводитель VI класса (1902—1906 гг.), статский советник, в звании камергера, в I департаменте МИД — делопроизводитель V класса (1906—1912 гг.), действительный статский советник (с 1909 г.).

Генеральный консул в Австро-Венгрии (с 1912 г.). Принимал активное участие в сборе разведывательных сведений и материалов, в т.ч. в интересах военного ведомства.

(Ежегодник МИД. 1902, 1906, 1909, 1912, 1913. СПб.)

РАША Николай Карлович (род. 26 октября 1877 г.)

Закончил Московское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 26 пехотной дивизии (10.06.1905—28.02.1911 гг.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (28.02.1911—27.03.1914 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (27.03.1914—01.08.1916 гг.).

Генерального штаба полковник с 06.12.1913 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1412.

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С. 264)

РЕЙН Николай Готлибович (род. 20 сентября 1876 г.)

Закончил Морское училище, гидрографический отдел Николаевской морской академии.

Во время русско-японской войны 1904—05 гг. на крейсере «Россия», флагманский минный офицер штаба начальника Отряда судов для охраны Уссурийского края, начальник партии траления Владивостокского порта, флагманский минный офицер штаба командующего Практическим отрядом обороны побережья Балтийского моря, I отряда минных судов Балтийского флота (1906—1907 гг.), командир эсминца «Эмир Бухарский», флагманский минный офицер штаба начальника действующего флота Балтийского моря (1908—1910 гг.), морской агент в Великобритании (10.01.1911—07.05.1913 гг.), командир линейного корабля «Цесаревич», начальник штаба минной обороны, командир отряда заградителей Балтийского моря, начальник Учебно-минного отряда Балтийского флота.

Контр-адмирал с 30.07.1916 г.

Убит немцами 2.03.1917 г.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Михаил Михайлович (род. 25 февраля 1872 г.)

Закончил Морское училище, Артиллерийский офицерский класс, гидрографический отдел Николаевской морской академии.

Экспанкный адъютант, командир сводных рот 12 и 17 флотских экипажей, вахтенный начальник фрегата «Адмирал Чичагов», преподаватель Учебно-артиллерийской команды, командир роты заведующий материальной частью артиллерии крейсера. С марта 1901 г. зачислен на суда эскадры Тихого океана. Артиллерийский офицер канонерской лодки «Бобр», флагманский артиллерийский офицер штаба начальника эскадры Тихого океана, списан с эскадры по болезни в апреле 1904 г., старший артиллерийский офицер на эскадренном бронеполосе «Персей», преподавал в офицерском классе Учебного артиллерийского отряда, член комиссии по выработке закона о прохождении службы офицерами флота, член следственной комиссии по делу о Цусимском сражении, штаб-офицер стратегической части Военно-морского учебного отряда Главного морского штаба, штаб-офицер Морского Генерального штаба, старший офицер канонерской лодки «Хищнец», командир яхты «Стрела», штаб-офицер Морского Генерального штаба, командир учебного судна «Верный» и эсминца «Лейтенант Заирский», штаб-офицер Морского Генерального штаба. Морской агент в Нидерландах (29.06.1914—22.06.1915 гг.), одновременно был назначен и в Германию, но в связи с началом Первой мировой войны эту должность не исполнял. Начальник Батумского временного военного порта, командир Отряда судов Северо-Западной части Черного моря, линейного корабля «Три Святителя» (1916 г.).

Контр-адмирал с 24.11.1919 г.

Во время гражданской войны воевал на Юге в белой армии, затем эмигрировал и жил в Дании.

Умер в феврале 1950 г. в Копенгагене.

РОЗАНОВ Сергей Николаевич (род. 24 сентября 1869 г.)

Закончил Третий Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба II кавалерийской дивизии, обер-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа, старший адъютант Главного штаба, старший адъютант управления генерал-квартирмейстера 2 Маньчжурской армии, делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (01.05.1906—14.07.1910 гг.), командир 178 Венденского пехотного полка, начальник штаба 3 Кавказского армейского корпуса (19.01.1915—10.08.1916 г.).

Генерального штаба генерал-майор с 31.08.1914 г.

Активный участник Белого движения.

(Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 129)

РОМАНОВСКИЙ Георгий Дмитриевич (род. 13 ноября 1877 г.)

Закончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 4 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (февраль 1904 г.—май 1905 гг.), участник русско-японской вой-

ны 1904—1905 гг., начальник строевого отделения штаба Свеаборгской крепости, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (07.02.1907—21.02.1911 гг.), военный агент в Болгарии (21.02.1911—24.10.1915 гг.), генерал-квартирмейстер штаба 7 армии (24.10.1915 г.), начальник штаба 13 армейского корпуса (с 01 августа по октябрь 1916 г.), начальник штаба армейского корпуса, 11, 8 армий (октябрь 1916—июнь 1917 гг.), 1 генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем (июнь 1917—март 1918 гг.).

Во время гражданской войны воевал в составе войск адмирала А.В. Колчака, его эмиссар в Японии.

Генерального штаба генерал-майор с 27.11.1914 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.323;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.139)

РОМЕЙКО-ГУРКО Дмитрий Иосифович (род. 23 сентября 1872 г.)

Закончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, обер-офицер для особых поручений при штабе 10 армейского корпуса, старший адъютант штаба 7 армейского корпуса, обер-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Сибирского военного округа, штаб-офицер для особых поручений при командующем 3 Маньчжурской армией, состоял в прикомандировании к Главному штабу, состоял в прикомандировании к Главному управлению Генерального штаба, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (27.11.1906—12.04.1908 гг.), военный агент в Швейцарии (12.04.1908—август 1915 гг.), начальник штаба 14 армейского корпуса (август-декабрь 1915 г.), начальник штаба 20 пехотной дивизии (17.12.1915—10.08.1916 гг.).

Генерального штаба генерал-майор с 25.02.1915 г.

Во время гражданской войны воевал в составе войск адмирала А.В. Колчака. Эмигрировал и жил во Франции. Умер в 1945 г. в Париже.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.377;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.149)

СВЕЧИН Александр Андреевич (род. 18 августа 1878 г.)

Закончил Второй кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Обер-офицер для особых поручений при штабе корпуса (2.01.1905 г.), обер-офицер для поручений при командующем 3 Маньчжурской армией (02.05.1905 г.), начальник строевого отдела штаба Осовской крепости (23.09.1907 г.), обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (04.05.1908—12.08.1913 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (12.08.1913 г.), командир 6 Финляндского стрелкового полка (23.07.1915—01.08.1916 гг.).

Генерального штаба генерал-майор.

В марте 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, помощник начальника Петроградского укрепленного района, начальник штаба Западного участка отрядов завесы, с конца марта военрук Смоленского района того же

участка завесы с августа 1918 г. начальник Всероссийского Главного штаба; в октябре 1918—апреле 1921 гг. преподаватель Академии Генштаба РККА, одновременно с декабря 1918 г. председатель Военно-исторической комиссии по использованию опыта Первой мировой войны. В дальнейшем на военно-педагогической и научной работе, командир, профессор.

Умер 28.07.1938 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.912;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.138;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1989. С.531)

СВИРЧЕВСКИЙ Ипполит Викторович (род. 12 августа 1874 г.)

Закончил Владимирско-Киевский кадетский корпус, Первое Военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 14 пехотной дивизии, обер-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа (18.09.1908—05.02.1911 гг.), штаб-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа (05.02.1911—03.11.1915 гг.), командир 62 пехотного Суздальского Генералиссимуса Князя Суворова полка.

Генерального штаба полковник с 06.12.1911 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.1088)

СЕМЕНОВ-МЕРЛИН Борис Анатольевич (род. 26 июня 1873 г.)

Закончил Николаевский кадетский корпус, Пажеский Его Императорского Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, обер-офицер для особых поручений при штабе 5 Сибирского армейского корпуса, состоял в прикомандировании к Главному штабу (23.06.1905—27.06.1906 гг.), состоял в прикомандировании к Главному управлению Генерального штаба (27.06.1906—10.09.1906 гг.), исполняющий должность помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (10.09.1906—16.02.1907), помощник военного агента в Японии (16.02.1907—30.12.1912), помощник военного агента в Великобритании (30.12.1912—23.10.1913 гг.), военный агент в Румынии (23.10.1913—03.07.1916 гг.), начальник штаба 6 особой пехотной бригады, командир 7 уланского полка.

Генерального штаба полковник с 06.12.1908 г.

После Гражданской войны жил в эмиграции, последние годы — в Бухаресте.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.423;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.33)

СКОБЕДИЦИН Владимир Степанович (род. 12 марта 1872 г.)

Закончил Орловско-Бухтининский кадетский корпус, Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Младший офицер Павловского военного училища, командир роты, командир батальона, обер-офицер для особых поручений при штабе 7 армейского корпуса, обер-офицер для особых поручений при Главном штабе, столоначаль-

ник Главного штаба, помощник дежурного управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба (01.05.1906 г.), в части 2 обер-квартирмейстера (04.05.1906 г.), прикомандирован к Павловскому училищу для преподавания наук (06.01.1907 г.), штаб-офицер при управлении 2 Финляндской стрелковой бригады, командир 2 Финляндского стрелкового полка, начальник штаба 17 армейского корпуса.

Генерального штаба генерал-майор с 10.07.1916 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.177;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.135)

СКУРАТ Лев Николаевич (род. 14 ноября 1871 г.)

Закончил Новгородское реальное училище, Археологический институт, Киевское пехотное юнкерское училище, прошел офицерские курсы восточных языков при учебном отделении первого департамента Министерства иностранных дел.

В распоряжении командующего Туркестанского военного округа (ноябрь 1904—август 1910 гг.). *Негласный военный агент в генеральном консульстве в Хорасане, состоял при Императорском генеральном Консульстве в Мешхеде, офицер на правах военного агента с 26.02.1911 г. по 1917 г.*

Полковник с 06.05.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.333)

СКУРАТОВ А.П.

Закончил курс в Варшавском императорском училище, экзамены из курса военных училищ выдержал по первому разряду при Николаевском кавалерийском училище.

Ушел в запас в звании гвардии кавалерии штаб-ротмистра (1905—1906 гг.), подав рапорт с просьбой принять на действительную военную службу в 1908 г. *Временно исполняющий должность военного агента при Российском посольстве в Мадриде (с 24.08.1909 г.).*

СНЕСАРЕВ Андрей Евгеньевич (род. 1 декабря 1865 г.)

Закончил Московский Университет, военно-учебные курсы Московского пехотного юнкерского училища, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир Павловского отряда, обер-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа, *столоничальник Главного штаба, столоничальник Главного управления Генерального штаба (25.06.1905—01.05.1906 гг.), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (01.05.1906—14.11.1908 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (14.11.1908—12.09.1910 гг.), начальник штаба 2 Кавказской сводной дивизии, начальник штаба 12 пехотной дивизии. В 1917 г. избран командующим 9 армейского корпуса.*

Генерального штаба генерал-майор с 24.08.1915 г.

В мае 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, был военруком Северо-Кавказского военного округа, в сентябре-ноябре начальником Западного района обороны, командующий Западной армией (ноябрь 1918—май 1919 гг.). Начальник Академии Генерального штаба РККА (1919—1921 гг.).

В 1921 г. ушел в отставку. Ректор и профессор Института востоковедения (1921—1930 г.).

Умер 12.05.1937 г. в Москве.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.408;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.164;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1989. С.551)

СОКОВНИН Михаил Алексеевич (род. 18 октября 1863 г.)

Закончил Первый кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа, исполняющий должность старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа, в распоряжении командующего Приамурским военным округом, в распоряжении наместника на Дальнем Востоке, в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке, *состоял в Министерстве иностранных дел (23.02.1907—06.10.1910 гг.), состоял в распоряжении начальника Генерального штаба (06.10.1910—17.10.1910 гг.), консул в Гирине (1911—1912 гг.), командир 1 бригады 3 Сибирской стрелковой дивизии, командир 1 бригады 27 пехотной дивизии, генерал для поручений при командующем Вилениским военным округом, начальник штаба 2 армии.*

Генерального штаба генерал-лейтенант.

Добровольно перешел в ряды Красной Армии в 1918 г. Состоял в корпусе Генерального штаба РККА (1918—1920 гг.).

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.308;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.50;

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.253)

СТАШЕВСКИЙ Владимир Арсеньевич (род. 14 января 1879 г.)

Закончил Морской кадетский корпус, Минский офицерский класс, Николаевскую морскую академию и дополнительный курс там же.

Минный офицер крейсера «Капитан Сакен», преподаватель класса минеров, минный офицер канонерской лодки «Уралец», преподаватель минных офицерских курсов. В учебном отряде Черноморского флота с 1905 г. Флагманский минный офицер на линейном корабле «Георгий Победоносец», прикомандирован к Морскому Генеральному штабу для занятий. *Военно-морской агент в Швеции и Норвегии (17.02.1914—1917 гг.), в Дании (17.02.1914—23.05.1916 гг.).*

Капитан 1 ранга с 06.12.1916 г.

После Октябрьской революции продолжал выполнять функции военно-морского агента в Стокгольме, несмотря на приказ Советского правительства о его отзыве.

Умер 30.10.1955 г.

ны 1904—1905 гг., начальник строевого отделения штаба Свеаборгской крепости, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (07.02.1907—21.02.1911 гг.), военный агент в Болгарии (21.02.1911—24.10.1915 гг.), генерал-квартирмейстер штаба 7 армии (24.10.1915 г.), начальник штаба 13 армейского корпуса (с 01 августа по октябрь 1916 г.), начальник штаба армейского корпуса, 11, 8 армий (октябрь 1916—июнь 1917 гг.), 1 генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем (июнь 1917—март 1918 гг.).

Во время гражданской войны вошел в состав войск адмирала А.В. Колчака, его эмигрант в Японии.

Генерального штаба генерал-майор с 27.11.1914 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.323;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.139)

РОМЕЙКО-ГУРКО Дмитрий Носифович (род. 23 сентября 1872 г.)

Закончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, обер-офицер для особых поручений при штабе 10 армейского корпуса, старший адъютант штаба 7 армейского корпуса, обер-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Сибирского военного округа, штаб-офицер для особых поручений при командующем 3 Маньчжурской армией, состоял в прикомандировании к Главному штабу, состоял в прикомандировании к Главному управлению Генерального штаба, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (27.11.1906—12.04.1908 гг.), военный агент в Швейцарии (12.04.1908—август 1915 гг.), начальник штаба 14 армейского корпуса (август-декабрь 1915 г.), начальник штаба 20 пехотной дивизии (17.12.1915—10.08.1916 гг.).

Генерального штаба генерал-майор с 25.02.1915 г.

Во время гражданской войны вошел в состав войск адмирала А.В. Колчака. Эмигрировал и жил во Франции. Умер в 1945 г. в Париже.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.377;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.149)

СВЕЧИН Александр Андреевич (род. 18 августа 1878 г.)

Закончил Второй кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Обер-офицер для особых поручений при штабе корпуса (2.01.1905 г.), обер-офицер для поручений при командующем 3 Маньчжурской армии (02.05.1905 г.), начальник строевого отдела штаба Осовской крепости (23.09.1907 г.), обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (04.05.1908—12.08.1913 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (12.08.1913 г.), командир 6 Финляндского стрелкового полка (23.07.1915—01.08.1916 гг.).

Генерального штаба генерал-майор.

В марте 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, помощник начальника Петроградского укрепленного района, начальник штаба Западного участка отрядов завесы, с конца марта военрук Смоленского района того же

участка завесы; с августа 1918 г. начальник Всероссийского Главного штаба; в октябре 1918—апреле 1921 гг. преподаватель Академии Генштаба РККА, одновременно с декабря 1918 г. председатель Военно-исторической комиссии по использованию опыта Первой мировой войны. В дальнейшем на военно-педагогической и научной работе, комдив, профессор.

Умер 28.07.1938 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.912;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.138;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1989. С.531)

СВИРЧЕВСКИЙ Ипполит Викторович (род. 12 августа 1874 г.)

Закончил Владимирско-Киевский кадетский корпус, Первое Военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 14 пехотной дивизии, обер-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа (18.09.1908—05.02.1911 гг.), штаб-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа (05.02.1911—03.11.1915 гг.), командир 62 пехотного Суздальского Генералиссимуса Князя Суворова полка.

Генерального штаба полковник с 06.12.1911 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.1088)

СЕМЕНОВ-МЕРЛИН Борис Анатольевич (род. 26 июня 1873 г.)

Закончил Николаевский кадетский корпус, Пажеский Его Императорского Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, обер-офицер для особых поручений при штабе 5 Сибирского армейского корпуса, состоял в прикомандировании к Главному штабу (23.06.1905—27.06.1906 гг.), состоял в прикомандировании к Главному управлению Генерального штаба (27.06.1906—10.09.1906 гг.), исполняющий должность помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (10.09.1906—16.02.1907), помощник военного агента в Японии (16.02.1907—30.12.1912), помощник военного агента в Великобритании (30.12.1912—23.10.1913 гг.), военный агент в Румынии (23.10.1913—03.07.1916 гг.), начальник штаба 6 особой пехотной бригады, командир 7 уланского полка.

Генерального штаба полковник с 06.12.1908 г.

После Гражданской войны жил в эмиграции, последние годы — в Бухаресте.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.423;

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.33)

СКОБЕЛИЦИН Владимир Степанович (род. 12 марта 1872 г.)

Закончил Орловско-Бахтинский кадетский корпус, Первое военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Младший офицер Павловского военного училища, командир роты, командир батальона, обер-офицер для особых поручений при штабе 7 армейского корпуса, обер-офицер для особых поручений при Главном штабе, столоначаль-

ник Главного штаба, помощник дежурного начальника управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба (01.05.1906 г.), в части 2 обер-квартирмейстера (04.05.1906 г.), прикомандирован к Павловскому училищу для преподавания наук (06.01.1907 г.), штаб-офицер при управлении 2 Финляндской стрелковой бригады, командир 2 Финляндского стрелкового полка, начальник штаба 17 армейского корпуса.

Генерального штаба генерал-майор с 10.07.1916 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.177;

Список подполковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.135)

СКУРАТ Лев Николаевич (род. 14 ноября 1871 г.)

Закончил Новгородское реальное училище, Археологический институт, Киевское пехотное юнкерское училище, прошел офицерские курсы восточных языков при учебном отделении первого департамента Министерства иностранных дел.

В распоряжении командующего Туркестанского военного округа (июль 1904—август 1910 гг.). *Негласный военный агент в генеральном консульстве в Хорисане, состоял при Императорском генеральном Консульстве в Мешхеде, офицер на правах военного агента с 26.02.1911 г. по 1917 г.*

Полковник с 06.05.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.332)

СКУРАТОВ А.П.

Закончил курс в Варшавском императорском училище, экзамены из курсов военных училищ выдержал по первому разряду при Николаевском кавалерийском училище.

Ушел в запас в звании гвардии капитана штаб-ротмистра (1905—1906 гг.), подавал рапорт с просьбой принять на действительную военную службу в 1908 г. *Временно исполняющий должность военного агента при Российском посольстве в Мадриде (с 24.08.1909 г.).*

СНЕСАРЕВ Андрей Евгеньевич (род. 1 декабря 1865 г.)

Закончил Московский Университет, военно-учебные курсы Московского пехотного юнкерского училища, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир Памирского отряда, обер-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа, *старший начальник Главного штаба, старший начальник Главного управления Генерального штаба (25.06.1905—01.05.1906 гг.), помощник дежурного начальника Главного управления Генерального штаба (01.05.1906—14.11.1908 гг.), дежурный начальник Главного управления Генерального штаба (14.11.1908—12.02.1910 гг.), начальник штаба 2 Кавказской специальной дивизии, начальник штаба 12 пехотной дивизии. В 1917 г. избран командующим 9 армейского корпуса.*

Генерального штаба генерал-майор с 24.08.1915 г.

В мае 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, был военруком Северо-Кавказского военного округа, в сентябре-ноябре начальник Западного района обороны, командующий Западной армией (ноябрь 1918—май 1919 гг.). Начальник Академии Генерального штаба РККА (1919—1921 гг.).

В 1921 г. ушел в отставку. Ректор и профессор Института востоковедения (1921—1930 г.).

Умер 12.05.1937 г. в Москве.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.408;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.164;

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1989. С.551)

СОКОВНИН Михаил Алексеевич (род. 18 октября 1863 г.)

Закончил Первый кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа, исполняющий должность старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа, в распоряжении командующего Приамурским военным округом, в распоряжении наместника на Дальнем Востоке, в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке, *состоял в Министерстве иностранных дел (23.02.1907—06.10.1910 гг.), состоял в распоряжении начальника Генерального штаба (06.10.1910—17.10.1910 гг.), консул в Гирине (1911—1912 гг.), командир 1 бригады 3 Сибирской стрелковой дивизии, командир 1 бригады 27 пехотной дивизии, генерал для поручений при командующем Вилейским военным округом, начальник штаба 2 армии.*

Генерального штаба генерал-лейтенант.

Добровольно перешел в ряды Красной Армии в 1918 г. Состоял в корпусе Генерального штаба РККА (1918—1920 гг.).

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С.308;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.50;

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С.253)

СТАШЕВСКИЙ Владимир Арсеньевич (род. 14 января 1879 г.)

Закончил Морской кадетский корпус, Минный офицерский класс, Николаевскую морскую академию и дополнительный курс там же.

Минный офицер крейсера «Капитан Сакен», преподаватель класса минеров, минный офицер канонерской лодки «Уралец», преподаватель минных офицерских курсов. В учебном отряде Черноморского флота с 1905 г. Флагманский минный офицер на линейном корабле «Георгий Победоносец», прикомандирован к Морскому Генеральному штабу для занятий. *Военно-морской агент в Швеции и Норвегии (17.02.1914—1917 гг.), в Дании (17.02.1914—23.05.1916 гг.).*

Капитан 1 ранга с 06.12.1916 г.

После Октябрьской революции продолжал выполнять функции военно-морского агента в Стокгольме, несмотря на приказ Советского правительства о его отзыве.

Умер 30.10.1955 г.

СТОГОВ Николай Николаевич (род. 10 сентября 1872 г.)

Закончил Николаевский кадетский корпус, Второе Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, старший адъютант дивизии, офицер для особых поручений, старший адъютант штаба Варшавского военного округа (11.05.1904—07.03.1909), начальник отделения Главного управления Генерального штаба (07.03.1909—14.06.1910 гг.), делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (15.06.1910—08.01.1913 гг.), начальник штаба бригады, генерал-квартирмейстер штаба армии.

Генерального штаба генерал-майор с 07.02.1915 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.396;
Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С.147)

СУЛЕЙМАН Николай Александрович (род. 6 мая 1878 г.)

Закончил Одесское пехотное юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Обер-офицер для поручений при штабе 2 Туркестанского армейского корпуса, обер-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа (12.11.1913—1914 гг.).

Генерального штаба капитан с 23.05.1910 г.

Служба в Красной Армии добровольно с 1918 г., начальник Оперативного управления Высшего Военного Совета (июль 1918 г.), инспектор снабжения при начальнике Полевого штаба (ноябрь 1918 г.).

(Список Генерального штаба. СПб., 1914. С. 392.

А.Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 68, 75, 199, 254)

СЫРТАНОВ Равиль Шах-Айдарович (род. 29 октября 1877 г.)

Закончил Второй Оренбургский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Обер-офицер для поручений при штабе 1 Туркестанского армейского корпуса, наблюдатель за консульскими конелями в Азербайджане (1908—1909 гг.), старший адъютант штаба Туркестанского военного округа (04.05—11.09.1912 гг.), преподаватель Александровского военного училища.

Генерального штаба подполковник с 06.12.1911 г.

(Список Генерального штаба. СПб., 1914. С.510)

СЫСОВ Иван Николаевич (род. 27 января 1859 г.)

Закончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Старший адъютант штаба 3 пехотной дивизии, начальник строевого отдела Михайловской крепости, старший адъютант штаба Кавказской кавалерийской дивизии, штаб-офицер для особых поручений при штабе Кавказского армейского корпуса, заведующий передвижением войск по железнодорожным и водным путям Закавказского района, заведующий передвижением войск по железнодорожным и водным путям Одесского района, состоял при Главном Штабе (08.02.1900—09.10.1902 гг.), военный агент в Сербии

и Черногории (09.10.1902—04.06.1907 гг.), командир 1 бригады 43 пехотной дивизии.

Генерального штаба генерал-майор с 02.04.1906 г.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1907. С.766)

ТАТАРИНОВ Александр Александрович (род. 24 июля 1880 г.)

Закончил Второй Московский кадетский корпус, Павловское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, старший адъютант штаба 4 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, обер-офицер для особых поручений при штабе 2 Сибирского армейского корпуса, обер-офицер для поручений при Начальнике Заамурского округа пограничной стражи, обер-офицер для поручений при штабе Иркутского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе 2 Сибирского армейского корпуса, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (08.01.1913—20.02.1914 гг.), помощник военного агента в Китае (20.02.1914—16.02.1916 гг.), военный агент в Румынии с 16.02.1916 г., в распоряжении начальника Генерального штаба (1917 г.).

Генерального штаба полковник с 06.12.1914 г.

(Список Генерального штаба. СПб., 1914. С.515;
Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.291)

Фон-дер-ФЛАС Владимир Иванович (род. 28 июня 1872 г.)

Закончил Белгородскую гимназию, Чугуевское пехотное Юнкерское училище, 2 класса Николаевской академии Генерального штаба по второму разряду, Археологический институт, курсы восточных языков.

Командир роты, 15 Туркестанский стрелковый полк, офицер при вице-консульстве в Сейстане (1909 г.), командир 23 Сибирского стрелкового запасного полка.

Генерального штаба полковник с 06.12.1910 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С.879;
Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С.96)

ХОЛЬМСЕН Иван Алексеевич (род. 28 сентября 1865 г.)

Закончил Финляндский кадетский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, адъютант управления начальника Финских войск, исполняющий должность заведующего передвижением войск по железным дорогам и водным путям Иркутского района, военный агент в Афинах (02.06.1900—28.10.1906 гг.), военный агент в Турции (28.10.1906—14.01.1913 гг.), командир 1 бригады 1 гренадерской дивизии (январь 1913—1914 гг.), командир бригады 53 пехотной дивизии, исполнял обязанности командующего этой дивизией (1914—1915 гг.). В феврале 1915 г. вместе с частями 2 армейского корпуса попал в окружение в Августовских лесах и был взят в плен. 24.05.1915 г. отчислен от должности. В апреле 1917 г. освобожден из плена и порядке обмена и находился в Норвегии в лагере для русских военнопленных. Помощник генерала Б.В. Герца, являвшегося председателем Особой военной миссии по оказанию материальной помощи армиям генералов Е.К. Миллера и

П.Н. Юденича (1918—1919 гг.). Глава русской военной делегации в Берлине (март 1919 г.), Белое движение. Одновременно русский представитель в союзной комиссии по получению сдаваемого Германией оружия, которое должно было быть передано Белой армии. Представитель ВСЮР, Русской армии в Германии (1919—апрель 1922 гг.). Представитель генерала П.Н. Врангеля во Франции (1922—1924 гг.), начальник I отдела РОВСа в Париже. Главный кассир и генерал для поручений при председателе РОВСа (1930—1938 гг.). С 1939 г. жил в Норвегии.

Генерального штаба генерал-майор с 06.12.1910 г.

Умер 19.03.1941 г. в г. Осло.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С. 672.)

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 86.)

ЧЕРНОЗУБОВ Федор Григорьевич (род. 14 сентября 1863 г.)

Заключил Пажеский Его Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир эскадрона, старший адъютант штаба 40 пехотной дивизии, состоял для особых поручений при штабе 12 армейского корпуса, штаб-офицер при управлении 3 стрелковой бригады, начальник штаба Киевского крепостного склада, штаб-офицер при управлении 4 резервной (Сибирской) бригады, исполняющий должность начальника штаба 1 Кавказской казачьей дивизии, начальник штаба 1 Кавказской казачьей дивизии, заведующий обучением Персидской кавалерии, начальник штаба Терского казачьего войска, начальник 4 Кавказской казачьей дивизии (01.04.1915—10.08.1916 гг.).

Генерального штаба генерал-лейтенант с 12.02.1915 г.

Автор статей по организации разведывательной службы в мирное и военное время, опубликованных в «Военном сборнике» за 1912—1914 гг.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С. 543.)

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 53.)

ЧИРКОВ Георгий Васильевич

Титулярный советник, секретарь посольства в Турции (1906—1912 гг.), коллежский ассесор (с 1909 г.), причислен к I департаменту МИД (1912—1913 гг.), надворный советник, вице-консул в Персии (с 1913 г.).

Принимал активное участие в сборе разведывательных сведений и материалов, в т.ч. и в интересах военного ведомства.

(Ежегодник МИД. 1906, 1909, 1913, СПб.)

ШАПОШНИКОВ Борис Михайлович (род. 20 сентября 1882 г.)

Заключил Краснодарское промышленное училище, Пермское реальное училище, Московское Алексеевское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду.

Командир роты, адъютант штаба 14 казачьей дивизии, штаб-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера штаба главного командующего армией Северо-Западного фронта, начальник штаба отдельной казачьей бригады, начальник штаба 2 Туркестанской казачьей дивизии, исполняющий обязанности начальника штаба 70 стрелкового корпуса, командир 76 гренадерского Мишгренского полка, начальник Кавказской гренадерской дивизии.

Демобилизовался из армии (03.1918 г.).

Генерального штаба полковник с 08.1917 г.

Добровольно перешел на службу в Красную Армию (05.1918 г.).

Помощник начальника Оперативного управления Высшего Военного Совета по разведывательной части (май-октябрь 1918 г.), помощник начальника штаба Наркомвоенмора Украины, начальник разведотдела оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики (08.1919—03.1921 гг.), Первый помощник начальника штаба РККА (02.1921—05.1925 гг.), командующий войсками Ленинградского военного округа (05.1925—05.1927 гг.), командующий войсками Московского военного округа (05.1927—05.1928 гг.), начальник штаба РККА (05.1928—04.1931 гг.), командующий войсками Приволжского военного округа (04.1931—03.1932 гг.), начальник и военный комиссар Военной академии им. Фрунзе (03.1932—09.1935 гг.), командующий войсками Ленинградского военного округа (09.1935—05.1937 гг.), начальник Генерального штаба Красной Армии (05.1937—08.1940 гг.), заместитель Народного Комиссара обороны (14.08.1940—29.07.1941 гг.), начальник Генерального штаба Красной армии (29.07.1941—07.1943 гг.), начальник Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова (07.1943—03.1945 гг.).

Внес большой вклад в развитие военной науки. Автор военно-теоретических и военно-исторических трудов.

Маршал Советского Союза с 07.05.1940 г.

Умер 26 марта 1945 г. Похоронен на Красной площади в Москве.

(ВЭС. М., 1986. С. 813.)

ШЕЛКОВНИКОВ Борис Алексеевич

Титулярный советник, вице-консул в Турции (1906—1913 гг.).

(Ежегодник МИД. 1913. СПб.)

ШЕЛКОВНИКОВ Григорий Артемьевич (род. 28 июля 1867 г.)

Заключил Тифлисский кадетский корпус, Первое военное Павловское училище.

Командир роты, командирова в Турцию (1908 г.), командир 290 пехотного Валуевского полка (07.12.1915—08.1916 г.).

Генерального штаба полковник с 06.12.1912 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 1236.)

Список полковникам по старшинству. Петроград, 1916. С. 96.)

ЩЕГЛОВ Александр Николаевич (род. 3 апреля 1875 г.)

Заключил кадетский корпус, Морской кадетский корпус.

Младший флаг-офицер штаба начальника Учебно-артиллерийского отряда, старший флаг-офицер штаба командующего Отдельным отрядом судов Средиземного моря, офицер канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. Состоял в 18 флотском экипаже в Петербурге, прикомандирован к Морскому Генеральному штабу с мая 1906 г., штаб-офицер Черноморского направления Морского Генерального штаба. Морской агент в Турции (26.01.1909—август 1914 гг.), морской агент в

Румьшин (17.11.1914—0.06.1917 гг.). В распоряжении Морского министра с апреля 1917 г. Автор служебной записки императору Николаю II и проекта создания Генерального штаба.

Капитан 1 ранга с 06.12.1913 г.

После Гражданской войны жил в Эмиграции. Умер 09.12.1953 г. в г. Медон (Франция).

ЩЕРБО Николай Николаевич (род. 28 июня 1866 г.)

Закончил Морское инженерное училище.

Старший штурман парохода «Эрикли», в заграничном плаваньи на канонерской лодке «Черноморец», служба на канонерской лодке «Донец». *Помощник морского агента, морской агент в Турции* (02.03.1907—26.01.1909 гг.).

Полковник корпуса флотских штурманов с 06.12.1908 г.

Умер в 1911 г. в г. Санкт-Петербурге.

ЩУЦКОЙ Борис Насифович (род. 11 апреля 1870 г.)

Закончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, Второе военное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, старший адъютант штаба 43 пехотной дивизии, помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, штаб-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа, *помощник делопроизводителя и делопроизводитель Главного управления Генерального штаба* (01.05.1906—23.02.1913 гг.), командир 42 Сибирского стрелкового полка, начальник этапно-хозяйственного отделения штаба 1 армии (05.02.1915—1916 гг.).

Генерального штаба генерал-майор с 03.11.1914 г.

(Список полковникам по старшинству. СПб., 1914. С. 276;

Список генералам по старшинству. СПб., 1916. С. 137)

ЯНУШКЕВИЧ Николай Николаевич (род. 1 мая 1868 г.)

Закончил Николаевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Командир роты, командир батальона, помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, старший редактор кодификационного отделения при Военном Совете, помощник делопроизводителя канцелярии Военного министерства, делопроизводитель канцелярии Военного министерства, заведующий законодательным отделением канцелярии Военного министерства, экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии Генерального штаба, помощник начальника канцелярии Военного министерства, начальник академии Генерального штаба (с 20.01.1913 г.), *начальник Генерального штаба* (05.03.1914—18.08.1915 гг.), помощник наместника на Кавказе по военным вопросам (18.08.1915—1917 г.).

Генерал от инфантерии с 06.12.1913 г.

Умер 18.10.1918 г. в Тбилиси.

(Список генералам по старшинству. СПб., 1914. С. 412;

Список генералам по старшинству. Петроград, 1916. С. 20)

ЯХОНТОВ Виктор Александрович (род. 30 мая 1881 г.)

Закончил 1 кадетский корпус, Павловское военное училище. Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду.

Центровое командование ротой (1907—1909 гг.), офицер 79 Куртского пехотного полка, *овер-офицер для поручений штаба* (ноябрь 1909—август 1910, сентябрь 1910—май 1913 гг.), *старший адъютант штаба* (май-август 1913 г.), *штаб-офицер для поручений* (август 1913—декабрь 1914 гг.) *Приамурского военного округа*. В 1910—1912 гг. находился в командировке в Японии, где изучал язык и проблемы страны. Участник Первой мировой войны. Старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 10 армии (декабрь 1914—август 1916 гг.). В 1916 г. находился с ответственной миссией во Франции и Великобритании. Военный агент в Японии (август 1916—март 1918 гг.), одновременно в октябре-ноябре 1917 г. — пом. военного министра Временного правительства.

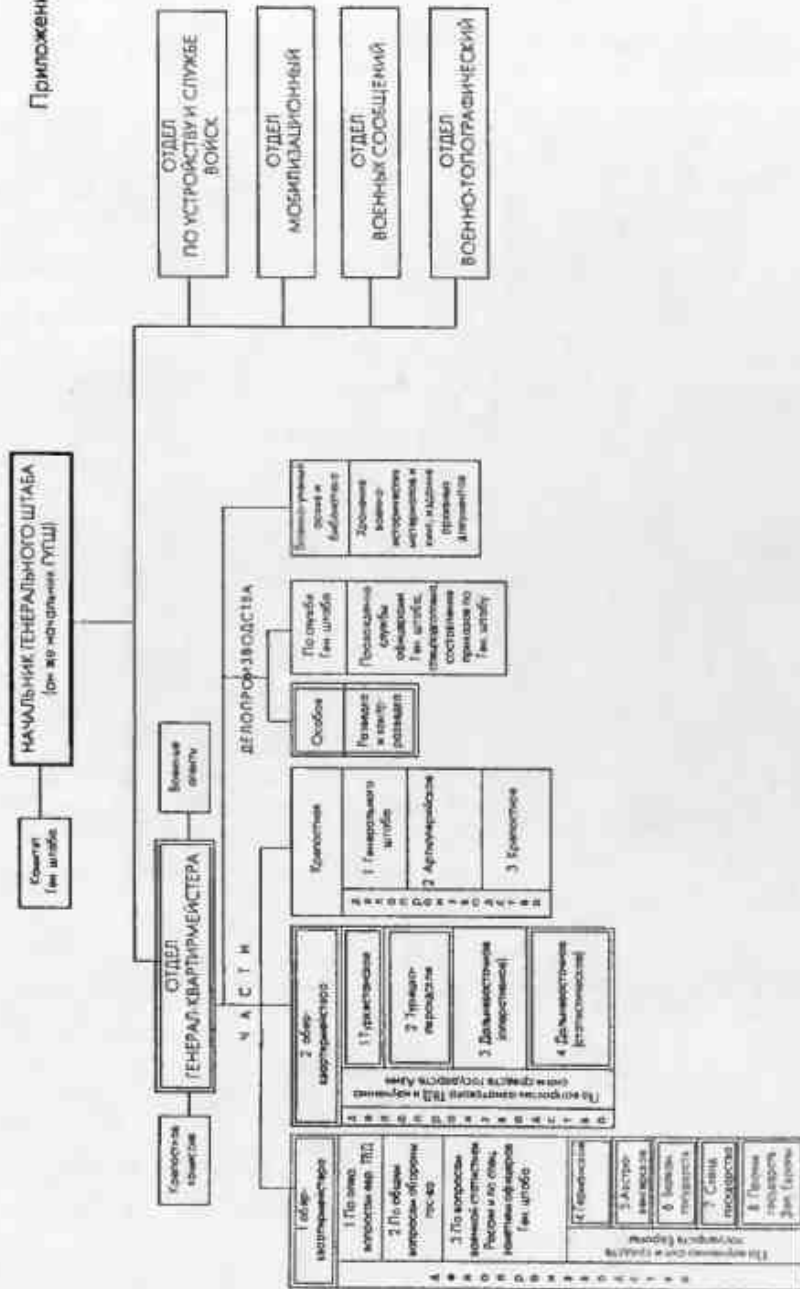
Генерал-майор с октября 1917 г.

Во время Гражданской войны эмигрировал в США, где находился до 1975 г. Редактор газеты «Русский голос». Находясь в эмиграции, лояльно относился к СССР. 22.09.1975 г. переселился в СССР на постоянное жительство. Умер 10.10.1976 г. в Москве. 11.06.1978 г. награжден орденом Дружбы народов «За активную многолетнюю патристическую деятельность».

Высочайше утверждено 8 января 1914 г.

Генерал-лейтенант Сухомлинов

ПРОЕКТ

Расходного расписания на 1914 год по ст. 1.
§5 сметы Главного управления Генерального штаба

1. Военная субсидия Черногории (условно) — 600.000 рублей.

Означения суммы не выплачивались Черногории с конца 1912 г. В связи с нарушением последней статьи 7 восточного соглашения между Россией и Черногорией, кони королевское правительство обязалось не предпринимать своей армией никаких наступательных действий без согласия на то императорского правительства».

2. Штабам военных округов на ведение разведки:

Петербургскому	13.000
Визинскому	30.000
Варшавскому	50.000
Киевскому	40.000
Одесскому	15.000
Кавказскому	65.000
Туркестанскому	17.000
Омскому	4.000
Иркутскому	8.000
Приамурскому	35.000
Замурскому округу пограничной стражи	26.000
На развитие разведки штабов военных округов	25.000

ИТОГО: 330 000 руб.

3. Военным агентам на ведение разведки и на приобретение возможных секретных документов:

Решеному аргенту в

Германия	1.000
Австро-Венгрия	1.000
Великобритания	-
Дания, Швеция, Норвегия	2.000
Бельгия и Нидерланды	2.000
Швейцария	2.000
Румыния	2.000

Болгарии	2.000
Турции	8.000
Черногории	2.000
Сербии	5.000
Франции	500
Китае	30.000
Японии	3.000
Северо-Американских Соединенных штатах	500
Офицеру на правах военного агента при консульстве в Мюнхене	9.000
На развитие разведки военных агентов	5.000

ИТОГО: 75.000 руб.

4. На содержание постоянной негласной агентуры:

А. На содержание агентурных организаций:

№ 6 в Корее	9.300
№ 14 в Маньчжурии	10.500
№ 15 в Корее и Маньчжурии	9.800
№ 20 в Монголии	4.000
№ 23 в Азербайджане	15.250
№ 30 в Германии	36.500
№ 31 в Австро-Венгрии	40.000

Б. Содержание негласных агентов:

№ 12	1.200
№ 17	9.600
№ 18	4.950
№ 22	1.800
№ 87	2.800
№ 118	2.400

На развитие постоянной негласной агентуры 25.000

ИТОГО: 173.100 руб.

5. На приобретение секретных документов 50.000

6. На ведение контрразведки:

Содержание центрального органа при Главном управлении Генерального штаба	21.600
Содержание Петербургской городской организации	99.152
Содержание окружных организаций Петербургской	38.360
Московской	45.417
Винницкой	50.630
Варшавской	75.000

Киевской	63.600
Одесской	36.260
Кавказской	42.212
Туркестанской	44.022
Иркутской	52.500
Примурской	70.109
На развитие контрразведки	5.000

ИТОГО: 643.862 руб.

7. На расходы, связанные с подготовкой и использованием по разведке офицеров, знающих иностранные языки:

На выдачу пособий офицерам-восточникам, работающим по разведке	23.500
На подготовку офицеров в знании языков	3.000

ИТОГО: 26.500 руб.

8. На заграничные командировки в целях разведки	27.000
9. На канцелярские и почтовые расходы	1.800
10. На случайные и непредвиденные расходы:	

Дополнительное содержание двум помощникам военного агента в Китае	3.600
Дополнительное содержание в.п.д. военного агента в Испании	1.200
Содержание секретаря при военном агенте в Германии	2.436
На расходы по должности помощника обер-квартирмейстера и делопроизводителя Особого делопроизводства ГУТШ	2.400
Дополнительное пособие старшим альютам разведывательных отделений штабов Варшавского и Одесского военных округов	1.740
Дополнительное содержание начальнику русских инструкторов в Монголии	3.000
Непредвиденные расходы	6.212

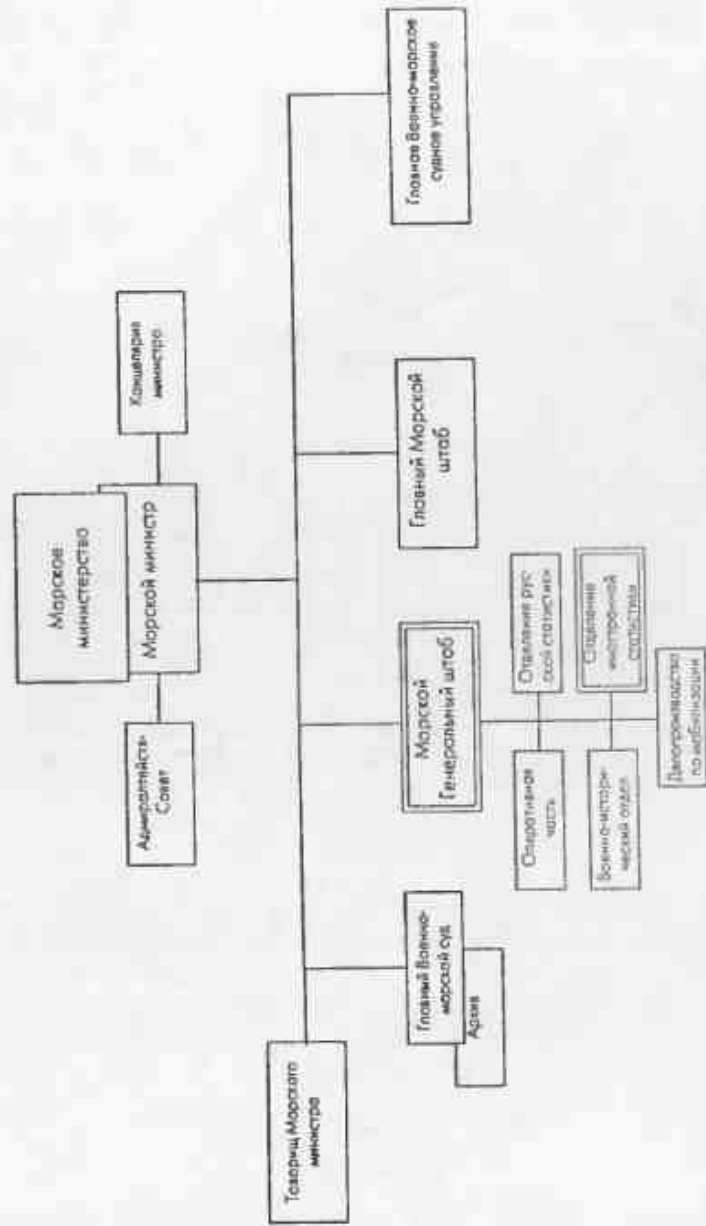
ИТОГО: 20.588 руб.

А всего: 1.947.850 руб.

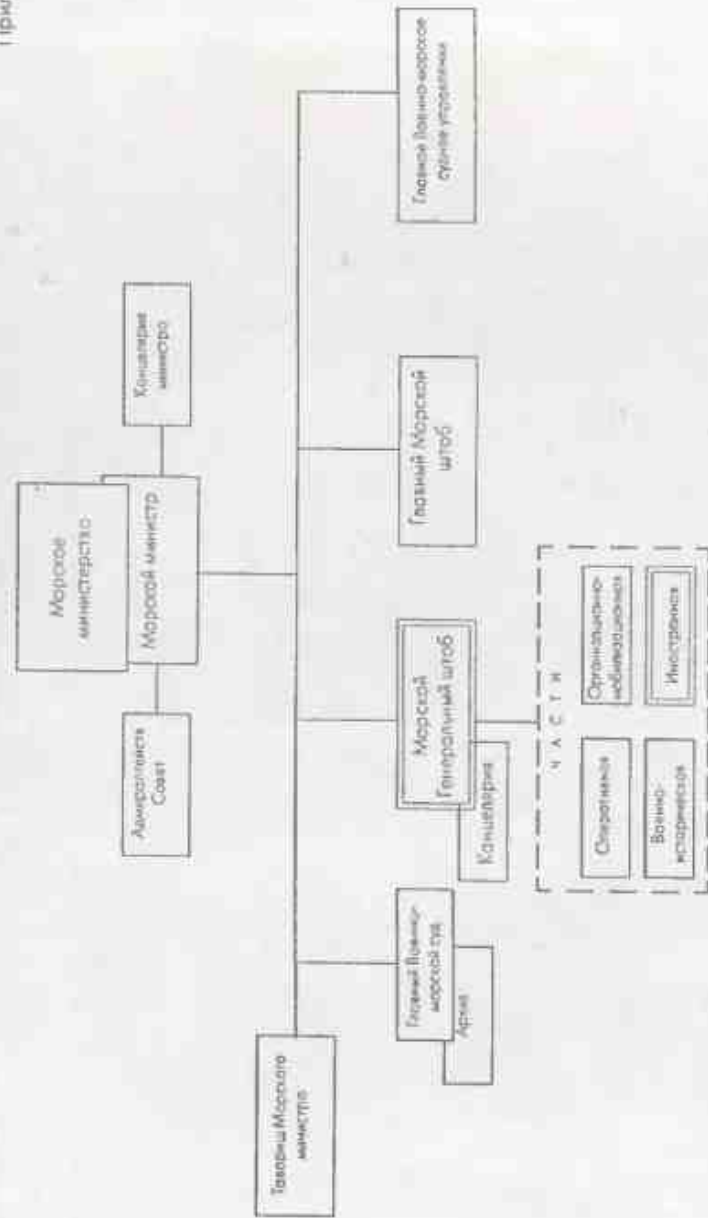
Генерал-квартирмейстер,
генерал-лейтенант Данилов
1 января 1914 года

Делопроизводитель
полковник Энгель

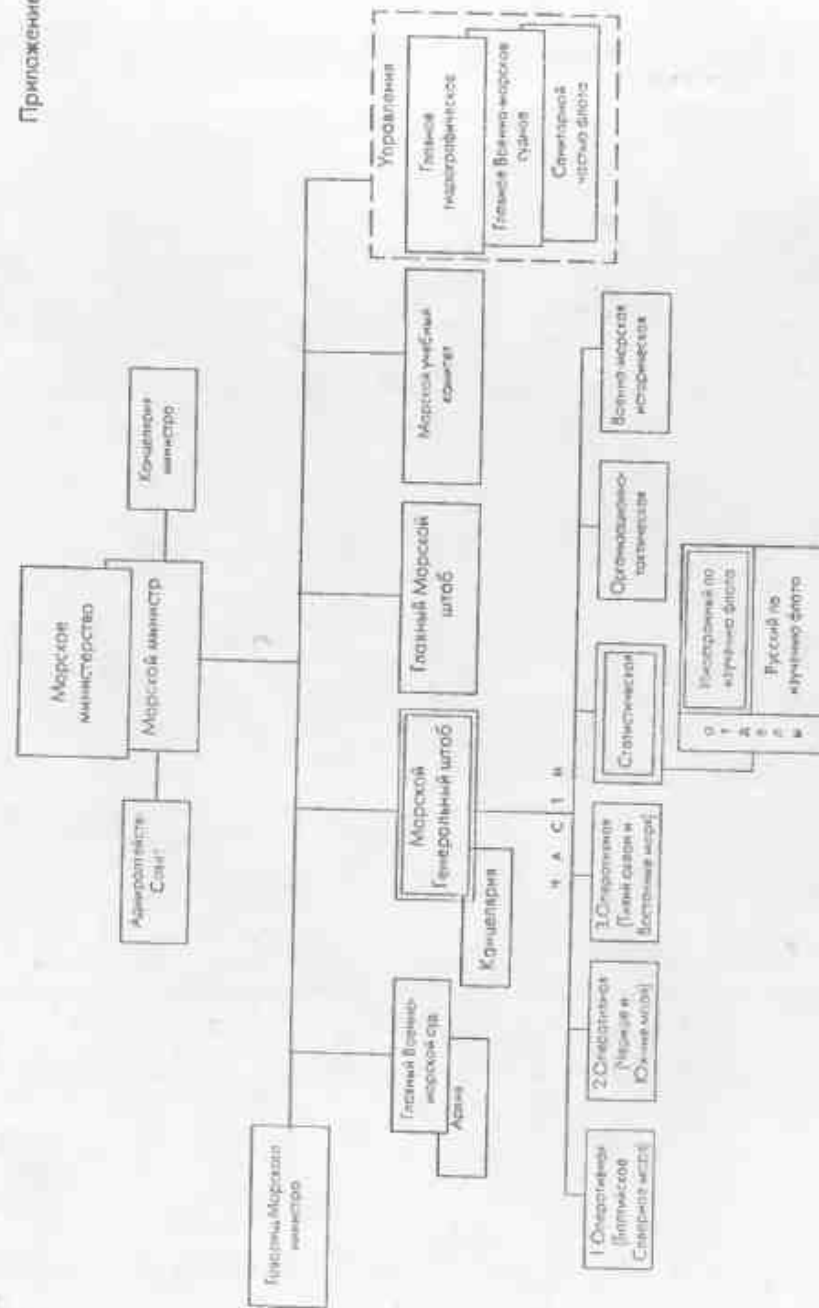

Структура Морского министерства
 *Статья в журнале "Судно-морской транспорт", СПб., 1907 г.
 (с 5 июня 1908 г. по 1908 г.)

Структура Морского министерства
 *Государственный Императорский флот (1894—1917) М., 1993 г.
 (с 1908 г. по 11 октября 1914 г.)

Структура Морского министерства
 (с 11 октября 1911 г. по 1 июля 1913 г.)
 *Временное постановление об организации Морского министерства, СПб, 1911 г.

Списки военных и морских агентов России

Год \ Страна	Австро-Венгрия	Бельгия и Нидерланды	Болгария
1905	02.03 убит Црквица Н.С. 24.03 прибыл военный агент генерал-майор Воган К.И.	23.11 убит Шебеко В.И.	военный агент полковник Хольмсен И.А.
1906	военный агент подполковник Марченко М.К.	военный агент генерал-майор Кузмин-Короваев А.И.	военный агент полковник Леонтьев М.И.
1907	военный агент полковник Марченко М.К.	06.07 убит Кузмин-Короваев А.И. 06.07 прибыл военный агент полковник Адаш М.А.	военный агент полковник Леонтьев М.И.
1908	военный агент полковник Марченко М.К.	военный агент полковник Адаш М.А.	военный агент полковник Леонтьев М.И.
1909	военный агент полковник Марченко М.К.	27.07 убит Адаш М.А. 14.10 прибыл военный агент подполковник Агапеев В.И.	военный агент полковник Леонтьев М.И.
1910	02.09 убит Марченко М.К. 05.10 прибыл военный агент полковник Зинкевич М.И.	военный агент подполковник Агапеев В.И.	военный агент полковник Леонтьев М.И.
1911	военный агент полковник Зинкевич М.И.	военный агент полковник Агапеев В.И.	19.01. убит Леонтьев М.И. 21.02. прибыл военный агент подполковник Романовский Г.Д.
1912	военный агент полковник Зинкевич М.И.	военный агент полковник Агапеев В.И.	военный агент полковник Романовский Г.Д.
1913	08.07 убит Зинкевич М.И. 12.08. прибыл военный агент полковник Барон Виткевич А.Г.	военный агент полковник Агапеев В.И.	военный агент полковник Романовский Г.Д.
1914	военный агент полковник Барон Виткевич А.Г.	09.02 убит Агапеев В.И. 15.03. прибыл военный агент полковник Потоцкий С.И. 12.07 назначен военным агентом подполковник Майер Д.А.	военный агент полковник Романовский Г.Д.

Год \ Страна	Великобритания	Германия	Греция
1905	02.03 убит Ерыков Н.С. 24.03 прибыл военный агент генерал-майор Воган К.И.	23.11 убит Шебеко В.И.	военный агент полковник Хольмсен И.А.
1906	военный агент генерал-майор Воган К.И.	20.01. прибыл военный агент полковник Михальский А.А.	28.10 убит Хольмсен И.А.

1907	30.02 убит Волж К.И. 30.02 прибыл военный агент генерал-майор Ерылов Н.С., помощник военного агента капитан Головинский Н.Л.	военный агент полковник Мюллерсон А.А.	10.05 прибыл военный агент подполковник Артамонов В.А.
1908	военный агент генерал-майор Ерылов Н.С., помощник военного агента капитан Головинский Н.Л.	военный агент полковник Мюллерсон А.А.	военный агент полковник Артамонов В.А.
1909	военный агент генерал-майор Ерылов Н.С., помощник военного агента капитан Головинский Н.Л.	военный агент полковник Мюллерсон А.А.	14.10 убит Артамонов В.А. 14.10 прибыл военный агент подполковник Гудим-Левашов П.П.
1910	военный агент генерал-лейтенант Ерылов Н.С., помощник военного агента капитан Головинский Н.Л.	30.12 убит Мюллерсон А.А.	военный агент подполковник Гудим-Левашов П.П.
1911	военный агент генерал-лейтенант Ерылов Н.С., помощник военного агента подполковник Головинский Н.Л.	04.02 прибыл военный агент полковник Базаров П.А.	военный агент подполковник Гудим-Левашов П.П.
1912	военный агент генерал-лейтенант Ерылов Н.С., 04.12 убит Головинский Н.Л. 30.12 прибыл помощник военного агента полковник Семенов Б.А.	военный агент полковник Базаров П.А.	военный агент подполковник Гудим-Левашов П.П.
1913	военный агент генерал-лейтенант Ерылов Н.С., помощник военного агента полковник Семенов Б.А. 23.10 убит Семенов Б.А.	военный агент полковник Базаров П.А.	военный агент подполковник Гудим-Левашов П.П.
1914	военный агент генерал-лейтенант Ерылов Н.С. 20.02-15.07 помощник военного агента полковник Николай А.М. с июля по сентябрь командирован "для исправления должности пом. военного агента" подполковник Дьяков П.П.	28.06 убит Базаров П.А. 12.07 прибыл военный агент полковник Потоцкий С.Н.	военный агент полковник Гудим-Левашов П.П.

СТРАНА	Дания, Швеция, Норвегия	Испания	Италия
ГОД			
1905	военный агент полковник Алексеев А.М.	—	военный агент полковник Мюллер Е.-Л.К.
1906	военный агент полковник Алексеев А.М.	—	военный агент полковник Мюллер Е.-Л.К.
1907	30.12 убит Алексеев А.М. 28.12 прибыл военный агент	—	08.12 убит Мюллер Е.-Л.К.

	подполковник граф Игнатьев А.А.		
1908	военный агент подполковник граф Игнатьев А.А.	—	04.02 прибыл военный агент полковник князь Волконский А.М.
1909	военный агент подполковник граф Игнатьев А.А.	до 24.08 военный агент штаб-ротмистр Скуратов А.П. с 24.08 военный агент штаб-ротмистр Скуратов А.П.	военный агент полковник князь Волконский А.М.
1910	военный агент подполковник граф Игнатьев А.А.	военный агент штаб-ротмистр Скуратов А.П.	военный агент полковник князь Волконский А.М.
1911	военный агент подполковник граф Игнатьев А.А.	военный агент штаб-ротмистр Скуратов А.П.	военный агент полковник князь Волконский А.М.
1912	06.12 убит граф Игнатьев А.А. 06.12 прибыл военный агент подполковник Ассанинов П.Д.	военный агент штаб-ротмистр Скуратов А.П.	09.12 убит князь Волконский А.М. 14.12 прибыл военный агент полковник Булгарин Ф.Б.
1913	военный агент подполковник Ассанинов П.Д.	военный агент штаб-ротмистр Скуратов А.П.	11.11 погребен князь-свадебный Булгарин Ф.Б.
1914	13.04 убит Ассанинов П.Д. 13.04 прибыл военный агент подполковник Кандаров Д.Д.	военный агент штаб-ротмистр Скуратов А.П.	28.01 прибыл военный агент полковник Ошелев О.К.

СТРАНА	Югтай	Румыния
ГОД		
1905	1 военный агент полковник Осерадинов Ф.Е. пом. военного агента генерал-майор Досин К.И. 08.01 прибыл пом. военного агента капитан Афинская С.В.	09.01 убит Лопатев М.И. 09.01 прибыл военный агент подполковник Зайцев М.И.
1906	1 военный агент полковник Осерадинов Ф.Е. 09.09 убит Досин К.И. 28.09 прибыл пом. военного агента подполковник Валтер пом. военного агента капитан Афинская С.В.	военный агент подполковник Зайцев М.И.
1907	01.04 убит Осерадинов Ф.Е. 01.04 прибыл военный агент полковник Корнилов Л.Г. пом. военного агента капитан Афинская С.В. пом. военного агента подполковник Валтер	военный агент подполковник Зайцев М.И.
1908	военный агент полковник Корнилов Л.Г. пом. военного агента капитан Афинская С.В. пом. военного агента полковник Валтер	военный агент подполковник Зайцев М.И.

1909	военный агент полковник Корнилов Л.Г. пом. военного агента подполковник Афанасьев С.В. пом. военного агента полковник Вальтер	военный агент полковник Заневский М.И.
1910	военный агент полковник Корнилов Л.Г. пом. военного агента полковник Вальтер, 16.11 убит Афанасьев С.В., 16.11 прибыл пом. военного агента капитан Блонский В.В.	05.10. убит Заневский М.И.
1911	24.02. убит Корнилов Л.Г. 24.02. военный агент полковник Вальтер пом. военного агента капитан Блонский В.В. 11.03. прибыл пом. военного агента подполковник Никольский А.М.	14.01. прибыл военный агент полковник Исарицкий Е.А.
1912	военный агент полковник Вальтер пом. военного агента капитан Блонский В.В. пом. военного агента подполковник Никольский А.М.	военный агент полковник Исарицкий Е.А.
1913	военный агент генерал-майор Вальтер пом. военного агента капитан Блонский В.В. пом. военного агента полковник Никольский А.М.	19.08 убит Исарицкий Е.А. 23.10. прибыл военный агент полковник Семькин Е.А.
1914	военный агент генерал-майор Вальтер пом. военного агента капитан Блонский В.В. 20.02. убит Никольский А.М. 20.02. прибыл пом. военного агента подполковник Татарников А.А.	военный агент полковник Семькин Е.А.

СТРАНА ГОД	Сербия	Северо-Американские Соединенные Штаты	Турция
1905	военный агент полковник Сидоров И.И.	военный агент полковник Рычков И.И.	военный агент подполковник Ахмедов А.П.
1906	военный агент генерал-майор Сидоров И.И.	военный агент полковник Рычков И.И.	28.10 убит Ахмедов А.П. 28.10 прибыл военный агент полковник Холмский И.А.
1907	04.06. убит Сидоров И.И. 27.11. прибыл военный агент подполковник Ахмедов В.П.	21.08 убит Рычков И.И.	военный агент полковник Холмский И.А.
1908	военный агент подполковник Ахмедов В.П.	11.01. прибыл военный агент полковник Барон-де-Бодэ А.К.	военный агент полковник Холмский И.А.
1909	14.10. убит Ахмедов В.П. 14.10. прибыл военный агент полковник Артемьев П.А.	военный агент полковник Барон-де-Бодэ А.К.	военный агент полковник Холмский И.А.
1910	военный агент полковник Артемьев П.А.	военный агент полковник Барон-де-Бодэ А.К.	военный агент генерал- майор Холмский И.А.
1911	военный агент полковник Артемьев П.А.	военный агент полковник Барон-де-Бодэ А.К.	военный агент генерал- майор Холмский И.А.
1912	военный агент полковник Артемьев П.А.	09.08 убит военный агент Барон-де-Бодэ А.К. 04.12. прибыл военный агент полковник Голосевский Н.Л.	военный агент генерал- майор Холмский И.А.

1913	военный агент полковник Артемьев П.А.	военный агент полковник Голосевский Н.Л.	14.01 убит Холмский И.А. 08.03. прибыл военный агент генерал-майор Леонтьев М.И.
1914	военный агент полковник Артемьев П.А.	военный агент полковник Голосевский Н.Л.	военный агент генерал- майор Леонтьев М.И.

СТРАНА ГОД	Франция	Черногория	Швейцария
1905	военный агент полковник Лазарев В.П.	военный агент полковник Потапов Н.М.	военный агент генерал- майор Барон Розен Г.А.
1906	военный агент полковник Лазарев В.П.	военный агент полковник Потапов Н.М.	01.07 убит барон Розен Г.А.
1907	военный агент полковник Лазарев В.П.	военный агент полковник Потапов Н.М.	—
1908	15.05 убит Лазарев В.П. 03.08. прибыл военный агент полковник граф Ностиц Г.И.	военный агент полковник Потапов Н.М.	12.04. прибыл военный агент полковник Ромейко-Гурко Д.И.
1909	военный агент полковник граф Ностиц Г.И.	военный агент полковник Потапов Н.М.	военный агент полковник Ромейко-Гурко Д.И.
1910	военный агент генерал-майор граф Ностиц Г.И.	военный агент полковник Потапов Н.М.	военный агент полковник Ромейко-Гурко Д.И.
1911	военный агент генерал-майор граф Ностиц Г.И.	военный агент полковник Потапов Н.М.	военный агент полковник Ромейко-Гурко Д.И.
1912	01.03. убит граф Ностиц Г.И. 06.12. прибыл военный агент полковник граф Игнатьев А.А.	военный агент генерал- майор Потапов Н.М.	военный агент полковник Ромейко-Гурко Д.И.
1913	военный агент полковник граф Игнатьев А.А.	военный агент генерал- майор Потапов Н.М.	военный агент полковник Ромейко-Гурко Д.И.
1914	военный агент полковник граф Игнатьев А.А.	военный агент генерал- майор Потапов Н.М.	военный агент полковник Ромейко-Гурко Д.И.

СТРАНА ГОД	Япония	Корея
1905	27.01 убит Симейлов В.К.	военный агент полковник фон-Райбен Л.Р. 28.09. согласно приказу убит Незлобаев А.Д.
1906	10.01. прибыл военный агент полковник Симейлов В.К.	—
1907	военный агент полковник Симейлов В.К. 16.02. прибыл пом. военного агента подполковник Семькин Е.А.	—
1908	военный агент полковник Симейлов В.К., пом. военного агента подполковник Семькин Е.А.	—
1909	военный агент полковник	—

	Самойлов В.К., пом. военного агента полковник Семенов Е.А.	
1910	военный агент полковник Самойлов В.К., пом. военного агента полковник Семенов Е.А.	—
1911	военный агент генерал-майор Самойлов В.К., пом. военного агента полковник Семенов Е.А.	—
1912	военный агент генерал-майор Самойлов В.К. 30.12 убит Семенов Е.А.	—
1913	военный агент генерал-майор Самойлов В.К. 03.04 прибыл пом. военного агента подполковник Морель Н.М.	—
1914	военный агент генерал-майор Самойлов В.К. пом. военного агента подполковник Морель Н.М.	—

СТРАНА ГОД	Франция	Испания, Португалия и Бельгия	Великобритания
1905	морской агент капитан 2 ранга Еланчик Г.А.	—	морской агент капитан 1 ранга Бострем И.Ф.
1906	морской агент капитан 2 ранга Еланчик Г.А.	—	морской агент капитан 1 ранга Бор.Ф.И.
1907	морской агент капитан-лейтенант Погуляев С.С.	—	морской агент капитан 1 ранга Бор.Ф.И.
1908	морской агент капитан-лейтенант Погуляев С.С.	—	морской агент капитан 1 ранга Бор.Ф.И.
1909	морской агент капитан-лейтенант Погуляев С.С.	—	морской агент капитан 1 ранга Бор.Ф.И.
1910	морской агент капитан 1 ранга Карцов В.А.	морской агент капитан 1 ранга Карцов В.А.	морской агент капитан 1 ранга Кербер Л.Ф.
1911	морской агент капитан 1 ранга Карцов В.А.	морской агент капитан 1 ранга Карцов В.А.	морской агент капитан 1 ранга Рейн Н.Г.
1912	морской агент капитан 1 ранга Карцов В.А.	морской агент капитан 1 ранга Карцов В.А.	морской агент капитан 1 ранга Рейн Н.Г.
1913	морской агент капитан 1 ранга Карцов В.А.	морской агент капитан 1 ранга Карцов В.А.	морской агент капитан 1 ранга Рейн Н.Г., помощник морского агента подполковник корпус инженер-испытателей Саговецкий
1914	морской агент капитан 2 ранга Дмитриев В.И.	морской агент капитан 2 ранга Дмитриев В.И.	морской агент флигель-адъютант капитан 1 ранга Витков Н.А.

СТРАНА ГОД	Германия и Нидерланды	Дания, Швеция, Норвегия	Северо-Американские Соединенные Штаты
1905	морской агент капитан 2 ранга князь Долгоруков А.А.	морской агент капитан 2 ранга князь Долгоруков А.А.	морской агент капитан 2 ранга Бутаков А.Г.
1906	морской агент капитан 2 ранга князь Долгоруков А.А.	морской агент капитан 2 ранга князь Долгоруков А.А.	морской агент капитан 2 ранга Бутаков А.Г.
1907	морской агент капитан 2 ранга князь Долгоруков А.А.	морской агент капитан 2 ранга князь Долгоруков А.А.	морской агент капитан 2 ранга Небольсин А.К.
1908	морской агент капитан 2 ранга князь Долгоруков А.А.	морской агент лейтенант Петров А.К.	морской агент капитан 2 ранга Небольсин А.К.
1909	морской агент лейтенант Бок Б.И.	морской агент лейтенант Петров А.К.	морской агент капитан 2 ранга Небольсин А.К.
1910	морской агент лейтенант Бок Б.И.	морской агент лейтенант Петров А.К.	морской агент капитан 2 ранга Васильев Д.С.
1911	морской агент капитан 2 ранга Беренс Е.А.	морской агент старший лейтенант Петров А.К.	морской агент капитан 2 ранга Васильев Д.С.
1912	морской агент капитан 2 ранга Беренс Е.А.	морской агент старший лейтенант граф Келлер П.Ф.	морской агент капитан 2 ранга Васильев Д.С.
1913	морской агент капитан 2 ранга Беренс Е.А.	морской агент старший лейтенант граф Келлер П.Ф.	морской агент капитан 2 ранга Васильев Д.С.
1914	морской агент капитан 2 ранга Беренс Е.А. 12.07. морского агента капитан 1 ранга Финский-Корсакин	морской агент старший лейтенант граф Келлер П.Ф. 03.8. морского агента старший лейтенант Стаховский В.А. помощник морского агента старший лейтенант Бостромов Е.С.	морской агент капитан 1 ранга Васильев Д.С.

СТРАНА ГОД	Австрия-Венгрия	Италия	Турция
1905	морской агент лейтенант граф Каппист А.П.	морской агент лейтенант граф Каппист А.П.	морской агент капитан 2 ранга Шланг А.Ф. помощник морского агента корпус флотских штурманов подполковник Щерба И.И.
1906	морской агент лейтенант граф Каппист А.П.	морской агент лейтенант граф Каппист А.П.	морской агент капитан 2 ранга Шланг А.Ф. помощник морского агента корпус флотских

[Faint handwritten notes or bleed-through from the reverse side of the page.]

[illegible]

*Apocynum
Androsaemum*

1000

v. Benth. 1845
 Juncus = 1. sp.
 y. fl. 1. sp.

٥

15

[illegible][illegible]

13. На официальных своих сношениях с иностранными властями и учреждениями, военные агенты должны строго соблюдать указания нашей дипломатической администрации, которые с одной стороны оказывают на них полное действие.

Сл. властям, военным властям, военным агентам строго соблюдать.

14. Если иностранные власти или учреждения признают военному агенту на какой либо его просьбу, то обязанность соблюдать указания Главного Управления Генерального Штаба.

15. Военные агенты, присутствуя на заседаниях, учениях и маневрах, на которых присутствуют представители,

16. Военные агенты должны оказывать возможное содействие военным офицерам, командующим на границе с соседними государствами.

17. Военные агенты не должны на основании своих сведений русскими офицерами правды, установленной относительно границах военной администрации, а также сведений, которые являются на основании этих правил, военные агенты докладывают до сведения Главного Управления Генерального Штаба.

18. Вся работа и работа офицеров, командующих границами, распоряжением Главного Управления Генерального Штаба и штабов военных округов для изучения иностранных языков, для ознакомления с бытом и службой в иностранных армиях, для изучения войск, для изучения той или другой отрасли военного дела и для исполнения других служебных поручений не секретного характера, - на все время такой командировки состоять на подчинении военному агенту и на основании способов исполнения указанных служебных поручений, руководствуясь указаниями посланного.

19. Известия, на основании Высочайше утвержденной 23-го апреля 1906 года штатной ведомости распределения военных агентов и их помощников, сумм "на служебные расходы" предназначаются на содержание их и на их пропитание.

назв. дождя, содержание канцелярии и приобретение припасов, инструкций, уставов, газет и журналов, для личного пользования военных агентов и их помощников.

На основании вышеизложенного на эти суммы газет и журналов, военные агенты обязаны ежемесячно представлять в Главное Управление Генерального Штаба образцы периодической печати или вырванные из нее того государства, в котором они состоят.

20. Вся своя донесения военных агентов представляются Генералу-квартирмейстеру Генерального Штаба. Непосредственные сведения сведения военных агентов только Главного Управления Генерального Штаба, на до-
бухаются, за исключением сведений, связанных с военными и морскими агентами, дипломатическими представителями загранично и с военными властями и лицами тех государств, при которых военные агенты состоят.

Важные и срочные донесения сообщать непосредственно начальникам тех военных округов, до которых они относятся. В последних случаях военные агенты должны доносить об этом в Главное Управление Генерального Штаба.

21. Донесения военных агентов передаются на русском языке. При этом обозначается по старому стилю день по старому и новому стилям.

22. Военные агенты отправляют свои донесения следующим образом: а/ не секретными и срочными - почтой или неопечатанными телеграммами, б/ секретными и не секретными - через курьеров Министерства Иностранных Дел, в/ срочными секретными - шифрованными телеграммами. В исключительных случаях разрешается отправлять секретными срочными донесениями также, но не секретными шифрованными.

23. Вся переписка относительно их должна быть

условие отправляться через курьеров Министерства Иностранных Дел, как при помощи установленных для сего условных телеграмм.

24. Для учета корреспонденции военные агенты снабжаются особыми бланками квитанций. При отправлении служебных пакетов /почтой или курьером/ они обязаны вкладывать при каждом отправлении заверенные квитанции с перечнем ВХ вложенных в пакет служебных бумаг. По получении донесений в Главное Управление Генерального Штаба, из квитанций отбываются время получения донесения и они с запиской курьером возвращаются военным агентам. Такой же порядок установлен и при отправлении служебной корреспонденции военными агентами из Главного Управления Генерального Штаба.

Для учета отправляемых телеграмм военные агенты должны представлять в Главное Управление Генерального Штаба записки, в которых указывается количество отправляемых телеграмм, их содержание и время отправления. Эти записки должны представляться военными агентами в Главное Управление Генерального Штаба ежедневно.

25. Поступающая из наших дипломатических представительств корреспонденция, как от курьеров Министерства Иностранных Дел, так и с почты, вручается лично военному агенту. В случае отсутствия военного агента, корреспонденция хранится до возвращения военного агента, в канцелярии дипломатического представительства под ответственностью того лица, на которое возложено заведование канцелярией.

26. Телеграфные донесения военные агенты должны направлять по следующему адресу: *Штаб Г. Штаба*. В том же случае, когда военные агенты должны устанавливать условные сокращения адреса для получения телеграмм, эти адреса, а также всякие перемены в них, должны своевременно сообщаться в Главное Управление Генерального Штаба.

27. ~~В~~ телеграфные расходы военных агентов

по отправлению служебной корреспонденции возмещаются из распоряжений Главного Интендантского Управления по представлению ~~военных агентов~~ телеграфных квитанций и копий с записок, в которых указывается содержание телеграмм и время отправления.

При желании, военные агенты могут получать авансы на ~~телеграфные~~ телеграфные расходы, на основании которых они должны, перед получением нового аванса, представлять отчеты о расходах на телеграфные расходы.

28. Для секретных сообщений по телеграфу все военные агенты и некоторые из их помощников снабжаются агентскими шифрами и правилами пользования ими. Шифры и правила должны постоянно храниться в записочных конвертах из непрозрачного материала, в которых должны находиться все материалы, относящиеся к шифрованию.

Все работы по шифрованию должны производиться в ~~записочных конвертах~~ записочных конвертах, в которых должны находиться все материалы, относящиеся к шифрованию.

При записке шифра военный агент должен немедленно по получении нового шифра, о получении нового шифра, уничтожении старого, а также для раскрытия шифра, военные агенты должны немедленно доносить условные телеграммы, которые устанавливаются для сего одновременно с раскрытием нового шифра.

Одновременно с шифром все военные агенты рассматриваются списком лиц и учреждений, которые снабжены шифром и правилами шифрования, которыми они должны строго руководствоваться.

29. Все ~~шифры~~ шифры для военной агентов должны храниться в Главном Управлении Генерального Штаба. При необходимости шифры могут быть переданы военным агентам, но только в том случае, если они будут переданы в том же виде, в котором они были получены.

Feb 6 1892
at Niagara

Delegado
C. E. Y. Y. Y.
C. E. Y. Y. Y.

Polk County
No. 1000000000

О всіх випадках як м'яста постійного перебування так по ділах служби, так і в спущенні, рази так, і в звичайні заходи, всім агентам повинні повністю докладати доповіді в Головне Управління Генерального Штабу і докладати в своєму дипломатичному представництві.

Большинство военных агентов, если не считать особого назначения по распоряжению Генерала-квартирмейстера Генерального Штаба, непосредственно подчиняются военному агенту и находятся в служебном отношении к его полному распоряжению.

сосредоточиваются из 5-ти (разъединительных) аппаратов Управления Генераль-Чоуартермейстера Гелиного Управления Генерального Штаба

ИНСТРУКЦІЯ ВОЕННО-МОРСКИМЪ АГЕНТАМЪ

----оОо----

Назначеніе Военно-Морскихъ агентовъ.

§ 1. Военно-Морскіе Агенты назначаются для доставленія Морскому Генеральному Штабу возможно полныхъ и точныхъ свѣдѣній о вооруженныхъ морскихъ силахъ и средствахъ иностранныхъ государствъ.

ОБЯЗАННОСТИ ВОЕННО-МОРСКИХЪ АГЕНТОВЪ.

§ 2. Кромѣ прямого своего назначенія агенты обязаны:

1/ Сообщать нашимъ Дипломатическимъ Представителямъ свѣдѣнія о состояніи морскихъ силъ страны, въ коей лица эти акредитованы, немедленно предупреждать ихъ о всѣхъ важныхъ перемѣнахъ или могущихъ быть военныхъ приготовленіяхъ данной страны, а также исполнять всѣ порученія Императорскихъ Пословъ и Начальниковъ Миссій, непосредственно касающіяся морского дѣла.

2/ Официально присутствовать при церемоніяхъ и торжествахъ, согласно требованіямъ этикета и обычаямъ данной страны, или когда необходимо представительство со стороны Русскаго Морского Министерства.

3/ Исполнять по мѣрѣ возможности порученія центральныхъ учреждений Морского Министерства.

СТЕПЕНЬ ПОДЧИНЕННОСТИ ВОЕННО-МОРСКИХЪ АГЕНТОВЪ.

§ 3. Военно-Морскіе Агенты непосредственно подчиняются Начальнику Морского Генеральнаго Штаба.

Рядомъ съ тѣмъ они, во время пребыванія за границею, административно подчиняются Императорскому Послу и Начальникамъ Миссій, на общемъ основаніи, какъ прикомандированные къ Посольствамъ.

СВѢДѢНІЯ, СОБИРАЕМЫЯ АГЕНТАМИ.

§ 4. Свѣдѣнія, доставляемые Агентами изъ Морской Генеральной Штабъ, по своему характеру раздѣляются на двѣ категоріи:

1/ Свѣдѣнія, необходимыя Морскому Генеральному Штабу для составленія плановъ войны.

2/ Свѣдѣнія о прогрессѣ морской техники за границею.

§ 5. Необходимыя для составленія плана войны свѣдѣнія суть нижеслѣдующія:

1/ О направленіи внешней и внутренней политики Государства и о характерѣ народа.

2/ О финансовомъ и экономическомъ положеніи страны, въ смыслѣ финансовой способности государства къ веденію войны.

3/ О состояніи вооруженныхъ силъ и средствъ данного государства.

Свѣдѣнія по первому пункту собираются путемъ изученія исторіи данной страны, наблюденія за литературой мѣстной прессой, разговоровъ съ лицами, занимающимъ вѣстное общественное положеніе и т.п. Свѣдѣнія эти должны быть тщательно продуманы и по возможности проверены, а не должны носить характера случайныхъ впечатлѣній. Эти свои наблюденія Агенты должны проверять путемъ сношеній съ нашими дипломатическими представителями.

По второму пункту Агенты должны ознакомиться съ устройствомъ финансового управленія въ данномъ Государствѣ, съ характеромъ промышленности и направленіемъ торговой политики.

Свѣдѣнія по третьему пункту, т.е. о состояніи вооруженныхъ силъ и средствъ иностранныхъ государствъ, необходимыя для работы Морского Генеральнаго Штаба суть слѣдующія:

1/ Сила флота, которая опредѣляется нижеперечисленными данными:

а/ Численность и организацию судебного состава. Здің
неді біздің қанша негізгі судьялар суды алуға бірінші
жолы, қанша екінші және т.б.

Чтобы выяснить этот вопрос необходимо тщательно следить за судовыми составами эскадр, за состоянием каждого отдельного корабля, т.е. находится он в плаваніи, резерве или ремонте; где именно, ибо дислокация мирного времени наводит на мысль о вероятной группировки неприятельских сил по мобилизации.

Если корабль ремонтируется, то особенно важно следить за ходом работ и общим его состоянием, так как это укажет на реальный срок его готовности и выяснить, следует ли принимать его к расчету.

б/ Определеніямі впродовж строку мобілізації суден, котрі знаходяться також в залежності від швидкості укомплектування їх особовим складом. Поэтому необходимо из-яснить количество призывных и запасных членов и срок возможных укомплектований ими резервных и других судов.

№/ Правственими качествами личного сета и его начальников. Высокі моральні качества подчиненных не в состоянии окупить недостатки познаний и слабости командующих, а потому изучению характеристики высших начальников и их взаимоотношений личных к служебных составляет один из предметов работы Агентов.

г/ Искусственно высшего командования /управления/ и степеням разработки плана войны. Это особенно важно теперь, когда для мобилизации и развертывания флота требуется, помимо технических знаний, еще и большая опытность. Поэтому для Генерального Штаба является настоятельной необходимостью подробное изучение широкого наступательного и оборонительного плана противника. В случае оборонительного плана является потребность изучения системы обороны nepřятельского побережья, сил приморских крепостей, расположений складов боеприпасов и других запасов, в том же стратегических и тактиче-

нихъ позицій, дабы, на основаніи этихъ данныхъ, выяс-
нить наиболѣе слабую сторону обороны противника. При
каученіи плановъ противника естественно необходимо при-
нимать во вниманіе также и сухопутную обстановку. Ко-
нечнѣно Агенты по недостатку времени не могутъ самъ
разрабатывать предположенія о вѣроятныхъ планахъ про-
тивника; это работа Морского Генеральнаго Штаба, но
собираніе Агентомъ свѣдѣній въ этомъ направленіи до-
лжно быть согласовано съ работой Штаба. Поэтому Началь-
никъ Иностранной части долженъ сообщать, для заключенія
агентовъ, выработанныя въ Штабѣ предположенія о планахъ
противника, вмѣстѣ съ директивами въ какомъ направле-
ніи желательнѣе вести работу по этому вопросу. Это значи-
тельно облегчитъ работу агентовъ, такъ какъ послужитъ
указаніемъ на относительную важность тѣхъ или другихъ
изъ получаемыхъ свѣдѣній.

д/ Постановкою и системой обучения. Рациональное обучение и воспитание флота всецело сканывается въ военное время. Особенное внимание должно быть обращено на тактическое обучение, чтобы выяснить его сильныя и слабыя стороны. Особенно внимательно Агенты должны слѣдить за ежегодными большими и малыми маневрами и стрельбами.

в) Состояніем матеріальної частини, совершенством ко-
торой обуславливается, до нѣкоторой степени, и сама по-
бѣда. Поэтому агентъ долженъ наблюдать за состояніемъ
кораблестроительнаго дѣла противника и выяснять преиму-
щества и недостатки типовъ кораблей; состояніе механи-
ческаго, артиллерійскаго и миннаго дѣла; особенное зна-
чѣніе должно быть обращено на матеріальную сторону
подготовки десантныхъ экспедицій. Сюда не относятся и
вопросы о различныхъ вспомогательныхъ средствахъ, какъ
то: судовыя приспособленія для погрузки угля, беспровол-
очный телеграфъ, воздухоплаваніе и т. д.

2/ Средства противника, изучение которых не имеет

важно, чимъ изученіе его силъ, ибо, если противникъ располагаетъ силой, но не имѣетъ средствъ, то усвоеніе этого положенія является весьма важной данной для насъ. Подъ названіемъ средствъ надо подразумѣвать все то, что непосредственно какъ бы питаетъ флотъ, а именно, ресурсы и степень оборудованности портовъ, заводы, доки, мастерскія, боевые, угольные и продовольственные запасы и т. п.

Эти средства находятся въ зависимости отъ бюджетныхъ ассигнованій. Поэтому Агенты должны кромѣ того сообщать въ Морской Генеральный Штабъ свѣдѣнія о бюджетахъ и распределеніи ассигнованій непременно со своими личными комментаріями.

Такимъ образомъ главная работа Агента должна вестись въ томъ направленіи, чтобы дать Штабу свѣдѣнія для опредѣленія сильныхъ и слабыхъ сторонъ непріятеля и вѣроятныхъ его плановъ войны.

НАБЛЮДЕНІЕ ЗА ПРОГРЕССОМЪ МОРСКОЙ ТЕХНИКИ.

§ 6. Второстепенной отраслью работы Агентовъ, является наблюденіе за прогрессомъ морской техники по части изобрѣтеній и усовершенствованій, но зависимо отъ примѣненія ихъ на флотъ противника.

По этимъ вопросамъ слѣдуетъ набѣгать поверхностныхъ бевплодныхъ сообщеній, которыми обыкновенно переполнены иностранные журналы и съ которыми разныя лица обращаются къ агентамъ; поэтому донесенія должны дѣлаться съ строгою разборчивостью и съ разъясненіемъ всѣхъ подробностей.

Лица, обращающіеся къ агенту съ предложеніемъ различныхъ изобрѣтеній онъ можетъ, когда признаетъ необходимымъ, направлять непосредственно въ Морской Технический Комитетъ.

ОБЩІЯ УКАЗАНІЯ.

§ 7. При сообщеніи свѣдѣній слѣдуетъ указывать степень ихъ достоверности, и по возможности источникъ ихъ познаний.

§ 8. Всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, что многія важныя и обстоятельныя свѣдѣнія скорѣе всего Агенты могутъ получить при помощи собственныхъ наблюденій, пользуясь благоприятными обстоятельствами и очень рѣдко можно достигнуть тѣхъ же результатовъ официальными сношеніями и разъясненіями, такъ какъ въ этомъ случаѣ обыкновенно преувеличиваютъ достоинство извѣстныхъ предметовъ, не упоминая вовсе о недостаткахъ и не касаясь секретныхъ данныхъ.

§ 9. Многія свѣдѣнія легко получаются при помощи различныхъ толковъ въ обществѣ и разговоровъ съ невысокопоставленными офицерами въ частныхъ бесѣдахъ. Интимныя авторитетныхъ лицъ могутъ представить данныя для освѣщенія того или другого вопроса.

§ 10. При собираніи всѣхъ секретныхъ свѣдѣній Агентамъ должно поступать съ крайней осторожностью, избѣгая всего того, что могло бы возбудить малѣйшее подозрѣніе истребительнаго правительства.

§ 11. При сношеніяхъ со своими товарищами, военными агентами, состоящими при томъ же Посольствѣ или Миссіи, Военно - Морской Агентамъ должно имѣть въ виду необходимости самой тѣсной съ ними связи, порожденной общностью цѣлей ихъ работъ. Совершенно необходимыми здѣсь являются дружескія отношенія, полное согласіе и взаимная помощь, при освѣщеніи другъ другу ооотеѣстѣнно морской и сухопутной обстановки.

§ 12. Всѣ офицеры Морского Вѣдомства, командируемые за границу, сообщаютъ агенту о цѣли своей командировки и получаютъ отъ агента указанія о наилучшихъ способахъ достиженія этой цѣли, а также о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя

при этом можно получить попутно.

По отношению к офицерам, командированным в гарнизоны, Агенты руководствуются также циркулярами Главного Морского Штаба от 17-го Сентября 1905 года, за № 243 и от 25-го Сентября 1905 года, за № 302.

§ 13. Военно-Морской Агент должен доставлять в Морской Генеральный Штаб брошюры, журналы и газетные статьи военно-морского и военно-политического содержания, пополнение которых производить в общедоступные издания.

Что же касается до прочих книг и изданий по морскому делу, то следует руководствоваться благоразумными расходованиями казенных денег, писывать только те, в важности которых для Морского Вѣдѣнія Агент совершенно увѣрен. В противном случае лучше предварительно спросить Морской Генеральный Штаб.

§ 14. Опыт убеждает, что во многих случаях собрание секретных и важных свѣдѣній легче достигается тогда, когда от того государства, до которого они относятся, и через Агентов других держав. Поэтому деятельность Военно-Морских Агентов должна быть солидарна в служении общему делу. Они должны письменно сообщаться между собой, посредством курьерских посылок, или через Морской Генеральный Штаб, о тех вопросах, которые могли бы быть выяснены через наших военных агентов в других государствах.

§ 15. Ст. 249 Кн. I Св. Мор. Постановлений возлагается на Агентов производство заготовок и расчетов с иностранными фирмами, по поручениям Главного Управления Кораблестроения и Снабжения. На эти поручения агенты должны смотреть как на одно из важных средств для заведения знакомств и получения свѣдѣній. Но так как весьма большое количество коммерческих поручений будет отвлечать агентов от своей основной деятельности, то все относящееся к вопросам Главного

Управления Кораблестроения и Снабжения Агентами должны направляться через Морской Генеральный Штаб, чтобы последний мог судить о количестве таких дел. В случае если Агенты получают слишком много поручений по коммерческой части, они обязаны немедленно довести в Морской Генеральный Штаб и тогда, либо часть работы будет снята с агента, либо будет командирован из его распоряжения офицер для ведения части дел по поручению Агента.

ОТПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКИХЪ АГЕНТОВЪ КЪ МѢСТУ СЛУЖБЫ.

§ 16. До отправления к месту назначения Военно-Морской Агент должен ознакомиться со всеми до него могущими касаться свѣдѣніями и перепиской, имеющимися в Морском Генеральном Штабѣ, так чтобы явившись на свой новый пост, он уже вполне усвоил себе предстоящую ему деятельность и мог безотлагательно продолжать веденное его предшественником дело.

§ 17. Прибыв на место своего назначения, Военно-Морской Агент обязательно должен явиться нашему дипломатическому представителю в данной стране.

§ 18. Прибыв на место, Военно-Морской Агент принимает от своего предшественника архивъ. Последний обязан сообщить своему преемнику все, что может облегчить его труд, ввести его в круг знакомства полевого для дела и указать источники, которыми можно пользоваться для добывания свѣдѣній.

ПОРЯДОКЪ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВЪ.

§ 19. Все секретные документы, книги и журналы должны храниться в ящиках для сейфа или в шкафу, при чем, если в Институтском Помещении в Миссии, агенту будет отведена комната, то шкаф помещается в таковой.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

§ 20. Дѣлопроизводство Агентъ ведетъ лично и долженъ имѣть входящій и исходящій журналы и денежные журналы, согласно установленной формѣ.

ПОРЯДОКЪ СПРАВЛЕНІЯ ДОНЕСЕНІЙ.

§ 21. Всѣ донесенія посылаются черезъ курьеровъ Посольства, и только текущія дѣла, не имѣющія новаго секретнаго характера, посылаются заказною почтою.

§ 22. Къ телеграфнымъ донесеніямъ слѣдуетъ прибѣгать возможно рѣже, а шифрованные депеши посылать только въ исключительныхъ случаяхъ.

§ 23. Вообще воспрещается шифрование телеграфными шифрами письменныхъ донесеній.

§ 24. При своихъ разсѣздахъ Агентъ можетъ имѣть, съ разрѣшенія Морского Генеральнаго Штаба, дополнительный шифръ /походный/ и въ такомъ случаѣ, подлежитъ его хранить въ запечатанномъ конвертѣ, вскрывая каждый разъ таковой для употребленія.

§ 25. Свои донесенія Агентъ группируетъ по содержанию ихъ, не смѣшивая въ одномъ - изложеніе свидѣній по различнымъ дѣламъ.

ДЕНЕЖНАЯ ОТЧЕТНОСТЬ.

§ 26. Получаемыя по почтѣ, отъ учрежденій Морского Вѣдомства, денежные ассигновки заприходываются въ кассовую книгу, каждый вексель андосируется подписью Агентъ и заказною почтою пересылается подлежащей фирмѣ, отъ которой требуется расписка въ полученіи денегъ.

О поступившихъ ассигновкахъ и произведенныхъ расходахъ, Агентъ посылаетъ, по установленной формѣ, ежемѣсячно отчетъ въ Счетный Отдѣлъ Главнаго Управленія Кораблестроенія и Снабженія.

Для экстраординарныхъ нуждъ, отъ этого же Отдѣла, высылаются денежные авансы по третямъ года.

Отчетъ, по расходованію этой суммы, съ справдательными документами, посылается въ концѣ трети въ Морской Генеральный Штабъ.

Требованія "Указаній военнымъ агентамъ по веденію негласной развѣдки" слѣдуетъ признать едва ли выполненными по слѣдующимъ причинамъ:

I. Военные агенты, какъ лица официальные, находятся на виду у всѣхъ; за ними весьма легко можетъ быть установлено самое внимательное наблюдение со дня прибытія въ государство. Поэтому, можно быть увѣреннымъ, что военный агентъ очень скоро будетъ скопметированъ, а созданная имъ организація тайной развѣдки будетъ нарушена. Поручая кому либо организацію такого деликатнаго дѣла, какъ тайная развѣдка, необходимо поставить его въ наиболѣе благоприятныя условія для выполнения данной ему задачи; между тѣмъ положеніе военного агента является наименѣе благоприятнымъ для организаціи и веденія тайной развѣдки, требующихъ постоянныхъ скрытныхъ сношеній съ агентами. Лишь при особо благоприятныхъ условіяхъ, какъ напримѣръ въ Вѣнѣ, тайная развѣдка, подъ непосредственнымъ руководствомъ военного агента, могла принять характеръ сколько нибудь прочной организаціи. Въ другихъ государствахъ она до сихъ поръ носила случайный характеръ; и импино потому, что заинтересованнымъ государствамъ было извѣстно, что у насъ нѣтъ организованной развѣдки и что наши военные агенты въ большинствѣ случаевъ стоятъ далеко отъ этого дѣла, — случайно получаемыя ими свѣдѣнія добывались ими сравнительно безнаказанно, такъ

В. Франк. 2. 3^е.

какъ за нашими военными агентами во многихъ государствахъ былъ меньшій надзоръ, чѣмъ за военными агентами другихъ государствъ.

Если однако и у насъ всѣмъ военнымъ агентамъ будетъ вменено въ обязанность организовывать и вести тайную развѣдку, то это станетъ весьма скоро извѣстнымъ наблюдению за ними будетъ усилено и весьма вѣроятно это дѣло будетъ нарушено съ самаго начала. Единственнымъ аргументомъ въ пользу того, чтобы организація веденія тайной развѣдки возлагалась на военныхъ агентовъ, служитъ то обстоятельство, что военные агенты являются единственными компетентными, съ чисто военнотехнической точки зрѣнія, лицами на мѣстѣ для руководства этимъ труднымъ дѣломъ, требующимъ широкаго военного спеціального образованія. Поэтому, казалось бы, можно сдѣлать единственный логичный выводъ, что организація и веденіе тайной развѣдки должно быть возложено на офицера Генеральнаго Штаба, но не въ роли военного агента или вообще официального лица, а проживающаго въ любомъ городѣ данной страны, предпочтительно не въ столицѣ, и имѣющаго вполне опредѣленное явное частное занятіе.

2. Добросовѣстное исполненіе инструкціи военнымъ агентамъ и приложенныхъ къ ней программъ возлагаетъ на военныхъ агентовъ такую массу работъ въ тѣхъ государствахъ, арміи которыхъ насъ непосредственно интересуютъ / Франція, Германія, Австро-Венгрія, Турція, Румынія, Китай, Японія /, что удѣлить еще время на веденіе тайной развѣдки, требующей постоянныхъ развѣдовокъ, будетъ

невозможно безъ ущерба для всѣхъ прочихъ работъ военнаго агента.

Поэтому, въ видѣ временной мѣры, полагалось бы возможнымъ возложить организацію и веденіе тайной развѣдки на тѣхъ военныхъ агентовъ, которые состоятъ при государствахъ, имѣющихъ второстепенное военное значеніе, не обремененны непосредственной работой по изученію арміи и которые, проживая на нейтральной территоріи, могутъ вести негласную развѣдку, не подвергаясь личной опасности; къ таковымъ могутъ быть отнесены военные агенты въ Брюсселѣ, Копенгагенѣ, Швейцаріи, Римѣ, Сербіи, Болгаріи, Черногоріи, Греціи и Китаѣ / въ отношеніи Японіи /. Что же касается Германіи, Франціи, Турціи, Австро-Венгріи и Японіи, то едва ли правильно подвергать опытныхъ и полезныхъ военныхъ агентовъ опасности быть скомпрометированными и отозванными изъ за начинаній, едва ли осуществимаго, и во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ сомнительнаго въ отношеніи могущихъ получиться результатовъ. Даже въ вышеприведенныхъ второстепенныхъ государствахъ полагалось бы правильнымъ смотрѣть на порученіе военнымъ агентамъ тайной развѣдки лишь какъ на временную мѣру до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ подготовленъ кадръ офицеровъ Генеральнаго Штаба, которые, числясь помощниками начальника развѣдывательнаго дѣлопроизводства, проживали бы за границей подъ видомъ совершенно частныхъ лицъ для организаціи и руководства тайной развѣдки, а также пока не будетъ разрѣшенъ вопросъ о нѣскольکو

иной организаціи нашихъ военныхъ агентуръ.

Викторъ Смирновъ

Викторъ Смирновъ

УКАЗАНИЯ

ВОЕННЫМЪ АГЕНТАМЪ ПО ВЕДЕНІЮ НЕГЛАСНОЙ РАЗВѢДКИ.

1. Для успѣшнаго выполненія задачъ, указанныхъ въ п. 2-мъ "Инструкціи военнымъ агентамъ", а равно для обезпеченія нашей осѣдомленности о вѣроятныхъ противникахъ въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ ними, военные агенты обязаны всемірно заботиться о насажденіи заграничемъ и постоянномъ развитіи сѣти негласныхъ агентовъ, руководствуясь даннымъ каждому военному агенту по сему предмету Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба указаніями и обстановкой.

2. Военные агенты должны уделять первостепенное вниманіе руководству дѣятельностью наведенной сѣти въ мирное время и обезпеченію ея связи съ Россіей въ военное время.

3. Военные агенты обязаны безъ промедленія сообщать въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба о всѣхъ лицахъ, которые предлагаютъ свои услуги по военной развѣдкѣ или по борьбѣ съ шпіонствомъ, а также о всѣхъ поступающихъ къ нимъ предложеніяхъ.

4. Всѣмъ военнымъ агентамъ отпускается ежегодно

сумма денегъ на секретные расходы на военную развѣдку, размѣръ коихъ устанавливается ежегодно. Эти суммы расходуются военными агентами на веденіе развѣдки по своему усмотрѣнію. Ежегодно къ 1-му Февраля военные агенты обязаны представлять въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба подробный отчетъ / безъ оправдательныхъ документовъ / объ израсходованіи отпущенной суммы въ истекшемъ году и свидѣніе о состояніи суммъ къ 1-му Января новаго года.

5. Если военному агенту дѣлается предложеніе по пріобрѣтенію секретныхъ документовъ или матеріаловъ, стоимость которыхъ незначительна и можетъ быть покрываема изъ его распоряженія суммами на секретные расходы, не нарушая годоваго бюджета, то онъ, убѣдившись въ цѣнности документовъ или матеріаловъ, при увѣренности, что таковой не имѣется еще въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, можетъ пріобрѣсти его безъ предварительнаго разрѣшенія послѣдняго.

6. Въ случаѣ же предложенія особо-важныхъ матеріаловъ или документовъ, пріобрѣсти которые на ассигнованныя имъ суммы военные агенты не могутъ, они должны доносить о каждомъ такомъ предложеніи Главному Управленію Генеральнаго Штаба и дѣйствовать затѣмъ уже по указанію послѣдняго.

Секретно.

Форми діяльності штабів Барнавського та Києвського воєнних округів, а також пошуків та погонів агітаторів в Австро - Угорщині на обору свідчень в 1914 році.

1. Штаб Барнавського воєнного округу.

Більш інтенсивна діяльність штаба відноситься до I-ї половини року, то бить до початку конфлікту з Австро-Угорщиною. За цей період доставлено численні доповіді о воєнних приготуваннях названого державства, а також свідчення общего організаційного характеру.

До другої частини року відноситься лише дуже небагато доповідей про австро-угорську армію, коли не считати доставлених журналу „Воєнне відо за - границю“, союзнами матеріалами більшої, ніж в інших уже названих виданнях літературі.

З матеріалів було критичного значення за попередній рік: штабом доставлено: значення австро-угорських воєнних заходів при сосредоточенні армії в спосіб їх розвинути; воєнний план шляхів дороги; технічного устроювання військової залізничної лінії дороги; устроювання типу 1-го корпусу на воєнне відео; роль польського населення в справі війни з Росією.

Свідчення за період конфлікту були дуже цінні, так як вони дозволяли сопоставити їх з свідченнями Києвського округу та іншого воєнного агента. Результатом цього була подана картина того, що відбувалося в австрійській Галичині в смислі воєнних приготувань та напруженості населення. Необхідно, щоб столь же детально увага була звернена на воєнне відео в Галичині, як і в настоящее відео; та особливо, до моменту конфлікту, робота воєнних агентів в Галичині ступила на обору свідчень в літературі. Отже, нові розвідки штабом сподівалися та отримували доповіді, перешлюючи їх.

Журнал „Воєнне відо за - границю“ включав особливо, слідити за воєнними приготуваннями армії та пильно відслідковувати, особливо, новини.

Слідательно звертати увагу на приготування більш подробиць свідчень о галицьких укріпленнях; о провозоспособности галицьких залізничних дорог; о распределении и величині воєнного рода записок в Галичині. Из організаційних свідчень необхідно освітлювати вопросы формирования резервных и ландштурмных частей в воєнне відео та о сроках воєнної готовності воєн.

Необходимо також було детально слідити за внутрішнім станом пограничних військ та їх обученієм.

2. Штаб Києвського воєнного округу.

Також та штаб Барнавського округу, найбільш енергична розвідувальна діяльність штабу була в періоді спокійності з Австро - Угорщиною. Успішність ця така: не що та Барнавський штаб; галицьким образом відбувалося: в некоторий момент цієї діяльності за другим половиною року. Така діяльність свідчень, доставлених штабом були: отрицательні дані про укріпленнях Львова, Івано-Франківська, Ніжніє та Тернопіль; свідчення о соціальних організаціях та періодичні доповіді, проходилися та в настоящее відео, о результатах свідчень японських воєнних представителів в Галичині. Последній по промисловості, являлися свідчення воєнно - політичного характеру. Та по отрицательній стороні розвідки: та по поставленій - японським сохранили ся та та штабу Києвського воєнного округу, так як це свідчало про те, що в отношении штабу Барнавського округу.

Общая свідчення по Австро - Угорщині доставлялися в виді періодичних сподок, записаних та собі особисто не „сподок“ свідчень, а перочини їх та том же виді, так як вони навідалися из періодичної преси.

Воєнні агенти: а/ в Австро - Угорщині Подполковник Санжонич.

За отчетный рік працював тільки до початку війни, причому робота його плодотворна, а та промисловості мігся та особистості, при значительній промисловості, отличався добросовістністю та акуратністю. Свідчення о воєнних при-

готовилихся австрійцям були на столько полни, что обрешивали последние вполне определенно.

Все остальные доклады Полковника Санковича по различным организационным вопросам всегда составлялись с обстоятельностью, позволяющей судить о подробностях во всей его полноте. Такой же обстоятельностью отличался и те многочисленные своды, которые послужили главным основанием для составления указанных дилепроизводств 1-й и 2-й частой сборника Вооруженных сил Австро - Венгрии.

Кроме того Полковник Санкович оставил дилепроизводству ряд очень полезных услуг по выписке и доставлению различных карт, планов, частей даже не подлежащих оглашению; нить же вполне успешно выполнялись также все поручения всех Главных управлений Военного Министерства по сношению с лицами, предлагающими свои изобретения или по сбору различных технических сведений.

В общем, Полковник Санкович представлял собой тип образцового военного агента.

б/ в/ Сербия - Полковник Артамонов.

В течение Балканского конфликта, следя за действиями Австро - Венгрии в Боснии и Герцеговине, Полковник Артамонов давал несколько раз подробные сведения о численности и группировке австрійцев против Сербии, освещал и дополнял в своем очерке планы, получавшиеся дилепроизводством из других источников.

Долательно установить и поддерживать столь тесную связь через нашего военного агента в Сербии, с сербскими Генеральным Штабом в смысле взаимного обмена с ними сведениями по Австро - Венгрии.

Негласные агенты:

а/ 25. Независимый агент весьма осведомленный и располагающий весьма секретными очень ценными, документальными данными, который периодически доставлял, дило Годам указания, что эти агенты и были Годам; однако это был -

полковник Годам, который агент первоначально и был завербован.

Общая свіднія, военно-политического характера вообще являлись несколько заведомыми, но важными в тонз отношении, что способ компетентности подтверждали уже известные данные.

Секретные документы, полученные за отчетный год, следующие: *Kriegs Rote de bataille* 1 марта 1913 г. с особыми *Rote de bataille* для войны с Галлием, мобилизация укреплений пунктов; инструкция об этанноз службе; положение об охране железных дорог при мобилизации; положение военного времени в австро-венгерской армии; некоторые неслучайные иронические случаи войны; сведения о инженерии военных технических сооружений в Галлии.

б/ 112. Агент - развитой и полезный / бывший арестант / офицер, нинт, видимо, нинт значительную связь с Годам /.

Агент работал с большой пользой и по тронз батканского гриваса.

Сообщавшие сведения были как общего военно - политического характера, так и специально военного; иногда они доставлялись с некоторым опозданием, но большей частью были своевременны и дельны. С некоторыми сведениями свідтеть оноситься к сообщавшимся агентам данные о передвижении сосредоточения австрійцев в Галлии, о боевой готовности армии и о развитии военных и лантитических формирований и об удовлетворении чела кортсег. Данные эти по словам агента, собирались из разговоров с представителями австрійского генерального штаба, но они вряд ли документального происхождения и не охотятся с данными, нинт Годам в Главном управлении, хотя и не лишены некоторого практического.

Годам подробно агенту характеризует отношения Австро - Венгрии - к Италии, Германии и Балканским государствам.

По мнению свідтеть свіднія сообщавших агентов, свідтеть свідтеть необходимыми положениями для направления военной

развідки.

Агента доставляли свідення и по Германіи.

Удєржаніє на службі этого агента - желательное. Из сущности программы развідки - агенту предлагается ряд вопросов, с целью выяснить систему резервных соединений и планы сосредоточения армий в Галиции.

в/Зиничъ.

Доставлял ряд документальных свіденій из военнопленных оглашеніи учебниковъ, принятых въ Австро-венгерской Армии генерального штаба, а именно: курс военной географіи / пограничный районъ Австро-Венгрии и России /; организационныя свіденія по Австро-венгерской армии / устройство артиллеріи и снабженіе ее огнестрѣльными припасами; средства связи; санитарная и ветеринарная служба; устройство мѣд. и обозовъ /; дисциплина Корпуса; служба конныхъ вѣстовъ въ военное отношеніи.

Из связи съ Балканскими конфликтами, вероятно доставлены сокращенныя свіденія о передвиженіи II-го корпуса из Галиции, давая некоторыя данныя по организационнымъ передвиженіямъ въ военное время.

в/З 127.

Видно, работать можно, но что сѣхъ поръ ограничивается лишь свободными /небольшо дано съ ознакомленіем/ военнопленными свіденіями, каковыя изъ газетъ выдавалъ имъ за раздѣломъ сношенія съ офицерами своихъ полковъ по галицкимъ и т.п., либо лично свободныхъ, свѣдѣтельствующихъ о неполномъ знаніи свѣдѣній агента съ совершеннымъ состояніемъ армій. За то донесенія полны беззастѣнчивыхъ обмановъ на будущее время. Свѣдѣнія о мобилизаціи и передвиженіи даются не хотѣлъ полковъ въ районъ сосредоточенія именно по своей несостоятельности.

в/З 115.

Гарантирована та же ^{была} в/З 127

Изъ настоящее время сдѣлана послѣдняя попытка заставить обманъ агентовъ работать востановкой ряда частныхъ задачъ, раздѣленію которыхъ требуетъ дѣятельная работа, а не

использованіе газетныхъ.

в/З 120 и 121.

Для агента, работавшаго лишь во время Балканскаго кризиса дали рядъ незначительныхъ свѣдѣній о ходѣ военныхъ приготовленій Австро-Венгрии и отъ Россіи.

в/З 127.

Работать на германскомъ фронтѣ. По Австро-Венгрии доставляла интересныя данныя какъ германскаго генеральнаго штаба о свѣдѣніи ^{вѣдомости} военно-географическихъ свѣдѣній на общій планъ дѣятельности австрійцевъ.

в/З 107.

По малому количеству и по незначительнымъ и разрозненнымъ свѣдѣніямъ /объ увольненіи резервистовъ, мобилиз. и о численности войскъ, а также о началѣ работъ по укрѣпленію Россіи и Германіи / трудно судить о качествахъ агента. Видно интеллигентнаго, сдержаннаго и добросовѣстнаго.

в/В - Динь.

Будетъ, отбывающій на фронтъ военную повинность, планировалъ съ своимъ сыномъ въ Галицію, посланіемъ въ послѣднюю на раздѣлку, часть свѣдѣній, свѣдѣтельствующихъ о передвиженіи агента и о военномъ планѣ дѣла. Поступилъ рядъ /когда/ просилъ повторить командированіе его въ Галицію безусловно; однако ему были поставлены сѣтя ловчій, по которымъ свѣдѣній доставлено не было.

4. Общій командированіе въ Австро-Венгрію, для изученія военнаго лагерь /Антони Тиллманъ и Плехановъ/ представили обстоятельныя данныя, касательно интересовъ Венгрии, устройство генштаба и взаимоотношенія между военными и общей арміей.

Разнообразно, для различныхъ военныхъ агентовъ, дѣло-предоставленіемъ ставился рядъ вопросовъ, общенныхъ изъ военнаго интереса стороны Австро-венгерской арміи; подобно освѣщенію этихъ же вопросовъ свѣдѣнія и на будущее время ту программу, которой желательно придерживаться и на близкое время.

<u>Організація</u>	- Об'єднання чисел корпусів:
	Розвиток історичних /нагромадженіх/ і логістичних форм організації
	Значення кадрів для історичних форм організації
	Формування нових частин
	Збільшення штатів.
<u>Мобілізація</u>	Важке свідчення, який поняття о мобілізації
<u>и сосредоточение</u>	войск к боевой готовности и о будущих районах сосредоточения.
	В частности - те изменения по данному вопросу, которые обусловлены условиями обстановки на Балканах.
<u>Укрепление</u>	Необходимо все свідчення, имеющие для осмысления изменений, сильно «отрицательных» данных.
	Свідчення об укреплении, имеют возмущения.
<u>Сведения по</u>	Важкое свідчення, определяющее более точно процесс
<u>роизводства</u>	способностей галицийских колонизаций дожить.
<u>Возражения</u>	Важкое свідчення, крайне скудное осмысление данного
<u>ние</u>	вопроса - интересны все свідчення.

М. Антонов

1-й-1844

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ.....	5
1.1. Реорганизация центрального управления армии в рамках военных реформ 1905—1912 гг.	5
1.2. Центральный орган военной разведки: новое в организации	23
1.3. Взаимодействие военной разведки с другими ведомствами, ведущими разведывательную деятельность	58
2. ЗАРУБЕЖНЫЕ СИЛЫ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ИЗ ЧИСЛА РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ	91
2.1. Место и роль военных агентов в организации и ведении разведки.....	91
2.2. Деятельность негласных агентов из числа российских подданных.....	137
2.3. Организация зарубежных командировок с разведывательными целями.....	149
3. ОРГАНИЗАЦИЯ И ВЕДЕНИЕ РАЗВЕДКИ ШТАБАМИ ПРИГРАНИЧНЫХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ.....	175
3.1. Разведывательная деятельность штабов западных военных округов.....	175
3.2. Разведка окрестных штабов на Ближнем и Среднем Востоке.....	199
3.3. Разведывательная деятельность штабов военных округов на Дальнем Востоке.....	208
4. РЕШЕНИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКОЙ СТОЯЩИХ ПЕРЕД НЕЙ ЗАДАЧ.....	216
4.1. Привлечение иностранцев к сотрудничеству с разведкой.....	216
4.2. Руководство негласной агентурой из числа иностранцев и организация связи с ней.....	235
4.3. Подготовка разведки к действиям в предвоенный период и военное время.....	254
4.4. Добывание разведывательных сведений и материалов. Их оценка и обработка.....	267

5. СИТУАЦИЯ НА БАЛКАНАХ В 1908—1914 гг.....	284
5.1. Боснийский кризис и создание Балканского блока.....	284
5.2. Балканские войны.....	296
5.3. Балканский вопрос во второй половине 1913 г. Миссия Лимана фон Сандерса.....	307
5.4. Выстрелы в Сараево.....	317

6. РОССИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	337
6.1. Обеспечение военно-политического руководства России разведывательной информацией о вероятных противниках.....	337
6.2. Июльский кризис.....	360
11(24) июля.....	362
12(25) июля.....	369
13(26) июля.....	376
14(27) июля.....	381
15(28) июля.....	386
16(29) июля.....	393
17(30) июля.....	409
18(31) июля.....	423
19 июля (1 августа).....	431

Примечания.....	441
-----------------	-----

Биографические сведения.....	466
------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Схемы разведывательных органов и органов военного управления.....	508
---	-----

Военные и морские агенты России.....	517
--------------------------------------	-----

Архивные источники.....	525
-------------------------	-----

Серия

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ

Готовятся к изданию:

Книга III. "Военная разведка России
от Рюрика до Николая II (период
с 1914 по 1917 гг.)"

Книга IV. "От октября 1917-го до
Великой Отечественной войны".

Часть 1 (1917—1934 гг.)

Часть 2 (1935—1941 гг.)

Научное издание

М. Алексеев

Воспная разведка России от Рюрика до Николая II

Книга II

Редакторы: С.В.Бушув, Ю.В.Сизов, В.Н.Бакланов, М.И.Никитин

Художник С.В.Богачев

Компьютерный набор и верстка: Д.К.Гужаев, И.В.Становский, Е.Е.Федотова

Корректоры: О.А.Быстрова, Е.А.Шипова

Оригинал-макет подготовлен компьютерным центром
газетно-журнального объединения "Воскресенье"

Руководитель П.О.Иванов

Лицензия ЛР № 010193 от 19.02.1997 г.

Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2: 953000 - книги, брошюры

Сдано в набор 21.10.1998. Подписано в печать 16.11.1998

Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Объем 38 п.л.
Тираж 7500 экз. Заказ № 8007.

Издательский дом "Русская разведка" совместно с ТОО ИИА "Евразия+"
125805, Москва, ул. "Правды", 24.
Тел.: (095) 257-32-53, 257-30-53

Отпечатано с оригинал-макета на ГУП Смоленский полиграфический
комбинат Государственного комитета Российской Федерации по печати.
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.